БОЛЬШАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Николай Рерих
ЛИСТЫ ДНЕВНИКА
OZON.RU

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Третий том "Листов дневника" Н. К. Рериха включает очерки-письма последних лет его жизни — 1942–1947 гг. Написанные в суровые годы мировой войны и разрухи, они несут призыв к культурному единению человечества и служению Родине, учат восприятию вечного и истинного.

Тексты "Листов" воспроизводятся по материалам архива МНР, преобладающая часть которых публикуется впервые.

- Большая Рериховская Библиотека
  - Заветы высокой жизни
  - Листы дневника
    - Сказано
    - Народная Победа
    - Пути
    - Переживем
    - К будущему (24.01.1942)
    - Лига Культуры
    - Радость народа
    - Америка (06.02.1942)
    - Великолепная работа
    - Тартюф
    - Сингапур
    - За Русь!
    - Подвиг
    - Америка (28.02.1942)
    - Четверть века (07.03.1942)
    - Час Культуры
    - 24 Марта 1942
    - Красота
    - Дружество
    - Америка (10.04.1942)
    - Эфемериды
    - Человечность
    - Сложности
    - Америка (27.04.1942)
    - Переустройство мира
    - Поздно
    - Америка (09.05.1942)
    - Пандитджи
    - АРКА (29.05.1942)
    - Вперед (03.06.1942)

- Страсти
- Переоценка
- Друзья Востока
- Вибрации
- Америка (15.06.1942)
- Америка (24.06.1942)
- Семья художества
- Катакомбы
- Выдумщики
- Странности
- Проблемы
- Памятки
- Америка (22.07.1942)
- Проверка
- Америка (07.08.1942)
- Грозные дни
- Трудные дни (14.08.1942)
- Америка (24.08.1942)
- Культура! (26.08.1942)
- Четвертый год
- Осколки
- Америка (14.09.1942)
- Сколько
- Америка (25.09.1942)
- Языки
- Единение
- Америка (12.10.1942)
- Знаки
- Америка (30.10.1942)
- Истинность
- Хвосты и когти
- Америка (16.11.1942)
- Чайка
- Америка (29.11.1942)
- Америка (10.12.1942)
- Зов о Культуре
- Мера искусства
- Америка (31.12.1942)
- Великое добро
- Русскому народу
- АРКА (14.01.1943)
- В Москву (09.01.1943)
- Америка (31.01.1943)
- Слава!

- Бывальщина
- Призраки
- АРКА (18.02.1943)
- О будущем
- Шамбала
- Америка (02.03.1943)
- Ганди
- АРКА (16.03.1943)
- Гималаи
- Москва
- Очаги красоты
- Америка (05.04.1943)
- Повторения
- Радостно
- АРКА (24.04.1943)
- Свобода познания
- Герострaты
- Америка (07.05.1943)
- Огрубение
- Метеоры
- Что ж такое?
- Америка (27.05.1943)
- Служители Индии
- Посевы (06.06.1943)
- Кредо
- Дума
- Америка (24.06.1943)
- Почему?
- "Промыслы"
- Америка (14.07.1943)
- Поддельная Европа
- Америка (24.07.1943)
- Респице финем![62]
- Ярость
- Показания
- Шестая колонна
- Шептуны
- Америка (12.08.1943)
- Америка (12.08.1943)
- Жданные сроки
- Америка (26.08.1943)
- Вазари
- Победа радости
- По дружбе

- АРКА (14.09.1943)
- Крылья Победы
- Америка (30.09.1943)
- "Забытый"
- Рим
- "Новый Мир"
- Культура (14.10.1943)
- Обращение к Лиге Культуры
- "Огонь — на меня!"
- Флюгера
- Культура (28.10.1943)
- "Эволюции"
- Неблагодарность
- Древности
- Культура (14.11.1943)
- Русскому литовцу
- Случаи
- Культура (28.11.1943)
- Памятка (03.12.1943)
- Культура (06.12.1943)
- Чутье
- "Пуп земли"
- Культура (22.12.1943)
- Динозавры
- Героический реализм
- Знамя Мира (04.01.1944)
- Культура (07.01.1944)
- Добрая мысль
- Неисправимые
- Культура (21.01.1944)
- К будущему (25.01.1944)
- Летопись
- Скорей!
- А. А. Игнатьев. "Пятьдесят лет в строю"[77]
- Твердим
- Русскому сердцу
- АРКА (18.02.1944)
- Во славу
- 24 Марта (01.03.1944)
- Лонак
- АРКА (14.03.1944)
- Живем
- Борьба за Культуру
- Русь — Индия

- Дозор (07.04.1944)
- Знаменосцы
- Посылки
- Грабарь (25.04.1944)
- Старые письма
- Добрые вести
- Римский-Корсаков
- Камни проклятые
- Культура (18.05.1944)
- Рылов
- АРКА (01.06.1944)
- "Славяне"
- Культура (15.06.1944)
- Русский век
- На вышке
- Сбережем
- In India[81]
- Каменный век
- Терпите
- Отвечаю
- Спешно (01.08.1944)
- Репин
- Прекрасный путь
- Шестой год
- Срывы
- Битва
- Поспешим
- Преодолевайте
- Знамя Мира (24.09.1944)
- Скоро
- Холст
- Не болей!
- Вперед (15.10.1944)
- Подивитесь
- Ладно ли?
- Мясин
- Хорошо ли?
- Заботно
- Печаль
- Герои
- Любите Родину
- Новый Год (01.01.1945)
- Плач
- За Культуру

- "Не укради"
- Вперед (01.02.1945)
- Четверть века (07.02.1945)
- В АРКА
- "Вивите фортес"
- Светику
- Сердце
- Памятка (24.02.1945)
- Общее благо
- Болезнь лжи
- Мозаика
- Вдаль
- Вперед (24.03.1945)
- Сергиева Лавра
- Антиклеветин
- Хорошее
- Санта Фе
- Собрания
- Спешно (01.05.1945)
- Непосланное
- Напоминайте
- Корабль Культуры
- Художники
- Борис
- Грабарь (18.05.1945)
- Победа
- Жизнь
- Русский музей
- Военная тропа
- Зажигайте сердца
- Душное лето
- Русь (04.07.1945)
- Трудно (15.07.1945)
- Мир движется
- Конец войны
- В будущее
- Грабарь (03.09.1945)
- Армагеддон Культуры
- Труд
- Друзья!
- Сотрудники
- Смятение
- Сотрудница
- Знамя Мира (24.10.1945)

- Круги
- Доплывем
- Индия
- Грабарю (24.11.1945)
- Дела!
- Продвижение
- Русь (16.12.1945)
- Другу[106] (17.12.1945)
- Другу[107] (20.12.1945)
- Новый Год (01.01.1946)
- Радость
- Из переписки
- Трудные дни (15.01.1946)
- Из письма Зинаиды Г
- Давно
- Воины!
- Ценный памятник должен быть сохранен
- Наше Знамя
- Прага
- Памятный день
- Грозное время
- Из письма Зины
- Сокровище
- Стройка
- Пройдет
- Грабарь (16.04.1946)
- Из Шанхая
- Грабарь (апрель 1946)
- Вперед (01.05.1946)
- Дорогая наша сотрудница[118]
- В Шанхай
- АРКА (14.05.1946)
- Движение
- Вестники
- Взлеты
- Оптимизм
- Письмо
- Грабарь (20.06.1946)
- Булгаков (24.06.1946)
- Спеши
- Бабенчиков
- Новые друзья
- Странники
- Жарко

- Памятка (14.08.1946)
- Ждать и надеяться
- Грабарь (20.08.1946)
- Спешим
- Сотруднице[133] (02.09.1946)
- Шанхай (04.09.1946)
- Сад
- На дозоре
- Сеятели
- А.П.Х.[135] (18.09.1946)
- Трудовой сезон
- Ждем
- Грабарь (15.10.1946)
- Дорогая наша В.Л
- Дозор (20.10.1946)
- Другу[137] (22.10.1946)
- Грабарю (23.10.1946)
- Радоваться вам!
- Сотруднику
- Булгакову
- Дружно
- Дорогой друг Валентин Федорович[142]
- Сложно
- Грабарю (07.12.1946)
- Новый Год (15.12.1946)
- Сотруднице[147] (16.12.1946)
- Друзьям (23.12.1946)
- Новое
- Весточка
- Опять труд
- Грабарю (20.01.1947)
- Дозор (01.02.1947)
- Сотруднице[150] (01.02.1947)
- Булгаков (14.02.1947)
- Странно
- Грабарь (17.02.1947)
- Шанхай (27.02.1947)
- Март
- Благодушно
- Культура, где ты?
- Грабарь (24.03.1947)
- В Москву (28.03.1947)
- Трудно (01.04.1947)
- А.П.Х. (02.04.1947)

- Грабарь (02.04.1947)
- М.М.Л.[162]
- Торнадо
- Сотруднице (19.04.1947)
- Грабарь (28.04.1947)
- Вперед (01.05.1947)
- Грабарь (12.05.1947)
- Грустное
- Грабарь (16.05.1947)
- Аввакум (А.П.Х.)
- Радоваться
- Из переписки
- Друзьям "Знамени Мира"
- Грабарь (13.07.1947)
- Преодолеваем
- Украина
- Монгольская песня
- Дорогой друг Игорь Эммануилович
- Доплывем
- Утрясется
- Дорогой друг мой Игорь Эммануилович
- Дорогой друг В.Ф
- Друзьям[169] (18.10.1947)
- Родные наши[170]

○ Листы без даты

- Подделки
- Судьба
- Собиратели
- И так бывало
- Театр
- Битва
- "А вор так ни в чем и не виноват?"
- Служители
- Народная Академия
- Жуть
- Финляндия
- Югославия
- Мир всему живущему
- Несказуемое
- Мистицизм
- Диковины
- Лик Индии
- Упаси!
- Оборона Культуры

        - Посевы
        - Для будущего
        - Богатство
        - Много примеров
        - Преодоления
        - Особенное
        - Культура
        - Тернии пути
        - Сказка
        - Quaerens quern devoret[182]
        - Славный уход
        - Рущиц — Вроблевский
        - Возражения
        - Верь — не верь
    - Листы, не вошедшие во II том
        - Сила народа
        - Первое мая
        - Америка (07.12.1941)
        - Именной указатель
        - Указатель географических названий
        - Алфавитный указатель очерков
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

Большая Рериховская Библиотека
Николай Рерих
Листы дневника
III том (1942–1947)

Заветы высокой жизни

С выходом третьего тома "Листов дневника" Н. К. Рериха состоялась первая полная публикация главной части его литературного наследия.

Обширная подборка предлагаемых читателю очерков-писем охватывает период с 1942-го по 1947-й год. Запечатленная в них масштабная картина мира развернута на историческом рубеже победоносного перелома второй мировой войны "в подвиге Земли русской", преодоления разрухи в условиях нарастающей западной русофобии и укрепления пресловутого "железного занавеса", в преддверии новой — "холодной войны" и углубления общего кризиса мировой цивилизации.

В калейдоскопе отображенных Н. К. Рерихом событий середины века и последних лет его жизни четко прослеживается ведущее начало — стремление обозначить, высветить пути к человеческому единению и содружеству. Главными из них для мыслителя и художника, основателя многих просветительных, научных и общественных учреждений и начинаний в мире неизменно были неотложность "всемирного дела Культуры" и служение Родине.

Идея сближения народов на почве Культуры пронизывает многие дневниковые страницы:

"События доказали, — пишет Николай Константинович в очерке "Друзья", — насколько необходим человечеству щит Культуры… Сколько придушенной злобы, засахаренной ненависти, жалкого безумия! Сколько иссушающего горя! Армагеддон войны кончен, теперь — Армагеддон Культуры"[1].

"Чего только не пересмотрели за всю жизнь! — продолжает он в очерке "Сложно". — Сколько войн и каких свирепых! Сколько рушений империй!.. Помним все перевороты, куда же еще переворачиваться? Остается строиться, творить, преуспевать в великом сотрудничестве"[2].

Из очерка в очерк напоминает, повторяет, твердит он "неприменённые истины": мир зарождается в человеческом сердце, но оно может "преисполниться доверием лишь через Культуру"; культурная связь "воздвигнет сотрудничество народов, даст содружество, отепляющее сердца"[3]. Как бы открывая новый, глубинный смысл и значимость этих жизненных основ, автор просто подводит к пониманию, что они пока живут в нас неосознанными; вовсе не гром пушек, а "рычание сердец" является признаком войны.

Грусти и горечи исполнены продиктованные безумием мира

записи, доверительные и дружеские его послания: "Ох, как далеко народам до Культуры. Пока что они на степени хлеба и зрелищ"[4]; "Отчего сейчас так трудно? Не оттого ли, что человечество задвигалось из одной пещеры в другую?"[5] Откликаясь на происходящее, он заносит в дневник приметы времени, без которых история нашей сложной эпохи, пожалуй, не может обойтись до сих пор:

Человек — "венец природы" — озверел… Доллар царит и запечатывает совесть… Вредительство — во всех оперениях… Единственно, в чем преуспело человечество — в цивилизации преступлений. Забыли о самом необходимом для эволюции — о человечности…

"Еще некая война неизбежна, — предрекает Рерих, — война знания против невежества"[6].

В грозные годы написания "Листов" Рерих жил и творил в Гималаях, в неустанном "дозоре", "на вышке". Поэтому совершенно естественно и почти буквально воспринимаются его зовы к далеким корреспондентам — близким сотрудникам обратить свои "взоры ввысь", к вершинам духовной Культуры. Колесница последней, верил он, задвигается молодыми силами, молодым мышлением. И напутствовал молодежь: "Искусство жизни пусть будет самым высоким"[7].

Полем его деятельности на ниве Культуры был весь мир, но духом и сердцем он был устремлен к родным местам, в Россию — страну, которая в безмерных страданиях и лишениях приняла на себя, по словам Елены Ивановны Рерих, бремя искания истины за всех и для всех.

Военной зимой 1942-го, вслушиваясь в доносившуюся в Гималаи на прерывистых радиоволнах тревожную информацию с Родины, Николай Константинович восхищенно отмечает, что воины перед ликом опасности стремятся "не только сразить врага, но и восполнить свое познавание"[8]. А такая устремленность к знанию есть верный путь к победе.

В каждодневном, часто безымянном подвиге преодоления на военном и хозяйственном фронте раскрывался, рос потенциал народного духа — культурой сердца и самоотречения всегда строилась и держалась Россия. И когда "молния русского подвига" осветила мир, он, всей жизнью вобравший в себя пути и судьбы страны, мог сказать: "Мы всегда знали, на какую высоту взойдет народ русский"[9]; "Если где оскудела Культура, то поможет тогда русский подвиг"[10].

Знание о том, какие "сокровища захоронены в скрынях народных", огонь веры в предначертанную этому народу судьбу зажигают в нем желание непосредственно приложить силы на

широком культурном поприще, приобщиться к общей восстановительной работе "после всех зверских немецких разрушений". Мы готовы потрудиться вместе, писал он Грабарю, — "клич кликните!"

В письме к брату Борису — все о том же: "Покуда есть сила, хотелось бы приложить ее на пользу родной земли. Знание, опытность, любовь к славной Родине — все это надо дать туда, где оно будет особенно полезно"[11]. Однако развернуть задуманную им эволюционно-просветительскую работу в стране, управляемой "суженными сознаниями", задернувшей "железный занавес" и закрывшей путь в нее зарубежным деятелям русской культуры, было не суждено.

Драматически щемящие строки "Листов дневника" полны нарастающего стремления, томления деятельного духа, пронзительного ожидания, надежд…

На его подоконнике — открытый компас. Стрелка неизменно тянет к Северу. А там — Родина. "Пишу ли, читаю ли, глаз вскидывается за путеводной стрелкою… И невозможно убрать эту стрелку — она зовет, она напоминает. Кажется, и без нее помним, но она как символ зова"[12].

Он торопит будто остановившееся в почтовых сношениях время: мало осталось "могикан, потрудившихся для русийской Культуры"… Досадует, что так нужные на Родине философские, научные и художественные труды семьи продолжают оставаться недоступными, за ее пределами. Мечтает, что преграды во взаимоотношениях должны исчезнуть, "общечеловеческое естество должно превозмочь зубчатые заборы ненависти"[13]. Ищет "хоть какую-нибудь логику в происходящем", когда, расширяя круг общественных связей, пишет в Кремль, в Комитет по делам искусств, Академию наук и т. д., и все — "как в подушку". Ему кажется, что письма вместо почтового ящика летят в пропасть… "Иногда так ждешь, точно бы сила ожидания подгонит посылку"[14].

Он умел идти сквозь боль, не меняя курса, пронзая устремлением тьму, разворачивая все новые возможности…

Очертившие высокий жизненный путь художника-гуманиста публикуемые "Листы дневника" несут отзвук величия духа их Автора. Неосуществленное в атмосфере непонимания, наветов, равнодушия и запретов его стремление донести вверенное духовное богатство в "сужденную страну" реализуется через полвека после сборов его на Родину.

Изложенную в представленном литературном наследии широкую просветительскую программу вбирает лаконичный завет: "Всякое переустройство начните словом "Культура"…

Ведите неоспоримую линию Культуры — под этим знаком пройдете"[15].

С. А. Пономаренко

Листы дневника

Сказано

"Лучше войско баранов под предводительством льва, нежели войско львов под водительством барана". (Римская пословица).

"Невежество — корень всех зол". (Буддийский завет).

Муфтий обоих миров Кемаль-паша-задэ — да будет священна его тайна — изрек:

"Дух святого может руководить в обоих мирах.
Не говори: он умер, и что пользы от него.
Дух — меч бога, а тело — ножны.
Он совершает еще более высокие дела, когда
освобождается от ножен".

"Никогда не сообщай твоим друзьям того, о чем не должны знать твои враги". (Восточная Мудрость).

"Война — самая зверская из глупостей". (Леонардо да Винчи).

"Нынешний цивилизованный мир знает цену всему и не видит ценности ни в чем". (Оскар Уайльд).

"Мы любим земную жизнь потому, что мы не знаем другой". (Еврипид).

"Если твой спутник крив, то и ты поджимай глаз". (Монголия).

"Ничто так не ужасно, как невежество в действии". (Гете).

"Кто хочет понять поэта, должен вступить в его область". (Гете).

"Кто открывает школу, тот закрывает тюрьму". (Виктор Гюго).

"Воины, воины — мы называем себя. Мы сражаемся за благородную добродетель, за высокое стремление, за высшую мудрость, за то мы зовем себя воинами". (Ангутара Никайя).

"Слушать клевету — проклятие, но не возразить на нее — еще хуже". (Овидий).

"Спросите в соседней деревне, что случилось в вашей собственной". (Татары).

"На конце факела — тьма". (Татары).

"Кто говорят, те не знают. Кто знает, тот не говорит". (Китай).

"Кто из колодца наблюдает небо, тот немного увидит". (Китай).

"Когда люди в дружбе, даже вода сладка". (Китай).

"Собаки лают, караван идет". (Аравия).

"Они болтают. Что болтают они? Пусть себе болтают". (Шотландия).

"Под лежачий камень вода не течет". (Русь).

"На всех путях ко мне встречу тебя". (Бхагавад Гита[16]).

1 Января 1942 г.

Публикуется впервые

Народная Победа

Среди победных известий значительно звучат и культурные голоса. Вот географ-профессор рассказывает, как войсковые части зовут ученых приехать на фронт. Встречают их, как жданных братьев, и внимательно слушают воины научные сообщения. На очереди самого профессора еще одиннадцать таких докладов. Видано ли раньше, чтобы войска звали ученых на фронт, чтобы ждали слово науки и восторженно радовались ей!

У других народов войска увеселяются песенками из кабаре. Там нужны легкие певицы и танцовщицы. Но русский народ и в окопах, в блиндажах ждет научное слово, а песни полны героических порывов. Не только всколыхнулся народ русский, он вырос в сознании своем, и такое достижение уже неизменно.

Народ негодует, когда враги оскверняют Ясную Поляну или дом Чайковского, или музей Римского-Корсакова, или могилу Шевченко, или храм Новгорода. Народ осознал, где его культурные сокровища. И это знание уже нерушимо. Мало ли что бывало в прошлом: "Быль молодцу не укор!" Но теперь, в трудную годину, когда идет война народная, священная война, народ поднялся на ступень Культуры. На такую ступень, которая завоевывается лишь сердцем насторожившимся, воспрявшим.

В своем яром устремлении народ может мыслить о будущем. В нем не будут растрачены никакие достижения. Все ладное, творческое, строительное будет любовно обережено. Сотрудничество не по приказу, а по сердечному осознанию вознесет все отрасли труда.

Вспоминаю, как на Иртыше, в поездах, в гостиницах приходила молодежь и настойчиво хотела знать. Для них после дневной работы ничего не стоило бодрствовать до петухов, слушать, спрашивать, допытываться, желать знать. И вот воины перед ликом опасности стремятся не только сразить врага, но и восполнить свое познавание. Такая устремленность к знанию есть верный путь победы. Народ будет знать, народ преуспеет, народ сложит ступени светлого будущего.

8 Января 1942 г.

Публикуется впервые

Пути

Спрашиваете, как мы уживались со стариками. Ведь они бывали "старые, злые и опытные". Были особые причины наших долготерпении. Ведь эти старики были ниточками со многим замечательным. Как же ради того и не претерпеть? Да и не все же злые! Были и добрейшие. Хороша их бывальщина — только слушай.

Тот знал Гоголя — самого живого или Брюллова или Александра Иванова. Тот был приятелем Островского или Глинки. Они знавали Мусоргского, Чайковского. Они дружили с Достоевским, Тургеневым. Деду при Бородине было двенадцать лет, а братья его уже были кавалергардами и были в битве. На наших глазах был Менделеев, Ключевский, Кавелин, Костомаров, Стасов, Владимир Соловьев. Неповторимо все это.

Тут около были Бородин, Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов. Ездили к Толстому, к самому Льву Николаевичу. "Пусть выше руль держит, тогда доплывет". Кто же так скажет о "Гонце"? Все это неповторимо. С нами были Куинджи, Репин, Суриков, а потом Врубель, Горький, Андреев. Крепкие связи с русской Культурой. Кто-то рассказывал о Пирогове, о Сеченове… Все это были живые нити. Старик Колзаков говорил о собирателях Строгановых. Еще появлялся бело-серебряный Милютин. Чуть ли ни к пушкинским памяткам тянулись нити очевидцев.

Странно, но все это самое старое особенно легко укладывалось с самым новым. Всякие ближайшие занозы стирались и выступало лишь самое неоспоримое, значительное. Вот возвышенный поэт А. А. Голенищев-Кутузов толкует о Мусоргском, об Алексее Толстом. Вот Д. В. Григорович красочно оценивает своих современников. Вот М. К. Тенишева вспоминает о Тургеневе и Рубинштейне. Вот Бородин стоит у колонны зала дворянского собрания. Целая мозаика Культуры. Тургенев знал Пушкина, а Пушкин знал Державина — вон куда вехи пошли. Все эти имена сейчас живут в памяти русского народа. Берегутся дома-музеи. Вспоминаются и те деятели, имена которых почему-то временно были под спудом. Очередь истории не всегда понятна людям, но не ржавеет все совершенное.

Русская Культура, выношенная в русском сердце, уже оценена всем миром, но и эта оценка еще не достаточна. Тютчев ласково улыбнулся:

"Умом Россию не обнять,
Ее аршином не измерить.
У ней совсем иная стать.

В Россию можно только верить"[17].
14 Января 1942 г.
Н. К. Рерих "Из литературного наследия". М., 1974.

Переживем

Жалуетесь на то, что наши культурные общества нарушились, что Лига Культуры, едва народившись, умерла, музеи разгромлены, издательства исчезли, всякие сношения пресеклись… О чем говорить, когда идет такое неслыханное переустройство мира!

Как говорить о нашем французском Обществе в Париже, когда самый Париж, сама Франция в разоре. Поминать ли об американских грабительствах, когда Америка в войне и самовольство Розенфельда и его присных в апогее? Где тут Бельгия или Югославия? Какая такая сейчас академия в Загребе? Поминать ли еще раз о разгромах в Латвии и Литве? Из Китая и из Швеции письма возвращаются. Из Португалии почта идет три месяца. Пути нет в Швейцарию. Замолчала Австрия. Замолчала Австралия.

Все это — внешность, и с нею нужно примириться. Но внутренние показания говорят о жизнеспособности зерен Культуры. То протолкнется весточка из Аргентины, то из С. Луи, то каким-то чудом из Болгарии. Из Новой Зеландии приглашают на конгресс реконструкции. (Конечно, это было 10 ноября). Везде не ржавеет. Пусть — без титулов и названий, пусть — в утеснении и в нужде, но смысл посеянного зерна не исчезает. Местами именно теперь, среди Армагеддона, надобность культурной связи и взаимоподдержки осознается особенно насущно.

Потому не сетуйте, но зорко следите за совершающимися переломами, спусками и всходами. Не держитесь за внешность. Не слушайте голоса сомнения и шатания. Зовы о Культуре не умирают. Как радиоволны не имеют границ, так и мысль в пространстве не исчезнет. Бывшая внешность — ни к чему, лишь бы смысл сохранился.

Вы жалеете, что Знамя Мира, Знамя-охранитель Культурных ценностей не было повсюду принято, что люди не домекнулись о внутреннем значении договора о Культуре. И об этом не жалуйтесь. Поверьте, что напоминания о своевременности такого договора вошли глубоко. Постоянно слышим в самых нежданных углах ссылки на все наши зовы. Переживем, а правда не ржавеет.

20 Января 1942 г.

Публикуется впервые

К будущему (24.01.1942)

Общество культурных сношений. Оно собирает в себе все, чем жив дух народа. Не холодно-официальными отношениями, но душевными зовами связано оно со всем миром, со всеми народами, мыслящими о Культуре. Безгранична Культура с ее постоянными достижениями. Также свободна и деятельность Общества, стоящего живым звеном со всем преуспевающим.

Члены Общества — истинные друзья прогресса, не связанные ни суевериями, ни предрассудками, никакими лукаво измысленными ограничениями. Они — добрые вестники знания и человечности. Они умеют нести радость искусства. Нет таких захудалых островов, где бы неуместна была эта светлая радость. Повелительно могут стучаться вестники, гонцы этой радости. Они знают, какие ценные дары приносят они. Как врачи спешат к болеющим анемией духа. Такая убийственная эпидемия обнаруживается не только в дальних окраинах. Она найдется в самых кичливых центрах.

Там могут пренебрежительно сказать вестнику: "О чем тревожитесь? Университеты, музеи, театры имеются. Происходят всякие съезды, конгрессы, чего же более?". Каждому приходилось слышать подобные тупо-самомнительные суждения. По счастью, зубры уже редкость. Можно надеяться, что и тигры и носороги станут редки. Если зубр не понимает значения культурных сношений, то и не пытайтесь его разуверять. Он — вымирающий тип.

А вот среди молодежи найдете таких, кто сразу, без всяких предисловий, поймет зов о Культуре и пойдет радостно к действенному сотрудничеству. Много таких молодых среди русского народа. Само Общество культурных сношений образовалось в Москве. Опять же именно русский народ преуспел и в деле расцветания Культуры. Побывавший в Москве Антони Иден говорит о фанатическом патриотизме, им там встреченном. Истинная несломимая оборона Родины и ее культурных сокровищ есть залог мощного движения Культуры. Там, где яро живет такое светлое устремление, там и препоны становятся возможностями.

24 Января 1942 г.

Публикуется впервые

Лига Культуры

Спрашиваете об уставе нашей Лиги Культуры. Основные положения следующие:

Всемирная Лига Культуры есть кооперативное объединение научных, художественных, промышленных, финансовых и прочих учреждений, обществ и личностей, работающих в пределах культурных путей.

Организации, общества и другие коллективы вступают в Лигу на автономных началах, не теряя ни своей индивидуальности, ни наименования, но для взаимопомощи в различных сферах общения.

Все организации, вступившие в Лигу по своему избранию, посылают представителя в Совет Лиги. Таковые Советы Лиги имеются в каждой стране и могут, в случае надобности, выделять из своего состава комиссии по специальным вопросам.

Председатели Отделов Лиги образуют из себя Верховный Совет под председательством Верховного Президента. Председатели Отделов сносятся или через Верховного Президента или непосредственно, но препровождая копию сношения в секретариат В[ерховного] Президента.

Для обсуждения вопросов общего значения могут быть созываемы общие или частичные конвенции, на которые могут быть приглашаемы по постановлению местного Совета и Учреждения и лица, не вошедшие в Лигу, но могущие оказать помощь делу Культуры своими познаниями.

Выступления Лиги могут быть или совершенно самостоятельны или в кооперации с одним из вошедших в Лигу Учреждений. В последнем случае в объявлениях помещаются кооперативно оба действующие Учреждения. Во всяком случае, Лига есть начало способствующее и ни в коем случае не препятствующее и не стесняющее.

Верховный Совет Лиги или собирается по приглашению Президента или сносится (за дальностью расстояний) между собою письменно о всех мероприятиях во имя и на процветание Культуры как основы человеческого прогресса.

Сейчас в громах Армагеддона все умолкло. Посмотрим в будущее.

1 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Радость народа

Отказаться от собственности совсем не трудно. Кичливое, жадное "я" заменяется сотрудническим "мы". "Мое" непрочно, а "наше" уже устойчивее. Живем, как в гостинице, где никто не допытывается, кому принадлежат вещи. Во временном пользовании всякая движимость и недвижимость. Не унести ее за пределы земные.

Все это ясно, но вот как же быть с собирательством? Сколько раз доводилось говорить о красоте собирательства, о развитии народного вкуса, о Культуре, растущей творчеством всего народа. Как же все это претворится, если не будет личных собирателей? Чем же заменится благородная страсть собирательства? Без меценатов не увянет ли достижение художника?

Конечно, без собирательства не прожить. Но в новом строе и оно должно преобразиться. Вместо одиночного, личного, самостного оно станет коллективным. Человек творит, собирая. Так же могут сотрудничать целые группы, и дело лишь выиграет. Что не поднять одному, то удастся сложенным силам. Может быть, таким коллективом будет и семья, если вкусы и стремления ее не противоречивы. Может быть, объединятся группы людей, и собранное достояние может кочевать среди друзей.

Нам приходилось встречаться с коллективными приобретениями, когда несколько лиц в складчину приобретали художественное произведение, и оно временно жило то у одного, то у другого сотрудника, по уговору. Получалась своеобразная жизнь произведения. Оно не застаивалось среди пресыщения, а всегда оставалось желанным гостем — светоносцем, вестником радости.

Почему радость любования должна быть скаредно личною? В коллективе она может выражаться еще сильнее. В каждом строе жизни должна быть охранена радость о творчестве. Ничем, никакими рассуждениями не замените радость. И чем больше народа прикоснется к этой нетленной радости, тем плодоноснее будет народное достижение.

Всеми мерами надо охранить радость народа. Нужно зажечь ее. И сколько маленького собирательства возможно во всех окраинах! Распространение лучших образцов народного творчества! Неисчерпаем этот источник, из него черпали лучшие творцы. Веселый, радостный коллектив бережно охранит давнишнее и новейшее достояние. "Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего". Все — для будущего. Народная война, оборона Родины возбудит ярое устремление к своим

прекрасным ценностям. Трудности преобразятся в возможности. Велико будущее народа русского, всей единой неделимой семьи народов.

4 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (06.02.1942)

С 26 Октября не было Ваших писем. Можно себе представить, что происходит и с нашими письмами. Переписка становится невозможной. Не знаешь, что дойдет, а что исчезнет. И в каких именно недрах пропадет! Письма в Китай вернулись обратно. Не знаю, дошли ли письма в Португалию. Недавно пришло письмо из Нью-Йорка от какого-то Хермана Б. С. Франссона с двумя дипломами на почетного члена научных обществ — одно в Лос-Анджелесе, а другое на Яве. Адрес Франссона — 1879 Бродвей, комната 805. Пожалуйста, поблагодарите его по телефону за добрую присылку. Я его совсем не знаю, но, может быть, он полезный человек — Вы увидите. Скажите ему, как трудна почта сейчас. Посылаю Вам мой записной листок "Подвиг". Можно напечатать где-нибудь в добром месте. Надо бы это замечательное русское слово внести в словари. Ведь биософы протолкнули в словари слово "биософия", а ведь подвиг куда важнее. Если "указ" внесен в словарь, то непереводимое понятие подвига тем более заслуживает первое место.

Что-то творится в наших разных обществах? Жив ли Конлан? Что Лукин? Даже и не вообразить, в каких положениях оказались друзья. На днях на юге Индии составилось наше Общество с очень выдающимся комитетом. Даже странно было увидеть, что и среди Армагеддона создается культурное дело, привлекшее к себе лучших людей. В Буэнос-Айресе "маленький" человек продолжает печатать мои статьи, конечно, оттиски доходят страшно медленно. А военные действия, верно, и совсем пресекут пересылку. Жизнь постепенно дорожает, вероятно, и у Вас те же обстоятельства. Как продвигается Ваш Комитет Красного Креста? Нет ли интересных встреч? Несмотря на все армагеддонные трудности, думайте о новых и молодых. Часто именно среди трудностей выявляются ценные сотрудники. Очевидно, и в С. Луи и в Лос-Анджелесе имеются хорошие друзья и такие же и в разных других городах. Когда в мире столько ненависти, то каждое дружеское явление особенно радостно. Привет друзьям! Пусть и пламя "Фламмы" не поникает. Такие пламенные зерна хранят свою жизненность. Буря пронесется, и солнце опять обогреет землю-страдалицу.

6 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Великолепная работа

Наверно, вы думаете, что речь идет о каких-то великолепных созиданиях, о красоте построений, о новых завоеваниях науки! Как бы не так! Разочаруйтесь! По армагеддонным условиям — все наоборот.

Эпитет "великолепный" уже не принадлежит к чему-то созидательному. И работа вовсе не означает нечто положительное. Местные газеты и радио пышно сообщают о "великолепной работе" ("магнифисент уорк") разрушения. Бегущее войско "великолепно" уничтожает свои же достижения. Конечно, при отступлении многое неминуемо уничтожается, ничего не поделать! Дело не в стратегических приемах, а в выражении, широко прокатившемся по всему пространству. Вчера "великолепно" взорвут свои мосты. Сегодня "великолепно" уничтожат свои пути сообщения. Завтра "великолепно" прекратят музеи. Затем можно и "великолепно" закрыть школы. Нет края таким "великолепиям".

О разрушении полезных построений следует сожалеть, но кому же придет в голову назвать великолепной разрушительную работу своих же инженеров на своей земле? Кто-то скажет, что газеты выразились неудачно, вот и все, и говорить дальше не о чем.

Так ли? Не означают ли такие "неудачные" выражения огрубение и одичание? Слова начинают применяться извращенно, а читатели и слушатели в своем смятенном мозгу запомнят о "великолепии" разрушений. Молодежь подумает, как славно разрушить культурное достижение. Ох, как накрепко влезают в мозг крикливые словечки!

Да, докатились люди до апологии разрушений. Даже не исчислить всего ущерба Культуре, совершаемого ежедневно, у всех на глазах. Половина всего уничтоженного составила бы счастье многих поколений. Расцвело бы просвещение. Нашла бы работу бедность. Не одеревенела бы молодежь, видя, как дозволено разрушение.

Мало того, для определения разрушений употребляются прекрасные слова. Можно ли сказать: "Великолепное уничтожение культурных достижений"? Вчера казалось, что такую дичь нельзя сказать, а сегодня англо-индийское радио это выкрикивает, и газеты широко напоминают людям о "великолепной работе" разрушений. Экое несчастье, что в обиход влезла такая дикость!

10 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Тартюф

Думалось, что больше не придется отвечать на вопросы о вредителе, об Александре Бенуа. Но вот и вы просите сказать вам о наших отношениях с вечно враждебным кланом Бенуа. В гимназии Мая Бенуа, Сомов и Философов были на четыре класса старше меня и высокомерили эту разницу лет.

Первый раз Бенуа накинулся на мои картины, даже не видав их, во время "Гонца". Затем он злился во время его выгона из редакторов журнала Общества Поощрения Художеств, хотя я не только не был виновен, но даже защищал его. Третий раз Бенуа вредительствовал в 1926 году в Москве, где мы оба были одновременно. Он знал, что его газетная клевета могла быть вредною, и тем не менее он давал в газеты облыжные измышления. В четвертый раз он напал на меня в 1939 году из-за монографии, изданной в Риге.

Баста! Довольно! Для меня он более не существует. Понимаю, почему его называли двуличным, Тартюфом. С моей стороны Бенуа не видел ничего враждебного. Наоборот, много раз я имел из-за него неприятности. Поссорил он меня и с московским Союзом. Много раз я чистосердечно приближался к нему ради корпоративности "Мира Искусства", и каждая моя попытка к дружественности получала от него незаслуженный вредительский отпор.

Вот и теперь, уже в Индии, я написал о нем сердечную статью, бывшую в трех газетах. Я хотел познакомить его с издательством и устроить ему заказы. По добру хотелось помочь ему, а чем он ответил!? Думалось, что члены "Мира Искусства" (а нас осталось так мало) должны держаться вместе, дружественно. Но, очевидно, такие мечты мои были неуместны.

Надеялся я, что "человек человеку — друг", а выходит: "человек человеку — волк". Недаром римский мир сложил эту поговорку! Сам Макар на себя шишки набросал. "Неудавшийся талант", "нерусский художник", "пристрастный критик" — всякие такие эпитеты, видно, недаром сложились про Бенуа. Я сделал все, что мог, для улучшения отношений. "Ты сам захотел, Жорж Данден!" "Не верьте Бенуа", — предупреждала меня Тенишева, а она знала его тартюфную природу. Шут с ним!

15 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Сингапур

Сингапур сдался. Первоклассная крепость не могла продержаться и неделю. В плен отдались шестьдесят две тысячи войска. Гонконг тоже устоял всего одну неделю. Что же это значит?

Порт-Артур держался одиннадцать месяцев при недостроенных укреплениях, при блокаде большого флота адмирала Того. Стесселя еще судили за эту сдачу. Верден держался год (до конца войны), и под ним полег миллион германцев. Теперь же большие крепости, сильно вооруженные, выдерживают одну, только одну неделю!

Москва, однако, не сдалась и выдержала натиски всей германской армии, перед которой поникла вся Европа. Дюнкерк останется в истории как гибель огромных армий, а Москва все же устояла. Но что же случилось в Сингапуре, чтобы он пал в несколько дней? Был и флот, и морской и воздушный, было вооружение, был путь на Яву, и гарнизон был куда больше, чем в Порт-Артуре. Наверно, имелись опреснители.

Крепостью этою гордились, писали о ее неприступности. Называли ее ключом к Востоку и вратами в Индию. Значит, знали значение Сингапура и вооружили его всеми силами. И вдруг неслыханное поражение и такое молниеносное! Гарнизон не был истреблен, ибо сдалось шестьдесят две тысячи. Вовсе не вся японская армия атаковала Сингапур. Многие силы японские требовались в различных местах. Крепостного снаряжения, видимо, было достаточно. Связь с другими островами не нарушалась. И вдруг все воинство сдалось, да еще безусловно, на волю победителя.

Не великий вояка был Стессель, но все же держался почти год. А положение Порт-Артура было вовсе не такое выгодное. Неужели дух войска был настолько иной? Теперь так и посыпало! Вчера заняли Суматру, сегодня высадились на Яве. Подлинно, что Сингапур был ключом, но — к чему? И что такое откроется подобными ключами?

Радио полно выдержками из газет. Какое смятение! А ведь это лишь дозволенные цитаты. Что же еще пишется и говорится? Вспоминается Кут-Эль-Амара из прошлой войны, но все-таки это было не в таких потрясающих размерах, как сейчас. Давно Сингапур поминался как знаменательная веха, и вот пришла она, показалась во всю невиданную величину!

17 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

За Русь!

В бомбейском журнале четырнадцатого Февраля — русский номер. Сколько замечательных снимков и военных и народных! В тексте сказано о великих строительных достижениях, временно прерванных войною. Небывалый доселе великан-танк, грозный новый самолет! Ученые, едущие в Сибирь на новую работу! Веселая шахтерка! Врачебная помощь. Все всколыхнулось, поднялся народ.

На обертке журнала славный старик и молодец, сын его. Надпись: "За Русь, мой сын!" Такие победят. Елена Ивановна хочет обрамить этот снимок. Такие славные русские люди живы. Они ведь там превозмогают и улыбаются.

Отрадно, что напоказ всему миру можно дать лики таких героев. Не напыщены они, не загордились, и нет имен их. Просто русские люди — и какие здоровые, какие светлые, несломимые! Увидать бы их.

Конечно, все мы, каждый по-своему, творим русское дело. На любом месте земли можно принести пользу Родине, оборонить ее от всего зла. Но, по-человечески, хочется быть безотлагательно с ними, там, где можно приложить полностью все знание, весь опыт.

Вчера профессор Варсонофьева говорила, что победит тот, чей дух крепче. Напоминала о светлом и темном началах. Утверждала, что русский народ будет там, где Свет. Хотелось бы встретиться и с этим ученым-геологом, знающим о ценности духа. Хотелось бы привезти ей маленький гималайский кристалл, который присутствовал при ее добрых зовах.

Явилась мысль издать в пользу Русского Красного Креста книгу — ряд очерков за последние годы. Четыре главы: 1. Гималайские света. 2. Россика. 3. Мир через Культуру. 4. Новая Эра.

Пусть братья-индусы, сыны великой Индии, еще и еще раз помнят о Руси, о братских народах.

В далеком Кочине появился мой очерк: "Святой Сергий — Покровитель Руси". Светлый Наставник Народа Русского — в третий раз на бранном дозоре. "За Русь, сын мой!" За Народ Русский — через все препоны! Хочется послать туда самое ласковое, самое сердечное слово. И в тягостях они там улыбаются и встают, как встал Илья Муромец. "За Русь!"

19 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Подвиг

В оксфордский словарь вошло несколько русских слов, получивших право иноземное. Так, включены "указ" и "совет". Следует прибавить еще одно непереводимое многозначительное русское слово "подвиг".

Странно, но ни в одном европейском языке не имеется равнозначащего понятия. Говорят, что по-тибетски есть нечто близкое. Может быть, среди шестидесяти тысяч китайских знаков тоже имеется что-то подобное, но европейские языки не знают этого исконного, показательного русского выражения. Все труды геройства не дают полного понимания вечно движущегося, все совершенствующегося русского подвига.

Героическое деяние — нет, не то. Доблесть — не вместит. Самоотречение — опять не то. Преуспеяние — опять не то. Достижение — совсем иное, ибо в нем скрыто завершение, а подвиг не знает ограничений. Соберите на многих языках все лучшие слова преуспеяния, и все они не покроют краткое и полное русское понятие "подвиг". И как прекрасно это слово, — не сдвиг, но именно подвиг!

В непрестанном, неутомимом служении добру творится великое преуспеяние, давшее вечно славных русских подвижников. Без шумихи слагается великое русское делание. Все — вперед и вперед. Все — во благо человечества. Среди забытых понятий особенно пострадала человечность. Случилось безобразие, и человеки забыли о человечности. Вместо нее — разрушение, оскорбление, умаление. Но именно подвиг не разрушает, не оскорбляет, не хулит и не хаит.

Подвиг созидает, собирает благо, движет добро, совершенствует жизнь, учит именно человечности. Разве не чудесно, что именно русский народ породил это светлое, преуспевающее понятие? Великую ношу возлагает на себя подвижник. Берет он ее добровольно. В таком добровольстве заключена любовь не о себе, но о ближнем, ради которого по всем каменистым путям идет подвижник. Труженик он!

Он знает ценность труда. Он чует красоту делания и в ней, в трудовом поту, улыбается содружнику. Добротворчество, содружество, помощь всему угнетенному живет в подвижнике.

Не только в великих наставниках народных проявлен подвиг. Подвижников много. Все они трудятся, вечно учатся и двигают просвещение. В подвиге — движение, зоркость, терпение и знание, знание, знание!

Если иностранные словари обогатились словами "указ" и

"совет", то прежде всего они должны вместить чудесное русское слово "подвиг".

"Волнением весь расцвеченный мальчик принес весть благую, о том, что пойдут все на гору.

О сдвиге народа велели сказать. Добрая весть, но, мой милый маленький вестник, скорей слово одно замени.

Когда ты дальше пойдешь, ты назовешь твою светлую новость не сдвигом, но скажешь ты: подвиг!"

24 февраля 1942 г.

Вариант очерка опубликован в сборнике "Н. К. Рерих. Зажигайте сердца". М., 1975

Америка (28.02.1942)

Дошли Ваши письма от восьмого и пятнадцатого Декабря. Значит, Ноябрьские письма пропали. Конечно, теперь Вы не пишете, какой именно дорогой посылать — это надо предоставить самой почте. Очень хорошо, что "Либерти" поддерживает связь с фламмистами[18]. Показательно, что появился новый спрос на открытки и книги. Ведь у Катрин было много книг и маленькой монографии. Поддерживайте все эти новые, добрые отношения. Показательны и вредительские мерзости Коненковых, о которых Вы сообщаете. Наверно, находятся порядочные люди, которые говорят правду и сурово осаживают вредителей, подобно тому, как Сторк осадил черную в Филадельфии.

Каждый выпад есть лишь повод к сильнейшему отпору. Невозможно предположить, чтобы в большой стране клеветничество преобладало над правдой. Есть же честные люди. Конфуций говорил: "За добро — добром, а за зло — по справедливости". Прислали нам ноябрьский "Студио". Там мой "Половецкий стан" и добрая заметка. Может быть, Вы это видели в нью-йоркском издании. Почта стала совсем плоха. Как жаль, что в Вашем краснокрестном Комитете такие неуместные трения. Даже в самом полезном деле оказываются вредители. Преоборите всякие такие препоны. Воображаем, сколько у Вас забот в связи с новыми обстоятельствами. Тем стыднее всяким клеветникам вроде Коненковых, которые даже несмотря на Армагеддон все-таки продолжают свои мерзкие подкопы. Можно лишь удивляться такой некультурности и аморальности. Надо надеяться, что культурные люди распознают эту бездну тьмы. Жаль, что именно молодые сейчас вынуждены временно отдаляться от областей искусства. Пусть их огонь не заглохнет. Попробуем послать Вам еще открыток, но у Вас пока еще должны быть. Жаль, жаль что нельзя еще достать монографию Конлана, и здесь на нее спрос! Но по нынешним делам об этом и думать нечего! Хорошо, что в "Либерти" чуют, что мы о них часто сердечно думаем. А что происходит в стане грабителей? Прислушивайтесь! Любопытно Ваше сообщение о Плауте. Дал ли он Вам письменное удостоверение о тех бумагах, которые он Вам не вернул. Ведь оно может очень потребоваться. Получилась Ваша общая телеграмма ко дню рождения Е.И. Даже и скорая, телеграмма была в пути четыре дня! Спасибо Вам всем, милые родные.

28 февраля 1942 г.

Публикуется впервые

Четверть века (07.03.1942)

Война все перевернула. Вся жизнь изменилась. Только в условиях скоротечного быта люди иногда не чуют, насколько все кругом и загорелось и замерзло, а то и просто провалилось.

В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные и научные работы будут закончены. С 1936-го начались письма, запросы. Г.Г.Ш. извещал, что Суриц предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское Общество писало Верховному Совету о Пакте. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей. Незаметно подошли армагеддонные времена. Удивительно оглянуться на обвалы и всякие мировые перестановки.

Переписка прекратилась. Множество людей показались несуществующими. Надо думать, что и это мираж, и друзья где-то и как-то все же существуют, но физически они неосязаемы. Сколько писем осталось без ответа! И как догадаться, в какой пучине они опочили? Может быть, даже не вышли за пределы Индии? Ведь мы союзники, но как сие понимаемо? Вот почта стала еще отвратительнее. А сказать друзьям так много!

Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много, где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Не на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам.

И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих? Велики нахождения Елены Ивановны. Ее записи найдут живой отклик в сердцах искателей-мыслителей. Разве для чужих? И "Александр Невский", и "Ярослав", и "Святогор", и "Микула", и "Настасья Микулишна" прошли по Индии и останутся во славу народа русского. И "Сергий Радонежский", и "Древний Новгород" и "Нередица", и "Открываем врата", и "Вестник" — все напомнит о братском народе, о неделимой, дружной великой семье народов. Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения.

7 марта 1942 г.

Публикуется впервые

Час Культуры

Сегодня ушел последний снег около дома. Жаль! В серебряном покрове долина торжественнее. Правда, нынче на вершинах снега много. Правда, и в весеннем цветении долина пышна и прекрасна. Абрикосы уже разукрасились бело-розовым. Примулы и фиалки запестрели. Внизу зеленые поля расцветились горчицею. Еще не жарко, а все же жаль зиму.

Экватор нас не прельстил. Малайя, Филиппины, Бирма — вся изумрудная зелень и заросли, и заводья, и парная несменная жара не для нас. Впрочем, и все местные жители жалуются и к жаре не льнут. И днем и ночью та же обессиливающая жаркая духота. И нет смены зимы и лета.

Все это не для нас, русских. Помню, как в Мадуре выдалась такая безвоздушная ночь, что мы унеслись с первым северным поездом и бросили приготовленные приемы. Конечно, и в Бенаресе бывало малым лучше, но все же ближе к Гималаям. Пропала бы Индия без них. Голубые горы недостаточны. Только вечные ледники и непревзойденные вершины дают равновесие зною равнин.

Хочется привезти для нашей Академии Наук здешний гербарий и орнитологическое собрание. Удастся ли? Хотелось отвезти русскому народу картины: "Ярослав", "Александр Невский", "Открываем врата", "Шамбале Даик", "Снегурочка", "Чаша герою", "Новая земля", "Лао-Тзе", "Армагеддон", "Брамапутра", "Гималаи"… Хотелось, а вышло, что они остались в музеях Индии. Конечно, и здесь действуют во благо, но хотелось их отвезти туда, к своим.

Когда мы были в Москве летом 1926-го, сколько ищущих, отзывчивых молодых людей приходило! Это было уже молодое, новое поколение. Выросли они в новых условиях, но истинные ценности ими были осознаны. Не было в них поверхностного американизма, не было напыщенности. И любили они потолковать, но не отвлеченно, а действенно, жизненно. Уже в средних летах эти незримые друзья. Живы ли среди всех смятений и потрясений? Успели ли передать следующему поколению, чем пылал дух их? А может быть, и увидимся.

В конце концов, отчего письма не доходят? Даже дружественные страны недосягаемы. Люди привыкают к анормальностям, не замечая, насколько все это далеко от Культуры. Были "дни Культуры", а теперь и "час Культуры" невозможен.

12 марта 1942 г.

Публикуется впервые

24 Марта 1942

Привет Вам, дорогие друзья, к памятному дню! Особенно помним о Вас всех сегодня и шлем мысли бодрости. За это время с Января писем от Вас не было. Неудивительно, ведь даже здешние местные посылки исчезают. Только что ощутили пропажу двух пакетов с юга Индии. Давно ли к памятному дню можно было обменяться приветами со всею Европою, Америкой, Китаем, Явою, а теперь даже и с Австралией и с Новой Зеландией путь затруднен и удлинен. Недавно проскочило запоздалое письмо из Китая. Из него видно, как жгуче ожидался ответ, но он уже был невозможен. Даже пространственно не дойдет мысль, ибо пространство воюет и сотрясается противоречиями. О делах не пишем. Вы сами знаете, как чутко нужно прислушиваться. И среди самых трудных часов могут быть значительные встречи. Дела Культуры всегда неотложны. Был у меня очерк "Помощь". Говорилось об искусстве помощи во всех ее видах. Именно уменье помочь есть великое искусство. В нем явлено творчество-добротворчество. Трудные события не раз соберут Вас вместе. Особенно будет оценено дружеское, сердечное слово. Поверх материальной помощи стоит помощь сердечная. И в этом саду вырастают самые редкие и ценные цветы. Наверно, Вы продолжаете Вашу полезную работу в краснокрестных организациях. Вы превозможете всякие вредительства. Пусть и эти препятствия создадут новые возможности. Терпение, терпимость ведут к человечности, а ведь люди сейчас именно нуждаются в человечности. Заносчивая механическая цивилизация забыла о самом необходимом для эволюции — о человечности. Тем более нужно спешно твердить об этой простейшей основе. Шатается жизнь от всяких вредительств. Многие даже не понимают эту разрушительную вредоносность. Тем более дозорные блага должны быть на страже. Помогайте, помогайте добрым советом; смотрите глазом добрым и не покиньте доброту сердца. С Вами наши мысли о бодрости, о преуспеянии. Да будет Вам хорошо! Сердцем с Вами.

Публикуется впервые

Красота

"А мы верим, что у искусства собственная, цельная, органическая жизнь и, следовательно, основные и неизменимые законы для этой жизни… Искусство есть такая же потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете. Человек жаждет ее, находит и принимает красоту без всяких условий, а так потому только, что она красота, и с благоговением преклоняется перед нею, не спрашивая, к чему она полезна и что можно на нее купить. И может быть, в этом-то и заключается величайшая тайна художественного творчества, что образ красоты, созданный им, становится тотчас кумиром без всяких условий. А почему он становится кумиром? Потому что потребность красоты развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, то есть когда наиболее живет, потому что человек наиболее живет именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добивается; тогда в нем и проявляется наиболее естественное желание всего гармонического, спокойствия, а в красоте есть и гармония и спокойствие.

Но все-таки искусство тогда только будет верно человеку, когда не будет стеснять его свободу развития.

И потому первое дело: не стеснять искусство разными целями, не приписывать ему законов, не сбивать его с толку, потому что у него и без того много подводных камней, много соблазнов и уклонений, неразлучных с исторической жизнью человека. Чем свободнее будет оно развиваться, тем нормальнее разовьется, тем скорее найдет настоящий и полезный свой путь. А так как интерес и цель его одна с целями человека, которому оно служит и с которым соединено нераздельно, то чем свободнее будет его развитие, тем более пользы принесет оно человечеству.

Поймите же нас: мы именно желаем, чтобы искусство всегда соответствовало целям человека, не разрознивалось с его интересами, и если мы и желаем наибольшей свободы искусству, то именно веруя в то, что чем свободнее оно в своем развитии, тем полезнее оно человеческим интересам. Нельзя предписывать искусству целей и симпатий. К чему предписывать, к чему сомневаться в нем, когда оно, нормально развитое, и без ваших предписаний, по закону природы, не может идти вразлад потребностям человеческим? Оно не потеряется и не собьется с дороги. Оно всегда было верно действительности и всегда шло

наряду с развитием и прогрессом в человеке. Идеал красоты, нормальности у здорового общества не может погибнуть; и потому оставьте искусство на своей дороге и доверьтесь тому, что оно с нее не собьется. Если и собьется, то тотчас же воротится назад, откликнется на первую же потребность человека. Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве — всегдашняя потребность красоты и высшего идеала ее. Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит, есть и потребность здоровья, нормы, а следственно тем самым гарантировано и высшее развитие этого народа".

Достоевский так сказал. Можно ли сейчас говорить о красоте, о прекрасном? И можно и должно. Через все бури человечество пристанет к этому берегу. В грозе и молнии оно научится почитать прекрасное. Без красоты не построятся новые оплоты и твердыни. "Красота спасет мир".

31 марта 1942 г.

Публикуется впервые

Дружество

Жаль, что в Индии нет оперного театра. Среди взаимных ознакомлений нужно бы дать в Индии несколько русских опер. Будут оценены "Снегурочка", "Царь Салтан", "Золотой Петушок", "Руслан и Людмила", "Садко"… Прежде всего доходчива будет "Снегурочка". Лель — то же Кришна Лила. Снегурочка и Купава — Гопи[19]. Царь Берендей будет близок. Праздник Солнца всем ведом. Островский сумел затронуть лад утонченный и возвышенный. Но и перевод текста должен быть хорош. Очарование сказки нужно сохранить. Где тот, кто в состоянии отобразить в чужом языке певучесть русского слова?

Нужно, нужно и здесь показать полностью русское художество, глубину души народа русского. Оценен будет Римский-Корсаков. В широком размахе надо открыть ворота искусства. Только на этом пути вырастает истинное братство народов.

В песне — душа народа. Самые лучшие, самые исконные лады не стареют. Народ хочет возвысить сознание свое в истоках искусства. Творчество часто налаживается под песню. Труд освящен песнею. И друзья народа хотят знать пути прекрасные, на которых складывался облик сердечный и доброжелательный.

В свою очередь, Индия имеет столько показать на Москве. И постановки из Махабхараты[20], и драмы Калидаса, и диалоги Асвагоши, и многие танцы, и театр из сокровищницы Тагора — мало ли что! Дружество должно быть питаемо. Все или растет и множится или тускнеет и отсыхает. Ведь и вековая мудрость должна облекаться в новые формы. Об этом хорошо говорит Пандит Неру — наследник Ганди. Индия проходит великие дни. Святослав пишет портрет Неру.

И русский народ получает огненное озарение. Много трудов везде. Опасности учат новым достижениям. Отмирают некие народы и на смену им крепнут и закаляются молодые силы. В духовной молодости выживут и преодолеют испытания. Ковка меча, которым срубят иссохшие, отжившие ветки. Истоки человечества темны.

Заносчивое предубеждение гордится достижениями, но мало что основательно ведомо. Ученые с трудом различают древность глубоких периодов. Путаются в тысячелетиях, а где же миллионы лет? В них-то что? Гордились находкою "пекинского человека", но ведь это лишь в пределах ста тысяч лет! Тем ценнее глубокие связи народов не сказуемые, но ощутимые. Каждый росток исконного дружества нужно хранить во имя будущего

сотрудничества. Хранить, беречь, растить.

Санскрит и русский язык, сколько в них общего!

6 апреля 1942 г.

"Из литературного наследия"

Америка (10.04.1942)

Дошло письмо Зины[21] от 12–16 Февраля. Получены Вами наши письма от Октября до начала Декабря. Радовались доброму тону письма Зины — да, именно в трудные дни бодрость особенно ценна. Будет же время, когда и из Америки придет письмо без грустных вестей. Должно же наступить и такое время. Грустно, что Зине пришлось уйти из краснокрестного Комитета. Неужели К., сам же пригласивший, не мог создать приемлемых условий для работы? Казалось бы, они должны ценить опытность и рвение. Уже немало для них было сделано, да и время ли заниматься бытовыми гадостями? Не разгонять, но собирать воедино нужно все дельные элементы. Да будет стыдно вредителям! Они не лучше грабителей и убийц, ибо убивают энергию, основу жизни. Но где же, где же те, кто не боится сказать правду? Если страны подпадут под вредительский гангстеризм, то какой же труднейший путь их ожидает!

Вы пишете, что Радо усматривает исполнение пророчеств. Еще бы не увидать то, что во всем мире проявилось так грозно. Не удивляемся, что Рок оказалась в грабительском стане. Только слепые это не чуяли. Конечно, в руках Редфильда достаточно доказательств о Корпорации и, надо надеяться, он использует их лучше, нежели Плаут. Ведь за шеры[22] деньги брали! При случае и декларация пригодится — ведь она же была восстановлена Советом. Неужели Вам опять доведется услышать о таинственных телефонах, о подкупах, о лжесвидетельствах и прочих вредительских мерзостях! Да что говорить, Вы все это отлично знаете. К тому же и в Вашем меморандуме все это отмечено. Как нужен такой суммарный меморандум!

Привет Филадельфии, радуемся, если у них все ладно. Не удивляемся, что в Санта Фе трудно. Это место маленькое и оживает лишь летом временно. Начиналось одно, а теперь вылилось в нечто совсем иное. Храните основы. Никакие вредительства их не опрокинут. Привет всем друзьям. Пусть растет их список. Почта все ухудшается, даже телеграммы долго идут, но и их в газетах просили, по возможности, не посылать. Хотели мы издать книгу в пользу Р. Кр. Креста[23], но цены на все так велики, что пришлось отказаться. Сметы непомерны, и в результате пользы не произойдет.

10 апреля 1942 г.

Публикуется впервые

Эфемериды

Вспыхивают, будто случайно, а потом вдруг выплывают со смыслом. В Лондоне, когда мы жили в Карлтоне, напротив через улицу были две вывески. Одна "Крук и Крук", другая "Ковард и Ковард". В Антверпене в отеле какой-то американец грубо шумел, не хотел принимать бельгийские деньги и требовал настоящие деньги, "рил моней ин долларе енд центе". В Шербурге мимо поезда трижды прошел типичный старый нищий и все в том же направлении. В Нью-Йорке на пристани надписи по-английски и по-еврейски. Других языков не существует. В Финляндии надписи на многих языках, кроме русского. В Милане мощи показывают по разному тарифу. По дешевке — просто, за дорогую плату — торжественно. Ох, сребро и злато! В Киеве, в Лавре дюжий диакон выкрикивал: "Всего полтинник, а наверно спасетесь". Сами слышали. В Каире, в стене мечети, французское ядро; не забудут показать. В Пекине около изображения Будды распивочная лавочка. Пустые бутылки на коленях статуи. В Хотане предлагали: "Зачем нанимать прислугу, лучше купите барышню". В Манди невесты расцениваются по весу, за толщину и цена велика. У пирамид проводник тут же в песке поднимает фальшивые зеленые монеты. Чего только нет!

Но бывают и добрые эфемериды. Немало их. Молодежь на Иртыше на пароходе пытливо слушает и задает хорошие вопросы. Каждый может собрать все доброе, увиденное глазом добрым. Как нужно хранить это качество доброго глаза! Даже там, где оно потенциально живо, его необходимо раскрыть и воспитать. По нынешним временам пора вспомнить, что воспитание есть часть учебы, есть ее главная часть. Иначе к чему приложить физические знания? Как понять нужность биологических нравственных познавании? Лучшие человеческие мысли, порожденные реальною жизнью, могут показаться неприложимыми мечтаниями.

Мало ли эфемерид будто бы бессмысленных и случайных, но которые напомнят об уродствах жизни. В медицинских музеях много чего непривлекательного, но и такие гримасы жизни спасут многих от невежества. Именно невежество, самое затаенное, самое заядлое уродует человеческий быт. Невежество не только в безграмотности. Знаем и невежественных грамотеев.

12 апреля 1942 г.

Публикуется впервые

Человечность

Красный Крест велик не только человеколюбием. Он велик и в своей международности. Так же и Красный Крест Культуры значителен не только действенным охранением культурных сокровищ, но также и своею международностью. Все, в чем живет международность, иначе говоря, человечность, должно быть оберегаемо среди мировых бурь.

Каждая черточка, нанесенная в пользу общечеловеческих общений, должна быть охранена со всею любовью и добротою. Нити возможных взаимопониманий обычно тонки до незримости. Но там, где они уже различаемы, они должны быть укреплены. Даже единомыслящие в основе часто наклеивают себе разноцветные ярлыки и мечтают лишь обособиться. А ведь трудовое единение бывает так близко — стоит лишь поступиться двумя-тремя предубеждениями и привычками.

В дни Армагеддона, в часы особенных разобщении следует мыслить обо всем, в чем еще живет возможность общения и человечности. Но спросите прохожего, что есть человечность? Скорее всего он убежит в ужасе, примет вас за безумного. А может быть, попросту и не сумеет ответить, что такое человечность. Можно ли о ней на улице спрашивать? Нечто сперва дошло до труизма, а потом стерлось, забылось, стало ненужным в теперешнем строе жизни.

В пути не раз встречалась улыбка человечности. Вспыхивает она, как радушный огонек в пустыне. Даже свирепые голоки[24] не тронут путника, забредшего к их костру. Если проявится человечность, то и обиды не будет. Колючее слово не скажется. Путник не будет обобран и изгнан от костра во тьму звериной ночи.

О человечности столько писалось! Она заслужила аптечный ярлык "гуманизма". Облекся в скучную серую тогу гуманизм. Уже не заговорите о нем в "приличном" обществе. Заседания, посвященные гуманизму, напоминают похоронные собрания. Кисло-сладки речи, и ждется минута, когда прилично уйти.

Но ведь человечность есть светлая радость, есть раскрытие сердца, есть праздник души. Радостный человек добрее, доходчивее, отзывчивее. Чем же порадовать людей вне их самости, вне зависти, вне ненавистничества?

Во все времена, даже и в самые трудные, должны же быть радости общечеловеческие. Должны же быть зовы всепроникающие. Неужели зов о человечности погребен, как злейший труизм?! А детям-то как нужна радость, иначе еще

разучатся радоваться. Бывают же в городских трущобах детишки, никогда не видавшие цветов!

20 апреля 1942 г.

Публикуется впервые

Сложности

Удивляетесь, отчего вместо писем от нас пошли лишь краткие телеграммы. Мы узнали, что письма наши не только вскрываются и читаются, но сие проделывает невежественный местный полицейский. Узнав о таком читателе, пропадает желание оповещать его о душевных чувствованиях.

И к нам письма приходят в изорванных конвертах. Еще на днях письмо из Калимпонга (около Дарджилинга) шло к нам сорок шесть дней. Значит, валялось по всем порогам. Такое безобразие отвратит от всякого писания. Вот пропали с юга Индии две посылки с журнальными оттисками. Пробовали жаловаться, ничего не вышло — нам сказали, что везде так.

Прежде писатель частенько жаловался, что "говорю, как в подушку", а теперь даже не хочется нести письмо на почту. Испоганят, изорвут! Да и кто? Безграмотный невежда! Прежде считали нас большевиками, а теперь уж не знаю, за кого принимают. Впрочем, вообще скоро всякие сношения прекратятся — на моторах не поедешь! Не пришлось бы завести верблюдов или слонов. Может быть, даже шутка о верблюде или слоне уже недопустима. Какие символы заподозрят?!

Спрашиваете, где появляются статьи? В самых неожиданных газетах — то на Малабаре, то на Цейлоне, то в Калькутте, то в Буэнос-Айресе. А многие, вероятно, и вообще не доходят. Все еще усложняется, и конца краю не видно. Вероятно, друзья в разных странах имеют о нашем быте самое странное представление. Каждый мыслит по-своему, от своих обстоятельств. Конечно, есть и такие, для которых хотя бы почтовые трудности не существуют. Кто-то думает, что почта остается вне всяких потрясений.

Сложно зрелище — бедняга-радиодиктор, врущий всемирно по приказу. Наняли и велели громко оповещать, хотя бы и самую наглую ложь. Знает диктор, где вранье, и все же должен доложить человечеству вральграмоту. А через два дня тем же убедительным тоном докажет обратное. Жаль этих бедных наймитов.

Вдруг поверх всяких сложностей, поверх всемирного вранья и джаза и завываний встают в памяти пустынные ночные колокола каравана. Из-за далеких барханов складывается мудро подобранный лад колоколов. Ширится, выявляется во всем величии пустыни и вновь уплывает в зовущую даль. Сердце больно ждет гимн кораблей пустыни.

24 апреля 1942 г.

"Из литературного наследия"

Америка (27.04.1942)

Дошли письма Зины от 31 Января и 23 Февраля — все вразброд! Идея Американо-Русской Культурной Ассоциации очень полезна, если только такая осуществима. После того, что Вы писали о русском краснокрестном Комитете, невольно закрадывается подозрение, как бы и тут не втерлись смутьяны и вредители. Впрочем, Вам на месте виднее, сколько именно сил подойдет и удастся ли их удержать от взаимопожирания. Идея знака Дедлея интересна, может быть, проще ограничиться четырьмя буквами: АРКА — они звучат хорошо. Вероятно, Вам понадобятся сношения с Обществом Культурной связи в Москве. Кто там теперь председатель, не знаю, но Вы можете узнать в посольстве. В свое время я давал Москову программу Русского Института в Америке (при нашем Мастер Институте). Наверно, у Вас имеется она. Правильно, что Вы требуете от Рок все бумаги. Вообще, зорко смотрите, чтобы не попасть в западню. Грабители не дремлют, а теперь, должно быть, совсем распоясались. Зорко смотрите. Печально, что Куд. оказался слабым, а ведь именно он-то знал справедливое решение судьи О'Маллей. Кроме всего прочего, грабители, вероятно, опасаются, что их "покровитель" будет затронут и потому избегают процесса. Когда же, наконец, все мерзости окончатся?! И когда могут зазвучать добрые вести!

Вы поминаете несколько новых друзей. Кто они? Откуда и как подошли? Кто вокруг них? Вот Вы говорите о весьма культурной лингвистке. Где она работает? В каком кругу? Ведь каждый культурный работник источает вокруг себя полезную энергию. Он умеет заохотить, увлечь молодежь к преуспеяниям. Тут уже проявится человечность, та самая, которая сейчас так нужна и так зверски забита. Много унижаем нынче Красный Крест, а все же имеется в Женеве его пристанище, и среди бед люди все-таки обращаются туда. Вот так же уже мог бы быть и Красный Крест Культуры. Сколько разрушений нанесла злоба, но, по счастью, семена добра не исчезают. Где взойдут? Кого озарят? Нам ли судить? Знает ли сеятель, где будет лучший росток?!

Разнообразие выявляется в действии. Действуйте! Помните из Бхагавад Гиты: "На всех путях ко мне встречу тебя". Мы все трудимся. Каждый по-своему. Друзьям передайте наш ласковый привет. Будьте бодры, будьте зорки, терпеливы, неустанны.

27 апреля 1942 г.

Публикуется впервые

Переустройство мира

Во Францию не напишешь. В которую Францию? В какую Францию? Каким французам? Как драгоценная ваза в черепках. А давно ли в Комитете Общества были Говэн, редактор "Деба", маркиз д'Андиньи, председатель муниципального совета, министры Бонфус и Марэн, председатель салона Шабас, профессор Академии Дропси, издатель Пейронне — сколько разнообразных деятелей! Кто умер, кого унесли волны событий. Шауб Кох не может въехать во Францию. Кон-лан — в плену. В какую-то бездну провалилась Франция. Поминаю о ней для примера.

Многое так же точно провалилось. Кто бы мог думать, что британские аэропланы будут разрушать тихий Брюгге? А там германцы повреждали Ясную Поляну. Когда-то португальские ядра обезображивали Элефанту; теперь, вероятно, японские снаряды могут порушить Боробудур или что-либо подобное. Настолько все провалилось, что и сказать-то о Культуре и нигде и некому. Дело не в том, чтобы бесцельно возмущаться вандализмами, но в том, чтобы где-то укрепить брежение о значении Прекрасного.

Говорят, что за сдачу Филиппин Америка уже поставила статую генералу Макартуру. О таком "памятнике" невозможно говорить. Разве только помянуть, чтобы кто-то не подумал, что наши друзья участвовали в таком "памятнике". Видали истуканов — китайских генералов из темной бронзы с золотыми огромными эполетами и звездами. Суть не в памятнике, а в том, что он является показателем мышления. Неудачному вояке поспешат воздвигнуть памятник, а от культурных начинаний отмахнутся.

И еще удивительно! Под вражескими ядрами комиссия американских жителей собирается строить фабрики в Индии. Это теперь-то, когда и нефть и уголь на исходе! Но, пожалуй, чей-то карман и без угля потолстеет. Много лихоимства под сурдинку происходит. Переустройство мира!

Вчера в Коканде была отличная женская конференция, а сегодня там взрыв бомб. Вчера читали пророчества Гуру Говинда с недоверием, а сегодня удивляются их исполнению. А ведь им триста лет. Вчера смеялись над Нострадамусом, а сегодня в самых серьезных журналах цитируют его прозрения. Прямо столпотворение вавилонское! Все смешалось. С одной стороны, технократия, а с другой — Бхагавад Гита. При переустройстве дома много чего переносится, переставляется, а при целом-то мире! Утешайтесь тем, что происходит переустройство всего

мира. Утешайтесь тем, что народ русский неутомимо преуспевает. Русский народ мыслит словами русского гения:

"В надежде славы и добра Гляжу вперед я без боязни".

1 мая 1942 г.

Публикуется впервые

Поздно

"Гражданский и военный вестник". Суббота, 2 мая 1942 г.

Обращение об охране древних памятников

"Любой Договор с Гитлером бесполезен". Лондон, 30 апреля:

"Как показывает опыт, бесполезно вступать в какие-либо соглашения с Гитлером", — сказал заместитель премьер-министра г-н Эттли, отвечая отрицательно на вопрос г-на Хэннаха (Консервативная партия), предполагает ли премьер-министр через Международный Красный Крест или иным путем попытаться достигнуть договоренности или чего-то еще о взаимном отказе от разрушения древних памятников, не имеющих военного значения.

Г-н Эттли добавил, что Британское правительство уже проводит политику, цель которой — по возможности, не наносить ущерба таким памятникам.

Г-н Хэннах: "Не является ли нынешняя ситуация в мире самой прискорбной со времен падения Римской империи?"

Г-н Эттли: "С этим многие согласятся".

Рейтер

Теперь вспомнили об охране культурных ценностей! А когда предлагался наш Пакт об этой охране, то именно Англия отвергла его. Даже и полномочного представителя именно Англия не послала на конференцию нашего Пакта. Теперь же, когда порушились многие ценности, тогда вспомнили об охране. Откуда такая крепколобость? Впрочем, и над Красным Крестом какие-то личности глумились, и потребовалось семнадцать лет, чтобы глупцы одумались. "Лучше поздно, чем никогда!"

4 мая 1942 г.

Публикуется впервые

Перевод Н. Л. Некрасово

Америка (09.05.1942)

Пришло письмо Зины от 10 Марта. В нем много ценных сообщений. Конечно, мы не получили письма от переводчицы книги Е.И. — это еще раз доказывает, сколько писем сейчас пропадает. Наверно, Вы уже созвонились с посольством и узнали, какая именно там моя картина. Сообщите нам о последующем. По этому поводу сделается и хорошее знакомство. Полезно бы снестись с Якобсоном из Иельского Университета и, может быть, получить его лекцию о картинах. Ведь он — друг. Конечно, совершенно безразлично, в каком именно штате будет утверждена А.-Р. Культурная Ассоциация[25]. Вспоминаю, как в некоторых штатах всегда все было затруднительно, тогда как в других то же самое происходило благоприятно. Где дружественнее, там и лучше.

С почтою все труднее. Просят не затруднять телеграммами. Просят, по возможности, не ездить. С первого Мая поезда сильно сокращены, Вы, конечно, все это знаете и понимаете, во что превратилась переписка. Все же, может быть, Вам удастся нам сообщить, какая именно там картина. Жаль, что нет р. монографии. Беда, если с Рок не взяли расписку в получении бумаг. Бумаги давайте лишь под расписку, иначе все документы пропадут, а может быть, будут перепроданы грабителям. Армагеддон!

В Лондонском парламенте заговорили о сохранении исторических памятников. Запрашивают, нельзя ли что-нибудь сделать через Красный Крест? Между тем, когда мы предлагали наш Красный Крест Культуры, то именно они-то и противились ему. Хоть бы кто-нибудь им напомнил о том, что они отринули. Может быть, причина была в том, что идея исходила от русского! Теперь поздновато горевать о разбитых сокровищах. Но никогда мы не устанем защищать творения человеческого гения.

Пусть все друзья, каждый в своей области, в своей земле берегут все, чем жив дух человеческий. Никакие гримасы жизни не отвратят друзей от заботы о самом ценном. Даже и в стесненных обстоятельствах можно служить добротворчеству. О бодрости, о неустанности хочется сказать в каждом письме. Всем друзьям, и ближним и дальним, хочется послать улыбку радости. Аруна — золотое солнце. И это золото нетленно. Итак, на всех Ваших добрых путях и в трудные дни да будет Вам хорошо.

9 мая 1942 г.

Публикуется впервые

Пандитджи

Дни самые сложные. Под Харьковом наступление, русские полки продвигаются. В Бирме — плохо. Неделю у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный деятель. К нему народ тянется. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет в десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади — знамя Конгресса.

Говорили об Индо-Русской Культурной Ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной. Махараджа Индор приедет к нам через три недели. Просит, чтобы Пандитджи слетал в Америку. Четыре с половиной дня туда, столько же обратно, и там один день — на беседу. Пандитджи, конечно, не поедет. Время ли, чтобы глава движения мог отсутствовать десять дней. Да и что родится из такой поездки?! Махараджа приедет к нам через три недели.

Опять будет беседа об ИРКА[26]. Характерно, что в день приезда Пандитджи получилось отвратительное письмо от М. — против Пандитджи, с угрозами нам. Разве в тюрьме мы? Эти угрозы на всех произвели гадкое впечатление. Придется расстаться с М. — так люди сами себе и вредят.

Сегодня "Мала" — ярмарка с танцами, с богами и пестрыми толпами. Уехал сегодня Пандитджи. Все наше народонаселение вышло провожать с цветами, с добрыми пожеланиями. Добро, добро — около Пандитджи. Все чуют, что он не только большой человек, надежда Индии, но и честнейший добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни.

К доброму сердцу тянется и все доброе, естественно. Мечтают люди о справедливости и знают, что она живет около доброго сердца. Трогательно, как народ восклицает: "Да здравствует Неру!" Идет к Пандитджи народ за советом. Добрый водитель каждому найдет ободрительное слово. Скажет о единении, о выносливости, о светлом будущем.

В нынешние лукавые, истерзанные дни народ особенно чтит честное, доброе сердце, болеющее о благе народном. Все мы, все окрестные жители добром помянем приезд Пандитджи Неру. Шивам, Сатьям, Сундарам![27]

20 мая 1942 г.

Публикуется впервые

АРКА (29.05.1942)

Пришло письмо Зины от 9 Апреля. Устав АРКА мы не получили. Еще раз показательно, сколько писем не доходит! Кто председатель, секретарь и члены Комитета? Удивительно, что грабитель Хорш не гнушается присвоением трудовых сбережений служащих. Мало того, что он ограбил и Вас и нас, а теперь еще покушается на сбережения Людмилы, бывшие в его сохранении. Неужели, с точки зрения его "покровителя", и такой поступок допустим? Включите и это преступление в Ваш меморандум. Странно Ваше сведение о картине "Дела человеческие". Мы знали, что эта картина была у Трубецкой, была привезена ею в Америку и куплена Сторком. Варианта этой картины не было, и тем более странно вторичное появление ее! Не подделка ли? До нас доходили слухи о подделках, и даже назывались имена подделывателей. Разузнайте, в чем дело? Также и о картине в посольстве.

Сообщение Ваше о Кауне меня не удивило. Какой такой журнал "Новоселье", каковы его задания, кто сотрудники, каковы все обстоятельства? Кто такая заведующая? Теперь все подробности особенно нужно знать. Теперь только дошло Ваше письмо от 24 Марта, а письмо с уставом АРКА так и не дошло. Вы правы, желая начать АРКА терпеливо и делать связь с молодым поколением. Ведь для них вносим в жизнь культурные основы. Мое поч[етное] председательство возможно. Сообщайте о новых знакомствах в сфере АРКА. Вы узнаете в посольстве, с кем и через кого можно сноситься. Никто не может Вам мешать в культурных сношениях.

Американо-Русская Культурная Ассоциация должна быть приветствована всюду, где понятие Культуры не пустой звук. Вполне понятно, что наша Всемирная Лига Культуры временно замерла, ибо Армагеддон препятствует всему мировому. Но культурная связь между отдельными народами не должна пресекаться. Потом она сольется в общее русло. Ведь культурное строительство опять очнется; опять люди примутся созидать, и никто не скажет, что путь Культуры есть путь ложный. На этом пути держитесь, берегите друг друга и ободряйте малодушных. Действуйте по местным условиям, в добром качестве. Действуйте, действуйте. В действии родятся силы.

29 мая 1942 г.

Публикуется впервы

Вперед (03.06.1942)

Спрашивают, отчего многие картины не фотографированы, а другие сняты неумело? Причина — наше уединенное место. Многие картины в частных руках, другие в собраниях и в музеях махараджей, и там очень трудно, почти невозможно получить снимок, а тем более хороший, ортохроматический. Остались не снятыми "Александр Невский", "Ярослав Мудрый", "Шамбала", "Новая Земля", "Великан", последний "Армагеддон", "Сон Востока", "Героика Китая", "Слава Гималаев", "Гуру Чарака", "Сантана", "Аларм", "Гималаи". Плохо сняты "Брамапутра", "Гистасп", "Экстаз", "Снежная дева" и другие.

Иногда думается, что лучше: плохой снимок или вообще не снимать, если нельзя снять хорошо? Но все-таки полезно хоть какое-нибудь напоминание. Наивные люди спрашивают, отчего не делаете снимки в красках? Чего лучше! Но не знают вопрошатели условий нашей местной жизни. Вот теперь не только моторы прекратились, но и керосин скоро иссякнет. Остаются лишь одиночные личности, будто бы не затронутые Армагеддоном. Да и они уже затронуты, но лишь не хотят заметить. Всюду кипень! С каждым днем сложнее.

Холст уже кончился. Никакой подходящей ткани не достать. Краски уже кончаются, особенно синие. А ведь как без кобальта и ультрамарина? Кармин тоже на исходе. Белила странные, клей — подозрительный. Картоны, ранее заброшенные, теперь опять вытащены для работы. Большую картину уже не начать. Часть картин осталась в Лагоре из-за трудности перевозки.

А если придется тронуться в путь дальний — даже и не придумать, что делать с картинами и со всем скарбом. "Вещи — враги человека". Хочется подарить орнитологическую коллекцию и гербарий нашей Академии Наук, но как и когда можно будет перевезти все это? Но двигаться надо. Все знания, все накопления надо принести народу русскому. Каждое полезное зернышко надо беречь. Замерли "Урусвати", "Фламма", "Угунс", Лига Культуры, все культурные общества и содружества. Всякие военные условия их сразили. Все армагеддонно замерло. А потом как найти ростки под взорванной, отравленной землею? Все же — вперед, вперед!

3 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Страсти

Телеграмма из Индора: "Ожидаем Ваше водительство в поддержке предложения Индора в письме к Рузвельту, которое даст новую надежду политического соглашения". Рузвельт, два представителя русских и два китайца должны рассудить дело между Индией и Британией. Могут ли вмешиваться иностранцы в судьбу Индии? Она сама, только сама решит свое будущее. Слов нет, сложно оно.

Кроме неразрешимого Пакистана, уже появился Усианистан и Дравидистан и могут проявиться и всякие другие станы. Все эти призраки разделения и раздора ужасают всех мыслящих о единении. "В единении — сила". Газеты сообщают решение Ганди, чтобы каждый индус предлагал англичанам уехать домой. Вот до чего дошло!

А тут письмо из Нарымского края! Шло оно четыре месяца, прошло русскую, иранскую, британскую цензуру. Грустное письмо! Если оно могло протолкнуться через все препоны, то почему всякие другие письма исчезают? Спрашивают, не знаем ли адреса? Это мы-то, живущие на горном острове, отрезанные от всего, обездоленные всякими цензурами! Значит, не представляют себе люди истинное положение. В таком незнании одна из главных причин несчастий. Но мало того, люди сперва перебесятся, произнесут всякие проклятия, позеленеют от злобы, а потом ищут утерянный адрес. Утерять-то легко, а как потом найти?

Переполняется пространство. Оно вопит и предостерегает. Но разве слушают? Не всякую разбитую вазу можно склеить. А ведь бьют, как пьяные, как обуянные бешенством. Мумии, набитые чучела остаются позади людских шествий. Газеты сообщают, что в Америке тратятся миллионы долларов на скачках. Безумие! А между тем в Индии жалуются на безобразия американских и австралийских вояк. Безумие! Цены растут и спекуляция процветает. Безумие! Вот так потрясались самые испытанные устои.

Люди растерянно спрашивают: "А что же будет после войны? Ведь к старому не вернуться! А где оно — новое?" Если скажете о кооперации, о сотрудничестве, вам помянут о ненависти, о страхе, которые завладели миром… Конечно, кооперация на подкладке ненависти — очень плохое достижение. Дома ненависти — карточные домики. Оглянитесь на историю человечества. Одинока надпись на швейцарском льве.

10 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Переоценка

Биллионы и триллионы австрийских крон и германских марок после войны украшали пивные бутылки. Переоценка встряхнула мир. Зашатался кумир золотой. Теперь с начала своей войны за шесть месяцев Рузвельт поглотил двести биллионов долларов. Очевидно, предстоит метаморфоза доллара. Американское божество должно преобразиться, но каково будет одеяние такого преображения?

Опять переоценка! Трещит старый мир! Опять бомбили мирный Брюгге. Неужели город-музей будет разбит? А что с Парижем? Случайно мелькают вести о смертях. А где московские художники? Где Юон, Рылов, Лансере, Яремич, Билибин, Павел Кузнецов, Грабарь, Феофилактов, Сарьян, Уткин, Богаевский… Где они? Почему за все это время о них ничего не слышно? Не исчезла же вся группа?

В "Модерн Ревью" в июньском номере спрашивают по поводу дебатов в парламенте о разрушении исторических памятников, почему не применяется наш Пакт? Почему говорят о привлечении Красного Креста, когда имелся Красный Крест Культуры для защиты культурных ценностей? Почему? Об этом можно бы спросить многих членов Парламента. В Амритсаре вышла "Радость искусства". Радхакришнан правильно заметил в своем вступлении о положении искусства. Неплохо бы всяким главарям и президентам почитать и запомнить о нетленной радости человечества. Ведь немного радости осталось в мире!

Не боимся переоценок. В них — движение! Но должны они совершаться во благо человечества, вне суеверий и предрассудков. Рассказывали, что многие летчики суеверны, верят во всякие приметы. Совместима ли победа над пространством с суеверием? Вот Генри Уоллес толкует о будущем мире и демократии. Ему ли говорить о честности и мире? Его демократия не есть ли демонократия? Какой мир всего мира возможен, если во главе будут заседать демоны?

В переоценке есть освежение, есть дерзание, оно хорошо, если осознана ответственность. Но сейчас мир стонет от безответственности. Война! И потому "все можно", все допущено. И трактирный джаз заглушает стоны бредущего человечества.

"Митюха, я ведмедя поймал". "Тащи его сюда!" "Да ен не пущает".

11 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Друзья Востока

Ваше письмо пришло как раз, когда я заканчивал очерк "Терпимость" следующими словами:

"Вспомним поучительную китайскую легенду. Знаменитого художника пригласили ко двору китайского императора, чтобы он написал свою лучшую работу. Больших денег стоило путешествие художника и вознаграждение за его работу, но император — покровитель искусств — хотел получить величайший шедевр и не скупился, стараясь обеспечить ему наилучшие условия для работы. Ему отвели специальные апартаменты. Здесь проводил он день за днем в раздумьях, все уже начали беспокоиться, когда же он, наконец, начнет писать. Давно было приготовлено все необходимое, а художник как будто и не собирался браться за работу. В конце концов, когда стал приближаться срок окончания работы, решили спросить у него, как обстоят дела, но он ответил только: "Не мешайте мне". А за два дня до истечения года, он встал и уверенным движением кисти создал величайший шедевр, заметив впоследствии: "Сделать недолго, но сначала надо зрительно представить себе, что ты хочешь сделать". Казалось бы, достаточно времени прошло, чтобы человечество осознало бесполезность, низменность и убожество нетерпимости. Будем надеяться, что за многие века мы научились видеть и осознавать, какой вред она приносит. Будем надеяться, что, согласно утверждению мудрого китайского художника, "много времени уходит на то, чтобы зрительно представить, а сделать недолго".

Не правда ли, какое счастливое совпадение, что я получил Ваше письмо именно в тот момент, когда писал о трех важных принципах: китайской мудрости, правителе как покровителе искусства и стремлении к совершенству. Если бы я не писал тогда эту статью, я все равно упомянул бы эти три основополагающих момента. Могу процитировать еще и такой отрывок из "Агни-Йоги": "Древняя мудрость учит: терпение — это дар небесный". Вы, верно, читали в моей книге "Алтай-Гималаи" цитату из "Дао Дэ Цзин"[28], которая заканчивается словами: "Тот, кому свойственно Дао[29], как ребенок — его не жалят ядовитые насекомые; на него не набрасываются дикие животные; на него не нападают хищные птицы!" Великая Мудрость Дао нашла отражение и в великом искусстве Древнего Китая. Какой великолепный пример неувядающей мудрости для будущих поколений! Совершенствование качества, когда-либо уже достигнутое, всегда можно легко возобновить. Как прекрасны все

Учения Востока, раскрывающие силу души с присущим ей мощным пламенем и героизмом!

Радостно видеть, что и в наше время существуют такие великие понятия и что они могут преобразить тусклые сумерки в сияние будущего.

В "Агни Йоге" указано: "Мы все делаем и существуем только для будущего". Как прекрасно сознавать нашу огромную ответственность перед лицом будущего. Эта ответственность должна выражаться, в первую очередь, в охране великого культурного наследия. Это — тяжелая задача, но мы должны радоваться тому, что нам доверено осуществить нечто поистине значительное. Множество препятствий на этом великом Пути. Но преодолевая их, мы учимся, мы поднимаемся выше и развиваем бдительность, изобретательность и творческие способности. Во всем, от малого до великого, мы должны неустанно утверждать этот славный призыв: творите, творите, творите! Пусть этот призыв станет сильным жизненным стимулом. Воплощая в жизнь эти животворные заповеди, не будем забывать о молодом поколении, которое мы обязаны подготовить к восхождению.

Собрав таким образом все величайшие сокровища прошлого и создавая новые образы героизма, подвига и духовной красоты, укажем мы нашей молодежи, что такое истинные сокровища, в чем Великая Реальность, в чем найдет опору дух человеческий.

"Истинно, истинно, Красота — это Брахман[30]. Искусство — это Брахман. Наука — это Брахман. Вся Слава, все Великолепие, все Величие — это Брахман".

Так воскликнул индуистский святой, возвратившись из величайшего самадхи[31]. Придет новый путь красоты и мудрости.

Мы не одиноки в нашей борьбе. Великий Свами Вивекананда говорит нам: "Разве вы не видите, что я прежде всего поэт?.. Тот, у кого нет чувства красоты и величия искусства, не может быть истинно религиозным человеком… Непонимание искусства — полнейшее невежество".

Во имя Культуры шлю Вам из Гималаев самый сердечный привет!

"Осветите себя светом знания". (Оссия, 10–12).

"Человек должен стать соратником небес и земли". "Все существа питают друг друга".

"Сознание, гуманизм и мужество — три всеобщих качества, но для их воплощения необходима искренность". "Разве не существует панацея от всего сущего? Разве это не любовь к человечеству? Не делайте другому того, чего не пожелаете себе".

"Если бы человек знал, как управлять собой, разве было бы ему трудно управлять государством?"

"Невежда, гордящийся своими знаниями, ничтожество, слишком мечтающее о свободе, человек, возвращающийся к древним обычаям, подвержены неизбежным потрясениям" (Конфуций).

"В мире не стало лучше". Истинно так! Структура мира рушится. Но там, где есть паломники, там, где есть каменщики, там, где есть творцы, сама надежда превращается в прямое знание. Это знание говорит, что время не ждет. Так поспешим и не будем бояться!

11 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Перевод Н. Л. Некрасовой

Вибрации

Д-р Фредерика Бленкнер (Кливленд) произвела интересную работу, наблюдая значение вибраций в областях искусства, науки, всего связанного с космическим творчеством. О значении ритма и вибраций говорилось немало, но все эти аксиомы оставались в пределах досужих мыслей, скользящих по мозгу современных слушателей. Для них это все отвлеченности, которыми не стоит заниматься жрецам и служителям золотого кумира. Даже общепринятые волны радио не напоминают им о космичности, уловленной в "волшебном ящике".

В средние века за всякие такие "волшебства" казнили бы костром, но сейчас уже пора, чтобы мыслящий человек подумал о неразъединимости всего космоса. Единство цвета-света и звука скромно признается врачами так же, как и простая "магия" ритма. Но сейчас человечество занято выставкой "прекрасных бомб" и "великолепной работою разрушения" — так выражается радиовещание о теперешних достижениях.

Тем своевременнее работа д-ра Бленкнер. Ее "Психология эстетики" обратит внимание заблудшего человечества на истинные ценности, создающие действительный прогресс. Игра волн, узоры песков, сказка снежинок, волшебные кристаллы близки каждому художнику. Дети восхищаются узорами песчинок, танцующих под их темп. Музыкант знает великое значение ритма. Тем благодарнее будем тем, кто научно обращает внимание человечества на единство законов творчества.

Мы любим заглянуть в стратосферу, но мало признаем, как близки общие законы всему сущему, всей земной жизни. Люди любят отграничивать науку от искусства, забывая, что законы всех явлений едины. Еще робко люди толкуют об аурах, а между тем уже с древнейших времен мыслители знали смысл и мощь излучений. С древнейших времен люди знали искусство ритма, и барабан был выразителем сложных эмоций.

Пора и в наш век обогатить вибрационные эмоции и приглядеться к законам кристаллов. Дверь лаборатории должна быть ласково открыта. Сотрудничество в наблюдениях даст новые достижения. Фредерика Бленкнер затронула область, близкую всему человечеству, и мы шлем ей наш душевный привет и пожелание неустанных углублений ее прекрасного труда.

12 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (15.06.1942)

Долетело письмо Зины от 25 Апреля. Спрашиваете, как поступать? По местным условиям надо действовать. Нельзя спешить с решениями. Сейчас каждый день приносит новости. На местах виднее, что возможно. Культурная работа требует взвешивать все возможности. Где есть хотя бы малейший росток блага — там должна быть проявлена ласковость и бережность. Эти малейшие ростки блага можно разглядеть на месте. Вы пишете о вредительстве Коненковых. Это старинное прокисшее недружелюбие. Хуже будет, если бы подобные личности начали вас хвалить. Похвала врага — в степени его озлобленности. Помните очерк "Самоотвержение зла"? Враги стараются больше друзей. Ярость вражеская да будет мерилом действенности труда. Итак, действуйте по местным условиям.

Вам послана моя брошюра "Радость искусства", изданная художественным обществом в Амритсаре. Надеюсь, что дойдет. Второй экземпляр для Катрин. Джину послано. Если кому-то особенно полезно послать, напишите. Посылаю пароходным пакетом очерки — может быть, пригодятся. Но столько теряется в пути, что прямо невозможно уследить. Узнали ли, какая картина в посольстве и что за тайна около "Дел человеческих"? Может быть, Вам все-таки удастся попытаться о культурных связях. Даже крупицы таких сношений уже ценны. Может быть, через Лондон или иным путем, как Вам посоветуют. Иногда проскальзывают письма совсем неожиданные, очевидно, всюду неразбериха. Дали ли Вы Брэгдону мой листок "Незаписанная история"? Жаль, что, по-видимому, Брэгдон стареет, книга его так и не дошла, так же, как и Дельфийский журнал. Хотелось бы послать сердечные слова, но невозможно, когда знаешь, какими личностями все это будет читаться и, может быть, высмеиваться.

Вы поминаете о трудностях жизни — они везде. Тут-то и требуется обращение к основам, которые поддержат и скажут: "Благословенны препятствия, ими растем". Сердечные приветы милым друзьям — непременно скажите им, как мы любим и помним их. Уже много войн пережили мы на нашем веку и каждая чему-то научила и расширила сознание. Да будет у вас все ладно!

15 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (24.06.1942)

Сейчас получена телеграмма от Катрин о новых попытках грабителей, отвечаем: "Вследствие ненормальных условий войны дело должно быть отложено до окончания войны. Весь мир чует исключительность условий". Очевидно, что грабители хотят воспользоваться именно теперешними ненормальными условиями для завершения мрачных намерений. Остается протестовать, чтобы не оказаться в одном стане со злоумышленниками. Замечательно то, что даже сами грабители признают значение Ваших шер Корпорации, иначе они не пытались бы подсунуть Вам подачку в виде сперва 250 картин, а теперь, как видим из Вашей телеграммы, — 300 картин. Значит, происходит какая-то торговля, ибо грабители отлично понимают, что в Ваших руках большинство шер и, в конце концов, решающее положение за Вами. Корпорация была создана с единственною целью — для безопасности картин, и это обстоятельство остается нерушимым. Так же остается бесспорным, что Вы платили за приобретение этих шер. Злоумышленники приняли эту плату и тем самым признали Ваши права. Эти факты настолько очевидны, что никто не может их отрицать. Так же всякий понимает, что подобная Корпорация создается вовсе не для раздробления и уничтожения картин. Вероятно, злоумышленники хотят своими недостойными торговыми предложениями опрокинуть самую основу Корпорации, созданной для охраны и безопасности картин.

Конечно, невозможно говорить о суде, когда известно, каким насилиям подвергаются судьи. И этот произвол, очевидно, лишь нарастает. Опять начнутся таинственные приказательные телефоны, и где найдется тот смелый человек, который превозможет эти "всесильные" приказы! Вы лучше нас знаете все подробности таких обстоятельств. Да и где тот адвокат, который посмотрит в существо дела и сумеет представить правую сторону во всей ее неоспоримости. Такой адвокат должен проникнуть во всю обстановку дела, когда грабители имели в руках весь аппарат и бессовестно злоупотребляли полным доверием сотрудников и вели свой предательский захват, можно сказать, с первого же дня вступления их в дело. Сколько ими было изобретено положений и сфабриковано и подтасовано множество документов. Оглядываясь на эти систематические происки, видишь в этом целую науку зла тем более ясно, что злоумышленники торопятся воспользоваться экстраординарными условиями военного времени, чтобы под шум мирового боя завершить свои тяжкие преступления. Они

надеются, что в смятении народов их преступление потонет. Если судиться трудно, то все же необходимо протестовать.

[
фотографии:
Н. К. Рерих в Кулу [1940-е]
Н. К. Рерих и Д. Неру в Кулу. 1942
Н. К. Рерих, Ю. Н. Рерих, С. Н. Рерих [не позднее 1947]
Н. К. Рерих в Кулу [1940-е]
Н. К. Рерих, Ю. Н. Рерих, С. Н. Рерих [1940-е]
Н. К. Рерих, Девика Рани Рерих, С. Н. Рерих [1945–1947]
Е. И. Рерих в своем кабинете в Крукерти [1949–1955]
Монумент на месте кремации Н. К. Рериха в Кулу [не ранее 1948]
]

Не только судебное производство, но и всякие переговоры сейчас затруднены неслыханными современными условиями. Среди условий, требующих отложения дел на послевоенное время, немалое место занимает и следующее обстоятельство. Из Вас троих один находится на учете призыва, а другие на учете Сестер Милосердия. Обстоятельства могут потребовать и каких-то передвижений, и, во всяком случае, такие условия нельзя считать нормальными, как будто ничего и нигде не происходит. Вот теперь грабители предлагают Вам меньше трети, но, может быть, пошли бы и дальше, зная Ваше командующее положение, но в данную минуту говорится не о торговой сделке, но о принципе. Всякие переговоры о принципе, имея в виду мрачную душу злоумышленников, естественно будут длительны, в то же время весьма возможно, что Вы или кто-либо из Вас по местным условиям будет временно отсутствующим. Во время прошлой войны подобные положения принимались в соображение и были справедливо отлагаемы. Невозможно допустить, чтобы теперешние мировые положения были легче и менее сложны, чем раньше, и тем более необходимо принимать во внимание реально существующее положение. Как видите, у Вас в руках настолько неоспоримые факты, что даже злоумышленники считают необходимым торговаться с Вами, очевидно, не находя возможным игнорировать как само существование Корпорации, так и цели ее и командующее положение приобретенных Вами шер. Необходимо, чтобы остался сильный и мотивированный протест с Вашей стороны, который засвидетельствовал бы нотариально, что Вы не покончили это дело.

Не забудем, что в мире все процессы ускорились в силу космических условий; таким образом, и Космическая Справедливость не замедлит. Шаги этого переустройства уже видимы. Великое благо в том, что вы храните единение. Итак, злоумышленники свирепствуют, а сроки все ближе и ближе.

24 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Семья художества

Спрашиваете о составе семьи русского художества. Семья была разнородная. Немало французов, германцев, итальянцев приобщилось. Были поляки — Врубель, Ционглинский, Рущиц, Добужинский, Дмоховский… Армянин — Айваз (Айвазовский). Греки — Куинджи, Химона… Много евреев: Левитан, Антокольский, Гинцбург, Бродский, Зейденберг, Аскназии, Сорин, Бакст (Розенберг), Фельдман, Анисфельд, Браз, братья Бенуа, Шагал, Серов (по женской линии)… Антон Рубинштейн, Ауер — много музыкантов. Писатели — Шелом Аш Минский, Осип Дымов… Кавказец — Сарьян. Грузины, татары, тюрки, латыши, буряты, эсты, литовцы — все народности целины российской принимали участие в разных областях художества. Сожительствовали мирно.

О чем говорим? Толкуем, как легко преодолевается поганый, вредительский шовинизм. По поводу моего листка "шовинизм" один здешний педагог раздумчиво заметил: "Увы, кажется, у нас есть шовинизм". Коли кажется, то изведите скорей этого клопа или, вернее, вошь тифозную. Редактор Бомбейского Еженедельника пишет: "Провел прошлую ночь, читая "Радость искусства" с большою пользою. Надеюсь, со временем мир примет Ваши идеи и осознает, что мировые достижения красоты помогут преодолеть зло, которым сейчас мир так жестоко раздирается". Отчего "со временем", когда варварские бедствия гремят сейчас?! "Пока солнце взойдет, роса очи выест".

Другой педагог — директор колледжа замечает: "Ваш очерк — мощный призыв об истинных ценностях. Это вызов нам, "пешим педагогам", представить такие ценности умам молодежи, доказать, что будущее преодолеет механические мозги настоящего, — "потрясающая ответственность!" Тем не менее попытаемся. Ваш энтузиазм оживит наш иногда шаткий дух". О.С.Ганголи пишет: "Надеюсь, что Ваш блестящий зов принесет "Радость искусства" сердцу индусов"…

Так-то так, но все это надежды на какое-то будущее, которое должно свалиться "из голубого неба". Но ведь все творится "руками и ногами человеческими" не в заоблачных высях, а здесь, на заплеванной, загаженной, окровавленной земле! А время таково, что ни дня, ни часа отложить нельзя. "Промедление — смерти подобно". Скажут, устали люди! Но ведь "если устал — начни еще; если изнемог — начни еще и еще!!"

29 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Катакомбы

Сейчас долетело письмо Зины от 11 Мая — спешу сейчас же ответить. Письмо Зины полно тяжкими анормальными сведеньями. Если положение вещей настолько прискорбно во всех отношениях, то представляется своевременным отложить АРКА и дела на послевоенное время. К тому же Вы сообщаете, что, вероятно, Вам придется уехать из Нью-Йорка, так как Д.[32] призывается. Какие же могут быть дела, когда один призывается, другие — на учете Красного Креста и в любой момент могут получить какое-то назначение. Такие экстраординарные обстоятельства должны быть всюду приняты во внимание. Вы уже имеете письмо Е.И.[33] о деле Корпорации, потому не буду повторяться. Добавлю лишь одно, что не может быть настолько предубежденных, злонамеренных людей, которые не принимали бы во внимание таких небывалых обстоятельств. Но если они имеются, то эти люди просто преступники, во всяком случае, так назовет их будущее. Странно, что Редф[ильд] считает банду Эрнста порядочными людьми, но ведь он же знает от Вас, как те оперировали подложными документами и в то ж" время не принимали во внимание подлинных писем и доказательств. Упаси от таких "порядочных" людей! Насколько все обстоит уродливо, доказывает описанная Вами статья о какой-то неведомой нам Эми Гуро. Никогда о такой личности мы не слыхали, и можно лишь удивляться писателю, который произвольно поминает мое имя.

Конечно, в конце концов, все такие легенды — чистейшая ерунда, но при известности избежать их невозможно. Много их было и еще больше будет. Мы всегда Вам советовали действовать по местным обстоятельствам. Теперь, как Вы убеждаетесь, ближайшие соображения указывают на необходимость сокращения деятельности. Увы, культурная деятельность страдает в первую очередь. Но все же — так же, как и в первые века христианства, именно в катакомбах окрепло Учение, так и теперь Культура пробьется неожиданными и невидимыми проводами. Постоянно приходится слышать о прекращении полезных журналов здесь, и никто этому не удивляется.

Но в то же время возникают новые ячейки, которые с малыми средствами все же продолжают поддерживать культурное дело. Культура неразрывна с эволюцией. Остановите Культуру, и вы прекращаете эволюцию и, следовательно, ввергнетесь в разрушение. Разрушение музея есть разрушение страны — будем помнить это во всех смыслах. Не буду обременять цензора

длинным письмом. Когда будете читать это письмо нашим милым Катрин и Инге, то скажите им, что постоянно они в наших мыслях и живем со всеми Вами мысленно в нераздельном единении.

30 июня 1942 г.

Публикуется впервые

Выдумщики

Удивительно, как часто врут критики даже там, где им легко бы избежать этого. Сергей Маковский сообщает, что он бывал в моей мастерской в Академии Художеств, когда писалось "Сокровище ангелов", и картина эта была мною уничтожена. У меня не было мастерской в Академии Художеств, и "Сокровище ангелов" не было уничтожено. Он же сообщает, что я посещал Врубеля в Москве, в лечебнице Усольцева — не бывал там. Грабарь фантазирует о какой-то волшебной пещере, нами открытой, и многую другую небывальщину. Бенуа инсинуирует многократно. Британская Энциклопедия сообщает ложные сведения.

Вспоминается, как сетовал Достоевский на какой-то энциклопедический словарь, давший о нем заведомую ложь. Однажды меня уверяли, что мое отчество не Константинович, а Карлович, хотя это имя в нашем роду не поминается. Забавно было, когда "профессор" в Лондоне настаивал, что я вовсе не Рерих, но Адашев. Непонятно, кому потребна такая нелепая небылица? Она напоминает некую американскую газетку, напечатавшую ни с чем не сообразную клевету. Спрашивается, кому все такое нужно? Допустимы ли облыжные вредительские бредни?

Законы о клевете должны быть усилены. Иначе, по французской пословице: "Клевещите, клевещите — всегда что-нибудь останется". Правда, русская поговорка уверяет, что "брань на вороту не виснет". Но такое утешение неубедительно. Остается неразрешимым вопрос, чего ради даже умные люди лгут там, где сие не принесет им выгоды? "Для красного словца не пожалеет ни матери, ни отца" — и такая поговорка не оправдательна. Пустослов хотел выгородиться, но получился лишь еще один выверт, но не оправдание.

По какой статье закона будете преследовать лгуна? Большинство судей не поможет вам в этом. Вы должны доказать вред, вам нанесенный, а какими средствами докажете моральный вред, который горше всякого ущерба материального? Моральный ущерб подобен покушению на убийство, а может быть, и самому убийству. Пытка моральная должна быть искоренена в законодательствах так же, как пытка телесная. Но почему о теле законы более пекутся, нежели обо всем моральном, духовном? В стране Культуры будет защищено достоинство человеческое.

4 июля 1942 г.

Публикуется впервые

Странности

Полагаете, что с развитием цивилизации и все формы обихода улучшаются? Так ли? Древний быт дает поучительные примеры. Амфоры, гончарные изделия, служившие былому сельскому быту, достойны быть внесенными в музей. Разные поделки, браслеты, фибулы, перстни радуют и формулою и орнаментом. А ведь все они входили в обиход малых селений. Но внесете ли в музей керосинную банку или "венский" стул? Да что греха таить — добрая половина хваленого цивилизованного обихода не годится для сохранения.

А сколько смешных условностей! В Испании подделывали золотые монеты, чеканя их из платины и золотя. Тогда не знали, что платина окажется дороже золота. Сколько странностей! Говорят, что в Лхасу хотят проложить путь из Индии на Китай. Прощай Лхаса! Впрочем, туда пускали и немецкую экспедицию. Итальянцы допускались в Тибет. Только русским экспедициям путь туда воспрещался. Странно! Теперь даже Канада, даже Южная Африка имеют русского представителя, но Индия его не имеет. Четвертая часть мира — шестьсот миллионов русских и индусов лишены взаимного представительства. Вот так союз! Странно-престранно!

Повсюду понемногу сокращается культурная деятельность. Журналы переходят на двухмесячники или по третям или вообще отмирают. Вот после шестнадцати лет полезной работы умирает от безденежья журнал "Сколар". Он имел подписчиков и в Бирме, и в Китае, и в Малайе, и на Яве, а теперь все это обвалилось. Двенадцать лет ежемесячно шли в "Сколаре" мои статьи — накопился целый том. Теперь и эта речь замолкнет. Просят писать: "Хиндустан Ревью", "Прабудха Бхарата", "Вижен", "Писс", Индорский журнал и южноиндусские газеты. Но и до них доползет разруха. В то же время чьи-то карманы толстеют. Странно-странно — вот вам и цивилизация!

Оборона Культуры неотложна. Биллионы, триллионы — на войну! Но пусть хотя бы миллион — на Культуру. Пусть просвещение не будет загнанной статьей бюджета. Если такая странность случилась в прошлом, то пусть она не повторится в будущем. Иначе где же оно — будущее?

10 июля 1942 г.

Публикуется впервые

Проблемы

Уже говорили, что даже львиное сердце не выносит постоянного облаиванья собачьего. В Африке устраивается особая охота облаиванием. И раз и два прыгнет лев, а затем прыжки уже слабеют, и царь пустыни издыхает от оскорбительного брехания псов. Не так ли и в человеческой борьбе?

В 1920-м в Лондоне Уэллс говорил нам: "В мире может произойти такое бедствие, что простой стакан окажется редкостью". А теперь именно в Лондоне объявлена "экономическая" одежда и домашняя утварь. Ведь эти признаки указуют не только на бедствие Культуры, но даже на шатание хваленой цивилизации! Вот куда заехала человеческая лодка.

Уже не достать самого обычного холста. Приходится пользоваться обрывочками старых полотен. О больших размерах и не подумать. Почти в каждой газете: "Сейте больше овощей и хлебных злаков". Соседи шепчут: "Запасайтесь керосином — скоро и его не будет". А ведь здесь почти самое спокойное место. Что же там, где Армагеддон гремит! Р. хочет помочь, чтобы осуществилась моя книга в пользу Русского Красного Креста. Председатель Общества в Траванкоре уехал на новое место. Вероятно, и эта ячейка замрет. Все постепенно отмирает.

Культура страдает. Так-то так! Но что же делать-то? Ошибка-то в чем? Да в том, что учиться нужно. Учиться, учиться и учиться! Знать, знать и знать! Не только в начальной школе учиться, но во всей жизни. И полюбить надо эту беспредельную учебу. Не может тело жить одними мускульными марафонами. Сердце нужно, мозг нужен!

И наука должна быть достоверна, а не служить на запятках. История человечества должна писаться истинно, как она есть, а не по щучьему велению. Без познавания гуманитарного не продвинуться. Во главе все же пребудет знание, широкое, беззапретное знание.

Дети будут уважать учителя, говорящего правду, ведущего к усовершенствованию жизни. И говорили и всегда скажем, что не может быть преуспеяния, пока народ не усвоит истинного значения свободы и Культуры во всей жизни, во всем быту. Тогда и самые замысловатые проблемы разрешатся естественно. Опять придем к чудесному, непереводимому русскому слову "подвиг". Беспределен подвиг и бесстрашен подвижник. Движется он и в труде и в познании. Если где оскудела культура, то поможет тогда русский подвиг, которым росла Земля Русская.

15 июля 1942 г.

Публикуется впервые

Памятки

Криппс велит англичанам ходить в русский балет и в русскую оперу, чтобы знакомиться с русскою Культурою. Давно ли снаряжались британские и французские корпуса для похода на русских! Зубры англо-индийского правительства до сих пор болеют русофобией. Тут уж никакими балетами не поможешь. Не сказать ли примеры? Англо-саксонский и еврейский мир Америки часто чурался всего русского. Еще недавно американская толпа громила русский павильон на международной выставке! А кто в С. Луи распродал русский художественный отдел? А кто интриговал против Русского Музея? Знаем эти злохитрые извилины. Даже и балеты не помогали.

После отъезда Криппса московское радио сообщило: "С приездом этого господина интриги усилились". Так и брякнули по всему миру. Конечно, "врагов и друзей не считай". "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло". Мало ли пословиц, да и крыловские басни напомнят о многом. Некоторые из них и напечатать нельзя, еще примут за намек. Сами события разъяснят смысл земных судорог. Все переменчиво, все изменчиво. Может быть, и всегда было человечество так же изменчиво, но кажется, что это свойство точно бы умножилось.

Святослав послал Неру "Русскую историю" Вернадского, а то здесь мало фактических книг. Хочется восполнить один досадный пропуск. Вернадский поминает о Ярославне, королеве французской, но опустил, что две другие дочери Ярослава были замужем — одна за венгерским королем Андреем, а другая за скандинавским конунгом Гаральдом. Уж очень значительно такое русское проникновение! "Русская Правда", Киевская София — Нерушимая Стена всегда останутся памятками о Ярославе. Лучшие мастера стекались в Киев. Трудно судить о великолепном строительстве по разбитым осколкам. Но все же каждая весточка являет ценное нам, русским, напоминание.

Не дожил Дягилев до дня, когда "аглицкий" народ должен идти в русский балет, чтобы узнавать русскую Культуру. Много потрудился Сергей Павлович, показывая миру славные русские ценности. Много претерпевал Дягилев не только от иноземных, но и русских противодействий. Всякое бывало! Да и не бывает славного труда без темных противодействий. Если посылается "аглицкий" народ в русские балеты и оперы, чтобы учиться русской Культуре, то вспомним о том, кто проторил эту трудную дорожку на радость всего мира.

20 июля 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (22.07.1942)

Долетели Ваши письма от 24 Мая и 10 Июня. Видно, и Ваши условия жизни трудны, потому еще раз советуем действовать по местным условиям. Правильно, что с АРКА действуете осмотрительно, не торопясь. Относительно книги в пользу Русского Красного Креста главное, чтобы она не сделалась для Вас обузою. Не понимаю, в чем дело с картиною "Дела человеческие"? Наверное, Сторк подтвердит Вам, что эта картина у него от Трубецкой — запросите его. Спрашивается, откуда же такая же вторая картина? Не подделка ли? Мы видели подделки с подписью "Рерих" через "ять". Видели и картину Рущица с моей грубо подделанной подписью. Всякое бывало!

Статья Народного любопытна еще в том, что он же Вам раньше говорил о нежелании Херста помещать что-либо. Ненормальны все условия жизни, каждый это ощущает. Понимаем, что Вы на зорком дозоре, как бы грабители ни пытались во зло использовать военные условия. Какие же сейчас могут быть словопрения и решения, когда каждый из Вас может оказаться в неожиданных местах! Во всех культурных странах ненормальные военные условия принимались во внимание. Дела должны быть отложены на послевоенное время. Если не так, то Вы имеете полное право протестовать и не признавать злонамеренных попыток. О полезности вольного определения Д. очень трудно сказать, настолько все сейчас меняется. Кто бы мог думать, даже езда по железным дорогам будет нормирована карточками. Вы пишете, что и петроль и шины — все оказалось в запрете. По-видимому, это везде. Даже во всем обиходе жизнь стала ненормальной. Мы послали Вам пакет открыток. Посланный Вами чикагский журнал и новая книга от Брэгдона так и не дошли. Можно представить, сколько посылок вообще теряется. Какие же тут дела, когда мир трепещет в смятении!

Как хорошо, что у Вас такие сердечные отношения с прекрасными друзьями из "Либерти". Какие-такие неведомые друзья хотят иметь портрет? Даже и в труднейшие времена открываются добрые сердца. Срам всяким злопыхателям, которые даже среди мировых потрясений лишь думают о вредительстве. Всегда нужно мыслить во благо, а в трудные дни особенно. Всегда нужно быть в единении, а в тяжкую годину особенно. Двадцатого Июля у нас в горах выпал первый снег — необычно рано! Все теперь необычно.

22 июля 1942 г.

Публикуется впервые

Проверка

Сошлись приятели и толкуют, на чем лучше проверять уровень Культуры в странах. Один советовал разглядеть программу школ и учительский состав. Другой настаивал на уровне искусства и библиотек. Третий посылал на фабрики и в земледелие. Четвертый напоминал о состоянии отхожих мест, ибо грязь не свойственна культурному народу. Все сходились в одном, что состояние Культуры надо проверить. Уж слишком много разглагольствований о Культуре, а в то же время мир сотрясается от дикости и жестокости.

Каждый согласится с этим, пока он отнесет сие к соседу, но о своих грязных невежествах люди не допустят суждений. "Все он виноват", а у самого-то чисты ли руки и помыслы? Невероятно представить себе, что сейчас, вот сию минуту, делается на земле! Народы должны помыслить, в чем виноваты они. Должны оглянуться на свои деяния не только за десятилетия, но и за века!

Согласны, что совершается переустройство мира. Об этом говорят мило за чашкой чая. Но откуда же так сгнил земной мир, что его необходимо переустраивать?! В каких государственных недрах завелась зараза? В каком семейном быту произошли надломы? Где корень суеверия, ханжества, лицемерия и лживости? Целые экспедиции нужно послать, чтобы заняться уже не этнографией, а человечностью. Откроется, имеется ли право толковать о Культуре, если она не внесена в обиход дома? Увидим, какие книги читаются и для кого пишутся похабные историйки. Найдем, у каких очагов люди мыслят о высоких устремлениях.

Затейлива будет граница этой найденной Культуры. Часто не в роскошных хоромах раздается беседа об общем благе. Не важный чиновный люд окажется скоропомогающим в бедствиях людских. Не пастыри озаботятся о стаде.

Дикость вовсе не только там, где живут в пещерах и на деревьях и стреляют кремневыми стрелами. Дикость укрывается и во фраке, в орденах и чинах, в спорте, в джазе и в бридже. Молодые друзья, проверяйте, искореняйте гнезда дикости! Рабиндранат Тагор писал мне: "Радостно в каждой стране найти, что молодые души проявляются, имея мужество принять вызов нашего страдающего века, и безусловно служат делу нашего общего единения".

24 июля 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (07.08.1942)

Долетела Ваша весточка от 25 Июня. Эти дни были для меня очень мучительны, но, как всегда, все обошлось ладно. Поразительно, что в день моего заболевания совершенно нежданно приехал в наше место лучший лагорский врач. Без его помощи было бы плохо. Рука помогающая проявилась в час нужный. Теперь все наладилось. В письме Вашем много показательного. Сберегите добрые отношения с Гаррет — ценный, хороший человек. Передайте мой привет. Выбор статей велик. Наверное, в "Фром Химават" войдут "Гималаи", "Истинные ценности", "Цивилизация", "Оттуда", "Борьба с невежеством"… Опять-таки скажу, что сделаете все по местным условиям. Ваша мысль о Радосавлевиче хороша. Кроме того, можно дать письмо Рабиндраната Тагора — пришлю его Вам на всякий случай. Впрочем, все сие решат издатели. А если вообще ничего не выйдет, то все же останется наша добрая готовность помочь Красному Кресту.

Очень любопытно Ваше сообщение об Июльском выпуске журнала. Значит, болтовня Уол[леса] на первом месте, а слово о русском подвиге с поминанием Преподобного Сергия Радонежского — на самом последнем! Показательно! Кто такая издательница? Американка? Русская? Журнал нам пошлите, авось дойдет. Кое-что все же доходит. Кто такие новые почетные советники? Их имена нам новы. Каждое новое имя, приобщившееся к культурной работе, приносит радость. Дополняйте неутомимо списки друзей Культуры. Привет им. Правильно, что Вы не спешите с Ассоциацией. Накопляйте. Посещение и предложения Шр. прямо чудовищны, безумны. Они сводятся к тому, что разбойник, убив и обобрав, вытирая нож, обращается к убиенным и ограбленным им со словами: "Я простил"! Прямо чудовищно! Впрочем, даже и разгром часовни Преподобного для разбойников был нипочем. Гнусные предатели посягают на все. Зорко следите, нет ли каких подкопов и вредительства! Шр. всегда был умственно слаб, но не спятил ли окончательно? Да и какие могут быть сейчас разговоры, когда Армагеддон гремит и бушует. Небывалое время! Все условия жизни потрясены. Надо пережить эти дни.

Удивляемся о "Делах человеческих". Не подделка ли? Ведь в свое время Вы сообщали, что Сторк купил эту картину от Трубецкой, которая привезла ее в Америку и предлагала Музею. В прошлых весточках Вы сообщали, что Целый ряд лиц хотели бы иметь монографию Конлана. Предлагайте им монографию

Еременко, ведь она совсем неплоха. Для этого пусть Еременко даст Вам несколько лифлетов[34] — они были хорошо сделаны. Кстати, Еременко еще раз увидит, что Вы доброжелательны. Действительно, жаль, что Вам не удалось достать еще конлановских монографий. Такие книги всегда неожиданно требуются. Вот и здесь было много запросов.

Здоровье Е.И. это время благополучно — это большое счастье. Хотя перебои не оставляют. Во время особых событий все ее силы умножаются. Светик написал несколько очень замечательных картин. Королевское Азиатское Общество в Калькутте сейчас печатает превосходное исследование Юрия о Гесэр-хане. Какие гнусные идиоты были все предатели и грабители, которые вредительствовали, даже не помыслив, что собрались порушить. Как хорошо, что Вы опять побываете в Либерти — отдохнете и обменяетесь сердечно с милыми друзьями. Разве не показательна судьба "Фламмы" в потоке культурных аварий? Только что благое дело начало крепнуть и обзаводиться новыми силами, как армагеддонный шквал все снес! И опять лишь в глубинах сердец будет тлеть искра.

Но доброе зерно нерушимо! Даже в самые трудные дни слагайте, собирайте и помогайте друг другу. Вот и здесь на наших глазах издыхают три культурных журнала. Были у них подписчики и в Бирме, и в Сиаме, и в Сингапуре, и в Китае, и на Яве, и на прочих островах, а теперь все рухнуло. Точнейшее повторение судьбы "Фламмы" и журнала "Урусвати"! Привет наш самый сердечный всем друзьям — СМ., Катрин, Инге, Спенсеру и всем, всем, чьи сердца открыты ко благу. Да будет всем хорошо!

7 августа 1942 г.

Публикуется впервые

Грозные дни

Индия перевернула страницу истории. Так все грозно, что в словах и не выразить. Глупы те, кто полагает, что старые меры могут нечто решить. Вот в Индию едет американский житель для каких-то увещаний. Да есть ли у него слово доходчивое?! Вот посылается американский генерал к народу русскому… учить стойкости! Так сообщило британское радио. Вот чудеса! Кто бы о таком помыслил, когда бывало на вербах покупали "американского жителя"!

А Рузвельт заделался крестным отцом сына герцога Кентского. Так среди грозных обвалов мелькает и нотка комизма. Конечно, Гранд Гиньоль[35] всегда сочетает трагическое с комическим. Само пространство вопит. Гималаи плачут. Не запомнят здесь таких ливней. Переполняется чаша. Дорога обваливается. Смятение жизни растет.

В Бомбее и в Аллахабаде уже убитые и раненые[36]. Первомученики за свободу! В Бомбее осадное положение. Радио сообщило, что телеграммы в Бомбей не идут. Аресты повсюду, арестованные увезены в неизвестном направлении. Дальнейших сведений по радио не будет, кажется, и в газетах будет молчание. Можно представить, какие чудовищные слухи поползут! Знаем по другим примерам действие легенд. Хотелось бы поскорей поправиться. Слишком все напряжено, и нездоровье совсем не ко времени.

Не знаем, как русский народ относится к событиям в Индии? Знает ли? Если и здесь сведения пресечены, то что же просачивается там, вдали? По словам британского радио, арестованные будут лишены газет и всех сообщений. Особенно волнует народ, что арестованные увезены в "неизвестном направлении". При желании под этим можно многое предположить.

Итак, Конгресс уничтожен, а коммунисты утверждены правительством. Такие комбинации трудно усвояемы народными массами. Также путаются люди между "доминионом" и полным освобождением. К тому же и фантастический Пакистан[37] с его неуловимыми границами остается энигмою[38]. Ох, многострунные инструменты сложны для игры.

Во всем чуются грозные дни. Исчезновение сведений лишь усилит грозность. Кто знает, где она — наибольшая грозность. Часто она приходила со стороны нежданной.

10 августа 1942 г.

Публикуется впервые

Трудные дни (14.08.1942)

Александрийская библиотека была сожжена христианами. Святейшее воинство Савонароллы уничтожило много художественных произведений. Теперь газеты сообщают, что сильно пострадали в Дели замечательные среднеазиатские фрески, когда их прятали в какое-то подземное хранилище. По словам лагорской газеты, одних стекол перебито на сто тысяч рупий. Упаси от таких хранителей!

Как-то в шутку сказалось, что человечество дойдет до такой дикости, что Альтамирские пещеры окажутся более прочными хранилищами, нежели современные музеи. Не пересчитать всего погибшего! Говорят, что при пожаре "Парижа" не досчитались одного ящика Луврских сокровищ. А ведь еще не так давно мне говорили: "Чего вы тревожитесь о музеях, о Культуре? Музеи прочны! О Культуре все толкуют!" Но всего несколько лет прошло, а уже всем, даже самым глухим пришлось услыхать разрушительные взрывы.

Вспомнили, что кроме образования, нужно и воспитание народов. Поверх механических познавании требуются и гуманитарные науки. Забросили все касаемое человечности, уставились лбом в кочку земную, а на лбу шишки растут. Бедный Макар много шишек раскидал, а теперь охает под их дождем. О существующих обычаях людских свидетельствует недавнее газетное сообщение. В Кандахаре (Афганистан) провинившихся, непослушных прибивают гвоздем "через ухо к дереву". Вот такие "обычаи" живут, а где-то думают, что с Культурою все благополучно. А послушайте о китайских пытках, они не только в "Саду пыток", но и сейчас в жизни. Да разве только в Китае пытки?

Все сводится к тому, что кроме образования нужно и воспитание. Недавно нам рассказывали о неких нравах в Оксфорде и подобных хваленых университетах. Значит, и там воспитание хромает. Правда, еще Цицерон восклицал: "О времена, о нравы"! И Перикл мог сказать то же. Но неужели от классических дней ничто не изменилось? В судах та же подкупность. Адвокаты изощряются во лжи. Говорящие о свободе и справедливости творят рабство и несправедливость. Говорят о братстве, но ведь для этого нужно охранить человечность. А что с нею сделали!

Тога Культуры оборвалась, загрязнилась. В каких водах нужно омыть ее? И каждый день все сложней становится. Не притворяйтесь в пляске — плохо сейчас!

14 августа 1942 г.
Публикуется впервые

Америка (24.08.1942)

Пришли письма Зины от 8 Июля и Дедлея от 10 Июля. Удивительно, что Редф.[39] считает шансы Корпорации слабыми. Ведь у Вас в руках главное доказательство в том, что противники неоднократно подсылают своих адвокатов для разделения с Вами имущества Корпорации. Кроме того, за что же взяли они от Стока[40], Сутро и Катрин 11.000 долларов — ведь за шеры Корпорации! Впрочем, разговоры вообще могут быть лишь после войны. Ведь при нынешнем положении любой из Вас может оказаться в отъезде. Ведь все ненормально. Значит, книга в пользу Р[усского] Красного Креста не состоялась. Ничего не поделаешь — было доброе желание. Итак, два мерзавчика — Флейшер и Магоффин ушли. Может быть, и еще кто-нибудь из той же банды уже отправился в дальнее плаванье! Прислушивайтесь! Будет хорошо, если АРКА постепенно нарастет. Передайте Ватсону мой сердечный привет — всегда душевно о нем вспоминаю. Особенно много советников и не нужно. Изобилие может только способствовать раздорам. Воображаем, как отзывается на жизни железнодорожная езда по карточкам. Потому и говорим, что действуйте по местным обстоятельствам. Ничто нормальное не приложимо. Не отягощайтесь, чем легче и подвижнее — тем лучше. Юрий говорит, что копия с письма Х.[41] была вложена — не пропала ли при вскрытии цензурою? Невозможно и представить, что сейчас может теряться?! Вы вспоминаете, как Хорш обобрал до нитки всех бондхолдеров[42]. Никто из них не поднял голоса против грабителя! Хороши законы, по которым можно безнаказанно грабить. Хороши судьи! Хороши адвокаты!

Людмила вовсе не пропустила 12 лет. Сравнительно недавно банк отвечал по ее делу. Неужели грабитель покусился на трудовые сбережения, ему доверенные?! Запишите и об этом преступлении в Ваш меморандум.

У нас неслыханные дожди. Дорога все время обрушивается. Почта, кроме всяких цензурных задержек, еще на несколько дней запаздывает из-за оползней. Грозные, великие дни! Вы говорите, что будете находчивы. Поистине, будьте такими даже среди самых сложных условий. Сердечный привет всем милым друзьям.

24 августа 1942 г.

Публикуется впервые

Культура! (26.08.1942)

Британское радио сообщает, что по всей Индии введена порка! В Дели сожжен Тоун-Холл и несколько официальных учреждений. Бомбей, Ахмедабад, Аллахабад, Люкноу, Бенарес, Горакпур, Назик, Калькутта, Мадрас — в брожении. Число убитых и раненых не сказано. Умер в тюрьме Махадев Десай, секретарь Ганди. Арестована сестра Неру Лакшми Пандит. Сапру отказался от посредничества. Правительство жалуется на ползущие "дикие слухи". Чан-Кай-Ши посылает особую миссию в Индию для переговоров об освобождении. Реакция Москвы неизвестна. Не забыл же русский народ об Индии? Об индусских собратьях? Конечно, радио о многом вообще не сообщает. Ни газеты — ничто не скажет об истинном положении. Каждый день новые осколки происходящего. Не перечисляю, ибо всего не знаем, а по осколкам судить нельзя. Ко всему надо прибавить: "Радио сообщает"! Газета окончательно отстала от происходящего, да и сама запуталась в своих измысленных заголовках. Ничего не знаем!

Из Калькутты просят дать приветствие к семидесятилетию Оробиндо Гоше — оно празднуется 25 Августа. Послали телеграмму. Среди армагеддонных громов радостно-культурное проявление. После Рабиндраната Оробиндо остается маяком мысли духовной. Пусть и следующее поколение дает таких же мощных представителей. "Маха Бодхи" просит дать статью к памятному выпуску, посвященному Анагарика Дармапалу. Большой был деятель, им держалось все общество. Вышла "Ракшабандан" Моханлала Кашьяпа с моим предисловием. В Америке говорят: что нужно для восточных читателей, не нужно для Америки. Экая гордыня и самохвальство! Вообще за последнее время Америка ввергается в опаснейшие водовороты. Знаем, насколько чуток и устремлен восточный читатель. Природная Культура Востока куда тоньше и возвышеннее, нежели механические янки.

Из Калимпонга едет наш доктор, а также тибетский Геше. Для исследований Юрия Геше будет очень полезен, кроме того, от него услышим многое, что иначе сейчас совершенно недоступно. Из тумана заговорила валаамова ослица — Губельман-Ярославский. Сообщил о преступной беспечности командования. Оно не укрепило южные рубежи. Нельзя, мол, жаловаться на отсутствие снаряжения — всего много, а вся беда в командовании. Каково сие слышать "гениальнейшему" кремлевскому затворнику!

26 августа 1942 г.

Публикуется впервые

Четвертый год

Толстой утверждает: "Есть и всегда было у всех людей, находящихся в обладании своих духовных сил, нечто такое, что они считают святым, и чего не могут уступить ни за что, и во имя чего они готовы перенести лишения, страдания и даже смерть; есть нечто духовное, чего человек не уступит ни за какие материальные блага, почти во всяком человеке, на какой бы низкой ступени развития он ни находился".

Определительные сейчас совсем смешались. Душа дозволена, дух запрещен. Ну что ж, если и не скажут, то подумают. У Горного есть отличный рассказ о том, как детям запретили некую песенку, но они стали прикладывать палец ко лбу, чтобы показать, что они думают эту песенку. Фискал восклицал: "Они думают песенку!"

Осталось у человека неотъемлемое его достояние — его дума. И не столько слова, сколько мысль завладевает пространством, мчится с неисчетной быстротой и вонзается в человеческое сознание. И есть в двуногом хотя бы малая сокровищница, где слагаются несломимые убеждения.

Можно гнуть и сгибать, но не больше меры! После чего или лопнет или поразит бумерангом. Удивляются иногда, почему этот мощный психический бумеранг поражает как бы при малых обстоятельствах. Но нам ли судить, где великое и где малое? Где прародитель огромных последствий и где мыльный пузырь?

Четвертый год войны! Подумайте! И нет признаков, чтобы война близилась к концу. Наоборот, возникают новые осложнения, нерешимые тупики. Туман, туман! Четвертый год культурная жизнь будет страдать и уродоваться. И это бедствие повсеместно, и одичание и ненавистничество вползают в обиход. Четвертый год войны!

Немалый срок быть отрезанным от всех друзей. Вот вчера пришло письмо из Буэнос-Айреса, отправленное 12 Марта. Годовой срок для оборота! Какой же ритм работы?

В Паури Гарвал хотят в музее иметь комнату Рериха. Даже странно подумать. А медный колокол отбивает: "четвертый год войны!"

1 сентября 1942 г.

Публикуется впервые

Осколки

Как-то в минуту шутки вспомнились подробности из времен Академии Художеств. Все смеялись, а Юрий настаивал: "Запиши, запиши". Где же все записать! Конечно, забавно, что Репин говаривал новичку, принесшему на "строгий суд" слабые попытки свои: "завидую вашей кисти". Старик Виллевальде, всегда в мундирном фраке, всех хвалил: "Очень хорошо, отлично, прекрасно!" Затем захваленный получал на экзамене один из последних номеров, а Виллевальде успокаивал: "Значит, у других было еще лучше". Подозеров был мастер по части затылка. Если на рисунке хотя бы частично виднелся затылок, Подозеров требовал: "Затылочка прибавить".

Чистяков бывал несправедлив, благоволил к одним, а других забывал. Когда же ему намекали об этом, он мстил и кричал на весь класс: "Да у вас не Аполлон, а француз — ноги перетонили". Понес к нему заданный эскиз "Медный змий", а он говорит: "Чего выдумывать, возьмите Дорэ". Когда его спрашивали, отчего он не кончит свою "Мессалину", Павел Петрович ухмылялся: "Голова болит. Уже тридцать лет голова болит". При злоупотреблениях Владимира и Исеева один Чистяков не пострадал, ибо не подписывал протоколов заседаний, а всегда исчезал заранее. Пригласил известного лошадника Ковалевского посоветовать насчет коней в "Княжей охоте". "Да вы покройте их попонками", — вот и весь совет.

Много всяких добродушных осколков, а на стенах мастерских висели рисунки Брюллова, Сурикова, Врубеля и других превосходных. Ходили присматриваться, как они делали, — это не подозеровский затылочек!

Говорят, что Музей Академии очень пострадал из-за вандализма некоего невежды Маслова. Жаль, там были отличные вещи, вошедшие в историю русского искусства. Все-таки невозможно примириться с мыслью, что превосходная группа народного достояния из Эрмитажа перекочевала в Америку. Это были отборные шедевры, незаменимые. Грустно отмечать в старом каталоге Эрмитажа таких ушедших. А сколько первоклассных русских примитивов — икон распылилось по американским домам! Везде ли понимают истинное значение приобретенного? Окультурят ли чьи-то сердца эти русские послы?

Письмо из Москвы от Бори — вот радость! Из Америки пишут, что война прихлопнула наш Филадельфийский Центр. Многие призваны на войну, другие переехали. Умер Д-р Бринтон.

7 сентября 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (14.09.1942)

Долетело письмо Катрин от 31 Июля. Очень значительно сведение о шести годах для продолжения дела картинной Корпорации. Это совпадает с письмом Е.И. об отложении до конца войны. Сейчас же мы телеграфировали о необходимости установить точный последний срок для дела Корпорации. Чем дальше этот срок, тем лучше. Кроме того, вероятно, и еще можно оттянуть. Не думаете ли Вы написать американскому ген[еральному] консулу в Калькутту и спросить, что у них в архиве 1928 года имеется о Картинной Корпорации. И Зина и Франсис тогда были там. Нам нельзя писать — мы не амер[иканские] граждане, но Вам можно. Ведь каждый крючок в деле полезен, а если не выйдет, то и вреда не будет. Кто же может отрицать существование Корпорации, когда три шеры стоили 11.000 долларов? Не без причины Х[орш] все засылает с предложениями.

Мы только что получили очень хорошее письмо от Бор. Конст. Р.[43] от 18 Июня. (Его адрес: Москва, 25, улица Чайковского). Между прочим он пишет, что послал Вам телеграмму, но Вы о ней не поминаете. Не пошла ли она в Санта Фе? Жаль, что его письмо шло 78 дней — такие астрономические сроки. Когда будете переводить это письмо Катрин, скажите ей, как мы радовались ее строкам и чуяли их сердечность. Привет сердечный Инге. Хорошо, что они проводят грозные дни на ферме. От 1 Августа сердечное письмо от Эми Велып — привет ей. Вероятно, в пути весточка от Зины.

Прилагаю телеграмму от Бленкнер, по правде сказать, не знаю, что с ней делать. Может быть, это и неплохой человек. Кто знает, кто и как может пригодиться для культурного дела. Во всяком случае, каждое доброе желание пусть встретит сердечное отношение. При АРКА особенно вдумчиво нужно отнестись ко всему ищущему. Как и в каждом культурном деле, Вам придется столкнуться со всякими невеждами, как Т. Кравен или Ван-Лун, но это неизбежно. Да и среди русских Вы знаете разных вредителей — это тоже неизбежно. Видимо, не дождемся очередного письма Зины — видно, оно где-то гуляет. Дни очень сложные. Держитесь дружно, находчиво и зорко. Наши лучшие мысли с Вами.

14 сентября 1942 г.

Публикуется впервые

Сколько

Сколько разбросано! Сколько разлетелось! И не собрать. В Париже — целый архив и картины. В Брюгге — архив и картины. В Риге множество книг, картины, целый ящик клише. В Лондоне в Студио — клише. В Белграде — семь картин ("Святые гости"), в Загребе — десять картин ("Языческое"). В Буэнос-Айресе картины. В Коимбре — брошюра Шауб-Коха. В Нью-Йорке — картины, книги, архив. В Либерти (Индиана) — архив. В Праге — картины. В Аллахабаде — картины, манускрипт книги "Из Химавата". Корреспонденция с Китаем, Австралией, Новой Зеландией…

Особенно вспоминаются разные невидимки, когда кто-нибудь в письме помянет отрывок давно бывшего. Вот помянуты "Александр Невский", "Керженец" и "Казань" — помянуты из Москвы, а ведь двух последних уже нет — изрезаны, уничтожены вандалами. Впрочем, может быть, уцелели эскизы к ним, они были в Правлении Казанской дороги. Может быть, хоть малые памятки сохранились. Вдова Мантеля сообщала, что в Казани какие-то дикари ворвались и уничтожили все их художественное собрание, а ведь там были отличные вещи группы "Мира Искусства". А где собрание полковника Крачковского — прекрасная коллекция эскизов? А где картины, бывшие у Лангового, Кайзера, Власьева, Коровина, Гурьяна, Кестлина, Китросского, Кистяковского, Нейшеллера, Руманова, Нотгафта, Плетнева… Надо надеяться, что собрание Слепцова в Русском Музее.

Все это собиралось с любовью, не то что в Америке, где торговцы предлагают готовые собрания. Там часто счастливый владелец сам не знает, чего ради у него именно эти произведения. Русские собиратели горели к искусству. И немало анекдотов вокруг коллекционерства. Вспомните россказни про Деларова, Боткина, Ханенко… В основе их хитрых проделок была настоящая страсть. Не налетная мода, а любовь к искусству. Неужели все эти накопления рассеялись под знаком вандализма, невежества? Конечно, творения искусства — вечные странники. Не нам судить, где и как они принесут наибольшую пользу. Но все же сколько разлетелось и разбилось!

Сейчас делаю "Мстислав Удалой и Редедя" и "Пересвет с Челибеем". Русская серия: "Святогор", "Микула", "Настасья Микулишна", "Добрыня", "Богатыри проснулись", "Ярослав Мудрый", "Ярослав" (ушел в Индор), "Новая Земля" (ушла в Гарвал), "Новгородцы", "Александр Невский" (ушел в Индор), "Спас Нередица" (в Аллахабаде), "И открываем" (в Тривандруме),

"Борис и Глеб", "Весть Тирону", "Полк Иго-рев", "Целебные травы"…

Памятка об изданиях в Индии, в которых сотрудничал. В одном "Сколар" было сто тридцать очерков за двенадцать лет.

"Твенти Сенчури" ("Двадцатый век"), "Модерн Ревью" ("Современное обозрение"), "Сколар" ("Ученый"), "Хиндустан Ревью" ("Индустанское обозрение"), "Вижн" ("Предвидение"), "Пис" ("Мир"), "Мира", "Кальян", "Саки", "Прабудха Бхарата", "Веданта", "Кесари", "Кумар", "Маха Бодхи", "Буддист", "Лидер", "Арт энд Калча" ("Искусство и культура"), "Калча" ("Культура"), "Дивайн Лайф" ("Божественная жизнь"), "Янг Билдер" ("Молодой строитель"), "Идьюкейшнл Ревью" ("Педагогический журнал"), "Малабар Геральд" ("Вестник Малабара"), "Теософист", "Аутлук" ("Взгляд"), "Висва Бхарата", "Мисиндиа", "Кочин Аргус", "Шри Читра Югам", "Навадживан", "Фри Индиа" ("Свободная Индия"), "Пен-Френд" ("Друг по переписке"), "Босат", "Янг Сейлон" ("Молодой Цейлон"), "Индиан Ревью" ("Индийское обозрение"), "Комрад" (Товарищ), "Ист энд Вест" ("Восток и Запад"), "Холкар Колледж Тайме", "Филд" ("Поле") — Мадрас, "Скаут", "Нью Оутлук" ("Новый взгляд"), "Дон" ("Утренняя заря"), "Упасана", "Олд Колледж" ("Старый колледж"), "Калапака", "Ревью оф Философи энд Релиджн" ("Философский и религиозный журнал").

24 сентября 1942 г.

Публикуется впервые

Перевод части текста Н. Л. Некрасовой

Америка (25.09.1942)

Прилетели письма от Зины (12 Августа) и от Катрин (20 Августа). Очень примечательно, что Хорш теперь посягает и на сто картин, но ведь Катрин заявила ранее его. Кроме того, показательно, что Х[орш] распоряжается действиями правительства. Неужели уж такое бесправие? Во всяком случае, Х[орш] своими действиями признал картинную Корпорацию — это очень важно. Теперь необходимо установить, какой именно наидлиннейший срок шестилетний, с какого числа он начинается и когда именно кончится? Во всяком случае, остается еще очень значительное время. А там всякие новые обстоятельства и военные и частные.

Вероятно, теперь бумага АРКА уже готова (пришлите десятка два) и можно спросить посольство о картине. Всюду столько особых обстоятельств, что можно действовать лишь по местным условиям. Выбирайте наилучшее из возможного. Накопляйте друзей и берегите их. Снисходите к ошибкам, где побудительные причины были доброжелательными. Где слишком трудно для Вас, обходите и отлагайте. Пусть трудность не подавляет бодрость и дальнозоркость.

Две неожиданности: Олл-Индия радио из Дели оповестило мое приветствие ко дню семидесятилетия Оробиндо Гоше. Почему-то из всех приветствий передан лишь текст моего. Вторая неожиданность в Малабарской газете — прислали специальный номер, посвященный войне. Смотрю и глазам не верю: мой портрет (с чикагской фотографии) и давнишняя статья Нетти Хорш "Путь Рериха". Из каких-таких архивов перепечатали? Если при будущих дискуссиях о картинах она Вам понадобится, скажите — можно прислать. Будем надеяться, что шестилетний срок еще не скоро истечет, и много событий еще произойдет. Хорошо, что около Вас группируются новые друзья. Привет сердечный Катрин, Инге, Спенсеру в "Либерти" и всем друзьям.

25 сентября 1942 г.

Публикуется впервые

Языки

"Не посылайте калеку в Белый Дом", — говорил умудренный сенатор при выборах Рузвельта.

"Реггет вор лидер"[44] — назвал Черчилль Сталина, вернувшись из Москвы.

"Вэлиант фоссил"[45] — обозвали германцы Петена.

Сколько словечек летает по миру. Легенды! Кто-то рассказывал об ужасах Распутина, но собеседник поправил его: "Не Распутин страшен, страшна распутинская легенда". Нельзя предугадать, как выкована будет какая-то легенда во времени. По летописи, Мстислав Удалой был красен лицом. Одни полагают, что это тмутараканскии загар, но другие считают, что красен — прекрасен. Кто был более прав, Монтекки или Капулетти? Догадались, что мифы — не что иное, как повести о людях живших.

Представитель Данцига, уходя из заседания Лиги Наций, показал "длинный нос" всему собранию. Председатель Антони Иден предложил "не замечать происшедшее". Но Лига Наций получила "длинный нос" и теперь превратилась в провинциалку, приютившуюся в Нью-Джерси. Какие мифы останутся о Лиге Наций? Говорят, что в ее дворце был отличный ресторан. Литвинов побывал председателем. "Неинтеллектуальная некооперация!" — говорил Ян Масарик. Ох, много в мире "длинных носов" и не меньше "злых языков".

Каждый день злоязычничают все министерства пропаганды, вся пресса и радио. И все это повисает в пространстве, испускает психический яд, сильнейший из всех ядов.

Какие-то бахвалы уже собираются сейчас распределять послевоенную добычу. "Злой язык жалу змия подобен". Изощрившись во зле, сумеют ли стать добрыми? Ставши акультурными, скоро ли смогут воспринять культуру? Хотя бы все попугаи прокричали "Культура, Культура" и все обезьяны напялили знак мира, сойдет ли мир в сердца человеческие?

Не мозг, но сердце поймет, где обитает мир, "мир всего мира", о чем тщетно взывают в церквах! А пока царят "длинные носы" и "злые языки". Поразительно, когда еще поминают о каких-то международных правах. Не проще ли сказать: "бесправие"!

1 октября 1942 г.

Публикуется впервые

Единение

Единение, дух корпоративности всегда были мне близкими и нужными. Но не раз пришлось убедиться, насколько корпоративность далека от человеческого уклада. В мастерской Куинджи не вышла корпоративность. Не удалась она в "Мире Искусства". Обезобразилась она в Америке. Да так обезобразилась, что вред получился неизживаемый. И "Мир Искусства" оказался бы во сто раз мощнее, если бы не ползала ехидна раздора и ненавистничества. Вот и мастерская Куинджи разлетелась, а ведь могла бы оказаться прочною гильдиею, вроде средневековых.

Кроме этих пережитых крушений, сколько печальных примеров прошло на стороне! Сколько сил тратилось зря, и червоточина разъедала самые прочные основания! Всуе приходилось поминать славную надпись на швейцарском льве: "В единении сила!" Механически твердили ее люди, а сами ползли, как раки из корзины. И кому требовалось это вшивое расползание, самогубительство, самоедство?! Зачем, к чему была такая невосполнимая трата!

Поодиночке приходили, соглашались, правильно решали. Но потом сходились вместе и толкались неизжитыми углами. Старая поговорка: "Мужик умен, а мир — дурак". Распадались самые разумные дела. Умирали наинужнейшие учреждения, издания, а причина крылась все в том же ползучем черве зависти, клеветы, злоехидного шепота.

Возьмите Дягилева! Ведь его широкие построения куда выше продвинулись бы, если бы его не подрезал ядовитый шепоток и вредительство. Примеров множество. На каждое единение ополчалось вредительство и сознательное и бессознательное. Жутко наблюдать, как самые наиполезнейшие решения колеблются от серенького червя вредительства. Горький сказал бы — от вши тифозной.

И не многим далеки друг от друга вредители сознательные и бессознательные. Иногда эти последние еще мерзее. Сосуд разбит, и какое утешение слышать, что случилось нечаянно. Ох, уж эти нечаянности! От них мир содрогается. А где же она крепкая, бодрая чаянность? Лучше быть обманутым, нежели быть обманщиком.

10 октября 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (12.10.1942)

Получено письмо Зины от 4 Сентября. Удивительно сведение от Сторка, что у него будто не было моих картин, кроме маленького этюда. Но ведь он купил "Весть Тирону" от Кошиц за 1600 дол., о чем она сама рассказывала. Кроме того, по сведениям от Вас, Трубецкая привезла и предлагала "Дела человеческие", и Сторк купил у нее эту картину. Так, по крайней мере, мы до сих пор знали. Вообще, что с ним случилось, если, как пишете, все его вещи были проданы с аукциона? Ведь Сторк был очень богатый и пожертвовал на школу в Филадельфии 150.000 дол.

Хорошо, что АРКА уже сложилась и начинает жить. Придерживайтесь исключительно программы Культуры. Напишите об ее основании и в посольство и в Общество Культурной связи. Адрес узнаете в посольстве или в консульстве. Живите и действуйте! Бумагу АРКА пришлите и лифлет — все же не все пропадает. Увы, не удивляемся, что Ваша земля в Детройте оказалась обычной жульнической махинацией. Преступность, по словам Гувера, возрастает, а те, кто мог бы ей противостать — потворствуют сознательно или бессознательно. Надеюсь, что вторая посылка "Радости искусству" дойдет до Вас. Можно дать ревью хотя бы в "Новоселье", впрочем, Вам виднее, где и как лучше.

Правильно Вы поминаете, насколько всем везде становится труднее. Тем более невозможно применять к таким небывалым армагеддонным временам обычные мерки. Отбивайте все грабительские наскоки!

Елена Ивановна сейчас усиленно работает над переводом очень трудной, но и полезной большой книги. Только бы не заработалась. Она ведь себя ни в чем не щадит. Прочтите в "Четвертом измерении" Успенского, как чудесно он говорит о значении искусства. Если бы заправские критиканы искусства усвоили себе такую точку зрения, много вредных пустоглупостеи было бы избегнуто. Прилагаю выдержки из писем Тагора — могут Вам пригодиться. Как и всегда, так даже в самые труднейшие дни, накопляйте полезные зерна. Не знаете, когда и кому пригодятся эти запасы. Но они будут нужны, когда заблудшее человечество, как ребенок в лесу, заплачет и закричит о помощи. Наблюдайте, кто вылезает на поверхность и бесцельно летает по миру, лишь загромождая пространство. Многое поучительно, показательно! Всем Вам, всем друзьям привет сердечный.

12 октября 1942 г.

Публикуется впервые

Знаки

"Преступность возрастает в Соединенных Штатах", — утверждает глава Федерального Бюро расследования. Приведем его свидетельство дословно:

"New York, Sept. 22

Crime on increase in U.S. — says F.B.I. Chief Mr. Edgar Hoover, head of the Federal Bureau of Investigation, informed the Police Chiefs' Convention here: Crime is definitely on the increase. Juvenile delinquency is mounting rapidly, and unless we all do our jobs better we can expect another era of lawlessness such as swept the country after the last war".

Reuter[46].

Куда же дальше идти? Вспомним слова Алексея Карреля о преступности и вырождении в Америке. Ведь это было сказано до войны. Вспомним показания о подкупности американских чиновников, о шайках гангстеров. Ведь это путь к окончательному разложению страны. Тут уж не помогут надписи: "улыбайся!" ("кип смайлинг"). Какие тут улыбки!

Рост преступности доказывает падение не только Культуры, но даже и цивилизации. Ужасы войны лишь усиливают этот развал человечества. Не сваливайте все на войну. Язва зародилась много раньше. Правы те, кто предупреждал об опасности небрежения ко всему гуманитарному. Чудовищная технократия достукалась до бедствий всенародных.

О воспитании перестали думать. Искусство мышления оказалось не в моде. Назойливые ритмы джаза одурманивают двуногих. В том же номере британской газеты говорится об осуждении преступных офицеров. Одни преступники наказаны, но сколько останется безнаказанными!

Среди грохота взрывов бомб почти каждый день слышите об умирании культурных начинаний. Вот Равал, отличный художник Гуджарата пишет, что должен прекратить и свою художественную школу и многолетний полезнейший журнал "Кумар". И сколько таких самоотверженных очагов потухает! Уже не зажгутся эти душевные огни. Журнал "Видение" вышел в миниатюрном размере — нет бумаги, нет подписчиков. Секретарь "Маха Бодхи" Валисинга сошел с ума после "допросов" полиции.

Военные издержки в Индии достигли пятнадцати миллионов рупий в день. Маммон и Марс хохочут! Советские моряки, выходя в море, надевают на шею ладанку с портретом Сталина. Говорят, помогает от всяких морских бедствий.

В Америке негритянка родила пятерню девочек. В

средневековье как был бы объяснен такой знак?!

В Англии запрещены игрушечные солдатики.

24 октября 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (30.10.1942)

Недавно мы получили из Нью-Йорка наше давнишнее письмо к Зине. Оно валялось в "мертвых письмах" (дед оффис) и пришло обратно. Вот так порядки! Может быть, там же валяются и другие наши письма. Мы переслали Вам это письмо, чтобы Вы по конверту могли сделать заявление.

Помнится, когда антикультурный комитет Рикаби делал наскок на дом и на учреждения, тогда много поминали и Корпорацию, сделанную для сохранности картин, и декларацию 1929 года. Спрашивается, отчего тогда и Хорш цеплялся за эти два обстоятельства, а теперь они будто бы непригодны? Сколько отличных речей тогда было произнесено, и только Плаут, по своей бездарности, не воспользовался всем этим материалом. Вообще, ужасно вспомнить, каким внушительным материалом пренебрег Плаут! Точно бы он был на стороне грабителей. Впрочем, по-видимому и Рок была там же. И сколько документов эти оба типа растеряли или перепродали — по теперешним нравам все возможно!

Еще недавно недальновидные люди удивлялись, чего ради мы так настойчиво говорим о Культуре, а теперь они же вопят о судьбах человечества. Поистине, Культура — в опасности. Мышление людское далеко от нее. Вот теперь цена на бумагу так поднялась, что книгопечатание становится невозможным. Недавно опять возникали разговоры о моей книге в пользу Русского Красного Креста, но поднятие цен делает издание немыслимым. Остается лишь доброе пожелание. Вы, вероятно, получили мой эскиз с четырьмя буквами АРКА — ведь и по американски 4 буквы хороши. Очень жаль, что "Новоселье" неразборчиво в характере статей и, как Вы пишете в своем письме 18 Сентября, — оно только что долетело и русская статья при нем дошла. Если что интересное — присылайте. Когда именно истекают те шесть лет, о которых писала Катрин? Хорошо, что "Радость искусства" к Вам дошла. Здесь о ней идут очень хорошие отзывы. Итак, держитесь дружно и крепко. Помните слова Соломона: "И это пройдет".

30 октября 1942 г.

Публикуется впервые

Истинность

Как-то по поручению Археологической Комиссии я обследовал так называемое "Литовское разоренье" в Порховском уезде. Огромный холм, сплошь набитый безымянными костями. Ни единой вещи, ни единой приметы, разве что два черепа были раздроблены. Было ли побоище или мор или какое иное бедствие? Для побоища по тем временам слишком много костей. Ведь в псковской церкви была надпись о том, что "в жестокой сече с ливонскими рыцарями полегло одиннадцать псковичей" — такие были меры. И сколько по Руси раскидано всяких безымянных бугров! Народ зовет их и "литовским разорением", и "шведскими могилами", и "французским мором". Так и нагромоздились безвестные черепа, и сколько их прибавилось — и своих и чужих!.. Тимуровы пирамиды черепов…

Кстати, многое должно быть пересмотрено будущими летописцами. Даже пресловутая кровожадность Тимура, может быть, будет переоценена. Кто знает, может быть, великий завоеватель вовсе не был настолько жестоким. Известно, что он насаждал духовные общества дервишей и заботился о духовном образовании своих воинов. Данные о Чингисе тоже дают любопытный облик устроителя земли. Говорят о пьянстве Угедея, но ведь это писали злонамеренно иезуиты. Даже и личности Акбара коснулись клеветнические наветы. Уж эти двуногие выдумщики, по злобе, по зависти, по невежеству, чего только не сплетут!

Историк должен запастись широким взглядом на события, чтобы не подпасть под человеконенавистничество. Экое длиннейшее слово, такое же бесконечное, как хвост двуногой злобы. А теперь чего только не изобретет "пропаганда", да еще не какая-нибудь, а государственная!

Говорят, история сделает свой отбор. Кто его знает, что за штука "история". Видим, как в течение многих веков существовали прискорбнейшие заблуждения. Много трудов стоит вычищать подобные авгиевы конюшни, некоторые наросты так приросли, что операции требуются очень болезненные. Все ли знают цвет волос бабушки или деда? А где уж тут ожидать, чтобы легенды сохранили всю истинность!

7 ноября 1942 г.

Публикуется впервые

Хвосты и когти

Правильно было название нашего Гималайского Института: "Урусвати". Правильна была программа наших учреждений в Америке. Полезен был наш Парижский Центр и другие Европейские Общества. Кто-то когда-то добром помянет и наше Знамя Мира. А пока все это лежит под спудом. И какой-такой Илья Муромец подымет такую плиту и выпустит всех таких узников?

Но сделает это русский богатырь. Что бы ни пришлось ему вытерпеть, силушки у него хватит. Вот уже начали заковывать людей в цепи. Не в том дело, сколько таких закованных окажется. Будут ли то сотни или тысячи, смысл останется мировой. Средневековые предки будут хохотать над таким "культурным" достижением.

"Коготок увяз — всей птичке пропасть", — предостерегает русский народ. "Схвати за хвост самого маленького черта, и он покажет тебе, где его набольший", — советуют китайцы. "По когтю узнаешь льва", — говорили римляне. Все когти да хвосты! На войну денег — сколько угодно. Пусть бы столько же было истрачено в мирное время на воспитание, на просвещение, на Культуру — был бы золотой век! Но в мирное время отдел народного просвещения всегда был самым бедным. Содержание народного учителя всегда бывало позорно ничтожным. В 1929-м, во время ужасного краха, Америка затруднилась бросить на выручку один биллион, а теперь уже размахнулась на сто биллионов.

Куда же все это идет? Куда ведут сии астрономические знаки? В то же время о Культуре даже и заикнуться "несвоевременно". Помню, как во Франции вычеркивали слово "Культура" и заменяли изношенным термином "цивилизация". Но куда же довела Францию подобная замена?! Сейчас жизнь наполнилась показательными отдельными фактами. К сожалению, из-за таких вех выглядывает обезображенный лик механического робота.

Маленький черт указывает, где его набольший. Коготь льва смешался с когтем "дьявола". Поди разбери эти следы на сыпучих песках. Конечно, "и это пройдет", как говорит Соломонова мудрость. В конце концов, даже лучше будет. Но где и как обозначатся такие "концы"? Где и как уберутся хвосты и когти?

12 ноября 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (16.11.1942)

Катрин сообщает, что если удастся найти Майтланд, тогда можно продолжать дело по двадцатилетнему сроку. Будем надеяться, что все это удастся. Во всяком случае, столько обстоятельств изменялось за эти годы, что законники могут их применить в пользу правой стороны. Будьте зорки и находчивы. Дело о ста картинах находится в странном состоянии. Если грабители хотят доказывать, что картины находились в Корпорации, то ведь Е.И. в силу законной полной доверенности могла их еще в 1935 году летом передать Катрин. Если грабители не хотят признавать собственность Е.И., то ведь полная доверенность все же остается в силе. На месте Вам виднее, как можно полезнее поступить. Не забудьте также факты, Вам всем хорошо известные. Из картин, находившихся в том же положении, как и сто картин Катрин, некоторые были подарены: одна — президенту Гуверу, две — Уоллесу, одна — матери президента Рузвельта, по одной — Магоффину и Флейшеру, две — Археологическому Институту и картины-памятки друзьям. Все это Вы отлично знаете. Спрашивается, отчего мать Рузвельта и Уоллес в 1934 году могли получать картины, а Катрин (столько сделавшая для учреждений) не могла получить картины летом 1935 года? Все эти факты в руках даровитого адвоката могли бы быть представлены во благо, но, конечно, такие ничтожества, как Плаут и Рок, вообще ничего сделать не могли бы. Также показателен факт, что когда Хисс купил картину, то деньги были посланы Елене Ивановне, как и должно было быть. Все эти неоспоримые факты затериваются в пене событий, но никогда не знаете, когда возникнет в них надобность.

Страшно подумать, неужели бойкие адвокаты одним жуликам помогают? Гейнсборо, окончив портрет, сказал своему заказчику: "У вас такое честное лицо, никак не думал, что вы адвокат". Пишут, что Дюи будет губернатором Нью-Йорка. Помнится, он выступал против каких-то жуликов. Теперь ему будет широкое поле действия. Поминая мои две картины в Археологическом Институте, думается, не попросить ли Вам их выставить в Студию нашей Академии? А там, может быть, и останутся. После делишек Магоффина у меня об Институте воспоминание неприятное. Вероятно, теперь АРКА уже действует и налаживает добрые отношения. Действуйте — пусть препятствия окажутся новыми возможностями.

16 ноября 1942 г.

Публикуется впервые

Чайка

"И на завтра не надейся".

И все-таки верится и мечтается, и мечты останутся в вечной броне энергии. Здесь-то все изменится. От изображений самых прочных останутся осколки. Никто не представит себе, частью чего были неясные обломки. Но в высшем измерении все останется нетленно.

Чайки надежды летят перед ладьями искателей. "Чай, чай, примечай, куда чайки летят". Примечает народ полет чаек полет надежд, чаяний. И почему не надеяться на завтра, на багряный восход, на красоту благодатную?! Полетят чайки прекрасные, и нет такого труда, впереди которого не могла бы лететь чайка.

Не одни же буревестники черкают перед кораблем. Много светлее их чайка быстрая, путеводная. И на Волге, и на поморье, и на далеких океанах впереди вились милые чайки. Но остывали надежды — чаянья. От самых первых дней работы в мастерской реяло на проволоке чучело чайки. Хоть чучело, а все-таки мечта несломимого чаяния.

Неужели все бывшие битвы не сломили? Нет, не сломили. Вот же нисколько не сломили. Елена Ивановна, увидав "Мстислава Удалого и Редедю" и "Пересвета с Челибеем", воскликнула: "Должно быть, ужасная война, если даже самый мирный человек изображает смертные поединки". Хочется оставить памятки народу русскому о всех мономахах, о великих поединках за славу Русской Земли. Может быть, друг-мозаичист каменно сложит эти памятки, а молодежь еще раз вспомнит, о чем всегда нужно держать в сердце. Полетите светлые чайки к русскому народу.

Лоренцо Великолепный пел: "И на завтра не надейся!" Так пели останки, осколки. Но в грозе и в молнии — народы живут лишь надеждою на завтра, на великий день умиротворения и достижений. "Мир — всему живущему", заповедал, кто мыслил о завтрашнем восходе. Чайки не летели перед Великолепным, и он не вверял себя кораблю. А вот новгородские ушкуйники[47] слагали песни о надеждах.

Там — конец, а ваш путь — к началу — В вечном совершенствовании, в трудовом преуспеянии и в радости познавания будем любоваться чайками-чаяниями. Будем любить чаек путеводных.

24 ноября 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (29.11.1942)

Спасибо за телеграмму. Поистине, памятные дни всегда остаются вехами нерушимыми. В волнах и вихрях Армагеддона часто трудно уловить ступени строительства, но стройка во благо навсегда нерушима. Письмо Зины от 12 Октября вызывает многие думы. Все соображения имеют разумное основание. Правильно замечено, что в частной квартире невозможны музыкальные классы. Вряд ли возможна деятельность АРКА, но ведь это полезнейшее начинание не родилось же, чтобы сейчас же умереть? И в каком положении оказались бы почетные советники Кусевицкий, Чаплин, Крафт, Ватсон и другие приглашенные? Ведь могут быть обиды и отпадения, что более всего нежелательно. Оберегитесь. Может быть, найдутся сочувствующие и дадут возможность совместить студию с АРКА. Невозможно, чтобы деятельность Зины пресеклась. Все так меняется, как в калейдоскопе, и складываются фигуры неожиданные. Мы не удивляемся 65 градусам. У нас зимою в комнатах от 55 до 45°, а нынче при запрещении на керосин вообще трудно представить, каковы будут зимние месяцы. Душевно понимаем, как болеет Зина о всех таких проблемах. И у нас и у всех их так много. Только время их разрешает, выдвигая новые условия. Много раз разузнайте, прежде чем решать. Может быть, по военным условиям ее уступят дешевле или же возникнет кооперация с АРКА. Теперь так много толкуют о ценности русской дружбы, вот и хорошая возможность доказать на деле. На местах Вам виднее, что можно сделать. Нормально я бы сказал: продайте пару картин для усиления средств! Во время прошлой войны, в России это было бы легче легкого, но кто знает, не обеднела ли Америка? Часто мы не замечаем сторонних обстоятельств, которые готовы принести новые решения. Пресечь деятельность Зины было бы непоправимо. Многие вещи нельзя прерывать временно. Особенно же сейчас, когда все условия так изменчивы.

Очень ждем брошюры АРКА и бумагу ее. Надеемся, что в брошюре все ладно, ведь Вы знаете наши дезидераты[48] о Культуре. Шекспир сказал: "Кротко слушать, добром судить". Вот этот старинный завет и встает, когда Вы трудитесь а Культуре. Бальзак добавил: "Самая чистая добродетель служит поводом для самой грязной клеветы". И это Вы знаете. Бесчисленны исторические примеры. Они доказывают, как далека была Культура, ибо при ней такие пятна жизни был бы невозможны. Поэтому борьба за Культуру есть геройство.

И герои всегда претерпевали и преодолевали. По счастью,

человек всегда может действовать, а Бхагавад Гита так высоко ставит действие. Вы правильно помыслили об АРКА и начали ее не для того, чтобы бросить на произвол. Думается, что у Вас еще не все возможности использованы, чтобы уже принимать решающий поступок. Конечно, все возможно лишь в пределах местных условий, которые так неслыханно изменчивы. Сообщите, что удастся нащупать.

"Обрубить постромки легко, но потом уже не уехать". У Вас накапливаются новые связи. Если их растерять, то откуда придут еще новые? Правильно, что Вы обдумываете и с той и с другой стороны. Конечно, Вы имеете также в виду, что если грабители узнают, что у Вас все вообще кончилось, то они еще более обнаглеют. Итак, на месте обсуждайте все условия и не сделайте что-то непоправимое. Спешите установить сношения АРКА. Наверное, Вы в этом не упускаете ни дня, ни часа.

Шлем Вам лучшие мысли. Душевный привет всем друзьям.

29 ноября 1942 г.

Публикуется впервые

Америка (10.12.1942)

Долетели письма Зины и Дедлея от 29 Октября с приложением АРКА — текст хорош (почему-то забыт Пушкин), список тоже хорош. В добрый час! Не теряя времени, действуйте, спешно налаживайте всюду отношения. Характерна кара, постигшая мерзавца Поуэля — так и бывает. Сколько вреда он причинил: Томас Кравен тоже мерзавец. О нем Вы писали нам давно — о его книге. Показательны сведения, полученные Вами от Мидхема. Включите их в Ваш меморандум. Такие разведки чрезвычайно полезны. Можно видеть, насколько погрязли во зле грабители, как пытаются они вредительством прикрыть свои преступные мошенничества. И какова же бездна невежества, если Канжур и Танжур[49] выбросили в подвал! А теперь Америка шлет послов с приветами в Тибет, и могут ли они сказать о гибели тибетской библиотеки в центре Америки? Не бомбы уничтожили, а свои злобные невежды. Все вандализмы отмечайте! Боритесь за Культуру! Вероятно, удивляются друзья, когда читают, как раньше писала Хорш. Что же случилось? Когда случилось? Почему случилось? Вряд ли грабитель на большой дороге дает ответ.

Одновременно с Вашим письмом пришло и письмо Катрин с чрезвычайно важными сведениями. Грабители боятся учиненного ими мошенничества над трудовыми сбережениями Людмилы. Даже предлагают не начинать это дело и взамен отложить дело Корпорации. Это чрезвычайно важно! Не только внесите это подробно в меморандум, но и закрепите письменно, хотя бы в виде письма Катрин к Редфильду. Ведь вполне естественно, что Катрин захочет укрепить сведения о том, что дело Корпорации может быть продолжено в любое время, и никакие сроки не угрожают. Гнусное предложение адвоката Хорша об отложении дела Корпорации взамен дела Людмилы тоже может быть отмечено в письме Катрин к ее адвокату. И по делу Людмилы сроки не истекли, ибо последним письмом Редфильда к Стерну это дело выявлено. Ведь это и есть то самое, о чем мы все думали. Очень закрепите! Кроме мошенничества над Людмилою, такое же учинено и над Рябининым, — пусть и этот дамоклов меч висит над головами преступников. Всему придет свое время. Можно представить, сколько всяких мошенничеств наделано Хоршем. Судья О'Маллей так прав, протестовав против инспирированных голосов своих сотоварищей. Как видите, сами факты собираются, и часто бывает, что очень большое начинается с чего-то малого. Слабое место мошенника обнаружилось, а затем и еще придут

факты. Зорко следите! Преступники боятся обвинения в мошенничестве.

Спешно действуйте с АРКА — имеете полное основание сноситься со всеми полезными учреждениями и лицами в Америке и за границей. Пришлите еще лифлеты и бумагу АРКА. Зина правильно замечает, что приходится адвокатам твердить уже общеизвестные вещи. Ничего не поделаешь — так и продолжайте. Корпорация — для сохранности картин, за три шеры заплачено 11.000 долларов, преступники боятся раскрытия их мошенничеств (фрод). Действуйте бодро и зорко. Берегите друзей, отвечайте сурово врагам. Да будет все хорошо! Душевный привет всем друзьям.

10 декабря 1942 г.

Публикуется впервые

Зов о Культуре

"Даже самые великие реки не пренебрегают малейшими ручейками". Так говорил мудрый китаец Мо-дзе.

Правильно! Но что же оказывается, когда под грозою Армагеддона иссякают ручьи? Во что превращаются реки? Пишут из Америки:

"Должна сказать, что нам будет трудно рассчитывать на членские поступления — дороговизна буквально всего. [Цена] квартир, жизненных припасов, одежды, предметов самой первой необходимости настолько возросла, что все стараются урезать свои расходы. Конечно, Культура, образование, поддержка новых начинаний страдают в первую очередь. Теперь будет очень туго с топливом — больше 65 град[усов] тепла не может быть в квартире. Если у вас школа, ученики протестуют против холодной атмосферы и уходят. Да и самому работать, когда в комнате холодно, не очень удобно, все очень осложнилось… Как я буду продолжать давать уроки сама моим ученикам будет в зависимости от возможности музыки в частной квартире. Но иметь все учреждения, с их вывесками в одном здании, и при этом в хорошем известном здании, собираться для заседаний, как мы это делаем теперь, например с АРКА, а также продавать книги и издания и продолжать корреспонденцию по Музею — все это уйдет, как только мы выберемся отсюда. Но оставаться здесь мы не сможем из-за квартирной платы, которую Дедлей не сможет покрывать из своего жалования".

Все это означает, что не только "Фламма" временно умолкла, но, вероятно, то же грозит и Академии. А что же будет с АРКА? Где же будет ее сборное место? Все это не предвещает рост дел. Повсюду необъяснимые странности. Московское радио сообщает о вывозе германцами множества культурных ценностей из занятых русских городов. При этом говорится, что русский народ потребует эти сокровища обратно. Правильно! И будет суд и над похитителями и над теми, кто бросил народные сокровища на произвол. Если трудно было вывезти из Львова, то из Царского Села хотя бы на подводах было время увезти. Расхитители народного достояния должны дать ответ. Достаточно было расхищено. Об этом преступлении можно слышать в разных странах.

Мой "Зов о Культуре" перепечатан в нескольких газетах и журналах. Всюду твердите о Культуре! Не уставайте твердить. Культура рождается из природных качеств, из образования и воспитания. Не только книга, но и внутренний уровень семьи и

учителя будут факторами мировоззрения молодежи. Школа и кооперация и глаз открытый к новым достижениям — суть врата к будущему.

Кто-то или что-то открывает врата в будущее. Каждый может припомнить из детства, когда вдруг забилось сердце внутренним познанием. Прекрасный, чудесный миг! Всегда сохранится в глубине сознания признательность к этому ведущему, к наставнику. Зародится истинная кооперация — эта свободная светлая основа прогресса.

16 декабря 1942 г.

Публикуется впервые

Мера искусства

Успенский говорит:

"Впереди всех других человеческих способов проникновения в тайны природы идет искусство. Ум, оперируя с теми данными, которые он получает от органов чувств и психического аппарата, должен идти через трехмерную сферу и не может идти иначе, точно так же, как он не может действовать иначе, как через логику. Искусство идет совсем другим путем. Оперируя с эмоциями, с настроениями, с инстинктами и с пробуждающимися интуициями, оно совершенно не стеснено пределами трехмерной сферы, совершенно не должно считаться с законами логики и сразу выводит человека в широкий мир многих измерений.

Поэтому искусство идет впереди науки, точного знания и даже впереди философии, но не служит им, не прокладывает для них путей и идет своим путем, открывая свои горизонты… Искусство разрушает весь логический и трехмерный мир, с таким трудом созданный человеком, всю маленькую и жалкую "правду", за которую с таким отчаянием цепляется человек, боящийся без нее очутиться среди хаоса… Искусство видит мир в "астральном свете", строит свой собственный мир, совершенно аналогичный астральному миру оккультистов, и заставляет человека понимать, что этот мир совсем не похож на мир железных дорог, автомобилей и аэропланов; заставляет понимать законы этого нового мира, полного чудес, и путем постепенного ощущения и постижения этих "законов чудесного: подходит к Вечному, Искусство и все, что дает искусство нельзя ни смерить, ни свешать. Поэзию нельзя заключить в колбу.

Искусство нарушает весь механический порядок трехмерного мира. Оно отворяет дверь в мистику и в магию, зовет в мир удивительных и волшебных приключений… Искусство не принадлежит миру трех измерений и не может ему служить; наоборот, выводит из него, как великая богиня Смерть, которая, если она открывает нам тайны иного мира, в то же время одним взмахом своей руки скрывает и уничтожает этот.

Искусство, которое не говорит об этом "ином мире", не заставляет о нем думать или его чувствовать или рисует тот мир как подобие или продолжение нашего, это не искусство, а подделка, трезвая и рассудочная подделка, псевдоискусство. Псевдоискусство отличается от настоящего, подлинного искусства тем, что оно состоит из одной правды. В нем нет воображения, нет экстаза, нет ощущения далеких неясных возможностей. Одна только голая и трезвая "трехмерная правда",

которая есть величайшая ложь, потому что ничего трехмерного в действительности не существует.

Задача правильного распознавания истинного и ложного искусств разрешается одновременно с загадками пространства и времени — искусство, довольствующееся временем и не стремящееся к вечности, должно быть и будет признано фальсификацией… В мир высших измерений можно проникнуть, только отказавшись от этого, нашего мира. Кто ищет в высшем мире подобие низшего или продолжение его, тот не найдет ничего. И кто думает, что нашел истину или кто-нибудь другой нашел ее за него, тот никогда не увидит даже ее тени".

Бывало, о том же с Балтрушайтисом толковали.

20 декабря 1942 г.

Н. К. Рерих. "Обитель света".

М., МЦР, 1993

Америка (31.12.1942)

Думается, что письмо Зины пропало — последнее, полученное нами, было от 29 Октября. А между тем у Вас, наверно, много новостей. Одна АРКА должна дать много шевелений и новинок. К ней должен быть большой интерес. Послали ли лифлеты Майскому в Лондон? Полагаем, что интерес к АРКА должен быть велик, ибо сейчас у нас на глазах любопытное явление. Правительство в Дели с Ноября начало издавать журнал "Советские новости". Успех превзошел все ожидания. За первый месяц вся наличность была расхвачена, и даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Ирака, Африки. За второй месяц подписка удвоилась, а к третьему утроилась. Если достанем еще экземпляр — пошлем Вам, авось дойдет. Журнал очень интересен, много снимков из русской военной жизни. Были воспроизведены новые ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского. В Феврале идет статья о Кутузове, перепечатанная из "Правды". В Январе — моя картина и мой портрет Светика, который в Париже — в Люксембурге. Будет и статья. Все это интересно Вам для АРКА. Если здесь такой интерес, то и в Америке должен быть не меньший.

Знаем, как близок должен быть Вам этот русский успех. Потому всячески развивайте АРКА. Если Ватсон будет читать лекцию о русском искусстве, нельзя ли получить копию ее? Мы поместили бы в здешнем журнале. Гонорара не следует ожидать, но как благое дело на всеобщую пользу это было бы хорошо. Была телеграмма от Катрин о цвете обложки "М.О."[50]. Ответили — так же, как на русском издании — белая с красной надписью. Вообще не нужно менять цвета русских изданий. На монографию Конлана большой спрос. Как жаль, что в свое время не удалось получить большое количество ее и Вам и нам. Конец этого [года] ознаменовался большими русскими победами, так и должно быть. В новом году все продолжится и разовьется. Храните бодрость и действуйте во благо. Каждый в своей области может и должен оказать помощь общему делу. Сердечный привет всем друзьям.

31 декабря 1942 г.

Публикуется впервые

Великое добро

Веласкес признавался, что ему не нравится Рафаэль. Греко говорил, что Микеланджело хороший человек, но плохой живописец. Энгр восклицал при приближении Делакруа: "Запахло серою, дьявол приближается". Рескин так изругал Уистлера, что тот судом смыл такое поношение. Саржент уверял, что если яблоки Сезанна упадут на пол, они зазвенят, как жестяные. Гойя немало злословил и судился. Микеланджело жестоко порочил Леонардо да Винчи.

Целая уйма всяких осуждений. Они не возвысили осудителей и не унизили осуждаемых. Рядом с этим является целая группа отличнейших мастеров разных веков, которым не приписывается осуждений. Увенчает эту группу Леонардо да Винчи. Много раз оклеветанный он говорил о терпении, ибо оно против клеветы, как теплая одежда против холода. Вот и Пюви де Шаванн воздержался от всякого осудительства. Эта черта остается одной из ценнейших в его деятельном характере. Куинджи, услыхав о клевете на него, только сказал: "Странно, ведь этому человеку я никакого добра не сделал". Слыша о злословии, он улыбался: "Верно, им, бедным, плохо живется".

Сердце русского человека отзывчиво. Колодники всегда были "несчастненькие". Добротворчество живет в сердцах русских. Вот еще две вехи великого добра. Недавно слышали мы в один вечер два замечательных сообщения. Статья Алексея Толстого "Разгневанная Россия" и слово Алексея Щусева

О реставрации "Нового Иерусалима", поврежденного немецкими бомбами, и о стройке города Истры. Велика сила русская — уже до окончания войны народ мыслит о строительстве, о преуспеянии. Великое добро!

Блестящая статья Толстого останется в русской исторической литературе как залог русской непобедимости. Великое добро! Пусть такие сообщения широко летят по миру на всяких наречьях. Крепкая стройка отзвучала в слове Толстого и Щусева. Как же послать им привет? Вот послали брату Борису и телеграмму и два пакета, но дошло ли? Пусть все дойдет! Обратимся к 1943 году с мыслью о великом добре.

1 января 1943 г.

Публикуется впервые

Русскому народу

"Мы проехали много миль, и увидели, что с тех пор, как мы имели удовольствие видеть Вас обоих, в мире появилось много горя и страданий. Ваша страна, которую, зная ее судьбу, мы всегда считали великой, теперь стала великой в глазах всего мира, который раньше сомневался в этом. Ваша страна спасла мир, но еще больше ей предстоит сделать. Будущее России можно сравнить с полотном, на котором главное место занимает большая яркая звезда на фоне предрассветного неба. Россия будет мировым лидером. Мы будем приветствовать возрождение России.

Почтительно приветствуем Вас всех и просим Вашего благословения нашему дому и семье".

Так пишет нам из Кветты Чарльз Диккенс, внук великого писателя. Рид в своих книгах твердит, как Россия спасла и спасает Британию. Кентерберийский, передавая пожертвование на Русский Красный Крест, заметил: "Сколько бы мы ни пожертвовали, мы никогда не выплатим наш долг русскому народу".

Иностранцы гремят о подвигах, о геройстве русского воинства. Германцы признают, что русская рать подобна гидре — вместо отрубленной головы вырастает новая, сильнейшая. Пора оценить русские сокровища. Пора от древних времен — от Ярославова Киева, от Новгорода, от Сергиевых строительств, от "Слова о Полку Игореве", от "Задонщины" понять величие, красоту, долго непонятую, захороненную. Приспело время русского размаха. В добрый час!

Святослав старается в Дели устроить нашу выставку в пользу Русского Красного Креста. Даже с самой благой целью все это нелегко. Также нелегко издать книгу с тою же целью. Цены на бумагу и на печатанье так возросли, что издание становится бесцельным. Местный уездный начальник пристает, чтобы мы покупали военный заем. Но ведь "Александр Невский" дал в Индоре на военный фонд 2500 рупий. Кроме того, нигде не указано, что жертвовать надо лишь на определенные цели. Каждая полезная цель хороша. А нам хочется устроить для русского дела. В этом направлении и стараемся. Кроме того, все написанное о русском народе, все ознакомление Индии с русскими сокровищами — всеполезное дело. Каждый в своих силах принеси все достояние на пользу Родины, во благо человечества.

4 января 1943 г.

Публикуется впервые
Перевод Н. Л. Некрасовой

АРКА (14.01.1943)

Прилетело письмо Зины от 27 Ноября. Радуемся успеху АРКА. Бережно храните это полезнейшее начинание. Сочувствие таких крупнейших ученых, как Комптон, Милликан и др[угие] ценно и показательно. Будем рады получить номер "Новоселья", посвященный АРКА. Какую мою статью взяли?

У Вас была "В грозе и молнии" и "Чайка". Нужно наладить с Московским обществом культурные связи. Впрочем, Вы, вероятно, уже связались и с Посольством. Тоже и Комитет по делам искусства и Художественный Театр. Помните, как мы его приветствовали! На днях послали Вам новогодний номер "Новости Советского Союза". Надеемся, он дойдет. Покажите его всем друзьям.

Радостно видеть, как всюду, на разных концах мира, приветствуется Русская Земля, Русский Народ. Претворяется уже давно сказанное. Много пришлось вынести за веру в русское дело. В конце концов, и хоршевские мерзости, кроме грабительства, были не что иное, как их глубокая ненависть против всего русского. Какая же могла быть созидательная культурная работа, если в подвале была заложена ненависть? Но вот Вы и все друзья АРКА могут доказать всю благотворность культурного единения, сотрудничества. Превыше всех подразделений стоит единая всечеловеческая Культура. Мои листы о Культуре обошли многие здешние журналы и привлекли многие сердца. Вот сейчас журнал молодежи "Комрад" хорошо откликается. Пусть и АРКА привлечет молодые сердца. Непременно пусть привлечет и отеплит. Если АРКА близка широким массам, то следует это использовать во благо, не откладывая.

Постарайтесь достать текст лекции Ватсона и пришлите нам. Мы очень радовались приливу бодрости, который звучал в Вашем письме 27 Ноября. Не допускайте уныния — оно пожирает лучшие возможности. У всех бывают трудные дни, но ведь это только дни, а магнит бодрости привлечет и новые решения. Вот Дедлей поехал в утомительное рабочее турне, но зато сколько оповещений об АРКА он разбросает по своему пути. Вы пишете о спросе на монографию. Таких спросов немало и жаль, что мы не можем удовлетворить их. Может быть, вначале казалось — куда и как разойдутся дорогие книги, но при этом забывалось, что кадры потребителей растут. Молодые студенты становятся деятелями. Словом, время работает и не медлит. Так и спешите и действуйте во имя светлого будущего. В добрый час! Сердечный привет друзьям.

14 января 1943 г.
Публикуется впервые

В Москву (09.01.1943)

Дорогой мой Боря, с победным годом! Так и не знаем, дошли ли до Тебя два наших письма и телеграмма? Было еще письмо Нестерову, посланное через Тебя. За последние годы по разным обстоятельствам я писал Щусеву, Рылову, Грабарю, Бродскому, Фролову, Молотову, Потемкину, Майскому, в Академию Художеств, в Комитет по делам искусства, Председателю Верховного Совета, в Художественны! Театр… Ответы и притом добрые получились лишь от Бродского и от Майского. Вчера я послал Тебе новогодний номер здешнего журнала "Новости Советского Союза". Журнал начал выходить в Дели с Ноября! и сразу был всюду встречен огромным успехом. Номера все немедленно расхватали, даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Египта. Теперь очень трудно с бумагой, а то тираж мог бы сразу утроиться. Интерес и сочувствие везде. В будущем пойдет в красках моя картина "Партизаны" или "Весть Тирону-воину". Вероятно, в Дели состоится в Феврале наша выставка в пользу военного фонда — все пойдет русскому воинству. Каждый должен принести и средства, и знание, и труд во славу Родины. Прекрасно говорит Алексей Толстой — недавно слушали его "Разгневанную Россию" и "Славу". Воистину Слава! Радовались и Щусеву за его радиосообщение о восстановлении "Нового Иерусалима" и города отдыха на Истре. Велико строительство русского народа! Представь себе, как мы сидим около радио и радуемся. Всегда мы верили в русскую мощь, так оно и есть. А ведь сколько мне доставалось за мою русскость от Бенуа и всяких таких "версальцев"! Не понимали они русское величие и красоту нашей Родины. Все ли наши письма дошли? Когда получим Твой ответ? В Нью-Йорке образовалась АРКА (Амер[икано] — Рус[ская] Культур[ная] Ассоциация) — выбрали меня Почетным Президентом. Много сочувствия, подошли хорошие деятели. Не встречал ли Ты профессора Кирхенштейна, латвийского председателя? Он написал в нашем рижском сборнике "Мысль" в 1939 году отличную статью о русской агрокультуре, судя по радио, он сейчас в Москве.

Сердечный привет от всех нас Вам и всем друзьям.

9 января 1943 г.

"Из литературного наследия"

Америка (31.01.1943)

Пришло письмо Катрин от 29 Декабря. Интересные, важные сведения! Значит, дело о картинах Вы можете начать, когда будет полезно — ничто не потеряно. Второе, очень важно, что Хорш боится дела о мошенничестве (фрод) с деньгами Людмилы. Это важно!! Какое такое служебное назначение собирается мошенник получить? Хорошо бы об этом разузнать. Показательно, что к Катрин являлся следователь, и она ему все рассказала. Всякий намек на мошенничество (фрод) губителен для служебного лица. Если собрать все мошенничества, проделанные Хоршем над Дедлеем, над Катрин, над Людмилой, над Рябининым и пр., и пр., то ведь это будет вопиюще! Зорко следите за этими обстоятельствами. Ведь крупнейшие воры попадаются иногда на самом маленьком мошенничестве. "Покровитель" тоже перепугается, если его протеже — мошенник. Наверно, у Вас много новостей об АРКА — ведь теперь все мировое внимание обращено на русские победы. Вашему благому делу все пути открыты, все должны Вам сочувствовать.

Только теперь дошло письмо Зины от 16 Декабря — удивительно, как вразброд идут письма. Хорошо еще, что не теряются вообще. Письмо Зины хорошее, бодрое — радовались ему. Думается, что жульничества Хорша получат возмездие. Следите за его манипуляциями. Удивителен ответ посла!! Вместо того, чтобы хвалить и радоваться, он думает, как бы придушить и потопить. Вы совершенно правы, отстаивая самостоятельность АРКА. Вы правы, желая доброжелательно кооперировать, но к чему сливаться? Вы правильно понимаете причины, а потому зорко идите вперед во благо! Будем ждать "Новоселье" и сообщения об успехах АРКА. Она дает Вам возможность приобщаться к новым слоям и всюду сеять добрые семена Культуры. Это так нужно! Всякие антикультурные "покровители" Хорша и подобных преступников вредительствуют повсюду. Им следует противоставить добрый, здоровый культурный труд, и этот Свет, в конце концов, побеждает тьму, если она даже прикроется пышными атрибутами. И опять-таки, накапливайте молодых будущих деятелей. Действуйте спешно и бодро.

31 января 1943 г.

Публикуется впервые

Слава!

"Зачем я шел в тебя, Россия", — пели германские пленные офицеры, проходя по улицам Сталинграда. Так передавало московское радио. Победа, огромная победа! Вспоминали мой листок "Не замай", писанный до войны. Поистине, "Не замай" Россию. Каждый, посягнувший на нашу Родину, погибнет с несмываемым позором.

В истории запечатлены потрясающие примеры, как были поражаемы враги русского народа. Разнообразны бывали эти поражения. Одни сказывались мгновенно, другие постепенно отстукивались на разложении стран, поднявшихся против России. И об этом можно бы написать целую поучительную книгу.

И другая книга должна быть написана — о том, как великодушно, геройски вставал весь народ русский на защиту Родины. Самые многочисленные враги Земли Русской бывали посрамлены несломимым духом воинства русского и жертвенным самоотвержением всего народа. Александр Невский, Сергий Радонежский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов — сколько славнейших вех, сколько победных восхождений.

"Пожар Москвы способствовал ее украшению". Каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. После бури еще приветливей светило солнце. Горя много, но "горе преходяще, а радость нетленна". Знает русский народ священную радость любви к Родине. Знает неустанный, преуспевающий труд. Полон народ смекалки и творчества. Помнит, что "промедление — смерти подобно". Помнит, что "благословенны препятствия — ими растем".

Не найдется более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую Землю, на союзную семью народов, дружно слившихся на священной, единой целине. От бойца до вождя — все трудятся. Рождаются новые силы. Крепнет трудничество. Исполняется сужденная слава народа русского.

Бывали всякие недоверы, бывали трусливые "перелеты" бывали "нетовцы"-отрицатели. И вся эта пыльная труха исчезала, когда восходило бодрое яркое солнце народного преуспеяния. Спорили мы со многими шатунами, сомневавшимися Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы. "Москва устоит!" "Ленинград устоит!". "Сталинград устоит! Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство! Жертвенно несет русский народ все свое достояние во славу Родины! Слава, Слава, Слава!

4 февраля 1943 г.
"Зажигайте сердца"

Бывальщина

Бывает, бывает, чего только не бывает. Вот однажды в С.Франциско были нужны деньги. Очень были нужны, но ниоткуда не приходили. И никому-то об этой надобности нельзя было сказать. Становилось безнадежно. В самую безнадежную минуту — не знаешь, что и придумать — вдруг трижды стукнуло в дверь. Вошла маленькая старушка, остановилась у двери, сказала: "Не надо тревожиться — все будет хорошо". И ушла. Кто она? Откуда? Почему пришла?

На другое утро ранний звонок: "Приезжайте немедленно на выставку". Спешу. В зале вижу милую девушку с чеком в руках. Улыбается: "Через двадцать минут отходит мой пароход в Гонолулу. Которую из этих четырех картин вы мне посоветуете?" Сует чек, схватывает со стены картину и бежит к выходу. Служитель хочет задержать, но я издали машу ему: "Не мешай". Так и мелькнула, точно нездешняя, но в руке хороший чек и на стене пустое место. Подпись "Эллинор К.".

Не забудется и встреча с незнакомцем в Музее Метрополитен. Не забудется и встреча в Чикаго. А Лондон в 1920! А Париж в 1923! А Дарджилинг! А Москва в 1926! А Белуха! А Улан-Батор! А Тибет! А Индия! Всюду вехи. И не записано о них. Сколько неотмеченного!

Во время экспедиции по Тибету, ночью, ожидалось нападение голоков. Е.И. мысленно соображала возможности такой атаки, но в это время я, уже крепко спавший, сказал: "Все тихо, как на кладбище". В "Сердце Азии" упомянут приезд неизвестного богато одетого монгола, предупредившего о готовящемся нападении. И в другом месте экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать лишь чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие. Тогда старый бурят воскликнул: "Свет поражает тьму!"

Кроме дружественных встреч — многие встречи с врагами. Как часто именно враги приносят лучших друзей и возможности. Сами того не зная и не желая, враги иногда являются дарителями лучших возможностей. Имею на счету целый ряд вражеских выступлений, которые дали лучших друзей и открывали новые пути.

Грабарь пишет: "О Рерихе можно написать увлекательный роман, куда интересней и многогранней, чем роман Золя о Клоде Лантье, в котором выведен соединенный образ Эдуарда Мане и Сезанна". Всеволод Иванов о том же промолвился. То же говорилось во Франции, в Америке и здесь, в Индии. Только все,

так говорившие, знали лишь часть нашей жизни, а иногда малую часть. Много бывальщины!

В Индии, наконец, появились русские представители. Можем свидетельствовать, как долгожданны они. Появился журнал "Советские новости". Расхвачены номера, многие заказы остались невыполненными. Так тянется Индия к братскому, сердечному единению.

Все полезные вехи пусть не забудутся. Туман расстояний выедает нередко многое значительное. Бывальщина начинает казаться миражем. Но ведь она была и вела многое.

12 февраля 1943 г.

"Обитель света"

Призраки

Склон горы ярко залит заходящим солнцем. Вереница путников спешит к ночлегу. Самих людей не видно за светом, но впереди каждого бежит черная тень. Видна лишь тень — черная-пречерная, точно бы какие-то темные сущности бегут по горной тропе. Бывают в жизни такие темные мелькания. Призраки!

Немало призраков во всех концах земли. Пугали призраки, что в Карелии умрем с голода. В Швеции на выставку явился таинственный господин с невнятной фамилией, спрашивает: "Вы собираетесь в Англию?" — "Откуда вы это знаете?" — "Мы многое знаем и пристально следим. Не советуем ехать в Англию. Там искусство не любят и ваше искусство не поймут. Другое дело в Германии. Там ваше искусство буде оценено и приветствовано. Предлагаем устроить ваши выставки по всей Германии и гарантировать большую продажу. А чтобы не было сомнения, можно сейчас же подписать договор и выдать задаток". Призрак с задатком!

Во Франции призрак настойчиво советовал повидаться генералом иезуитов, суля всякие небесные и земные блага Другой обхаживал ласково, прельщая Мальтою и Родосом. В Харбине русские фашисты (какие отбросы!) с угрозами вымогали деньги. Призрак твердил о встрече в Иерусалиме (где никогда не был). Из Италии призрак советовал всецело передать наш Пакт об охране культурных сокровищ в руки Муссолини, который проведет и утвердит его.

Многие наскоки призраков! Одни призраки с именами, другие безымянные. Кто они?

Но каждый из них в той или иной форме, в конце концов, инсинуировал и угрожал, мол, пожалеете, если не согласитесь. Мы видели и месть призраков. Удивительна эта темная рука, тайно вредительствующая. Иногда ее замечаете, а другой раз только чуете без видимости.

Как в дремучем лесу, можно наехать на таинственную ведьмовскую избушку, так и в действах призраков не знаете, где и для чего оно происходит. Одно ясно, что деется какое-то вредительство, но пути и следы его заметены. Вот и в Дели что-то наслежено. Нелюбимо там все русское! Но Русь победоносна!

16 февраля 1943 г.

Публикуется впервые

АРКА (18.02.1943)

В дни героических русских побед хочется говорить о русских достижениях. Посылаю Вам "Славу"![51] Вероятно, и АРКА мыслит и действует в тех же направлениях. Собирайте и сплочайте сочувствующие силы. Среди них, наверно, немало и молодых. Если много молодежи ушло в призыв, то ведь и среди женщин многие примут к сердцу доброе дело АРКА. Суть этого дела в том, что имеет в виду будущее. Такое назначение должно особенно воспламенять добрые сердца. Всякая работа во имя Культуры близка молодежи, но ведь работа АРКА имеет глубокую особую цель. Ради такой цели можно претерпеть и кое-какие начальные заботы. Там, где сильна энергия, там и неизбежно противодействие. Но ведь даже парусные суда умеют идти против ветра. Встречные ветры несут и новые встречи. Область АРКА так обширна, что Вы можете звать всех, кто так или иначе причастен Культуре.

Получен пакет от Музея Современного Искусства. При каждой такой получке, думается, как правильна была программа нашего Музея. Только некультурность и преступность Хоршей все исказила. Что делается в грабительском стане? Зорко следите за этой бандой! Сейчас принесли доброе письмо Зины от 4 до 6 Января. Именно так, бодро и несломимо, нужно преодолевать все крепколобия и своекорыстия. Развивайте АРКА — она принесет и хороших сотрудников. Радостны сведения из Индианапольского Института. Может быть, они хотели бы и приобрести что-нибудь. Местные жители могли бы узнать и направить. Дело Дедлея и должно было решиться так, как оно и вышло. В Канаде давно была хорошая группа — у нас была переписка. Показательно, если и пожарные приходят за книгами.

Неисповедимы пути! Конечно, в "М.О." будет сзади повторена страничка с перечнем всех прочих книг на разных языках. Если следователь побывал у Фр.[52], то почему он не был у Вас? Будем рады получить бумагу АРКА, журнал и газеты. Несомненно, многое печатается, но только трудно узнавать. Итак, в добрый, бодрый путь!

18 февраля 1943 г.

Публикуется впервые

О будущем

До чего хочется сделать что-то на пользу русского воинства, Русского Красного Креста, русского народа! Давали мы индийскому Красному Кресту. Давали — на самолеты. Все это ладно, но хочется и в Индии устроить что-то полезное для русской победы. Дали мы четыре больших картины — две моих и две Светика[53], которые должны дать не менее двадцати тысяч рупий. Кроме того, цветных воспроизведений на 1300 рупий, каталог, входная плата и значительная часть с продажи — все это должно дать не менее тридцати тысяч. Только даже и в дни русских героических побед в Дели не любят все русское. А может быть, кто-то и гримасничает, слыша о победах. Много говорили о пятой колонне, "но где она гнездится?" Каковы ее намерения?

Святослав телеграфирует: "Выставка должна быть отложена". Значит, он натолкнулся на непреоборимые трудности. Чуяли мы, что в Дели неладно. В Лондоне будут устраивать трехдневный национальный праздник. Будут флаги и речи и слова, слова и слова. В Австралии тоже национальный праздник в честь русского воинства, но в Дели будет глухо и немо.

Святослав хотел дать отличное радио, посвященное 23 Февраля. Удастся ли? Столько подводных камней! Всякие сэры-гарбачи изрыгают исподтишка злую слюну. А ведь как Святослав старался устроить что-то хорошее во славу русскую!

Сейчас от него вторая телеграмма о том, что подобная выставка может быть устроена в Бомбее в Июле. Кто знает, может статься такое решение — наилучшее. Видимо, в Бомбее нашлись деятельные друзья. Увидим.

Время смятенное. В Пуне умирает в заточении Ганди. Подумайте, Ганди — совесть Индии кончается в заточении! Голодовка, слабость сердца, уремия — долго не выдержит. Какая легенда останется! Недаром говорили, что мертвый Ганди страшнее для Англии, нежели живой. Тяжко думать о конце Ганди. Такое же гнетущее чувство было, когда уходил Толстой. Переворачивалась страница истории. Уходит народная совесть, а когда она опять кристаллизуется в ком-то? Честный человек покидает землю, а много ли их — таких честных? Много ли таких самоотверженных?

Слушаем каждое радио. Русские победы перевернули великую страницу истории. Ганди — тоже страница истории. Многое решается. Лагорское радио передало прекрасный привет Святослава русскому воинству. В Калькутте, в Карачи, на Цейлоне — процессии.

21 февраля 1943 г.
"Из литературного наследия"

Шамбала

Наш лама Чампел рассказал, что в Калимпонге имеется старинная тибетская книга восемнадцатого века, в которой поминается "пресвитер Иоанн" и Шамбала[54]. Место ее называется в Испании. Лама был потрясен, когда Юрий показал ему снимки с гротов, недавно открытых близ Монсерата, с изображениями символов Грааля[55].

Недавно, в 1933 году, австрийский ученый, изучая древние персидские рукописи, натолкнулся на книгу Парсифаль Намак, вероятно манихейского происхождения. Тамплиеры[56] знали эти предания от манихеян, с которыми встретились во время крестовых походов. Альбигойцы[57] прикасались к тем же источникам. Легендарный доселе Монсерат, Монсальват, стал теперь очевидным в недавних исследованиях молодого швейцарского ученого. Песнь Вольфрама фон Эшенбаха о Граале, о страннике-камне, приобретает научное значение. Вот и еще выдержка из монгольских преданий:

"Когда Гуши-хан, глава всех Олетов, закончил борьбу с "нимава"[58], он принес с собой волшебный черный камень, подаренный Далай-ламе Владыкой мира. Гуши-хан хотел построить главный город Желтого Учения в Западной Монголии. Но олеты, воевавшие в то время с царем манджуров из-за китайского престола, терпели поражение за поражением. Последний хан олетов, Амурсана, бежал в Россию, но перед своим бегством переслал черный камень в Ургу.

Пока камень находился в Урге и живой Будда мог им благословлять народ, монголы и их скот были избавлены от болезней и несчастья. Но сто лет тому назад камень был украден; буддисты напрасно искали его по всему свету. С момента его пропажи монгольский народ начал вымирать".

Замечательно видеть, как самые разнообразные люди тянутся к этой мировой легенде. Убогая по замыслу Шангрила не только успешно обошла мир в фильме, но даже переведена по-китайски. Нет ли еще каких-либо документов в Ватикане? Ведь там хранились письма "пресвитера Иоанна". Все ли они изданы? Поучительно следить за движением и ростом легенд. За последнее время признали историческое значение легенд и мифов. Немало ценных археологических открытий сделано на основе изучения легенд. Где раздел между сказкой и сказанием? Где граница мечты-памятки и были? Истинная, беспредрассудочная наука разберет и оценит истину.

1 марта 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (02.03.1943)

Письмо Зины от 12 Февраля останется в делах как исторический документ. Если даже "покровитель" Хорша будет пытаться покрыть его, то все же все Ваши показания останутся в правительственных делах. Стыдно "покровителю", что он прикрывает такого преступного жулика, как Хорш — этим "покровитель" бросает тень на правительство. Всякий подумает, что, вероятно, сам "покровитель" замаран и участвует в хоршевской шайке. Но бумеранг Кармы не минует преступников. Чем выше они, тем крепче удар. Теперь Вы видите, зачем нужен был меморандум Ваш. Держите в полном порядке все документы. Нужно очень и письмо Хорша ко мне от Декабря 1924 года. Пригодится и декларация 1929 года. Пригодится и гнусное предложение Хорша Редфильду по делу Людмилы — ведь и эта проделка, конечно, внесена в Ваш меморандум. Пусть Катрин и Инге будут в курсе дела — ведь наши письма относятся и к Вам и к ним обеим. Конечно, портрет Е.И. можно фотографировать так же, как и мои картины. Сердечный привет Ватсону — он хороший друг, берегите его. Все, что Вы пишете о Прегель и о Слониме, показательно. Все примечайте и имейте в виду. Накапливайте новых друзей и среди них — молодых. Кроме дорогостоящих лекций, работа АРКА будет и в переписке, и посылке полезных заметок в прессу, словом, во всем, в чем звучит понятие Культуры. Узнали ли через секретаря, какая моя картина в Посольстве? Теперь особенно зорко следите за грабителем Хоршем. Ведь он где-то ползает и вредительствует. Он не может сказать, что программа Музея была нежизненна. Успех Модерн Музея (где многое взято от нас) доказывает, насколько мы были правы.

Лагорское радио передало прекрасное сообщение Светика в честь русского воинства. И содержание было отлично и голос звучал убедительно. Не дойдет эта весточка к 24 Марта, но пусть она будет памяткой охраны всех лучших воспоминаний. Живы памятки пути, и ведут они в светлое будущее. Даже в дни Армагеддона будем помнить о лучшем будущем. Думы претворятся в явь. Теперь же будем все особенно зорки. Станем на бессменном дозоре!

2 марта 1943 г.

Публикуется впервые

Ганди

Махатмаджи успешно провел свой трехнедельный пост — голодовку. О Ганди в народе ходят самые фантастические легенды. Рассказывают: Ганди был закован в кандалы в темнице, а в то же время читал народу лекцию. Видели Ганди одновременно во многих местах. Англичане сожгли дом Ганди, а он остался внутри невредим, — сидит на пепле и читает книгу. Ганди был генералом в английской армии, и англичане обещали ему освободить Индию. Но обещание не исполнили, и за то Ганди сражается за свободу своего народа. Много легенд! Некоторая мусульманская печать всячески поносит Ганди, но индусские газеты яро стоят за него. Вот образчики из лагорской английской газеты[59]:

"Отклик лагорской прессы на голодовку мистера Ганди"

Реакция индусов и мусульман на голодовку мистера Ганди отражена в лагорских газетах, издаваемых соответствующими общинами.

Мусульманская пресса весьма категорично осуждает новый шаг мистера Ганди, называя его орудием политического шантажа.

Газета "Шахбаз" сравнивает мистера Ганди со жрецом из Пагаро и заявляет, что оба они ответственны за кровопролитие, поджоги и т. д. Газета задается вопросом: "Чем же тогда объяснить столь различное отношение к ним со стороны правительства?" В то время, как правительство решило судить жреца из Пагаро по законам военного времени, мистеру Ганди и его сподвижникам дозволяется вести довольно комфортабельную жизнь за тюремной решеткой.

Махаше Кришен в статье, опубликованной в газете "Партап", пишет: "Несколько "паршивых овец" посажено за решетку, и вся Индия рассматривает Махатму Ганди как своего наиболее признанного лидера. Никто не может позволить себе игнорировать голодовку, начатую Махатмой. "Кто сможет жить, если Ганди умрет, и кто умрет, если Ганди будет жить?" — сегодня это высказывание так же актуально, как и тогда, когда оно было произнесено спикером Конгресса по случаю последней голодовки Махатмы Ганди". ("Сивил энд Милитери газет").

Поистине, "мертвый Ганди страшнее, нежели живой". Можно представить, как умножатся легенды о Ганди среди сельского населения.

В нашем горном затишье они уже растут, а что же будет в городских многолюдиях!? Кратчайший завет дал Ганди: "Квит Индия!" "Уходите". Что бы ни случилось, эта скрижаль останется

нерушима.

Когда Ганди был в Лондоне, то Черчилль отказался с ним видеться, сказав, что не может разговаривать с голым факиром. Какое бесчеловечие! Какое презрение!

6 Марта Калиныч произвел Сталина в чин маршала и поднес золотые погоны.

"А кому какое дело калина?!" Английская газета сообщает, что Сталин будет носить на шее алмазную звезду. "А кому какое дело малина?!"

Из какого-то дальнего угла радио шепчет: "вдохновленные присвоением"… Надрывно Илья Эренбург посылает вопль: "Довольно! Исстрадались мы!"

7 марта 1943 г.

Публикуется впервые

АРКА (16.03.1943)

Пришло Ваше письмо — Зины от 6 февраля и Дедлея от 21 Января с хорошей газетной вырезкой. Вероятно, такие же отзывы и в других местах, но мы их не знаем. Дедлей спрашивает, что входит в пределы АРКА — конечно, входит все касающееся Культуры — все области искусств, все области науки, воспитание, образование, здравоохранение, кооперация, агрокультура, охрана культурных сокровищ — словом, решительно все, чем совершенствуется жизнь народов. Обо всем этом давайте сведения в прессу для широкого ознакомления. Вероятно, и о лекции Ватсона Вы дали в прессу. Находите всюду друзей. Зорко следите за грабительскими проделками. Наблюдайте за пресловутыми "покровителями". Неужели все Ваши справедливые показания опять канут в пропасть? Не хочется верить, что справедливость так опорочилась! Какая моя картина в Посольстве? Вообще начните список русских произведений в Америке. Конечно, он не будет полным, но каждое новое сведение полезно. О таком списке Вы даже можете обратиться письмами в редакции разных газет по разным городам — это тоже будет полезно для АРКА. Из газеты, Вами присланной, мы узнали, что Шагал в Нью-Йорке. Он был в нашей школе, но его пришлось удалить, — он стал мошенничать и продавал свои рисунки другим ученикам для представления на экзамен. Но на одном плохо стер свою подпись и попался! Впрочем, наверно, Вы с ним не встречаетесь. Вы спрашиваете о журнале "Новоселье", мы его еще не получили и, верно, нескоро получим. Пароходная почта идет более четырех месяцев, если вообще доплывет. Через все трудности Армагеддона неутомимо ведите культурную. Если некоторые из сотрудников недеятельные, то ведь подходят и новые. Главное же — привлекайте молодых. Очень хорошо, что Зина привлекает волонтеров. Ведь всюду можно сказать об АРКА и раздать листовки. Культурная работа тем прекрасна, что может быть проявлена, поистине, везде. Забота о Культуре не есть одержание, но есть долг каждого мыслящего. И не в роскоши, но в трудных восхождениях творится культурный подвиг.

Бодрей, смелей — во имя человечества, во имя общего блага!

16 марта 1943 г.

"Зажигайте сердца".

(Первая фраза в публикации не совпадает с текстом оригинала)

Гималаи

Вот и еще две гималайские темперы ушли. Многие сотни их улетели. Иногда бывает жаль, что они так скоро бесследно исчезают. Не жаль самих вещей — пусть себе путешествуют. Может быть, порадуют кого-то! Но жаль, что нельзя по ним сложить панораму наших азийских странствий. Бывает, мы с Е.И. по ним вспоминаем многое пережитое — вершины, восходы, закаты, бури, снега, радость солнца, горные озера, реки, водопады, орлиные гнезда монастырей тибетских…

Трудно будет без Гималаев, без долины Кулуты, без снежных перевалов. Вот тогда и пригодились бы путевые темперы. Портативны они. Даже при малом багаже возможно иметь их хоть сотни три-четыре. Но многое уже разлетелось и по Индии, по Америке, по Европе. Этих странников уже не сыскать. И теперь Е.И. любит иногда просмотреть эту горную страну и вспомнить все радости нашего странствия, все преодоленные трудности, встречи и добрые и недобрые.

Конечно, память в складах хранит все такие вехи и при случае показывает их. Но иногда Е.И. любит и в красках посмотреть азийскую панораму. Гималаи! Сколько к ним устремлений! Как широка и прекрасна эта обширная горная страна — Крыша Мира. От Памира через весь Тибет — от Ку-энь-Луня до индийских равнин — неизмерима в красоте многообразной.

Когда мы шли после Танглы через перевалы в 22.000 ф., кругом вставали несчетные снеговые вершины. Кто побывал во всех этих извилинах и ущельях? Много ли видели летуны над Эверестом? Да и то, говорят, что они вместо Эвереста сняли Макалу. Велика литература о Гималаях, но мала она сравнительно. И каждый-то день что-то новое и чудесное, и грозное, и прекрасное.

Гималаи! Вот перед нами на север Две вершины Гепанга в 23.000 футов, так схожие в очертаниях с Белухою. Каждый день — новое освещение, новые небеса. Суровый перевал Ротанг — нынче под ним в Рале семьдесят локтей снега. Все неисчерпаемо новое и чудное. Неповторимы очертания Камня. Самоцвет!

24 марта 1943 г.

"Из литературного наследия"

Москва

Родной Боря, сегодня у нас большая радость — пришло Твое доброе письмо от 8 Декабря. Итак, Ты действуешь во благо, на пользу народов Союза. Рад, что мои записные листы Вам по душе. Сделай с ними так, как лучше — на месте виднее. Конечно, покуда есть сила, хотелось бы приложить ее на пользу родной земли. Знание, опытность, любовь к славной Родине — все это надо дать туда, где оно будет особенно полезно. Все мы трудимся с единою целью во благо народа. Жалко, нет фото с последних картин — Вам они были бы близки. Хлопочем устроить нашу выставку в пользу Русского Красного Креста. Святослав сейчас в доездке с этою целью. Хотел я с этой же целью издать книгу "От Гималаев", "Фром Химават", но сейчас трудно с бумагою. Еще две картины пошли на военный фонд. Думаем о лотерее. Картина "Победитель" дает богатыря, поразившего огромного змея, — на фоне очертания Белухи. "Мстислав Удалой" поборает косожского богатыря Редедю.

Юрий стремится к делу — ведь у него столько незаменимых знаний и способностей. Невозможно, чтобы они оставались без приложения. И не в одной восточной науке, но и в воинском деле и в исторической литературе он знает так много, а уж Родину как любит! Святослав развернулся в славного художника. Ты прав, какие бы портреты он мог написать! Сообщай нам все, что Тебе удастся сделать — чем скорей, тем лучше. Не была ли Татьяна Григорьевна на наших курсах? Не встречали мы ее? Как ладно, что Вы оба работаете в одном строительном деле. Ведь какая стройка предстоит! Радио сообщало, что Фролов сложил какую-то мозаику по моему эскизу. Видаешь ли его? Слушаем радио: Щусева, Толстого, Эренбурга — точно бы с Вами говорим. Привет им. Здоровье Е.И. довольно хорошо. Много она работает — пишет, переводит — все это на пользу. Всюду все необычное, вот у нас вчера снег выпал — никогда такого в конце марта не бывало. Горы кругом стоят белые-пребелые! Самоцветы! Как хочется знать о Вашей жизни, а письма идут так медленно — ведь это Твое письмо шло сто десять дней. Итак, действуй, будем ждать Твои добрые вести. Елена Ивановна и все мы шлем Вам наши сердечные приветы. Передай мои приветы всем друзьям. Привет! привет! привет!

28 марта 1943 г.

Публикуется впервые

Очаги красоты

Уже поминалось, что коллекции для американцев составляются торговцами. Подобные собиратели сопоставлялись с русскими любителями, пополнявшими свои собрания самолично, любившими творчество собирания. Какая радость была не только в овладении предметом, но и в нахождении его! Была радость в открытии произведения как старинного, так и новейшего.

В некоторых странах существует пристрастие к рамам — чтобы были они золотые; без этого иногда и не принимают на выставку. Из-за узкой рамы иногда ссылали в окраинную галерею. Не так бывало у нас. Самая узенькая закантовка была приемлема, если она достаточно обрамляла произведение. Головин ввел узкую медную закантовку даже для больших портретов, лишь бы качество стекла было безупречно. Такие металлические закантовки шли в любую обстановку. Не было у русских мастеров стремления к широким золотым обрамлениям. Это не было неряшеством, но обращением к сути мастерства.

Интеллигентный вид имели русские частные собрания. И опять они будут. В народе живет огонь собирательства. Никто не захваливал собирателей русских. Увлекательны и трогательны бывали повести собирателей, когда они показывали свои сокровища. Являлась истинная нужность художественных творений.

Часто нелегко давалось собирательство. Нередко именно семейные и родственники бывали ярыми врагами такой "роскоши", как они по невежеству клеймили лучшую радость домашнего очага. Молодое поколение, выросшее среди творений искусства, несло в себе утонченность и возвышенность мысли.

Музеи, ими посещаемые, были для них живыми и любимыми как продолжение их домашнего быта.

Особенно же трогательны были небогатые собиратели, бравшие с бою каждое свое приобретение. Любили они отдать народу свои сокровища, не "на поток и расхищение", но на сохранение и радость.

2 апреля 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (05.04.1943)

Хотелось обождать Вашего очередного письма, но все нет, и, кто знает, не пропало ли оно вообще? Между тем, наверно, у Вас имеется много новостей. Почта совсем усохла. Музей Современного Искусства присылает свои похудевшие бюллетени. Видим из них, что многие сотрудники попали в набор, и деятельность музея сильно сократилась. Еще и еще убеждаемся, что их программа очень близка нашей. Если бы не хоршевская злоба ко всему сущему, то как могли бы преуспевать наши учреждения! И другой пример на наших глазах, а именно Общество Поощрения Художеств! Там все вмещалось и процветало. Значит, дело не в программе, но в добром к ней отношении. Имеете ли Вы вести от Б.К.Р.[60]? Мы только что получили его хорошее, бодрое письмо от 8 Декабря — оно было в пути сто десять дней! Видим, что и наши письма к нему дошли. Он хочет печатать мои листки, они там очень по душе пришлись. Соображайте, во что выльется отчет о деятельности АРКА к концу года. Ведь была и лекция, и номер журнала, и большая, полезная переписка. Все эти данные отмечайте. Кроме того, наверно, и еще полезные сношения образуются — ведь год еще в начале. Но и теперь уже делайте все отметки. Как идут беседы Зины с волонтерами? Собирайте и всякие полезные газетные вырезки. Как проходит выставка собрания Бринтона? Подходят ли молодые?

Не устану твердить об участии молодежи. Они должны учиться охранять Культуру. Никогда не угрожало ей столько опасностей. Из-за войны и всяких потрясений уровень жизни понижается. Сношения прерываются. Переписка пресечена. Как же вести ее, когда весточки тонут в таинственной пучине?! И могут ли народы сидеть в клетке? Даже дикие звери в клетке впадают в маразм, в рабство или в ярость, в бешенство. А ведь сколько песен о свободе сложено за это время! Весь мир мечтает о такой несказанной свободе, но где ее жилище? Поистине, "во время мировых потрясений и познавания и отрицания возрастают". Берегите молодежь!

Многие большие деятели уходят — ушел Фокин, теперь ушел Рахманинов. Ушли академики Щербатский и Коковцов и многие, о которых мы и не слышали. Ничего не слышно о многих художниках. Удивительно подумать, сколько выдающихся людей как бы провалилось в обвале. Кое-кто из них покажется из-под обломков, но нескоро можно будет оглядеть все случившееся. Не погибли ли какие Ваши посылки, радио опять говорило о

пропавшей почте? Зорко следите за грабительскими хоршевскими махинациями. Может быть, Вам удастся обнаружить и еще многое значительное. Мы говорили о зорком дозоре — вот теперь он особенно требуется. В добрый час!

5 апреля 1943 г.

Публикуется впервые

Повторения

"Не брани меня за это, читатель, потому что предметы бесчисленны, и память моя не может вместить их так, чтобы знать, о чем было и о чем не было говорено в прежних заметках, тем более, что я пишу с большими перерывами, в разные годы жизни".

Кто же мог так просто и полно сказать? Да все тот же друг всех творцов, искателей, исследователей — Леонардо да Винчи. Каждый деятель может припомнить эти слова. В водоворотах жизни не избежать как бы повторений. Но не будут ли они лишь кажущимися? В новых сочетаниях, в неожиданных явлениях жизни многое из бывшего вспомнится, конечно, в новых очертаниях.

В волнах жизни и не может быть точных повторений. Узор волны и пены и блеска будет будто бы схожим с пробежавшими валами, но это будет лишь кажущееся сходство. В тех же законах произошло действие, но природа обогатила и обновила его.

Иногда невнимательным людям кажется, что целые племена все на одно лицо. Только поверхностный взгляд не увидит все индивидуальное различие. Потому повторение будет лишь еще одним подходом к явлению жизни. Каждый день различен, и каждое поминание будет в особом тоне. К лику прибавится еще некая черточка. Событие сопоставится с новым соседством и тем обновится.

Не убоимся новых сопоставлений во времени и в месте. Если о чем-то опять вспомнилось, значит, тому была неповторимая причина. В мозаике прибавился еще один камень, нанесена черта под новым освещением.

Даже умышленная копия все же не вполне отвечает оригиналу. Да и вопрос, каков был оригинал первоначально? Часто копиисты стараются передать вовсе не основу, а случайные наслоения времени. Причуда лаковых покрытий дает мираж, и тщетно пытаются отличить первое выражение произведения.

Можно возвращаться к тому же предмету, но невозможно точно повторить первоначальное. Неизбежно возвращение к однажды уже затронутым предметам, но это не может быть повторением. Леонардо возвращался к излюбленным наблюдениям, но ведь не повторял их.

9 апреля 1943 г.

"Из литературного наследия"

Радостно

Пишут:

"За это время к нам поступили и продолжают поступать самые разнообразные запросы в АРКА. Самая крупная кинематографская фирма — "Метро-Голдвин-Майер" теперь ставит новую фильму "Россия". И запросили нас о том, был ли в Смоленске оперный театр и симфонический оркестр, ибо действие их фильмы связано с этим. В Монреале идет музыкальный фестиваль под управлением Стоковского — ставят 7-ю симфонию Шостаковича — нас просили прислать им анализ формы симфонии и ее программу. Конечно, мы немедленно действуем в этих случаях, наводим справки, сносимся с посольством или же здесь с консульством.

Из Колумбийского университета нас просили дать им оратора для годового торжества из "Енглиш Градюэт Юнион" на тему о современной русской Культуре. Один из наших директоров, Марк С, рекомендован нами и будет им читать доклад. Я недавно интервьюировала приехавшего из России представителя Советского синема — был очень общителен и дал интересные сведения — пригодятся для доклада на заседании, которое думаем сделать для членов в конце Марта. Из посольства получаем превосходный материал — журналы "Искусство", "Творчество", газеты на двух языках, книги о фольклоре, а также их бюллетени, которые выходят три раза в неделю. Последние замечательны. Попытаюсь послать Вам хоть один, ибо они посылают нам по несколько экземпляров. Сведения о военных действиях, о реставрации городов, взятых обратно русской армией, о неслыханном вандализме, произведенном наци в музеях, библиотеках и других общественных учреждениях — все это сообщается в этих бюллетенях. Материал крайне интересный. Дедлей хорошо переписывается с первым секретарем.

Между прочим в журнале "Искусство" за Май 1941 года есть подробное описание "Выставки лучших достижений советских художников" — имена художников все новые. Очень известны М. В. Нестеров, В. И. Мухина, С. Лебедева, А. Герасимов, а также Самокиш, Малютин, Шадр и др. Большинство из них — портретисты, и, видимо, искусство портрета играет большую роль в живописи. Привожу очень интересные места из статьи об этой выставке: "История искусства знает различные виды портрета. Развитие того или другого вида портрета определяется тем, какое конкретное содержание вкладывает каждая эпоха в понятие героя. У нас в стране социализма образ героя обогащается новыми

конкретными чертами… Образ героя должен выражать эпоху. Герой не противостоит своему обществу, классу — он один из многих, он связан с массой". С удовольствием читаю эти журналы и знакомлюсь с новой психологией — восхищаюсь почитанием роли искусства и его значения в жизни страны — и журналы и газеты подчеркивают это. Ведь сказал Шостакович: "Во время войны музы не молчат". Проблески новой эпохи, нового понимания в массах — все это волнует дух, дает радость. Часто думаю о том, как был бы оценен там великий дух, мыслитель, творец, работающий для общего блага! Прихожу к заключению, что рост народного сознания там превзошел все ожидания. Удивительно это и прекрасно.

Прочла сегодня статью о Шостаковиче, и не верится, что в стране, где враг проник в самое сердце, где нужно защищать жизнь ежечасно, где голод и холод — обыденное явление, искусство стоит выше всего! Седьмую симфонию Шостаковича оповестили как национальное явление. Ее поставили в Куйбышеве, куда правительство временно уехало, и слушали ее видные члены правительства и дипломатический корпус, а по радио слушала вся страна, в окопах и в городах. А его статьи, в которых он говорит, что искусство принадлежит народу, да и само его творчество, которое он посвящает народу и которое принимается как великий дар всей нацией, справедливо гордящейся своим гениальным композитором! Да, далеко здешней культуре до таких идеалов и вообще до такого просветленного сознания".

Все это радует. Прежде бывало: "муза замолкнет в звоне мечей". Но теперь вспомнили об оплоте человечества. Прекрасно, если искусство проникает в толщу народную. Истинный прогресс народа, когда для него, даже в труднейшие дни, искусство остается утешительным прибежищем. Такой народ преуспеет. В наших встречах с народом много раз радовала чуткость к прекрасному, верный глаз к краскам, истинная любовь к художеству. Сколько друзей искусства мы встречали в деревне! Яков, Ефим, Андрей, Петр — множество мудрых тружеников радовали своими разумными беседами. Как всегда, во всем мире труднее всего с полуучками, полуинтеллигентами. Тут часто натолкнетесь на гнилые суждения. Не радует их художество. Не радует их сама природа. Не видят они красок. Горы для них — серые. Небо для них — серое. Зелень для них — серая. Точно бы все для них затянуто плесенью. Елена Ивановна нередко учила таких слепцов прозрению. Чтобы узреть синие тона гор, она заставляла сперва посмотреть на ближние желтые травы, а затем вдруг взглянуть на дальние горы. И прозревали! Учила увидать

закатное золотое небо. Учила отрешиться от городской пыли и вспомнить, как многоцветна природа. Как многообразны ее очертания, как силуэтны люди на свету, как радостно наблюсти цветы и деревья, где каждая веточка является неповторимым обликом! Много терпения требуется с полуучками. Как высокомерны их суждения! Как нелепы псевдонаучные замечания! Некий "профессор", гладя на картину, лишь заметил, что бамбуки слишком велики. Ох, не видал он гигантских цейлонских бамбуков.

Ну их к шуту! — всякие нелепости. Прекрасно, если народ прилежит к искусству, имеет открытый глаз на красоту. Такой народ — труженик, творец — преуспеет, преобразит жизнь, сложит славное будущее.

18 апреля 1943 г.

Публикуется впервые

АРКА (24.04.1943)

Долетело письмо Зины от 20 Февраля. Мы уверены, что АРКА даст многое значительное. Видим это и из Вашего письма. У Вас накопляются ценные сношения и сведения — все это так полезно в самом широком значении. Действуйте в этих направлениях. Присоединился ли к АРКА Филадельфийский Центр? Сейчас Е.И. получила сердечное письмо от Чайки. Несмотря на трудное для всех время они все-таки существуют. Вообще у Вас должны накопляться иногородние члены АРКА, ведь дальние штаты часто гораздо отзывчивее и сердечнее. Было доброе письмо и от Эми. Вы правы, восхищаясь, как народ русский чтит искусство. Эта панацея спасет от дикости, невежества, жестокости. Русский народ преуспеет творчеством, находчивостью, смекалкою. Сейчас ТАСС просил мой лист "Слава", чтобы переслать его в Москву. Знаем, что у Вас разовьются многие добрые сношения. И Вы принесете большую пользу, и Вам будет полезно. Обмен и сотрудничество — вечное обновление. Только подумайте, что Вам выпало давать чуткие, верные сведения о русском народе — это прекрасно!

Если переводчица писем Е.И. благорасположена, дайте ей перевести мои листы, которые я Вам посылал, и пришлите перевод нам — здесь он очень пригодится. Дошло хорошее письмо от Катрин. Пишет, что Хорш допущен к экспорту — как раз место для грабителя! Неужели весы Фемиды покривились? Интересно сведение о маленьких "гримли". Нет ли о них газетных статей? Вот Вы пишете об огромном уменьшении числа учащихся даже в таких старых учреждениях, как Лига Искусства. Все такое шатание есть шатание Культуры. Прискорбные признаки! Тем более необходимо твердить о Культуре. Культура каждого семени требует значительное время. Тем более Культура человека нуждается в длительном процессе накоплений. Легко разрушить, трудно создать. Культурный человек не может совершать антикультурные поступки. Действуйте бодро во имя Культуры!

24 апреля 1943 г.

Публикуется впервые

Свобода познания

Суеверия, предрассудки, предубеждения во всех веках одолевали человека. Всегда находились своеобразные инквизиторы, желавшие втиснуть истину в свои клещи. Познавание всегда бывало ограничено под страхом костра. Несчетны костры, пылавшие и справа и слева. Множество полезнейших научных нахождений горело на потеху толпы. Жгли Джордано Бруно, уничтожали Лавуазье, убили Сократа, продавали в рабство Платона. Длинен синодик невежественных уничтожений. Напрасно лучшие умы взывали об освобождении науки. Толпы кричали о свободе и изгоняли Аристида, утесняли Аристотеля, Пифагора, Перикла.

И не в глубокой древности искать примеры. На нашем веку Академия Наук преследовала Менделеева. Не от сладкой жизни ушел Мечников. Послушайте "вопль в пустыне" Пирогова. Может быть, теперь наука освободилась? Ведь сейчас все кричат о свободе и справедливости. "Ну еще не совсем победа!" Можно привести по-прежнему множайшие, печальные примеры суеверий, хотя бы они и прикрылись различными терминами.

Взять хотя бы спор о материи и духе. Кто сказал, что эти понятия различны и даже противоположны? Из давних времен звучит простейшее и убедительнейшее доказательство единства материи и ее трансмутации. Лед, вода и пар! Разве это не очевидно? И почему высшие, тончайшие слои материи будут противны ее единству? Пусть сама природа со всею очевидностью раскрепостит науку и освободит мысль. Прав Энгельс, когда без отрицаний говорит в своей "Диалектике природы", что задача науки заключается в том, чтобы раскрыть нам то, чего мы не знаем. А "при отрицании прекращается всякая наука". Ленинцы пусть помнят завет о диалектическом материализме. Диалектизм есть живое, познающее, развивающееся понятие. Он не есть мертвенное отрицание, он в основе полон допущения и свободного исследования. И еще пусть доброжелательно помнят завет Ленина о том, что так неотложно: "Первое — учитесь! Второе — учитесь! Третье — учитесь!" Долой суеверия, предрассудки, предубеждения!

1 мая 1943 г.

Публикуется впервые

Герострaты

"Безумный грек Герострат для своего прославления сжег великолепный храм Дианы Эфесской". Старинные хроники и учебники упрочили имя безумца. Оно стало нарицательным во всех веках для всякого вандализма. Не знаем, были ли вандалы столь же жестоки и разрушительны? И на нашем веку выросли целые банды герострaтов. Герострaты ютятся в разных странах. Некий Герострат изрезал репинского "Ивана Грозного". Другой его собрат изуродовал "Анжелюс" Милле. Доморощенный герострат уничтожил мои фрески. Много чего случилось. Видели вандализмы в Испании. Видели Лювен, Ипр, Реймс. Теперь Новгород, Ясная Поляна — длинный синодик разрушений. И не перечесть! С каждым днем возрастает мрачный синодик вандализмов. В журналах остались снимки позорных аутодафе, когда на улицах сжигались ценные книги и предметы. Непростимы вандализмы, кем бы они ни совершались. Это уже не "прискорбные заблуждения", а ярое невежество. А невежество есть злейшее преступление. Уничтожать достояние народов может только невежда — темный и злой.

Наверно, где-то ведутся списки вандализмов, но пусть они не останутся распыленными. Ради истины их нужно крепко запечатлеть. Имена всяких герострaтов нужно записать погромче. Пусть они получат свою мрачную славу. Нечего утешаться тем, что христиане уничтожали Александрийскую библиотеку. И такая ярость должна быть записана.

Пусть накопятся траурные тома на стыд и позор человечества. Пусть эти тома хранятся в школьных книгохранилищах, чтобы малыши запомнили о темных деяниях невежд. Устыдится человек зверства, жестокости, вандализма и запомнит об истинных сокровищах человечества. Пусть будут собраны особые комитеты — беспредрассудочные и справедливые — и соберут они архив ужасов. Весь народ запомнит о злодеяниях. Помню, с каким ударением нам показывали ядро в стене каирской мечети и шептали: "Ядро Наполеона". Даже такая подробность врезалась в народную память. А ведь сейчас перед человечеством целый океан ужасов. Да, да, да, пусть все вандализмы будут неприкрыто записаны и сохранены на позор человечества. Будь то наследники Гете и Шиллера, или Шекспира и Байрона, или Ярослава и Александра Невского, или Данте и Леонардо, если вандализм произошел, он должен быть отмечен. Герострaты да получат свою славу срамную, мрачную.

2 мая 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (07.05.1943)

Пришла телеграмма от Катрин о покупке дома или о снятии целой квартиры. Ответ Е.И. Вы уже имеете. Местные условия так необычны и сложны, что лишь на месте можно решить, что лучше. Обе комбинации имеют и за и против. Что менее обременительно, то и легче. При всяких происходящих инфляциях вещи, как таковые, особенно ценны — недаром делаются разные приобретения, но нужно сообразить, что именно менее обременительно. Взвесьте все. Вы также получили нашу телеграмму на запрос Ральфа Л. о картине. Не знаю, выйдет ли что из его запроса или же в нем скрыта какая-то тайная цель? Я с ним сношений не имел, лучше Вам деловито ответить ему. Это вполне естественно, ибо из Индии все равно сейчас картину не послать. Радио то и дело сообщает о погибших посылках и письмах. Вот и Ваши посылки журналов все еще не дошли.

Справились ли Вы, какая моя картина в посольстве? Для списка картин Вам нужно это знать. Тампи печатает второе, дополненное издание своей книги "Гурудев Р.", ибо в Индии большой спрос. В нынешнем году двадцать лет со времени нашего приезда в Индию и мой семидесятый день — индусы очень ценят этот срок и считают не по годам, а по дням рождения. Пусть каждый по-своему.

Сейчас долетело Ваше письмо от 30 Марта с припиской 1 Апреля. Все мы сердечно радуемся успехам АРКА, в которых были уверены. Так и действуйте во имя Культуры — доброжелательно. Надо мыслить широко, и Вы видите, что наши прогнозы оправдываются. Спрашиваете, не уделить ли Вам два дня в неделю для работы в Красном Кресте? Не хватит у Вас времени, ведь АРКА началась удачно и нуждается в ежедневных попечениях. Наверно, каждый день идут и посылаете какие-то письма, хотя бы и коротенькие. Кстати, извещаете ли Вы всех почетных советников об успехах АРКА, а то они заскучают. Наверно, и уроки русского языка разовьются. Непонятно, о каких запросах Святослава об архитектуре Вас спрашивали. Он никого никогда не запрашивал. Кроме его прекрасного радио о русском воинстве, он помог русским ученым-ботаникам, которые здесь в командировке. Юрий сейчас работает над огромным трудом — перевод с тибетского. Он послал Вам свою работу о Гесэр-хане. О ней получены отличные отзывы из Лондона и здешние. Прекрасно работает. Конечно, от Вас бюллетени и посылки еще не дошли. Впрочем, пароходные посылки идут четыре месяца и более. Все хорошо в Вашем письме, но грустны сведения о руке Инге и об

ушах Дедлея. Неужели врач не мог прописать, кроме горячей воды, какой-либо массаж или электричество или синий свет? Ведь без правой руки — ужасно. Думается, что ухо Дедлея отойдет опять — лишь бы не простудиться. Привет Мюль, Арбеловым. Наши мысли с Вами, с Катрин, с Инге, с Жином, с СМ. Да будет Вам всем хорошо в эти трудные дни. Е.И. работает не покладая рук. Все каждый в своей области трудимся и радуемся слышать от Вас о Ваших неустанных трудах во славу Культуры. Да будет Свет!

7 мая 1943 г.

Публикуется впервые

Огрубение

Опять заговорили о возможности газовой войны. Правда ли это или только взаимные острастки — покажет будущее. Но уже одни толки допускают и этот чудовищный вид взаимоистребления. Так, чтобы не только человечество взаимоуничтожалось, но чтобы и сама земля отравлялась… Куда же дальше?

И без того уже ползает мрачное огрубение. Люди совершенно спокойно толкуют о таких ужасах, какие раньше бы и в голову не пришли. Зверство входит в обиход человеческий. За огрубением протолкнется и мохнатое одичание. Ужасен лик цивилизованного дикаря. И не только взрослые, но и дети уже болтают о диких выходках.

Влезло огрубение в сердце человеческое, и трудно будет изгнать такого отвратительного посетителя. Врачи говорят, что при болезни здоровье уходит фунтами, а при выздоравливании возвращается золотниками. То же можно сказать и об огрубении. Тиранически овладеет оно человеком, перестроит весь обиход, опошлит мышление и… где те меры в современном государстве, которые освободят человека от безобразного одержания?

Скажете — школы, но и в них влезло огрубение. Скажете — творчество, но ведь и оно в услужении грубости. Даже язык человеческий превращается в какой-то тюремный, кабацкий жаргон. И все это влезает помаленьку да полегоньку. Но тяжеленько становится от такого "полегоньку".

Плохо утешение, что дикари вымрут, но как же быть с молодежью, с детьми? Яд огрубения хуже любого наркотика. Сколько потребуется лучших помыслов, чтобы изгнать беса дикости?

Не будем закрывать глаза: человечество заболело огрубением. И от тяжких болезней можно излечиваться, но при болезни Культуры какие же операции потребуются? И где та сестра милосердия самоотверженная, которая займется ухо-: дом? Ведь и у ней самой болит сердечко от огрубения. Помоги болящим, сестра милосердия!

Теперь и "милосердие" особенное. Из "милосердия", пожалуй, сотворят такие чудовищные бомбы, что они будут разрушать целые города. Впрочем, ведь и гильотина изобретена из "человеколюбия". Из такого же "милосердия" изобретен и электрический стул. В Чикаго настоятельно звали посетить скотобойни. С гордостью заявляли об ежедневном убийстве пятидесяти тысяч скота. Помоги, сестра милосердия!

12 мая 1943 г.
"Из литературного наследия"

Метеоры

Ходжа Худай-Берди-Бай еще недавно утверждал, что только сумасшедший может допускать, что камни могут падать с неба. Все доводы о метеоритах, известных уже давным-давно в Китае, не помогли. К тому же и Коран не поддержал. Вероятно, Ходжа возликовал бы, если бы прочел у Неймайра о европейских ученых конца восемнадцатого века, тоже отрицавших возможность метеоритов.

"Свидетельства об этих явлениях слишком многочисленны, сотни и тысячи людей были их очевидцами, целые страны тревожились и волновались; сомневаться в действительности этих метеоритов невозможно и странно; тем более кажется удивительным, что еще в прошлом столетии почти все ученые отвергали справедливость этих известий, смотрели на них как на последствия суеверия, обмана и глубоких заблуждений, а падение камней с неба считали физически невозможным. Когда в 1790 году было опубликовано об упомянутом выше загребском метеорите, Штютц говорил: "Только люди совсем невежественные в естествознании могут верить, что камни падают с неба. В 1751 г. в этом были убеждены даже ученые Германии; но тогда царило полное незнание естественных наук и физики. В наше же время непростительно считать сколько-нибудь вероятными подобные сказки". В 1790 г. у Жюльяка в Гаскони упал метеорит. Начальство этой области отнеслось к явлению с достойным похвалы благоразумием: был составлен протокол, подписанный 300 очевидцами. Но когда этот документ предъявили в Парижскую академию, то официально подтвержденное известие она сочла просто глупостью.

Один ученый зашел даже слишком далеко и уверял, что если бы такой камень упал к его ногам, то он бы не поверил этому факту; другой причислял Хладни к числу тех людей, которые создают лживые учения о мире и не подозревают, что они-то и виновны во всем зле, которое царит в области нравственности".

Вот так ученые! Вот так Европа! Наши летописцы, хотя и своеобразно, но все же определенно отмечают "небесные камни".

Древнейшее сведение о метеорите, выпавшем в пределах России, относится к 1290 г. По сообщениям современника, падение произошло 25 Июня в полдень близ Устюга Великого: "Бысть же о полудни найде внезапу над град Устюг облак темень и бысть яко нощ темная… И посем явишася и восташа со все четыре страны тучи великия, из них же исхождаше молния огненная безпрестани, и грому убо многу и страшну бывшу над

градом Устюгом, яко же не слышати, что друг с другом глаголати". Конец явления описывается так: "И в той час бысть тишина велия и не бысть молнии и грому и разво-дящеся облацы огненнии на все страны и пойдоста на места пустынная и тамо попалиша многая лесы и дебри, тем же многим и безчисленным камением ови древеса из корени из-биша, а иныя в полы поломиша".

Уже одна выставка его в этом священном месте указывает на его особенное значение. Среди устюжан сохранилось предание, будто этот камень происходит из той каменно-огненной тучи, которая в 1290 г. угрожала В. Устюгу полным разрушением и которая была "отведена" от города молитвами св. Прокопия Праведного. Имеется даже в исторических документах указание на такое происхождение его: по свидетельству местного священника, камень "привезен 1 Ноября 1638 г. из Катавальской волости — из числа выпавших в 1290 г.". Но при ближайшем исследовании этот камень оказался просто глыбой красного гранита. Вероятно, при перевозке в 1638 г. была сделана ошибка: вместо метеорита взяли простой валун.

Летопись сообщает еще о двух падениях не сохранившихся метеоритов. В 1421 г. Мая 11-го в Новгороде произошло "знамение страшно зело": "В полунощи бысть трус велий, на воздусе взыде туча с полудне темна сильно зело с громом страшным и с молниями блистающими, якож и прозрети немочно бе, и чающим человеком сожженным быти от огня онаго. И пришед ста над градом и изменис туча от дожденосня на огненное видение; людиеж всяко чающе пламеню быти пожигающу… И бысть дождь мног и град велий, и камение являшесь изо облака спадшее на землю".

Другое историческое падение метеорита, о котором сообщает летопись, происходило в 1162 г. 22 Ноября в Белозерском уезде. По преданию, два из выпавших метеоритов были отнесены в монастырь к настоятелю "и один вкладень в стену, а другой положен на паперти".

18 мая 1943 г.

Публикуется впервые

Что ж такое?

Индия оскорблена постановлением Южной Африки. Русско-польский разрыв. Чрезвычайный посол Рузвельта не допущен к Ганди. Китай жалуется на недостаточную помощь. В Канаде работает Украинско-Канадский Комитет о самостоятельной Украине. В Иране какие-то брожения. Жиро сместил тунисского Бея. Жиро и де Голль. Британские офицеры негодуют, почему американцы получают гораздо большее жалованье. Индусы получают еще несравнимо меньше. Когда Криппс уезжал из Москвы, радио повестило: "С приездом этого господина интриги усилились". Так и сказало по всему миру московское радио. Много странностей и все это из стана союзников. А что же будет, когда дело дойдет до шапочного разбора?! Бернард Шоу только что бросил крылатое слово о следующей войне. Конечно, Бернарду все простительно. Уже много раз он бросал "словечко, от которого потухнет свечка". Но призрак новой войны ужасен.

Горький перед смертью пророчески сказал: "Будет война, надо застегнуться на все пуговицы". А где такие пуговицы? На базаре уже и пуговиц нет. Много чего уже нет в обращении. Вот здесь известный тип Гарбач назначен с огромным жалованием судить о послевоенном переустройстве. Но такому ли типу судить? Кабаки переполнены, гнусный джаз завывает. Под сурдинку идут убийства. Вот сейчас застрелен Алла Бакш четырьмя неизвестными. Убийцы, конечно, скрылись.

Много чего творится! А печатный станок работает без устали. Океан обесцененных бумажек. Многие цены вздулись ошеломляюще. Что ж это такое? А ведь война далеко еще не закончена. Произошли поворотные пункты. Ряд побед и на Волге и в Тунисе уже предвещает возможность полной победы. Но до нее еще нужно дойти через окопы инфляции и всяческих недоразумений и недомолвок. Путь извилистый, и много мин скрыто в таких окопах.

А тут крылатое словечко Бернарда о призраке неизбежной будущей войны. Бернард вещает: "Демократия русская, плутократия американская будут еще сражаться". Неладно! Как же быть с Культурою? Договоры превращаются в клочки бумаги. Беседы, поцелуи, обнимка тоже немногого стоят. А ведь мы еще знаем лишь частицу происходящего. Полицейское радио, урезанные газеты дадут только намеки. А крылатые словечки Бернарда вызывают призраки престрашные и неумолимые. Как же быть с Культурою?

24 мая 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (27.05.1943)

Дошел Ваш пакет от 22 Декабря с программой о лекции Уатсона и со статьей "Положение". Мы тоже слышали об этом положении. С той же почтой Юрий получил от проф. Вернадского /Йэль/ две его последние научные работы. Он очень ценный ученый с широким кругозором. Его "Начертание русской истории" Вы, может быть, уже читали. Большие ученые — Ростовцев, Васильев, Сорокин — поддерживают славу русской науки. А сколько отличных русских музыкантов и художников в Штатах! Не приходилось ли Вам слышать о судьбе московских художников Юона, Павла Кузнецова, Гурьяна Феофилактова — их была целая группа, ведь не вымерли же все они? Радио поминает какие-то совсем иные имена. Наверно, у Вас набирается много интересных сведений, если можно, сообщайте их. Неужели все Ваши показания о грабительстве Хорша канули в Лету? Казалось бы, подобные факты не могут игнорироваться правительством, если они зафиксированы официальными лицами. Неужели может оставаться на службе человек с "формуляром" Хорша?

На телеграмму Дедлея мы сейчас же ответили. Конечно, все делаемое во имя Культуры всегда уместно и своевременно. На месте Вам видно, хороши ли условия. Где именно может быть помещение? Какие пути сообщения? Ведь теперь у Вас там все условия особенные. Если пишутся контракты, то всякие пункты должны быть законно предусмотрены. Да что говорить, сами Вы знаете, как бывают подстраиваемы всякие уловки. Главное же, чтобы новое помещение не было обременительно. Удивительно, насколько сейчас всюду усложнились местные условия. В Симле Р. Ренц собирается издавать серию брошюр: "Нью Уорлд Лайбрари". Для первой он взял "Рерих", три статьи — Леонида Андреева, М. Бабенчикова и Голлербаха. Удивительно, что даже среди Армагеддона вспыхивают культурные искры. Всюду растет внимание к русскому. Правильно было наше постоянное задание о русском народе, о русской Культуре. Так, через все трудности и донесем. Сейчас дошел Ваш пакет с "Новосельем". Понимаем, что все Ваши труды с этим номером, также понимаем Ваши неудовольствия. Вы правы, что-то есть малоприятное в этом журнале. Во всяком случае, Вы сделали все, что могли, и принесли пользу. Каждое зерно пользы так ценно, а сейчас в особенности! Обширные поля пользы Вам даны, и эти посевы Культуры будут оценены. Шлем Вам, всем друзьям наши лучшие мысли.

27 мая 1943 г.

Публикуется впервые

Служители Индии

Общество служителей Индии, Пуна, Индия "Общество служителей Индии" — одна из наиболее влиятельных общественных организаций в Индии. Это Общество, основанное в 1905 г. преподобным Г. К. Гокхалом, представляет собой небольшую группу людей, посвятивших свою жизнь преданному служению Индии. Для вступления в Общество необходимо пройти испытательный срок. Плата символическая. В Общество принимаются только люди, обладающие исключительными способностями и преданные делу. Начав с деятельности в области политики и достигнув конституционными методами замечательных результатов, имеющих международное значение, оно впоследствии много сделало в сфере образования, экономики, социальной политики. Особенно заметные успехи приносит деятельность в области профсоюзного движения и защиты угнетенных классов. Это — не сектантское и не коммунистическое объединение, оно стремится преодолеть все кастовые различия. По инициативе его членов созданы "Сева Садан Пуна", лиги социальной помощи Бомбея и Мадраса, другие подобные организации по всей Индии. Двое из членов группы были членами Королевской комиссии по труду в Индии. Общество издает три газеты и несколько бюллетеней. Они готовят и распространяют чрезвычайно важные памфлеты. Это необычное объединение пользуется огромным влиянием.

Служители Индии! Это хорошо! Сегодня приходил один из них, Коданда Рао — культурный деятель. Много таких культурных ячеек разбросано по всему индийскому континенту. Одни из них отмирают, другие нарождаются. Не видны они поверхностному зрителю. Также много и философских журналов и книг. Каждое из таких изданий имеет свой круг воздействия. Нелегко узнать их, но мысль Индии живет ими. Выше зримости строит мысль свои твердыни.

"НА ВСЕХ ПУТЯХ КО МНЕ ВСТРЕЧУ ТЕБЯ".

3 июня 1943 г.

Публикуется впервые

Перевод Н. Л. Некрасовой

Посевы (06.06.1943)

Сейчас долетело славное письмо Зины от 24 Апреля. Мы уже дали две телеграммы, одобряя Ваши планы, если они исполнимы. Конечно, "под лежачий камень вода не течет". Рост есть движение, и каждый рост должен быть приветствован. Конечно, Вашему новому партнеру Вы не будете слишком много говорить. Сами знаете, какая осторожность нужна с людьми. Равновесие спасет от разочарований. Ясно, что сами дела стремятся к расширению. Все Ваши планы своевременны и на деле Вам видны будут ближайшие возможности. Ведь и "Фламма" не иссякнет, хотя она сейчас по военному времени и замерла. Журнал, Вам присланный, издается здешним правительством, его издателя не видели. Мы получили телеграмму о критической болезни Саны — все мы были глубоко потрясены. Их телеграмма была из Нью-Йорка, потому мы и ответили через Вас. Сана такой славный человек, доброжелательная, отзывчивая. С чего началась ее болезнь? Повсюду беды и трудности. Тем крепче держитесь вместе, тем дружнее рассеивайте тучи невзгод. Ободрите опечаленных. Дайте надежду молодым.

Ослепленный своим гнусным грабительством Хорш порушил Русский Музей в Америке. Ведь именно теперь Русский Музей имел бы особое значение. АРКА могла бы процветать при Музее. Но Хорш и обе его ведьмы ненавидели все русское, у них не было прозрения в будущее. Они не понимали и Знамени Мира. Ведь это Знамя было предвестником Армагеддона и должно было напоминать человечеству об истинных сокровищах. Но хоршевская банда была далека от таких соображений. У них в основе лежала ненависть, а строить на ненависти — все равно, что строить на песке. Ну что же делать, если преступники так многое разрушили, пусть АРКА хотя бы в утеснении все же творит свое доброе дело.

У Вас уже накопляется для отчета много полезных достижений. Включайте туда же и "Подвиг": этот лист говорил о том же добре. Вот мы мечтали о Лиге Культуры. Уже заложены были основы ее. Но разве Хорш и его шайка могли иметь что-либо общее с Культурою? А ведь сейчас такая Лига очень нужна. Можно себе представить, как нелегко было грабителям десять лет носить маску культурных работников! Хитро притворились они, чтобы выждать час ограбления. Все-таки удивительно, что общественное мнение трусливо замолчало позорные, антикультурные преступления Хорша. Ведь его действия не только уголовны — они антикультурны. В этом позор не только

Хоршу, но и его пресловутому "покровителю", вернее, прикрывателю. Позор! Пусть живет АРКА, пусть живет Академия, пусть живет "Фламма", пусть живет издательство — в них нерушимый посев Культуры. Человечеству неотложно нужны такие очаги добра, творчества, преуспеяния. Даже в труднейших условиях, под вихрем и ливнем, семена не погибнут. Подумайте, сколько сейчас непоправимо уничтожается культурных сокровищ! Когда-то будет запечатлен полный список уничтоженного, и человечество содрогнется. Помните, как на лекции у биософов в 1934 году я указал на явление Армагеддона в 1936 году. Кто-то после лекции шептал: "Можно ли открыто говорить о таких событиях?" Но события уже наросли и предупреждение было своевременно. Предупреждение бывает и предотвращением, если глаза и уши открыты доброжелательно. У Вас сейчас хорошая разнообразная аудитория. Вы можете, по сознанию, давать столько оздоровляющей помощи. Если сейчас нет бумаги, чтобы книги печатать, то ведь слово еще не иссякло! Так и помогайте всюду, где можете. Сердечный привет всем Вам!

6 июня 1943 г.

Публикуется впервые

Кредо

Когда мы предлагали меры к охранению культурных сокровищ при войнах и всяких разгромах и погромах, нам говорили: "Ага, значит вы допускаете войну и всякие разрушения!" А как же отрицать войну и всякие зверства, когда человеко-животное сознание о них только и думает?

Фарисеи и книжники, может быть, по-вашему и сейчас война не свирепствует на позор человечеству? Как же растолковать вам, что бороться против войны можно лишь повышением культурного уровня? Как дать вам понять, что каждый заушающий, насилующий своего ближнего уже прегрешает против Культуры? Как же сказать вам, что зверство, дикость, огрубение есть следствие невежества?

Существуют такие наивные индивидуумы, которые воображают, что понятие Культуры достаточно воспринято человечеством. Ничуть не бывало! Даже крахмальные пристяжные воротнички с трудом прикрывают дикую некультурность. Цивилизованный дикарь — какое ужасное чучело нашей современности!

Уже поговаривают о переустройстве мира! Опять словоговорения, и в них даже слово "Культура" не будет помянуто. Воспитание, образование, просвещение опять окажутся на запятках у торгаша. Бюджет просвещения опять будет утеснен. Ученые и учителя опять будут обойдены. Какое же предполагается переустройство мира, если Культура не будет возглавлять его? Или опять вавилонская башня и разъединение языков?

"Атлантическая хартия" вещает о свободе самоуправления всех народностей. Для начала Индия не включается. Алжир, Марокко, Тунис тоже как будто не имеются в виду. Пресловутая свобода вообще приобрела своеобразный аспект. Конечно, для свободы опять-таки нужна Культура. Без нее всякие хартии окажутся акультурны.

Говорил: охраните Культуру. Согласитесь на неотложности заботы о Культуре. Всякое переустройство начните словом "Культура". Все соглашения произойдут лишь, если будет повышен общий культурный уровень. Истинная, высокая Культура принесет и мир всего мира. Твердим.

12 июня 1943 г.

Публикуется впервые

Дума

Толстой говорил: "То страшное напряжение, с которым люди нашего времени стремятся к одурманиванию себя вином, табаком, опиумом, картами, чтением газет, всякими зрелищами и увеселениями, — все эти дела производятся как серьезные, важные дела. Они, действительно, важные дела.

Если б не было внешних средств отуманения, половина людей немедленно перестрелялась бы, потому что жить противоречиво своему разуму есть самое непереносимое состояние. А в этом состоянии находятся все люди нашего времени. Все люди нашего времени живут в постоянном вопиющем противоречии сознания и жизни…

Пошли века суеверий, рабства, угнетения духа. Замерло христианство, и властный призыв его к жизни заглох под грудой уставности, догматизма и гонения на слово. Но все до времени.

Саван смерти свился и исчез в синеве утра, и люди, как встарь, чуют соки жизни и тянутся к свету, к добру. И вот-вот заколышется нива тучным колосом любви и мира, и радостная пора обильной жатвы уже виднеется впереди.

Надо быть слепым и глухим, чтобы не видеть и не слышать зарождающегося нового сознания среди людей. Мы не чутки, мы оглушены. А жизнь загорается новым, сильным светом, и не только у нас, в маленькой отмежеванной воинами части земли, но на всем большом просторе мира идет немолчное и страстное стремление к новой жизни без всякого насилия, без всяких регламентов и указов, порабощающих людей не духа, а плоти.

Уже дополнена мера отцов, и дух людей истосковался о другом…

И это другое уже наступает и рождению этого другого мы должны посвятить свои силы.

Я близок к смерти, и мне нет надобности что-нибудь скрывать из своих мыслей, и говорю вам: мы живем в великий канун.

Я полон предчувствия о пришествии новой жизни — радостной, трудовой, счастливой, в любви, совете, мире…

И жизнь эта потоком зальет ручей мелкой политики, как заливают вешние воды мелкие ручейки, лощины, поглощая и унося их с собой в реки, в море, в океан".

Да будет!

18 июня 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (24.06.1943)

Не было Ваших вестей за эти недели. Как налаживается Ваш прекрасный проект о новом помещении? От Муромцевых была вторая телеграмма и опять неутешительная. Лишь бы не очень страдала бедная Сана. Такой славный, душевный человек! Повсюду трудные времена. И трудно преуспеть в пользе, но не покладая рук действуйте во благо. Одно издательство в Бомбее очень хотело печатать мою книгу в пользу Русского Красного Креста, но нынешние условия и цены совершенно невозможны. Пусть Русский Красный Крест не сетует, что я будто бы забыл о нем. В четырех местах пытался я издать книгу в пользу РКК, и везде теперешнее издательское положение оказалось непреодолимым. Дороговизна бумаги и печатания пожрет всякую возможность пользы. Право, сейчас авторы могут издавать лишь для собственного утешения. А еще люди болтают о Культуре, но сами пресекают все пути к ней. То же и со всеми просветительными учреждениями! А ведь лишь культурными путями может совершаться переустройство мира, о чем много говорится сейчас.

По старому моему обычаю хочется помочь Красному Кресту. Вот вчера московское радио сообщало, что какой-то колхоз пожертвовал пять кур. Никогда не стали бы всемирно сообщать о таком пожертвовании, но, видно, велика нищета. В нужде каждая "лепта вдовицы" уместна.

И все-таки русский народ всегда будет самым богатым. Ему дана необъятная целина урожайной земли. Ему доверены несчетные богатства подземные. Много чего уже найдено, но гораздо больше еще захоронено в сокровищнице сокровенной. Трудные испытания русского народа, но лучшая сталь закаляется тяжким молотом. Много чего не было выявлено вовремя, и расплата жестока. Давно мы твердили, что творчество русское должно быть показано достойно. Каждое посольство русское должно быть как бы русским музеем. Лучшие образцы русских достижений и накоплений могли быть явлены на диво всему миру. Но о том ли думали наши послы? Каждый из деятелей знает, что культурные попытки не встречали содействия. Можно назвать множество прискорбных памяток. Тем более надлежит показать русскую Культуру, русские возможности. Ведь не знают их люди. А показаны они бывали очень превратно. Пресловутая "развесистая клюква", чего доброго, и посейчас процветает. Казаки еще недавно были оклеветаны, что он" едят сальные свечи. Медведи на улицах. А "генерал Харьков" поминался совсем

недавно. Не будем назад глядеть, а поможем, где можно, для понимания истинного.

На днях слушали статью Эренбурга "Исстрадавшаяся Россия". Вот ей-то и поможем и словом и делом. Не было ли у Вас весточек от Бор. Конст.? Уже с 8 Декабря мы от него ничего не имеем. Не слышали ли Вы о Париже? Вспоминаю Пуанкаре, Думерга, Гуро, Лиотэ, Франше д'Эспере, Говена, Пюви де Шаванна, многих, многих… Заменились ли они другими такими же? Неужели и в Париже картины не сберегутся? Вот и Брюгге под бомбами. Опять здесь спрашивали рижскую монографию… Вообще существует ли она и прочие книги? Где целый ящик невосполнимых клише?

Сейчас мы слушали о разрушении Петергофа, — оказывается фронт проходит через этот исторический город. Мы: предлагали объявить исторические города неприкосновенными городами-музеями. Но ведь тогда и слышать об этом не хотели. Петергоф был поразительным ансамблем петровского времени. Непоправимо!!! Между тем монгол не положит книгу на землю, а китаец несет найденную бумагу с письменными знаками в особый сборный ящик. Если собрать Культурные цветы многих народов, то какой чудный сад выявится! Итак, собирайте, как пчелы со всех цветов, и давайте радость людям — ведь сейчас так трудно живется. Сердечный привет всем друзьям.

24 июня 1943 г.

Публикуется впервые

Почему?

Американский майор повез от Далай-ламы подарки Рузвельту. Американцы в Лхасе. Германцы были в Лхасе. Британцы в Лхасе. Индусы в Лхасе. Итальянцам можно быть в Тибете. Всем можно, только русским нельзя. Не так давно Юрий спрашивал в Дели о поездке в Тибет, и опять — "длинный нос". И не тибетское правительство против. Мы имели достаточно уверений от тибетцев и китайцев. Весь затор — в британцах.

Почему? Даже причин не скажут. И теперь, когда за Москвою так ухаживают, русские ученые допускаются в Индию лишь в неотступном "сопровождении". Представитель агентства ТАСС не может переменить квартиру, ибо рядом должен жить надзиратель.

Для отвода глаз правительство издает просеянный журнал "Новости Советского Союза", но надзиратели и сопроводители все те же. В сущности — как было, так и есть. Группа индусов-друзей хотела лететь в Москву на свой счет (по 4000 рупий с каждого), для вида разрешение было дано, но аэроплан не был дан, ибо состав группы не понравился в недрах. А недра эти как были, так они и есть.

Почему? Исконная ли зависть ко всему русскому? Ненависть, которою даже Киплинг болел? Старинное шептание — есть ли русские самый восточный из европейских народов или самый западный из азиатских? Что же делать, если самая большая часть России находится в Азии!

"От Востока свет"! ("Екс Ориенте люкс"). Из Азии пришли великие Учения. Пора бы примириться с этою истиной. Но все-таки еще совсем недавно индусы не допускались в первый класс поезда. Индусам было запрещено ходить по главной улице Симлы. Китайцы принимались по второму и третьему классу. А русские вообще не допускались в Индию, а если и допускались, то со скрежетом зубовным. Даже и теперь к союзникам часто сквозит престранное отношение…

Почему? Почему же? К чему? А ведь старая французская пословица говорит: "Искренняя обоюдность есть основа договоров".

28 июня 1943 г.

"Из литературного наследия"

"Промыслы"

Газеты сообщают, что вследствие недостатка в одежде в Джайпуре какие-то личности разрывали мусульманские могилы и раздевали покойников. Чего только не случается! Говорят, что в китайском Туркестане зачастую ограблялись китайские могилы с целью добычи одежды и ценностей. Мрачный промысел. Ограбление могил известно уже и в глубокой древности. Египетские некрополи бывали ограбляемы, вероятно, вскоре после погребения. Южно-степные курганы нередко носят следы ограбления. При этом грабительская траншея велась с полным знанием внутреннего устройства кургана.

Тем более понятны некоторые древние обычаи сокрытия знатных погребений. Легенды говорят о погребении на дне временно отведенной реки. Погребали в степи и через все это место много раз гоняли табуны, чтобы замести все следы. Вероятно, не без причин были убиваемы погребальщики, знавшие все подробности обряда.

Очень умело сибирские старатели извлекали из курганов золотые листы, служившие ложем покойникам. Целые артели с петровских времен промышляли этим прибыльным занятием. Каждому археологу приходилось наталкиваться на разграбленные курганы. Трудно разобраться, когда именно происходило ограбление, но, может быть, оно часто относилось к древним временам.

Наверно, не всегда одна корысть увлекала копателей. Заманчивое кладоискательство порождало неутомимых своеобразных охотников. И повести их так сходны с пресловутыми "охотничьими рассказами". Целый замысловатый фольклор собрался вокруг кладоискательства. История слилась с богатой выдумкой. Без ус-; тали бродит странник-искатель. И нет в нем разочарования, если ему не посчастливится. Есть и про него клад!

5 июля 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (14.07.1943)

30 Июня мы получили письмо регентов из Албани от 24 Февраля о назначении на 17 Апреля заседания о Музее и Институте. Конечно, Вы обо всем знаете, ибо телеграфно Вы снеслись с нами, но получение 30 Июня письма о заседании 17 Апреля показательно, насколько сейчас можно сноситься на больших расстояниях. Пресловутая цивилизация подмокла. Пакет был на имя Е.И. 2 Июля пришел такой же пакет на мое имя. На всякий случай, отметьте себе эти даты.

Получили мы от Катрин телеграмму о болезни Мориса. Добрая мысль пригласить его в Аруну на поправку. Воображаю, какое нездоровое, пыльное, жаркое место Альбукерк! Каким образом случилось заражение крови? Пришла телеграмма от Муромцева и на этот раз более утешительная. Все мы порадовались. Пришли три бюллетеня — значит, не все теряется. Присылайте, если что будет интересно. Еще пришел пакет с бумагой АРКА. Очень хорошо!

Сейчас Светик и я заняты странным делом — уничтожаем некоторые свои прежние картины, чтобы выгадать холст для новых. Так, "Микула" дал место для "Вести Шамбалы", "Монастырь Сису" уступил холст для "Ведущей". У Светика "Заветы Учителя" превратились в "Андромеду", "Христос" — в "Дамаянти"… Что делать, нет холста для темперы! А выписать неоткуда — Армагеддон гремит! Конечно, иногда после приходится пожалеть о таких харакири. Помню, в свое время я уничтожил картины: "Ждут", "Дом Божий", "Путь великанов", "Век камня", а после именно о них много спрашивали. Главное, жалеть не надо, а смотреть лишь вперед.

Уже год, как живет АРКА. Когда сложите все Вами сделанное, получите отличный список полезной работы. Может быть, и Вы слышали московское радио Ильи Эренбурга: "Слава России". Кончается оно обращением к русскому человеку: "Да осенит тебя нетленная слава России!" Вперед, вперед! "Пер аспера ад астра!"[61]

Уже более трех недель не было Вашего очередного письма. Все ли ладно? Сложно нынешнее время. Не знаешь, откуда вал набегает. Во все глаза смотришь! Преодолевайте! Привет, сердечный привет всем друзьям. С Вами со всеми наши добрые мысли.

14 июля 1943 г.

Публикуется впервые

Поддельная Европа

Дешевы синтетические "драгоценные" камни. Все-таки они считаются фальшивыми, неценными. Бывает, и цвет недурен, но подлинной игры нет. Как бы нечто подобное не случилось с историческими памятниками Европы!

Каждый день приходится слышать о каких-то разрушениях. Повреждены соборы в Англии, повреждены, порушены храмы Новгорода и дворцы Петергофа, порушен Кельнский Собор, порушено Палермо… Велик мрачный синодик — не перечесть!

После Армагеддона начнут починять, подделывать. Но самая тщательная подделка все же будет неценной. Благородная патина времени, тонкость средневекового мастерства незаменимы. Все раны на лике Культуры незалечимы.

Починили, заштопали Реймский Собор, но ведь все же фальшивит и потребуется, чтобы патина времени закрыла следы человеческого вандализма. Заклеили порезы на "Анжелюсе", но всякая такая подделка обнаружится. Время докажет следы вандализма.

Наверно, будут изданы синодики всего порушенного, поврежденного. Но что же из того, что будущее поколение будет знать, кем и как совершен вандализм! Будущая молодежь все же будет шептать: "Поддельная Европа!" Так же, как синтетические камни оставляются в пренебрежении, так же точно и всякая подделка уже не близка сердцу.

Антиквар стыдливо замечает: "Утомленная картина!" Он отлично знает, что все замазанное "гримированное, реставрированное" уже не ценно истинному знатоку. В Сикстинской капелле проводник пожимает плечами и не скрывает, что творения Микеланджело все очень изуродованы. Добавит: "Ведь здесь сжигались осужденные книги и рукописи".

Соберите все разрушения прошлой и нынешней войны, и каждый культурный деятель содрогнется. Франция, Испания, Англия, Бельгия, Россия, Польша, Германия, Австрия, Чехословакия, Италия, Венгрия, Югославия, Греция, Болгария, Румыния, Норвегия — да ведь это вся Европа! Да ведь это j сокровищница многовековой мысли! Да ведь это незаменимые наслоения великого творчества! Только подумайте, везде что-нибудь было изуродовано, искалечено безвозвратно. Только подумайте!

Неужели скажут: "Поддельная Европа"? Неужели утешаться тем, что христиане сожгли Александрийскую библиотеку?! Неужели "поддельная Европа?"

20 июля 1943 г.
"Из литературного наследия"

Америка (24.07.1943)

После большого перерыва сразу три письма от Зины от 20 Мая и 28 Мая и письмо Дутко. Да, очень печально, что Сана так больна (все лучшие мысли с нею) и что Жин болел (радуемся его выздоровлению). Надеемся, что болезнь Спенсера несерьезна. Все-то болезни и всякие сложности! Понимаем все Ваши раздумья о новом помещении. "Семь раз примерь и один раз отрежь". Но Ваша телеграмма показывает, что все Ваши недоумения разрешились в положительную сторону. В добрый час! Вы правы, после 1934 года я никаких сношений с Люисами не имел, и потому они не могли иметь от меня письма в 1939 году. Какая подозрительно злостная выдумка! До 1933 года могли быть оттиски моих журнальных статей. Не думаю, чтобы с картиною что-либо вышло. И в этом тоже какая-то западня, какие-то подозрительные личности. Люис в своей книге уверял, что познакомился со мною в Палестине. А я в Палестине никогда не был и Люиса вообще никогда не видал. Он же изуродовал портрет Святослава — Вы, конечно, помните эту скверную историю. Вы правы, не беседуя с Уидом на эти темы. Все-таки любопытно добиться, какая именно картина в посольстве.

Если секретарь предложил переслать в ВОКС манускрипт книги в пользу Русского Красного Креста, я пошлю Вам манускрипт книги "Слава" пароходной почтою. Во всяком случае, это будет добрый акт со стороны АРКА и останется отмечен в ее деятельности. Попросите секретаря уведомить Вас о последующем. Так как Вы отдали Ваш экземпляр "Новостей Советского Союза", то я послал Вам второй экземпляр того же номера. В новом помещении он потребуется Вам. Итак, снято новое расширенное помещение и место центральное. Много что поместится. Картины, книги — все это будет внушительно. И Академия, и АРКА, и "Фламма", и издательство. Опять оснастится большой корабль, а к нему и лодочки будут подплывать. Не нужно ли собрать и для Академии почетных советников? Впрочем, Вам на месте виднее. Конечно, Вы разошлете почетным советникам АРКА отчет о годовой деятельности, а также и несколько листов почтовой бумаги. Чувствую, что отчет выйдет весьма внушительным и многих порадует. Еще во времена Москова я дал проект Русского Института в Америке. Теперь у Вас будет место для хороших собеседований. Подойдут новые друзья — за эти годы горизонты обновились.

Вам будет интересно и поучительно наблюдать новую психологию молодежи, а при широте воззрений нетрудно

избежать столкновений. Поистине — в добрый путь! Еще раз попомним, что каждое древо для роста нуждается во времени. Так и со всеми начинаниями. Скончался "Арчер" только по-1 тому, что ему не дали времени для роста и укрепления. Пре-! секлась "Фламма" из-за войны, но лишь к концу второго года подписка стала укрепляться. Примеров много, когда из-за нетерпения или из-за грозных обстоятельств пресекались самые жизненные побеги. Вспоминаю это на пороге роста учреждений. Такое древо должно иметь должное время, чтобы разрастись. Вам послан и экземпляр № 1 "Нью Уорлд Лайбрари". Будем думать, что эта серия выживет вопреки армагеддонным трудностям.

Стойкость и зоркость! В Лагорской газете был громко оповещен скандал с Уоллесом и суровое осуждение его Рузвельтом. Чуется, что и тут "пахнет крысою" — жуликом Хоршем. Вы знаете об этом скандальном происшествии гораздо больше, и газеты Америки, вероятно, гремели. Прислушивайтесь! Недаром покойная Делано говорила, что "Уол[лес] — злой гений ее сына". Она чуяла сердцем! Во всяком случае, такие вехи показательны. Жаль, что почта так протягновенна и неаккуратна. Странно, что Б.К. с 8 Декабря замолк, может быть, письмо пропало, ведь и Вы от него ответ не получили. Итак, действуйте во благо!

Сердечный привет всем друзьям.

24 июля 1943 г.

Публикуется впервые

Респице финем! [62]

Лопнула ось двадцать пятого Июля. Муссолини ушел. Вместо напыщенных фраз — пустое место. Так давно было сказано. Вместо фашистского гимна — королевский гимн. Итальянское радио полно песен и веселья. Римская пословица заповедала: "Что делаешь, делай разумно и смотри в конец". А вот диктатор Италии в конец не посмотрел.

Какой удар фашистам итальянским, немецким, японским и зарубежным русским (ведь и такие имеются)! Один диктатор ушел. Кто следующий? Много их развелось по разным странам. И как легко и кратко повестило сегодня утреннее радио — просто "Муссолини — в отставке!" Только и всего!

Значит, одна свирепая, жестокая партия скончалась. А тут и другой товарищ оси качается. Пишут в газетах о вызове из Швеции психиатра для Гитлера. Нигде ничего ему более не удается. В Тунисе, в Сицилии его войска разбиты. На Русском фронте провал. Под Орлом наступает храбрый Рокоссовский. На далеком севере прорван финский фронт. Замедлились японцы. Давно прикусили язык харбинские фашисты. Вонсяцкий — в американской тюрьме.

Лопнула ось! Недолго проедет бричка с поломанной осью. Приходилось видеть такие подвязанные жердями телеги, плетущиеся или брошенные на обочине дороги. Плохо, если дело уже дошло до психиатров! Правда, недавно Геринг старался успокоить и вещал, что Гитлер выглядит совершенно нормальным. Но такое сообщение звучало очень странно.

"Не замай" Россию! Не замай народ русский! Кинулся на Россию безумный Гитлер. Прицепился и мыльный пузырь Муссолини. Пришли всякие наймиты и финны, и румыны, и венгры. Даже испанцы и какие-то французы пытались услужить фашизму.

"Не замай!" Слышите ли, не замай! Худо вам будет! Худо будет всем, дерзнувшим против России. Эй, вы там! Не замай!

"Тщетны россам все препоны".

26 июля 1943 г.

"Из литературного наследия"

Ярость

"Велика ярость в мире", — говорила наша Людмила, когда в курятнике вспыхнула неслыханная война. Действительно, неслыханно! Куча цыплят напала на одного соотечественника, убили его, изорвали, вырвали внутренности и ели их жадно. Точно бы китайцы, поедавшие сердце врага.

Шутки в сторону! Во всем проявляется какая-то зверская ярость. Правда, всего несколько лет назад американцы мочили платки в крови казненного. То же бывало и в Париже. И в Германии обмакивали знамена во вражескую кровь. Точно бы в самое дикое средневековье.

А теперь и цыплята впали в каннибализм. Кто-то скажет: "Не замечайте!", а Ллойд Джордж на запрос о сношении с большевиками в палате заявил: "Мы ведь и с каннибалами торгуем". Цинизм! А теперь, когда мир сотрясается от взрывов, когда реки кровавые текут, вспыхивает ярость. Или безумие?

Жажда крови! Жажда публичных казней. Десятки тысяч придут глазеть, а затем налившись злобою, отравят весь свой обиход. Бывали времена, когда за место для лицезрения казни платили большие деньги. Но разве нечто подобное допустимо, когда даже попугаи кричат о культуре?

Конечно, Армагеддон разъярил человеческие стада. Но ведь одно — героическая битва за оборону Родины, а другое — слепая ярость. Бывали эпидемии безумия, множества людей в них теряли человеческий облик. Но то была патология, подлежавшая лечению.

Плохо, если мир нальется злобною яростью, она и без того пышет из всех углов. Куда же, если цыплята заделались каннибалами?! Кони кусаются, быки бодаются. Много бешеных собак и кошек. Преисполнился мир яростью.

В Бомбее покушение на Джинну. Нападавший — мусульманин.

На конференции в Лондоне английский язык возглашен мировым языком.

30 июля 1943 г.

Публикуется впервые

Показания

Со времен юридического факультета вспоминается, как А.Ф.Кони доказал "ценность" свидетельских показаний. После "Юлия Цезаря" в Художественном театре Кони устроил анкету, чтобы свидетели, присутствовавшие при убийстве Юлия Цезаря, дали свои достоверные показания.

Следствия получились потрясающие. Посыпались всевозможные показания, противоречивые, сбивчивые, лживые. А некий свидетель даже показал, что никакого убийства вообще не было. Может быть, почтенный свидетель попросту всхрапнул к концу трагедии.

Почтенный юрист хотел предостеречь неопытных судей от легковерия. В свое время убедительный опыт, произведенный Анатолием Федоровичем, широко обсуждался и, надо думать, заставил кой кого призадуматься.

В данном случае нельзя было заподозрить театральную публику в умышленном пристрастии, но в судебных процессах страшно именно злобное пристрастие, затаенная мстительность, зависть. Помните чеховское писание доносов?! "На кого бы еще написать?" Нередко гнездится в человеческой природе вредительская подлость. Оболгать, наклеветать, извратить — разве мало в истории таких позорных примеров?

И вот теперь, когда слышите, что судить будут по свидетельским показаниям, невольно вспоминается опыт, проделанный мудрым юристом Кони. Котошихин давно скорбно заметил: "Русские друг друга едят и тем сыты бывают". Он отметил про своих, а вернее бы сказать: "Человеки друг друга едят и тем сыты бывают". И не всегда понимают, в чем их людоедство.

И опять народ оставил памятку: "Прост, как дрозд, нагадил в шапку и зла не помнит". И от злоречия народ отмахнулся: "Говори что хош, а цена тебе грош!" Вот и судьи пусть поминают такие народные памятки. Пусть пуще всего оберегутся от доносов, злоречья, клеветы. Мир стоит на правде. Пусть о ней и помыслят.

Сегодня солнечное затмение. Первого Августа кончилась Кали Юга[63] и вступает Сатья Юга[64]. Таковы исчисления браминов. Об этом даже издана небольшая книжечка, почему-то запрещенная правительством… "Шептали на песок да на ветер".

1 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Шестая колонна

Лондонский "Дейли Миррор", американский "Тайм" и другие журналы бьют тревогу о потрясающем возрастании венерических болезней за последнее время. Этот бич человечества усилился на сто процентов. Наверное, гибельные последствия далеко превысят военные потери. Военные раны зарастут, но язвы вырождения разложат грядущие поколения.

Какая же победа, если народ окажется зараженным?! Где же вся хваленая медицинская помощь? Где же мораль, о которой так напыщенно говорилось? На Дальнем Востоке американцев называли "женихами". В Австралии епископы восстали против пресловутых "военных браков". Газеты пестрели такими протестами и предупреждениями! В Индии жаловались на поведение прибывших войск. В Африке начальство просило не трогать арабских женщин. В России вопили о немецких насилиях.

Это уже не пятая колонна, а какой-то международный враг, глумящийся над прославленной цивилизацией двадцатого века. Гордились, гордились цивилизацией и полетели, чтобы всюду разнести заразу и разложение. Скажут, может быть, опасность не так велика. Но недаром пресса бьет тревогу, не зря шепчут о всяких мерзких делах.

Нет, опасность велика, ибо вопрос идет о здравоохранении грядущих поколений. Прочтите, что пишет Алексей Каррель о признаках вырождения. Почтенный ученый сурово осудил Америку, но ведь то же нужно сказать и о многих других странах.

Мечтают о мире, чуть ли не о мире всего мира, но ведь мир стоит на здоровье планеты. Зараженное, разложенное, гниющее человечество не сможет достойно принять весть о великом мире, о моральном преуспеянии, о преображении жизни.

Говорят о грубости военных нравов, о древнем ужасе человекоубийства. Но разве падение нравственности произошло только от войны? Не война, но какая-то шестая колонна развратителей постаралась дьявольски наложить позорное клеймо на обезумевших двуногих.

Известно ли, через сколько поколений изживается зараза разложения? Думают, что внешнее залечение уже решает вопрос. Ничуть не бывало! Неизвестны психические и физические последствия. Откуда же грозно увеличивается число безумцев? Откуда понижение физических и психических сил? Не из голубого неба падает зараза, но шестая колонна шествует по миру во всей своей мерзости. Много неотложных проблем должно быть решено. И тогда может засиять марево мира. И тогда зародится

прекрасная Культура.

4 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Шептуны

Вы одобрили мою "Похвалу врагам". Поистине, можно похвалить врагов открытых. С ними идет сильная шахматная игра. Но не забудем и подлого шептуна. С этим гадом неведомо, каким оружием бороться. "Уисперинг кампейнь"[65] — теперь так принято на Западе.

Кто он? Откуда он взялся? Что ему нужно? Шепчет что-то подлое, а что именно, и не разобрать. Шелестит, как ехидна в сухой траве. И не всегда в свою пользу старается злошепнуть. Как верный служитель зла неутомимо сеет он свои плевелы. Старается изо всех сил. Нередко ему же и нагорит за его клевету предательскую. Но скользкая у него шкура змеиная.

Обернется, перевернется и снова полезет в своем мерзком походе. Захлебывается в своих выдумках. Даже не заботится о правдоподобии. Наставники шептуна давно предписали: "Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь останется". Как ухватить мерзкую ехидну? Как расслышать шелест злошептунов?

Лишь редко друзья распознают паутину зла и принесут записочку, собственную расписку злошептуна. Тогда сможете одернуть выдумщика. Напишите ему доброе письмо по какому-то поводу. Он-то и разнежится и распишет вам дифирамбы. Сличите его с его же писанием, и еще один шепот ехиднин будет временно выявлен.

Конечно, сорняки размножаются быстро. Ботаник и агроном скажут, как трудна борьба с ними. Да и вредители, насекомые и животные, тоже не дремлют. Точь-в-точь, как злошептатели. Когда засыпает человечество, они вылезают на свою мерзкую работу.

Не думайте, что злошептания менее вредны, нежели открытые вражеские нападения. Иной раз безгласное, безликое нашептывание вреднее самых ожесточенных сражений. Ученые читают наставления о борьбе с разными вредителями и сорняками. Пусть ученые преподадут, как бороться с вредительскими злошептаниями. От них сохнет сад человеческий.

Да, да, клевета есть убийство психическое. Клевета должна быть судима наравне с физическим убийством.

8 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (12.08.1943)

Писем от Вас опять не было. Почта стала очень медленна, а теперь с дождями окончательно испортилась. От Муромцевых телеграмма 2 Августа: положение Саны прежнее, больше интереса к окружающему, правая сторона слабеет. Последнее нас очень огорчило. Вы писали, что левая сторона в параличе. Неужели теперь и правая слабеет? 4 Августа Ваша телеграмма: Сана ушла в лучший мир. Для нее он будет, поистине, лучшим — она была доброй. Вся природа ее была добрая и сердце отзывчивое. Знаем, что ей будет хорошо. Жалеем Илью и дочек. Илья — такой славный, подлинно честный — такие редки. Шлем им сердечные мысли. Надземный мир — наше прибежище.

Несколько местных новостей. 27 Июля в Музее Триван-друма Козенс прочел лекцию о наших картинах — был успех. В нашем Центре в Аллахабаде — выступление здешнего знаменитого поэта Чаттопадия. За это время очерки мои были в "Тривени", в "Маха Бодхи", в "20-м веке", в "Хиндустан Ревью", в "Прабудха Бхарата", в "Комрад", в "Кочин Аргус", в "Малабар Геральд". Жаль, что "Сколар" скончался. У него было много подписчиков в Бирме и в Китае, и теперь они все отпали. Сколько разрушений нанесла война! Трудно охватить, где и как отстукнулся Армагеддон. Тем более нужно беречь каждый уцелевший культурный очаг. Думается, когда в новом помещении Вы выставите имеющиеся у Вас издания и литературу — получится внушительное собрание.

Вы никогда не знаете, откуда приходят запросы. Старые каналы, бывает, засоряются, но зато новые родники начинают бить. Потому-то широк должен быть доступ всему молодому. Помню, как негр на лифте был так признателен за доброе слово, что пришел после дежурства ко мне и предлагал, не может ли чем-либо быть полезным в свободное время. Ценно такое стремление. В Дельфиан — послано, не услышите ли от них? За пожертвование картины "Александр Невский" прислали золотой знак нагрудный. Еще реализуют две картины — "Гималаи" и "Мыслитель". Можно вспомнить, что в 1930 году Муниципальный Совет Парижа предложил мне устроить выставку в Малом Дворце Искусств. Это было особое внимание к иностранцу, и все удивлялись, что мы такою честью не воспользовались. Но мы так спешили в Индию, что задержаться на полгода в Париже казалось невозможным. Такой же дружеский жест был и со стороны Президента Думерга. Вспоминаю это именно к расширению учреждений задуманного Вами.

Не знаете, где и как возникают особо дружеские жесты. Пусть

двери будут широко открыты для всяких друзей. Даже в подавленной Франции и Бельгии жизнь идет. За пастель Дега платят полтора миллиона франков. Жизнь берет свое. Культурные ценности все-таки побеждают. Итак — в добрый путь! Душевный привет всем друзьям.

12 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (12.08.1943)

Пришла Ваша телеграмма о распределении назначений в Академии. Послали наше полное одобрение — Вам по местным условиям видно, как полезнее сделать. Может быть, и еще новые сотрудники объявятся. Всегда новое помещение, новые условия создают "движение воды". Вы используете все возможности. И всегда "неожиданно" складывались встречи и узнавались новые сотрудничества. Каков новый посол? Не было ли у Вас с ним сношений? Шлем сердечные пожелания СМ. — теперь эти операции делают очень удачно. Хорошо бы Вам постепенно обзавестись сочувствующей прессой. А то многие Ваши полезнейшие дела будут проваливаться в Лету бесследно. Новые сотрудники не знают ли путей? Главное в том, что часто спрос не встречается с предложением. Вот, например, у Вас уроки русского языка. Полезно! Но знают ли об этом? Объявления очень дороги, но дружественная хроника гораздо полезнее. И сколько молодых писателей приняли бы к сердцу сказать доброе слово! Такая дружба была бы ценна и на случай, если бы грабительская шайка Хорша опять зашевелилась. Ведь все время нужно наблюдать за этими мошенниками. Они живут лишь злом. Злодейством питаются. Сеют клевету, даже не заботясь, где и как взойдет она. Эти преступники не только ограбили всех нас, но они вредительствуют делу Пакта. Именно, наши Комитеты могли бы делать сейчас полезнейшую работу. Но что преступникам, общественным вредителям Культура?!

Сейчас долетело Ваше письмо от 10 Июля. Мы не удивились ответу С[пенсера] Луиса. Думается, что вся история была подстроена, чтобы получить письмо от меня или получить дар. Любопытно, что Вы пишете о Линден. Про нее можно сказать словами старинной поговорки: "Говори что хош, а цена тебе грош". Этакий хлам! Спасибо Дутко за перевод. Кто ее муж? И где он служит? Молчание Б.К. действительно непонятно.

Спрашиваете о ценах, — они могут быть подвижны, в зависимости от лица и назначения. Спрашиваете, не бросить ли членство в Модерн Музее? Но иногда любопытно наблюдать, в какие тупики заходит мятущееся человечество.

Сколько больших событий! Италия! Лопнула аксис[66]! У нас Донбасс — победа по всему фронту. Патриарх Всея Руси Сергий. На выставке в Третьяковской галерее картина: "Донские казаки готовятся к атаке" — на фоне Троице-Сергиева Лавра. Ведь немцы, наступая на Москву, близко подошли к Сергиевой Лавре, и оттуда начался их разгром. "Не замай!" Подумайте, какие

возможности для АРКА. Лишь бы скорей Вам устроиться на новом месте и начать новую работу. Зорко смотрите, где и что полезное можно сделать. Новые обстоятельства приносят и новые возможности. Невозможное вчера становится очень возможным завтра. А Вы знаете, за какое светлое будущее Культуры Вы сражаетесь. Наверно, у Вас много новостей. Всем милым сотрудникам наш душевный привет.

12 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Жданные сроки

Письмо ламы из Калимпонга. Первого Августа во всех буддийских храмах были торжественные служения — конец черного века Кали-Юги и начало светлого века — Сатья Юги. Пятнадцатого Августа Ригден-Джапо, Светлый Аватар[67], выходит на бой за правду, за строение нового мира. Долгожданное событие!

В Тибете, в Монголии эти сроки тоже отмечены и запечатлены. Шамбала — у всех на устах. Сколько ждали 1943 год! Понимали, что в постепенности совершаются события. Не может быть мгновенных превращений. Только обвалы и землетрясения гремят вдруг, нежданные.

Попробуйте запретить произносить многозначительное — Шамбала. Ну, замолчат, потупятся, потонут глаза в морщинках, но сердце еще сильней запоет священную песнь. Голос Безмолвия грянет гимн о Священной Битве во спасение мира. Вот готовили празднование Гесэр-хана, героя Монголии. Проведите деление между Гесэр-ханом и Шамбалой! Не удастся, ибо один корень у этого глубокого эпоса, близкого азийским народам.

Недавно прислали книгу Коваджи: "Иранские и индийские аналогии легенды Святого Грааля". Собраны интересные осколки великой легенды, собравшей огромную литературу Востока и Запада. Сперва казалось непонятным, почему Парсифаль впервые упомянут у манихеян в иранской литературе. Но что же тут странного? Прикасание к древнейшим легендам приведет на Восток.

Непредубежденно, благосклонно прислушивайтесь к голосам такой непомерной древности. Изучайте не только в книгохранилищах, но на местах. Пройдите такие места внимательными путниками. Не подумайте, что "место пусто". Оно пусто лишь для невнимательного лентяя, для ярого невежды. Знаем, что значит хождение по местам легенд. Не умерли они, но схоронились от враждебного нашествия. Каждое заботливое, сердечное отношение будет оценено. И откроются входы. "На всех путях ко Мне встречу тебя". Не для осуждения приближайтесь, но для новых открытий. Многое вскрыто, но еще больше захоронено для истинных друзей.

17 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Америка (26.08.1943)

Пришли Ваши два пароходных пакета — такие интересные. Обращения женщин к женщинам всего мира, искусство во время войны и бюллетени — все это было внимательно рассмотрено и перечитано. Радостно такое всенародное устремление во славу Родины. Познакомились мы со многими, чьи голоса слышим на радио. Хотелось знать, как выглядят те, кого слышим. Лица хорошие, сильные, без пошлости. Спасибо за такие посылки. Ведь и здесь они приносят свою пользу. Показываем — и новые люди узнают великую ценность русского народа.

Вы, конечно, читали, что Президент Рузвельт назвал новый военный авианосец "Шангрила". Удивительно! Иногда выдумка процветает, а истина не воспринимается. Последний Ваш авион был от 28 Мая. Давно уже не было такого долгого пролета. Лишь бы не потерялось письмо, ведь у Вас теперь столько новостей. Беспокоит и молчание Б.К. — кажется, и Вы от него ответа не получили. Послал Вам два оттиска — две последних статьи из "Прабудха Бхарата" и "Твенти Сенчури" уже на новый адрес: 200 В. 57 — так долго плывет пароходная почта.

Много запросов о фото с последних картин, но уже три года мы не имеем снимков. Армагеддон! Между тем многие картины разошлись и не разыскать. Попробуйте достать "Новую Землю" или "Великана" в Тери Гарвал! А люди не примут во внимание все такие условия и будут настаивать на снимках. Женевский журнал "Про арте" объявил мою статью, но не сказано, какую именно. Журнал приходит, но писем нет. Письмо от Катрин от 29 Июня — вот как долго шло.

Какая она добрая душа! Все стремится что-то доброе сделать. Как ужасно все, что она пишет о болезни Мориса. Бедняга, так жалеем его. Неужели он не получил письмо, которое ему писала Е.И. уже год тому назад? Письмо не вернулось, ответа не было. Наконец, сейчас пришли сразу два Ваших письма от 16 Июня и 20 Июля.

Итак, еще раз в добрый час на новом месте! Вполне понимаем, что Вы хотите лишь общую пользу при распределении мест в Корпорации Академии. Сделайте, как лучше по местным условиям — мы поймем Ваше решение. Именно важна лишь польза для дела. Также не принимайте мер против выдумок Спенс[ера] Луиса. Только следите, а сейчас не такое время, чтобы входить в какие-то осложнения. Вы правы, присматриваясь и оценивая людей. Не для этих людей все мы трудимся, а на пользу общую для будущих и невидимых. Сейте, сейте добро и правой и

левой рукою. "С оружием Света в правой и левой руке"! Все наши сердечные мысли с Вами, нашими милыми дозорными воинами. Друзьям наш душевный привет.

26 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Вазари

Перечитал Вазари. Должны быть ему благодарны. Без него множество ценнейших черт исчезло бы навсегда. И еще мы должны быть ему признательны за непристрастное, доброе суждение. У него был глаз добрый. Так и подобает историку. Культурна основа его заключений.

Ценно! Особенно же в нынешнее время, когда люди обуяны мерзостью взаимного осудительства. Бесчисленны потоки осуждений, лжи, клеветы. Словно лопнул нарыв злобы и залил ядом человечество. Вся недостойная погань повисает в пространстве, окутывает позорным пологом землю многострадальную.

Хочется перечитать тех историков, где поверх личности сохранены искры справедливости. Конечно, трудно живется сейчас человечеству. Тем прекраснее все поиски справедливости, распознание сути и проникновение в причины. Акбар говорил: "По величине тени распознайте рост человека". Истинный историк не будет увлечен лишь тенью, но сопоставит ее с самим предметом своего исследования.

Хорошее лицо Вазари на портрете во Флоренции (Уффици). Лоб мыслителя. Взгляд умный, спокойный, доброжелательный. Скромное одеяние. Спасибо ему за его записи, всем нам пригодившиеся. Современники, может быть, недостаточно ценили Вазари. Люди не любят, если в человеке несколько дарований.

Вот в Америке не хотели, чтобы Рахманинов дирижировал. Композитор и пианист — и то уже много для публики, а тут еще и дирижер — это уже слишком. Всякие ограничения напрасно сваливают на вкусы публики. Публика-народ отлично найдет место для всех выявлений.

Только так называемые критики путаются между трех деревьев и из-за кустов леса не видят. И в этом Вазари будет отличным примером. Свое личное он не проявлял. Он сумел остаться истинным летописцем, и потому его писания живут. Нет в нем псевдонаучных нагромождений. Верится запечатленным им характерам, а житейские анекдоты незлобивы, без слащавости и приведены без желания умалить. Из осуждений лишь уроды народятся. Плох сад обид и злости.

Недавно пришлось прочесть сравнение между Греко и (кем бы Вы думали?) Филиппом де Шампень. Два совершенно различных художника и по таланту, и по колориту, и по всей концепции творчества отлично сопоставлялись под пером досужего критика.

30 августа 1943 г.

Публикуется впервые

Победа радости

Радость побеждает. Много радостей, много горестей испытали мы на наших азийских путях. Тому уже пятнадцать лет! Окутал туман многие встречи. Потускнели печали. Простилось многое, что казалось непростимым. Уродство потемнело, стерлось. Волнуется океан гималайских туманов. Брезжут миражи. Неясные облики возникают из нагромождений Майи.

Из хаоса воспоминаний встают вехи, конечно, они самые главные, иначе они и не показались бы. Прекрасны эти путевые знаки! Они заслоняют все ужасное, оскорбительное, угрожавшее. Да, да, знак красоты победил. Из глубин сознания засиял именно этот знак победы и утверждения.

Иероглиф самый значительный засиял, и померкло все ненужное, мелкое, отпавшее. Поучительно оглянуться на время, когда столпилось, наслоилось множество впечатлений. Шесть лет ходили, и каждый день давал что-то новое, неповторимое. Вот уже совсем надвигалась опасность. Маленький караван мог ли ее обороть? Но опять всходило новое солнце и страшные призраки растворялись. Грозили люди, грозила природа! Неизбежная туча чернела, воды заливали, огни угрожали, выстрелы напоминали о бое. И опять что-то нежданное, доброе случалось. Поверх всего сверкали вершины неописуемые. Откуда-то спешили друзья, и радость трубила незабываемую победу.

За пятнадцать лет много чего случилось и мирового в личного. Но не заслонили события знаки радости. Победа радости будет всегда непоколебимым прибежищем. Через все грозы жизни вспомнится именно прекрасная радость.

На близких расстояниях, в кратких сроках не всегда удается распознать, где оно, самое значительное. Но пусть пробежит десяток-другой лет, и в такой перспективе станет ясно, в чем победа. Вот и теперь, в значительном промежутке времени, мы на опыте почуяли, как потухли горести и воссияла радость.

И не только засияла радость, но она выросла и доставила много торжественных часов. И так ясны взлеты радости, точно она не отделена никаким временем. И прекрасные путевые знаки свежи и бодры. Радость-победительница!

Идет Победа. Идет Русская Победа!

1 сентября 1943 г.

Публикуется впервые

По дружбе

"Упаси меня от друзей, а от врагов я сам спасусь".

Сароджини Найду назвала Ганди — "Микки маус". Всю Индию облетело крылатое словечко.

"Дейли Миррор" сообщает про Сталина: "Сталин учится английскому. Сталин изучает английский с помощью говорящих фильм, присланных ему из Холливуда по просьбе Советского Посольства в Вашингтоне, — как сообщает Джон Вальтере, Нью-Йоркский корреспондент "Дейли Миррор". — Он сидит перед короткими фильмами, которые включают комедии Диснея, слушает внимательно и повторяет слова. Такова идея его учителя, который нашел, что Сталин имеет большое затруднение в произношении" ("Дейли Миррор" 7-1-43).

Геринг оповестил, что в последнее свидание Гитлер выглядел совсем нормальным.

Мало ли всяких словечек "из дружбы", только из дружбы бродит по миру. Иногда по доброте друг измыслит что-то крылатое, а через день уже и сам поверит своей выдумке.

Как же быть историку? Ведь не кто иной, как сам друг сказал. А иной, по привычке, еще и поклялся. Сароджини Найду — друг и соумышленник Ганди. Значит, по какой-то причине она могла так пошутить. А может быть, она выражала общественное мнение? Через несколько лет и веков поди и разберись, почему Сталин забавлялся Микки маусом? И почему Геринг должен был обелять Гитлера от подозрения в безумии? Уж наверно спятил, если сам друг старается выгородить.

Одна приятельница Кришнамурти твердила о нем: "Кришна совсем не умный!" Вот и поймите для биографии. Об одной очень хорошей статье дочь писателя, улыбаясь, говорила: "Наверно, он не сам написал". Так, по дружбе, из самых достоверных источников сумеют наклеить такой ярлычок, что ничем и не смыть. По дружбе, только по дружбе!

6 сентября 1943 г.

Публикуется впервые

АРКА (14.09.1943)

На далеких Гималаях с радостью мы следим за преуспеяниями Американо-Русской Культурной Ассоциации. За год жизни АРКА успела много способствовать делу Культуры и взаимопонимания великих народов.

В течение года устроены лекции и выставки. Посвящен выпуск журнала. Начато полезнейшее дело — уроки русского языка. Художественные и литературные материалы, доставляемые из Посольства СССР, широко распределяются. Сложились добрые сношения, начаты полезные обмены.

На будущий сезон намечена отличная программа, которой будет способствовать новое расширенное помещение. Ближайшее сотрудничество АРКА с нашей Академией умножает возможности. Таким образом, видим, как в кратчайший срок культурное начинание растет на пользу дружественных народов.

Взаимопонимание складывается из подлинного знания. Безотлагательно нужно вносить такое знание в широкие круги, особенно же в школы, чтобы молодое поколение знало о друзьях. И здесь гремят голоса друзей русского народа. Постоянно Индия восхищается русскими победами. В письмах добавляют: "Какие счастливые вести приносят газеты! Города опять возвращаются в руки победоносных русских. Победа России". Так в лучших словах высказывается истинное доброжелательство. Высокоуспешно проходят лекции о русском искусстве. Издаются брошюры, посвященные русскому творчеству.

Поминаю об Индии к тому, чтобы напомнить, сколько прекрасных культурных нитей всюду протянулось. Вот и руководители АРКА, ее сочлены, сотрудники, друзья радуются, видя рост истинного содружества. Широко поле деятельности АРКА. По местным условиям многие области Культуры могут быть постепенно затронуты и освещены. Ценность труда воодушевит молодые сердца.

Велика радость чувствовать, что за океанами, за горами бьются сердца друзей. Близится победа, а с нею умножатся дружеские сношения, придут новые светлые возможности.

Привет, сердечный привет всем друзьям, всем сеятелям на пашне Культуры.

14 сентября 1943 г.

Публикуется впервые

Крылья Победы

Развернулись блистательные крылья Победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные русские воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа.

Победоносная хартия вписана в русскую историю. Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь передвигать значки. И все это немалые места! Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Красноград, и Брянск, и Мариуполь, Чернигов, Полтава, а теперь подступы к Смоленску, и Киев не за горами.

Подвиг русского народа требует и достаточного летописца. Высокие слова нужны, чтобы сказать, как грозно ополчился весь народ на дерзких захватчиков! Как выросло непобедимое воинство! Как трудовое дружество спаяло народы в одну созвучную семью! "Когда постройка идет, все идет!" Идет великая стройка. Одни богатыри преодолевают врага. Другие куют мечи и серпы для преуспеяний на славное будущее.

Слава великому народу русскому! В каждом здешнем письме гремят сердечные слова о славе русской, душевные пожелания побед. Чуем, как искренно звучат дружеские голоса Индии. От палящего юга до Гималайских снегов множество друзей завоевал народ русский. Завоевал великим подвигом, великим самопожертвованием.

Вспоминаю, как писал нам внук Чарльза Диккенса: "Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, Ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с Вашей картиною, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!" Много душевных слов произносится среди снеговых Гималаев. Много одушевляющих вестей приносит каждое радио. Да будет!

На днях мы слушали Грабаря из Москвы. Он приветствовал русские победы, говорил о германских разрушениях и хорошо отметил, как русские воины заботливо относятся к историческим памятникам. Да, да! Собирайте каждую полезную памятку. Таким путем образуются добрые летописи. Радостно отметить, что русские воины бережно относятся к культурным сокровищам! Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело!

Славное достижение!
Развернулись блистательные крылья победы!
20 сентября 1943 г.
"Из литературного наследия"

Америка (30.09.1943)

За это время Ваших писем не было. К тому же почта очень плоха. Е.И. все еще лежит и, видимо, надолго. Разрыв связок очень значителен. И сколько времени продолжится заживление?! Все это очень болезненно и томительно. Как прошла операция СМ.? Восстановилось движение руки Инге? Что с Морисом? Как Катрин? Сколько болезней! Недавно Козенс сообщил, что м-с Козенс лежит в параличе. Речь еще не вернулась. Всюду много заболеваний, а в Бенгале сплошное бедствие. Впрочем, об этом Вы и из газет знаете.

Посылаю "Крылья Победы". Поистине, поразительны победы — каждый день по тысяче городов и селений. Вот и Смоленск! Вряд ли сохранился храм в Талашкине. Сколько исчезло! По некоторым данным, полагаем, что около грабителя Хорша что-то творится. Наблюдайте. Министр иностранных дел Чехословакии Ян Масарик прислал из Лондона сердечную телеграмму мне ко дню рождения. Какие старые воспоминания о Златой Праге встали! И выставка в Манасе, и переписка с Президентом Масариком, и, наконец, Музей. И опять вопрос, существует ли?

Отчего Лукин молчит, ведь Кирхенштейн с ним хорош, и, наверное, Лукин не остался в Риге под немцами. Вообще только подумайте, где все друзья? Ведь у каждого из них какая-то драма. Хелин прислал хорошую статью из Лос-Анджелеса. Уже второй раз они дружественно выступают. Думается, если бы были враждебны, то не стали бы хорошо писать. Уже эти волны житейские! Сегодня — одно течение, завтра иное. Так и во все времена!

Вчера слышали, что Щусев получил к своему семидесятилетию орден Трудового Красного Знамени. Опять старые воспоминания, как я пригласил его профессором в нашу Школу. Затем мозаика Почаевской Лавры, часовня во Пскове! Сколько архитекторов сотрудничало — и Щусев, и Щуко, и Покровский, и Алешин… Щуко и Покровский умерли, но Щусев все творит и действует. Радостно, если можно вспомнить лишь хорошее. Добрые знамена не меркнут.

Сколько у Вас сейчас забот и хлопот с переездом в новое помещение! Ведь все теперь так трудно, а сотрудников мало. Помоги Вам. Бывало, у нас всегда находилась молодежь для таких авральных работ, но у Вас сейчас условия иные. Сердечный привет всем друзьям, любим и помним их.

30 сентября 1943 г.

Публикуется впервые

"Забытый"

"Забытый" была картина Верещагина. Потом она была уничтожена художником по настоянию Кауфмана: "У нас, мол, нет забытых". Напрасно. Всюду и всегда есть забытые, а теперь в суматохе мировых передвижений — в особенности.

Не то что отдельные люди, но целые города, целые народы оказываются забытыми. Когда-то их вновь открывают и, подобно Иловайскому, восклицают: "История Мидян темна и непонятна". Конечно, кому-то непонятна, ибо народ временно был забытым. А где живопись древней Эллады? Забыли о ней в смятениях народных, и осталось всего две-три летописных заметки.

Один хороший писатель улыбался: "Видите ли, я в числе забытых сейчас! Ничего, в раскопках найдут. Пожалуй, в музей поставят". Недаром сложилось: "с грязной водой ребенка из ванны не выплесните". Конечно, большинство "выплескиваний" происходит по неведению, по предрассудку, по зависти. Но ведь от этого не легче.

И будто уж так много ценностей, что их можно расплескивать необдуманно?! В статью о вандалах пришлось добавить: "Друзья, вы, может быть, считаете труизмом предостережение о вандализмах, о вандалах. Увы, ничего подобного. Мы видим сейчас слишком много бессмысленных, жестоких разрушений".

По невежеству совершаются вандализмы. Но немало их происходит по забывчивости. Как на пожаре тащат перину и забывают самое ценное. Вот и сейчас при неслыханном мировом пожаре иногда спасают "перины", забывая об истинных ценностях. Плохо утешение, что "история все разберет". Как же сможет она разобрать, если самый-то предмет будет изничтожен? Тогда оправдываются, говоря о неизбежных ошибках истории. Убогое!

Не лучше ли озаботиться, чтобы охранить ценное во всяких областях? Нечего плакаться о прокисшем молоке, лучше бы охранить его вовремя.

Лежит забытый воин в азийских камышах, тигр терзает его. Может быть, художник хотел вообще напомнить о забытых? Всюду они могут оказаться. Заботливо о них подумайте! Вместо перины спасите самое ценное, самое неповторимое. Пусть забытые были в давних веках, но теперь не "расплескайте" ценности.

3 октября 1943 г.

Публикуется впервые

Рим

Рим переживает жестокие дни. Среди всяких хроник о былых бедствиях великого города вспоминаются строки о средневековом состоянии столицы римского народа:

"Понимание столь превосходной вещи доставляет мне величайшее наслаждение, но вместе с тем и величайшее страдание, когда я созерцаю, так сказать, труп этого благородного города предков, бывшего владыкой мира, в таком жалком виде. И если благочестие по отношению к родителям и отечеству есть долг каждого человека, то я считаю себя обязанным приложить все свои усилия к тому, чтобы по мере возможности сохранить образ и как бы тень этого города, бывшего, поистине, всеобщей родиной христиан, и в течение долгого времени столь преисполненного величием и могуществом, что, казалось, под небом он один стоял выше судьбы и вопреки обычному ходу вещей был изъят от смерти и предназначен для вечного существования.

Но к чему нам жаловаться на готов, вандалов и прочих вероломных врагов, когда даже те, кто, подобно отцам и опекунам, должны были защищать эти жалкие остатки Рима, в течение долгого времени только и заботились что об их разрушении!

Сколько пап, говорю я, усердно разрушали старые храмы, статуи, триумфальные арки и другие достославные сооружения! Сколько из них смотрели сквозь пальцы на то, что только для того, чтобы добыть пуццолану[68], подрывались фундаменты, после чего в скором времени здания рушились! Сколько извести добыли из статуй и других античных украшений! И я имею смелость сказать, что весь этот новый Рим, который мы видим теперь, как бы он ни был велик, красив, украшен дворцами, церквами и прочими зданиями, весь он построен на извести из античных мраморных произведений. Точно так же я не могу без боли вспоминать, что со времени моего пребывания в Риме, а это не составляет и одиннадцати лет, разрушено так много красивых сооружений, как пирамида, находившаяся на виа Аллесандрина, та злополучная арка и столько статуй и храмов, и главным образом, мессером Бартоломео делла Ровере.

Итак, не последней заботой должно быть попечение о том немногом, что уцелело еще от древнего отечества славы и величия Италии, свидетельствуя о могуществе и добродетели тех божественных умов, память о коих еще и в наши дни воскрешает добродетель в душах современников; да не будет оно

уничтожаемо и расхищаемо злоумышленниками и невеждами, ибо слишком много оскорблений принимают еще и поныне тени тех, кто кровью своей создали миру столь великую славу!"

7 октября 1943 г.

"Из литературного наследия"

"Новый Мир"

Прислан редкий гость — "Новый Мир" — четыре номера за этот год. Много ценного материала. Прекрасны мысли Алексея Толстого о детских книгах и о сохранении чистоты русского языка. Жаль двух исконных выражений. Толстой против "захоронить" и "зачитать". Но ведь народ издавна знает "клад захороненный" и "книгу зачитанную" — пропавшую у приятеля. Народ сказывает о том, как клады захоронили, и никак иначе нельзя выразить это народное определение. Но это — подробность, а общая мысль Толстого так своевременна, неотложна.

Майский вспоминает жуткую бывальщину и взлеты молодежи. Интересны уральские сказы. Значительны, как всегда, стихи Эренбурга. В статье о живописи наряду с Репиным и Суриковым помянут и Верещагин. Это хорошо, а то одно время его обходили молчанием.

Елена Ивановна правильно отмечает, что во всех московских присылках нет пошлости и грязи. Героическому народу нужна суровость, устремленность к труду и строению. Этим светлым качеством преоборятся трудности. Вот и победы закрепят славный путь народный. И сколько молодых полководцев выдвинулось! И сколько изобретателей, строителей создалось! И сколько ученых и художников оценено народом! Народная жажда знания. Русская смекалка! Русская красота! Русское творчество! А как дружны все народы союзной семьи! Непобедимая мощь в таком единении.

Целина необъятной земли открывает несчетные сокровища. Сказочная хозяйка Урала знает, что пришло время возвысить народы, помыслившие об общем благе. Каменны, непреклонны лица трудовых народов. Мыслят о будущем. И сколько безымянного подвига проявляется каждодневно, ежечасно!

Любят азийские народы наших героев. В дальних горах и пустынях ткется славное сказание о богатырях, возлюбивших общее дело превыше всех своих житейских выгод. Народное, священное дело. Творчество жизни незабываемое. Много подла развелось на земле, но встала русская сила и изничтожатся себеумы-подлюки.

Не о себе думает герой-воин, не о себе болеет сестра милосердия… Некоторые славные имена будут отмечены, а сколько безымянных героев, собою пожертвовавших, принесших жизнь за общее благо! Народу-труженику, народу-творцу, народу-победителю Слава!

9 октября 1943 г.

"Из литературного наследия"
(Было опубликовано с сокращениями)

Культура (14.10.1943)

Долетели Ваши письма от 7 и 27 Августа. Столько в них интересного — и подробности о Муромцевых, и об АРКА, и о переезде! Также поучительно, что наши письма доходят к Вам в изрезанном виде, и американский цензор отмечает, что не он резал письма. Этим он говорит, что резьба происходит в Индии, на пятом году войны и на двадцатом нашего приезда в Индию. Любопытно, ибо в письмах положительно ничего не было, что могло бы интересовать цензуру. За четыре года войны мы послали Вам более ста двадцати писем и никогда урезываний не происходило. У нас имеются копии всех писем, и мы с изумлением перечитали их.

Спрашивается, что же именно, по мнению цензора, не должно быть прочитано Вами?! Мы пишем только о Культуре и о Ваших образовательных учреждениях, вполне законно действующих. Но если и о Культуре вредно писать, то о чем же можно? Радостно, что Амер[икано]-Рус [екая] Культурная Ассоциация встречает такое сочувствие. Полезнейшее культурное дело! Дошел также Ваш интересный пакет с газетами от 16 Июля (об Уоллесе) и с адресом, читанным Уидом. Хорошо, что Вы можете его информировать. Ведь он многое может и не знать. Та же почта принесла письма от Жина (24 Июня) и от Муромцева (26 Июня), — почта так медленна, что актуальность пропадает. Привет Жину — жаль, что и он болел — теперь всюду болезни. Привет Муромцевым. Какая странная и сложная была болезнь Саны! В той же почте было письмо от м-с Сади Став (Бруклин) — просьба о статье для вегетарианского журнала. Вы ее, должно быть, знаете — она жила у нас.

В Вашем пакете еще было письмо от Метрополитен Музея от какого-то самочинного комитета об охране культурных ценностей. Экое кривое зеркало! Я им ответил, что мог бы дать сведения о России, Франции, Италии. В то же время я подивился — ведь этот комитет — кривой сколок с нашего комитета. Подумайте, что сейчас творится! Помпея повреждена, Неаполь изуродован… Пока пишешь, где-то уже совершается нечто непоправимое.

Ровно десять лет тому назад был дан Пакт охраны культурных ценностей. За декаду разве осмыслили, разве приготовились? Не мне напоминать об этом, но кто-то напомнит и грозно напомнит. Разрушитель Хорш нарушил великую культурную работу — она бы производилась именно теперь. Но грабительство и вредительство разбивают именно Культуру, и

людишки малодушно помогают вредителям!

Читали мы статью Уида "В Сердце" (в их журнале). Скажите ему наш привет. Пусть навсегда хранит лучшие сердечные основы. Добрые посевы дадут добрые зерна.

Прилагаю мое старое обращение о Лиге Культуры. Вам оно интересно как памятка о нужном начинании, разрушенном вредителями.

Музей Современного Искусства еще прислал свои забавные уродства. Положительно такие вехи и неистовства джаза напоминают, сколь глубоко должно совершиться переустройство мира. Кривое зеркало отражает смятение человечества. Неслыханное кривое зеркало! Ох, уж эти всякие абстракции! Хотелось бы посмотреть, каковы абстрактные дома, абстрактная пища, абстрактная одежда. И не платят ли наследники Рокфеллера абстрактными чеками? От реализма могут быть пути, но абстракция — тупик. Получили "Дейли Миррор". В нескольких номерах много уродливых вех. Жалобы на венерические болезни. Архиепископ возмущается приготовлением домов терпимости. Какие-то девушки — военные работники — дочиста обокрали какого-то викария. "О времена! О нравы!"

Но не будем толковать о всяких кривых зеркалах. Бодро посмотрим в будущее, помыслим о культурных делах, так нужных, так неотложных. Жаль, что книга "М.О." задержалась в печати. Ведь столько о ней запросов. Дошел ли к Вам мой манускрипт "Слава"? Пожалуйста, перешлите его и сообщите нам обо всем последующем. Чуем, много у Вас хлопот с переездом, но все это ко благу.

Нога Елены Ивановны очень медленно поправляется. Теперь в пределах комнаты передвигается с двумя палками. Длительная и болезненная история! Повсюду болезни! Будьте очень осторожны. Радуемся победам. Шлем всем друзьям наши душевные думы.

14 октября 1943 г.

Публикуется впервые

Обращение к Лиге Культуры

Проф. Рерих открыл Заседание следующим обращением: "Широкая программа Всемирной Лиги Культуры, сообщенная вам прошлого почтою, поистине, открывает новые неизмеримые возможности. Приведенная в действие спокойно, не тревожа темных элементов, программа Лиги вызывает к культурной работе самые неожиданные слои, которые вместо кажущейся некультурности окажутся полезными работниками на культурном поле. Вполне понятно, что Лига Культуры, покрывая все наши учреждения, отнюдь не должна исключать их. Постепенно можем начать думать о тех жизненных применениях, которые, конечно, не могли входить в программу наших образовательных учреждений и обществ. Например: ранее мы не могли думать о сотрудничестве с кооперативами вроде Пан-Космос, [которые] могут принять участие в деле на пользу общую.

Чувствуется особенная красота в том, что Лига должна охватить все области жизни. Ведь то, что делалось в пределах цивилизации, может быть творимо и в необразимых горизонтах Культуры. От отправной точки зрения будет зависеть и само качество работ.

Любое жизненное предприятие, конечно, может сделаться культурным. Лишь темные преступные своекорыстные поползновения останутся в пределах мрачной невежественности. Но всестроительство домашнее, общественное, государственное, конечно, может быть подвержено единому и благому созидательному закону Культуры. Под этим светлым всеобобщающим Знаменем решительно все положительные явления жизни могут быть преображены как светлое полезное творчество. Не рабы и тираны, не низшие и высшие, но как сознательные сотрудники сужденного блага человечества соберутся все отделы Лиги Культуры. Понятно, почему предусмотрено не кричать об этом строительстве на перекрестках. Каждый преждевременный крик может принести неизгладимый вред. Понятно, почему предусмотрено, чтобы все отделы и бесчисленные подразделения их основывались совершенно жизненно, не в мертвой системе, но в последовательности свободного мирового творчества. Не будем даже предугадывать, которые именно отделы и где именно оснуются и разовьются быстрее. Пусть сама жизнь покажет, где наибольшая культурная отзывчивость и где те сотрудники, которые уже в сердце своем готовы принять и оценить Знамя Культуры. Во всяком случае, среди уже существующих наших

Обществ ясно определяется множество подходящих элементов для строительства во имя Культуры. Главное, как сказано, не удивляться и не ужасаться, если вместо ожидавшихся высших проявлений первыми подойдут какой-либо ремесленный цех или кооператив, или молодежь в самых неожиданных запросах о строительстве.

В свободном доступе, в благожелательном вмещении прежде всего и выразится этот благожелательный объединяющий принцип Культуры, который создавал некогда лучшие страницы истории человечества. Если, к сожалению, в пределах цивилизации возможна была и ненависть, и зависть, и все признаки мелких червей разложения, то в Культуре все эти мерзости недопустимы по существу самого благого строительства и по ширине открывающихся горизонтов, где решительно всему строительному приуготовлено место.

Итак, начинайте строить отделы Лиги. Вы понимаете, почему я не хочу, чтобы это мое обращение появилось бы на печатных страницах или вышло бы за пределы самых ближайших сознательных сотрудников. Но будем зорки во всех направлениях. Научимся безошибочно распознавать друзей Культуры и благожелательно находить достойное место каждому вновь приходящему. Все мы знаем, насколько человечество нуждается сейчас в путях Культуры. Потрясения всяких кризисов вспыхивают уже не ежемесячно, но каждодневно. В ужасе и в растерянности человечество обращается к разрушительным мерам, забывая о тяжких последствиях всех разрушений или спохватываясь слишком поздно, когда все сроки благоприятные уже истекли для них. Итак, только что окончив первое десятилетие образовательных работ, мы подняли Знамя Культуры, которое обязывает всех нас к дальнейшей и все расширяющейся созидательной работе.

Сегодня первый день 1932-го года. Пусть в первый же день этого года в сердцах наших неугасимо вспыхнет еще один огонь во имя блага Культуры, который поможет нам неустрашимо перейти все темные пропасти и обратить и эти темные пространства в Обители Света. В Добрый Путь!"

(1 января 1932 г.)

"Огонь — на меня!"

Из Москвы много раз передавали этот героический приказ: "Огонь — на меня!" Высота самопожертвования грозно звучит в слове, самообрекающем на верную гибель. Воин — собою, своею жизнью велит направить орудия на него, ибо около много врагов. Памятник должен быть на месте такого героизма. Молодое поколение должно запомнить, как славно отдавали жизнь за Родину русские воины. В полном сознании, имея возможность отступить, герой предпочитал гибель за Родину. Другой телом своим закрывал дуло пулемета, чтобы спасти своих товарищей.

Велик синодик русского геройства. Вот воинство наше отметает врага от Киева, спасает матерь городов русских. Уж наверно враги укреплялись в Киеве всеми своими средствами. Слишком важен для них был Киев — град великий. И вот через быстрины Днепра плывет грозное воинство, окружает неприступную крепость и грудью своею освобождает град, где слагалось столько славных преданий.

Для врага такой удар сокрушителен не только стратегически, но морально. Зарился враг на Москву, на Ленинград, на Сталинград, думая поразить русское сердце, расшатать устои народа. Но "огонь — на меня!" — грудью отстояли богатыри священную свою землю.

Сейчас по бездорожью, по осенней распутице воинство гонит врага на диво всему миру. Пожимают иноземцы плечами, шепчут: "невероятно". Но что может быть невероятного для великого народа, сплотившегося во спасение Родины! Наполеоновщина кажется малой сравнительно с размахом нынешних событий. И теперь шли не одни немцы. Вели они за собою всякие народы. Тарле вспоминает слова Наполеона об итальянцах: "С таким народом великих дел не сделаешь". Но ведь шли и хорошие вояки — венгры, финны и всякие "волонтеры" на чужое добро.

Немецкая армия шла непобедимо, пока не толкнулась о русские твердыни. И разве сокращение фронта сейчас происходит? Происходит поражение под ударами русских войск, под водительством генералов достойных. Нигде не зацепиться "непобедимому" врагу. Даже естественные преграды не спасают его. В днепровских стремнинах тонут враги. Бросают оружие и бегут, бегут!

Русский воин зычно на весь мир кликнул: "Огонь — на меня!" Принял герой все стрелы в свой щит, в свое сердце! И спас Родину. Какая славная былина: "Огонь — на меня!"

20 октября 1943 г.

"Московский художник",
23 февраля 1968 г.
(Было опубликовано с сокращениями)

Флюгера

Вазари рассказывает характерную историю о Перуджино. Художник включил в церковную роспись несколько изображений, бывших в его прежних картинах и весьма одобренных всеми. Но теперь те же восхвалители их сильно изругали. Мастер сказал: "Я написал те же самые фигуры, которые раньше возбуждали ваши похвалы и очень нравились. Что же могу поделать, если теперь они вам не нравятся и не кажутся достойными похвалы?" Это не помешало им преследовать его колкими сонетами и публичными оскорблениями. Вследствие этого Перуджино покинул Флоренцию и уехал в Перуджию.

Еще любопытное! Когда в 1920 году составлялся почетный комитет моей выставки в Лондоне, я предложил в него Черчилля. Но почтенные англичане сказали: "Если включим Черчилля, то ни один порядочный человек не останется в комитете". Прошло двадцать три года, и вся Англия восхваляет и почитает Черчилля.

В этом случае понадобились двадцать три года, но можно бы сейчас назвать много имен, при упоминании которых флюгера вертелись на полный оборот. Подите и разберите, где правда? И откуда столько вранья в людях! Соврут и в глаза смотреть будут. Себе во вред соврут.

Нынешние события в своем мировом размахе дают флюгерам напряженную работу. Сколько злейших карикатур уже не войдут в сборники, ибо ветер переменился. Вращение флюгеров все усиливается. Сочиняются новые соглашения, изменяются сроки, гремят проклятия… Жизнь обывателя становится все труднее… Голод стучится… Люди вопят: "Скорей бы все покончить!" А что такое это "все" — и сами не знают. Война трудна и жестока, но "шапочный разбор" еще труднее и беспощаднее. Бедные флюгера в обморок упадут от постоянного вращения.

Человечность уходит. Гуманитарные науки не в моде. Пишут: "Какие теперь выставки? Кабак — вот что им надо". Даже радио передает пошлейшие песни и пьяные аплодисменты. На вокзалах продаются подлейшие брошюры. А флюгера вертятся стремительно. Для оборота флюгера уже не годы нужны, а минута! На глазах перевернется. Черное станет белым, а белое — черным.

Спросите флюгер, чего он вертится? Он скажет: "Уж такая жизнь". А не скучно ли от такой жизни? И неужели нет иной жизни? Разве жизнь — вертеться на шесте и ловить ветер? И где он, ветер, и в каких пространствах он растворится? Принесет ли утешение и обновление? Человечность, где ты?

В Сибири для родителей учащихся сейчас читаются лекции "О пользе дружбы между людьми".

24 октября 1943 г.

Альманах "Утренняя звезда".

М., МЦР, 1993

Культура (28.10.1943)

Сейчас пришли два Ваших [письма] — одно от 22 Июля, другое от 12 Сентября. Видите, как вразброд идут письма. Оба письма нас глубоко порадовали — все Ваши действия прекрасны, своевременны. Так ценно, что Вы храните бодрое настроение — эти крылья несут и высоко и далеко.

Пришло письмо Жина, и мы радовались. Как хорошо, что он получил повышение по Красному Кресту. Много пользы удастся ему принести и теперь и в будущем. Честные деятели будут нужны. Вообще оба брата, и Дедлей и Жин, удивительные, редкие люди. При их труде они полны высоких устремлений, и эти светлые крылья перенесут их через все пропасти.

Наряду с АРКА и "Фламма" необходима. Обе организации могут поддерживать друг друга. И только истинное прилежание к Культуре может помочь в этой трудной работе. Не скроем — трудна пашня Культуры. Много одичания! Иногда радио возвестит такую пьяную пошлость, что диву даешься. К чему человечеству жить миллионы лет, если они могут восхищаться такими гнусностями? И вот только упорная культурная деятельность может пробивать броню пошлости.

Как радушно нужно пригреть каждое возвышенное устремление! Не в роскоши рождаются такие взлеты, но среди труда и нередко среди лишений. Сердечно, заботливо оберегите молодые сердца от озлобления. Каждый из нас встречал хорошую, отзывчивую молодежь, но угнетенную серым домашним бытом. И хотят они взлететь — да низок потолок, заглянуть бы подальше — да мутны окна. Много серого быта. Не знают, что читать, где найти прекрасные книги. Шкафы библиотек молчаливы. Как хорошо, что Вы теперь имеете расширенное помещение и можете пригреть большее число ищущих, стучащихся.

И опять удивимся братьям Фосдикам. Как они среди будничного быта, среди каждодневного труда сохранили горение сердец. Славный, прекрасный путь! Помните два прекрасных сказания? Когда Конфуций болел, друзья напомнили, что пора помолиться. Но мудрец ответил: "Моя молитва уже давно началась". Другое: Св. Франциск позвал одного брата пойти с ним проповедовать. Они прошли в город, обошли много улиц, беседуя о возвышенных предметах. Наконец, брат спросил, когда же начнется проповедь? Но Св. Франциск улыбнулся: "Брат, разве ты не признал, что мы все время проповедовали? Мы пристойно шли по улицам, беседуя о возвышенном. Мы сеяли мир". Все это Вы знаете, и Ваши новые знакомые могли вовремя предупредить Вас.

Нога Елены Ивановны поправляется, Ходит с палочкой, но боль еще чувствуется. Как все Ваши болящие? Надеемся, что здоровье налаживается. Интересно, кончилось ли изрезывание писем? Я ничего не имею против любой цензуры, но любопытно, какое именно культурное сообщение не должно достичь Вас? У нас раннее похолодание — уже 46˚, а керосина нет. Плохо, что холст совсем кончился. Бумаги мало. Ведь и у Вас трудно. Но германцы сломлены, и война пошла под гору. Держитесь крепко во имя Культуры. Радио передает, что в начале Ноября в Америке будут разные Ам[ерикано] — Русс[кие] выступления. АРКА не упоминалась. Впрочем, может быть у Вас к этому были свои соображения. На всякие хорошие случаи Вы наверно отзоветесь. Передавали, что Метрополитен устраивает какую-то русскую выставку.

28 октября 1943 г.

Публикуется впервые

"Эволюции"

Тарле поминает характерную "эволюцию" французской прессы во время бегства Наполеона с острова Эльбы. Сведения шли в таком порядке. Сперва: "Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан". Затем: "Людоед идет к Грассу". Затем: "Узурпатор вошел в Гренобль". Затем: "Бонапарт занял Лион". Затем: "Наполеон приближается к Фонтенбло". И наконец: "Его Императорское Величество ожидается сегодня в своем верном Париже". Вся эта литературная гамма уместилась в одних и тех же газетах, при одной и той же редакции на протяжении нескольких дней. Каких только "эволюции" не хранят недра библиотек!

А вот не хотите ли и такую современную нам эволюцию? Пишут: "Вы, вероятно, помните Франкенталера, который вел наше дело и который решил его в пользу Хорша, получив от последнего крупную плату после завершения его. Вот сей "честный и благородный муж юстиции" теперь поставил свою кандидатуру в сюприм корт[69]. А случилось это после невероятного скандала, прошумевшего во всех газетах: некий Аурелио, судья, ставленник демократической партии был кандидатом, и случайно вышло наружу, что попал он на место судьи в прошлом благодаря национально известному гангстеру Костелло, который ему устроил место судьи. Когда это обнаружилось, его имя с великим скандалом было снято, и теперь демократы выставили другого, а республиканцы Франкенталера. Если он будет выбран, спрашивается, где разница между ставленником гангстера и подкупным членом суда?! Вот каковы законы и мораль здесь".

Да, вот какова может быть так называемая "эволюция", когда бандиты назначают высших судей. Разве не великая ирония в том, что именно справедливость в руках бандитов? За несколько дней Наполеон печатным словом эволюционирует из чудовища в императоры.

Житейские мудрецы, слыша сказания о судьях подкупных, шептали: "Всякого человека подкупить можно, только бы знать, из какой двери подойти к нему". Так позорила человеческое достоинство житейская мудрость. "Бумага все терпит", — уверяет другой житейский мудрец. Говоря о какой-нибудь лжи, гнусности, добавят: "Об этом даже в газетах печатали". Такое "даже" многого стоит!

Если бы только гнусная ехидна не доползла до молодежи! По счастью, нынешняя русская молодежь теперь не склонна к гнусностям. Русское утверждение прозвучит в переустройстве

мира. Эволюция не смешается с инволюцией. Видья[70] победит авидью[71]. Главное — изгоняйте невежество. Оно — корень всякого зла.

1 ноября 1943 г.

Публикуется впервые

Неблагодарность

Очень огорчительно ваше письмо. Вы упрекаете русский народ в неблагодарности и тем самым лишаете его величия. Неблагодарность есть несправедливость, и не будет великим несправедливый. Вы обвиняете русский народ в том, что он забыл Сергия Радонежского, Петра, Ярослава, Александра Второго, декабристов, строителей северных народоправств. И многих, принесших пользу народу русскому.

Вы пеняете, зачем я называю русский народ великим. Но как можете вы во дни величайшего русского подвига сомневаться в истинной сущности нашего народа?! Вы судите прискорбно опрометчиво. Вы говорите о том, чего не знаете, а ведь это уже свойство несправедливости. Не так давно говорили о расстреле Туполева и негодовали, а он вовсе не расстрелян.

Ведь вы многого не знаете, но должны бы знать, что русская мощь разбила сильнейшую германскую армию. Без здоровья физического и морального такой подвиг не может быть совершен.

Русский народ почтил и Александра Невского, и Суворова, и Кутузова. Патриарх Сергий, наверно, чтит Сергия Радонежского. Среди военных и индустриальных трудов народ почитает великих ученых и художников.

Неужели не знаете, что пишут Алексей Толстой, Шолохов, Эренбург и целая плеяда даровитых писателей? Неужели не слышали Шостаковича и всех композиторов и музыкантов, премированных высокими наградами?

Затхлы ваши упреки. Порождены они серым зарубежьем. Вот Борис Григорьев ругмя ругал народ русский. Небось ему стыдно и хотелось бы отобрать обратно все мерзости сказанные, да не отобрать!

Народ русский чтит и Минина, и Пожарского, и Дмитрия Донского, и всех, потрудившихся во благо. Но ведь многое до вас не доходит или еще не дошло. Прочистите уши, промойте глаза и заново осмотритесь.

4 ноября 1943 г.

Н. К. Рерих. "Россия".

М., МЦР, 1992

Древности

Сообщает московское радио о рисунках каменного века на скалах в Термезе. Не ошибка ли? Не те же ли самые рисунки мы наблюдали в Лахуле, Ладаке и Туркестане? Некоторые из них почти нам современны, другие постарше, но все же далеко до каменного века. Любопытно бы сравнить помянутые рисунки с изображениями на здешних скалах. Большею частью ритуальные или охотничьи сцены. Быки, горные козлы, ящеры, птицы… Вообще трудно различать границы каменного века, когда еще теперь каменный быт существует, а урали живут на деревьях…

Такое же недоумение вызывают тибетские менгиры[72]. Несомненно, некоторые из них древнего происхождения, но имеются и современные нам. На перевалах до сих пор ставят высокие менгиры, по всему виду схожие с древними. "До-ринг" называют длинные камни, и эти места почитаются. Мы видели такие круги менгиров со следами приношений.

Хронология тибетских знамен очень трудна. Также нелегко различать время металлических изображений. По некоторым признакам можно лишь приблизительно судить. Хороши бывают китайские подделки, но, конечно, острее старых оригиналов. На ощупь чувствуются. Зато какая радость, если найдется подпись или характерная надпись. Но это редко бывает. Жаль, что сырой жаркий климат Индии разрушил прекрасные памятники. Но Тибет и Афган многое сохранили.

Жаль, что в Тибете и во внутренней Монголии раскопки не разрешаются. Сколько мы видели курганов и могил, уставленных камнями, но вскрыть их нельзя. Также нелегко с находками каменного века и поделками скифского стиля. Иногда принесут, но о месте находки скажут уклончиво. Широким жестом покажут и скажут: "На восток" или "За этими холмами". Борьба яка с тигром — очень излюбленный сюжет и имеет бытовое значение. Тигр и як особенно ненавидят друг друга. Як бросается на тигра и, говорят, обычно выходит победителем.

Жаль, что и в Индии ведется так мало исследований, раскопок. Как-то Тата дал некоторые невеликие средства, но ведь кроме него много в Индии богатеев. Недаром счет им ведется от десяти миллионов. А сколько древних мест ожидает раскрытия! И раскрыть их нужно на общественные средства. Нечего ждать, пока правительство одумается. Впрочем, злейший голод в Индии. В Лондоне в Палате лейбористы запрашивают Амери: "Какую смерть индусы предпочитают? Быструю — от холеры или медленную — от голода?" А все же древние холмы ждут

раскрытия.

Удивительно, что эпизоды из "Гесэриады" поразительно схожи с "Сагою о Нибелунгах"[73]. Миф о Полифеме имеется в тибетской версии. Откуда пришло сообщение, что место Лхасы называлось Гота?

8 ноября 1943 г.

Публикуется впервые

Культура (14.11.1943)

За эти недели Ваших писем не было. Теперь у Вас уже зимний сезон и по всем статьям оживление. Главное — бодрость. Она — как магнит. Читал Гверацци. События в Италии заставляют вспомнить, как мыслили благородные души в прошлом веке. Может быть, молодежь и теперь вспыхивает тем же героическим духом?! Известия передают, что немцы младшего возраста гораздо более жестоки, нежели пожилые. Можно представить, что за жизнь в Европе.

От бельгийского консула слышали, что в Бельгии собак уже всех съели, а кошка стоит сто франков. Конечно, неизвестно, что такое франк! Женевский журнал в последнем номере сообщает, что в Париже в летнем аукционе небольшой Ренуар пошел за четыре миллиона франков. Прямо невероятно, но опять же не знаем, во что превратился французский франк. Но журнал "Про арте" дает, по-видимому, точные сведения об аукционах в Париже и Брюсселе. Или люди вспоминают о художественных ценностях как о единственном прочном прибежище?! Можно представить, сколько прекрасных произведений погибает в частных домах. Нередко среди скромного обихода, бывало, попадалась вещь отличного мастера.

А русские победы гремят на весь мир. Несломимое геройство ведет воинов через все преграды. Великий, широчайший Днепр не служит препятствием. Всегда верили мы в народ русский, а вот теперь и весь мир уверовал. Прекрасное историческое дело может творить АРКА. Столько прекрасного можно поведать всему миру о русской Культуре! Любовно заботливо отбирайте эти драгоценные зерна. Энтузиазм не поникнет, когда в сердце сохраняется сознание о значении творимой работы. Вперед, вперед, вперед!

Наверно, Вы обращали внимание, что московское радио даже во дни войны часто говорит о заседаниях Академии Наук, о выставках, о новых музыкальных произведениях, об университетах и школах и прочих культурных преуспеяниях. Между тем другие радио о жизни Культуры говорят очень мало или совсем не поминают. Это очень показательно. Если решите дать в "Новоселье" мои листы, можно помянуть, что они из книги "Слава". Ведь они войдут в манускрипт, который Вы, вероятно, теперь получили. "Крылья Победы" и "Огонь — на меня!" могут войти в манускрипт "Слава" — они и по числам новее.

Попросите секретаря переслать манускрипт и сообщить Вам о последующем. После всех суперлативов[74], о которых Вы писали,

он, надо думать, устроит все ладно. Потрудимся во славу героизма, самопожертвования, преуспеем! Поверх житейских забот найдем час для самого высокого. Полюбим этот час, им оживем. Привет сердечный всем друзьям.

14 ноября 1943 г.

Публикуется впервые

Русскому литовцу

Добрая Ваша весточка! Елена Ивановна и все мы порадовались, если Вам у нас было хорошо. Будем рады снова Вас повидать, ведь и нам с Вами было хорошо. Вы любите Русь и мы все любим Родину всем сердцем. Вы готовы потрудиться во благо Родины, и мы все приносим ей наши труды и лучшие помыслы. Когда такое благо положено в основу, то и дружба будет крепка. Так и преисполняйтесь добрыми мыслями во славу Руси и восхищайтесь русскими победами — чудесен такой всенародный подвиг! И само понятие это русское непереводимое, полное движения, познания и жертвенности.

Спасибо Вам и за рахманиновские пластинки — их у нас не было. Мы так любим Рахманинова, и недавно в "Новом Мире" мы читали о нем прекрасную статью Мариэтты Шагинян. Полюбилось нам, что в Москве так ценят великого композитора и артиста. Вдохновенно творчество Рахманинова. Широко по миру он прославлял русское искусство, и народ русский почтит его в лучшем ряду творцов. Еще не вполне осознали стиль Рахманинова, но такое неизменное начало есть во всем его творчестве, и оно будет еще глубже оценено.

Сущность, притом самобытная сущность, не сразу оценивается. Вот и потенциал Скрябина тоже со временем был понят и будет еще лучше понят. Отлично, что Вы прилежите музыке и трудитесь в этой сфере. Это очищает и возносит. Великий магнит искусства! И так он нужен смятенному человечеству!

Поистине, радовались мы Вашей вести. Пусть будет Вам хорошо! Не было ли добрых приезжих? Добрых встреч? Всякое такое общение нас порадует. Сердечный привет Вам от всех нас.

Душевно.

17 ноября 1943 г.

Публикуется впервые

Случаи

Пишут, вспоминают. Чего только не случается! В Нью-Йорке на выставке русского искусства С.М.Ш. хотела купить картину Нестерова и справлялась о цене. Тут же находился Сомов. С.М.Ш. не была с ним знакома, но отлично знала его по наружности. К ее удивлению Сомов подошел к ней со словами: "Напрасно вы хотите покупать Нестерова. Он художник устарелый, неценный. Если хотите, я покажу вам картины действительно ценные". И Сомов повел С.М.Ш. к своим картинам, расхваливая их. В результате Нестеров был куплен, а С.М.Ш. навсегда сохранила воспоминание о странных нравах художников. Неладный случай! Почти такой эпизод известен о Баксте и окончился он так же отрицательно, как и с Сомовым.

Ох, уж эти случаи, когда "в глаза ангел, за глаза — черт". Не ново! Почему же вспомнились такие неладные случаи? А вот почему. Хочется молодежь предостеречь. Такое особенное время подходит. При переустройстве мира искусство должно занять особо значительное место. И художники должны быть истинными преобразителями жизни. Значит, на них посмотрят особенно внимательно, и пусть всякие неладные "случаи" не поразят наблюдателей. Высоко место художника, много ему дано и много с него спросится. Народы захотят видеть в художнике благородного творца.

Неуместны всякие унижающие "случаи". Наоборот, около искусства должны выявляться высокие чувства, должно создаваться ведущее начало жизни улучшенной, жизни прекрасной. Такой постулат — не труизм.

Слишком загрязнился мир в кровавых смятениях. Люди вопят о переустройстве. Но ведь на старой гнили новый дом не построишь. Оздоровление телесное и духовное необходимо прежде всяких новых узаконений. Люди подумают: "Кто мыслит о прекрасном, тот наверно и творит прекрасное. К нему прислушаемся". Народы ценят добро.

Когда ссылаетесь на Леонардо, вы всегда уверены, что его мысли выросли на чистой, человечной ниве. И это чувство Дает вам уверенность, что на Леонардо можно опереться. Пусть в молодом поколении растет понимание высокого назначения художника.

Помните, египтяне называли художников "Сеенек", т. е. "Оживители", "Воскресители". Вот пусть будут художники оживителями жизни, воскресителями лучших, высоких устремлений. Там, где приложит руку художник, пусть вырастает

прекрасное. Около самих художников пусть накопляются ладные случаи!

21 ноября 1943 г.

Публикуется впервые

Культура (28.11.1943)

Долетели Ваши вести от 5 Октября. Глубоко сочувствуем горю Дедлея и Жина. Хорошему, доброму человеку, каким был отец их, будет хорошо и в Тонком Мире. Если он был близок мыслями будущему, то он быстро освоится с условиями нового существования. Да будет ему светло!

Печально, что здоровье СМ. не улучшается. Шлем ей наши душевные мысли.

Представляем себе, сколько возможностей дает сейчас АРКА. Наверное, и новые люди подходят. Понимаем Ваши сетования на Д. — может быть, она не поняла о книге "М.О." Конечно, жаль, если ее увлечет льстивый человек, но рано или поздно она его восчувствует. Небось, он не сказал ей, на каких основах написана им книжка, которую он ей послал! Поблагодарите ее за перевод.

Светло было прочесть о комнате, устроенной Жином. Какие они прекрасные люди! Как стремятся они к истинной Культуре! Всю жизненную борьбу они превозмогают радостно, ибо в сердце их живет радость труда и созидания. Чек от Дельф[ийского] Общ[ества] пока оставьте у себя, а номер их журнала пришлите, может быть, дойдет. Передайте им мои сердечные пожелания, а также прилагаемое мое обращение "Миссия женщины". Велика и славна эта миссия!

Мясину можно разрешить пользоваться эскизами для "Половецких плясок". Интересна и своевременна его идея о китайском балете. Буду рад услышать о ней подробнее. Полагаем, что Катрин даст картины Святослава. Рады слышать об успехе "М.О." — конечно, к нам книга нескоро дойдет — теперь все так долго! Дошел ли манускрипт "Слава"? Желательно, чтобы он дошел по назначению. Что поделывают вредители всякие — Хорши, Уоллесы, Бенуа и тутти кванти[75]? Наверно, где-то сеют плевелы, этим живут! Недавно мы посмеялись. Тибетцы рассказывают, что в Спитуге показывают мою фотографию как портрет китайского сановника. В Ши-гадзе видели несколько воспроизведений с моего портрета работы Святослава, причем тибетцы уверяют, что это Нагчен Римпоче — регент Тибета. Откуда только берутся подобные россказни? Иногда любопытно заглянуть, как создаются апокрифы.

Нет ли вестей от Б.К.? Ума не приложим, почему прервались с 8 Декабря прошлого года его письма? Ведь он знает и Ваш новый адрес. Нет ли сведений о нем от Д.? Скоро выйдет новая книга Тампи. Пошлю Вам, а также для Дельф[ийского] журнала для ревью. Нога Е.И. почти совсем поправилась, ходит хотя и

осторожно, но уже без палки. Итак, действуйте, как говорил Ап. Павел, "с оружием света в левой и в правой руке", и пусть сами трудности послужат во благо.

Привет, самый сердечный привет к Рождеству и к Новому Году всем друзьям.

28 ноября 1943 г.

Публикуется впервые

Памятка (03.12.1943)

Дружинники Владимира в знак особого отличия носили золотую гривну. Это напоминает золотую шейную цепь, награду на Западе. Богатыри Владимира имели звание богадура, пришедшее с Востока. Палаты Ярослава, наверно, напоминали дворцы Рогеров в Палермо. Три дочери Ярослава были замужем: за королем французским, за королем венгерским Андреем и за конунгом Гаральдом. Обширная международность!

Астарта Малоазийская в глубоких слоях Киева. Греко-скифское искусство в курганных находках, в кладах. Древние готы — в степях и в Крыму. Еще в семнадцатом веке в Крыму существовал готский язык. Татары, генуэзцы, аланы, все бесчисленные народности, прошедшие по русским равнинам! Обширная международность!

Бесчисленны и враги — немцы, итальянцы, французы, англичане, японцы, шведы, турки, ляхи — все зарились на русские сокровища и ничего не добились. Тоже обширная международность.

И все слои, от самых древних до новейших, нужно знать. Не в том дело, чтобы считать друзей и врагов — в таком счете можно и обсчитаться. Не в том дело, чтобы питаться обидами; сказано: "Плох сад обид". Но нужно знать русскому народу свою доподлинную историю. Нужно знать прошлое без замороки, без слепоты и глухоты.

Быль не выскребешь. Курганы высятся тысячелетиями. Было нашествие дванадесяти языков, и теперь оно опять пришло. Украсилась Москва после Наполеона. Украсится Русь после злого нашествия нынешнего. Уже поняли мощь и жертвенность русского народа. Уже ищут дружбу его. Уже твердят: "Забудем прошлое". Не знают, чем бы ознаменовать приязнь русскую. Весь словарь добра вытряхнули, чтобы найти достаточные суперлативы во славу русскую.

А русская смекалка все подмечает, всему цену знает. Если спутник твой крив, то и ты поджимай глаз" — так помнит Восток. Русский человек много перестрадал, многое вынес, многое осилил. Вздохнет, ухмыльнется, да за новую стройку на удивление всему миру!

3 декабря 1943 г.

Публикуется впервые

Культура (06.12.1943)

Долетело Ваше письмо от 15 Октября. Полагаем, что Зина должна возглавить Академию. Ведь Академия возникла из Мастер Института, и Зина главенствовала там. Значит, и теперь она должна возглавить.

Неужели манускрипт "Слава" еще не доплыл/ Хотелось бы скорей его доставить по назначению. Все-таки непонятно, почему секретарь запнулся сказать, какая у них в Посольстве моя картина?! Так же странно происшествие со Сторком. Я отлично помню Кошиц мне рассказывала, как она продала Сторку "Тирона" за 1600 дол. Также помню, что и "Дела человеческие" Трубецкая продала туда же. А теперь все выходит шиворот на выворот. Вообще многое кануло! Е.И. не раз вспоминала, что я из Карелии послал для издания книгу поэм — она пропала, а черновики не сохранились. Е.И. жалеет также, что не списала хорошую статью С.К.М., написанную для издания Когана (Брентано). Помните, его издательство развалилось, и все исчезло. Удивительны эти исчезновения — как камень на дно! Хотя бы коротко записывайте разные эпизоды. Не полагайтесь на память. Только сгоряча кажется, что память все удержит. Сложит она в такие глубокие склады, что и не вызовешь. Так же и народная память — сколько полезного и доброго она засыпет в песчаных буранах бурной жизни! Придут новые, а уже и не знают многое. Вот мы даже отчества прадеда не знаем, а давно ли это было?!

Вот и всякие новоявленные друзья расхваливают теперь русские победы, а учить русский язык ленятся. А ведь для прилежного друга это нетрудно. Приходил к нам индус — всего три месяца побыл в Москве, а уже говорит по-русски. При желании — Все возможно. Разве среди друзей Уида нет желающих поучиться русскому языку?

Вообще очень различайте подлинных от неподлинных. Арабский мыслитель Мансур-эль Холлай говорил: "Будь осторожен, когда хочешь в человеке бить по дьяволу, чтобы не задеть в нем Бога". Все мы знаем о подлинных и притворных друзьях. В земной борьбе так всегда и бывало, но счастье, когда бодрость не страдает от всяких "находок". Вперед, неудержимо вперед во славу Культуры!

Интересно, кто и как из почетных советников АРКА отзовется на Ваше сообщение о годовой деятельности? Не будет ли каких предложений? Главное, не огорчайтесь, если что идет медленнее, нежели ожидаете. Помню, как Леонид Андреев, находясь в нужде

и в печали, восклицал: "Говорят, у меня есть читатели! Может быть, но ведь я-то их не вижу и не знаю". А ведь читатели и почитатели у него были, только он их не знал.

Главное — бодрость! Вы писали, что из ВОКСа[76] присылают много материалов. Не сделать ли Вам в одной из студий постоянную выставку ВОКСа — это может привлечь. Прилагаю письмо Мясину. Эскиз "Половецких плясок" вышлю пароходной почтой (пойдет месяца четыре). Гонораром не будем его притеснять. Дягилев платил за право воспроизведения 500 рублей. Мясин — наш сотрудник и потому пусть платит, как у него принято. Пришло очень хорошее письмо от Дутко. Чувствуется, что она хороший человек. Привет ей. Светик писал Катрин разрешение дать картины.

6 декабря 1943 г.

Публикуется впервые

Чутье

В Лиальпуре были произведены опыты по уничтожению обезьян, во множестве превратившихся в несносных вредителей. Выяснилось, что взрослые обезьяны распознают отравленную пищу и тщательно избегают ее. Но малыши все же едят, и тогда старшие спасают их противоядием — травами и кореньями. Инстинкт развивается. Ведь утенка не приходится учить плавать. К слову, непонятно, почему в Индии на базарах совершенно открыто продаются сильнейшие яды — мышьяк, опий и прочие. Так издавна повелось. В истории страны отмечено много отравлений. Избавлялись раджи и вельможи от нежелательных людей. Так было давно, но отчего и до сих пор яды открыто продаются на базарах?

Была у нас лайка Нетти — умненькая собачка. Когда пришло время щениться, ее отвезли в собачью лечебницу на другой край Питера. Везли на извозчике всю закрытую — день был морозный. Щенят выпросил ветеринар, а Нетти привезли домой в автомобиле под вечер. Через день собачка пропала, и найти ее не могли. Но через три дня ветеринар звонит и просит взять собаку. Оказывается, Нетти голодная, иззябшая царапалась в двери лечебницы. Спрашивается, какое чутье привело ее? Везли ее на руках, закрытую, путь был длинный.

Непонятно по нашему человеческому разумению, но по собачьему, по животному выходит иначе. Помню, как врач Кострицкий посылал своего Фокса в нижний этаж со словами: "Там дама дожидается, скучает. Поди, развесели ее". Фокс распахивал дверь, мчался вниз и было слышно, как он лаем и прыжками занимал посетительницу.

Много поразительных доказательств звериного чутья и разумения. А вот у людей сейчас инстинкт и интуиция не в моде.

Радио из Дели сообщает, что в пищу армии может быть введено мясо тигровое, леопардовое, обезьянье, летучих лисиц (забыты дикобраз, слон, носорог). Особенно хвалят обезьян и летучих лисиц (вампиров). В Тибете коней для резвости кормят сушеным леопардовым мясом. В Сиккиме едят обезьян, но хитрости и проворства, кажется, не прибавилось.

Впрочем, люди научились ходить фокстротом.

14 декабря 1943 г.

Публикуется впервые

"Пуп земли"

Здешнее радио сообщило, что Рузвельт, вернувшись в Америку после Тегерана, сообщил прессе об опасности покушения, вследствие чего Сталин предложил ему и Черчиллю переселиться в Советское Посольство — ради безопасности. И переехали! Прямо невероятно, чтобы и Американское и Великобританское Посольства были настолько не охранены, чтобы для безопасности следовало бы укрываться в Советском Посольстве!

Неужели Советская чека настолько исполнительнее, что лишь она может охранить от опасности покушений? Как же и американцы и англичане так опростоволосились, что президенту и Первому Министру пришлось искать прочное убежище в Советском Посольстве? Конфуз для охраны американской и английской.

Вот и еще одно своеобразное признание русской мощи. Она укрыла и спасла Рузвельта и Черчилля. Если не так было, то Рузвельт не стал бы сообщать для прессы такой многозначительный факт. Значит, "пуп земли" опять нашелся именно на русской территории — в Посольстве. На первый взгляд, кому-то покажется невероятным, чтобы Рузвельт так сознался в недостаточности своей охраны. Почему и Черчиллю показалась непрочною английская полиция.

Мало ли что мерещится! Но так или иначе стены русские оказались более надежными, а чека более прозорливою и расторопного. "Не мытьем, так катаньем" — русский оплот оказался вернее. Под русское крыло притулились союзники не только на поле брани, но даже и в совещании.

Показательно, что союзники открыто "для прессы" всего мира признаются в русской краеугольности. Пусть даже заподозрят их в робости, но они правду не скроют. Говорят всему миру: "За русским порогом — вернее. За русским щитом — безопаснее".

Пуп Земли!

18 декабря 1943 г.

Публикуется впервые

Культура (22.12.1943)

За эти недели не было Ваших вестей. Опять Е.И. была больна. Не успела нога несколько оправиться, как подкралась простуда — зубы, головная боль, температура. Теперь и от этой напасти оправляется. Было очень болезненно. Главная причина — холода и отсутствие керосина: ведь мы на керосиновых печках. Покуда солнце повыше взойдет — всюду холодно. Много трудностей! Вот холст совсем кончается, а нового нет и достать негде.

Пришло милое письмо Жина от 23 Августа. Значит, пароходная почта идет не менее трех с половиной месяцев. Десятого Декабря послано заказным пакетом (парсел) шесть темпера на Ваше имя для Мясина. Он просил держать эскизы в тонах первой дягилевской постановки; я так и сделал. Непременно поставьте под стекло, иначе в работе они могут пострадать. Привет Мясину. Дошел ли, наконец, манускрипт "Слава"? Эти бесконечные сроки выбивают все темпы работы. Хотелось бы — пусть "Слава" не запоздает. Пусть и "Половецкий стан" дойдет вовремя. Ведь воздушной почтой такие пакеты не послать. С почтой так трудно! Вот и сейчас мы ждали срочную телеграмму, а она вместо Наггара пошла в Нагпур. Из этого — досадное опоздание! И многие не хотят понять, что почтовые связи изуродованы, и многое, прежде обыденное, стало необычайным. Иногда по три дня вообще без почты.

Жин пишет, что они имели добрую встречу с двумя членами "Фламмы". Очень полезно поддерживать такие добрые сношения. Иногда коротенькая открытка может отеплить сотрудника. Пламя — "Фламма" — не угасает. Не вернулся ли Дутко? Нет ли вестей о Б.К.? Ведь второй год пошел, как его письма вдруг прекратились, да ведь и Вы ответа не получаете! К нашему огорчению, нам вернули две "Иерархии", которые мы Вам послали. Печатное объявление гласит, что теперь запрещено посылать книги в Америку. А ведь еще недавно Вы получили книжку, изданную в Симле. Тогда было можно, а теперь уже нельзя. Опасаюсь, как бы ни вернули эскизы "Половецкого стана". Дойдет ли посланный Вами "М.О."? Главное странно, что на почте примут, а потом недели через три возвращают. Происходит непоправимое замедление. Видимо, местная почта не знает новых правил. Отмечаю это к тому, чтобы Вы лишний раз не удивлялись странностям в почтовых сношениях.

Впрочем, и у Вас все необычно. Местные газеты сообщают о сильной, своеобразной эпидемии в Америке. Больных более миллиона, были и смертные исходы. Поражены дыхательные

органы при сильных головных болях. Что это за болезнь? Точно огненная? Вот спрашиваю Вас, а сам знаю, что ответ дойдет месяца через четыре!

Шлем Вам всем сердечные мысли. Соберите всю бодрость для преодоления трудностей. Держите на одной полке: "Арчер", "Корнерстон", Вестник 1929, 1930, "Декаду", "Державу Света", "Бюллетень", 3 книги Пакта. Придет новый молодой летописец, и Вы скажете: "История!" Идет значительный 1944 год. Преодолевайте!

22 декабря 1943 г.

Публикуется впервые

Динозавры

Недавно в беседе со мной Г. Д. Уэллс сказал, что многие века назад большие расы существ, "таких, как динозавры, динотерии и т. д., правили землей, а затем вымерли". Вымерли потому, что условия жизни на земле изменялись, а они были не в состоянии приспособиться к ним.

Есть ли надежда, спрашивает г-н Уэллс, что человек сумеет избежать такой судьбы? По мнению г-на Уэллса, существует. Благодаря его способности мыслить. "Он способен думать и предвосхищать то, что может с ним случиться. Он может познавать и изменять себя, на что никогда не было способно ни одно животное". И Уэллс так определяет перемены, к которым необходимо приспособиться человеческой расе: 1) сокращение расстояний благодаря современным средствам связи; 2) огромный рост материального потенциала; 3) процесс, в ходе которого неквалифицированный труд "рабов" и чернорабочих "может быть вытеснен и в большой мере уже вытесняется механизмами". Общий знаменатель в решении проблемы всеобщего мира он видит в том, "чтобы все правительства в мире отказались от своего суверенного права на экономическую и политическую агрессию друг против друга". При этом он подчеркивает, что больше ни от чего не надо отказываться. Ни от чего, кроме силы взаимного уничтожения.

В самом деле, в последние годы мы убедились, что не только официально объявленные войны угрожают неповторимым творениям человеческого гения; не только войны, но вероломное варварство и дикость угрожают, возможно, в большей степени лучшим памятникам творчества.

Не в шкурах пещерных жителей, а в смокингах ходят эти "господа", бесстыдно восклицающие: "Долой культуру!", безнаказанные в своем разрушительном высокомерии и невежестве.

Много есть герострат ов! Мы употребляем имя безумного механика как имя нарицательное, как клеймо позора, а не в связи с историческим событием. Преступная дикость обращена прежде всего против самых изысканных и прекрасных творений. Невежество пытается изуродовать величайшие из них — в этом страшная печать тьмы.

Поистине, для возрождения традиций Культуры необходимы кардинальные меры в мировом масштабе. Будем всем сердцем надеяться, что Всемирная Лига Культуры действительно просветит все озлобленные, растерянные, заблудшие души к

новой добродетельной жизни.

Преступные деяния совершаются повсюду, где ум и сердце настроены на преступление. Но с ранних лет дома и в школе детей надо учить пониманию истинных мировых духовных ценностей. Если мы осознаем, что в Древнем Китае и Египте творчество почиталось больше, чем у нас, это — печальное открытие.

Совсем недавно мы узнали об уничтожении картин Гойи в Испании, об опасности, угрожающей бесценной библиотеке в Шанхае и о многих других актах вандализма. Говорят, что это национальное возмущение. Но почему оно направлено на прекрасное, а не на уродливое? Позор!

Сейчас во всем мире проходят Дни Культуры. Это хорошо. Пусть они станут свидетельством преклонения перед Светом, Красотой, Знанием, которые заставят варваров опустить руки перед творениями Прекрасного.

Нужно ли говорить о значении Знания, Красоты? Разве это не общеизвестно? Но действительность во всех своих уродливых проявлениях заставляет нас постоянно и неутомимо добиваться утверждения основ Культуры. Вместо праздника труда, во всем его величии и созидательности, может настать ночь вселенского разрушения. Вы сами чувствуете, что это может произойти, несмотря на все "олимпийские игры", которые, в отличие от игр во времена античности, иногда заканчиваются яростным кулачным боем.

Пусть лиги, учреждения, музеи, общества, институты, конференции, конвенции растут и множатся, чтобы силой просвещения изгнать из жизни все ужасы невежества и тьмы.

26 декабря 1943 г.

Публикуется впервые.

Перевод Н. Л. Некрасовой

Героический реализм

…Каждая весть теперь, как нежданный подарок. Даже мирные Швейцарские горы уже почти недосягаемы. Португалия почему-то вовсе замолчала. Женевский журнал еще доходит, но Коимбра замолкла, точно бы там ничего не происходит. Если пошлю Вам последние мои очерки — вряд ли они дойдут. Давно хотел послать Вам темперу, но это уж совсем невозможно. Даже книги в Америку запрещено посылать. Все становится труднее.

Вот Вы определяете мое искусство как героический реализм. Мне радостно такое определение. Подвиг, героизм всегда были зовущими. Истинный реализм, утверждающий сущность жизни, для творчества необходим. Не люблю антипода реализма — натурализма. Никакой сущности натуры он не передает, далек он от творчества и готов гоняться за отбросами быта. Печально, что так долго не отличали натурализм от реализма. Но теперь это различие утвердилось. Это даст здоровый рост будущим направлениям искусства.

Истинный реализм отображает сущность вещей. Для подлинного творчества реализм есть исходное восхождение. Иначе всякие паранойные тупики не дают возможности новых нарастаний. Без движения не будет и обновления, но новизна должна быть здоровой, бодрой, строительной.

Упаси от абстрактных закоулков. Холодно жить в абстрактных домах. Не питает абстрактная пища. Видали жилища, увешанные абстракциями… Жуткие предвестники! Довольно! Человечество ищет подвига, борется, страдает… Сердце требует песнь о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании высшего качества.

Жизнь двинула такие грозные реальности, что им будет созвучен лишь истинный реализм. Хитрым загибом, перегибом, изгибом не преоборешь ужасов, затопивших смятенное человечество. Ближайшее будущее не сулит быстрого оздоровления.

Шатается Культура. Близится пустыня знания. Призрак голода бродит по миру. Жестокосердие иссушило. Беда порождает беду. В лохмотьях скитается бедствие. Бесчисленны жестокие драмы людские. Всякие эпидемии, мании, мегаломании не дремлют. Неразрешимы судьбы.

Среди такого хаоса художники могут поднять знамя героического реализма. Зычно позовут они к нетленной красоте. Утешат горе. Кликнут к подвигу. Пробудят радость. Без радости нет и счастья. А ведь о счастье мечтает и самый нищий убогий.

Мечту о счастье не отнять у человека. Художники всех областей, помогите!

1 января 1944 г.

"Из литературного наследия"

Знамя Мира (04.01.1944)

"Идеи не умирают, они порою дремлют, но они просыпаются еще более сильными, чем были до своего сна". Не умерло Знамя Мира. Оно лишь свернулось, пока зверствует война. Но придет час, когда люди вновь сознательно обратятся к заботе об охране культурных ценностей, к этой истинной основе мира. И не об одних только культурных ценностях Знамя Мира трепещет. Оно трепещет о сердце человеческом, а том великом сокровище, где созидается обновленное будущее. Сердце человеческое жаждет мира, и, может быть, этот час уже близится.

Удивительно было узнать, что сейчас Р.Ренц в серии "Библиотеки Нового Мира" издает в Дели брошюру, посвященную нашему Знамени Мира. Еще гремит война, а культурные деятели уже выдвигают то, к чему неизбежно вернется человечество. Никогда не знаете, какими путями продвигается идея.

Вот она обнаруживается среди изданий "Библиотеки Нового Мира". Мы об этом не говорили. Культурная необходимость выросла сама собою, нежданно, по логике несказуемой, непререкаемой. По несказуемому маршруту движется идея. Иногда книга, оставленная на перекрестке, попадает в наиболее достойные руки. Неведомы пути крылатой мысли. Мысль и победа изображались крылатыми. Иначе их и не представить.

Друзья, вам иногда казалось, что осознание истинных культурных ценностей еще не осенило смятенное человечество. Не нам судить. Наверное, добрые посевы где-то дают всходы. Мы временно не знаем их. Но полезная поросль уже крепнет.

Племя молодое на своем языке произносит священные клятвы, те самые, которыми горели и мы. Те же самые знакомые ручьи и потоки широко разнесли обрывки листов и сохранили весть для могущих принять ее.

Помню книжку о Знамени Мира, нежданно появившуюся в Шанхае перед войною. Вот "Фламма" из Либерти — Индиана тоже несла ту же весть о Знамени Мира. Вот брошюра из Буэнос-Айреса. Вот брошюра из Ревью Международного Права. Вот — из Маха Бодхи в Калькутте. А сколько писем, запросов… И все это нежданное! В такой неожиданности — особая прелесть. Именно идеи не умирают.

Много знаменных славных деятелей, так сказать, первого набора, к прискорбию, уже ушло, но приходят другие. Каждого из вновь приходящих хочется спросить, где и как услышал он впервые? Обычно узнаете о каких-то неожиданных путях, подчас красивых и героических. Молодые сердца пылают. Часто они

стесняются обнаружить свои мечты, но отоприте приветливо, и радость войдет. Вернее, влетит, ведь она тоже крылатая.

Перелистайте литературу о Знамени Мира, о договоре охраны культурных сокровищ. Немала эта литература — более трехсот книг, брошюр, статей на разных языках. А сколько упоминаний в других книгах, в очерках, в речах! Какие благородные незабываемые мысли выражены в этих зовах и утверждениях! Смотрю на фото наших конференций в Брюгге и в Вашингтоне. Такие собрания не проходят бесследно. "Орифламма" широко пронесена по миру. В книгохранилищах сбережены зерна оповещений. Эта весть понадобится скоро. Народы вспомнят о трудах бывших и восполнят их прочными достижениями. Идет жизнь! Развернется Знамя Мира!

4 января 1944 г.

"Из литературного наследия"

Культура (07.01.1944)

Опасаемся, не случилось [ли] чего с Вашей очередной почтой? Ваше последнее письмо было от 15 Октября. Вы писали, что вложите в следующее перевод Дутко. Хотя письмо Ваше где-то задержалось, но зато пришла Ваша добрая телеграмма от 31 Декабря, и шла она всего четыре дня, словно бы Вы почуяли, что мы беспокоились о Вас, о Вашем письме. Радуемся, что у Вас все ладно и даже брезжут какие-то возможности — превосходно! Так и нужно начинать значительный год. Здоровье Е.И. налаживается, но все еще нужна осторожность. Е.И. будет огорчена, если "М.О." не дойдет. Теперь — все возможно.

Чуяло мое сердце, что с посылкой эскизов выйдет неладно — вернули из Бомбея через три недели. Видите, теперь нужно какое-то особое экспортное разрешение, а где живет этот разрешитель, того не сказали. Теперь я поручил сие дело полковнику Ману — пусть проделает все, что требуется. Но ведь задержка-то какая, вот и показывай союзное искусство! В то же время из Америки доходят книги и брошюры. Только что получена статья Кауна о Лермонтове и новая книга Брэгдона. Поблагодарите от меня Брэгдона за отличную книгу, мы все ее очень оценили. Спасибо ему и за дружескую надпись. Чтобы не отягощать почту, все делаю через Вас, а то вдруг еще и письма в Америку запрещены будут.

Неужели манускрипт "Слава" все еще не получен? Ведь он был послан еще летом. Потеря его была бы прискорбна. Большое значение имеет своевременная получка манускрипта и доставка его по назначению. Ведь год-то какой — 1944-й! Святослав сейчас в отъезде с выставкой. Кто бы мог думать, что моя "Святая ночь" останется в Индии! Впрочем, пусть больше знают о русском народе, о русском искусстве. Именно сейте добро всюду, где только можете. Судьба даст рост зернам полезным. Всем друзьям наш сердечный привет — для мысли нет расстояния. В прошлом письме я поминал книгу "Декада". То была добрая, строительная Декада, а вот теперь на пепелище оканчивается темная, злая декада. Где ее достижения? Где ее новизна и где стройка? А вот Вы теперь опять слагаете Декаду добра. В добрый путь! В добрый час!

Когда Победа развернет свои крылья прекрасные, то и все супостаты низвергнутся. Смело вперед! Духом с Вами.

7 января 1944 г.

Публикуется впервые

Добрая мысль

Добрый Азис Бек Курманаев пишет из Симлы: "Сегодня отослал Вам книги и журнал Красного Креста, где на 22-й странице маленькая заметка о моей идее. Во время концертов и танцев мы всегда имеем очень много заказов сыграть популярные мелодии. В начале Октября мне пришла мысль, что таким образом можно было бы собирать деньги на Красный Крест. После долгих уговоров и доказательств удалось получить ящик. За один месяц, с 27-го Октября по 27-е Ноября мы собрали 507 р. Если бы это ввести по всей Индии, то можно было бы собирать крупную сумму, но здесь, по-видимому, они очень мало заинтересованы этим. Все же я смог послать несколько ящиков в Лахор, Калькутту и Бомбей. В Дели я ездил сам, чтобы поставить там ящики во всех оркестрах.

Был здесь представитель Интернационального] Красн[ого] Креста (швейцарец) и сразу же написал об этом в Швейцарию. Каждый день слушаю радио, новости с Родины очень отрадные".

Поистине, добрая мысль. Вот и еще одно дело искусства приобщается к великому человеколюбивому Красному Кресту. Сердечно и просто создается помощь. Правильно помыслил Азис — слушатели пусть тут же посильно отзовутся на благой призыв. Из ручейков сливается целая благодатная река. В добрый час!

Любопытно, что и о таком простейшем деле пришлось немало "поговорить" и раскачать лиц причастных. Если сама идея Красного Креста раскачивалась целых семнадцать лет, то, видно, и все подсобные начинания требуют немалых усилий. И чем проще и яснее мысль, тем туже она входит в человеческие мозги. Темная спекулятивная затея часто быстро внедряется в слабые мозги, а вот идея красивой помощи требует настойчивых усилий.

Ничего не поделаешь, такова уж цивилизация! И всегда будут валить на публику, на народ — не поймут, мол. Напраслина, мерзкая напраслина! Народ отзывчив. Народ сердцем чует, и "по нитке слагается рубашка неимущему".

Милый Азис, радовались мы Вашей благой мысли. Музыка пробуждает сердца человеческие. Около звуков гармонии должно зарождаться красивое и доброе. Шлю Вашу идею в дальние страны. Пусть и там порадуются и примкнут к добру. Спасибо за добрую весть. Год-то какой — 1944-й!

12 января 1944 г.

Публикуется впервые

Неисправимые

Американское радио сообщает важнейшую новость: Рузвельт со времени войны пролетел пространство более, чем от земли до луны. Неисправимы! Слушатели недослышали и переспросили: "На луну улетел?" "С луны свалился?". Во дни мировых неслыханных потрясений по миру несется весть о луне! После этого все почтовые летчики начнут вычислять, сколько раз они на луну слетали. Положим, Рузвельт — калека безногий, и этим можно засчитывать его полеты. Но ведь и Черчилль уже облетел его.

Вообще радиосообщения требуют внимательной редакции. Иногда наряду со спешным известием передается такая никчемная историйка, что диву даешься, кто же пустил ее по ветру? Всему миру на удивление! И с печатным делом все еще трудно совладать, а радиоволны особо требуют бережности. Куда только не занесут они жданную весть!

Да и музыка должна быть избраннее. Иногда заревет такой джаз, что рука сама тянется закрыть волну. Ведь молодежь учится на пространственных наставлениях. Думает она, что все посылаемое в пространство избрано как наилучшее, достойное подражания.

Вообще, что делать с новейшими открытиями? А самолеты понесли бомбы, радио заревело…Сообщения должны быть служебны, и правда и точность вовсе не нужны. Бумага терпит такое унижение, какого раньше, пожалуй, и не бывало. Впрочем, бумага вообще кончается.

Все гуманитарное кончается, не в моде. Просвещение отставлено на какое-то будущее райское время. А пока одичание? Пока что изобретен особый самолет без пропеллера, значит, почти бесшумный. То-то можно подкрасться, да и ухлопать побольше. Неисправимы!

Призраки "шапочного разбора" не дремлют. Черчилль предлагал французам перестать быть французами и взять английские паспорта. Де Голль в Алжире предал военному суду пятьсот французских министров, генералов, губернаторов, администраторов. Можно представить, сколько миллионов французов будет судимо во Франции! В Югославии — Тито и Михайлович. С поляками неладно. Финляндия мечтает о великой Финляндии с Мурманском, Карелией, Ленинградом!!! Рузвельт бухнул астрономический бюджет в полтриллиона! Греки просят короля не возвращаться. Радио всякое такое сообщает.

16 января 1944 г.

Публикуется впервые

Культура (21.01.1944)

Мое прошлое письмо кончалось припиской. Повторяю ее, ибо теперь письма часто теряются: "Большая радость — сейчас прилетело Ваше письмо от 10 Ноября с письмом Уида. Все Ваши вести превосходны — это подлинное строительство. Елена Ивановна пишет Вам отдельно, а теперь шлем телеграмму. Две части "Мира Ог[ненного]", "Братство", "Община" — на очереди. Не пропало ли Ваше письмо между 15 Окт[ября] и 10 Ноября? Попытайтесь узнать о дальнейшей судьбе "Славы". Радостны такие добрые вести. Пусть 1944-й будет везде во всем победоносен. "Да будет!"

Поистине, Ваше письмо принесло радость. В нем звучала несломимая бодрость. Такая бодрость есть мощный магнит. Расцветет издательство, окрепнет Академия, разрастется АРКА. Будет жива "Фламма". Отлично, что ВОКС непосредственно шлет Вам полезные материалы. Как прекрасно способствовать взаимопониманию Культур двух великих народов! Каждым Вашим выступлением, каждым оповещением Вы творите полезнейшее дело. Довольно мрака невежества, пусть всюду просияет правдивое осведомление. Только на такой почве растет сотрудничество.

Вы писали, что Ламонт говорил Вам о моей книге. Все думается о каких-то новых полезных сотрудничествах. Не хочет ли он быть почетным советником АРКА? Опять-таки Вам на месте виднее. Как полезна Ваша поездка в Посольство! Все это — истинное добро, а Вы — добродеятели. Чуется, что около АРКА у Вас вспыхивают новые добрые очаги. В больших водах Ваш корабль. Крылья Победы уберегут его от всех смерчей.

Ман ведет переписку о получении экспортного свидетельства на посылку эскизов к "Половецким пляскам" для Мясина. Только подумайте, что прошло более месяца со времени первой посылки эскизов, а движения нет. Этакая проволочка из-за нелепой новой формальности! Объясните Мясину, в чем дело. Среди всяких Ваших спешных занятий найдите минутку прислушаться, что происходит у Хоршей. Наверное какие-то пакости там делаются, ведь иначе они и жить не могут. А всю Вашу добрую, полезную работу темная свора ненавидит, ибо зло не терпит добра. Сколько неплохих, но слабых людей совращает хоршевская банда своею злобною ложью! Встречаетесь ли Вы с чехословацким консулом? — они всегда были друзьями. В их лондонском журнале "Европейский Обозреватель" недавно была душевная статья Руфины Хилл о моем искусстве.

Спрашивают меня о нашей Лиге Культуры. Она претворяется в обществах Культурной связи — они растут и множатся. Значит, наша мысль была правильна и своевременна. Можно радоваться. На днях радио из Тегерана оповестило об открытии и там общества Культурной связи — всюду идея Культурного единения. Не все ли равно, под каким названием, — лишь бы творилось полезное дело. Безразлично, каким путем или в каких словах проникает в мир добро. Всюду, где мы добро примечаем, будем помогать ему. Да живет добротворчество! Умножатся в добротворчестве силы и возможности Ваши. Культура так унижена сейчас, что каждый культурный ТРУД особенно благословенен. Всем друзьям, сотрудникам — наши сердечные мысли".

21 января 1944 г.

Публикуется впервые

К будущему (25.01.1944)

Декарт, Паскаль, Мольер не были включены во Французскую Академию. Не были признаны "бессмертными" в кавычках. Беру пример из множества ему подобных в разных странах. Все это заметки для будущего. Авось одумаются и захотят мыслить по справедливости, хоть по самой убогой справедливости.

Мировой пересмотр должен помаленьку совершаться. Говорю не о политическом "шапочном разборе" — он уже много где дает себя чувствовать, даже не дожидаясь конца Армагеддона. Вероятно, он будет не менее жесток и кровожаден, нежели бомбы. "Человеческое, слишком человеческое"!

Люди должны помыслить о культурных перестроениях, об истинном просвещении, о биологической нравственности. "Гуд тайм" и джаз еще не наставники. Рассказывали, что в предвоенное время нацистские студенты являлись на экзамены с револьвером, угрожая несговорчивому профессору. Рассказывал это сам профессор, человек достоверный. Может быть, и в иных странах бывали всякие подобные насилия. Когда Культура шатается, тогда можно ждать всевозможных уродств. Пусть будут эти язвы вскрыты, чтобы при дальнейших построениях избежать таких античеловеческих проклятий. Довольно крови, довольно человеконенавистничества!

Только от школы, от семьи могут быть услышаны эти спешные зовы. Пусть они будут не только гласом в пустыне, но приказом набатным. Много говорилось о разных вандализмах, но вандалы и вандальчики и в ус не дуют и продолжают свое скверное, дикое дело. Мне приходилось видеть пожимание плечей, мол, довольно о вандализмах. Ну, сказал — и довольно. Нет, миленькие, вовсе не довольно. Красный Крест Культуры вовсе еще не осознан. Синодик зверских вандализмов растет и даже, страшно сказать, очень умножается. В основе гнездится невежество. Ведь оно может жить и во фраке с орденами. Доживет ли человечество, когда военные бюджеты будут перечислены на просвещение?!

"Перековать мечи на орала", "Положить тигра с овцой", — кто-то зверски хохочет…

25 января 1944 г.

"Прометей", т. 8. М., 1971

Летопись

Руфина Хилл поминает в лондонском журнале, как русское искусство "завоевало мир". Об этом мирном завоевании можно написать целую любопытную книгу. И это необходимо сделать.

Совершался знаменательный психологический процесс. Недаром называют искусство знаменосцем народа. В мировом шествии русского искусства остаются памятными многие поразительные подробности.

Вдруг сделалось ценным для иностранных артистов иметь русские имена. Можно назвать множество таких "русских", ни слова по-русски не говоривших. Во многих оркестрах появились русские музыканты и дирижеры. Начали учиться русскому языку. Участились переводы русской литературы на всякие языки. В театре всюду появилось русское искусство. Русские выставки широко и победно прошли по всему миру. Окрепли и выросли культурные связи.

Мы, оказавшиеся в центре этих движений, можем свидетельствовать, как за последнее сорокалетие русское искусство явилось прекрасным знаменосцем русского народа. Много написано на всех языках за это время о русском искусстве. Много превосходно написано. В этих писаниях справедливому летописцу надлежит зорко разобраться. Кое-что окажется недостаточно осведомленным, кое-что тенденциозным, кое-что ошибочным, даже из добрых намерений. Во всем этом обширнейшем материале нужно справедливо разобраться, ибо все, даже и в ошибках невольных, все-таки служило победе русского искусства во всех его областях.

Такая летопись должна быть выполнена. Она составит замечательную страницу русской Культуры. Может быть, такой достоверный летописец уже и трудится. А если еще нет, то пусть появится. В смятении событий многое теряется, забывается. Немало чего уничтожено и зверскими бомбами. Но победное шествие русского искусства должно быть справедливо освещено и заботливо описано. В нем явлено большое историческое событие. О великих победах русских будут и великие летописи. Должна быть и летопись о победе русского искусства.

Искусство есть знаменосец народа.

1 февраля 1944 г.

Публикуется впервые

Скорей!

За эти недели Ваших писем не было, дошел от Фриче один "Мир Огненный". Может быть, и другие два дойдут. Была большая радость, — книга издана отлично. Найдет она свои пути и зажжет новые сердца. Как вовремя подошел Уид для движения прочих книг! Наверное, Карнеги Холл направит запрашивающих по новому адресу. Между прочим, Ваша прежняя почтовая бумага Академии вполне пригодна, стоит лишь поправить 250 на 200 — хорошее совпадение. У нас снега, почта совсем испортилась, а телеграф уже несколько дней не действует. С продуктами все труднее. Опасаюсь, не пропало ли Ваше письмо между 15 Октября и 10 Ноября. Там мог быть перевод Дутко и Ваш годовой отчет АРКА, и много другого весьма интересного. Не вернулся ли Дутко? Не видал ли Б.К.? Не было ли чего дальнейшего о "Славе"? Хотелось бы послать Вам новую книгу Тампи и второе (улучшенное) издание брошюры Ренца, но ведь теперь в Америку запрещено посылать. Вот и эскизы для Мясина все еще под запретом. И журнал Дельфийского Общества, видимо, пропал. Так печально, когда последние безобидные ниточки обрываются. Это еще между союзными странами, а уже Швецию или Португалию или Швейцарию и трогать нельзя. Страшно подумать, что случилось в Риге со всеми картинами и книгами. Неужто все это погибло? А в Праге, Белграде, Загребе, Париже, Брюгге?..

Просматривал сейчас некоторые старые письма. Сколько в них предупреждений против Хоршей! Вспоминал, как многие не хотели сотрудничать с группой наших учреждений, опасаясь Хоршей. М-с Тер, увидав Хорша, прямо сказала, что с этим ужасным человеком она не может иметь ничего общего. Таких мнений можно привести очень много. Да что говорить, Вы сами все это знаете. И Юрий не раз Вам говорил об этом вреде. Вот уж подлинные сатанисты! Кроме всех ограблений и мошенничеств по отношению к нам всем, Хорш вредил мировому делу Знамени Мира, порушил русское дело — музей, кощунствовал над именем Преподобного Сергия — попрал все добро. А все его подкупы судей и адвокатов! Все таинственные телефоны хоршевского преступного "покровителя"… Какая скверная, какая мерзостная драма — глумление над всем миром! События подтверждают, насколько неотложны и своевременны были все наши начинания. Преступная банда все нарушила. И Лига Культуры имела широчайшую программу, а теперь все тормозится, ограничивается, замедляется. Поистине, сказано, что один конь может задерживать целый караван. Все преодолеем, бодрости

достаточно, но невольно негодует сердце, зная такие вандализмы. Помню, как один из сотрудников наших писал: "Скорей, скорей, пусть скорей сделается все, что должно совершиться!"

Русские славные победы гремят. Подвиг совершается, "идет война народная, священная война". Эти дни слышали мы все о наших прежних местах. Вот наша станция Волосово, а теперь она уже город. Леможа, Заполье, Извара — все наши места. Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями! Душевный привет Вам, всем друзьям и сотрудникам.

4 февраля 1944 г.

Публикуется впервые

А. А. Игнатьев. "Пятьдесят лет в строю" [77]

"Из тьмы веков, через голову извечного общего врага тянулись нити непонятной взаимной симпатии между Россией и Францией — странами, столь отличными и по своему характеру и по своей исторической судьбе.

Когда в мировую войну германские полчища вторглись во Францию и приближались к древнему городу Реймсу, угрожая чуду архитектуры — Реймскому Собору, я просил французов спасти хранившийся там драгоценный памятник русской письменности — евангелие на славянском языке XI века нашей эры.

История этого рукописного документа такова: колыбель русской культуры — Киев стал уже в эту эпоху известен Европе, с ним начали считаться, и французский король Генрих I испросил себе в супруги дочь киевского князя Ярослава — Анну. Сделавшись французской королевой, она принесла присягу, положив руку на евангелие, привезенное из Киева. С тех пор все французские королевы приносили присягу на верность Франции на том же русском документе" (стр. 146).

"…Не меньшим успехом пользовался в предвоенном Париже и русский балет. Он был, однако, совершенно отличен от традиционного балета Мариинского театра. Для заграницы надо было создать нечто артистически целое: танцы, наглядно отображающие музыкальный замысел автора, танцы, пластическая экспрессия которых идет в унисон с музыкой. Пионером в этом новом жанре хореографического искусства выступил Дягилев. Сын кавалергардского офицера, поначалу только талантливый дилетант, он быстро достиг высокой эрудиции в области искусств и сумел составить свою труппу из таких первоклассных артистов, как Павлова, Карсавина и неподражаемый Нижинский. В России места для этого новатора не нашлось. Консервативный императорский балет не мог примириться с революцией в театральном искусстве. Использованная Дягилевым музыка Римского-Корсакова, Черепнина, Прокофьева, Стравинского требовала новых, полных смелой оригинальности постановок, декораций Бакста, Рериха, Бенуа и не только классических танцоров, но и высокоталантливых исполнителей.

Париж ахнул, Париж потерял голову: в России — темная реакция, а в Париже — русские балеты, представляющие для искусства дерзкий отрыв от прошлого и смелый прыжок к новому и неизвестному" (стр. 156–157).

8 февраля 1944 г.
Публикуется впервые

Твердим

Давно твердилось!

Мы никогда не откажемся, что с большим интересом следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований, или в Дьюк Университете по передаче мысли — решительно во всех проявлениях познавания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Вы давно имеете статью "Борьба с невежеством", она написана, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Общество психических исследований в его лучших проявлениях и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно. Должны вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не знают, сколько научных книг выдающихся ученых, например, Алекс[иса] Карреля издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познавание встречает четкий обоснованный отпор, чтобы воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Председатели Общества психических исследований могут назвать целый ряд ценных трудов. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

И мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. Все психические исследователи, физиологи и биологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления как основа человеческого творчества и прогресса найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции.

И все-таки большинство будет упорствовать, ехидно уверяя, что совсем мало общественное мнение уделяет внимания психическим явлениям. Отрицатели, как всегда, не желают заглянуть на полки больших библиотек, где столпилось множество серьезнейших трудов. По счастью, не большинство, но избранное меньшинство всегда двигало эволюцию. В данном случае это меньшинство весьма мощно и включает много лучших имен истинных культурных деятелей. А препятствия, чинимые невеждами, лишь создают новые возможности.

"Ad augusta per angusta".[78]

12 февраля 1944 г.

Публикуется впервые

Русскому сердцу

Сколько башен и стен воздвигалось вокруг сокровища русского! Для всего мира это сокровище благовестит и вызывает почитание. Уже сорок лет хождений по твердыням русским. Напоминается, как это сложилось.

В 1894-м Троице-Сергиева Лавра, Волга, Нижний Новгород, Крым. В следующем году — Киево-Печерская Лавра. Тайны пещер "Стена нерушимая".

В 1896-м и 97-м — по пути из "варяг в греки", Шелонская Пятина, Волхов, Великий Новгород, Св[ятая] София, Спас Нередецкий, все несчетные храмы, что, по словам летописца, "кустом стоят". В 98-м — статьи по реставрации Святой Софии, переписка с Соловьевым, Стасовым, а в 99-м — Псков, Мирожский монастырь, погосты по Великош, Остров, Вышгород. В 1901-1902-м опять Новгородская область, Валдай, Пирос, Суворовское поместье, Мста со многими храмами древними от Ивана Грозного и до Петра Великого..

1903-й — большое паломничество с Еленой Ивановной по сорока древним городам, от Казани и до граниты литовской. Несказанная красота Ростова Великого, ˆЯрославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Владимира, Спаса на Нерли, Суздаля, всего Подмосковья с несчетными главами и башнями! Седой Изборск, Седно, Печоры и опять несчетные белые храмы, погосты, именья со старинными часовнями и церквами домовыми и богатыми книгохранилищами. Какое сокровище!

Тогда же впервые оформилась мысль о нужности особого охранения сокровищ народных. Доклад в обществе архитекторов-художников. Сочувствие.

В статье "По старине" и во многих писаниях о храмах и стенах кремлевских говорилось о том, чем незабываема Земля Русская. В 1904-м — Верхняя Волга, Углич, Калязин, Тверь, высоты Валдайские и Деревская Пятина Новугородская. Одни названия чего стоят, и как незапамятно древне звучат они!

В 1905-м — Смоленск с годуновскими стенами, Вязьма, Приднепровье. В 1907-м — Карелия и Финляндия, славные карельские храмы. От 1908 до 1913-го — опять Смоленск, Рославль, Почаев. В 1910-м раскопки Кремля Новгородского, оказавшегося неисследованным, а затем, до войны, и Днепровье, и Киевщина, и Подолье. В 1913-м — Кавказ с его древностями, а в 1914-м при стенописи в Талашкмне получилась первая весть о Великой Войне.

Война со всеми ее ужасами еще и еще напоминает охранение

всего, чем жив дух человеческий. Война! Все сочувствуют предложению всенародной охраны культурных сокровищ. Вот-вот уже как будто и состоится! "Враг рода человеческого" издан Сытиным во сотнях тысяч.

Бесчисленные развалины всюду напоминают о зловещих разрушениях. Исследуем. Запоминаем. И только в 1929-м оформился Пакт по сохранению культурных сокровищ. Спасибо Парижу и Америке, которые поняли, поддержали. Но ведь это еще только воззвание. Нужно, чтобы его услышали. А кругом столько гибели!

Всеми силами спешим с Пактом. Но не коротки пути по миру. И не везде благоволение. Нужно преобороть и превозмочь.

Всеми доходчивыми до сердца человеческого словами молим о сохранении Культуры. "Твердыня Пламенная" в статьях: "Конвенции Знамени Мира", "Знамя", "О Мире и Культуре моления" и во многих других, обошедших прессу Европы, Америки, Индии, говорилось все о той же охране народного достояния.

Две международных конференции в Бельгии с выставкою исторических памятников принесли много пользы. Наш Парижский комитет много поработал над введением Пакта в сферу международного права.

Наконец, в Ноябре 33-го года Вашингтонская конференция привлекла уже представителей тридцати шести стран, которые подписали единогласное постановление, рекомендуя своим Правительствам ратификацию Пакта.

Кто-то в нетерпении: "Когда же? Когда же?". И мы сами в еще большем нетерпении. С еще большим трепетом оглядываемся на всякие развалины, искажения или небрежения.

Если люди давно понимали ценность культурных сокровищ, то сейчас, в мировом смятении, они должны еще ярче вспомнить всю красоту лучших творений человеческих, чтобы тем сознательнее и упорнее ополчиться на защиту всего прекрасного, научного.

Сведения о всяких разрушениях и искажениях поступают почти ежедневно. Если вандалы так действенны и организованны, то неужели же работники Культуры не найдут в себе объединительного сознания? Неужели сердце их не подскажет им, что взаимные разрушения лишь останутся позорною страницею человечества! Сердце подскажет всю ценность сотрудничества, и все трудники во благо со всех концов мира убежденно воскликнут: "Тесно время! Удвоим усилие!"

Каково же русскому сердцу слышать о вандализмах немецких над русскими сокровищами! Больно слышать о разрушениях в

Новгороде, в Киеве, в Петергофе, в Пушкине, в Вязьме, в Калуге, в Калинине и во многих русских старинных городах. Порушены музеи Толстого, Чайковского, Чехова, Гоголя, Пушкина… Нескончаемый синодик непоправимых разрушений!

Опять взойдет красно солнышко над землею Русскою. Опять обстроится, украсится наша Великая Родина. Но старинное сокровище уже порушено. Уже нет Спаса Нередицкого! Позор варварам! Позор разрушителям народного достояния!

Оборонил русский народ свою Родину. На диво всему миру народ нашел силы противостать врагу. Отбросил народ вражеские полчища. Уже к Пскову подступает русское воинство. Сердце русское превозмогло беду. Уже идет великая новая стройка.

Победное Знамя, Знамя Культуры, Знамя труда, творчества блистательно развернется над Землею Русскою.

Исполать народу русскому.

Исполать всем народам семьи русской.

15 февраля 1944 г.

Вариант очерка под названием "Чутким сердцам"
впервые опубликован в газете "Свет", Рига, 22 марта 1935 г.

АРКА (18.02.1944)

Только что послали мы Вам телеграмму о пролете двух Ваших писем, а тут-то они и пришли. Теперь мы имеем от 25 Ноября, 13 Декабря и 27 Декабря — три письма и какие славные письма! Все Ваши сведения об успехах АРКА нас глубоко радуют. Творится большое полезнейшее дело. Вы вписываете в Вашу деятельность прекрасную главу. Понимаем, как должны Вы уставать, но сознание великой пользы приносимой окрылит и удесятерит силы. Посылаю "Русскому Сердцу", можете использовать как можно лучше. Скажите Вашим новым друзьям, как мы все хотели бы приложить наши силы и знания там, на месте. Непременно скажите! Непонятно, отчего Б.К. не дал письма Вам и нам через Д.? Напишите ему через Д. и скажите, что мы очень ждем. Радуемся и успеху "Мира Огненного" — так и должно быть. Предостерегите Д. от Греб. — он впал в ярое кощунство и старается заразить добрых людей. Выписки из его писем сохраните — пригодятся! Он кощунствует и вредит русскому делу — долой его! Истина развалиться не может. Никакое грабительство не нарушит истину. Радуемся, что Вы не огорчаетесь отношением Олбани. Если там "доллар — король", то Вам не по пути. Можно и без них преуспеть. Вы помните, что то же самое было и при начале Мастер Института.

После двух месяцев переписки было разрешено послать эскизы "Половецких плясок", что мы немедленно и сделали. Надеюсь, посылка дойдет к Вам благополучно. За эти недели пришла еще одна книга "М.О." — на этот раз от Зины. Пришли брошюры от Музея Нового Искусства, три журнала из Калифорнии и один журнал от Аниты Мюль из Охайо (поблагодарите ее). Как идет продажа книг? Вообще, какие книги у Вас имеются? И сколько? Здесь спрос на "Алтай-Гималаи". Вообще, странно, что издательства не посылали книг в Индию. Здешний книжный рынок очень расширяется. И опять был спрос на Конлана. Существует ли это издание, да и он сам? Прилагаю образец холста. Кто знает, может быть найдется. Он был от Лефранка, не было ли в Нью-Йорке его представителя? Нет ли движения со "Славою"? Сейчас мы все здоровы. Надеемся, что и у Вас ладно. Итак, в добрый час — "пер аспера — ад астра". Всем Вам, нашим дорогим, шлем душевные мысли.

18 февраля 1944 г.

Публикуется впервые

Во славу

Сколько растерянных статей и выписок! И не найдешь, откуда. Вот страница семнадцатая, а где предыдущие? "Не устанем твердить о сотрудничестве".

"Новая раса может зарождаться в разных частях земли. Даже не удивитесь, если отдельные проявления скажутся в самых неожиданных местах… Сеть зарождения расы разбросана по дальним окраинам. Но одна часть мира решает судьбу века. Не буду называть эту часть мира, но история всех движений достаточно отметила ее".

"Правильно судите о необходимости исхода из гнойных городов и о равномерном распределении населения планеты".

"Явление кооперации различных слоев материи характерно для Нового Мира… Сила мысли будет зовущим началом Нового Мира".

Напрасны будут старания конспектировать содержание изумительных книг, из которых взяты эти цитаты. Конспектировать их невозможно, потому что сами они сжаты до крайности, и вместо предполагаемого конспекта пришлось бы написать десятки томов трактатов. Да и не нужно это. Сказанного достаточно, чтобы встрепенулся дух человека, если он не принадлежит к теням, населяющим теперь мир — теням незнающим, теням утерявшим, в ужасной пляске заканчивающим свои дни на планете… Но устремленный Дух встрепенется и будет искать, а ищущие — всегда найдут. Но нелишне будет указать, что учуявшим Новый Мир на развалинах Ветхого нужно преобразить свое сознание и воспитать сердце на действенном добре. Чтобы ни одна злая мысль не отравила пространства, ибо мыслями человек творит. Пусть станет устремившийся на дозоре над своими мыслями, словами и поступками. Пусть он отдает себе отчет в сущности каждого своего действия — направлено ли оно к общему благу или нет?

"О священном безумии говорят Древние Учения, считайте это как противодействие против холода вычислений; считайте это как жизненное начало поверх условий мертвенности".

О дневной и ночной душе говорит Мережковский. Две души у человечества. Одна холодная, рассудочная, дневная душа — она знает точные вычисления, приборы, аппараты и узкоматериальную логику вещей. Другая — ночная. Для этой не существует обычной логики, она молча обходит ее, вернее — не замечает. Ей нет дела до железных дорог, экономических выкладок, а вся она, точно трепетное ухо, прислушивается к

происходящему в глубинах сознания, где совершается брак между духом человека и Космосом. И оттуда ночная душа выносит в бодрствующее сознание внезапные прозрения, необъяснимые ощущения… Место дневной — в мозгу, ночной — в сердце. Мы называем вдохновенными безумцами, иногда — поэтами решившихся поведать нам таинственные шепоты сердца, для которых рассудок не находит оправданий. Но они, эти люди, просто чуткие. И приятно сознавать, что среди них особое место занимают русские. Русская мысль, которую, по словам Достоевского, так мучительно вынашивает русский народ, эта мысль о Новом Мире, царстве вселенской правды.

"Я носитель мысли великой, Не могу, не могу умереть", — восклицает Гумилев в ту пору, когда он в пылу боя на Германском фронте ощутил:

"Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей".

Золотое сердце русское, бьющееся в миллионах, населяющих Русь, никогда не помышляло о чем-то узконациональном, шовинистическом, захватническом. Нет, оно всегда томилось неосознанными устремлениями всемирности и мечтою о храме всеобъемлющем, о граде Китеже, Новом Иерусалиме. И об этом опять поет Гумилев:

"Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле…"

Не забуду, как приходил вечерами Гумилев. Как горел он о благе, о совершенствовании. Задумывал поэму о граде Китеже. Толковали о постановке ее. Может быть, он уже начинал ее, но собраны ли все его писания?

Вот и Игорь Северянин — этот совсем другой, но в существе тоже любивший народ русский. Где он? Жив ли? Помню, он назвал "универсальный Рерих" — показалось обидно, а оказалось по добру, для стиха понадобилось. Чего только не бывало?!

Жив ли Городецкий? Тоже любил и понимал народ русский. Веселый, добрый, даровитый! Хорошие с ним бывали беседы. "Ярь"! — писал я ему на обложке. С Прокофьевым предполагали затеять постановку, а теперь слушаем в убогой радиопередаче его кантаты и опять же во славу Народа Русского.

Все такие дружества и сознательно и подсознательно утверждали Русскую Великую Победу.

Говорилось и творилось во славу Русскую. Гремят Русские Победы. Кует Русский Народ Великое будущее.

К земле ухо прикладывали, в кулак даль оглядывали,

шептали на песок да на ветер, и отовсюду и всячески отзвучала красная, прекрасная судьба Народа Русского.

24 февраля 1944 г.

Публикуется впервые

24 Марта (01.03.1944)

24 Марта встречаете среди напряженной полезной деятельности. Подошли новые дела, обновились прежние. Трудное военное время не помешало росту работы. Сознание подсказывает, какое славное расширение возможно. Радость, большая радость, когда видишь, что победное преодоление совершается. Волна победы докатилась в урочное время. Жаль, что привет к памятному дню невозможно послать Друзьям, в рассеянии сущим. Где все они? Как выжили, как преодолели? Во многих странах притаились друзья. Пошлем им мысленно наш сердечный привет. Вспомним о них в День памятный. Недалек уже день вести радости. А наши-то, наши Русские Победы! Так и гремят. Там, где весь народ встал за свою землю, там он непобедим. Особое 24 Марта свидетельствует о победах народных. Вот если бы все члены АРКА проявили то же сплоченное, деятельное устремление! Из родников и большие реки зачинаются. За это время дошел от Зины третий "Мир Огненный", получены две Ваши телеграммы, дошел "Великий Облик" в переводе Дутко и Дельфийский журнал с моей статьей "Мусоргский, Станиславский, Дягилев". Также доплыли два выпуска "Современного Музея" со многими их чудачествами. Получен и портрет Уида (в их журнале). Хорошее лицо — передайте ему наш привет. Ценно, что он живет высокими идеалами. При этом он работает, а не только числится на списках. Вы писали, что ВОКС присылает Вам много материала. Попросите их также посылать ко мне как Почетному председателю АРКА. Прямо сюда — мы имеем полезное применение. Удивительно, почему Б.К. не пишет и даже не воспользовался связью через Д.? Не вернулся ли теперь Д. и нельзя ли от него узнать подробности их свидания. Очень странно, что Б.К. замолчал и Вам и нам. Может быть, Д. даст намек, что именно мешает Б.К. продолжать переписку, им же начатую. Нет ли новостей о "Славе"? Хоть бы эскизы для Мясина не задержались в пути. Так хочется, чтобы они дошли вовремя. Очень ценю, что он поддерживает дягилевские традиции и тем способствует русскому делу.

АРКА помогает всюду, где может быть культурная польза. Работаем мы усиленно. Послал Вам пароходной почтой несколько страниц из книги Тампи — авось дойдут! В Калькутте в журнале "Дон оф Индия" напечатано обращение Уида об АРКА — попробую послать Вам этот номер. Отметьте и это в Ваших отчетах об АРКА. Сердечный привет всем друзьям, дорогим

сотрудникам к 24 Марта.

1 марта 1944 г.

Публикуется впервые

Лонак

Бутанский раджа Дорже с женою едут в Тибет по случаю особых молений — 24 Февраля наступает Лонак, черный год. Весь тибетский год от 24 Февраля 1944-го по 24 Февраля 1945-го пройдет под бедственным знаком черного года. При этом имеется в виду не Тибет только, но все человечество. По древним традициям исчисляется знаменательный год.

Жаль, что многие старинные книги Тибета так трудно получить. Тибетские нотабли[79] охотно обещают прислать многое интересное, но затем "за горами, за долами" все забывается. Письма идут медленно, а то и вовсе не доходят.

Вот знаете, наверно знаете, где именно имеются нужные книги, но на письма нет ответа. О Гесэре есть книга в Калимпонге, но владелец ее кому-то дал ее почитать, да и забыл, кому дал. Все может случиться, хотя книги Тибет и бережет и хранит. Ни тибетец, ни монгол книгу наземь не бросит, чтит слово книжное.

Много чего в их книгах старинных чужаками еще не прочтено, не изведано. Постоянно приходится слышать новые подробности "Гесэриады". Можно слышать о священных пещерах в Пиринеях, о Пресвитере Иоанне, о великане Полифеме, о Бругуме самые неожиданные отклики.

В одном из Амдосских монастырей на стенописи изображен Московский Кремль! Разве не удивительно? Лхаса будто прежде называлась Гота — откуда-то так слышали старые миссионеры-католики. Откуда сие?

Менгиры напоминают о чьих-то незапамятных хождениях. Нетронуты недра Тибета. К его нагорьям устремлялось воображение многих народов. Но хранилища крепки. Клады Тибета захоронены. Разве удалось британцам в 1904 году прикоснуться к скрыням? Ничего, ничегошеньки не увидали непрошенные гости. А уж как им хотелось урвать самое сокровенное! Нет, с оружием не пройдешь.

7 марта 1944 г.

Публикуется впервые

АРКА (14.03.1944)

Пришла новогодняя весточка от Жина — привет им, хорошие они, редкие люди. Пусть бы и к АРКА они поближе были. Между прочим, уже давным-давно мы говорили, что в каждом деле должны быть законные заместители. Не будет ли Жин таким заместителем в Картинной Корпорации? Кстати, кто заместители у Катрин и Инге? В случае какого-нибудь непредвиденного отъезда такие готовые деятели вдруг могут понадобиться. Ведь грабители всегда ждут случая, чтобы нежданно напасть. И Зина могла бы быть заместительницей чьей-либо. И война теперь достаточно показала, насколько должна быть предусмотрена каждая неожиданность. Злой враг Гитлер, а Хорш еще злее. Сделайте, как лучше и крепче.

Узнайте о судьбе "Славы". Это важно не только по личным отношениям, но и потому, что "Слава" была передана через АРКА. Должно быть, в ближайших Ваших письмах будет и годовой отчет АРКА. Хорошо, что этот отчет выйдет ладным, ведь он пойдет и в ВОКС и ко всем поч[етным] советникам. Надо, чтобы они не заскучали. Вы будете рады узнать, что с нашей выставки в Хайдерабаде некоторая сумма (входная плата и пр.) была послана через м-с Черчилль в Русский Красный Крест. Давно мне хотелось туда послать, а тут Комитет выставки сделал это очень достойно. Хорошо, что Вы устраиваете в одной из студий выставку материалов из ВОКСа. Когда она сменяется или дополняется, давайте знать в хронику тех газет или журналов, которые симпатизируют русскому сближению. Ведь есть же такие!

Из-за медленности почты мы не знаем Ваших текущих дел — уже целая зима прошла. Эти строки дойдут к Вам уже к лету, и много событий за это время совершится. У нас полная весна. Снег около дома сошел. Цветут сливы и абрикосы. Думаем о Вас, так хочется, чтобы у Вас все было ладно и бодро. Душевный привет друзьям.

14 марта 1944 г.

Публикуется впервые

Живем

Спасибо за вести. Читая их, пожили с Вами. Мысленное единение есть самое реальное. Вы говорите, что Фосдики хорошие люди. Истинно так. Трогательно, как Зина в каждом письме своем Вас поминает, так сердечно, задушевно поминает. Видно, как сердце их к Вам открыто.

Спрашиваете, как живем? Трудимся и трудимся. С перерывами от утра до вечера. Встаем в семь, слушаем радио. Единственное прикасание к житейскому миру. Знаем, что не всегда радио достоверно и все-таки прибегаем к нему. Газеты также неверны, и правда дрожит в извилистых строках. Где-то было сказано, что печатные черные буковки — бесенята. И такое бывает.

После радио расходимся по своим рабочим комнатам. Елена Ивановна — весь день за рукописями, за книгами. (Нога зажила). Юрий с ламой — за ценнейшими переводами. Светик — за картинами — сильно преуспевает. Я — за картинами и писаниями. И такие дни коротенькие! Не успеешь оглянуться, а уже обед, а там и до вечера недалеко.

Подышать воздухом не всегда удается, разве ненадолго. Людмила — хозяйствует. Рая — стучит на машинке. Иногда четыре машинки стучат. Не успевают даже на огород сходить. Так, что-то вроде монастыря. Впрочем, так и называют нашу общину.

Иногда приедут гости из дальних индийских городов. Удивляются: как же вы так и живете? А потом и завидуют, когда вернутся в свою городскую пыльную сутолоку. Им диво, что, кроме Святослава, мы совсем редко выезжаем. Елена Ивановна живет здесь более двенадцати лет. Только три лета выезжала в горы — в Лахуль, в тибетскую природу. Юрий и я с 1937 года не спускались в индийские равнины. А времени все не хватает.

Конечно, сейчас не очень-то и уедешь. Бензин не дают, керосин не дают. В городских гостиницах и места нет. Жаль, что почта совсем испортилась. Заграничная почта почти вовсе пресеклась. Где все друзья? Почти все они в тяжком положении. Ужасно подумать, что многие из них не пережили грозный Армагеддон. Даже с нейтральными странами переписка нарушилась. Письма в Америку [идут] четыре с половиной месяца, в Москву до шести месяцев. И так все примолкло. А горы в сияющем снежном уборе зовут и ликуют, точно ничто не стряслось. Впрочем, иногда и буквально сотрясаемся. Землетрясения нередки. Лишний раз напоминают о всеобщей

подвижности.

Холст кончается. Бумага кончается. С красками плохо. Вот наш драгоценный кобальт совсем на исходе. Оранжевый кадмий уже давно кончился, да и многое другое почти иссякло. Утешают, что цены пищевые упадут, а они все вверх лезут. А восходы и закаты утешают. Звезды-то, звезды!

На снегах, на ледниках солнце сверкает, не признает никакого Армагеддона. Пока наши высоты — одно из самых мирных мест мира.

Так вот и живем. Вот "Святая ночь" ("С нами Силы Небесные") и "Борис и Глеб" останутся в Хайдерабаде. Еще Две русских картины будут в Индии и напомнят о великом народе русском — друге Индии. Кто мог думать, что русские темы затронут сердца дальней Индии?! А между тем и Три-вандрум, и Тери-Гархвал, и Аллахабад, и Индор уже имеют Русские памятки. Так вот и живем. Гремят славные русские победы. А Спас Нередица разрушен! Ужасно! Далеко внизу за Беасом тянется ниточка каравана. Звенят колокольцы. Могут быть вести. Спасибо за Ваши письма. Пишите. Мысленно мы с Вами и шлем стрелы бодрости. Сердечно…

20 марта 1944 г.

Публикуется впервые

Борьба за Культуру

Пришел Ваш пакет с любопытной газетой "Ограбленное искусство", с хорошей программой АРКА и двумя журналами. Вы знаете, что к писаниям "тибетца" нужно относиться осторожно. Сейчас долетело Ваше многозначительное письмо от 25–26 Января. Глубоко понимаем Ваше справедливое негодование, когда Вам приходится выслушивать грубые суждения против борьбы за Культуру, и это еще в стенах Культурной Ассоциации. Хорошо также и тухлое староселье! Все это весьма прискорбно.

Вероятно, в будущем выяснится, с кем возможно сотрудничество. Только невежды могут говорить, что служение Культуре есть пропаганда. Хотелось бы знать, какая книга не есть пропаганда мысли, в ней выраженной. За Культуру приходится выносить многое. Вы совершенно правы, оставаясь на зорком дозоре. Сами обстоятельства покажут, как воспринять происходящее. Что-то очень темное сквозит за невежественными выпадами против Культуры. Спрашивается, в чем же деятельность АРКА, как не в обоюдном оповещении о Культурной жизни? И в прошлую войну опубликовывались акты вандализма, и это было предупреждением заблудшему человечеству. Но Вам-то, Вам как тяжко одиноко стоять на бессменном дозоре! Впрочем, это одиночество лишь кажущееся. Вы не одиноки. А всякие невежды и клеветники неизбежны. И чем идеал выше, тем больше псов его облаивают. Вот Вы поминали о какой-то теософке-клеветнице. Конечно, клеветников всегда было много, а в теперешнее смятенное время они умножились. Давно Крылов сказал: "Коль слушать все людские речи, придется и осла взвалить себе на плечи". Старая истина! Но в Вашем случае клеветала теософка, и это показательно. Не раз слышалась клевета из Адьяра[80] и из Женевы, и можно лишь удивляться, что, так сказать, философы не умеют уберечься от гнуснейшей человеческой привычки. Клеветник — лгун — невежда! Конечно, от клопов следует оберегаться. Что делать — и на такую оборону приходится тратить энергию, а то заползут вонючки.

Скоро выходит брошюра Ренца о Пакте. Все время приходится слышать нежданные упоминания — то из Лондона, то из Испании, то из Ватикана. "Благословение" бомбами заставляет людей вспомнить о добрых желаниях облегчить участь человеческую. Я послал письмом статьи для мисс Лерер через Вас, — авось дойдут. Поблагодарите Дутко за ее переводы. Трогательно, как она тянется ко благу. Ободрите, отеплите ее. Дойдут ли эскизы для Мясина? Когда? Как? А хотелось бы! Также

хочется знать судьбу "Славы" — это так важно. Если в студиях есть место для материалов ВОКСа, то сделайте там постоянную выставку и назначьте определенные два-три часа в день. Пусть к Вам приходят. Об этом сделайте объявление и в консульстве и в посольстве, наверное, там есть доска для объявлений. Бывало, у нас в Общество Поощрения, от 3 до 6, постоянно приходили многие полезные люди. Был как бы живой клуб, и многое хорошее там зарождалось. Конечно, нужно время, чтобы образовалась такая добрая привычка. О такой постоянной выставке и в ВОКС должно сообщить. Ведь это будет живой нерв Культуры.

Когда выставка где-то далеко на стороне, никогда не знаете, как она показана и что при этом сказано. А тут, дома, могут быть лучшие объяснения. Да и расположить материалы можно привлекательно. Размещение выставки есть уже ключ к успеху. Самые лучшие вещи можно убить их нелепым расположением. А тут, когда всякие тухлые староселья еще прозябают, каждое сведение о Культуре должно быть заботливо обережено.

Человечество сейчас мечется в неслыханном водовороте, и тем более нужно настойчиво напоминать о Культуре. Увы, значение ее совсем изуродовано. Опять вылезли смешения Культуры с цивилизацией, а то и с "древним ужасом", не раз потрясавшим человечество. Гибнут, гибнут памятники гения человеческого. Близится жестокий "шапочный разбор". Но сердце человека рвется к героизму, к подвигу. Воинство русское являет неслыханные победы во имя Родины и Светлого будущего. Культура есть молот будущего. Особенно ценны труды во имя Культуры, когда они рождаются не в роскоши, в избытке, но среди нелегкой каждодневной работы, в напряжении творящей психической энергии.

Вероятно, у Вас спрашивают, какую русскую историю прочитать. Укажите: "История России" проф. Вернадского. Все-таки мало знают нашу великую Родину. Хорошо еще, что умножаются уроки русского языка. Пишут, что в России теперь кличка "антикультурный" является оскорбительным ругательством. Русские воины идут в бой с кличем: "За Толстого! За Пушкина!" Знаменательно! Хочется закончить одним из любимых стихотворений А. Толстого:

"Пусть тот, чья честь не без укора,
Страшится мнения людей;
Пусть ищет шаткой он опоры
В рукоплесканиях друзей.
Но кто в самом себе уверен,
Того хулы не потрясут;
Его глагол не лицемерен,

Ему чужой не нужен суд.
Ни пред какой земною властью
Своей он мысли не таит,
Не льстит неправому пристрастью,
Вражде неправой не кадит.
Ни пред венчанными царями,
Ни пред судилищем молвы
Он не торгуется словами,
Не клонит рабски головы.
Друзьям в угодность, боязливо
Он никому не шлет укор;
Когда ж толпа несправедливо
Свой постановит приговор,
Один, не следуя за нею,
Пред тем, что чисто и светло,
Дерзает он, благоговея,
Склонить свободное чело".

Сердечный привет всем друзьям и добрым сотрудникам. Вперед, вперед и вперед!

24 марта 1944 г.

Публикуется впервые

Русь — Индия

Не удивительно, что в песнях и в гаданиях цыган слышится много санскритских слов, ведь цыгане — выходцы из Индии. Гораздо удивительнее, что в песнях русских сектантов оказывались целые санскритские песнопения, хотя и в очень искаженном виде. Откуда?

Конечно, в Баку с древних времен был храм вечного огня, при котором всегда жили индийские садху. Это был храм большого огня, а такой же — малого огня был и доселе существует здесь, в Кангре. Значит, с давних пор были какие-то связи.

В Астрахани и в Поволжье жили индусы. Даже от них пошли некоторые обрусевшие роды. При Екатерине — индусский раджа в Яблоницах. Сказание об Иосафе, царевиче индийском. Беловодье. Множество санскритских корней в русском языке. Афанасий Тверитянин в Индии. Долгорукий — при Акбаре.

Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли, из мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней! Кое-какие ответы на такие запросы имеются, но ведь они разрозненны и случайны и забыты в пыли неведомых полок библиотечных. Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы.

Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное. Даже такой стесненный обстоятельствами журнал, как "Новости Советского Союза", широко расходится и ждется в самых неожиданных уголках Индии.

Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно, "Алтай-Гималаи" — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских.

Дело не в политике, а в живых душевных человеческих отношениях. Непрочны швы политические, то и дело лопаются и являют отвратительные прорехи. Другое дело — прочные сердечные узоры. Чем древнее они, тем они краше.

Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает.

В каких горах жил Святогор?

29 марта 1944 г.

"Неделя", 26 ноября — 2 декабря 1973 г.

Дозор (07.04.1944)

Сейчас прилетело Ваше славное письмо от 1 Февраля. Итак, АРКА гремит по радио — это прекрасно. Вы правы, для юбилея Римского-Корсакова нужно что-то хорошее сделать. Мы всегда были и с ним самим и со всею семьею в добрых отношениях. С ним и со Стасовым я ездил в Москву к Льву Толстому. Эскизов к его операм было у меня много. "Снегурочка" для Питера, для Парижа, для Чикаго. "Псковитянка" (Париж у Дягилева). "Царь Салтан" (Лондон). "Сеча при Керженце" (Дягилев). В маленькой монографии (Корона Мунди) Вы имеете несколько эскизов. Конечно, эта книжка имеется у Вас или у Катрин — оттуда Вы можете вырезать. Кое-что было и в монографии Еременко. Хорошо, что с Уидом у Вас ладно. Пришла Ваша радостная телеграмма — "Сердце" и "Иерархия" сданы в печать. Порадовались и мы — таким путем, вопреки всем препятствиям, добро проникает в новые круги. Не знаем, где посев даст лучший урожай. Иногда плодородие возрастет на совсем нежданном поле. Только закоренелые невежды будут брюзжать против, благо и отпадут они, как сухие листья. Вот не скажут потом, что мы неуместно заботились и о мире и о сохранении культурных ценностей. В Китае некий идиотичный молодой человек довольно грубо выговаривал мне: "Ваша настойчивость о мире и о Культуре граничит с одержанием. Никто ничего не разрушил, не нарушил, к чему же вы взываете о каком-то несчастье?"

Это было в 1935 году. Если этот идиотик еще жив, то вероятно, теперь даже он понял уместность и неотложность наших повторных зовов и молений. Вот и теперь не умолкайте в защиту культурных ценностей. Не думайте, что люди-людишки уже одумались и научились беречь народное достояние. Того и гляди, что вновь можете услышать о новых разрушениях и расхищениях. Праздновались дни Культуры, и тогда же совершались некультурные поступки. Нечего хвалиться Культурою, когда культурные деятели и голодают, и холодают, и беспризорно страдают. Большинство из тех, кого нынче почитают и величают, в свое время погибали непризнанными. Не сказать ли примеры? Недаром сказано, что имеются общества покровительства животным, но нет заботы о человеке.

Самый почетный дозор есть дозор о Культуре. Будьте действенны на таком дозоре. Помните, что бездейственною обороною ничего не спасете. Одна оборонительная тактика ведет к поражению. Победа — в отважном, обдуманном наступлении на врагов темных, жестоких в невежестве — только так можно

оборонить Культуру. Твердите о Культуре. Не бойтесь, если Вас будут укорять в повторениях. В сущности, повторений в природе вообще не существует. Какое же может быть повторение в постоянном движении? В полете жизни все преображается, все обновляется. В таком обновлении Вы всегда остаетесь молодыми и бодрыми. Надо надеяться, что общества Культурной связи найдут в себе силы поверх всего отбирать и беречь все, принадлежащее истинной Культуре вне преходящих делений и недоумений.

Велика сокровищница Культуры, разобраться в ней может лишь тот, кто сумеет возвыситься над пеною жизни вчерашнего дня. Сухие осенние листья не смутят уборщиков сада. Они — мудрые садовники — пришли ради весны, ради расцвета. Ничто так ни близко Культуре, как чувство любви, осознание прекрасного и сердечное стремление к подвигу. Во "Внутренней Культуре" (Лос-Анджелес) была моя статья "Скрижали Азии". Вы, должно быть, знаете этот журнал. В журнале друзей Уида было упоминание об египетской музыке, инструментованной Зиною — помните, это было в Америке. Из Америки журналы приходят и книги, а отсюда почему-то нельзя посылать, и нам вернули посланное. Это жаль, хотелось бы послать вторые издания Тампи ("Гурудев") и Бабенчикова и Голлербаха, а теперь Ренц уже печатает "Пакт" и выйдет второе издание текста Конлана. Все это Вам бы пригодилось. Весна у нас холодная и дождливая. Снег на горах опустился необычно низко. Нет ли шевелений о "Славе"? Нет ли новостей от Б.К.? Как вышел отчет АРКА? Не отзовется ли о нем ВОКС? Пусть будет у Вас все хорошо. Пусть придут к Вам ладные сотрудники. Сердечный привет всем друзьям.

7 апреля 1944 г.

Публикуется впервые

Знаменосцы

Уже до войны писал я и Щусеву и в Комитет по делам искусств о желательности устройства русской выставки по Индии. Была выставка военных русских плакатов, но хоте лось бы выставку вообще русского искусства. Хотя бы не тяжелые для транспорта вещи, но достаточно показательные Для достижений наших художников. Выставка такая была бы встречена сердечно.

Скажут, не теперь, а когда-то после войны. А почему бы и не теперь? Приезжают же в Индию и ботаники и энтомологи, а ведь культурно-художественные связи не менее важны и неотложны.

Путь через Иран уже достаточно выяснился, да и немного места потребовалось бы для сотни-другой небольших вещей в легких рамах. Индия ответила бы, со своей стороны.

Кроме выставки, могла бы прибыть научная археологическая и этнографическая экспедиция. Материал для нее неисчерпаемый. Многое уже исчезает, постепенно изживается. Но все же поразительны всякие аналогии. А красота, красота-то какая!

Не следует откладывать. Что еще возможно сейчас может быть невозможно завтра. По петровскому завету: "промедление смерти подобно". Если русские ученые и деятели других областей уже приезжают в Индию и подолгу работают здесь, то почему же художники — эти знаменосцы народа — медлят?

Вот сейчас в Индии находится Иранская Культурная миссия. Много ценных постановлений уже сделано — обмен учеными, обмен трудами и фотоснимками. Университеты приветствовали иранских собратьев, и много сердечных слов было сказано об укреплении Культурной связи Ирана и Индии. Китайские Культурные миссии уже побывали в Индии.

Такие же благотворные связи могут быть закреплены между Индией и Русью. Все условия благоприятствуют. Не отложим то, что во благо может быть теперь же выполнено. Вот АРКА — Американо-Русская Культурная Ассоциация отлично действует, и ВОКС помогает ей многими материалами. ВОКС мог бы и в Индии помочь своим воздействием. В Тегеране уже имеется Общество Культурной связи и наверно получается большая обоюдная польза. И затраты невелики, а следствия безмерно покроют их. Юрий и Святослав с их глубокими знаниями Индии и всего Востока были бы незаменимыми деятелями в такой ИРКА. Неистощимы научные и художественные материалы. Сердце Индии готово принять знаменосцев русского народа.

13 апреля 1944 г.

"Из литературного наследия"

Посылки

Приятная нежданность — пришел от Вас целый пакет московских брошюр. Говорю "нежданность", ибо он был так долго в пути, что мы уже потеряли надежду получить его. Брошюры хороши: "Александр Невский", "Москва", "Русские женщины", "Осуждение вандализма" — наконец-то додумались осудить варварство. Наконец-то подумали о сокровищах народных. Спасибо, большое спасибо за присылку. А тут еще ТАСС прислал "Красную Звезду" за несколько месяцев. Значительные статьи Эренбурга, Толстого, Шолохова, Тихонова. Все это так отвечает последним русским победам! Слушаем о них с радостью и с гордостью за великий Народ Русский. А вот и еще хорошая присылка! Пришли от Фричи девять книг "М.О." Значит, от Вас сюда книги доходят. Спасибо, большое спасибо. Пришло хорошее письмо Брегдона. Спасибо ему от меня. Он, конечно, не знает, что нам отсюда сейчас трудно посылать. Он читал Конлана и очень хвалит. Кстати, Вы спрашивали, насколько могут журналы цитировать книги? По прежним законам, чуть ли не треть, лишь бы с указанием, откуда. К сожалению, последнее обстоятельство плохо соблюдается. Сколько раз приходилось жалеть, что полезная цитата, хотя и в кавычках, неизвестно откуда взята. Бывало и так: целиком перепечатывались мои очерки без указания автора, а одна книга Е.И. была перепечатана на Дальнем Востоке без имени автора. Всяко бывало!

Заботит, дойдут ли вовремя эскизы для Мясина и вообще дойдут ли? Его задание нужно поддержать. Что случилось со "Славою"? Если даже знаем, что она была послана и дошла, это еще не все. Хотелось бы знать, что с ней сделали — это очень важно.

Иногда спрашивают о судьбе некоторых картин моих. Меньше всего я сам о них знаю. Где "Рассказ о Боге", где "Три радости", где "Волокут волоком", где "Знамение" (оно было в Кишиневском Музее), где "Ростов Великий", где… да много таких странников! Вот какая-то нелепость вокруг "Дел человеческих"… Где "Языческое" — оно было в Загребе, в Музее? "Святые гости" были в Белграде, а теперь? Словом, если услышите о чем, — запишите.

Пришла Ваша телеграмма о предположенной операции С.М. Обычно эта операция не считалась опасной и производилась при местной анестезии. Наш врач здесь перечислял много наблюденных им случаев прекрасного исхода. Вот и у старого Шк. такая же операция дала отличные следствия. Понимаем Ваше волнение и шлем лучшие мысли. Как подвигается русский язык

Дедлея и Уида? Главное — разговорная речь и возможность чтения. Мы видели здесь отличные достижения после нескольких месяцев разговора. Пусть будет Вам всем хорошо! Пусть приходит к Вам новое и полезное. Преуспевайте во славу великого дела Культуры.

21 апреля 1944 г.

Публикуется впервые

Грабарь (25.04.1944)

Москва. 25-4-44

Грабарь пишет:

"Дорогой друг

Николай Константинович,

Присланные Тобою альбомы воспроизведений с Твоих картин возбудили живейший интерес всей нашей художественной общественности.

Русь всегда была дорога Твоему русскому сердцу, и Ты уже на заре своей замечательной художественной деятельности отдавал ей все свои огромные творческие силы.

Русские художники никогда поэтому не переставали считать Тебя своим, и Твои произведения всегда висят на лучших стенах наших музеев.

Все мы пристально следили за Твоими успехами на чужбине, веря, что когда-нибудь Ты снова вернешься в нашу среду.

Надеюсь, что Ты получил в свое время мой ответ на письмо, на Твое приветствие по поводу выхода в свет, моей книги воспоминаний.

Привет Тебе от русских художников и особо сердечный от нас, немногих оставшихся в живых Твоих друзей далеких лет.

Привет Елене Ивановне и Твоим даровитым сыновьям.

Твой Игорь Грабарь.

Москва 167. Петровско-Разумовская аллея, 6, кв. 5".

25 апреля 1944 г.

Публикуется впервые

Старые письма

Сколько нового в старых письмах под светом новейших событий! Вот отрывок письма из Харбина 15 Мая 1937 [г.]:

"… В кабинете доктора (Н.П.Г.) недавно произошел значительный разговор между главным представителем атамана Семенова в Харбине, генералом Власьевским и д-ром Г. Власьевский заметил образ Преподобного и обратился к доктору со словами: "Так вот что — вы рериховец: ведь у Вас образ Св. Сергия". На вопрос доктора, является ли упомянутый образ верным признаком приверженцев Рериха, последовал утвердительный ответ, что это именно так…"

Можно бы привести много образчиков такой фашистской мерзости. Много старых писем. Самые отбросы столпились около русских фашистов и всяких "истов". Думается, что такие гнилые листья уже разметал вихрь событий. И американский русофашист уже в тюрьме с начала войны. Вот из Парижа перед самым его занятием писали: "Откуда, откуда, как гнилые болотные листья, всплыли подобные вредители? Конечно, они сгниют в тине трясин, но сколько вреда, часто непоправимого, они нанесут всему сущему!"

Да, Русь восчувствовала фашистское опустошение! И вовсе не ради какой-то идеи шли фашисты. Их орды шли для самого бесстыдного завоевания. Украина включалась в какую[-то] Остмарк с особым министром. Раздавались поместья. Одесса дарилась румынофашистам. Карелия дарилась финнофашистам. Все такие раздачи далеки от идеи и более всего похожи на разграбление чужого имущества.

Перед войною с легкой руки англофашиста Мослея стали появляться апологеты фашизма. Даже появилась какая-то англофашистская Валькирия. Объявились болгарские фашисты. Чего только не было! Близился чертовский ливень и зонтиком уже не укрыться было. Некоторые прежде почтенные русские люди вдруг сделались поклонниками Гитлера и даже не стыдились писать нам сюда, уговаривая, что мы неправы, подозревая гнусные происки Гитлера. И такие письма были. Пришлось резко ответить, что нам с Гитлером не по пути.

Если нашлось бы время, можно было бы из таких старых писем сделать поучительный салат, а затем — ив огонь. Но много с тех пор опало сухих листьев, и многие и правые и виноватые уже ушли. Старые письма — новые вести.

"Бабка голландка" злющая, презлющая! Еще домой не доехала, а уже установила смертную казнь, а в Голландии ее

вообще не было. Так и поедет с виселицей, с гильотиною, с топором… Еще и сыра голландского не откушала, а уже о виселицах мечтает бабка голландка.

29 апреля 1944 г.

Публикуется впервые

Добрые вести

Долетели добрые письма от Жина и от Катрин — оба от 24 Марта и были в пути менее месяца. Это совсем хорошо. Вести Жина отличные — можно только радоваться полезным трудам всей семьи. Не только он, но и жена его и сын преуспевают. Катрин и Инге пишут об издательстве — отчет весьма утешительный. Жаль, что судьба Спенсера не так слагается, как хотелось бы. И Катрин и Инге обе сердечно и восторженно говорят о Ваших трудах и преуспеяниях. Так ценно слышать отзывы сотрудников! Долетели сейчас вместе два Ваших письма — от 13 Февраля и от 6 Марта. Как видите, я отмечаю числа каждого Вашего письма и из этого Вы знаете, какие именно и когда Ваши письма дошли.

С Уидом Вы действуете правильно. Все-таки он уже много помог, не так, как другие директора. Может быть, он окажется и еще полезнее в будущем. Сами знаете, как мало людей! Вы правы и с устройством лекций — они дорого стоят и хлопотливы. Уже писал Вам, предлагая сделать постоянную выставку в помещении АРКА, где иногда Вы можете беседовать с группами. Будет и сердечно и внимательно. Впрочем, Вы уже так и поступаете и, как видно, с успехом. Учащиеся и учительницы — прекрасная аудитория, и так могут слагаться новые, добрые отношения. Лекция бывает холодна и скучна, а групповая беседа вносит интимность, душевность. А ведь в Нью-Йорке столько школ! Сколько полезных сведений о Руси можете заронить в сердцах молодежи! Это уже не политика, а человечность и Культура.

Хорошо, что имеете глаз за грабителями — нужно быть в курсе их мрачных ползаний. Они являют такой поразительный пример вандализма, и можно лишь удивляться, что общественное мнение так легко примиряется с вандалами. Даже и Брэгдон, хотя и протестует, но шепотом — в подушку. Будем ждать Ваш отчет АРКА. Конечно, Вы пошлете его в ВОКС и предложите им опубликовать его в местной прессе. Странно, почему они не отвечают Вам о "Славе". Еще раз запросите — ведь они же получили манускрипт? Может быть, Лерер может поместить отчет АРКА где-либо в прессе? Пусть больше знают о преуспеянии доброго дела. Как жаль, что у Вас опять боли — это так нервирует, хоть бы электричество помогло. Теперь Е.И. вполне оправилась, но у Светика бронхит и тянется уже долго. Печально. Ценим Ваш добрый отзыв о Дутко — она хорошая. Ее перевод "Великий Облик" уже появился в "2 °Сенчюри". Привет ей. Любопытно, как существует Завадский — тоже не оправдал

надежд. Любопытно, что письма Жина и Катрин от 24 Марта дошли 22 Апреля, а Ваши от 13 Февраля дошли лишь 2 Мая — где-то залежались. Итак, действуйте "с оружием Света и в правой и в левой руке".

4 мая 1944 г.

Публикуется впервые

Римский-Корсаков

Из Америки пишут:

"Нас просил Базыкин о следующем: в Мае исполняется столетие со дня рождения Римского-Корсакова, и там будут большие юбилейные торжества. Нас просят собрать всяческий материал, касающийся постановок его опер здесь, в Америке — афиш, программ, фотографий с постановок, костюмов, книг, изданных о нем, нот, и т. д. Мы начали нащупывать разные источники и сразу же наткнулись на поразительный факт — Метрополитенская Опера не имеет музея, не сохраняет афиш, программ, не имеет никаких фотографий ни с постановок, [ни с] костюмов, известных артистов, выступавших в его операх!!! Просто я не поверила ушам своим, когда секретарь оперы мне все это спокойно передал по телефону. И вот они нашли для нас две программы — постановки "Садко" и "Золотого петушка", а также две фотографии — и это все!! А ведь богатейшая Опера во всем мире, а музея и архивов нет! Затем я начала искать частным путем, еще нашла пару фотографий. Сегодня пошла в библиотеку и нашла ряд рецензий чуть ли не о всех операх, шедших здесь, в Нью-Йорке, и других городах. Но библиотека нам, конечно, не отдаст эти рецензии, и я решила снять фотостаты с них — получится неплохо. Начиная с 1908 года, собрала рецензии видных музыкальных критиков. Мне очень больно особенно потому, что именно теперь, если бы мы могли найти фотографии с Ваших картин и эскизов и рисунков к "Снегурочке", "Садко", "Царю Салтану" и другим операм, — вот бы послали достойную коллекцию! Но где это все теперь? Где все эти картины? Все отзывы в газетах, журналах чикагской постановки "Снегурочки"! С ужасом узнала, что так как Чикагская Опера уже давно не существует, то и все их архивы (если только таковые у них были), костюмы, декорации куда-то безнадежно пропали, исчезли с лица земли. Опять подумала о культурности, которая совершенно не известна здесь — не берегут, не сохраняют того, что составляет культурные накопления. На чем же будет учиться молодое поколение? Все это просто дико! А между тем Вы именно, родной Н.К., могли бы дать так много касающегося жизни и Вашей совместной работы с Римским-Корсаковым. Как это сделать? Или, вернее, что нужно для этого сделать? Мне очень обидно, что АРКА должна собирать крохи в то время, как мы могли бы собрать истинные сокровища. И я пони маю, что в Москве все истинно оценят — будут большие торжества (несмотря на войну) и, вероятно, создастся музей его имени".

Кто мог бы подумать, что театр, претендующий на Культуру, не имеет даже архива своей деятельности! Поразительно и знаменательно! Но вот что истинно знаменательно — Русь во время неслыханной войны, в дни бытовых бедствий торжественно празднует столетие со дня рождения Римского-Корсакова. Этим праздником народ заявил о своей культурности, о бережливости к народному достоянию. Народ русский научился ценить свои сокровища — в этом истинный путь восхождения.

Замечательна жизнь Николая Андреевича. В своем неисчерпаемом творчестве он шел вперед, совершенствуясь до самой кончины. Утончены его последние творения: "Китеж", "Царь Салтан", "Золотой петушок". Но и начальные композиции, как "Снегурочка", уже показали всю мощь его великого таланта. А "Садко", "Шехеразада", "Майская ночь" и вся несчетная сокровищница романсов, симфоний — какой творческий подъем гремел без устали! И не всегда было легко великому композитору. Он был инспектором военных духовых оркестров. Затем был инспектором консерватории (даже не директором). Мы помним, как пустовали беляевские концерты, а ведь там исполнялись лучшие русские творения. И весь этот трудный жизненный путь, все семейные заботы, все бурления консерватории не понизили творчества. Наоборот, оно росло и цвело. Кроме своих ком позиций, Римский-Корсаков находит время оркестровать неоконченные вещи Мусоргского и уделить сотрудничество в "Великой кучке". Для всего великий творец находит время и сердечную внимательность. Целый ряд поколений композиторов и музыкантов воспитал Николай Андреевич. Велико было его знание русского народного творчества, и оркестровка Римского-Корсакова дала целую блестящую плеяду последователей. Он умел щедро давать. Быть творцом и педагогом тоже нелегко.

Римский-Корсаков — явление незаменимое, и рады мы были узнать, что Русь воздает ему заслуженный почет. В музее Римского-Корсакова соберется материал со всех концов мира. Эта всемирность создалась сама собою, магнитом великого русского творца. Нет народа, нет страны, где бы не знали и не почитали нашего русского гения. Всенародный поклон его памяти.

9 мая 1944 г.

"Из литературного наследия"

Камни проклятые

"Как часто проходим мы мимо нашего счастья, не замечая его, не взглянув на него, а если и взглянем, то не узнаем его".

Бомбейский журнал напечатал мой очерк "Эти проклятые камни". Там пример сужденной серебряной горы из жизни Китая. И в нашей жизни было нечто подобное. В версте от Извары с детства мое внимание привлекали какие-то странные развалины. Точно бы обвалившиеся стены и полузаросшие груды чего-то белого. Мне пояснили, что тут давно была устроена большая известковая печь, но обжиг не удался, и даже разрушены были толстые стены.

Говорили, что известь получилась совершенно негодная и только развалила печь. Так мы и знали о каких-то проклятых негодных камнях. Много лет прошло. В 1926 году, когда мы были в Москве, пришлось прочесть об открытии ценнейшего вещества. По описанию места я понял, что это не что иное, как наши "проклятые камни". Конечно, они не годились для извести. И вот все мы ездили мимо этого места, заглядывали на развалины, удивлялись, но никто не ожидал "ценнейшего вещества". Пожалуй, изварские родники окажутся целебными и ценнейшими. В очерке "Проклятые камни" говорилось о серебряной горе в Китае, но много таких кладов захоронено.

Отгадайте, есть ли такая страна, где золото падает с неба? Есть такая страна — это Индия! Во время пресловутых взрывов в Бомбее по воздуху носились куски золота из разметанных грузов. Кусочек золота в 27 фунтов падает на крышу дома, пробивает целый этаж и валится на балкон, где семья пила чай. Много золота летало по воздуху. Где же видано, чтобы золото падало с неба? Поистине, Индия — страна чудес!

13 мая 1944 г.

Публикуется впервые

Культура (18.05.1944)

Радостно получить письма Зины и Дедлея от 24 Марта. К радостному памятному дню Вы собрали и ряд добрых сведений. Так сердечны оба письма, так душевны слова Дедлея о Свете. Именно к Великому Свету пусть возносится дух. Трудная жизнь человеческая озарится радостью Высшей Красоты. Вперед — к Свету!

Все, что Вы сообщаете об АРКА, отлично. Пусть движутся выставки АРКА и по музеям и школам и всяким общественным учреждениям — всюду откроются новые хорошие сердца. Спасибо Уйду за пожертвование 2000 долл. Безразлично, сделаете ли А. Пресс как Общество или как Ассоциацию — Вам на месте виднее, как лучше, как полезнее. Радуюсь, что картины Святослава хорошо разместились — сколько их и какие именно? Альбуерно я писал, и мое письмо мне вернули обратно. Непонятно, почему Вам можно с Юж[ной] Америкой переписываться, а нам нельзя. Передайте Альбуерно мой привет. Удивляемся письму Эми — ведь Вы ей послали отчет АРКА. Вот Вам и дружба народов! Когда же дойдут эскизы для Мясина? Когда же нечто провещится о "Славе"? Почему по этому пункту ВОКС молчит, а работа АРКА ему, видимо, нравится. Когда возвращается Дутко? Не слыхала ли она чего нового? Вы правы, что летние месяцы в Нью-Йорке для нее были бы тягостны. Но трогательно ее стремление быть поближе к общей деятельности. Не дает ли она уроки русского языка? Читая письмо Дедлея, думалось, а ведь, пожалуй, скоро он по-русски напишет. Как идет русский у Уида? Хорошо, что он отбыл свой срок и теперь может быть ближе к Вам, к АРКА.

Вы писали об остолопах, глумящихся над понятием Культуры. Если все зверства, сейчас происходящие, не образумили их, то это лишь свидетельствует, на каком низком уровне может застрять сознание человеческое. К сожалению, Ваше прискорбное наблюдение нам не ново. Недаром мы били в набат. Не без причины ссылались на признаки одичания. Не случайно печаловались о падении человеческом. Сколько очерков прошло в печати о различии цивилизации от Культуры. Сколько раз восклицали, что цивилизованный дикарь есть самое отвратительное зрелище. Невежество цивилизации есть стыдное безобразие. Да, цивилизации нечего гордиться, когда в мире проживают многие миллионы неграмотных четвероногих. Вандализм вещественный еще ничто перед рабством мысли, скованной невежеством. Знаем, как трудно Вам пробиваться сквозь лед невежества. Отрицание, самое гнусное отрицание,

царит на всех концах земли. Но тем священнее труд тех, кто защищает Культуру, кто несет высоко свободное знание. Осознание такого почетного труда удесятеряет силы, превращает каждодневную работу в победоносный подвиг.

Герой должен быть культурным деятелем. Герой после битвы будет истинным просветителем молодых поколений. Сознательный герой растет в грозе Армагеддона. Герои — в сражении, герои — целители и просветители. Пусть все герои-подвижники соберутся в дружину непобедимую и радостную. Высшая радость познания превратит и горе в светлое достижение. Да будет!

Вот отовсюду слышится стон от жестокости. Точно в мрачнейшие века инквизиции люди-звери измываются над своими собратьями. Вспыхнула жестокость, излечить от этой свирепой эпидемии может лишь Культура, глубоко осознанная. Да будет! Не было ли у Вас сообщений о Роквел Кенте — у меня к нему доброе чувство. Кто такой Сикорский, поминаемый Вами? Пошлю Вам пароходным письмом несколько очерков — может быть, пошлете в "Дельфийский журнал", а "Любители искусства" не передаст ли Брэгдон в "Завтра" или куда-нибудь? Всякие такие меры Вам виднее на месте. Душевный привет всем добрым друзьям.

18 мая 1944 г.

Публикуется впервые

Рылов

Рылов пишет в своих воспоминаниях:

"Николай Константинович Рерих, создавший себе всесветное имя своим оригинальным, полным поэтического мистицизма искусством, был талантливым директором Школы, все время заботившимся о ней. Кроме тех нововведений, о которых было уже сказано, Рерих ввел лекции по анатомии и, кроме существовавшего краткого курса истории искусств, эпизодические лекции по этому предмету известных специалистов.

Сам он посвящал особые часы обсуждению эскизов для стенной живописи. Организовал под руководством Щуко, Билибина, Макаренко и Плотникова экскурсии учащихся в старинные русские города для изучения древнерусской живописи и зодчества. Надо удивляться, откуда у Рериха столько сил и энергии. Вникая во все детали школьного дела, во все нужды художественно-промышленного образования, проводя свои планы через педагогический совет и комитет Общества, привлекая нужных людей, он находил время писать много прекрасных картин, составляющих гордость музеев и частных коллекций, делать эскизы декораций и целые театральные постановки, росписи храмов в селе Талашкино, громадные панно для Казанского вокзала в Москве (уничтоженные бывшим директором Академии Художеств Масловым), эскизы для архитектурной мозаики. Кроме того, он писал газетные фельетоны, статьи по искусству и белые стихи. Эти его писания я не любил, когда он их читал, не знал, что делать от скуки; я не переносил его архаику в литературе и трудноусваиваемую мистику в стихах. Удивительно, когда он выбирал время на все это?! Кроме того, он делал доклады в Археологическом обществе о произведенных им раскопках, собирал ценную коллекцию голландской живописи и коллекцию монет. Всего, что он делал, не перечесть. Он не раз ездил за границу, посещал театральные премьеры, концерты. Он был связан со всеми редакциями, издательствами, типографиями и критиками, знал когда и какую кнопку нажать, и все это он делал, главным образом, для собственной карьеры, славы, денег. Что ж, талантливому, умному и дельному человеку карьеризм был бы не в укор, если бы он во имя низменных интересов не изменил своей стране, не бросил своего детища — Школу и не уплыл к долларам за океан".

А я-то думал, что Аркаша добр, не завистлив и справедлив! Он отлично знал, что мы по болезни еще в 1916 году поехали в Карелию на берега Ладоги. Химона приезжал к нам в Сердоболь.

Рылов знал, что мы были в Америке всего от 20 сентября 1920-го по 8 Мая 1923-го. Затем — в Азии, в Тибете, в Китае, в Монголии, в Индии. В 1926-м мы — в Москве. Где же измена, где "низменные" цели? Неужто из низменных целей я всегда поддерживал и самого Аркашу? Эх, человеческая справедливость!

Давно сказано: "Каждый судит по себе, от себя". Уж не о себе ли, Аркаша, ты говаривал: "Прост как дрозд, нагадит в шапку и зла не помнит".

25 мая 1944 г.

Публикуется впервые

АРКА (01.06.1944)

Долетели Ваши письма от 14 Апреля и письмо Жина из Атланты от 24 Апреля. Ужас, сколько больных — и Зина, и СМ., и жена Жина! Как теперь Ваши болящие? Надеемся, что все ладно. А у нас домашний лазарет продолжается. Не успел Святослав немного оправиться — то же самое началось у Е.И. Какая-то особая форма — среднее между трахеитом, бронхитом и коклюшем. Эта новая комбинация проявляется повсюду — как бы эпидемия армагеддонная. Конечно, уродливые, жестокие обстоятельства должны поражать и слизистые оболочки. Нельзя пять лет перегружать пространство взрывами без последствий. Очень томительно такое длительное воспаление, особенно по ночам. Теперь Е.И. лучше, но все еще далеко не ладно. Замечательно, что эта новая форма повсеместна. Длится от одного до трех месяцев.

Спрашиваете, как быть с инкорпорированием? Мы уже писали, что оно желательно и чем проще — тем лучше. Главное — польза дела! Перевод "М.О." хорош, и само издание хорошо. Все, что пишете о деятельности АРКА, отрадно. Полезные люди будут приближаться. Также получен отчет АРКА и "Сюрвей" с интересными фото. Конечно, в следующем отчете Вы упомянете об этом номере "Сюрвей". Отчет АРКА очень хорош и внешне и внутренне. Любопытно, что скажет ВОКС, получив этот отчет? К сожалению, все такие обороты возьмут много месяцев. Для будущего отчета заведите папку и накопляйте в ней все новости и большие и малые — потом легче составлять. Мало ли полезных запросов, телефонов, писем происходит — упоминание о них дает ширину картины. Не отозвались ли почетные советники на отчет? В какие газеты и журналы пошлете? Все это значительно и своевременно.

В "Красной Звезде" сообщается, что Тенишевский Музей в Смоленске разграблен. Там был мой эскиз "Царицы Небесной" — значит, и еще один покойник. Вероятно, и стенопись в храме тоже погибла. ТАСС прислал недавно вышедшую монографию умершего Рылова. В ней упоминается об уничтожении моих фресок Масловым. Жаль, что Рылов не знает всей моей заграничной работы и даже не знает, что мы были в Москве в 1926 году. Странно, до какой степени разъединены народы сейчас, вопреки всем путям сообщения. Видимо, Рылов не видался с Б.К., ибо ни о нем, ни о Степе не поминает, а ведь жили они в одном городе и долго вместе работали в Обществе Поощрения.

Если собрать все, что писали обо мне Рылов, Грабарь, Бенуа, Маковский, Бабенчиков, Голлербах, Иванов, кн. Тенишева, Дымов, Койранский, Бурлюк, Рудзитис, Л.Андреев, Кузьмин и другие за последнюю четверть века, какие противоречия окажутся! Где же тут разобраться постороннему читателю?! А если еще добавить иностранных писателей, то получится немалая энигма.

Вы писали, что вследствие спешного течения дел АРКА наша Академия оказалась в тихом русле. Вполне понятно! Сейчас АРКА должна спешить со своими утверждениями. Академии временно трудно, ибо много молодежи отвлечено войною, да и Вам не разорваться же на все дела. Ведь и помощников мало! Впрочем, в теперешнее переходное время везде трудно. Конечно, такое утешение не очень-то утешительно, но, впрочем, "нагружайте меня, когда иду в сад прекрасный" — давно сказано. В следующем [отчете] подчеркните Ваши непосредственные сношения с ВОКС, их оценку и пересылку им "Славы". Среди книг, имеющихся у Вас, должны быть "Адамант" и "Селиванова" и маленькая монография "Корона Мунди". Пожалуйста, пришлите ее шесть экземпляров. Не остаются ли какие книги на складе у Катрин или в Либерти? Здесь есть спрос на Конлана — теперь скоро его текст появится в Аллахабаде, но люди хотят рижскую большую монографию. ТАСС прислал два номера московского журнала "Славяне" — вероятно, и Вы его видели. Во втором номере (Февраль) есть статья Юрия Окова (кто такой?) "Среди русских в Америке" — прочтите, следует знать. Об АРКА то же самое, что и Вы в письме приводили. Не увеличить ли при случае число почетных советников?

Радуюсь, что Ваши музейные изыскания успешны. Значит, "Ведущая", по завещанию Пальмер, теперь в Музее Коннектикут. Две картины — "Человечьи праотцы" и "Берендеева слобода" — после Бринтона в Филадельфийском Музее. Постепенно и еще найдется. Не было ли в Хартворде? Ценные сведения о русском искусстве накопятся.

Прилетит это письмо к Вам уже в середине лета. Да будет Вам всем хорошо. Чуем, как трудно бывает. Из всех житейских решений избирайте самое простое — уж очень сложна сейчас жизнь. Привет всем Вам, всем друзьям. Милые Жины, знаем, как трудитесь Вы на общую пользу, сколько добрых слов сеете Вы о единении, о справедливости, об истинном преуспеянии. И взойдут Ваши честные посевы и загорятся новые молодые сердца. Милые Катрин и Инге, Вы неустанно трудитесь на пользу единения великих народов. Радуемся слышать от Зины, как Вы поддерживаете АРКА, и Зина и Дедлей так ценят совещания с Вами. Великий двигатель — единение и доверие. Истинное добро

возрастет из Ваших общих достойных трудов. Милые Муромцевы, и Вы близки общему славному делу — дорого нам узнавать о Ваших сердечных беседах. Подходите ближе и крепче. Сейте добро во славу народа русского. Светло смотрите в будущее и чуйте Вы все наши сердечные мысли о Вас всех. Так и скажите душевно друг другу о единении, о взаимном доверии, о нерушимом сотрудничестве. И любите друг друга, помогите обоюдно всем, чем можете, а ведь сердце человеческое может многим чем помочь.

1 июня 1944 г.

Публикуется впервые

"Славяне"

В Гималаи прилетели желанные гости — два выпуска нового московского журнала "Славяне". Знаменательно и многозначительно! Читаем, радуемся. Встают старинные воспоминания и мечты. Никто не представлял себе, как именно братские мечты претворятся в действительность.

А вот подвиги русского народа и всех славянских патриотов сложили новые пути, и воссоединяются ветви великого древа славянского. Новыми путями воссияло братство народов славянских. И пойдут они в дружестве и в добротворчестве к единой светлой цели, к нерушимому сотрудничеству и преуспеянию.

В добрый час! И сменятся тучи неволи на светлые крылья блестящих достижений. "Один в поле не воин", но могучее воинство всеславянское утвердит свободу своих сынов и воздвигнет Знамя славной, жданной Победы.

Всеславянский Комитет в Москве живет и шлет сердечный привет всем братьям от корня славы. Благое единение, зачатое в грозе и молнии, в трудах, среди боевых подвигов, создаст единодушие в обновленной народной жизни. В добрый час! Хочется послать из Гималаев душевный привет всем братьям-славянам. Ведь и в Индии сейчас немало славян.

Много воспоминаний за полвека. В гимназии пели славянский марш. Еще в школьные годы писались статьи о Руси для боснийского журнала "Нада". Незабываемые беседы о славянстве с В.В. Стасовым и Владимиром Соловьевым. Потом запомнилась встреча с большим сербским патриотом Пашичем — как сердечно звал он непременно приехать в Белград. Затем картины "Славяне" — часть выполнена, часть осталась в эскизах.

Где "Боривой"? Где "Световитовы кони"?

Выставка в Златой Праге по приглашению общества "Манес". Поехали добрые вестники-картины, и скоро пришли добрые вести. Пришел отдельный номер журнала "Дило" с прекрасной в своей искренности статьей Мартена. Ф.Сальда в "Волне Смери" посвятил статью, сильно звучащую. Губерт Цириак в "Модерн Ревью" прочувствованно-поэтически назвал выставку "сен минулости" — сон прошлого. В этом сне прошлого мне-то снилось вовсе не прошлое, но будущее. Потому-то Злата Прага навсегда осталась для меня вратами в будущее. Так навсегда сложились крепкие дружеские узы с Чехословакией. Потом — радушие великого мыслителя, Президента Масарика. Будем надеяться, что картины мои в Музее Замка Збраслава уцелели.

Живы ли картины в Белграде, в Загребе? Жива ли Югославская Академия? Я был сердечно тронут избранием в почетные члены и большим крестом Св. Саввы — ведь это весточки от братьев. Жив ли наш кружок в Белграде? Живы ли наши группы в Болгарии, в Варшаве? Все разметал Армагеддон!

Одно нерушимо — братское всеславянское единение. И болгарский народ вернется к нему и вспомнит, как Русь стояла за свободу болгар. Такие вехи нерушимы. Радовался я, когда до войны приехал к нам в Гималаи мой ученик, отличный болгарский художник Георгиев. Жив ли? А сколько дружеских статей было в болгарских журналах, и такие листы не завянут.

Люблю вспоминать и встречи с великим сербским ваятелем Местровичем — он был у нас почетным советником. Где он? Жив ли? Какими средствами послать привет всем братьям, в рассеянии сущим? Но и теперь вспыхивают дорогие весточки.

Чехословацкая газета шлет привет. Министр Ян Масарик телеграфирует: "Примите мои самые лучшие пожелания к Вашему семидесятилетию. Хорошо помню Вашу дружбу с моим отцом и со мною и многими благодарными чехословаками, вспоминающими выставку Ваших произведений в Манесе. Надеюсь увидеть Вас после победы в Праге. Ян Масарик, Министр Иностранных Дел". Истинно, и мы все хотели бы встретиться, да еще в Праге, в самой Златой Праге, ставшей так неразрывной с народом русским. Кто знает — многи пути человеческие, отчего не прилететь и в братскую Злату Прагу?!

И еще веха. В Париже французы устроили общество "Люзас", посвященное славянам-лужичанам, уже давно изнывающим под германским ярмом. Выбрали в почетные члены, ибо знали, как близко мне все, до славян касаемое. Наш Святослав был президентом Американской секции "Люзаса". Мадам де Во-Фалипо много потрудилась, изыскивая данные об этой древнеславянской ветви, и материалы были значительны. Несмотря на всякие утеснения лужичане сохранили свою славянскую сущность и свято помнят о своем славянстве. Поучительно убеждаться, как прочны славянские ветви. Так, в самом Бранденбурге уцелели славянские народные обычаи, даже больше уцелели, нежели в русской деревне в Потсдаме, где только русские имена остались.

Много где можно найти следы всеславянства. Далеко ходили славяне. Афанасий Тверитянин в Индии. Долгорукий при Акбаре. Анна Ярославна — королева Франции. Ее сестры — королевы Венгрии и Скандинавии. Роксана, поповна из Подолья — султанша Сулеймана Великолепного. Куда заходили новугородцы! Аляска, Галапагос, Гаваи, Калифорния — форт Росс

— дружественный подарок Америке. И нет таких дальних гор и островов, где бы не нашлось памятки славянской. Даже в нашей долине в Кулуте первый насельник был русский. Не перечесть! "Победа Александра Невского" теперь в Индоре. Моя "Земля всеславянская" широко обошла Индию. Много вех! Из-под скрыни поднимается крепкая поросль. Всеславянский Комитет широко соберет вести о всех славянах, о всех делах славянских.

Вспомним Боривоя:

"И внезапно, где играют всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают волнорезы Боривоя.
Расписными парусами море синее покрыто.
Развелось по ветру знамя из божницы Световита.
Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные
И, как бешеные кони, ржут волынки боевые.
И начальным правя дубом
Сам в чешуйчатой рубахе Боривой кивает чубом.
Я вернулся из Анконы,
Где поля от крови рдеют,
Но немецкие знамена
Над стенами уж не веют.
И от Бодричей до Ретры От Осны до Дубовика
Всюду весть разносят ветры О победе той великой".

5 июня 1944 г.

"Россия"

Культура (15.06.1944)

Как Ваши болящие? У нас лазарет все еще не кончился. Светик почти поправился, но Е.И. все еще не может оправиться от кашля — особенно по ночам и утром. За эти дни болела и Рая. Был сильный гастритоэнтерит. Но теперь она оправляется. Многое необычно. Вот и погода особенная. Ночью бывает всего 10° Цельсия и после полудня — ливни, вихрь, гроза, град. Для Июня все это необычно.

На днях выйдет второе издание Конлана. Попрошу друзей, не смогут ли они переслать Вам несколько экземпляров. Только подумать, что это письмо дойдет к Вам к концу Июля! Значит, Вы мыслите уже о будущем сезоне. Какие события происходят! И какие еще произойдут, пока долетит письмо. И подвиги, и ужасы, и горе — только счастье еще не брезжит. За пять лет ужасов что сделается с сознанием человеческим? Кроме самой войны — разорение, разруха, эпидемии, одичание… И чем же залечивать все эти несносные раны? Только развитием Культуры.

Война подтвердила многие старые истины. Между прочим, события еще напомнили, что одни защитные действия без наступательных ведут к поражению. Как бы ни были укреплены защитные силы, они все-таки будут сломлены, если не смогут перейти в наступление. Суворов знал ценность наступления. Так и во всем, во всей жизненной борьбе. Во имя блага будьте воителями! Не сидите взаперти за стенами крепости, но выходите бодро в чисто поле. Пусть каждая разрушительная злоба получит удар заслуженный.

Спасибо Валентине за ее статью "Общее благо". Пусть она сеет такие добрые зовы. Ведь кто-то и где-то усвоит ее призывы. Наверно, она никогда не узнает, кому помогли ее писания — это общая участь. Но тоже знаем, что где-то добрый посев даст всход и урожай. Вот если бы побольше таких сотрудников и каждый на своей ниве утвердил бы добро! Нельзя ли от Д. узнать побольше о его свидании с Б.К.? Ведь нужно же как-то раскрыть сию тайну. Не мог же Б.К. провалиться беспричинно! Юрий получил письмо Зины. Так хочется, чтобы его посылка дошла и получила бы следствия. А то, точно в пропасть, все проваливается. Приложение "Славяне" перешлите председателю Всеславянского Комитета. Лучше пошлите сами непосредственно и для ответа дайте адрес АРКА; скажите, что шлете по моему желанию, и попросите подтвердить получение. Прилагаю адрес редакции журнала: "Славяне", улица Кропоткина, 10.

Вот Рим оказался примером, как Культура, Религия,

Искусство являются подлинными охранителями. Среди ярых битв Рим невредим, ибо обе стороны не хотели его повреждать. Значит, все дело прежде всего в добром желании. Знамя-охранитель культурных сокровищ незримо веяло над Римом. Даже жестокость и дикость преклонились перед высокими достижениями. Помните, некоторые невежды нам говорили, что во время военных действий ничто не спасет памятники гения человеческого. Но вот достаточно было захотеть, и Рим невредим. Так и запишем о примере победы Культуры. Вообще все события лишь подтверждают, насколько наши предложения были своевременны и выполнимы.

Итак, опять — вперед и вперед! Передайте мой привет Норман Бел-Геддесу. Каков он теперь? О нем я сохранил добрую память. Друзьям, сотрудникам душевный привет.

15 июня 1944 г.

Публикуется впервые

Русский век

"Красная Звезда" приводит слова американского Х. С. Монитора, что грядущая эпоха будет русским веком. И вот все, что предчувствовалось, все, что казалось — все становится явью. Русский подвиг, русский труд, русская смекалка преобороли все трудности и победно преуспели.

Произошло явление, неслыханное в истории человечества. Друзья всемирно наросли. Враги ахнули и поникли. Злые критиканы прикусили свой ядовитый язык. Не только преуспела Русь на бранных полях славы, она успела в трудах и среди военных тягот теперь же строиться и ковать прекрасное будущее.

И все такое неслыханное достижение творится самобытно, своими особыми народными путями. Многие народы прислушались к действу русскому и приходят к тем же решениям.

Тридцать лет тому, как на Почаевской мозаике мне захотелось созвать сонм русских воителей. Так над западным входом собрались славные воины, ставшие крепким дозором. Скоро от Запада пришел враг. Враг всякой Руси, враг всех народов русских. Но просчитался враг, жестоко просчитался, ибо не понял сущности народа русского.

Померялся русский богатырь с врагом страшным и одолел его. Мстислав Удалой грянул оземь косожского богатыря Редедю. И Мономах выходил на единоборства. И ополчалась Русь на Куликовом поле… Да что перечислять! Народ русский научился ценить прошлое. По завету Ленина русский народ сбережет достижения старого знания, без них новой Культуры не построить. "Знать, знать, знать". "Учиться, учиться, учиться".

На Руси будет праздник. Позовет к нему народ всех, кто принес пользу Руси. Взаимно улыбкою обменяются сотрудники всех веков. Для русского века потребуется неограниченное знание. Вся всенародная польза будет собрана. Все русские открытия вспомянутся. И первопечатник Федоров и все безвестные изобретатели и исследователи будут вновь открыты и добром помянуты. Перемигнется народ со всеми, кто сеял добро.

К русскому веку русский народ может показать много былых достижений. А все русские подвиги нынешних дней славно возвысятся на празднике русского века. И ведь не сами выдумали такое будущее. Из-за океана увиделось предначертание судьбы русской. Русский век!

17 июня 1944 г.

"Из литературного наследия"

На вышке

"На вышке бывает холодно, — рассказывал наблюдатель, — так пронзительно холодно, а шевелиться нельзя. Делаешься не человеком, а мохнатым комом хвои на вершине косматой сосны. Не знаешь, неужели в этом полузамершем бездействии заключена важнейшая задача?!

Тоненький, неживой проводок напоминает о напряженном действии там, внизу, за лесом. Там чье-то ухо должно ловить мои краткие указания, будет верить им. Может быть, тысячи людей будут спасены единым словом. Если оно, это жданное слово, не придет, то и без него самое молчание окажется кому-то спасительным.

Но пока холодно на вышке. Точно забытый, точно покинутый, точно ненужный! Шальной снаряд может скосить и всю сосну и охапку защитной хвои. Тогда-то дела совершатся и без провода. Может быть, еще лучше совершатся, а вышка окажется вообще ненужной. Тягостно чувство ненужности.

Кто знает, не ушли ли вообще? Не переменилось ли вообще построение? Не забыли ли об одинокой вышке? И знаю, что не забудут, знаю, что вышка эта очень нужна. Но холодно на вышке. Ветер пронзителен…

Балагуры грегочат: "Эй вы, аисты на крыше! Мы тут гранаты кидаем, а вы шишками сосновыми бросаетесь". Засмеют, не понимают значения вышки. Не знают, как одиноко на вышках.

Забытые! И знаешь, что нужен, а все же подчас накипает какая-то ненужность. Поди уговори себя, что и в молчании держишь нужнейший дозор…"

Много вышек в жизни. Многие нужнейшие держатся дозоры. Приносится неотложная польза. Только при всем том бывает на вышках одиноко. Слышите ли? Отзоветесь ли?

Великая годовщина. Три года войны. Три года героических подвигов. Три года народных испытаний и преуспеяний. Победы, русские победы гремят. От Гималаев сердечный привет Народу Русскому.

22 июня 1944 г.

"Из литературного наследия"

Сбережем

Ваша весточка к Юрию была от 24 Апреля, с тех пор писем не было. Конечно, и Зина была больна и операция СМ. А может быть, и письмо пропало! Вот эскизы к "Половецкому стану", по-видимому, еще не дошли. Все теперь необычно.

Погода совсем особенная. После полудня вихрь, снег на горах, в комнатах 69°, а сейчас пришла жара. Повсюду все особенное. Исландия отделилась от Дании. Эфиопия порвала договор с Англией. В воздухе какие-то "адские псы"-роботы. Де Голль мутит. Сколько гибели!

Я все-таки еще раз написал Б.К. Может быть, дойдет?! Может быть, и Вы что-нибудь узнаете? Ведь Б.К. сам начал переписку, и что же такое могло случиться с тех пор? Вот Юрий получил письмо от русского ученого из Лондона. Из письма видно, что тот пишет туда же, где Б.К., и получает оттуда ответы. Премудрый Эдин, разреши сию загадку!

Как-то Вы спрашивали о здешних журналах, где я работал. Прилагаю список пятидесяти двух журналов и газет в Индии — в них писал я за эти годы. В некоторых — иногда, а в других ежемесячно долгое время. Сеялись зерна Культуры, дружбы, взаимопонимания, сотрудничества. И никогда не знаешь, где окажется лучший урожай. Обычно нежданно поднимаются эти посевы. Все это Вы не раз испытывали. Значит, и в грозу и в ливень спешите в трудовой путь, если знаете добрую цель. Наблюдайте не только за грабителями, но и за их покровителем. Читаем о нем и улыбаемся — какие негодные средства!

Я дал Ваш адрес некоему Турнеру в С. Луи, не пригодится ли? Пришлите парочку маленьких монографий "Корона Мунди", хотя, видимо, многое теряется, но, может быть, дойдет. А теряется не только заграничное, но и здешнее. Валентина Леонид[овна] прислала свою и мальчика фотографию — спасибо скажите от нас, когда будете писать.

Интересно справиться в библиотеке Конгресса Нью-Йорка и других, какие русские журналы у них хранятся. Такие журналы, как "Мир Искусства", "Аполлон", "Весы", "Золотое руно", "Искусство и художественная промышленность", "Художественные сокровища России", "Искусство" (Москва), "Старые годы" и другие отображают целую эпоху истории искусства. Если русские отделы в музеях и в библиотеках должны развиваться, то прежде всего все касаемое до творчества Руси должно быть собираемо. Может быть, полезно от АРКА послать в библиотеки вопросный лист с перечислением названных журналов. Вся жизнь должна быть

заботливо охранена деятельностью АРКА. Сейчас, когда столько разрушено и разграблено врагами, требуется особая бережность ко всему, что еще возможно собрать на пользу будущих поколений. Так и занесите это мое заявление в анналы АРКА.

Вот уж и половина лета. Опять неустанно гремят русские победы. Неутомимость русская потрясающа. Поистине, будущий век будет русским веком. И все, кто приложится к этому веку, да будут благословенны. Для Ваших сведений будет интересно, что в Туммапади Санджива Дев 14 и 15 Июня прочел две лекции "Р. — победитель тьмы и инерции" и "Р. — преобразитель хаоса в Космос" (по-тамильски) в местном Обществе Друзей Советского Союза. Мысли наши с Вами, милые дозорные. Пусть с Ваших вышек хорошее досмотрится. Привет, сердечный привет всем сотрудникам-друзьям.

1 июля 1944 г.

Публикуется впервые

In India [81]

"The Twentieth Century", "The Modern Review", "The Scholar", "The Hindustan Review", "The Vision", "Peace", "Mira", "Kalyan", "Saqi", "Prabudha Bharta", "Vedanta Kesari", "Kumar", "Maha Bodhi", "The Buddhist", "The Leader", "Art and Culture", "Culture", "The Divine Life", "The Young Builder", "The Educational Review", "The Malabar Herald", "The Dawn of India", "All India Weekly", "College Magazine", "The Hindoosthan", "Sanket", "Roshini", "Czechoslovak", "The Theosophist", "Outlook", "Viswa Bharti", "Mysindia", "The Cochin Argus", "The Sri Chitra Yugam", "Navajeevan", "Free India", "Pen-Friend", "The Bosat", "Young Ceylon", "The Indian Review", "The Comrade", "East & West", "The Holkar College Times", "Dawn", "The Field-Madras", "The Scout", "The New-Outlook", "Upasana", "The Old College", "Kalpaka", "Review of Philosophy and Religion"[82].

Каменный век

Спрашиваете, отчего мы углубились именно в каменный век, изучали его и собирали. Причин несколько. Красота камня, высокое качество отделки его, малоизученность русского каменного века, наконец, таинственная международность культуры камня.

Разве не удивительна тождественность культуры каменного века во всех частях света? Повсюду встречаете ту же технику, тончайшую, доселе не разгаданную. Кроме множества находок в пределах России, мы собирали каменные поделки во Франции, в Швейцарии, в Италии, в Египте, в Монголии, в Китае, в Индии, в Америке… Только сопоставляя, можно было изумляться общечеловечностью творчества, давшего одинаковую и неповторимую технику каменного обихода.

Поистине, поразительна "международность" мысли и воли, приведшей самых различных насельников к единообразному творческому выражению. Не было путей сообщения, молчали все надземные каналы, а человек творил единообразно. Такая международность мало отмечена в литературе.

Каменный век вообще оставался в пренебрежении. Точно в нем не были заключены глубокие проблемы биологии и психологии. По современным вырожденцам-дикарям приписывали дикость и всему каменному веку — вернее, всем неисчислимым каменным векам. Так ли? Изящная техника, высокая пропорция поделок говорят о другом.

По сравнению с неисчетными каменными тысячелетиями кажутся мимолетными века металла. Таинственность, неразгаданность привлекает. Радует высокая техника каменная. Все предложенные разгадки ее пока не помогают, ибо сами разгадчики не могут произвести камень о камень ничего подобного.

Древний не только умел осилить изящество техники, он знал и ценил качество материала, и в этом было выражено врожденное чувство красоты. А там, где это высокое чувство проявляется, там уже не дикость, но своеобразная Культура.

Где теперь все наши каменные собрания? Мелькнул нелепый слух, что их выбросили в Мойку. Всяко бывало! Это уже палеолит! Впрочем, Эренбург пишет: "Теперь мы научились ценить наше прошлое".

7 июля 1944 г.

"Из литературного наследия"

(Было опубликовано с сокращениями)

Терпите

Пришли письма Зины от 18 Мая и 28 Мая. Душою болели мы, читая о болезни Зины и СМ. Как это все прискорбно! Обеспокоило нас и письмо Катрин от 1 Июня. Пишет, что Зина выглядит очень утомленной, а СМ. очень болезненной. Все это печально. Спасибо доброй Лерер за ее сердечное письмо. Вот таких бы сотрудников, а то всякие староселы — только чучела.

Не удивило нас известие о Лансере, Грабаре, Юоне — говорят, что зависть родилась раньше человеческого рода. Как раз об этих трех я очень хорошо писал, а в свое время и добро им делал! Пришлите их писанину. Какая чепуха с мясинскими эскизами!! Вы правы, указав, что консула здесь нет, и пока мы обернемся с ним, пройдут месяцы. Поэтому спешу теперь же послать инвойс[83] и свидетельство оригинальности, подписанное здешним магистратом. Пока, может быть, и оно поможет. Пишу кратко, чтобы письмо скорее до Вас дошло. Спасибо Муромцеву за холст и за краски — конечно, краски в порошке. Сколько они стоят, почем холст? Сообщим дальнейшее, как только получим эту посылку. Из США пришло приглашение биософов подписаться на их журнал, и кого же видим во главе их списка? — хоршевского покровителя. Надо их опасаться!

В Аллахабадском клубе Рабиндранат Деб читал и напечатал лекцию обо мне — вот еще новый друг. Кто он, — еще не знаю. Такие самородки бывают очень интересны. Вот бы и к Вам такие же помощники. Между прочим, когда я писал Вам о заместителях, имелась в виду Картинная Корпорация, а не издательство. По-видимому, Катрин думает, что имелось в виду издательство, но я писал именно о Картинной Корпорации, чтобы еще крепче оградиться от зловредного трио[84]. Так и сделайте, не откладывая. В свое время и Сутро и Стоке очень вовремя подумали о заместителях в шерах[85]. Воображаем, как негодовало трио. Относительно выборов — размещайтесь, как удобнее. Мы уверены, что Вы сделаете, как лучше, по местным условиям. Нам писали из Карачи, что было московское радио, что астрономы установили, что жители Марса усиленно ищут сношений с другими планетами. Не слыхали ли Вы чего о такой "сенсации"?

А победы гремят, и скоро та "Слава" окажется устаревшей. Потребуется писать о новой, великой Славе. Вы хорошо делаете, продолжая сношения с ВОКС. Если и происходят, как Вы пишете, временами перебои и неразбериха, то ведь время-то какое! Вся планета в перебоях! Токи тяжкие, потому всячески берегите

здоровье, не переутомляйтесь. А Вы скажете, а как же быть-то? Откуда людей взять? Да, насчет людей всюду плохо. Тяжка ноша мира сего. Да будет же Вам хорошо! Да будет Вам и всем друзьям получше, полегче!

15 июля 1944 г.

Публикуется впервые

Отвечаю

Дорогой Игорь,

Рады были мы получить Твою добрую Апрельскую весть. Шла она кружно через Вашингтонское Посольство, через нашу АРКА, и, наконец, долетела в Индию в наш горный Наггар. А в Индию мы причалили уже двадцать лет тому исполнилось. Конечно, письмо Твое, о котором Ты поминаешь, не дошло — вообще многое теряется.

Ты пишешь о приезде нашем. Думается, сейчас должны собраться все культурные силы, чтобы приобщиться к общей восстановительной работе после всех зверских немецких разрушений. И мы все четверо готовы потрудиться для блага Родины. Сношений мы не прерывали, каждый в своей области. Так и скажи друзьям-художникам. За это время много чего наработано и изучено. В Индии, кроме моих гималайских картин, останутся и русские картины: "Александр Невский", "Ярослав Мудрый", "Новая Земля", "И открываем", "Борис и Глеб", "Нередица", "Новгородцы". Пусть и такие вестники русской Культуры живут. Здесь так много друзей всего русского! Да и везде их много. Блистательными подвигами Русь со всеми народами Союза показала всему миру, на какие высокие достижения способен народ. Мы были рады, что удалось и в Красный Крест вложить нашу лепту. Кроме того, Вашингтонское Посольство переслало в ВОКС мой манускрипт "Слава" в пользу Красного Креста, но о дальнейшем ничего не знаю.

Слушаем московские радио. Радуемся Твоим преуспеяниям. Как хорошо Ты сказал о культурности русского воинства. Воины — охранители Культуры — как это прекрасно! Елена Ивановна часто поминает Твою супругу — очень она ей понравилась — привет! Привет всем друзьям. Итак, помни, что мы готовы потрудиться вместе — клич кликните! Пиши и прямо: Наггар, Пенджаб, Брит[анская] Индия и через Америку — двойным путем вернее дойдет. Потрудимся во славу любимой Родины.

26 июля 1944 г.

Публикуется впервые

Спешно (01.08.1944)

Прилетело письмо Ваше с письмом И. Гр. Все это весьма показательно, и, вероятно, беседа с Базыкиным даст новые горизонты. Спешат события, и дозор особенно нужен. По письму Вашему видим, что Вы все это учитываете. Хорошо, что староселье отчалило. Никакой пользы оно не приносило. Только прочли, что хоршевскии покровитель не будет избран. Это тоже показательно — так и должно было случиться. Особенно нужно теперь наблюсти, чтобы при Уходе не произошло вредительства. Во всяком случае, вещи задвигались.

Хорошо, что Вы делаете постоянную выставку в помещении АРКА. Это еще больше централизует деятельность и дает Вам возможность новых бесед и сближений. Так и объясните, что это делается во благо. Конечно, при случае могут быть и выставки вроде устраиваемых нашей доброй Лерер, если они не вызывают особых трат и хлопот. Святослав пишет о своей выставке. Воображаем, сколько Вы имеете значительных местных сведений. Наблюдайте — все это показательно.

Русские победы прямо поразительны! Каждый день занимаются сотни мест — какая неистощимая энергия! Не было ли вестей от ВОКС? Странно, что из посещения Д. ничего не вышло. Странно, что Б.К. не воспользовался такой оказией. Послали мы телеграмму к столетию со дня рождения Репина — авось дойдет. События спешат. С прошлым письмом мы послали Вам инвойс и сертификат об оригинальности эскизов "Половецкого стана", засвидетельствованные местным магистратом. Теперь мы достали консульские бланки, заполнили их и послали в Бомбей через одного приятеля, там живущего. Просили, если консул подпишет, переслать воздушной почтой Вам. Посмотрим, как выйдет — бывает много рутины. Вообще эти злосчастные эскизы и здесь и у Вас только хлопоты причиняют. Будем надеяться, что в конце польза получится. Так же странно и с посылкою красок — ведь парсель[86] идет до 20 фунтов. Почему же в 18 фунтов не принимают? Глубоко понимаем, как Вам трудно на безлюдье. И даже те, кто мог бы сотрудничать, где-то за городом. Но события спешат, а с ними и многое поспешит. Хоть бы болезни Вас не тревожили!

Приветы всем добрым друзьям.

Сердечно…

1 августа 1944 г.

Публикуется впервые

Репин

В дни блистательных побед нашей Родины, в дни восстановительного строения, в дни новых великих достижений народов Союза приходит весть о чествовании столетия со дня рождения нашего славного художника Репина. Народы Союза воздают честь великому мастеру повсеместно, тем вписывают прекрасную страницу русской Культуры.

Каждому из нас от малых лет имя Репина было драгоценно. Каждая подробность его творчества любовно обсуждалась и запоминалась. Стасов значительно поднимал палец и внушительно твердил: "Гаршин — для сына Грозного". Не было дома, где бы не было воспроизведений картин Ильи Ефимовича. Это были не случайные гости, но народная гордость хранила бережно эти вехи жизни народа русского. "Бурлаки", "Не ждали", "Крестный ход", "Грозный", "Царевна Софья", "Запорожцы" — целый ряд творений, и каждое из них переворачивает страницу истории русского искусства. И сама творческая жизнь мастера, его уменье трудиться не покладая рук, его уход в Пенаты, его вегетарианство, его писания — все это необычное и крупное дает яркий облик великого художника. Толстой говорил: "Не могу молчать". Так же и Репин не мог молчать и брался за перо, чтобы сказать на общую пользу. Портреты Репина составляли целую историческую галерею.

Жаль, что в Париже остался превосходный карандашный портрет молодого Серова. Надеюсь, он сохранился, а хотелось бы иметь его здесь, в Гималаях. Много встреч было с Ильей Ефимовичем. Первая была в его мастерской у Калинкина моста. Повез показать ему эскизы и этюды. Ласковый мастер сказал многое доброе. В Академии шептали: "Сам Репин здесь". И вот в этом "сам" звучало высшее уважение.

Репиным была отображена атмосфера дома Толстого, и тоже сам великий глубоко говорил о Репине, когда Стасов и Римский-Корсаков свезли меня после моего "Гонца". Толстой спрашивал: "А Репин одобрил?" Хотел Илья Ефимович, чтобы я был в его мастерской, и Матэ передал мне об этом.

Не только в Академии, но и в Обществе Поощрения Художеств мы постоянно встречались. И опять пробегал шепот: "Сегодня доставили репинскую картину!" И бежали смотреть. Все чуяли нечто значительное. Когда-то на улицах Питера можно было встретить Пушкина и Гоголя, а теперь кивали друг другу: "Смотри, вон проехал Репин!" Когда пронеслась весть, что рука дикого вандала изрезала "Грозного", какое всеобщее негодование

вспыхнуло! Конечно, всюду имеются вандалы. Итальянцы жгли Леонардо. В Лондоне английская рука изуродовала картину Сарджента, в Париже француз изрезал Милле. Теперь немцы выказали зверский вандализм, уничтожая русские сокровища. Еще недалеко ушли люди от зверя.

Как прекрасно, что трудовые народы Союза почтили память великого творца! Почтили не только официально, но сердечно. Состав Комитета свидетельствует, как дружно сошлись лучшие художники и писатели, чтобы еще раз поклониться нашему великому русскому мастеру. Говорили, что Пенаты разрушены финнами и немцами. Отвратительны такие злобные, бессмысленные разрушения. Но русский народ создаст новые нерушимые пенаты.

В Гималаях сегодня мы побеседуем о Репине, помянем добром, скажем: слава великому художнику! Слава великому народу, хранящему свое культурное достояние!

4 августа 1944 г.

"Наш современник", 1967, № 7

(Было опубликовано с сокращениями)

Прекрасный путь

Слышится от лучших людей: "Единственный жизненный пример — Россия. У всех на глазах страна преодолела все трудности. Победила сильнейшего врага. Разрешила вопрос о безработных, о стачках. Излечила биржевую язву. Обновила религию. Помыслила о Культуре. Возвысила значение науки и искусства. Писатели уважаются. Артисты поднимают народное сознание. Труд оценен по качеству. Охранено народное здоровье. Усилено образование. Женщина возвышена и призвана к великой работе. Возвеличено материнство. Немедленно после изгнания немцев и их прислужников народ взялся за восстановление всех разрушений. Народ оценил свое славное прошлое. Народ вознес героев своих. Народ выказал истинную любовь к своей Родине. Народ явил высшее самопожертвование. Подвиг, славнейший русский подвиг, вписан во всемирную историю. Народы пойдут за примером Руси, ибо народ огненно запечатлел подвиг труда и славы".

Много восторженных оценок высказано за это время. Поистине, русский великий подвиг всемирно показал, какие достижения возможны в жизни, на глазах у всех. Не отвлеченные конференции, не мертворожденные постановления, но жизненная очевидная победа увенчала народ русский.

Пришло время пересмотреть, где истинные друзья, всегда понимавшие русские народные сокровища, а где подхалимы, в силу необходимости преклонившиеся перед русскою мощью. Легко теперь уверовать в русскую наглядную всем победу. Но не ценно такое запоздалое уверование. Крепка та дружба, которая явлена в самые трудные дни. А ведь тогда маловеры ожидали разгром. Сколько было позорных шепотов и разговорчиков предательских!

Легко теперь веришь в русскую победу, когда наше воинство прошло победно от Сталинграда, от Грозного до Варшавы. Прикиньте этот путь на Запад от Варшавы и подумайте, куда упадет конец циркуля. Какие грозные бои, сколько сопротивления сломлено! Сколько труда самоотверженного, безымянного положено во славу великой Родины! Прекрасен путь народа русского.

8 августа 1944 г.

"Аврора", 1970, № 5

Шестой год

Писем Ваших за это время не было. Вообще уже более недели у нас не было ни почты, ни телеграмм. Прямо водное бедствие — на дороге неслыханные обвалы, снесено тридцать два моста, а далее три железнодорожных. Убиты люди и животные. Говорят, что даже временные исправления потребует не менее месяца. Дошло ли мое письмо в Карачи для консула? Не могут Вас притеснять со сроками, когда происходят такие бедствия. Что поделаешь, когда почта скончалась. А ведь городские жители и не представляют себе таких негаданных бедствий. За наше время здесь ничего подобного не случалось. От Рокфеллеровского Музея прислали просьбу о пожертвовании. Если уже Рокфеллер просит о пособии — такое особенно забавно.

С эскизами волокита продолжается. Бомбейский консул отказал, теперь мы послали в Карачи — вот тоже напасть! Бомбейский консул нашел причину своего отказа в том, что Наггар принадлежит к Карачи. Консул неправ, ибо мы всегда посылали картины через Бомбей. Посмотрим, что выдумают в Карачи. Любопытно, что понудило староселье именно теперь отчалить? Факт хороший, но почему посреди лета? Нет ли в этом чего-то показательного? Не знаем, дошли ли наши телеграммы в Москву к репинскому столетию и к Грабарю. Назад не вернулись. Впрочем, теперь многое, даже заказное, назад не возвращается, но и ответа нет. Не знаешь, где и что пропало?!

Если Мясин захочет фотографировать эскизы — разрешите, но тогда нужно стекло снять и фильмы ортохроматические. У нас здесь таких фильм уже давно нет. Не раз слышали: "Отчего не снимите хороших фото с картин?" Сами знаем, насколько картина искажается скверными снимками, лучше и вовсе не снимать. Но ведь в наших горах нет ничего, да и в городах здешних фотографы неудачны. Постоянно слышим — нет ли фото с последних картин, а где их взять? Воображаю, сколько у Вас сведений о хоршевском покровителе, ведь и Жин может о нем слышать, да и сказать. Теперь столько поворотных рычагов задвигалось — только усмотреть. В Археологическом институте были две моих картины — "Три меча" и "Менгиры". Так как там, наверно, публика археологическая, то попросите их к себе на выставку, а там, может быть, у Вас и останутся. Мои листы "Подвиг", "Крылья победы", "Сибирь" идут в южно-индийской газете — так расходятся добрые слова о русском народе и творят новых друзей. Непонятно, почему Вы не получаете сведений о "Славе"? Если, по нынешним обстоятельствам, ее не могут

печатать, то нужно известить. Может быть, мы могли бы издать ее в другом месте! "Слава" для доброго дела предназначена. Придет к Вам эта весточка уже на шестом году войны. Подумать только, что пойдет шестой год человеческого братоубийства! Но пусть это будет последним годом. Пусть Вам будет получше среди всех трудов и треволнений. Да будет Вам хорошо! Да будет миру хорошо!

15 августа 1944 г.

Публикуется впервые

Срывы

Когда Третьяков купил "Гонца" и узнал, что эта картина является частью целой серии "Славяне", он просил прежде всего показать ему остальные. Не суждено было — через год он умер.

Этюды русской старины были приобретены Государем для музея. В тот же день началась японская война и все отложилось. Жаль, памятки о наших народных сокровищах были бы очень уместны. Ведь тогда еще не было принято ценить народное достояние.

Не состоялась роспись в Пархомовке — теперь часть эскизов в Лувре. Из-за войны немецкой прервалась роспись в Талашкине. Из-за безденежья остановилась раскопка новгородского кремля. Из-за банкротства С. не состоялись панно в Лондоне. Из-за банкротства Бичама лопнули "Царь Салтан", "Садко", "Золотой петушок".

Не состоялась большая выставка в Малом Дворце Искусств в Париже, предложенная муниципалитетом. Это уже по нашей вине — спешили в Индию. Из-за отъезда в Монголию расцвело жульничество Хорша. Не состоялась уже объявленная Брентано монография, составленная Коганом, не знаю, по чьей вине. По злобе Коровина не вышла "Валькирия" в Мариинском Театре. Пришлось отнять эскизы к "Мален" в Москве, иначе вообще могли пропасть. Серов хотел купить "У Дивьего камня" для Третьяковки.

Можно вспоминать многие срывы. Многое полезное не состоялось по разным причинам. Вот и теперь знаем ли мы, что с музеем в Брюгге, что в Праге, в Белграде, в Загребе, в Париже, в Риге? А ведь в Риге было сорок шесть картин и склад книг. Может быть, какой-нибудь немецкий Маслов уничтожил все, как случилось в Ленинграде с "Керженцем" и с "Казанью". Прямо непонятен этот дикий вандализм над народным достоянием. "Керженец" и "Казань" были неплохи, были одобрены в Швеции и в Париже. Дягилев писал, что много раз по желанию публики поднимали занавес — еще раз посмотреть на "Керженец". И вдруг после одобрений — вандализм! Дико! Живы ли эскизы к "Керженцу" и к "Казани", бывшие в Правлении Московского-Казанской дороги? Грабарь пишет, что наше собрание картин поступило в Эрмитаж. А как же один американец купил в Вене у антиквара нашего "Дрохолота"? И не запомнить теперь всех — около пяти сотен. А где двенадцать картин, присланных нами из Сердоболя? А где восемь картин, привезенных нами в Москву в 1926-м? А где "Змей" из Музея Академии Художеств? А где девять картин из Музея Общества Поощрения Художеств? Много чего.

"Небось, очень жалеете о срывах?" "Жалеть — не жалею, но удивляюсь".

"Беда не приходит одна, ну да ведь и счастье не ходит в одиночку".

20 августа 1944 г.

Публикуется впервые

Битва

Один здешний автор С.Д. пишет:

"Наверно, я не знаю многого из жизни Р.[87], может быть, не знаю большей части ее, но и то, что знаю, говорит мне, что жизнь Гурудева есть постоянная, нескончаемая битва. Р. умеет оборонять высокие идеалы и, обороняя, переходит в наступления, выигрывая свои культурные сражения.

Ни годы, ни сложные обстоятельства не уменьшают творческую энергию мастера. Он умеет ждать, он полон терпения, чтобы тем полнее отразить вражеские нападения. Клевету он отбивает мастерскими, убедительными примерами своего труда.

По-видимому, нет дня, когда бы Р. не трудился, не создавал чего-то прекрасного и полезного. Он знает твердо, что земная жизнь есть непрестанная битва. Мастер претворяет в действительность завет: "Благословенны препятствия — ими мы растем".

Автор сказал о битве правильно. Всю жизнь боролись и бились. Победы давались нелегко, но тем они были нам ценнее. Автор многого не знает и не может знать далекой борьбы. Да и свои-то авторы вследствие многих наших странствий тоже не могут усмотреть весь путь.

Странно, всегда мечтали о мире, о мире всего мира, а жизнь вела битвами, какими разнообразными битвами! Иной раз казалось, неужели нельзя было обойтись без того или иного сражения? Но нет, ведь не мы искали битвы, а она надвигалась неизбежно. И как говорил один наш друг: "Нужно защищаться".

Одна оборона бессильна, значит, приходилось наступать и действовать. Наверно, благословенно это действие, когда, подобно Дмитрию Донскому, можно ответить Преподобному Сергию: "Все средства к миру исчерпаны". И ответ был: "Тогда победишь!"

Чего только не было! Всякие враги нападали, всякие грабители ограбляли, угрожали, разрушали. И опять битва становилась неизбежной. А злоречие-то! А зависти-то, зависти сколько! Правильно Бальзак заметил: "Как объяснишь существование зависти? Порока, не приносящего никакой выгоды"! А клеветы, клеветы-то сколько! Однажды Куинджи сказал клеветникам: "Сами не замечаете, как сделали Р. не только всемогущим, но и вездесущим".

Лучше и не вспоминать. Сколько раз говоришь себе — не вспоминать о былых битвах, а вот объявится писатель и снова к слову придется. Нужно смотреть лишь вперед. Смотреть зорко и

радостно. Кладоискатели учили: "А будешь брать клад — не оборачивайся".

24 августа 1944 г.

Публикуется впервые

Поспешим

От Вас не было вестей, впрочем, последнее письмо было от 28 Июня — значит, и следующего еще не могло быть. Дни полны событиями. Развязка войны приблизилась. Значит, и новое будущее приблизилось. И в самые трудные дни будем твердо мыслить о светлом будущем. Мы всегда о нем знали.

По-видимому, консул в Карачи даст инвойс, и пакет будет Вам послан воздухом прямо из Карачи. Заказным пакетом я выслал Вам пять листов (декорации и костюмы) к "Весне Священной" для Мясина. Прилагаю здесь копию моей декларации — может быть, она Вам потребуется. Вы писали, что менее ста долларов не нуждается в консульском инвойсе — значит, теперь инвойса не нужно. На почте пакет приняли без возражений — будем надеяться, назад не вернется.

Когда будете передавать Мясину "Весну", напомните ему, что идея этого балета была моя, и потому я получал в Париже гонорар не только как художник, но и как либреттист. Последний такой гонорар получил в Париже по моей доверенности Святослав. Как Вы знаете, "Весна" посвящена мне, так значилось и на нотах. Все это любопытно, ибо впоследствии Стравинский где-то писал, что всю идею этого балета он задолго видел во сне. Вдова Нижинского где-то уверяла, что Нижинский видел ранее во сне этот балет. Итак, получилось какое-то таинственное царство "снов". Вот как бывает! В моем записном листе "Зарождение легенд" я вспоминал эти житейские курьезы. Но не мешает напомнить Мясину истину — может быть, он под каким-то ложным впечатлением. Само собой разумеется, что я тревожу старые воспоминания лишь ради истины, а вовсе не для гонорара либреттиста. Вероятно, Мясину для Мексики потребуются правильные биографические сведения, пожалуйста, дайте ему.

Из Аллахабада сообщают, что они готовы немедленно издать "Химават", если только удастся достать разрешение на бумагу. В отчете АРКА можете помянуть, что в прессе Индии прошли мои следующие статьи, посвященные русскому народу: "Подвиг", "Киев", "Новгород Великий", "Горький", "Толстой и Тагор", "Напутствие" (Гоголь), "Пушкин", "Россика", "Русская женщина", "Талашкино", "Державин", "Мусоргский", "Дягилев", "Театр", "Культура", "Московский художественный Театр", "Станиславский", "Монголия", "Любители искусства", "Подземные сокровища", "Крылья Победы", "Сибирь", "Слава", "Русское искусство". Все эти очерки появлялись в различных изданиях, а иногда по два, по три раза, и таким путем множество читателей

было осведомлено и творились друзья русского народа. Ведь Культурная ассоциация должна проявляться повсюду. Пусть верные зерна дают добрый урожай! Посылаю Вам прекрасную статью Ильи Эренбурга ("Правда") "Мысли о будущем". Все мы порадовались. Тоже пригодилась бы она для АРКА. Вот нашей милой Валентине перевести бы ее! И в Америке и в Индии такая статья принесет много пользы. Знают ли люди о постоянной выставке в АРКА? Новые друзья придут. Был ли Базыкин? Впрочем, у них теперь столько заседаний и комиссий! От Б.К. по-прежнему ни слова. Неужели визит Д. пропал без пользы? Как у Вас-то? Думаем и жалеем. Но события поспешают. Да, да, да, скажите друзьям наши душевные приветы.

[1944 г.]

Публикуется впервые

Преодолевайте

Спасибо за Ваше письмо от 5 Августа. На каждом моем письме я помечаю числа Ваших писем, и таким образом Вам легко судить, все ли Ваши письма дошли. Но срок оборота писем очень велик — от трех до четырех месяцев — принимайте это во внимание. Вы получили нашу телеграмму с приветом Кусевицкому к его семидесятилетию — значит, мы ровесники. Там же сообщили мы о том, что пресловутые, инвойсы, наконец, высланы воздушной почтой шестого Сентября из Карачи Вам. Будем надеяться, что дойдут вовремя; во всяком случае, телеграмма о высылке их — уже доказательство. Прилагаю на всякий случай и заверения нашего магистрата об эскизах "Весны священной", хотя, как Вы ранее писали, они и не потребуются. И эта посылка не без хлопот. Пакет вернули из Бомбея с требованием прислать удостоверение от торговца (дилер) — такая чепуха! Наш бедный почтмейстер совсем с толку сбился, посылая взад и вперед оборванные, грязные пакеты. Неужели опять вернут?! Наверное, Мясин не представляет себе все эти нелепые затруднения. Мало того, что сделать эскизы, мало того — заплатить за посылку, но еще нужно претерпеть всякие необъяснимые нелепости! Спрашивается, причем тут торговец-дилер!? Вот и холст от Муромцева все еще не пришел, а ведь сколько месяцев уже прошло! Не пропал ли?!

Радуемся Вашим сведениям об АРКА — истинно, полезная, добрая, хотя и каменистая пашня! Конечно, полезно включить издательницу "Туморро" в число поч[етных] советников, но сочувствует ли она? Столько всяких праздно болтающих, а как только дойдет до дела, все они прячутся по своим норкам. Попытайте! Сколько сейчас личностей, которые сейчас якобы выказывают дружбу ко всему русскому, но в глубинах своих шепчут иначе. Всяко бывает! Вы, вероятно, читаете журнал "Тайм" — много любопытных осколков. Видели ли от пятого и пятнадцатого Мая? Из ТАССа получили мы "Известия", "Правду", "Красную Звезду", "Журнал Московской Патриархии" и "Славяне". Может быть, и АРКА получает эти материалы? Рано или поздно ВОКС должен Вам ответить о "Славе". Интересно, что Б.К. давал кому-то читать часть этих статей и писал, что эти читатели были в восторге. А ведь он знал, кому давать. Куда же теперь Б.К. пропал? Хорошо, что напоминаете о нем Валентине — привет ей! Итак, "пер аспера ад астра" — преодолевайте и восходите. Спасибо Жину за весточки. Преборит жена его нездоровье. Всем друзьям сердечный привет. Неустанно будьте на дозоре. Дни

событий!

15 сентября 1944 г.

Публикуется впервые

Знамя Мира (24.09.1944)

Книга о Знамени Мира в серии "Библиотека Нового Мира" начала свое хождение. Неожиданны будут пути ее. Вся история этого движения полна неожиданностей. Кто-то проследит эту историю не только по существу идеи, но и по продвижению в разных странах.

Вот на третьей Конференции в Вашингтоне единогласно подписались представители всех тридцати шести участвовавших стран. Затем окончательно закрепили участие в Белом Доме под председательством Рузвельта двадцать две американских республики. Наш французский Комитет писал Председателю Верховного Совета СССР.

В истории движения нужно проследить нарастания, начиная с 1904 года. Все время в журналах, в газетах, в речах обсуждалась идея охраны культурных ценностей. Так шло до 1929 года, когда были предприняты международные меры. Значительны были конференции в Брюгге и в Вашингтоне в 1931, 1932, 1933 годах. Помимо этих конференций, все время шла усиленная переписка. Во многих странах крепло сочувствие.

Все это для летописца показательно. Конечно, кое-кому не по душе было, что идея изошла от русского. А ведь с 1929 до 1939 года до Армагеддона было достаточно времени, чтобы укрепить наш Красный Крест Культуры. Подумайте о жестоких непоправимых разрушениях по всему лицу Европы. В течение войны было много запросов о судьбе договора. Невольно вспоминались благожелательные беседы. Вот президенты Пуанкарэ и Думерг, маршалы Лиотэ и Франше д'Эспере, генерал Гуро, профессора международного права Лапрадель и Лефюр, Масарик, Метерлинк, много опытных деятелей понимали идею, сочувствовали. Как-то будет нынешнее поколение?

Летописцу Культурного движения важны все перипетии. Большой психологический эксперимент. Любопытные наблюдения над человеческим здравомыслием и над людским невежеством и безмыслием. Глубокий опыт для внимательного наблюдателя. А пока еще бомбы сыпятся с неба и гибнут творения гения человеческого. Вот Красный Крест Культуры опять продолжает скорбное свое хождение. Хождение по мукам!

Говорят, что после Армагеддона будет установлен такой прочный мир, что война не будет возможна. Допустим. Но еще некая война неизбежна: война знания против невежества.

Газеты сообщают, что крыши Папской летней резиденции Кастель Гандольфо были ярко окрашены, чтобы предотвратить

бомбардировку. Значит, приходят к нашей идее. Когда есть доброе желание, тогда и возможно. Вот Рим, Флоренция, Сиенна уцелели, ибо нашлось доброе желание не разрушать.

Сейчас пришло время многих перемирий и мирных договоров. Пусть в каждом из них будет отведено место о возмещении культурных ценностей. Пусть не только украденное будет отдано в целости, но и поврежденное будет возмещено. В Германии, в Румынии, в Финляндии, в Венгрии — повсюду много художественных ценностей, и народы должны расплатиться ими за свои вандализмы.

"Красная Звезда" от 29 Февраля 1944 г. рассказывает о разрушениях и разгромах киевских культурных сокровищ — соборов, музеев, книгохранилищ. Германия и ее сотрудники должны не только вернуть все похищенное, но и восстановить все в прежнем виде, даже вырезанные фрески должны быть поставлены на прежние места, теми же руками, которые гадили и обезображивали. Нагадившего щенка суют мордою в его "деяния".

Во всех договорах должно быть повелительно сказано о возмещении культурных ценностей. Велико будет воспитательное значение, когда народы услышат властное слово об охранении их культурного достояния.

Именно теперь должен зазвучать приказ о Культуре. Мир, Великий Мир живет там, где обитает истинная Культура.

24 сентября 1944 г.

Публикуется впервые

Скоро

Пришло письмо Ваше от 12 Августа. Теперь Вы уже знаете, что инвойсы и свидетельство об оригинальности Вам высланы и от консула и от магистрата. При этом консул письменно заявил, что в случае суммы, меньшей ста долларов, никакого инвойса не требуется — заявлено письменно. Валентина прислала свои отличные статьи. Она талантлива. Привет ей душевный — сеет добро, а в этом сейчас такая нужда. Вот если бы она жила от Вас поблизости!

Наша милая Магдалина Лерер прислала к моему рождению трогательное письмо с очень хорошим воспроизведением Майтрейи. Оказывается, она хороший график. Передайте ей наш сердечный привет: вся моя американская корреспонденция идет через Вас. Магдалина сообщает, что композитор Льюранс посвятил мне свое последнее произведение и посылает его. Наверно, ноты идут пароходом, и нельзя ждать их скоро. Вот и холст от Муромцева все еще не дошел. Последний номер "Тайм" пришел в миниатюрном виде — значит, везде не хватает бумаги. Здешние журналы тоже усохли до неузнаваемости. А ведь это знак печальный — война идет к концу, а тут и культурные проявления тоже пошли к концу! Казалось бы, тут-то о Культуре и вспомнить, а между тем она-то и усыхает. Конечно, война всюду внесла одичание, но всеми лекарствами нужно бороться против такой опасной эпидемии. Человек так склонен к одичанию. Прискорбно! Сколько же миллионов лет еще должно пройти, чтобы сознание человеческое окультурилось? Кроме дикости, еще вспыхивает изуверство. Такая эпидемия очень губительна.

Культурные ячейки — как малые островки среди бурного океана. Того и гляди, что зальет и смоет достижения. Помните, как во время одного землетрясения в Японии остров со старыми храмами окунулся в пучину и вынырнул голый-преголый. Ничего не осталось! Хорошо, если уцелевший человек умеет смотреть лишь вперед. Опять-таки "благословенны препятствия — ими растем".

Через все океаны чуем, как Вам нелегко. К тому же все сотрудники иногородние, а письмами не всегда удастся сообщиться. Да и все ли умеют отвечать немедленно? Нередко даже у хороших людей письма-ответы залеживаются. Но все это надо преобороть. Иногда кажется, что говоришь, как в подушку, и никто не слышит. А потом вдруг окажется, что ветер унес зерна далеко и взошли они в самом нежданном месте. Жизнь! Псалмопевец сказал: "Очи мои возвожу к горам, откуда придет

помощь моя". Да — от гор! Иногда мы толкуем: от кого из друзей из освобожденных стран придет первая весточка? Думаем, от того или от другого. А на деле, может быть, от совсем неожиданного. Сейчас опять вернулись из Бомбея злосчастные эскизы "Весны священной" с требованием удостоверения от какого-то мифического торговца (дилера). Вернулись в изодранном виде. Прямо сумасшествие какое-то! Вот вам и Культура! Опять прибрали мы пакет и послали в Бомбей одному приятелю, чтобы он лично побывал в "учреждении" и попытался уладить всю нелепость. Сколько людей приходится беспокоить, сколько переплачивать — наверно, Мясин не воображает, через какие ущелья нелепости проходят безобидные эскизы. А вернулся пакет в таком ужасном виде, что даже доска была расколота. Прямо беда, точно через лапы вандалов прошел!

А события так и спешат! Индийская Академия искусств и литературы просила меня вступить в нее. Полагаю, что сейчас все культурные силы должны объединиться для борьбы против невежества. Так и Вы, все наши милые, всеми силами поддерживайте светлое единение. Да будет Вам хорошо! Радуюсь директорству Мясина. Пусть и еще подойдут даровитые люди. Пусть жалкие злопыхатели гибнут в своем яде. Добро всегда победит. Добро не тлеет, правда не ржавеет.

Прилетела Ваша добрая телеграмма. Книги вышли удачно, глазная операция удачна. Пусть всюду будет удача.

Сердечно…

1 октября 1944 г.

Публикуется впервые

Холст

Сейчас пришли два пакета с холстом. Холст хороший. Большое, большое спасибо. Не знаем, сколько он стоит. Будьте добры, сообщите. Право совестно, что из-за куска холста приходится беспокоить, но положение таково, что каждая малость стала недосягаема.

Вот посылка маленького эскиза, кроме цензуры, требует еще особое экспортное разрешение, а теперь еще новость: на посылке должна быть печать от банка. Что общего между рисунком костюма и банковской печатью?

Особенно обидно, когда всякие затруднения пресекают Культурную деятельность. И без того война внесла столько одичания, а тут еще каждое культурное проявление усыхает. А каково все отражается на молодежи! Каждая болезнь истощает надолго, а тем более болезнь Культуры залечивается трудно. Долго я был в школьном деле и знаю, что малейшее понижение уровня уже трудно побеждаемо.

Переживем! Трудимся, насколько обстоятельства позволяют. Как хорошо, что Вы все работаете на культурной пашне. В работе забываются всякие тернии. Обидно, что переписка с Москвою так затруднительна. Непонятно, отчего письма от Б.К. прекратились с конца 1942-го. По последнему письму было ясно, что через несколько дней последует продолжение, и вдруг все пресеклось. Казалось бы, что победное шествие русского войска должно лишь облегчать сношения с союзными странами, а на деле выходит как-то иначе. Конечно, все мы знаем лишь радио и газеты, а жизнь так сложна.

Краски оказались масляные, а я для темперы употребляю лишь в порошке. Масляные пригодятся Светику. Вот если бы еще один такой же кусок холста! Помечайте, от которого числа доходят весточки, чтобы знать, не потерялось ли что-нибудь. Каждое Ваше письмо читаем и перечитываем — радость! Пусть Галя по-русски пишет. Как здоровье Касатика? Крепко Вас всех обнимаем — еще раз спасибо.

6 октября 1944 г.

Публикуется впервые

Не болей!

"Не болей! Придется для Родины много потрудиться".

Вот уже более полувека это напутствие[88] звучит. Так ясно помню залы Академии и густую толпу народа. Он все же увидал и через головы властно приказал. Он умел мощно послать благой приказ.

Вот и трудимся. Все мы трудимся именно для нашей любимой Родины. Знаем, что такие труды не по сердцу многим, не любящим народ русский. Немало претерпели мы всяческих козней. Но ведь и враги полезны. Они — как точило для меча. А то чего доброго еще заржавеет оружие.

И болезней за полвека было немало. Пугали тяжким исходом, но приказ звучал, и воля не ослабевала. А сколько опасностей было пройдено! И тонули и замерзали — чего только не было. Но воля не ослабела. А сколько клеветы и вражеских подкопов ограблений, но воля не слабела. Шли трудными перевалами. Иногда казалось, что уже не взойти выше, но высота оказывалась преодоленной. Иногда на узком карнизе над пропастью скала словно бы отталкивала от себя, но все же шли, и карниз оставался позади. Кружилась голова в реке с быстро мчавшимися льдинами, но смотрели поверх в спасительную даль.

На всех путях встречались добрые люди. Сами подходили — добром поминаем. В странах, претерпевших от нашествия, живы ли друзья? Привет им! В Праге на картине "Св. Сергий" была надпись: "Дано Преподобному Сергию трижды спасти Землю Русскую. При князе Дмитрии, при Минине и Пожарском и теперь". Перед самым нашествием друзья сокрыли эту надпись и в последнем письме известили об этом сокрытии. Теперь скоро откроют, если только вообще что-либо уцелело от вандалов. Сергиевы картины в Чехословакии, в Югославии, в Америке, в Индии.

Отстоял народ русский и свою землю и земли многих народов. Славянское братство, еще недавно забытое, опять ожило. Не болей. Превозмогай, чтобы увидеть дни великие. Да будет!

9 октября 1944 г.

"Московский комсомолец",
8 октября 1969 г.

Вперед (15.10.1944)

Спасибо за письмо от 31 Августа. Много в нем неожиданностей. Какая именно болезнь Б.К.? Не сообщит ли Д., в чем дело? И с какого времени Б.К. в госпитале? Удивителен эпизод с Валентиною. Все это печально! Может быть, были и какие-нибудь иные причины? Общество А.Й.[89] начните спокойно. Пусть приходят — беседуют без хлопот. Жалеем о Ваших сведениях о Мур[омцевых]. Ничего не поделаешь.

Получены два пакета холста от Муромцева. Большая радость. Холст хороший, очень пригодится. Взяли 41 рупию за пошлину, какая же цена самого холста? Напишите. Краски оказались масляные, а я употребляю для темперы в порошке — эти Светику для масляных картин будут хороши. Если бы Мясин заплатил — можно за холст отдать. Отсюда денег невозможно переслать.

Получено разрешение на издание "Химават". Условия следующие: 1. Печатать не более тысячи экземпляров. 2. Книга должна содержать не более 350 страниц. 3. Страница не более как 5 1/2 на 3 1/2. Такие условия еще при пожертвовании Р[усскому] Красному Кресту. Далеко не уедешь при таких ограничениях. Наверно, кое-что придется и сократить. Спрашивается, в какой части книги делать вивисекцию? Из "Россика"? Из "Химавата"? Из "Мир через Культуру"? Из "Искусства"? Пожалуй, опять искусство пострадает, часто этим кончается. Нужно помянуть, что и такое разрешение было дано по личной любезности.

При Десаре (осеннем празднике) ряд статей появился. В "Свободной Индии" — "Сокрытые сокровища", в "Хиндустан Стандарт" — "Любители искусства", в "20-м Столетии" — "Судьба", в "Заре Индии" — "Письмена Азии". Так и в трудные для печатного слова дни все-таки звучит зов о Культуре. Второе издание Конлана сейчас напечатано. Вещь в сто страниц печаталась с Марта. Может быть, Вам удалось узнать что-нибудь о "Славе"? Грабарю я напоминал о ней, но неведомо, дошло ли мое письмо. Вот уж подлинно: "тесна моя улица". Маленькие монографии "Корона Мунди" еще не получены. Наконец, получилось уведомление из Бомбея — экспортное разрешение на посылку эскизов получено, но теперь новая нелепость! Банк должен поставить свою печать на пакете. К чему? Это уж вроде "сатанинской печати". И когда человечество изживет этакие нелепости! Эскизы балета под печатью банка!! "Весна Священная" и бухгалтерия! Ведь какие люди даже не поверят! "И смех и слезы"!

В вихре жизни все нежданно. Самые неожиданные газеты

отметили мое семидесятилетие. Радуемся, если Вам удастся хоть несколько дней отдохнуть. Надеюсь, что ВОКС когда-то ответит на Ваши вопросы. Привет сердечный друзьям.

15 октября 1944 г.

Публикуется впервые

Подивитесь

Прочтите статью Крымского о пан-турецких вожделениях. Вспомните, что сие началось с "легкой" руки Мольтке уже век тому назад. Вспомните, как умный Кемал остерегал своих неразумцев от таких гибельных увлечений.

Подивитесь, что еще сейчас, в прошлом году, вопреки событиям Турция допускает непотребные печатные словеса. Не боится последствий. Не стыдится, что соседи прочтут эти угрозы. Точно бы Турция не дорожит добрососедскими отношениями.

Не делаю выписок из статьи Крымского ("Большевик", Июнь 1944) — сами прочтите и подивитесь. Где же ты, мир? Великий творческий добрый мир? Где же соизмеримость? Где же Культура? Пора из-за кустов лес увидать. Всякие обветшалые понятия пора отставить. Иначе в чем же будет заветное "вперед", о чем так много говорится теперь?

Не в машине одной, не в долларе-идоле, не в крахмальном вороте, но в пан-человеческих отношениях забрезжит доброе будущее. Не туркам бы говорить. Не задираться бы им, получившим драгоценный дар — Чарокский край, Каре, Ардаган… Ведь дары не должны быть опорочены. Каждое право утверждает последствия опорочения дара.

Нельзя сетовать лишь на некую неразумную кучку. На что же тогда правительство? Или оно негодно в своей слабости или оно потакает безумцам? Только теперь турецкое правительство начинает арестовывать безумцев. Не поздно ли? От всяких конференций не продохнуть, а воз Культуры и поныне там, где был.

Много косогоров, луж и выбоин! Путники помогают друг другу среди трудностей пути. На ночлег даже случайные сопутники стараются мирно устроиться.

Еженедельник "Вся Индия" просил весть к их годовому выпуску. Послал наш старый девиз о культурных ценностях и приписал: "В лучах благословенного будущего брезжит великий мир. Но мир живет только там, где обитает истинная Культура. Друзья, отставьте все воспоминания прошлого и воскликнете вместе с героическим русским народом: "Вперед! Вперед! Вперед!"

20 октября 1944 г.

Публикуется впервые

Ладно ли?

За эти недели Ваших вестей не было. Не удивительно, ведь почта так нерегулярна. Пробую послать Вам Конлана и Тампи — насколько удастся, не знаю. Опять побеспокоил друзей. Даже странно подумать, что из-за такого пустяка приходится громоздить "Оссу на Пелион". В "Тайм" сообщалось, что Сааринен открыл в Мичигане Академию Искусств. Любопытно бы знать размеры ее и кто участвующие? Как архитектор он очень известен. Также сообщалось, что на аукционах прошли многие итальянские картины. Не слыхали ли, какие именно? Вообще "Тайм" дает немало интересных сведений. Вероятно, Вы его читаете. Там же мы прочли о позорном провале Уоллеса. Кажется, ни один из вице-президентов не бывал отставлен с таким скандалом. Последите о последующем. Там же мы узнали о новом неотражающем стекле. Что это такое? Для картин это была бы огромная находка.

Музей Модерн-искусства прислал свои чудачества. Что за люди там засели? Посылаю для Вашего архива копию письма Нандалала Боше — он лучший художник Индии. Наконец, вышло второе издание Конлана. В калькуттском журнале "Искусство и Культура" были отличные рецензии и на Тампи и на Бабенчикова — все это было бы полезно для Вашего архива. Пришли шесть маленьких монографий — большое спасибо. Если их много, вот бы еще дюжину получить. Здесь они очень пригодятся. Впрочем, и у Вас, наверно, они идут.

Что же в Риге? Ведь там и картины, и книги, и целый ящик клише из Нью-Йорка. А где все друзья? Имеете ли новые материалы для АРКА? Неужели отсутствие ответов нужно объяснить беспорядком? А между тем обстоятельства все усложняются, и Вы, наверно, это чуете. Вот уже и снег на горах. Пока что осень гораздо холоднее прошлого года. По утрам 44°. Еще одна военная зима — эта уже последняя. Валентина пишет, что ее муж будет заходить к Б.К. и сообщать о здоровье. Спасибо за это внимание. Бедная Валентина, у ней у самой столько тяжких переживаний!

Как здоровье Спенсера? Где он теперь? Вспоминаю, как он однажды в подземке услышал рядом знакомые имена. Оказалось, что два бандита толкуют о том, что публика слишком любит наш музей и необходимо отвлечь ее от музея. Этакие мрачные бандиты! И не знали они, что школьник слышит их темные замыслы. Какой широкий заговор заваривался против русского дела! Еще Бринтон предупреждал не верить искренности неких

личностей и некоторых художников. Бандиты действовали, а друзья помалкивали да стеснялись. Вы были свидетелями, как безобразие совершалось. И теперь бандиты могут опять окрылиться. Необходимо досмотреть.

Долетит к Вам эта весточка уже зимою, пожалуй, к Рождеству. А за этот полет столько событий произойдет. Да, да — тяжка война, но еще тяжелее "шапочный разбор". Заходят ли в АРКА новые? Или уже усыхает внимание? Все мы трудимся. Послал Конлана в Москву — только дойдет ли! Пусть будет у Вас все ладно. Друзьям — душевный привет.

1 ноября 1944 г.

Публикуется впервые

Мясин

Пишет Мясин:

"Дорогой Николай Константинович,

Сердечно благодарю Вас за присланные эскизы "Князя Игоря". Для меня был большой праздник получить их. Золотая гамма неба прекрасна, она горит торжеством России, отражаясь на глубоких тонах непреклонных половцев.

Я убежден, что возобновление этого балета в таком прекрасном толковании его явится искренней радостью для всех тех, кто знает и умеет ценить настоящий русский балет.

Теперь у меня явилось сильное желание возобновить также "Весну Священную". Моя первая мысль была воспользоваться материалом, который был сделан в 1929 году Лигой композиторов, но, к сожалению, его больше не существует.

Могу ли я попросить Вас сделать новые эскизы? Если это возможно, я бы хотел иметь лишь одну декорацию и несколько эскизов мужчин, женщин, девушек и избранницы.

Я планирую сделать эту постановку летом 1945 года, и если бы я мог получить Ваши эскизы в будущем Мае, было бы чудно. Как и для Игоря, так и для этой постановки я позабочусь о деловой стороне в момент ее выполнения.

Глубоко признательный Вам, Леонид Мясин".

Прекрасно, если Мясину удастся возродить дягилевский балет. Сейчас Мясин завоевал прочное положение, и ему доступно созвать полезных деятелей. В дни трагического "шапочного разбора" искусство должно сказать повелительное слово. Уже полпоколения земля нервничает и дичает в Армагеддоне. Культура изуродована, творчество пресечено. Нельзя думать, что сперва можно отравить человека, а потом преподать ему основы Культуры.

Положение таково, что печатное слово замирает, издания усыхают, и все поступательное считается несвоевременным. По старой поговорке — "судьба книги претворяется в голове читателя". Но если на темя читателя дом обрушился, то и судьба сложится особая. Пусть героическое творчество напомнит человечеству о мире, о великом мире, живущем там, где обитает истинная Культура.

Привет Мясину.

8 ноября 1944 г.

Публикуется впервые

Хорошо ли?

Спасибо за письмо от 23 Сентября. С ним вместе пришло письмо от 3 °Сент[ября] о нелепых трудностях с эскизами. Надеемся, что Вы вовремя получили консульские инвойсы, посланные воздухом из Карачи. Прилагаю при сем подлинное письмо консула Мэси, из которого ясно видно, что для пакетов стоимостью менее ста долларов консульский инвойс не нужен. Свидетельство об оригинальности Вам было послано.

Как хорошо Зина говорит, что лишь в труде можно преодолевать всякие смутные настроения. Труд — святое дело. Можно" удивляться, что ВОКС не пишет и не отвечает на Ваши определенные вопросы. Ведь ВОКС так одобрял деятельность" АРКА. В чем же дело? Без новых материалов Вы, конечно, не можете давать новые выступления. Для постоянной выставки АРКА ценно все новое, иначе и приток посетителей иссякнет. Удивительно! В "Дейли Миррор" несколько любопытных черточек текущего безумия. Податной инспектор запрашивает палача о предполагаемом доходе от казненных! Пожалуй, первый раз в истории.

Справедливо Джине замечает, что нынешняя цивилизация сама себя пожирает. Об уродствах "цивилизации" много раз приходилось писать. Да и о массовых эпидемиях безумия. Вот немцы со своим "гениальнейшим всех веков и народов" Гитлером разве не умопомешательство? Все эти чудовищные суперлативы и неслыханные эпитеты разве не массовое безумие? В истории бывали такие эпидемии. Хочется еще раз написать о губительных массовых психозах. Культура трещит. Бывало, Селиванов говаривал, когда кто-то поминал мерзавцев: "Не поминайте мерзавцев — Боткин услышит, на свой счет примет".

У нас уже 4° Цельсия — кругом снег. Томаты — наша лучшая еда — замерзли. Огород прекратился. Видимо, зима будет сурова. А керосину нет, да и со свечами плохо.

Валентина пишет, что Б.К. стало настолько лучше, что его перевезли домой. Спасибо ей. Кем служит ее муж? Может быть, и еще будут вести о Б.К. Я писал ему еще два раза, но ответа не было. Впрочем, и телеграмма и письмо Грабарю тоже без отклика. Пора нам научиться терпению. Будем помнить, что у наших корреспондентов имеются свои причины. Хорошо, что Мясин примкнул к директорству АРКА. Насчет издательницы "Завтра" не знаю — она ведь трудная, да и взгляды ее не ясны. Пришло доброе письмо от Джан из Либерти. Какие они славные трудящиеся! Хорошо, что здоровье ее налаживается. Веронал надо

отставить — вреден. Строфант хорош, но не преувеличивайте — лучше через день, и пару дней отдохните. С письма Джан марки были кем-то сняты. Воображаем, сколько писем искалечено или пропало. Вот Вы можете переписываться с Альбуерно, а мои два письма были возвращены. Пришлось бросить дружелюбную переписку. Напишите ему об этом. И так сколько добрых, полезных нитей пресеклось. Многие из них уже не наладятся. Война — к концу, а трудности растут. Радовались, что Зина и Дедлей хоть несколько дней отдохнули, ведь опять целая зима неустанного труда. Опять всякие человеческие изгибы и перегибы. Такова армагеддонная жизнь. Скажите наш сердечный привет всем друзьям. Да будет хорошо!

15 ноября 1944 г.

Публикуется впервые

Заботно

Спасибо за письмо от 12 Октября. Конечно, балетный план Мясина хорош, но Ваши соображения правильны. Откуда ждать таких огромных средств? Разве Москва захочет дать их? Но это проблематично. Интересно, когда посол ответит. Разве не удивительно, что о "Славе" — ни слуха, ни духа. Так же удивительно, что Вы не получаете новых материалов. Любопытны Ваши переговоры с Олбани. Может быть, в другом Штате лучше? Письмо Дедлея к членам АРКА хорошее. Что-то будут писать другие директора? Впрочем, Вы увидите.

Получилось душевное письмо Жина из Атланты к десятому Октября. Спасибо за все его добрые пожелания. Да, только добром можно пройти жизненный путь. Как-то сложится его дальнейшая служба? Здоровье Жанны, конечно, наладится, но ей следует избегать волнений. В конце концов, большинство человеческих волнений, как буря в стакане воды. От Магдалины пришла партитура кантаты. Поблагодарите ее и композитора. Тоже славная душа. Из Бомбея мы получили сведение, что заказной пакет с книгами Вам послан, хотя и с трудностями. Можно эти книги выставить в АРКА.

Почему-то опасаюсь за АРКА. Так часто люди бегут туда, где миллионы, а там, где Культура, им и дела нет. Удивительно небрежение Культурою. По-прежнему люди не различают цивилизацию и Культуру. Свет Культуры для слепцов не сияет. Впрочем, как-нибудь утрясется путями неисповедимыми. Давно люди сказали: "Все имеет конец, а колбаса имеет два конца".

Когда будете составлять отчет АРКА, можно помянуть наши пожертвования для Русского Красного Креста. Впрочем, на месте Вам виднее. Если полезно, в отчете дайте лист дневника "Крылья Победы" или "Слава". Прилагаю оба листа. Но действуйте так, как полезнее. Всякие события надвигаются:.

Последите, где Уоллес и что грабители? Говорят, что людоедство вымирает, а разве грабительство не каннибальство?! Не придут ли еще вести о Б.К? Не верится, чтобы там были запрещены всякие почтовые сношения. Непонятно, почему отсюда, к Вам посылать трудно, а от Вас сюда посылки идут. Приходят "Тайм" и "Научные новости", вчера дошел номер журнала Марка Твена. Пошлите от меня открыточку Кириллу Клеменсу — журнал был с его надписью. Что-то давно ничего и" выло от Муромцевых. Все ли ладно у них? Где Спенсер — о нем часто думаем. Один наш друг уже получил письмо из Бельгии — шло через Лондон два месяца. Но мы, вероятно, и Вы еще ничего

не получили. Постоянно приходится узнавать о недошедших письмах и журналах. Казалось бы, моря освобождены, но сношения не легче, если не труднее. Заботно о многом происходящем. Валентина пишет об ужасном циклоне, унесшем столько жертв. Да, пространство кричит. Пришло несколько подписок на "Фламму" — пришлось вернуть. А жаль, такое нужное дело и вынуждено временно замолкнуть. Заря, заблести скорей! Душевный привет всем друзьям.

1 декабря 1944 г.

Публикуется впервые

Печаль

Я писал Вам очередное письмо, когда пришла Ваша горестная телеграмма. Конечно, бывают частые ошибки, и на этом основаны многие повести. Горестно, горестно подумать, если бы такая жестокая судьба коснулась такого славного мальчика. Бывает при массовых боях, что всякие подсчеты оказываются далеко не точны. Но групповая карма, проявляющаяся на войне и при бедствиях, неумолима, как бурный поток. С другой стороны, так много однофамильцев. Так или иначе, но все это ужасно, и мы потрясены. Мы так любили милого Спенсера и часто душевно его поминали. Горя, горя-то сколько! В надземном мире лучше.

Теперь — очередное, ранее написанное. Писем Ваших за эти недели не было. Пределы цивилизации! В американских журналах сообщается о новом счастливом изобретении: "механический композитор"! Куда же дальше идти? И машинка недорого стоит — всего три доллара. Теперь радио сообщает, что посевы при помощи тракторов в отношении урожая не оправдали ожиданий, не превзошли ручную работу. Можно усмотреть много пределов цивилизации. В разных областях встают эти показательные вехи-предупреждения.

Друзья, без Культуры не прожить. Одною машиною не возвыситься. Так во всех областях. И на луну самолет не нанять. Даже самые прозаичные астрономы начинают широко мыслить. И напрасно смеялись над Фламмарионом и над Круксом. Помню его лекцию о мировоззрении великана и карлика. Хорошая ли у Вас теперь секретарша? Без секретаря невозможно, по себе знаю. Последняя библиография всего бывшего в печати прервалась на 1936-м (она у Вас есть). А ведь с тех-то пор сколько распылилось! Каждый год, когда сотня, когда и две сотни всяких выявлений, и все это рассыпалось. А самому укладывать все эти накопления и скучно, да и недосуг. Каждый час что-нибудь делаешь и задумываешь. Плачевно — отсутствие холста. Присланные два куска достаточны для четырех картин. А затем? Вот и бумаги уже не достать. Из нескольких магазинов отказали, и то уже все черновики пишем на обратной стороне старых конвертов и писем. Нет ли у Вас еще двух-трех отчетов АРКА? Пришлите еще маленькую монографию "Корона Мунди" — ведь от Вас сюда книги идут, только отсюда нельзя. Как крокодил в цирке: от головы до хвоста три аршина, от хвоста до головы — два с половиной. Теперь всюду такая сумятица, что и не узнать причины и следствия. У нас бывали престранные эпизоды. Письма вместо Наггара посылались в Нагпур. Вместо нашего адреса

писался адрес далекого штата. Такое уже время армагеддонное!

Продолжайте запрашивать ВОКС. В отчете АРКА помяните все, что Вы посылали в Москву: и американскую кантату (небось, композитор обижается, оставшись без ответа), и манускрипт "Слава" в пользу Русского Красного Креста, и материалы о Римском-Корсакове, и о Сталинграде, и статью для журнала "Славяне". Также помяните речь Уида об АРКА, напечатанную в калькуттском журнале "Дон оф Индия". Если Мясин согласен, то и о его балетном проекте можно помянуть, все-таки таким образом его добрые намерения будут зафиксированы. Ведь он теперь участник АРКА, и каждое полезное предложение может быть отмечено. Впрочем, как он хочет. Памятуя, что АРКА не политическая, но культурная ассоциация, пусть все культурно полезное будет отмечено. В ВОКС потом пошлите. Может быть, там люди меняются, ведь Вы отмечали быстрые перемены.

Скоро Святослав едет по поводу выставки. Утомительные поездки в жарких городах. Вспоминали мы, как в Бароде на выставку шли такие тысячные толпы, что двенадцать стражей не могли водворить порядок, и, наконец, этот поток сбил с ног Святослава. Вот так популярность! Известили, что 1 Декабря приступлено к печатанию "Химавата" в Аллахабаде. Таким путем часть записных листов зафиксируется, но ведь это лишь малая часть. Здесь один критик поместил меня в группу экспрессионистов — Ван Гог, Матисс, Мунк, Рерих. Забавно, если собрать всякие бывшие определения.

Каун умер, жаль, что он всю жизнь пошатывался — то так, то этак! А ведь у него бывали отличные статьи. Его перевод статьи Андреева здесь опять появился в двух журналах. Удивительно, как усох прежний список почетных советников. Прямо никого не осталось. Хорошо, что у Вас добрые отношения с Роквел Кентом — большой художник. Скажите ему мой привет, часто о нем вспоминаю. Прилагаю для Вашего архива хронологию выставок, бывших здесь. Так у Вас сохранятся даты и последнего времени.

ТАСС прислал еще пачку "Известий", и там доклад Комиссии о разрушениях в Павловске, в Петродворце (Петергофе) и в Пушкине. Как уничтожено и искалечено все сокровище русское! Можно ли зачинить все вандализмы? Ведь даже лучшая реставрация не передает красоту оригинала. И где все увезенное? И как вернуть? Как возместить? И всюду там мы ходили, любовались, а теперь там мрачные развалины. Вот прогресс человеческий! Вот культурные ассоциации и должны неутомимо твердить об истинных сокровищах, о нерушимом достоянии народном. Через все трудности несите Свет Культуры. Ведь вихри и смерчи повсюду. От друзей, в рассеянии сущих, нет вестей.

Переживайте горя и беды — в этом подвиг. Бодро встречайте последний ярый год войны. Душевный привет всем труженикам за Культуру.

15 декабря 1944 г.

Публикуется впервые

Герои

В "Известиях" Елена Браганцева пишет о спасении новугородских древностей. Там она поминает Тамару Константинову, усердно потрудившуюся в общенародном подвиге. Истинно, спасение народного достояния есть подлинный подвиг. Имена таких подвижников должны быть широко отмечены и сохранены для потомства. Пусть все почитают тех, кто с опасностью потрудился в спасении и охране культурных сокровищ. А если кто не догадался вовремя спасать народное достояние — пусть и его злосчастное имя будет запечатлено.

Мы читали в газетах о многих добровольцах, помогавших в деле охраны сокровищ. Из таких деятелей добровольных может составиться истинный почетный легион. Пусть, пусть все ценные труженики будут почтены как герои Культуры. Мать-героиня — это славное отличие. Но и герой Культуры тоже почетно останется в народной памяти.

Достойно отмечены ратные герои. Народы будут ими гордиться, зная, сколько самоотверженности внесло на страницы мировой истории русское воинство. Какие только препятствия не были преодолены во славу Родины! Создался великий эпос, запечатленный в грядущих поколениях. Победа, победа! Но какая небывалая победа! Победа всенародная, выдвинувшая рать героев.

Наряду с военными героями встали и герои труда, приложившие силы свои для славной победы. А с ними трудились и герои Культуры — спасители народного достояния. И среди них окажется множество безвестных героев, озабоченных охраною культурных сокровищ. О многих из них мы уже слышали, но множество еще не могло быть отмечено. Но оно найдется, и ему поклонится народ.

Недавно Яковлев прекрасно говорил молодежи о реставрации художественных произведений. О восстановлении городов трудятся зодчие. Удивительно наблюдать, как многое уже восстановлено в богатырском подъеме всенародном.

Среди бед и горя народ слагает новую славу своей любимой Родины. Герои ратные, герои труда, героини-матери, герои Культуры — великое непобедимое воинство героев!

24 декабря 1944 г.

Публикуется впервые

Любите Родину

Накануне Нового Года повелительно скажем: любите Родину! Скажем словами великого Гоголя. Они были произнесены ровно сто лет тому назад. Не устарела мысль Гоголя. Не устарел его полнозвучный язык. Народ чтит Гоголя, и нет такого угла в русских просторах, где бы молодое сердце не внимало заветам любимого мыслителя. Слушаем:

"Для русского теперь открывается путь, и этот путь — есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России…

Но прямой любви еще не слышно ни в ком, — ее нет-таки и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается; в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви — это разве только одно слишком отдаленное еще ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с нею можно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупицу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев…

Русь, куда же несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторанивaются и дают ей дорогу другие народы и государства".

И через сто лет дала Русь ответ: "Вперед, вперед, вперед! Во благо человечеству!"

31 декабря 1944 г.

"Из литературного наследия"

Новый Год (01.01.1945)

Пишу "45" и чую, какая это значительная дата. Скорей! Скорей! Пришло Ваше доброе письмо от 7 Ноября. Конечно, распорядок должностей Вы сделаете, как лучше по местным условиям. Теперь у Вас на руках: Академия, Агни, АРКА, "Фламма", Корпорация картин да у Жина Красный Крест. Шесть дел — целый многострунный инструмент. Целая симфония! То аллегро, то модерато, то марциале, то маэстозо, а то — тутти! Спасибо, что Валентина и Магдалина помогают. Спасибо им, — славные!

Ответ ВОКС малопонятен, и Вы хорошо сделали, запросив об обещанном письме. Жаль, что теперь так многое в пути пропадает. Запросите и Славянский Комитет, получили ли они посланную статью "Славяне"? Да, трудны почтовые сношения. Сколько энергии пропадает. Мысли Ваши об АРКА хорошие. А на письмо какого-то идиота и внимания обращать не стоит. Мало ли дураков!

Относительно продажи репродукций не ссорьтесь с галереей, но мирно разузнайте: какие именно картины, откуда, где клише и все полезные сведения. Так постепенно и разузнаем. Попросите кого-нибудь зайти и мирно расспросить. Если скажете мне, какие там картины, я скажу, откуда эти клише. Много клише было в Риге, немного в Праге, были у Франсис в Прессе, но в Париже цветных не было. Очень любопытно все сие выяснить.

Лю, о котором поминал Дутко, — хороший человек, привет ему. Тернер из С. Луи пишет, что он сделался членом АРКА. Он состоит там же, где Уид. Совершенно нежданно подходят члены. Одно время Вы были против Уида, но, как видите, он оказался полезным сотрудником, а староселье, вероятно, враждебно всему русскому. Показательно! Кто-то Сормани просил автограф — снеситесь с ним, может быть, хороший человек.

В калифорнийском журнале "Восток — Запад" под названием "На Гималайской арфе" — мой очерк. Мое название было "Тайны", но к чему-то они изменили. Впрочем, намерение было доброе, а это главное. Мы уже давно привыкли ко всяким неожиданным добавкам. Вот в "Двадцатом веке" вместо "селфлеснес"[90] напечатано "селфишнес"[91] — вопреки смыслу. В очерке к "Женщине" я писал о бескорыстии, самопожертвовании, а вышла самость! Что поделаешь! Побаиваюсь за "Химават" — вдруг там окажутся пренеприятные эрраты[92]. Непременно прочтите "Тайм" от 11 Сентября о римском светском сезоне и о парижских нарядах — правдиво описана нынешняя "аристократия". Вот кому бы

прочесть лекции о Культуре! И это во время мировой войны, когда миллионы людей погибают, когда молодое поколение уничтожается и калечится. Непременно прочтите! Чего стоят серьги величиной в апельсин и полуаршинные шляпы. Чего доброго, к концу войны вернутся к кольцам в носу. Истинно, от невежества, от некультурности происходят все бедствия. Каков будет мир с серьгами в апельсин величиной?! Тем более необходимы все ассоциации, посвященные Культуре. Да и где та страна, где можно не напоминать о Культуре? Вопящие о разрушениях сами же и разрушали. Кричащие о науке и искусстве сами же и гнали ученых и художников. Был у меня очерк "Остров слез", написанный четырнадцать лет тому назад. Сейчас дал его снова перепечатать с пометкой — "писано четырнадцать лет назад", но ничто не изменилось.

Сейчас дошли от Вас "Иерархия" и "Сердце" — очень хорошо. Как переживает Катрин свое горе? Отчего замолчал Илья? С Июля от него нет писем, а мы писали. Сейчас пришло Ваше письмо от 9-11 Ноября. Хорошо делаете, что мирно постепенно узнаете о продаже репродукций. Конечно, никакого дела начинать нельзя. В свое время Еременко сносился с Франсис, а теперь никто этих сношений не запомнит. Воображаю, какие условия жизни там, куда Валентина хотела поехать! Наверно, Вы пришлете мне английское письмо, которое я могу показать отважному лектору. Беспокоит Ваше здоровье. Не запускайте, исследуйте.

Хочется начать Новый год добрым словом. Поверх всех горестей и трудностей хочется послать добрую мысль, и не знаем, куда и как далеко летит она. Но она нерушима и совершит свое доброе дело. Не нам судить, где и как претворится это добро. Знаем только, что мир нуждается в таких мысленных посылках. Скажем: "Да свершатся в Новом году многие добрые дела. Скорей! Скорей!"

Сердечный привет всем друзьям.

1 января 1945 г.

Публикуется впервые

Плач

Из АРКА пишут:

"Лекция Роквел Кента прошла очень хорошо с той точки зрения, что он говорил блестяще в защиту Культуры вообще, очень подчеркнув положение художника здесь, его борьбу за существование, невозможность жить заработком от продажи картин и отношение официальное к свободным профессиям. Параллель, приведенная при сравнении с обеспеченностью советского художника, который имеет контракт с правительством, обеспечен в своем существовании, конечно, не вышла в пользу здешнюю. Правда, он больше говорил, и при этом с горечью, о том, как тяжела была его жизнь как художника и как трудно всем художникам американским, за малыми исключениями, и, к сожалению, очень мало говорил о художниках, их работе, заданиях, жизни и т. д. в Сов[етской] России. Но он так пламенно говорил о Культуре, так встал на ее защиту, так подчеркнул здешнее непонимание принципов Культуры и возникающую из этого опасность для продвижения человечества, что, право, ему можно все простить. Это был вдохновенный клич в защиту заветов Культуры, и он произвел должное впечатление.

Конечно, не обошлось и без выпадов и, что было мне крайне больно, сделал это наш же друг — Илья, девочки, пришедшие на эту лекцию, и какой-то их друг, которого они привели. Последний выскочил, возбуждаемый Галей и Саной, и заявил, что искусство пришлое было значительным, а кого он может назвать ныне? Да и также, что искусство, которое было показано на Уорлд Фэр, здесь было убого. И почему он не говорит об искусстве до 17-го года? Илья выскочил и сказал, что прошлое искусство было несравненно выше, чему примером сложат картины, висящие в этом помещении. Тема лекции Кента была "Пиплс артист ин Совиет Юнион"[93] — спрашивается как же мог он говорить о чем-либо другом или же об искусстве прошлой эпохи? Кроме того, в самом начале лекции он сказал, что хотел бы так писать картины, как Рерих, картины которого здесь. Выпады эти были очень печальны. После окончания лекции Илья остался с девочками и "чал самый ярый спор с Марковой, членом нашего совета директоров. Было просто жутко слышать взгляды Ильи, но особенно меня поразили девочки, Галя, своей ненавистью ко всему настоящему. Спрашивается, почему они так полны ненавистью, ведь они не пострадали ничем? Я готова понять и простить прошлому поколению, которое потеряло благосостояние и многое такое, что им трудно забыть, но молодые девушки,

которые кричат буквально с пеною у рта, что лучше полякам и украинцам быть под немцами, ибо их знакомые и папа так говорят, явление жуткое. Маркова прекрасно с ними говорила, ибо и она из этой же среды, что и Илья, пострадала не меньше его, но силой духа и мысли прозрела и поняла, в чем истинная эволюция и прогресс для страны. Ее аргументы были основаны на истории, на научных фактах, ибо она видная ученая, славистка и историчка. Но и она была поражена Ильей и девочками и потом меня спросила, почему я приглашаю таких (просто не могу сказать, как она их обозвала) на лекции АРКА. Не могла понять, как такой мог быть членом. В Илье глубоко коренилось старое, и я не мыслю о том, чтобы его убедить в чем-то. Но он, упрекающий меня еще недавно в том, что фотографии разрушенных монастырей, которые мы показываем, вызывают ненависть к немцам, и что мы, мол, входим в политику, он сам таким выпадом делает из АРКА, идущей по культурному направлению, политическую платформу. Как это грустно!"

Да, тяжка борьба за Культуру!

10 января 1945 г.

Публикуется впервые

За Культуру

Долетело письмо Ваше от 23 Ноября. Глубоко понимаем Ваши горестные недоумения. Пусть себе расходятся воспроизведения — зла нет, а даже добро возникает. В книге или в открытках — не все ли равно. Привет Роквел Кенту за его слова о моем искусстве. Вы знаете, как я всегда ценю его творчество. А жить художникам трудно, а во время разрушительного Армагеддона особенно. Мы всегда говорили и писали против варварских разрушений. В прошлую войну наш друг Арман Дайо издавал исторические памятники, разрушенные немцами во Франции и Бельгии. Симон и Шустер издали большую книгу об ужасах войны, и она произвела глубокое впечатление — о ней я писал в статье "Не убий". Как же защищать Культуру, если не показать, насколько отвратительны разрушения? Только слабые опасаются громко заявить, насколько гнусны вандалы. Повторяю, АРКА — не политическая организация, а чисто культурная, почему она и сносится с ВОКСом. Ведь ВОКС существует именно для культурной связи. Великий грех Германии в том, что она первая подняла меч и запятнала себя вандализмом.

Мы все не политические работники, а культурные деятели и должны бороться за общечеловеческое творческое достояние. Мы должны осуждать вандализм, где бы он ни происходил. Вы помните мою статью "Анжелюс" по поводу вандализма над картиной Милле в Лувре? О вандализмах Маслова мы тоже не молчали. Приходилось писать о вандализмах в Европе и в Азии. Множество развалин свидетельствует о дикости и жестокости во всех веках и народах. "Сожжение сует" Савонароллы, костры инквизиции, костры невежества еще догорают. О сохранении культурных сокровищ мы неустанно предупреждали человечество во имя светлого будущего. Чуем, как Вам трудно, но борьба за Культуру нелегка! Тем славнее она! В борьбе умножаются силы!

Вот и снежный Январь! Большие деревья падают под тяжестью снега. Дорога опять прервана. Телеграф несколько дней не действует. О чем думаем? Посылаю два листа — "Герои" и "Любите Родину" — прочтите и перешлите в ВОКС для добавки к "Славе". С этими мыслями встречаем Новый год. С этими мыслями жили более полувека. Оставляем их молодому поколению. Много русских сердец поверх всех преходящих трудностей живут мечтою о славе любимой Родины. И эта слава рождается не из шовинизма, но из быстрокрылой мечты о светлом будущем. Привет всем народам Великой Руси. На пожарище возведется дом прекрасный. Израненные стены и башни

вознесутся еще краше. Народы еще глубже поймут ценность своего творческого достояния. Да будет! И будет расцвет мысли и творчества.

У Вас, наверно, уже готов годовой отчет АРКА. Много полезного можно включить в него. Главное — Ваша постоянная выставка и разные выставки по всяким городам и школам. Ваша переписка, беседы с молодежью. Когда отчет напечатается, пришлите в двух-трех пакетах сюда — очень пригодится на общую пользу. Пер аспера ад астра! Надеюсь, что Вы уже получили "Весну Священную" и на этот раз без всяких нелепостей. Если Мясину еще что-нибудь будет нужно, я дам эскизы на тонких бумажках и пошлю обычным письмом, а Вы на месте дадите их наклеить (ведь простые письма еще не запрещены). Получили мы открытку из Алжира от Потоцких — первая весточка "с того света". Разбирал переписку прошлого года — вот письмо Грабаря и мои ответы ему, и телеграмма и письмо, вот мои весточки к Б.К., вот приветствие к юбилею Репина, вот письмо в Славянский Комитет… Много чего, и все, как в пропасть! И не разберешь, где почтовое действо, где что иное. А где возвещенное ВОКСом письмо художников? Конечно, Вы замечаете, сколько сложностей возникает в мире. Держитесь крепко и ведите неоспоримую линию Культуры. Под этим знаком пройдете.

В мыслях с Вами шлем бодрость и преодоление всех трудностей.

Сердечно…

15 января 1945 г.

Публикуется впервые

"Не укради"

Тысячелетия миновали, а древнейшие заповеди все еще не сделались труизмом. Говорить о них в "светском" обществе не принято, но в жизнь эти примитивные основы не вошли. Умудренный адвокат скажет: "Каждое дело может быть защищаемо с обеих сторон".

Единственно, в чем человечество двинулось — в цивилизации преступлений. Убийство допущено, а злейший вид убийства — убийство психическое вообще "законами не предусмотрено". Слабо защищен человек от клеветы. Ложь, ложное свидетельство стоит горсть серебра или золота. И которая заповедь не обойдена в сложном земном бытье?

"Не укради" — чего ясней. А ведь суды бродят в извилинах потемков, и велико ли число справедливых решений? Среди всяких краж совершенно не предусмотрена кража чужого времени. Подчас она преступнее многих других похищений. Припомните, сколько легкомысленных или умышленных опозданий влекли непоправимые последствия. Происходила тяжкая кража. Но большинство людей ее даже не считает недопустимой.

Каждому ведомо, сколько несчастий происходило от опозданий. И совсем не так много опозданий неизбежных. Большинство их происходит от неуважения к своим содеятелям. Можно ужаснуться, если заглянете в причины опозданий. Мелочь, чепуха, презрение к ближним задержала человека. Ему несовестно, что он нарушил чье-то мышление, оторвал кого-то от чего-то неотложного.

Скажете, что все это — от невежества. Правда, невежество есть ад — это сказал давно Антоний Великий. Но от этого не легче, и люди усердно крадут чужое время и хохочут или обижены на самый деликатный намек о потерянном.

Председатель, вовремя начинающий заседание, оказывается педантом. Гость, беспричинно запоздавший, даже не выскажет сожаления. Недавно группа тибетцев была приглашена на чай. Гости беспричинно опоздали на два часа, хозяин их встретил в дверях с поклоном и с часами в руках со словами: "до следующего раза". Гости были страшно обижены, но свое опоздание считали вполне допустимым. Дело не в том, что были тибетцы, а в том, что такая покража времени нигде не считается чем-то недопустимым. Древнее "не укради" еще не осознано. Деятель, истинный деятель войдет с часами в руках с вопросом, не отстали ли его часы. И таких деятелей мы знали. "Не убий"! "Не укради"!

"Не клевещи" — вот какая новость!

24 января 1945 г.

Публикуется впервые

Вперед (01.02.1945)

Прилетела Ваша весточка от 12 Декабря с двумя циркулярами для членов АРКА. Много в письме печального, но и много строительного. Оба циркуляра хороши, и они принесут свою пользу. Можно в них поминать все, что я посылал в АРКА для передачи в ВОКС — ведь Вы туда, наверное, посылаете и эти циркуляры — это дает жизнь. Многое полезное надо проталкивать упорно, иначе затеряется в суматохе быта. Особенно на дальних расстояниях приходится напоминать усердно. Хорошо, что почетные советники откликаются — они не должны быть бессловесными. Пришлите (по англ.) письма молодежи — здесь их можно поместить с пользою. Пришлите список воспроизведений, полученных Вами из ВОКСа, есть ли среди них Врубель, Серов, Бенуа? Жаль, если, как Вы пишете, качество воспроизведений неважное. У нас здесь имеется большое воспроизведение моего "Гонца", изданное Госиздатом в сорока тысячах, в красках, но качество воспроизведения очень неважное. Жаль, качество прежде всего.

Неслыханный снег натворил повсюду много бед. Обрушивались дома, были жертвы. Был охвачен снегопадом широкий пояс от Дарджилинга до Кветты. Январь был урожаен в смысле очерков — были в "Арт енд Калче" (Калькутта), в "Хиндустан" (Калькутта), в "Твенти Сенчури" (Аллахабад), в "Ол-Индия Уикли" (Бомбей), в "Малабар Геральд" (Кочин), в "Индиан Ревью" (Мадрас) — так опять по всей Индии прокатилась русская мысль о значении Культуры и творчества. Часто видишь свои слова в чужих статьях без упоминания, откуда они. Но это неважно — лишь бы пригодились кому-то с пользою. Значит, читают и примечают. Потому-то не следует сетовать и на распространителей воспроизведений — невольно и они полезны. Какая-то непобедимая лавина! Что-то Суворовское и Кутузовское!

Среди взятых мест мелькнули Скерневицы. Жива ли там церковь по моему проекту? На архитектурном конкурсе был избран мой проект, а когда конверты вскрыли, оказалось, что автор — художник. Было удивление! Жива ли мозаика в Почаеве? Там были собраны древнерусские воители. Эскиз мой был у Щусева. Жив ли храм в Талашкине? Эскиз мой был в Смоленске в Тенишевском Музее. Живы ли мозаики в Пархомовке около Киева? Живы ли мозаики в Шлиссельбурге? Жива ли часовня во Пскове на мосту через Великую? Сколько рассыпалось! Не скоро узнаем, где и что сохранилось.

Вообще сложность этого года, по-видимому, превзойдет все

бывшее. Всем придется напрячь все распознавание и всю внимательность. Газеты присылаемые почему-то совершенно не отражают художественную жизнь. Здесь изданная Ренцем брошюра о нашем Пакте встречает сочувствие и добрые отзывы. Но истинно культурные люди могут послать лишь добрые мысли. Конечно, Платон заповедал, что мир управляется идеями. Пусть так и будет. Главное, помните: "Если ты устал, начни еще. Если ты изнемог, начни еще и еще". Эта весточка дойдет к Вам к 24 Марта. И здесь и там будет помянут памятный день — ведь нынче уже четверть века. Вы писали, что книги вместо одного доллара продаются в магазинах за девять долларов. Значит, велика потребность. А где эти читатели — не нам судить.

Послал Вам пароходом брошюру о Пакте. Там речь "секретаря коммерции" (выгодная штука) — пусть устыдится, если вообще у него остались стыд и совесть. Что творит мерзостное трио? Вам, как Дуккар, приходится иметь тысячу глаз. Такое уж время армагеддонное. Легковерные думают, что все кончится и все "по щучьему велению" вдруг встанет на место. А не тут-то было! Каждый день газеты говорят о сложностях. И все-таки скажем вместе с русским народом: "Вперед, вперед, вперед!" Сердечный привет всем друзьям.

1 февраля 1945 г.

Публикуется впервые

Четверть века (07.02.1945)

Из Лондона пишут, что ходят посмотреть на дом Квинс Гэт Террас, 25. Особенный дом. Много кто туда приходил. Рабиндранат Тагор приходил. Добрые были беседы. Приходил Чаттерджи, Калидас Наг… Теперь он писал в "Маха Бодхи":

"Наш друг, великий художник Николай Рерих всегда несет Знамя Красоты, даже тогда, когда мир, по-видимому, катится к варварству. Его мысли об искусстве летят так же, как его мастерские образы, посвященные Гималаям, и мы благодарны ему за его колоритную эпику Гималайских снегов. Он прирожденный художник…

Рерих — первый Русский Посол Красоты, он принес в Индию бессмертный завет искусства, и мы признательны ему за вдохновляющие мысли и за его неустанное сотрудничество в сближении души России и Индии".

Приходили Харше, Гордон Боттомлей, Уэллс, Брэнгвин, Хагберг Райт, Дягилев, Лэди Дин Поль, хорошие сербы… многие были. Все они предвидели русское продвижение. Все они, каждый по-своему, трудились во имя Руси. Пролетела четверть века. Народ русский в неутомимых трудах преодолел многие препятствия. Примолкли враги. Весь мир признал и преклонился перед русскою мощью. Народ, геройский русский народ, победил дерзкого врага. Русской славе нет равной. О чем же мечтает русский герой? В трогательном рассказе Алексея Толстого герой говорит сестре своей:

"Вот тебе ближайшее достижение физики, буквально через несколько лет: путешествие в межпланетное пространство, например. За неизвестной нам высочайшей Культурой — на планету Марс. Для этого тебе не потребуется самой лететь триста миллионов километров. Мы присобачиваем к межпланетному реактивному снаряду фотоэлемент с объективом и радиопередатчиком. Он все видит и посылает волны, которые мы принимаем на Земле и переводим через такой же фотоэлемент на экран… Вот здесь, около буфета, стоит у нас приемник и экран… Ты сидишь, подобрав ножки, и комфортабельно путешествуешь между звезд… Снаряд приближается к Марсу, и перед тобой на экране вырастает ни на что не похожий пейзаж: ярко-красные пустыни, прорезанные каналами шириной в сто километров… По берегам — вытянутые города с круглыми домами… И — марсиане, четырехногие — заметь, но двурукие, с большими студенистыми лицами, необыкновенного, нечеловеческого ума… Так… А второе достижение, это уже будет лет через двадцать, над

этим еще придется поскрипеть мозгами… Это — передача материи на расстояние такими же волнами, как радио… Я, например, должен спешно послать тебя в Мельбурн, к твоему жениху… Ввожу тебя в особую кабинку, присоединяю к голове и к пятке контакты, пускаю ток сверхчастых колебаний, которые передаются на аппарат, посылающий трансформированную материю в виде радиоволн. Под действием частых колебаний твое тело начинает безболезненно распадаться, материя превращаться в энергию, и в организованном порядке ты летишь в Мельбурн. Твой жених находится там, в такой же кабинке перед приемником, в котором ты обратно из энергии превращаешься в материю, начинаешь появляться в виде тумана, потом во всей красе… Да, Катька, не успеем оглянуться, как жизнь станет удивительным царством доброго гения… Можно опоясать земной шар по шестьдесят пятой параллели электрическим кабелем толщиной сантиметров в пятнадцать, пустить по нему ток в полмиллиона вольт и тем самым размагнитить поле земного магнетизма, которое, как известно, задерживает корпускулярную солнечную энергию, — и на шестьдесят пятой параллели, в тундрах, будут расти виноград и ананасы. Все будет механизировано, все за тебя будут делать автоматы — только нажимай кнопки… Работать будем два часа в день, ну — четыре… В Москве, в каждом районе, будут "бюро желаний". Потому что самое главное в жизни — это желать. Ну — чего ты хочешь сейчас? Сливочного мороженого с персиками и два небольших пирожных типа "наполеон"? Пожалуйста, бери трубку, звони в "бюро желаний". Через несколько минут вот здесь, в стене, раздается легкий звон, открывается хорошенькая дверца и по пневматической трубе тебе подано мороженое и "наполеон"… Иногда мне кажется — черт знает, что я способен придумать и сделать… Главное — ни в чем не ограничивать свою мысль…"

В 1926 году в Москве мы слышали подобные мечты и не в рассказах, а в быту. Откуда-то приходила к нам в Большую Московскую славная молодежь. Сердечный привет!

7 февраля 1945 г.

Публикуется впервые

В АРКА

Друзья!

В наших снежных Гималаях с радостью читаем Ваши вести о трудах на пользу АРКА. Велика задача — дать множеству зрителей и слушателей правильные, доброжелательные сведения. Два великих государства должны быть обоюдно справедливо осведомлены.

Армагеддон близится к концу, и встает новая труднейшая задача о мире, о прочном мире, о Культурном мире. Тогда-то особенно потребуются знания о жизни друзей, об их задачах и преуспеяниях. Конец войны не значит, что АРКА может отдохнуть и сложить руки. Наоборот, тут-то и потребуются доброе осведомление и сотрудничество.

Каждый член АРКА может посильно в своей области способствовать культурному сближению народов. Нет такого труда, при котором нельзя было посеять зерна добра и справедливости. Добротворчество — благородная задача, а пашня Культуры необозрима. Столько Культурных основ было потрясено во время неслыханного Армагеддона, что велика должна быть армия врачей, исцеляющих раны народов. Сколько горя и бед посетили мятущееся человечество, но благотворные труды должны обратить эти сердечные боли в радость. Ведь для светлого будущего трудимся.

Прекрасна Ваша мысль об ежемесячном осведомлении членов о деятельности АРКА. Хорошо, что директора по очереди будут посылать окрест этих добрых вестников. Радовались мы письмам Дедлея Фосдика, Дж. Уида и Зины Фосдик. Пусть продолжается такое полезное начинание. Радовались и широкому плану Л. Мясина — прекрасен культурный показ русского творчества. Хотелось бы иметь текст лекции Роквел Кента — голос великого художника Америки. Письма от молодежи здесь были бы радушно встречены. Вести о выставках АРКА ожидаются с нетерпением.

Так мало знали народы о великом русском народе! Мы как пионеры таких сближений знаем, как часто бывала непонята Русь по неведению. И теперь, когда молния русского подвига осветила мир, когда трубный глас русской победы прогремел над землею, теперь должны народы доподлинно знать о русском сердце, о трудах руссийских народов, о их продвижении и творчестве. Широкая пашня для АРКА. Мир, желанный мир придет лишь через Культуру. В добрый час! Сердечный привет всем членам АРКА.

12 февраля 1945 г.

Публикуется впервые

"Вивите фортес"

"Вивите фортес" — Гораций сказал: "Живите сильными". И никто и ничто не отнимет силу духа, крепчайший панцирь Света.

Главное, гоните всякое уныние. Если почуете приближение этого мерзкого гада, всеми силами искореняйте его. За унынием гнездится сомнение, а что может быть хуже! Помните, что сейчас всем в чем-то тяжко. Но не считайте безысходностью проходящую тучу, ведь "и это пройдет". И как часто чуется нестерпимое нагнетение именно тогда, когда разрешение уже близко. Перед зарею тьма кажется особенно мрачной. Но много света в русских победах. У индусов есть две йоги: Вира Чара — Путь героя и Кшатра Дхарма — Долг воителя. Вот сейчас вспоминаются эти героические заветы, когда слышишь о русских победах. Конечно, мы их и знали и ждали, но все же дивно и чудно, когда они воочию претворяются. Алексей Толстой в статье "К славе" добром помянул великих русских воителей — Александра Невского, Суворова, Кутузова. Чего только не превозмог народ русский! Нынешние герои всемирно утвердили русскую славу.

Каждый из нас в своей области должен вносить свою лепту в русскую сокровищницу. Должен радоваться, что и ему выпала честь трудиться для Родины, для великой Родины. Присмотритесь к русофильской прессе и питайте ее доброю хроникой. Ничего, если не сразу напечатают — "капля по капле и камень точит". Нет ли лекции Роквел Кента, здесь она бы очень пригодилась. Но сделайте к ней хорошую заметку — ведь он прекрасный художник. С ВОКСом держите связь — все это ко благу Культуры. Как Вы полагаете: хорошо бы устроить памятную доску Спенсера Кэмпбелла в одной из студий. В учреждениях нередко отмечают память близких, павших на поле брани. А ведь Спенсер был так близок. Конечно, поступите как лучше, по местным условиям.

У нас опять были большие снега. Ломаются плодовые деревья — ущерб. Часто получаются запросы на конлановскую монографию. Приходится отказывать, откуда взять ее? Некоторые наивные люди настаивают, что Рига теперь освобождена, значит, по их мнению, оттуда теперь можно получать издания!! Сколько каких книг у Вас теперь остается? Не остались по-английски фрагменты Дювернуа? Сколько маленькой "Корона Мунди"? Вероятно, у Вас есть список всего. Подсчет сил всегда нужен, а сейчас особенно. Нет ли вестей из ВОКСа или [от] Грабаря? Удивительно, он писал в Апреле. Я получил его письмо в Июле и тогда же телеграфировал ему и послал письмо отсюда и через Вас. С тех пор прошло семь месяцев и — ничего! Мы-то сношения

сохраняем, но выходит однобоко! Прошли в печати сведения об избрании Патриарха Алексия, первый раз при участии Вселенских-Патриархов. А вот на наших глазах вандал Хорш уничтожил Часовню Преподобного Сергия, уничтожил русский музей. Общественное мнение трусливо промолчало. Но на Руси теперь вандалы сурово осуждены и вандализмы Маслова уже невозможны. Народ прозрел. Все похищенное немцами будет востребовано, а уничтоженное будет восполнено из художественных собраний Германии. Справедливо! Из Музея Модерн Искусства прислали какую-то нелепую выкройку костюма, хотят ли они делать кунсткамеру ужасов?! Какое вреднейшее влияние на молодежь!

Ромен Роллан ушел, Алексей Каррель ушел и Артур Эддингтон ушел. Уходят те, кто был духовно близок. А кто ушел из художников? Группа "Мира Искусства" почти вся перешла в надземные миры: Дягилев, Бакст, Браз, Сомов, Серов, Трубецкой, Петров-Водкин, Григорьев, Головин, Рылов, Яковлев, Щуко, Фомин, Замирайло, Чехонин, Нарбут, Кустодиев… может быть за эти годы и еще кто-нибудь? Сведения так случайны, так редки. Не слышно о Павле Кузнецове, Миллиоти, Сарьяне, Крымове, Уткине, Якулове, Феофилактове. Не слышали ли об Анисфельде, Судейкине, Малявине, Добужинском, Бенуа или о Билибине, Лансере, Юоне, Лебедевой, Яремиче? Ни газеты, ни радио их не поминают.

Видимо, за эти недели Вашего письма не будет. Итак, живите сильными и преодолевайте. Друзьям всем сердечный привет.

15 февраля 1945 г.

Публикуется впервые

Светику

Вот и Конлан нашелся после четырехгодового плена, вот и Шклявер нашелся, да еще живет на прежнем Вожирар! Теперь начнут обнаруживаться старые батальоны. И, наверно, все окажется не так, как можно было предполагать. Хорошо, что из Бомбея Ты завернул в Бароду и в Ахмедабад: с Гетцем интересно встретиться, а в Ахмедабаде что-то полезное может оказаться. Жаль, что Твои письма доходят с цензорскими наклейками. Пора бы уже успокоиться. Любопытно, как разрешится выставка в Дели. Суждение о ней Де Мире очень энигматично. Вчера я послал Тебе выписку из "Ол-Ин-дия Уикли" о русском отделе на выставке Ротари Клуба. Письмо в редакцию довольно кусательно и предполагает работу каких-то антисоветских сил. Чуется какой-то скандал. Может быть, Гладышев или Орестов об этом больше знают? Все еще нет ответа из Манали? Не уехал ли куда Бэнон? Теперь ждем разъяснений от Мана.

Умерла сестра Дональда, и в их отсутствие был налет какой-то шайки на их дом в Доби. Все морозы, сегодня опять четыре градуса. Понимаем, что Ты осторожно относишься к фильмовскому предложению. Идти в Тибет, на Манасаровар — уже целая экспедиция, и пригодны ли для местных высот индийские актеры? 25.000 за девять месяцев уже не так много, тем более, что Ты потерял бы работу над картинами и портретами. На месте Тебе виднее все за и контра. Видимо, Ричардсон оперился, и его недельное обозрение улучшилось. До сих пор из Китабистана ничего о "Химават". Вообще, почта не странная, а странноватая!

Юша, наконец, получил сведения из Бароды от Баттачария — все ладно. В Калькутте в Обществе Восточного Искусства идет ряд лекций, и Крумриш на первом месте, остальные нам незнакомы. Председательствует Свами из Рамакришна Миссии. У меня все еще маленькая температура — высиживаю. Написал на длинном холсте вариант "Брамапутры". Будем ждать Твоих вестей из Дели и знаем, что Ты изберешь наилучшее из наличности.

Все наши мысли с Тобою.

16 февраля 1945 г.

Публикуется впервые

Сердце

Человечество в крови и лишениях избавляется от многих измов. Осуждены фашизм, нацизм, каннибализм, нигилизм, атеизм, тиранизм, анархизм, обскурантизм, слендеризм[94], шовинизм — всякие измы… Вместо срывчатых измов вытягивается длинная демократия — лишь бы не охлократия.

Но пусть сохранится великий изм — героизм — много где проявившийся в последних бедствиях. Пусть признают истинный героизм русского народа, хотя вице-король и нашел, что о русских победах говорить несвоевременно (иноппортюн). Нет, именно победы русского народа явили великий героизм. Это качество будет навсегда запечатлено на русском победном знамени. Наряду с прославленными героями сколько неведомых, несказанных, неписанных героев спасало Родину, мыслило о светлом будущем человечества! Уместно, повелительно уместно говорить о русских победах.

Какие-то американские газеты клевещут о сговоре немецких генералов с русским штабом — открыть путь на Берлин. Экая подлая клевета, чтобы хоть чем-нибудь умалить русский великий подвиг. Уже несколько раз московское радио передавало о странных (не сказать больше) писателях Америки, Англии, Канады, находивших русские блестящие продвижения неестественными. Были гнусные намеки на тайные причины. Было бы понятно, если бы такие намеки исходили от врагов, а то ведь от друзей, от друзей, поклявшихся в вечной дружбе. Пословица давно сказала: "Упаси от друзей, а от врагов сам спасусь".

На многие ли языки переведены мудрые басни Крылова? Каждый день события напоминают ту или иную басню нашего великого мыслителя. Русский народ давно привык говорить крылатыми словами крыловских басен. Велика сокровищница русской мудрости. Недостаточно она явлена миру в поговорках, в пословицах, в острых словечках метких, иногда почти непереводимых на многие языки. Но все же нужно попытаться перевести и широко распространить эти блестки народной мудрости. В них живет русское великое сердце!

17 февраля 1945 г.

"Зажигайте сердца"

Памятка (24.02.1945)

Вселенские Патриархи — в Москве.

Внушительно было избрание нового Патриарха Алексея. Прекрасны старинные Патриаршие напевы. Вспоминаются встречи с Иерархами. Вот Флавиан Киевский говорит, посетив нашу иконную мастерскую: "Истинный терем изографов". Антоний Волынский (тогда он широко мыслил) восклицает, смотря на мой "Ростов Великий": "Молитва земли Небу". Евлогий в Париже однажды кому-то возразил: "Насколько Н.К. православный, мне не известно, но что он последователь Христа — это я знаю". Вспоминаю добром Митрополита Платона, Митрополита Сергия, о. Георгия Спасского… Однажды в Смоленске поспорили, зачем в алтаре "Царица Небесная", но я настоял, и обошлось.

Из давних детских воспоминаний встает посещение Трои-це-Сергиевой Лавры. Потом Иоанн Кронштадтский: "Не болей. Придется много для Родины потрудиться". Потом неисчетные храмы, монастыри во время наших паломничеств с Еленой Ивановной. Новгород! Наконец, Валаам со схимниками. Посейчас Юрий и Святослав поминают торжественное служение в Валаамском Соборе. "Святой Остров" и монах-кормчий — седая борода по ветру.

Кто-то писал, что "Святой Остров" в Русском Музее. А "Ростов Великий" был в Триполи. А "Псков" в Буэнос-Айресе. А "Нередица" в Аллахабаде. А "Земля Всеславянская" была в Белграде… Говорю "была", но есть ли теперь? "Святой Сергий" был в Праге, есть ли? И еще "Святой Сергий-Строитель" в Америке. И "Пасхальная ночь" — в Хайдерабаде, а "Новгородцы" в Тери-Гарвал. "Монастырское" было в Пекинском Музее. "Московский Кремль" был в Хотане. "Борис и Глеб" — в С.Франциско, а другие — в Деккане. "Александр Невский", "Ярослав Мудрый" — в Индоре, "И открываем" — в Тривандруме. "Царица Небесная", "Ангелы", "Пантократор" — в Париже (Лувр)… Мозаики — в Пархомовке, в Шлиссельбурге, в Талашкине, в Почаеве. Часовня во Пскове. Иконостас — в Перми. Георгий — у Нечаева-Мальцева. "София Премудрость" — в Брюгге… Раскидало! Авось кто-то добром помянет Русь.

24 февраля 1945 г.

Альманах "Утренняя звезда", М., 1993

Общее благо

Пришло Ваше письмо от 30-12-44. Чуем и понимаем заботы нашей милой Зиночки. Все недоуменные вопросы, рожденные теперешней смятенной жизнью, гнетут, а люди мало понимают истинное сотрудничество. Что поделаете, именно "пер аспера ад астра"! Хорошо, что Дедлей остается президентом АРКА. Хочется нам, чтобы он глубоко чуял, какое великое дело он совершает, служа взаимопониманию двух великих народов. Часто мы сами не отдаем себе отчет в пользе приносимой, но посев прекрасен, и каждое семя где-то взойдет и отеплит чье-то тоскующее сердце. Шлем милому Дедлею все наши сердечные мысли. Чем больше труда и препятствий в благом деле, тем больше чести отважным деятелям.

Дельное письмо Марковой. Хочется, чтобы еще больше поминались отрывки получаемых писем — таким путем корреспонденты больше привлекаются к сотрудничеству. Если Базыкин уехал, то Вам придется сосредоточить сношения с ВОКСом. Не удастся ли через Д., наконец, нащупать причины странного молчания Б.К.? Если не он сам, то жена его могла бы известить Вас или нас. Да и с Грабарем тоже удивительно выходит. Впрочем, "и это пройдет". Хвалю Уида за его соображение об ассошиед мемберс[95]. Он прав, "где слишком много нянек, там и дитя без глаза". Пошлите Шкляверу и Конлану наш добрый привет. Конечно, для регулярной переписки время еще не наступило, да, вероятно, еще не скоро настанет. "Шапочный разбор" труден. Неужели "Весна Священная" все еще не дошла? Дошли ли посланные брошюры, потом "Пакт", а теперь через одно издательство посланы четыре Конлана. Любопытно, дойдут ли? Было из Санта Фе письмо от Мориса, надеется на возрождение Арсуна. Ждем годовой отчет АРКА — как-то на него откликнется ВОКС?

Все приходится говорить пословицами, вот опять: "вода — капля по капле и камень точит". Бедная, бедная наша Катрин, как мы о ней горюем! Недавно слышали мы такой рассказ: "Летчик взят в плен, пытался бежать, пойман, расстрелян. Через два года живой и здоровый вернулся в Бомбей". Всяко бывает! На столе — портрет Спенсера, такое славное лицо. Видимо, у Жина все хорошо наладилось — радуемся. Теперь все больше приходится слышать о неурядицах, тем дороже сведение об успехе. Что Мясин? Получил ли ответ на свой проект? Среди всяких предмирных толков особенно приятно слышать о культурных начинаниях. Нечасто поминается слово "Культура", а ведь она

единственная основа прочного мира.

Валентина прислала свою отличную статью "Психическая энергия". Все лучше и лучше пишет она. Молодец! Только подумать, как сидит Валентина в Миами со своим маленьким Мишей в маленькой комнатке и пишет о предметах, так неотложно нужных людям. Жаль, нет другой газеты. И самой ей бывает горько и смутно, впрочем, кому сейчас сладко? И никогда она не узнает, кому помогли ее добрые писания. Так и везде — посев на пользу общую безымянную. И у Вас то же происходит. Теперь представим себе, что бы было, если бы преступный вандал Хорш не разрушил Русский Музей. Нарастали бы и русский и американский отделы. Образовалась бы прекрасная возможность культурного единения двух великих народов. Вверху были бы соответственные учреждения. Так должно было быть, но темная рука вандалов все разрушила. Конечно, Вы можете напомнить и другие разрушения. Наш Русский Музей при Поощрении разрушен. Музей имени Куинджи разрушен. Музей имени Григоровича (писателя-народника) разрушен. Вероятно, это все было и уже не будет. По всему судя, не будет, а вот хоршевский вандализм и был и будет. Прямо удивительно! Что за психика у разрушителей, особая порода двуногих! А может быть, и "лавры" Герострата подстрекают. Как-никак, а прославился. Но "и это пройдет", а Вы — дорогие друзья, трудитесь над священным делом строительства.

Будем рады получить отчет АРКА — здесь он попадет в руки добрых друзей. У нас необычная погода — мороз по утрам. Набегают снежные тучи — все переменчиво, как современное человечество. Сколько людей за это время переходило много раз из рук в руки! Что за психология складывается у этих переходящих? Хорошо, что Вы помянули в списке Магдалину — она полезна. Нет ли сотрудников из школьных деятелей и из молодежи учащейся? Илья писал о хороших инженерах из Москвы, не были ли они у Вас? Итак, смело в дальнейший путь для общего блага.

1 марта 1945 г.

Публикуется впервые

Болезнь лжи

Пишет Муромцев:

"Ведь вообще американцы совсем не любят изучать историю. Поэтому всякое утверждение относительно хотя бы прошлой истории России, сделанное в печати, они берут за чистую монету, верят решительно всему. Но они любят биографии, особенно, конечно, знаменитых американцев. Недавно вышло несколько биографий знаменитостей в области электричества. Я читаю эти книжки на сон и еще больше убедился теперь, что правдивых историй нет или весьма мало: все зависит, кто пишет книгу, друг или неприятель. Конечно, можно простить, когда несколько предвзято описывается личность человека и его достижения. Но ведь объективные события совершенно искажаются. Что же удивляться, что газетные люди, пишущие по преимуществу историю во время ее делания, пишут столько неверного, а зачастую заведомо неправду. А публика все напечатанное берет за чистую монету. Недаром один выдающийся газетный репортер сказал: "Ведь газетам нужны новости, а не правда" (по-английски это звучит в рифму). Много вреда делают газеты раздуванием пламени разрушительных эмоций, которые, несомненно, будут вредить будущему мирному строительству. Я дошел до состояния, что почти что не могу читать газет, так они выводят из равновесия. Предпочитаю читать книги".

Так говорит хороший ученый и хороший человек. Вот если бы могли проникать в широкую печать такие справедливые голоса! Но где те газеты, которым нужна эта правда? Мы только что сожалели о нужных статьях, печатанных в листках почти не читаемых. Автор вовсе не хотел печатать именно там, но выбора никакого не было. А клевету, ложь, извращение примут с восторгом. Но почему говорить лишь о газетах, когда многие книги, долго живущие на полках книгохранилищ, вводят в заблуждение многие поколения!

И где пресловутое беспристрастие летописца? От грязи люди вшивеют, а от чего лживеют? Теперь столько изобретений! Нет ли еще целительного витамина?

5 марта 1945 г.

Публикуется впервые

Мозаика

Рузвельт отличился. Газеты США и Британии жирно и густо отметили его сюрпризы. Даже скромная лагорская СИМ-газетка дает редакционную статью "Сюрприз Рузвельта". Оказывается, Франклин как любитель сенсации сообщил всей прессе о существовании тайного договора, заключенного союзниками в Крыму.

После всех ругательств по поводу тайных договоров такое откровение громыхнуло, как бомба. В какое же положение поставил Франклин СССР, когда Советы так яро высказались против всяких тайных договоров?!

И другая рузвельтовская инкрустация: "Дэйли Миррор", со слов Франклина, сообщила, что никакой Атлантик Чартер[96] вообще не было. Были какие-то царапанья (скриблингсы) Черчилля — только и всего. Спрашивается, откуда же все газеты возвещали торжественно об Атлантик Чартер и многие народы в нее уверовали? А теперь "напрасны ожидания". Президент сделал бывшее небывшим. Вот так мозаика!

Из Куйбышева дали художественную программу: "Отчизна" Лермонтова, "Русь" Никитина, "Сын отчизны" Рылеева, "Декабристы" Некрасова и заключили торжественным "Медным всадником" Пушкина. "Люблю тебя, Петра творенье!" — отлично прочел Шебуев. Не сын ли Шебуева, работавшего в "Русском Слове"? Помню, тот опрометчиво изругал "Мир Искусства", а затем, когда мы побеседовали по душам, он сделался другом.

Из Бомбея пишут, что на банкет в честь годовщины Красной Армии из русских был приглашен один Святослав. Выставка условлена в Бароде. Д-р Гоетц просит дать в их бюллетень "Шовинизм" и мой девиз. Гоетц — хороший ученый, полезен Бароде.

Новая Школа Искусства в Патке просит хотя бы маленький эскиз. Как же отказать? "Стэт Фильм Корпорэшен" просит войти в Совет Старшин. Радхакришнан согласился, и другие хороши. Как же отказать?

Тандава Кришна (Безвада) хочет издать сборник моих записных листов. Как бы не было столкновения с "Китабистан" — они приступили к печатанию "Химават".

Советовал Ренцу четвертый номер серии посвятить Культуре Индии. Писать могут Бушан и Кашьяп. Предисловие может дать Радхакришнан. Кажется, так и будет.

В Мае золотой юбилей "Прабуддха Бхарата". В юбилейном номере дадут "Адамант".

Дело Рамакришны и Вивекананды растет. В добрый час!

"Заря Индии" (Калькутта) дала наше воззвание об Индусской Академии Науки и Художеств. Бомбей поддержал. Давно пора!

7 марта 1945 г.

Публикуется впервые

Вдаль

Спасибо за письмо от 17-1-45. Как печально, что у Вас опять лазарет! Может быть, с весною и здоровье окрепнет? Конечно, не надо сырых овощей и плодов — вареные лучше. Радуемся за Жина — сколько новых людей он встретит в своих разъездах! Мы отлично понимаем, что сейчас он ничего не может сделать для "Фламмы", но он может не забывать о Культурном деле и сеять огненные семена при новых встречах. Вы знаете, как ценны такие добрые посевы. "Фламма" есть чистый огонь сердца, и пусть он горит и в пути и около очага. Мы видим, что Жин и Жаннетт не забывают "Фламму", и даже их новогодняя карточка имеет знак "Фламмы".

Для должностных лиц берите кто лучше и ближе. И вообще, в нынешнее смятенное время действуйте как можно проще. И без того всяких тягот много. О "Славе", о получении ее Вы писали, но что они думают с ней делать? Впрочем, и тут пусть будет, что будет, ведь "и это пройдет". "Шапочный разбор" нелегко совершится, и дозор может показать самые как бы нежданные картины. Было письмо от Ильи и письмо доброе — и о Вас хорошо поминает. Видимо, и они ничего не имеют от родных, а ведь до войны они переписывались. Что же такое теперь случилось? Пусть Валентина еще мужу напишет — не удастся ли энигму разрешить. Полагаю, что нельзя выставлять эскизы у Тейлора, и Вы хорошо сделали, отказав им. Конечно, в Совет А.Й. можно выбрать всех, кого Вы помянули, а Сикорского библиотекарем.

Чем больше людей удастся привлечь к действенному сотрудничеству, тем лучше. Когда люди поймут, какую лепту они могут внести делу Культуры, то они во многом прозреют. Хоть бы Магдалина нашла себе занятие поближе к Вам. Странно — людей мало, а как только покажется дельный человек, он не находит себе применения. Везде так, и даже Армагеддон не изменил такое уродливое положение. Магдалина прислала к рождению Е.И. трогательное поздравление, сопровожденное ее хорошей графикой. Передайте ей наш сердечный привет. Отличная сотрудница, вот бы таких еще полдюжины. Какая помощь была бы Вам! Опять имеются признаки, что письма пропадают, а научный журнал из Америки, получаемый Светиком, почему-то в последнее время попадает в "дэд леттер офис", хотя адрес совершенно ясен. Кто знает, может быть, и письмо от художников, о котором Вы писали, где-нибудь застряло? И опять возвращаемся к загадке о "Славе" — эта энигма, которая до нас дошла, а ведь таких может быть много.

К сожалению, энигма о Б.К. разрешилась печально. 9 Марта от Татьяны Григорьевны получилась из Москвы телеграмма: Борис тяжко болен, находится в госпитале. Телеграмма шла одни сутки. Сейчас же мы телеграфировали. Вероятно, положение критическое.

Еще на днях из Мадраса я получил сообщение, что мне были высланы оттиски моей статьи, но я их так [и] не получил. Из Франции и из Бельгии мы ничего не имеем, а из Швейцарии даже художественный журнал больше не приходит. А ведь где-то кто-то, может быть, сетует на нас, не получая нашего ответа, и не представляет себе истинное положение вещей. Недавно экспрессная телеграмма из Лагора шла к нам пять дней (а ехать туда два дня). А что поделывает секретарь коммерции и его приспешники? Глаза и глаза за такою бандою. Неужели секретарь коммерции после всех скандалов все же может оставаться? Ведь для коммерции нужны безупречные люди. А как Ваша секретарша? Опять та же проблема — люди ищут работу, а найти людей невозможно.

Вот и 24 Марта — четверть века! В какое сложнейшее время исполняется эта памятная годовщина. Пришли письма от Джорджии Формани (Буффало), Виллиам Реед (Бостон) и поздравление от Кеттнера — если придется, передайте ему мой привет. Адрес Кирилла Клеменса: Общество Марка Твена, Вебстер Гров, Миссури. Только долетело Ваше письмо от 25 Января. Очень тронуты Вашим сердечным отношением к бедной Катрин — ведь редко бывают такие чистые сердца, как Спенсер. Наконец-то "Весна" доплыла к Вам. Приложенная Вами газета полна значения. Воображаем, сколько таких же газет повсюду. Неужели сорок биллионов окажутся в таких грязных руках? Даже слов не хватает. Зорко наблюдайте. Тяжки последние рычания Армагеддона. Плывите вдаль во славу Культуры. Сердечный привет друзьям. С радостью принимаем Ваши избрания в А.Й.

15 марта 1945 г.

Публикуется впервые

Вперед (24.03.1945)

Благодарю судьбу за добрые знакомства с Роденом, Морисом Дени, Ходлером, Галлен-Каллелой, Бренгвином, Саржентом, Тагором — все они разные, все они крупные, все они бились в жизненных битвах и преодолевали. Из них, кажется, еще живы Дени и Бренгвин — а может быть, и не живы — теперь сведения о культурных деятелях так скудны и случайны.

Тоже совсем разные Пюви де Шаванн или Кормон. Но оба внесли житейский опыт. Хорошо, что пришлось сблизиться с Горьким, Григоровичем, Андреевым, Станиславским, Римским-Корсаковым; узнал Стасова, Ключевского, Верещагина, узнал Льва Толстого, Репина, Куинджи — все эти встречи неповторимы, и каждая дала незабываемый оплот в жизни.

Вот толстовское напутствие "Гонцу" — "пусть выше руль держит, тогда доплывет". Нелегко в бурю руль высоко держать, но вспомнишь завет мудрый и подтянешься. А бури-то все грознее и нет в тучах просвета. В грозе и в молнии Родина, любимая Родина побеждает врага.

"Не замай"! — перед войною говорили мы врагам. Напоминали грозные примеры истории, но, видно, судьбе угодно было явить Народ Русский великим победителем — на страх всем врагам. "Не замай" Руси! Не испытай на "себе необоримую мощь Русского Воинства, мощь всенародную.

Строитель новой жизни — народ русский, все народы необозримой целины умеют быть друзьями, но не сделай их врагами — тяжела их десница и несломимо их мужество. Народ русский помнит напутствие Сергия Радонежского Дмитрию Донскому перед Куликовой битвою: "Если испытал все мирные средства — тогда сразись и победишь!"

Русь всегда склонна к мирному преуспеянию, но остерегись разгневать ее, остерегись вторгнуться на ее священную землю. "Проснулись богатыри"! И уже не задремлют на несменном дозоре. Светлое будущее, светлое добротворчество! Творческий труд всенародный!

За тысячью туманов есть гора, где человек человеку не враг, но друг.

24 марта 1945 г.

"Зажигайте сердца"

Сергиева Лавра

К Пасхе скажем о весне, о победах, о Памятнике Русской Славы — о Троице-Сергиевой Лавре. Запоздала у нас весна, но зато теперь расцвела она на редкость. Горы — в снегу, а внизу поля всех тонов зеленых и желтых — ячмень и горчица. У нас цветут абрикосы, персики, сливы, нарциссы, дафодиллы, гиацинты. Налаживаются почки вишневые, распускаются рододендроны. Солнце еще не палит. Токуют фазаны. Заливается сова. Прилетели удоды. Лучшее время весна — самое нежнокрасочное, многокрасочное. А победы гремят. Радио передавало монтаж новой фильмы "Дмитрий Донской". У меня была картина "Пересвет с Челибеем".

Ваших писем за эти недели не было. С письмами просто беда! Прислал мне из Англии некто Хорнеман — ответил ему, а письмо мое вернулось обратно. Вернулись мои письма к Альбуэрно (Буэнос-Айрес), к принцу Евгению Шведскому, к Мансону (Швеция), а уже о Швейцарии, Португалии, Франции и говорить не приходится. А ведь, наверно, Шауб-Кох или Коимбра провещились бы. Еще недавно Юрий не получил посланную ему из Лондона книгу. Почему нельзя послать Вам четыре книги Конлана, а из Америки журналы постоянно приходят? Какой-то издатель из Калькутты хочет переиздать для Индии "Алтай-Гималаи". По-прежнему спрашивают монографию Конлана. А где Лукин? Цел ли? А Блюменталь, Рудзитис? Все они писали бы, если бы это было возможно. Опасаемся, дойдет ли наша телеграмма жене Б.К. Дело в том, что через четыре дня с нас запросили копию этой депеши — не значит ли сие, что где-то она заблудилась? Ведь этак мы не получим дальнейших сведений о Б.К.?! Странно, очень странно, напишите им открытку.

Пришло от Инге славное, сердечное письмо — вот чуткое сердце. И еще трогательное письмо от Жина по случаю его избрания в директора А.Й. Он — верный сотрудник, неутомимый деятель. И его и милую Жаннетту берегите сердечно. Как он тепло поминает Вас обоих — видно истинно любит. У нас были не использованные "Фламмою" воспроизведения индусских картин. Сейчас Ренц печатает брошюру "Культура Индии", и я ему даю эти воспроизведения, иначе их просто насекомые уничтожат. Конечно, Ренц упомянет, что они от "Фламмы" — ведь журнал "Фламма" не состоится, ибо главные подписчики были в Китае, в Латвии, Эстонии, Литве, во Франции, а теперь все они рассеялись и живы ли? Второе издание Конлана сделано от имени "Фламмы", и это пусть Жин запишет в актив. Не упустите ничего, что сложно,

записать и в актив АРКА. Не только выставки и собрания, но каждое доброе слово, каждая полезная посылка уже есть истинный актив.

Прочтите "Письма о новостях науки" — "Сайэнс Ньюс Леттер" от 23 Декабря [19]44 — там любопытные астрономические новинки и медицинские чудеса. Только бы строго исследовали новые средства, а то польза в одном не дала бы вреда в другом. Уже бывало — откроют, а потом предупреждают о вреде. Помните, на римском съезде я предупреждал о возможных последствиях рентгенизации картин. Была резолюция. Вообще от резолюций шкафы ломятся, а в жизнь они не проникают. Как ночью — в подушку!

Прилагаю образец папки — мы их покупали в ботаническом магазине. Размеры были 18 на 12 инчей[97], как мои темперы. Не могли бы они послать нам, сколько в одну посылку разрешается? Они были дешевые. Инге пишет, что у Франсис были деловые бумаги — следует ли видаться с нею? Но ведь вся деловая часть не должна быть нарушена — из этого мог бы произойти вред. А ведь именно теперь дозор очень нужен. В присланной газете поминались письма — вероятно, это письма к Франсис.

Так и в самые сложные времена поминайте псалом Давида: "Вечером водворяется плач, а наутро радость". И не знаете, откуда и как приходит эта желанная радость. Мало ее на свете, и тем драгоценнее каждый ее проблеск. Да осветит она путь Ваш! 24 Марта мы прочли новейшее сообщение ТАССа: "Сейчас реставрируется Троице-Сергиев-ская Лавра — как "памятник русской славы". Сердечно…

1 апреля 1945 г.

Публикуется впервые

Антиклеветин

Илья Толстой — невеликий сын великого отца — вопил: "Почему музей Рериха, отчего не мне?" Когда ему говорили: "Что же вы поставите в вашем музее?", он упрямо ворчал: "Это все потом, а теперь хочу музей!" Так и помер сердито. Художник Юпатов, получив от меня добрую рекомендацию, шептал Лукину: "Не вечно же будет жить Рерих! После него мы переименуем музей". Некий художник Руп Кришна просил у меня письмо с оценкой его работы. Чтобы помочь ему, я дал очень сердечную оценку. Получив то, что ему нужно было, Руп Кришна сейчас же набросился на меня.

Вспоминался Куинджи. Когда ему передавали о каких-то вздорных выпадах против него, он удивленно замечал: "Странно, ведь я этому человеку никакого добра не делал". Была скорбная мудрость в такой оценке человеческой "справедливости".

В "Войне и мире" Толстой доказывал, как ошибочна бывает история, основанная на случайных "фактах", к тому же никогда и не бывших. И сам Толстой был живым к тому примером. Знаем, сколько небылиц о нем шепталось. Знаем, как злословили о нем его собственные дети. Булгаков, секретарь Толстого, достоверно сообщил о семейной драме великого писателя. Скажете, вся эта клевета прошла бесследно. Но в том и дело, что не вполне бесследно. Недаром французские житейские мудрецы сказали: "Клевещите, клевещите — всегда что-нибудь останется". И остается нечто — вроде вши или клопа. А там досужий историограф склеит "фактики" и "разговорчики", и получится нечто серенькое.

Только подумать, что зависть и клевета не приносят выгоды завистнику и клеветнику. "Клеветник бе искони". Вот в школах читали бы лекции о вреде клеветы. Ведь предупреждают же о вреде сифилиса. Клевета заразительна не менее самой гнусной болезни.

Столько открыли всяких микробов! Пора бы открыть микроб клеветы да и уничтожить его каким-нибудь новым витамином. Теперь говорят, что брачующиеся должны представлять врачебное свидетельство о состоянии здоровья. Вот бы и у всех поступающих на службу требовать свидетельство об антиклеветнической прививке. Уж очень изолгался земной мир! Спешно нужен "антиклеветин"!

5 апреля 1945 г.

Публикуется впервые

Хорошее

Порадовались мы Вашим письмам от 10 Февраля. И от Марковой доброе письмо — привет ей. Вы поминали письмо от Инге, но оно не было вложено. Хорошо, что выставка АРКА преуспевает. Хорошо, что напоминаете ВОКСу о "Славе" — когда-нибудь ответят. Хорошо, что Уид входит в работу. Хорошо, что годовой отчет АРКА скоро будет готов — ведь и в ВОКС он пойдет. Видите, сколько хорошего. А особенно хорошо то, что Вы все это хорошее усматриваете, радуетесь и набираетесь сил для будущего труда. Так и действуйте по местным условиям. Пелл — очень хороший человек. Юрий его всегда добром поминает. Мы так и думали, что месячные оповещения понравятся членам АРКА. Чем больше связи — тем лучше возникает и сотрудничество.

Скончался Шапошников — великий русский стратег. Иностранные писатели называли его "мозг русской армии". Многими победами обязан ему русский народ. О болезни Б. К. получена еще одна нерадостная телеграмма: "Борис опасно болен мозговою болезнью. Если течение болезни позволит, надеюсь через один-два месяца перевезти его домой из госпиталя". Кто мог думать, что именно мозговая болезнь приключится, а мы-то думали о почках — он ими с детства болел. А выходит — мозг; видно трудна была жизнь. И вполне ли поправится — если вообще оправится? Думали, почему они не пишут, а где тут писать, верно, не до писем было. Может быть, Д. узнает еще какие-нибудь подробности — будем признательны.

Только подумать, когда это письмо долетит к Вам, а уже текущий сезон кончился. Опять — через все препоны — думать о будущем сезоне. А ведь так необходимо пополнить кадры сотрудников. Неужели из молодежи никого нет? Если они завалены работою, то хотя бы внутренне могли бы приобщиться. Да и русский язык будет им очень полезен. Многие ученые и писатели очень дурного мнения о нынешней молодежи, но так ли это? Все-таки молодые сердца даже и в трудных обстоятельствах должны звучать на высокие запросы. Было бы катастрофично для мира, если бы огрубение-одичание закралось в среду молодежи. Конечно, новейшая музыка как бы не предвещает ничего утешительного, но будем надеяться, что сие есть армагеддонная судорога. Иной раз радио заведет такие раздирательные "мелодии", а какие-то сборища шумно аплодируют. Для молодежи такое времяпрепровождение — как бы злейший опиум. Впрочем, "цивилизованные" народы способствовали распространению

наркотической отравы. В здешних газетах сообщается, что в Чикаго нашли распятого человека в терновом венце. Он еще был жив и показал, что принадлежит к секте "Контролеры мира" и дал себя распять, чтобы напомнить об этой организации. Куда же дальше? Газеты сообщают, что конференция в С.Франциско будет в театре. Какой это театр — оперный, опереточный, балетный или драматический? Постоянная труппа или гастролеры? Не ставил ли там Мясин и какая судьба его балетного проекта? Посылаю адрес ботанического магазина, где имеются папки (в прошлое письмо он не был вложен), надеюсь этот магазин еще существует. Большие опыты терпенья: в Риге под спудом пятьдесят картин, в Париже — сорок, в Белграде — семь, в Загребе — десять, в Америке больше тысячи, пожалуй, и в Праге (13) и в Брюгге (13) тоже под спудом. Какой-нибудь историк искусства усмотрит эти странности. Все — этюды терпенья. А книги тоже под спудом? Целы ли книги в Риге? Не у кого спросить о них. Краски порошковые: кобальт, оранжевый кадмий, красный кадмий. Пароходным пакетом послано два экземпляра "Этернал гармент"[98] — один Вам, а другой Л.Мясину. Я поминаю его там. Пусть в жизни и там и тут проявится хорошее и порадует Вас. А если взгрустнется иногда о безлюдии — тогда вспомните конец прекрасной баллады "Бэда Проповедник":

"Довольно! Пойдем, никого уже нет! Умолк грустно старец, главой поникая. Но только замолк он, — от края до края "Аминь!" — ему грянули камни в ответ".

15 апреля 1945 г.

Публикуется впервые

Санта Фе

Порадовало нас Ваше доброе письмо от 23-3-45 со вложением письма Давида Р. Право, нельзя думать, что ему всего тринадцать лет — письмо звучит как слово очень взрослого человека. Пусть он идет тем же глубоко мыслительным путем. Пусть изучает Этику, пусть учится русскому и пусть устремляется к археологии — ведь она основа для познания истинной истории человечества. Если д-р Хюит в Санта Фе, то он, наверное, позволит юноше присутствовать при раскопках и тем приобщиться к вещественным памяткам жизни человека. Может быть, юноша найдет себе применение при Музее и сделается полезнейшим лектором и охранителем народного достояния. И как полезна ему будет Высшая Этика — она охранит его на всех путях жизни и даст беспрерывное восхождение. Молодой деятель найдет и молодых друзей и сложит кружок кооперации и взаимной духовной помощи. И Вы помогите ему на первых трудных путях труженика-искателя. Знаем, что Вы воодушевите и ободрите юношу. Наш душевный привет ему. Пусть помнит, что "благословенны препятствия — ими растем".

События показывают, что близок конец текущей фазы Армагеддона. Предстоит еще труднейшая фаза — преобразование жизни, опоганенной ненавистью и невежеством. Уходят деятели — им на смену придут другие. Пусть они окажутся истинно гуманитарными и добротворческими. Нелегка их задача в дни механической цивилизации, в дни темного материализма. Но все придет. Эволюция повернет колесо жизни. Неисповедимы пути восхождения. Рады мы видеть Вас по-прежнему на пути светлого труда и духовного совершенствования. Все лукавые уловки зла не коснутся путника на горних путях. Письмо Ваше дошло 21 Апреля — неслыханно быстро. Пусть быстрее наладятся добрые сношения. Трудимся, творим, шлем сердечный привет друзьям.

22 апреля 1945 г.

Публикуется впервые

Собрания

Спрашиваете, какие у меня были собрания. Сызмальства любил собирать. Было энтомологическое — бабочки, жуки. Было минералогическое. Было орнитологическое. Учился у препаратора Академии Наук. Было дендрологическое. Было археологическое — раздал по музеям. Было огромное каменного века — предполагалось отдать в музей Академии Наук. С В. В. Радловым уже было сговорено. Было нумизматическое — надоело, а часть прислуга украла.

Наконец, старинные картины. Грабарь напрасно журит за собирание только голландцев. Были и итальянцы и французы, а главное тянуло Е.И. и меня к примитивам. Это собрание дало нам много радости и перевалило за пятьсот. Где оно? Грабарь уверяет, что оно в Эрмитаже, но некие американцы покупали картины нашего собрания в Вене у антиквара. Бывало и в Париже — чего только не бывало! Говорили, что каменный век выброшен в Мойку, — вот и такое возможно.

Первая часть собраний помогла в изучении естественной истории — ведь в гимназии ее не проходили. Археология помогла изучению истории и в особенности русской. Шло обок с изучением летописей — было отличное их издание. Жаль, нет его здесь. Ну, а картины уже были как семейная радость. Юрий и Святослав тоже по природе собиратели. Так разделяется все на созидателей и разрушителей. Бывало, возвращаешься поздно после какого-нибудь заседания и видишь, как ярко освещены два окна. Значит, Е.И. до поздней ночи возится с картинами. Наверно знаешь, что найдено что-то интересное. Помню, как Е.И. отмыла Ван Орлея и Петра Брейгеля и Саверея. Рука у Е.И. музыкальная — легкая и знает, где и насколько можно тронуть.

Удивительно, к чему так безобразно замазывали отличные оригиналы? Вместо малейшей царапины нарастала целая отвратительная бляха. А часто на превосходной картине писалась через два века новая и посредственная. Впрочем, иногда такие вандализмы сохраняли оригинал — у нас было два таких случая. Достаточно вспомнить, что случилось с дюреревским триптихом. Эти записи напоминают, как всегда была преходяща "мода". Говорят, что суждения о художестве меняются трижды в течение века.

Добром поминаем наши собрания. А когда каменный век искали в разливах новугородских озер, Е.И. целый день не разгибала спины. Ефим усмехался: "Вот бы наши бабы знали бы так работать!"

Наш бурят, еще недавно бывший в тех пустынных местах, где проходила наша экспедиция, говорит, что теперь там стоят сотни юрт. Неужели все будет заселено?

24 апреля 1945 г.

Публикуется впервые

Спешно (01.05.1945)

Заспешили большие события. Уже в третий раз русские войска в Берлине— 1756, 1813, 1945 — каждое столетие. Помните ли Вы мою статью "Не убий", писанную после первой войны — тогда говорилось об убийстве и разрушениях. Теперь же все "усовершенствовалось", и придется вопить о неслыханных в истории человечества зверствах и жестокостях, об этих ужасных показателях одичания. Невообразимы жестокости немецкие, даже со зверями их сравнить нельзя. Вот, в какие темные тупики забрели двуногие.

У Вас крупные события. Конференция! Рузвельт ушел. Речь Трумэна хороша, чувствуется честный деятель. Наверно, он изберет добрых советников. Кто теперь вице-президент? Ни радио, ни газеты не называли. Прилетели сразу два Ваших воздушных пакета от 5, 21, 23 Марта с интересными вестями, с письмами ВОКСа и Пелла. Других посылок не было. Сколько и добрых и грустных сведений! Сколько смертей и болезней! Чудовищно сведение, что Метальников от пытки сошел с ума! Сколько испытаний, в которых люди показали себя в новом свете! Да, теперь начнется прилив сведений. И все не знаешь, о чем можно и о чем еще рано спрашивать прошедших горнило жестоких испытаний. Само время покажет.

Конечно, можете посылать выставку моих воспроизведений. Также можно выставить костюмы у Тейлора. Очевидно, следует много писать в ВОКС — видимо, они вообще плохо осведомлены. Значит, чем больше писать, тем лучше. Для включения в отчет АРКА я уже давно посылал Вам "Крылья Победы". Непременно помяните о "Славе". Странно, что староселье их достигло, а нашу работу будто не знают. Не узнаете ли чего о русской выставке у Шарпантье? Где остались вещи и после Четвертинской — там были еще и мои. Краски мы употребляем лишь порошковые (кобальт, оранжевый кадмий). Приходят и еще любопытные вести. С.Дев пишет с юга Индии, что им устроен бесплатный с полным пансионом "лагерь Культуры". Там будут читаться лекции по Культуре — искусству, науке, истории, литературе. Между прочим, Дев по телуру прочтет три лекции: "Культура и Рерих", "Международность и Р.", "Рерих и Гималаи". Интересное начинание, и деятель еще совсем молодой человек. Радио сообщило, что в Монголии (Улан-Батор) имеется государственный театр, государственный] симфонический оркестр и целый ряд учреждений художественных и научных. Пожалуй, Монголия хочет перегнать Индию — ведь здесь еще нет

ни государственного театра, ни гос[ударственного] симфонического оркестра, ни выставочных помещений. Сейчас ведутся обсуждения об организации Индийской Академии искусства и литературы. Чуется, что в Индии будет блестящее возрождение. Главное, нужно, чтобы правители показали личный пример и ободрили частную инициативу. Где-то находится в Улан-Баторе моя картина "Великий Всадник"? Она была в помещении научного комитета — там был центр культурной работы.

А что же поделывает мерзкое трио с их "покровителем"? Верно, Вы слышали что-нибудь об их "действах". Они такие лукавые, увертливые ехидны. Может быть, кто-нибудь нащупает о них. А с Еременко сохраните добрые отношения, в конце концов, намерения его были хорошие. Может быть, через свою галерею он объявит о существовании его монографии — ведь не знаете, где и как спрос обнаруживается. Катрин прислала прекрасное письмо и при нем письмо директора школы, где был Спенсер. Отрадно, что педагог так отмечает светлый характер милого Спенсера.

Читаете ли журнал "Тайм" — непременно прочтите от 5 Февраля. Думаю, что Вам не раз вспоминается, как изменился бы весь аспект войны, если бы было принято наше предложение о городах-музеях. Все фабрики, казармы, военные склады были бы вынесены далеко за город, и тогда не стали бы разрушать исторические реликвии. Когда-нибудь вспомнят и сделают. 18 Апреля газеты здесь объявили, что в кабинете Трумэна ожидаются перемены, предположен уход Штетиниуса и Уоллеса. Если здесь пишут, то в Америке, наверно, много комментариев. А здесь все спрашивают рижскую монографию и все не понимают, почему ее нельзя достать. Удивительно наблюдать, до чего люди бывают далеки от понимания действительности. Хорошо бы иметь список всех книг имеющихся — наверное, у Вас он есть. Пожалуйста, пришлите 12 маленьких монографий "Корона Мунди" и парочку Дювернуа (по-английски). Пришли добрые письма от Катрин, Инге и Жина. Дошли неслыханно скоро — 21 Апреля, а письма от 23 Марта. Будем надеяться, что теперь сношения ускорятся. Радуемся, очень радуемся, что деятельность Ваша растет. АРКА и А.Й. дадут много возможностей. Действуйте согласно местным условиям. Вы поминаете об адвокатах. Давно сказано: "где суд, там и несправедливость". Хороший человек Хекнер — привет. Письма от Кента еще не было. Так хорошо, что к Вам идут новые, хорошие люди. Сердечный привет всем друзьям.

1 мая 1945 г.

Публикуется впервые

Непосланное

Конец письма не послал, да и не пошлю. Кто-то заподозрит наши теперешние письма в отрывочности, в скрытности. Удивится, как можно не оценивать все текущие события — военные и государственные. Или мы их не замечаем?

Очень, очень замечаем, но писать о них невозможно. Вы забываете, что все идет через двойную, а иногда даже через тройную цензуру, — что за люди цензоры? По нескольким примерам видим, что их качество весьма относительно. В лучшем случае, они передают содержание пакетов на потеху своим собутыльникам, а в худших плетут вредную клевету. Бывали случаи, что цензоры с хорошей для себя пользою читают посылки. Слыхали через дальние руки очень трогательные отзывы. Но много ли таких? Зато о вредителях тоже достаточно наслышаны.

И где произойдет вред? На котором конце? И на ком он отстукнется? И без того горя и бедствий слишком достаточно. Вот из некоторых освобожденных мест нет вестей, а уж, наверно, написали, если бы могли. Значит — нельзя. И так вынимаешь из посылок все, что кому-то повредить может. В конце концов, остаются какие-то сухие листья. Да и не подымается рука писать о личных чувствах, когда знаешь, что какие-то неведомые люди будут хохотать и глумиться.

А друзья думают: неужели иссохли и не найдут прежнего задушевного слова? Но ведь душа-то на перекрестке не откроется. Может зарождаться отчужденность, а такие прорехи нелегко заштопать.

Свобода, демократия, справедливость возвещаются. Пусть они не превратятся в те три слова, еще видные на фронтонах французских зданий. "Свобода, равенство, братство" — чего лучше! А в результате известный ученый-старец сходит с ума в Париже от пыток. Его пытали наследники Гете и Шиллера, но пытали перед ликом народа Франции! Ужас! Любопытное дело о нас хранится в архиве здешних начальников — лишь бы его не уничтожили — уж очень показательно!

3 мая 1945 г.

Публикуется впервые

Напоминайте

Германия кончена. Много сообщалось об ограблении немцами художественных сокровищ и книгохранилищ. Где все это? Говорят, вероятно, в подземельях. Где же такие хранилища? Ведь в них должны быть запрятаны не только награбленные сокровища, но и содержание немецких музеев, которым грабители должны расплатиться за все убытки, ими причиненные.

О судьбе культурных ценностей ни радио, ни газеты пока не сообщали, а это предмет величайшего внимания. Минули времена, когда Культура и творения народного гения оставались в пренебрежении. Но если о судьбах красоты и науки не сообщается — значит, эти клады еще не найдены.

Не слышно, чтобы на конференции толковали о судьбах народных достояний. Даже если клады еще не найдены, то их нужно искать и, не теряя времени, выяснить этот великого значения вопрос. Пусть народы скорей услышат о судьбах их творческих достижений.

У нас собраны кой-какие выписки об увезенных немцами сокровищах. Выходит, что грабеж был чудовищный. Даже крупные размерами произведения были вывезены. По каталогам можно установить, что именно исчезло. Целые комиссии занимаются такими подсчетами. И настало уже время грозно потребовать возврата и восстановления.

Чем громче будет сказана забота о народном достоянии, тем воспитательнее это будет для народов. Нельзя удовлетвориться мыслью, что народное сознание уже сдвинулось. Кое-где есть продвижение, но массы еще готовы и на вандализм. Народы справедливо возмущаются немецкими вандализмами, но и сами еще в недалеком прошлом не прочь были принять участие в разрушениях.

Что было, то было, но не должно быть в будущем. Да, да, чаще напоминайте о священном народном достоянии. Напоминайте о любви к Родине, сложившей неповторимые сокровища. Напоминайте о Культуре, ведущей человечество к преуспеяниям.

7 мая 1945 г.

"Прометей", NS 8, 1971

Корабль Культуры

Итак, война в Европе кончена. Гитлер и Муссолини ушли. Уже нет Рузвельта. Во всей жизни почувствуется пропасть, и ее нужно спешно заполнить. Сделать это можно лишь Культурою. Мир через Культуру. Но велики должны быть усилия народов, чтобы ненависть заменить строительством, творчеством. Уже шесть лет царила ненависть. Ее поощряли, воспитывали. Как бы целый школьный возраст воспитался на человеконенавистничестве. Экое длинное, поганое слово! Какие просветительные усилия должны быть напряжены, чтобы излечить застарелые язвы! И откуда собрать дружины культурных деятелей, чтобы преодолеть заразные психические эпидемии? Опасны психические заразы. Их не излечить наркотиками. И захотят ли явные и скрытые ненавистники перековать мечи злобы на плуги просвещения? Всякая жестокость уже есть признак дикости. Люди нагляделись на всевозможные акты жестокости, свирепости, и много заботы потребуется, чтобы вернуть их сознание к Культуре. Приказом не помочь. Пресловутыми "Днями Культуры" не пособить. Тут уже не одинокие дни, а все часы должны быть окультурены. Помоги, школьный учитель! Помоги, учительница — сестра милосердия! Одна надежда на женское чуткое сердце. И на Руси столько героинь проявилось.

К нам приезжал представитель ТАССа — очень восторгался картинами: у него брат — художник. Полезен будет годовой отчет АРКА и для ВОКСа и для ТАССа. Если мы все трудились для Культуры в течение войны, то кольми паче теперь эта работа необходима. Спрашивают, что сделано у нас за время войны. Скажем (для архива): написано более тысячи картин и больших и малых. Целые группы их в Индоре, в Траванкоре, в Хайдерабаде (Деккан), в Мисоре, в Тери Гарвал и в частных собраниях. В журналах и в газетах прошел длинный ряд очерков и листов дневника. Печатается в Аллахабаде "Химават". В Амритсаре — "Радость искусства". В "Библиотеке Нового Мира" (в Дели) — "Рерих", "Пакт Рериха", "Культура". Вышло второе издание Конлана "Мастер гор". В Тривандруме вышло второе дополненное издание книги Тампи "Гурудев Рерих". Переиздан симпозиум из "Арче-ра" и "Искусство Р. в Индии". Помогали Красному Кресту (Русскому и Индийскому) и военному фонду. В Коимбре мой очерк "Прекрасное". В Швейцарии делалась книга Шауб-Коха. Через АРКА послана в Москву "Слава". Отсюда ТАСС посылал в Москву ряд очерков. Так что, когда подведете итоги военного времени, получается немало происшедшего — несмотря на все

трудности и препоны. Вы знаете, как трудно было переслать Вам для Мясина "Весну Священную" и "Половецкие пляски". Если бы не всякие затруднения, то удалось бы и многое другое. Были лекции Санджива Дева и Рабинд-раната Деба. Запросы на переиздание "Алтай-Гималаи".

Вы пишете, что Анисфельд и Бенуа умерли, а мы об этом ничего не слыхали. Если до Вас дойдет еще что-нибудь о художественной жизни, непременно сообщите — хочется знать, что и где творится. Спасибо, что холст послали — большая в нем недостача. Просил послать Вам 10 Конланов и по 6 изданий Ренца — надеюсь, это удастся. Ведь должны же сношения улучшаться. Когда же и как услышим о картинах и о книгах в Риге? Может быть, услышим так же неожиданно, как Вы получили сведения из Парижа. Неисповедимы пути! Русская выставка у Шарпантье тем любопытнее, что еще раз показывает живучесть искусства, не погибающего даже в самых стесненных условиях. Не удастся ли Вам узнать, кто устроил эту выставку, кто участники, нет ли каталога? Валентина прислала две свои статьи — "АРКА" и "Эволюция духа". Обе статьи очень хороши и полезны. Сердечный привет ей. Вот бы получше газету найти — для широкого круга читателей нужны ее статьи. Можно, если хотите, пометить мое письмо в АРКА 31 Дек[абря] 1944. Жив ли Дымов? Он работал в "Новом Русском Слове". В "Дейли Миррор" 8 Марта [19]45 имеется очень показательный снимок. Итак, зорко приглядывайтесь к новым условиям. Привет всем друзьям. Теперь будут выясняться многие судьбы.

В вихре событий перевернулась великая страница истории человечества. Да плывет счастливо Корабль Культуры!

15 мая 1945 г.

Публикуется впервые

Художники

Уважаемый Олег Леонидович! Один здешний художественный критик спешно спрашивает меня, как живут в Москве художники и каковы их фактические заработки? А я этих данных и не имею. Мы слышали, что писатели зарабатывают хорошо, и годовые гонорары Толстого и Шолохова доходили до трехсот тысяч рублей. Но о художниках ничего слышно не было.

Вы были недавно в Москве и Ваш брат-художник, значит, именно Вы можете мне дать нужные сведения. Всякая недомолвка истолковывается всегда в дурную сторону. А у меня глаз добрый (как однажды мне сказал Станиславский), и от меня исходят всегда верные сведения. Вот я и прошу Вас, не задержите написать мне конкретные данные о жизни художников и о размере их заработка.

Спрашивают также, существуют ли частные коллекции и ссылаются, что будто бы они запрещены. Спрашивают, какова стоимость жизни? Какова жилплощадь? Каков паек? Стоимость картин? Каково качество художественных материалов? (Впрочем, на этот вопрос Вы мне говорили, что художники жалуются на плохое качество — о чем я моим совопросникам и говорить не буду).

Особенно теперь после окончания войны всякие доброжелательные вопросы участятся и будет нелегко отвечать незнанием или молчанием. Радио сообщало, что рабочий-стахановец в год получает до двухсот тысяч рублей. Киргиз привозит в сумах миллион рублей на заем. Доярка дает на заем сто тысяч рублей… Таких данных много сообщает радио — значит, и творческий труд оплачен хорошо, и об этом нельзя умолчать при расспросах. Потому будьте добрый и напишите мне о художниках. Буду очень ждать. Мы были очень рады познакомиться с Александрой Ивановной и с Вашей дочерью. Такие они славные. Газеты мы еще не получили. Получили ли Вы мой пакет со статьями? Приветы Елене Афанасьевне, Вам и Петру Васильевичу. Искренно…

16 мая 1945 г.

Публикуется впервые

Борис

Дорогая Татьяна Григорьевна! Грустную весть сообщили Вы нам. Печально и за милого, любимого Борю и за него как отличного деятеля-строителя. Мало кто остается из этой хорошей группы. И Боря и я еще так недавно мечтали опять поработать вместе, и вот судьба решила иначе.

Сохраните все памятки и сообщите нам в случае переезда. К сожалению, почта очень медленна, а телеграмма Ваша дошла с большим опозданием. Когда будете писать, лучше пошлите копию и на имя Зинаиды Григорьевны — кто знает, которая весточка скорее дойдет. Так хочется нам знать все подробности болезни и всех обстоятельств.

Последнее письмо Борино было от 8 Декабря 1942-го, и оно предполагало скорое продолжение (он шел в Комитет по делам искусств). С тех пор все вести прервались — словно бы что-то случилось. Между тем 24 Апреля 1944-го Грабарь прислал хорошее письмо через наше посольство в Вашингтоне. Затем ВОКС писал Зинаиде Григорьевне о том, что московские художники пишут мне коллективное письмо. Может быть, оно в пути или пропало — так трудны сообщения. Но все же письма от ВОКС сравнительно быстро доходят до Зинаиды Григорьевны — значит, та линия как будто благополучнее. Потому и это письмо посылаю Вам и прямо и через Зинаиду Григорьевну.

Вы чуете, как нам хочется знать все касаемое Бори, его работ, его болезни. И Елена Ивановна, и Юрий, и Святослав всегда так любили Борю и ждут Ваших сведений. Что Щусев? Что Бабенчиков? Кто был близок Боре? Неужели голодовки отозвались на болезни мозга? Или как-то иначе зародилось заболевание? Теперь и болезни-то особенные. Обо всем, что вместится в письмо, напишите. Хоть и долго пойдет оно, но все же будем уверены, что оно где-то плывет. Шлем Вам наши сердечные мысли и будем ждать. Искренно с Вами.

17 мая 1945 г.

"Россия"

Грабарь (18.05.1945)

Дорогой друг Игорь Эммануилович! К открытию Третьяковской галереи шлю сердечный привет друзьям-художникам и всем геройски охранившим великие народные сокровища. Да процветает Русское Искусство!

Не знаю, получил ли Ты мое письмо от конца Июля прошлого года? Твое доброе письмо от 24 Апреля 1944-го я получил через Америку в Июле и ответил Тебе и прямо из Индии и через Америку. Дошло ли? Прошлою зимою ВОКС сообщил в Нью-Йорк в нашу АРКА (Амер[икано]-Рус[ская] Культур[ная] Ассоц[нация]), что мой манускрипт "Слава" возбудил большой интерес и что художники мне пишут коллективное письмо, но до сих пор оно не дошло.

Так многое в пути теряется, что Твой способ — через посольство — очень хорош. Если Твой ответ не дошел, то повтори его или через ВОКС или через посольство. Из ВОКСа письма идут довольно успешно в Америку.

Пишут из Америки, что Анисфельд и Бенуа умерли. А теперь пришла к нам телеграмма из Москвы, что 4 Мая мой брат Борис скончался. Думаю, много кто ушел за эти трудные годы.

Слушали мы, как хорошо Ты говорил о Серове. Мало нас остается из этой группы. Принесем все наши труды и знания любимому, великому народу русскому. Искренний привет наш Твоей супруге и всем друзьям.

Сердечно…

18 мая 1945 г.

Публикуется впервые

Победа

В Москве готовится выставка "Победа". Честь художникам, запечатлевшим победу великого Народа Русского! В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства. Будет создано особое хранилище этих великих памяток. От вождя до безвестного героя во благо будущих поколений будет запечатлен героизм защитников Родины.

В дальних Гималаях радуемся. Приветы шлем. В лучах восхода видим праздник Москвы, праздник сердца народов. Хотелось бы послать на эту выставку мои: "Победа", "Партизаны", "Богатыри проснулись"… А как пошлешь? Отсюда еще хоть на верблюдах, а там куда довезет поезд? Если даже малые письма не доходят, то где же думать о посылках, о ящиках!

Мечтается, что преграды должны исчезнуть. Общечеловеческое естество должно превозмочь зубчатые заборы ненависти. Новое прекрасное трудовое действо откроет врата народных достижений. Культурная связь воздвигнет сотрудничество народов. Обмен искусства породит новых друзей, даст содружество, отепляющее сердца. Старая пословица напоминает: "Взаимность — душа договоров". Вот здесь издается на многих языках журнал "Дунья" ("Весь мир"), а по-русски выходит милое имя Дуня.

Русское художество, избежав всякого фюмизма и блеффизма, идет широкой здоровой стезею героического реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества.

Победа! Победа! И сколько побед впереди.

24 мая 1945 г.

"Зажигайте сердца"

Жизнь

Говорил Маккиавелли: "Самое страшное в жизни — не заботы, не бедность, не горе, не болезнь, даже не смерть, а скука". Именно этого чудовища — скуки — у Вас и нет. Скучать некогда, — все время завалено трудом. Глаза — на дозоре, энергия — в напряжении. Главное в том, что Ваша работа для Культуры не ржавеет. Годы пройдут, а все сделанное Вами не устареет. Человечество так туго воспринимает все культурные основы, что приходится твердить и твердить. Ужасы вульгарности, пошлости, жестокости препятствуют проникании к сердцу нравственных постулатов, и опять крепкие, терпеливые дятлы должны преодолевать кору безобразий. "Дятел носом тук да тук" — певали дети.

Дошла из Москвы запоздалая, грустная телеграмма — Б. К. перешел в лучший мир. Хотя мы после вести о тяжкой мозговой болезни имели мало надежды, но все же печально, что не исполнилось его последнее желание еще поработать вместе. Где останется архив? Посылаю Вам копию нашего письма, пожалуйста, перешлите Татьяне Григорьевне. Из ВОКСа Вы получаете сравнительно благополучно и быстро. Может быть, Ваша линия лучше. ТАСС недоумевает, куда деваются все мои статьи, им пересылаемые. Ни ответа, ни привета! И вернее всего — просто неразбериха. Но все же Вы получаете хоть какие-нибудь ответы. Значит, упорно твердите во благо Культуры.

Нам пишут: теперь Армагеддон окончен! Ничуть не бывало! Вернее сказать, к концу близится. Утро близко, но еще ночь. Роквел Кент прислал хорошее письмо, и я рад, что он наш друг. Думается, что и Норман Бел Геддес тоже дружественен. Хорошо, что и Ватсон с нами. Все, кто получше — друзья. Жив ли Бурлюк? Неужели на путях АРКА он не замечался? Где Дерюжинский? Не слышно ли о Вернадском? Ростовцев? Стравинский? Судейкин? Где-то Лаурвик? Он был в С.Франциско — жив ли? Трудно их всех проявить. Жива ли м-с Тер в Филадельфии? Славный она человек. Помните, она хотела сотрудничать, но как увидела Хорша, так в ужасе отскочила. Сказала: "Да ведь это преступник!" Где же ползает преступная шайка с их покровителем? Прискорбно, что ползают мерзкие двуногие, живущие ложью и грабительством, и никакие конференции не смогут им растолковать об основах нравственности. Лишь культурные учреждения могут, как неумолчный колокол, напоминать об истинных ценностях. Последствия Армагеддона будут сказываться немалое время.

Пожалуйста, пошлите прилагаемое письмо Грабарю — адрес

Вы имеете. Трудно понять, где могут теряться письма — потому пробую посылать всеми путями. Ваше последнее письмо было от 23 Марта. Неужели сроки полета опять удлинятся? Или не пропала ли Ваша очередная весть? Теперь все должно бы ускоряться и упрощаться, а между [тем] этого пока не заметно. Не было ли из ВОКСа сообщений за это время? Еще до войны я писал Щусеву об обмене выставками отсюда и оттуда. Ответа я не получил, но мое заказное письмо не вернулось, надо думать, дошло. ВОКС уже устроил выставку в Тегеране — значит, и здесь было бы возможно. В письмах помяните им о моем предложении. Ведь в свое время и первую американскую выставку я устраивал. Пусть у них в архиве сохранятся памятки о нашей культурной работе.

Газеты сообщают, что девушек-парашютисток, спущенных в Марселе, купали в вине и натирали сигарным пеплом, чтобы они приобрели запах французских девушек. "О темпора! О морес!"[99] Постепенно попадаются сведения о художественных сокровищах, награбленных немцами. Были огромные экспертные грабительские организации. Так или иначе, а искусство признано сокровищем. Прислушивайтесь ко всему, что относится до ценностей искусства. Каждая крупица таких сведений должна быть сохранена. Непременно посмотрите бюллетень "Модерн Арт Музея" от Января 1945 № 3. Там найдете любопытнейшие отголоски парижской жизни. Надолго протянется художественная неразбериха, а искусство, как таковое, будет страдать. Жаль, не помню хорошее стихотворение А.К.Толстого: "Дружно гребите во имя прекрасного против течения". Наконец, дошло Ваше хорошее письмо от 2 до 9 Апреля. Спасибо Вам за многие сведения — все это нужно знать. Спасибо Уйду за желание помочь в деле курсов русского языка. Чем шире оно образуется, тем лучше. Удивителен список художников — ни системы, ни смысла. Когда же Айвазовский был историческим художником!? Да и многое другое! Злобность Коненковых — не новость, уж такая их природа. Печально, если и у Вас письма идут целый год — вот так связь! Но продолжайте упорно во благо.

Сердечный привет всем друзьям.

1 июня 1945 г.

Публикуется впервые

Русский музей

Давным-давно доводилось мне говорить российским послам и власть имущим о необходимости ознакомления всего мира с русским творчеством. Думалось, что при каждом посольстве мог бы быть как бы Русский Музей или постоянная выставка и библиотека, которые бы привлекали посетителей и давали бы понятие о русских культурных сокровищах. Это было [бы] очень нужно и своевременно.

Доводы мои выслушивались вежливо и снисходительно, ведь "художники — странные люди и законы им не писаны". И даже там, где доводы западали на добрую почву, они все же не давали действенных следствий. Приходилось сеять без надежды на урожай.

Впрочем, даже в самой Руси претворение Русского Музея совершилось недавно, на нашем веку. С тех пор под разными видами удавалось создавать русские музеи за границей. Кой-какие зерна засыхали или попадали под ураган человеческих бедствий и зла, но кое-что и теплилось. Говорю не к тому, что было, а к тому, что при грядущем переустройстве опять должно возродиться в новом народном понимании.

Не об одной же индустрии жив человек, но о Культуре в ее высоких проявлениях. Да, да, русские народные сокровища будут достойно показаны и отеплят многие сердца всяких народов. Создадут новых друзей. Все-таки "Мир — через Культуру"!

И еще один Русский Музей заложится, хотя бы тихо и постепенно. Пусть будет Русский Музей в Индии. Обстоятельства покажут, где именно найдется место ему. Может быть, при каком-то университете или при других культурных учреждениях — сама жизнь покажет. Но все же русский камень заложим.

Конечно, сейчас у Индии у самой нет ни Центрального Музея, ни выставочных помещений, ни Академии Наук и Художеств, ни оперного театра… Но все это придет. Если не Правительство, то толстосумы сделают складчину на такие неотложные культурные потребности. О необходимости строительства повелительно указует жизнь. Бедна народная масса в Индии. Много бездомных и двадцать шесть миллионов дикарей, живущих на деревьях, стреляющих из лука. Но ведь и богачей немало, особенно теперь, когда расплодились всякие военные фабриканты и подрядчики. Но кто их позовет на культурную работу? Когда мы взывали об Академии Наук и Художеств, то группа была невелика. Ну, да "и это пройдет" и жизнь повелит. Вместо скачек и крикета внимание устремится к просветительным целям. А все-таки Русский Музей

будет в Индии!

8 июня 1945 г.

Публикуется впервые

Военная тропа

Получили телеграмму от Инге о новой грабительской проделке Хорша. Отвечаем, что Картинная Корпорация как большинство может протестовать. Может быть, Уид может посоветовать, ибо, очевидно, задумано перенести "действо" в другой штат. Вероятно, зная разделение штатов, грабители что-то удумали. Жин теперь живет в Вашингтоне — не услышит ли он чего на месте? Во всяком случае, в Картинной Корпорации Вы — большинство и можете протестовать. Помните, Вы писали, что они Вам предлагали через адвоката триста вещей — значит, они считались с Корпорацией. Действуя посредством публикации в журнале, грабители выказывают крайнее невежество, ибо этим путем можно лишь умышленно уронить ценность. Может быть, они и хотят совершить и такой вандализм. Кто же в Мае продает картины? Самое мертвое время. Будем ожидать следующих сведений. Будем помнить, что еще недавно Хорш через своего адвоката предлагал Редфильду дать Вам триста картин — значит, они очень считаются с Картинной Корпорацией.

Мировой шапочный разбор ужасен! Только подумать, что впервые мирная конференция проходила под гром французских пушек в Дамаске. Еще в "Алтай-Гималаи" я напоминал, что тогдашняя бомбардировка Дамаска французами не создаст друзей. Бывало, французы говорили: "На уксус мух не ловят". Да и конференция во Фриско началась джазом: "Вернись ко мне, возлюбленный"! Вот тебе и возлюбленный! Лондон указал Парижу — прекратить стрельбу. Ну и прекратили. А как же насчет "возлюбленного"? Так он в джазе и останется?

Видимо, японцы получают свою карму за свои деяния. Кроме многого, они приютили у себя целую свору фашистов из русских отбросов. В Харбине мы достаточно наслышались и натерпелись от этих бандитов. Помню, как пришел ко мне некий Юрий Лукин с упреками за мои заботы о культурных ценностях. Конечно, их фашизм и Культура не имеют ничего общего. При безусловной сдаче Японии, надо думать, и все тамошние фашистские гнезда будут искоренены. Вот и у Вас имеются всякие мерзейшие двуногие, и Вы правильно возмущаетесь, видя, как преступные рэкетиры выходят сухими из воды. Кто, когда, как покончит с этою ядовитою заразою? Много ли преуспели администраторы, пытавшиеся воздвигнуть поход против растущей преступности? А ведь она растет! Зверство множится. Жестокость укореняется.

Итак, Вы опять "на военной дороге" в защиту культурных ценностей. Можно протестовать, но помните старую поговорку:

"Где суд — там и несправедливость". Особенно же, когда преступник имеет неопровержимого современного адвоката по имени "доллар". Вполне естественно, что Корпорация может заявить письменный протест. Впрочем, и эти строки к Вам дойдут уже во второй половине лета. Неужели теперь жизнь лишь на "пути войны", а жить в мире люди вообще не умеют?!

А еще древнейший Египет заповедал: "Мир лучше войны". Сколько смуты в мире — от государств до очага. Нам передавали о пресловутом американце Кельце такие подлые гадости, что прямо содрогаешься — неужели подобные гангстеры существуют, а ведь эта гадина и посейчас где-то ползает и смердит.

Вы, вероятно, знаете, что Базыкин занимает теперь большое место — заведующий американским отделом в Наркоминделе. Непременно пошлите ему парочку отчетов АРКА с приветом. Пошлите и Грабарю — адрес его знаете, да и в Славянский Комитет. Десятого Июня московское радио сообщило, что Уоллес сделал вредительский выпад против СССР, и многие сенаторы и конгрессмены выступали возмущенно против Уоллеса. В чем дело? И что он сейчас делает? Ранее Лондон сообщал, что Уоллес отставлен от коммерции. Вероятно, Вы слышали, где и что он? Помните, была икона "Сторучица", а у буддистов была Дуккар-тысячеокая. Вот такою и приходится быть, чтобы увидать за тридевять земель. Мысли наши с Вами. Мысли добра и бодрости.

15 июня 1945 г.

Публикуется впервые

Зажигайте сердца

Наконец, долетело Ваше письмо от 4 Мая. По-видимому, Ваше предыдущее письмо или где-то застряло или, чего упаси, пропало, а ведь в каждом столько полезных сведений! Душевный привет Ирине Яссен за стихи. Отрадно, что дух ее устремлен ввысь. Относительно Академии — вполне понятно, что Вы не можете одновременно уделять силы по всем направлениям. Всему свое время, и люди подходят вовремя. Вот в древних пирамидах зерна не потеряли свою жизнеспособность. Любопытно, что за журнал выходит в Уругвае — посмотрим.

Пришел Ваш пакет с очень дельным циркуляром Дедлея — как полезны такие оповещения. Конечно, их посылаете в ВОКС. Очень хороша и статья Зины — весьма пригодится — все это строительство. Валентина прислала свою последнюю статью "Мы и дети". Пусть она собирает свои статьи — из них составится отличная книга, так ей и скажите. Хорошо, если бы Магдалина получила место в Нью-Йорке — так нужны добрые сотрудники. По А.Й. тоже ничего особого не сделаете. Главное — распространение книг через магазины. Сама жизнь подскажет, который канал окажется лучшим. Насколько время и силы позволяют, нужно постепенно переводить еще не изданные книги.

Хорошо, что Вы имели письма из ВОКСа — они дают материал для ответа, для запросов. Некоторые переписки представляют целое творчество. Не только академическое взаимоосведомление происходит, но и зарождаются действия — такова и Ваша переписка с ВОКСом. Особенно теперь, когда война кончилась, такое культурное сотрудничество должно расцвести ярко. Когда-то люди оценят работу ради Культуры не от безделья, не от пресыщения, но от устремления к свет лому будущему. Оповещайте, зажигайте сердца! Удалось ли Вам послать сюда несколько маленьких монографий "Корона Мунди" и Дювернуа? Кстати, кроме посланных в Ригу клише, у Вас их должно быть очень много. Где-то находятся в Риге клише, посланные Вами из Нью-Йорка? Где все картины? Даже и адреса не знаем — куда запросить? Радио помянуло председателя ВОКСа Пименова — хотелось бы больше знать его произведения. Также хотелось бы знать архитектурные достижения Веснина. Он очень знаменит в Москве, а в Гималаях мы не имеем данных. Уже давно к нам не доходят московские газеты, а радио очень скупо.

Где наши друзья-рижане: Лукин, Блюменталь, Рудзитис? Не забудем, что они издали сборник "Мысль", 1939, в Риге — этот первый голос единения и братского сотрудничества с народами

Союза. Проф. Кирхенштейн — глава Латвии — писал в этом сборнике. Там была моя "Оборона" и "Александр Невский", а также В.А. "Служение Родине и человечеству". Все это имейте в виду. Хорошо бы перевести мой лист "Не замай!" с годом — ведь он был написан до войны, а и сейчас неплохо о нем напомнить. Пусть бы Валентина перевела. Так в мире сложно сейчас, но зато сколько движения, а из движения образуется и достижение. Странно, что Париж безмолвствует, и, видимо, и Ваши письма туда не доходят — значит, есть какая-то особая причина. Конечно, все это когда-то объяснится, но когда и как? И в то же время нельзя беспокоить друзей письмами, кто знает, какие у них особые условия?

Прилетело письмо Жина от 24 Апреля — летело долго. Жин правильно говорит, что они посылали карточки "Фламмы" членам. Именно такие памятки я и имел в виду, когда предлагал, чтобы время от времени отеплять друзей. Вот некоторые и откликнулись. Огнем сердца можно и привлечь, и ободрить, и простить. Что такое с Жаннетт? Неужели опять неладно? Жин надеется повидать Вас в Вашингтоне. Не удалось ли Вам повидать посла или секретаря? Вероятно, Вы хотели передать им отчет АРКА. Здесь ждут отчет АРКА. Не думаете ли, что лучше начинать много раньше составлять отчет, чтобы он не выходил в самое глухое летнее время, когда все в разъездах? В передвижениях мысли рассеянны.

Каждый день ждем весточку о выступлении грабителей. Вспоминаем, как Хорш проделывал свой грабительский план уже с 1924 года. Затем он старался уверять с 1930 года, что план дома непрактичен и в 1935 году, наконец, завершил ограбление. А теперь уже десять лет действует музей, выставки, школа, и вся наша программа вдруг оказалась настолько практичной, что даже при убогом управлении Хоршей все существует. Понимает ли публика все происходящее? Впрочем, общественное мнение не существует, а такие типы, как Гребенщиков и Завадский, даже боятся пикнуть против вандализма Хорша. Хорош и пресловутый судья Франкенталер! "Гадина, гадина, сколько тебе дадено?" И ведь мало того, что ограбили — гадины продолжают ползать и вредить русскому делу. Впрочем, что им до русского дела! Но не будем погружаться в прошлое. Иногда полезно освежить память, но прошлое не должно заслонять будущее.

Печально, что почта опять испортилась. Между тем у Вас, наверно, набирается много всяких новостей. В ящиках в "Либерти" могут быть и ценные документы, а может быть, и книги. Все думается, а вдруг из ВОКСа добрая весточка?! Радуемся, что Вы предполагаете отдохнуть. А там не за горами опять труд — опять

добрые оповещения об АРКА, опять переписка, опять борьба за лучшее будущее. И как трудно дается лучшее будущее — тем почетнее борьба за него. Наверно, из членов АРКА образуются хорошие друзья. Вы уже имеете несколько — пусть множатся. Всем друзьям и старым и новым душевный привет.

1 июля 1945 г.

Публикуется впервые

Душное лето

Пришло Ваше доброе письмо от 5 Июня. Вместе дошло и письмо от Валентины от 7 Июня с подробностями о Б.К. Спасибо ей за ее сердечные мысли. Из статей и писем у ней сложится отличная книга. Отлично, если Магдалина останется в Нью-Йорке — такая прекрасная сотрудница. Интересно как у ней пройдет выставка репродукций? В добрый час! Пусть и русский курс Марковой растет — все это так нужно.

По-видимому, издатель Конлана не смог послать 10 экз. и 6 Ренца. Формальности невообразимые. Большая радость от Вас — пришла книга Макаренко, тринадцать малых монографий и четыре Дювернуа — спасибо, все это полезно. Значит, посылка из Америки дошла без препятствий. А вот с холстом дело трудно. Прилагаю копию письма Эльзингера. Конечно, сейчас же мы написали по его совету в таможню — посмотрим, что выйдет. Непонятно, почему Ваша прошлая посылка холста дошла благополучно, а теперь такая заморока. Неужели вместо облегчений все труднее становится?! И почему Вы можете посылать книги, а мы Вам не можем? Абракадабра! Хоть вообще картин не пиши!

Как понимаем мы стремление Дедлея к новой работе АРКА и ВОКС — преддверие. Что может быть выше культурной работы? Могут приблизиться неожиданные возможности — ведь особенно теперь для всего пути особые. Наверно, у Дедлея обостряется устремление к новой работе в предвидении всяких приближений. Ничего, что от ВОКСа редки посылки — продолжайте учащенно писать им — "гутта кават лапидем"[100]. Пароходною почтою я послал Вам два симпозиума. Потом пошлю еще, а теперь пошлю пакет с репродукциями. Хоть таким путем пусть доходит. Жаль, что отчет АРКА все еще не дошел. Он очень полезен здесь.

Но устремимся вперед. Иранский поэт XII века Низами сказал: "Не отчаивайся в несчастье, помни — светлый дождь падает из темных туч". Кроме Картинной Корпорации и декларации 1929 года, надо особенно помнить, что Хорш представил в суд никем не заверенную и написанную его женою "копию" с несуществующего документа, которым все трести[101] будто бы подарили Хоршу свои шеры учреждения. Хорош судья, который принял такую явно сфабрикованную "копию". Этот чудовищный факт надо помнить, ведь он достаточно выясняет всю преступную сущность грабителей. Кто такой Валерий Терещенко? Если Вы с ним хороши, то не посоветоваться ли с ним о хоршевских деяниях? Впрочем, Вам виднее. Особенно четко

нужно помнить самое главное, не затуманивая [его] мелкими фактами. Среди главного не следует забыть, как Хорш грабил Катрин, Сутро, Стокса, Дедлея. Даже не гнушался трудовыми сбережениями Людмилы и Рябинина. Эх, если бы существовало общественное мнение! Но доллар царит и запечатывает совесть. Позорная золотая печать.

"Лайф" сообщает, что грамотность в японской армии выше, чем в американской. Неужели это возможно? Но не стал бы американский журнал без основания пускать по миру такое прискорбное утверждение. Значит, тем ценнее и неотложнее все просветительное, все культурное. Тем непростительнее все Культуру разрушающее. И ведь не одними бомбами разрушается Культура. Бомбы — это трескучий апофеоз мрачной оперетки "Акультура". Но заразительный мрак сеется в семьях, в школах — всюду, где от невежества зарождается человеконенавистничество. Культурные учреждения должны перепахать все сорные поля и сеять добрые, всхожие зерна. Увы, это не труизм, но неотложное требование. Истинно, такие ассоциации, как АРКА, должны расти. Скажите Терещенко, как рады мы были читать его лекцию. "Русский — это брат народов". Хорошо сказано. Дал переписать и посылаю в журнал.

Жаль, что отчет АРКА еще не дошел. Жаль, что и все европейские друзья еще молчат. Да и когда сообщения освободятся? Сколько ступеней освобождения должно быть еще пройдено! И все время получаются запоздалые подтверждения о том, что нечто пропало, не дошло. И уже не воскресить таких умерших вестников. Сейчас — письмо от Альбуэрно (сердечный привет ему); он думает, что мои письма возвращаются из-за неверного адреса. Вовсе нет — цензура полагает, что в Аргентину писать нельзя. Много моих писем вернулось, и к нам многое не дошло. Думается, что мои письма в Москву — Грабарю, Гундорову и прочие тоже не дошли или ответы пропали. ТАССу передам отчет АРКА, но хорошо бы и Вам найти местного представителя ТАССа — наверное, он имеется в Нью-Йорке. И через консула его можно найти. Ведь и ему отчет АРКА полезен.

Каждая веточка даст росток. Вот и Вы и Валентина справедливо огорчаетесь газетными выпадами против нашей Родины. "Из-за кустов — леса не видят!" Близорукие злые писаки! Скажу: удвоим наши усилия во имя Культуры. Лето душное. Много смятения в мире. Каждый чует эти болезненные судороги. Превозможем. Сердечные мысли друзьям.

1 июля 1945 г.

Публикуется впервые

Русь (04.07.1945)

Скоро полвека тому назад, как писались "Сходятся старцы" — Советы Новугородские. Уже тридцать пять лет, как писалось "Всенародное", "Подземная Русь", "Земля обновленная"… И вот обновилась Русь. Во всенародном подъеме стала величайшей державой. В мощном потоке преуспеяния дружный Союз Народов явил победу неслыханную.

Воздвигся великий магнит труда доброго. Притекает все когда-то отторгнутое. Происходит воссоединение. К старшей сестре пришла древняя Галицкая Русь. Воссоединились Прикарпатская Русь, Буковина, Печенга — старая земля Новугородская. Здешние газеты оповещают о Карсе и Ардагане, об Армении. Говорят, как стучится Иранский Азербайджан. Радостно слышать о братстве с чехословаками, о дружном сотрудничестве с польским народом, о крепком единении с Югославией. И болгары, и румыны, и венгры познают ценность содружества.

Русское Сердце, Русское Трудовое Сердце открыто в братском содружестве. Любились русские заветы: Подвиг, Содружество, Добротворчество. И вот Русский Народ начертал эти добрые основы на знамени своем. Народ Русский и все Народы Русские явили всему миру нерушимую любовь к Родине. Показали, как преодолеваются тяжкие препоны, как побеждает творческий труд.

Народы Союза весело перекликаются о новых трудовых победах, шлют признательность неутомимым народным вождям. А тот, кто знает значение благодарности, тот уже стучится в дверь светлого будущего. Русское Сердце — доброе. Поистине, силен магнит Подвига.

Недавно Качалов вдохновенно читал никитинскую "Русь", и вспомнились давние школьные годы, когда рвалось сердце послужить Руси. Иногда жаль, что "Александр Невский", "Ярослав" — в Индоре, а не в Москве. Почему "Новая Земля" (Новугородца) в Тери-Гарвал? Зачем "Борис и Глеб" — в Калифорнии, "Псковитянка" — в Буэнос-Айресе, "Сергий" — в Праге, "Земля Славянская" в Белграде, "Древняя Русь" — в Загребе, "Ростов Великий" — в Африке?.. Много где! Но ведь это все вестники, добрые гонцы. Так уж видно и повелось посылать "Гонцов". Не забыт и завет Толстого моему первому "Гонцу": "Пусть выше руль держит, тогда доплывет". Вот, как умели, так и держали весло во славу Родины.

Через нашу АРКА радуемся преуспеянию ВОКСа. Культурная связь! Да ведь это самая крепкая связь. В ней сердечное

содружество. В ней не приказ, не насилие, но зов о добротворчестве братском. В правдивом взаимоознакомлении живет истинное достижение. Малое "я" покрывается мощным коллективом "МЫ".

На днях в Кремле Сталин правильно сказал о простых, невидных деятелях, об этих незримых винтах великой государственной машины. Также бывает незрим культурный посев, но он даст живой урожай новой жизни.

В дальних снежных Гималаях радуемся, что именно великая Русь победоносна и прежде всего мыслит о торжестве науки, о творчестве, — о связи общечеловеческой. Велико светлое будущее!

4 июля 1945 г.

"Из литературного наследия".

(Было опубликовано с сокращениями)

Трудно (15.07.1945)

Лето стоит душное, жаркое. Ливни начались рано, и дорога уже смыта во многих местах. Почта, и без того плохая, еще больше затруднилась. По-видимому, и везде теперь нелегко. Прилетело Ваше письмо от 22 Мая и дошел пакет с лекцией Терещенко — интересная лекция. Будем ждать теперь отчет АРКА.

В письме Вашем и доброе и печальное. Доброе — в свидании с секретарем; пусть укрепляются хорошие сношения. Непременно пришлите шесть анкет. Печальное — в деле с грабителями. Надеюсь, что Редфильд подтвердит предложение Хорша — это чрезвычайно важно. Ведь Редфильд — порядочный человек и поймет, насколько такое заявление существенно. Знают ли приходящие, что, кроме открыток, можно покупать и оригиналы?

Что Мясин? В газетах пишут, что Нижинский был убит немцами в Будапеште. Спасибо за папки — прилагаю еще образец, чтобы магазин не подсунул нечто другое. Конечно, и холст всегда нужен, а папки — для маленьких. Письмо Шк. лишь доказывает, что друзей нельзя еще беспокоить перепиской. В Ригу тоже нельзя писать, да и по какому адресу? Приходит вопрос: отчего сейчас так трудно все и везде, почему рассеялись, разбежались люди, зачем лишь односторонняя наука овладела умами? Не оттого ли, что человечество задвигалось из одной пещеры в другую, обременилось переноскою своего скарба, засеменило, затопталось… Много всяких причин этого неслыханного смятения. В новые сосуды переливают старое вино. Уж не прокисло ли? И если кто-то принесет очень добрую весть среди суматохи переезда, пожалуй, ее выметут с ненужными клочками бумаги.

Что же делать? Опять притулиться и промолчать? Или вопреки очевидности громко твердить о подлинных сокровищах? Да, да, "дружно гребите во имя Прекрасного против течения". А коли засмеют, примите гоготанье как похвалу гусиную — ведь иначе они не умеют. Ну, лишний раз вспомните Сократа, Аристида, Платона, Перикла и всех, на кого клеветали современники. Жаль, не сохранилась темница, в которой томился Фидий… Вообще, какой назидательный музей ужасов, кунсткамера глупости могли бы сложиться во славу невежд! Но ведь одно невежество — случайность, второе — совпадение, а третье — уже привычка. Упаси от скверных привычек.

Очень интересно, как удалась Уйду его покупка "Помни"? Мы Вам телеграфировали: "Не начиная судебного дела, Корпорация может послать Хоршу протест, тем подтверждая существование

Корпорации". Думается, что письменное заявление можно сделать и не начиная суда. "Где суд, там и несправедливость". Несколько тысяч долларов всемогущи. Вы уже видели, как сие делается. Главное, помните, что адвокат Хорша предлагал Редфильду триста картин — это было лучшее подтверждение существования Корпорации. К тому же это было совсем недавно. Значит, Хорш признает Корпорацию. Очень любопытно знать все подробности покупки "Помни" — какие цены, какие именно вещи? Вообще, всю обстановку следует зафиксировать. Только подумайте, кроме Корпорации, была и единогласная декларация 1929 года, подписанная живыми людьми, занесенная в журнал инкорпорированного учреждения, и все участники живы и подписи Хоршей закреплены. Имейте под рукой эту декларацию — вдруг может потребоваться. Не забудем, как Президент Кулидж приветствовал наше Учреждение, а затем наша декларация была представлена Президенту Гуверу. Мы ни о чем не просили Президента, но лишь осведомили его о состоявшемся постановлении. Помните обо всем этом во избежание кривотолков. Ведь Хорш и его приспешники — мастера извращать и лгать. Также Вы отлично знаете, как взял Хорш деньги за шеры Картинной Корпорации.

Пришли добрые письма Валентины и Мориса (он надеется возобновить Арсуну). Мисс Прат (Ист-Вест) в Лос-Анджелес сообщает, что в "Канадском Теос[офе]" появилась моя статья. Мисс Прат, видимо, наш друг. Кстати, не слыхали ли Вы о большом собирателе искусства Аренсберге — кажется, в Лос-Анджелесе? Мы только что слышали о нем много хорошего — он затратил на коллекции более пятидесяти миллионов.

Слушаем радио и удивляемся, как ругают Черчилля. Мы его не знаем и судить не можем, но эта ругня через несколько дней после окончания одной войны и во время другой войны показательна. Так или иначе Черчилль содействовал победе, болея — не щадил себя, изумлял всех своей расторопностью и энергией. И вдруг его же собственные министры! Вот так признательность народная! Все это поучительно. А "шапочный разбор" по-прежнему труден. И вся жизнь так трудна сейчас. Но будем крепко держаться во имя Культуры.

Недавно прислали из Лондона забавную невежественную книжку. В ней меня называют разрушителем западной цивилизации. Конечно, мы никогда не любили механическую цивилизацию — очаг войн и человеконенавистничества — и всегда ратовали за Культуру. Очевидно, какие-то невежды даже не понимают различия между цивилизацией и Культурой. Уж мы-то, во всяком случае, не разрушители, но всегда были и будем

строителями. Много строительных посевов взошло на полях земных. Вот и последнее детище наше — АРКА преуспевает и твердит о созидательном взаимопонимании. А сейчас это так нужно, как никогда. Именно: "через тернии — к звездам". Если вчера АРКА и ВОКС были нужны, то завтра они будут еще нужнее. Потому — вперед и вперед. Не смутимся, что сообщения трудны. Да, многие друзья писали и хотели бы писать, но велик провал и обвал. Такие всюду особые обстоятельства.

Вот какие дела — сейчас из Москвы дошла телеграмма от Татьяны Григорьевны: "Детали болезни слишком трагичны для меня, простите молчание. Не приедет ли кто-либо?" Может быть, Д. узнает, в чем дело? Очевидно, там что-то очень грустное. И везде так. Но пусть, наконец, солнце проглянет. Берегите друзей. Душевный привет.

15 июля 1945 г.

Публикуется впервые

Мир движется

"Мир движется к социальному строю", замечает "Манчестер Гардиан". Правильно. Но в чем же главная ценность этого строя? Конечно — в возрождении человечности, в культурности. Если, бывало, царствовал мрачный завет: "человек человеку волк", "человек человеку враг", то социальный строй повелительно заявит: "человек человеку друг".

Служители социального строя не творят врагов, но создают друзей. Социальный строй, как светлый магнит, привлечет добрые силы и водворит сотрудничество, добротворчество. Приверженцы социального строя прежде всего люди добрые, ибо из злобности лишь разрушительная ненависть рождается. А из ненависти расцветает чертополох невежества и безобразия.

Демократия звучит недостаточно определительно. Недавно мы спросили одного видного деятеля: "Что такое демократия?" Он рассмеялся и сказал: "Это то, что в данное время удобнее". Значит, понятие расплывчато. Но социальный строй — это уже определительнее. В значении слова уже заключены и союз и кооператив — словом, все, чем преуспела сейчас Русь.

Деятель социального строя прежде всего добрый, отзывчивый человек, труженик общего дела. Не может расти социальный строй среди недоверия, подозрения, злобы, грубости, дикости. Искренняя взаимопомощь, уважение к личности человека, благожелательство являются устоями коллективного труда.

Социальный строй не имеет примеров в прошлом. Попытки античной Эллады, где изгоняли и убивали лучших людей — плохой пример. Рим не дал доброго примера. Франция, со своими громкими лозунгами, даже пошатнула доверие к человеческому идеалу. Уж не будем растравливать воспоминания жестокою судьбою великих учителей человечества.

Пусть будет прошлое отставлено со всеми орудиями пытки. Что было, то было, и пусть оно не застилает будущего. Позорно быть пессимистами. С полнейшим доверием обратимся к будущему. Не напрасно мы мечтали о лучшем будущем. Призовем его всею мощью духа. Ощутим, что оно — прекрасное будущее — возможно. Возможно в непреложной реальности, в стремлении к высокому качеству каждодневного труда, к радостному творчеству, к добротворчеству.

Мир движется. Ничего нового нет в этом. Да, да, движется, постоянно изменяется и стремится к лучшему будущему. Мечта о будущем! Ради нее и живем. Ради нее любим труд созидательный. Ради нее умеем улыбнуться и радоваться. И немала сила

человека, приложенная к общему благу, к общему восхождению. Каждый восход зовет вперед, вперед и вперед.

4 августа 1945 г.

"Из литературного наследия"

Конец войны

Конец войны. Ваша поездка в Голливуд нас порадовала. Отдохнете, наберетесь свежих впечатлений, повидаете новых людей. Разведаете об Аренсберге. А тут если что-нибудь спешное произойдет, то ведь Инге и Катрин на ферме. Да и что произойдет в Августе — самый мертвый месяц! Телеграмма от Катрин: "Протест сделан через Редфильда. Консульские инвойсы высланы". (Наверно, имеются в виду анкеты). Может быть, именно хорошо, что протест сделан Редфильдом — ведь ему адвокат Хорша сделал предложение о трехстах картинах. Давно не было очередного письма Зины, впрочем, почта очень плоха. Конец войны!

Дошел Ваш интересный пакет с выставочным окном, с письмами членам АРКА, со второй копией лекции Терещенко — все это очень пригодится. Одному нашему другу эта лекция так понравилась, что он хочет устроить ее издание здесь, — посмотрим.

Недавно из Дели мы слушали Лядова. Вспомнилось, как мы думали о совместной работе — русский балет-пантомима. Все было уже надумано, но грянула война и был убит талантливый сын Лядова — мой ученик. В военной буре все смелось. Много таких черточек вспыхивает при случайных напоминаниях. Тонкое, истинно музыкальное дарование Лядова еще недостаточно оценено. Сын его был бы большим художником, но был унесен еще в начале войны.

Из Линца (Австрия) пришло письмо от одного рижанина. Упоминает, что картины находятся в надежных местах. Но где? Остальной инвентарь Общества ликвидирован. О книгах, о клише не поминает. Вот какие отрывочные сведения доходят из неожиданных мест. А в результате мы все-таки ничего не знаем.

Для коллекции курьезов прилагаю выписку из "Малабар Геральда" о находке на вершине Арарата Ноева ковчега. Русский летчик (и фамилия дана) уверяет, что он видел на вершине остатки огромной лодки. Вот и Ноев ковчег найден, теперь только дело за раем. Но это уже много трудней. Всякие курьезы бывают, а вот толковых сведений о нужных предметах не получить.

Отчет АРКА сейчас дошел. Каждый строительный камень так нужен сейчас. Некоторые организации, вспыхнувшие во время войны, начнут поникать, но АРКА останется как адамант, высоко неся свое культурное назначение. Отчет прекрасно звучит. Подождем отзвуков из ВОКСа. Наверно, Вы послали Грабарю, Гундорову, хорошо бы в библиотеки Академии Наук и Академии

Художеств. Очень интересно, каковы будут ответы. Жаль, что теперь всякая переписка требует на оборот многие месяцы. Когда же человеческие отношения придут в приличное состояние? Если можно, пришлите еще десяток отчетов. Хорошо показать, как самоотверженно трудятся культурные деятели. И ведь так редка действенная помощь и сочувствие.

Недавно здесь мы читали "Завещание Бернарда Шоу". Он правильно порицает нынешних почитателей героев. Поставив своего героя на пьедестал, они молятся ему, но подражать в жизни не пытаются. Там же он говорит о необходимости для молодежи "этической религии". Конечно, нужна не механическая цивилизация, но Культура. Не устанем твердить о культурных сокровищах. Вот новый пример. Сообщены новости Потсдамской конференции. Много говорено о фабриках и ни слова о культурных ценностях. Точно бы этот краеугольный предмет считается неважным и не заслуживает внимания. Без Культуры ни машины, ни границы не дадут истинный прогресс человечества. Хотя бы в воспитательном значении не забывали напомнить о Культуре. Лейбористы хотят все национализировать — огромная задача! В том же потоке им придется подумать о Культуре, об Искусстве. Нельзя утешаться мечтою, что народ уже культурен. Если сами американцы признают, что грамотность страдает в их армии, то ведь от грамотности до Культуры путь еще очень длинен. Ох, как длинен!

ТАСС прислал книгу воспоминаний академика Крачковского. Отличная книга. Побольше бы таких мыслителей. А вот Лагорская газета (С. и М.) рассказывает о змеином культе в Америке (Тенесси). Солдаты должны были вмешаться, чтобы разогнать тысячи сектантов, обвивающих себя гремучими змеями. Неужели это правда? Если так, то чем же бороться с оголтелыми гремучими змеевиками? Только Культурные ассоциации могут противостоять всем диким пережиткам. Советую Вам вырезать из газет всякие курьезы. Получается своеобразное: "Верь — не верь", а иногда для убедительности очень пригодится и такой человеческий сор.

Да, страшна безграмотность, но еще страшнее цивилизованный дикарь. Опять великие события! Как бы люди ни были приуготовлены к ним, но все же потрясает великий ритм происходящего. При начале авиации мы писали: "лишь бы только самолеты не послужили для убийства и разрушения". Опасения оправдались. Теперь об атомических бомбах можно сказать: "Лишь бы они не вызвали катастрофу". Даже сами изобретатели предупреждают, что космические лучи могут взорвать всю "фабрику".

Конец войны! Тем напряженнее пусть будет труд во благо человечества. С новыми силами — вперед!

15 августа 1945 г.

Публикуется впервые

В будущее

Ваше последнее письмо было от 5 Июня — значит, по крайней мере, два Ваших очередных письма или блуждают или, чего упаси, пропали. А в них должно было быть столько интересного. Должна была быть описана покупка Уида со всеми характерными обстоятельствами. Наверно, было и об АРКА. Вот один хороший писатель и критик Санджива Дев пишет по поводу отчета АРКА: "Искренно благодарю за Ваше вдохновительное письмо и за отчет Вашей АРКА, который я глубоко оценил (апресиатед имменсли). Какое прекрасное дело совершает АРКА! Слава АРКА!" Также одобряют отчет и все, кому я послал его. (Пришлите еще). Ведь похвала в Индии несется и в Америку — никогда не знаете, где и как добро отзвучит. Семена добра всхожи — не нам судить, где и как взойдет урожай. Будем сеять без устали.

23 Августа Светик женился на Девике Рани — она племянница Рабиндраната Тагора и самая блестящая звезда Индии. В середине Сентября ждем их к нам. Итак, новое обстоятельство, новый союз. Пусть будет счастье с ними — ее второе имя Лакшми — богиня счастья. Помните мою сказочку "Лакшми-победительница"? Люди толкуют о единении Тагора и Рериха. Кто мог думать, когда Тагор к нам приехал в Лондоне четверть века назад? Где и как сплетается нить!

Странные письма приходится получать: "Почему Вы не оцениваете текущих событий? Вы как страж на Гималаях, как Святогор, перед Вами кипит котел жизни, но о нем Вы храните молчанье. Какие причины?". Милые мои, сами догадайтесь. Но они далеки от догадки, от разгадки. Вот опять запросы о книгах и не понимают, что из Риги их нельзя получить. Тандава Кришна торопится издать книгу и просит спешно выписать цветные клише. Как ребенок, не понимает, что это не в наших возможностях. В Гоа хотят печатать — тоже просят о клише. Эта монография предположена по-португальски и будет по третям разослана в Португалию, в Бразилию и здесь, для Гоа. Автор — Фонтес, совершенно не знаю его. Вполне понятно, что ему нужны цветные клише, но помочь ему невозможно. Отписываюсь — сделаю, мол, при первой возможности, но когда она представится? Другой торопит: "Пишите, пишите, мы сделаем из писем превосходную книгу". А того не знает, что в Кулу и бумаги-то вообще нет. Все обещают, но пока безнадежно.

Из-за незнания местных обстоятельств много недоразумений родится. И не рассказать их всех. Газеты сообщают, что в

Калькутте ходят голые процессии из-за отсутствия тканей. Опять какой-то гротеск: "верь — не верь". Вот сейчас радио сообщает, что Американское Правительство назначило пять тысяч долларов за открытие, кто преждевременно сообщил о сдаче Японии. Опять какое-то "верь — не верь". Вспомнилось из далекого прошлого. На одном пылком собрании художников — мне пришлось против воли на нем присутствовать — наконец, принялись кричать: "Что же делать? Что же делать?". Со всех сторон начали шептать мне: "Скажите! Успокойте!". А когда я сказал: "Что делать? Писать хорошие картины" — как они рассердились за эти три слова! Пожалуй, и теперь уже кто-то сердится за напоминания о Культуре как о ключе к действительному миру. Всегда мы говорили о добром качестве материалов, а теперь приходится довольствоваться третьим сортом. Холста здесь вообще нет. Картонов — нет. Клей плох — приходится вспоминать о материалах Лефранка. Да и кисти приличные тоже кончились.

И.Э. сообщает, что все слышит о смертях друзей. А сколько мы еще услышим! Также И.Э. пишет, что им придется переехать. Неужели такая дороговизна ожидается? Впрочем, радио сообщило, что Трумэн распорядился, чтобы цены не возрастали. Но другое радио передало о массовом увольнении рабочих и служащих, ведь это начало безработных?! Трудно сейчас координировать сведения радио и газет. Где правда? Помните, как Ан. Франс писал о судьбах газетного листа? Утром газетный лист гордо вершит судьбы мира, а вечером он позорно кончает свое существование.

Пришел холст — спасибо, большое Вам всем спасибо. Любопытно, какова ширина его должна была быть? Дело в том, что одна сторона холста вся в каких-то вавилонах и ширина разнится от 37 инчей до 34 инчей. Уж не была ли часть наспех в пути вырезана? Но отлично, что холст дошел — такая в нем нужда.

"Хиндустан" — Калькуттский трехмесячник — дал мое воззвание: "Слушайте — спешите", посвященное кооперации. Получилось хорошо. Да, теперь только культурная кооперация может обеспечить прочный мир. А сколько доброжелательства потребуется, чтобы сгладить щербины кооперации. Увы, темный дар ссор и клеветы властвует. У Вас хранится мерзейший образчик клеветы "Сквайра" — куда же дальше идти? Конечно, сей "журнал" оказался шайкою мошенников и был прикончен, но сколько подобных бандитов процветает под прикрытием пресловутых "покровителей"! Доколе эти человечьи омывки будут торжествовать над справедливостью? И вот, когда Вы все сие видите и претерпеваете и все же сохраняете бодрость и

добротворчество — тогда тем больше Ваше преуспеяние. В огненном горниле куется прочная сталь. Так и говорили, что "шапочный разбор" — труден. Нужны силы, нужна воля, чтобы пережить и эту армагеддонную фазу. Совершенно непонятно, каким образом пресловутый "покровитель" все-таки остается у денежного сундука? Впрочем, "тридцать серебренников" все еще процветают. И какие космические сдвиги требуются для обуздания мерзости! Наверно, Вы читали отзыв Б. Шоу об атомических бомбах. На всякий случай, приложу вырезку. Да, в каком-то давнишнем романе ученые вычисляли количество динамита и глубину колодца на экваторе, чтобы взорвать, расколоть землю. С воздуха теперь это ближе, если от двух бомб погибает полмиллиона людей, а сила бомб может быть безмерно умножена.

А все-таки запросите еще раз о судьбе "Славы". Неестественно, чтобы она сгинула без последствий. Можете сказать, что это сведение Вам нужно для следующего отчета — так оно и есть. Вдруг великий интерес, а затем и пузыри на дно. Что делать, нужно исследовать. Пришло воздушное письмо Жина от 15 Июня (удивительно долго летело) — жалуется на невозможность найти достойного человека для их дела. Увы, не новость! Жалуется на отвратительных людей — и это не новость, всюду так. Трудное время — пожалуй, самое трудное. Телеграмма от Катрин о хоршевских злодействах. Советуем еще раз написать ему, настаивая на Вашем большинстве голосов в Корпорации. Пусть последнее слово остается за Вами. Значит, Хорш не отрицает самую Корпорацию — спрашивается, как же он действует, не спросясь сочленов. Раз Корпорация существует, то и число картин, опекаемых Корпорацией, тоже определенно. У Е.И. являлась даже такая мысль: не поместить ли в том же журнале маленькое объявление о существовании Корпорации, опекающей картины. Но, конечно, нужно принять во внимание местные условия. Так или иначе последнее слово должно оставаться за Вами. Не вечны же "покровители" темных дел. Кто сейчас вице-президент США? Видно, не дождаться Вашего очередного письма — неужели условия почты и цензуры не улучшатся?! Ведь и с ВОКСом Вам так трудно сноситься, а как полезное дело может расти, если условия мешают обоюдности? Но будем преодолевать. Привет сердечный всем друзьям.

1 сентября 1945 г.

Публикуется впервые

Грабарь (03.09.1945)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Со времени Твоего письма я писал Тебе несколько раз. Неужели все это пропадает? Вот и войны кончились, а почта все так же затруднительна.

Не были ли изданы по-английски Твои замечательные книги "Автобиография" и "Репин"? Если были, то их следовало бы иметь в здешних краях — интерес большой. Если не были, то их непременно нужно перевести и издать. Такие капитальные труды должны быть общим достоянием. Ведь, по счастью, теперь многое русское переводится и широко расходится. Радостно узнавать, как читаются с восторгом Толстой, Гоголь, Чехов, Шолохов, Достоевский. Любят здесь слушать Шостаковича, Прокофьева, Дунаевского и других современников, а Чайковский и Римский-Корсаков звучат постоянно. О желательности выставки я писал и Тебе и Щусеву. Святославу удалось исхлопотать здесь разрешение на фильмовую русскую выставку. Все эти культурные связи так необходимы. Русские герои, и военные и культурные, везде почтены. Надо бы Твои книги широко издать.

Часто вспоминаем Тебя и Твою супругу. Не знаем — как она к нам, а Елена Ивановна так тепло ее поминает.

Не слышал ли, что ВОКС сделал с моим манускриптом "Слава"? ВОКС писал в АРКА, что манускрипт возбудил большой интерес, а что же дальше? Ведь "Слава" была послана в пользу Красного Креста. Уже год мы не видели московских газет. Во время войны через ТАСС мы иногда получали, но теперь почему-то заглохло. Когда же наладятся почтовые пути?

Привет друзьям-художникам. Привет семье Твоей от всех нас.

Сердечно…

3 сентября 1945 г.

Публикуется впервые

Армагеддон Культуры

Прилетели, долго летели четыре пакета с бумагами и Вашим письмом от 18 Июля. Наверно, какое-то Ваше письмо не дошло, ведь прошлое было от 5 Июня, а теперь от 18 Июля, т. е. промежуток в полтора месяца. А между тем могли быть подробности о покупке Уида, какие картины ему были показаны, каково было отношение, какие были замечания и всякое такое. Большое спасибо за бумаги. Странно, что они будто не знают, что здесь представителя нет, а сношения с Тегераном не налажены. Только сейчас в газете мелькнуло, что сюда скоро едет представитель. Тогда повидаем его. Вообще, все письма, посланные через Тегеран, остались без ответа. А между тем почему бы Грабарю, после его письма, не ответить? Сейчас после долгого промежутка пришло Ваше письмо от 3 Июля — вот как беспорядочно письма идут. Значит, наши предположения о блуждающем письме были основательны.

Спасибо за сведения о покупке Уида — все это показательно. Его соображения об адвокате дельны, но как бы и этот адвокат не ввел бы в огромные, непосильные расходы! Потому мы и полагали, что пока как временная мера не лучше ли письменно продолжать протестовать, чтобы последнее слово оставалось всегда за Вами. Конечно, Вы правы, что расхищение имущества, переданного нации, недопустимо. Но где найдется адвокат, который примет во внимание принципиальную основу дела? Может быть, найдется второй Золя, вставший на защиту справедливости, но прежде всего оберегитесь, чтобы не войти в непосильные расходы. Дело наше справедливое и красивое и ясное, но как найдется борец за правду? Где он?

Налицо ясное постановление нашего Комитета, доведенное до сведения Президента. Отказа не было, ибо Комитет не просил, а именно доводил до сведения о даре своем нации. Спрашивается, для какого такого "Общества" Хоршу нужны деньги? Почему Уйду показалось, что Хорш в стесненных обстоятельствах? Какие именно картины были показаны? Сколько Хорш запрашивал, если уступил за тысячу долларов? Всякая деталь показательна.

Вообще, дело можно строить лишь красиво и общественно, как оно на самом деле и есть. Прежде среди русских защитников мы могли бы назвать таких, кто не ради денег, но ради истины встал бы против преступников. Но где оно, бескорыстие и благородный подвиг? Может быть, и есть где-то? Отзовись, защитник правды! Если вчера он не объявился, то, может быть,

завтра поспешит за правое дело?

Повторяем: мы сообщали Вам, чтобы последнее слово всегда оставалось за Вами. Нам представляется это дело не столько судебным, сколько общественным. Но для этого должен найтись какой-то гражданин Америки, который скажет, что расхищается собственность нации, приведет текст единогласного постановления нашего Комитета и потребует, чтобы картины были переданы в один из существующих музеев Америки. Кроме 1006 картин, принадлежащих нации и оберегаемых Корпорацией, там имеются 100 картин, которыми может распоряжаться Корпорация — у Инге был особый список этих картин. Наше единогласное постановление 1929 года не было отменено, и если другие постановления нашего Комитета выполнялись, то нет основания, чтобы именно это торжественное единогласное решение было игнорировано. Все лица, подписавшие его, живы.

Пришла Ваша отличная и своевременная статья "Мир через Культуру". Следовало бы включить ее в следующий годовой отчет АРКА — полезно. Пришло пароходное письмо от Жина (5 Июля) — милый, славный друг. Чуется в письме Жина одинокость, а может быть, тревога. Да и как ей не быть! Вот и сюда дошла тревога об атомических "достижениях", что же отстукивается в больших газетах, в центрах! Прочтите "Принципы электричества" Майнарда Шипли. Канзас, 1925, стр. 44.

Думается, что Валентине с ребенком трудно будет ехать в суровые условия. Но Вы правы, им самим видней. Не привез ли ее муж еще подробностей о Б.К.?

Нам пишут: "Армагеддон кончен". Отвечаю: ничуть не бывало! Кончен Армагеддон войны, а теперь на человечество надвинулся Армагеддон Культуры. Еще более трудный! Человек, смятенный, истощенный, духовно обнищавший, должен сокрушить многих ехидн невежества. И много этих ядовитых кобр, заползающих в жилища.

Большое спасибо за папки — будем надеяться, что теперь, в мирное время, они дойдут без скандала. Пора путям сообщения наладиться. Послал Вам статью, бывшую в рижском журнале "Мысль" (1939); там есть дата—1916 — запомните ее. Может быть, этот материал у Вас и имеется, но, на всякий случай, лишний экземпляр не мешает. Также может пригодиться и оттиск "Современники" — каждому защитнику истины это нужно знать. Вам нужно всегда иметь наготове неоспоримые факты. Итак, будем помнить, что сейчас протекает Армагеддон Культуры, и безбоязненно принесем наше мирное оружие — оно непобедимо. Привет, сердечный привет друзьям.

15 сентября 1945 г.

Публикуется впервые

Труд

"Сегодня — маленький компромисс. Завтра — маленький компромисс. А послезавтра — большой подлец", — уже давно сказано. Ужасны компромиссы Армагеддона. Ужасно положение населения, как пешки, переходившего из рук в руки. Сегодня на поклон одному, завтра улыбка другому. Сегодня молебен, завтра анафема. Сегодня скрежет зубовный, завтра — цветы и ликованье. А если несколько скрежетов? А если забитое молчанье?

Да что говорить, каждый может вообразить ужас человека, повторно переходящего из рук в руки, подозреваемого, унижаемого. Сколько придушенной злобы, засахаренной ненависти, жалкого безумия! Сколько неизлечимых нервных заболеваний! Сколько иссушающего горя! Не перечесть! Армагеддон войны кончен, теперь — Армагеддон Культуры.

Мудряки житейские шепчут: "Как-нибудь утрясется". Значит, опять "как-нибудь", "авось да небось". А на "авосе" в долгий путь не поехать. Случилось многое, а стали ли люди добрее, зародилось ли взаимодоверие? Нет, злобность, беспощадность, затаенное лукавство засели под порогом. И как выгнать таких ползучих ехидн? Мудряк успокаивает: "Как-нибудь устрясется". Но на "как-нибудь" ехать не полагается.

Бывало, Серов говаривал: "Придет час, когда человеку придется показать истинный паспорт". Вот и пришел такой час, и человек должен предъявить свой тайный, подлинный паспорт. О таком подлинном паспорте человек должен научиться помыслить сызмальства. Учителя и семья скажут малышам, где истинные ценности.

Утилитарность привела к атомическим бомбам. Человечность со всеми гуманитарными достижениями была засажена в чулан — за ненадобностью. Но сердце человеческое бьется не об утилитарности, но о познаниях высших, о творчестве, о красоте, о любви.

Труд, великое творчество, высокое качество поднимут поникший дух человеческий. Мыслитель сказал: "Молитвенно примем дар труда".

24 сентября 1945 г.

Публикуется впервые

Друзья!

Армагеддон войны кончен, теперь человечество должно решить Армагеддон Культуры. АРКА есть свод доброго взаимопонимания. Пусть под этим благим сводом крепнет строение истинной незыблемой Культуры. Не шаткая цивилизация, подчас забывающая о человечности, но прекрасная Культура, неугасимый светоч на путях восхождений, пусть будет нашим общим достижением.

АРКА уже не говорит о войне, об ужасах, постигших смятенное человечество. АРКА будет вестником радости, гонцом светлого строительства. Народы подадут друг другу руку не только для взаимной обороны, но ради взаимного преуспеяния. АРКА несет правдивые оповещения — она хочет трудиться для прочного мира, для мира вселенского.

Елена Ивановна уже писала Вам о своевременности возрождения "Знамени Мира" — нашего Красного Креста Культуры. Поистине, опять надо твердить о культурных ценностях. Эта деятельность неразрывно близка с АРКА. Необозримо поле Культуры, на такой великой пашне все — от мала до велика — могут найти приложение благотворного труда. За эти годы человечество узрело столько вандализмов столь грубой бесчеловечности, что Красный Крест Культуры должен засиять.

Вспомните крупнейшие имена всех, примкнувших к Знамени Мира. Архивы наших конвенций запечатлели прекрасные слова, не стираемые никакими вандализмами. Если кто-нибудь робкий усомнится, как снова поднять Знамя Культуры, скажите ему, что никакой переобремененности и не требуется. И денег Культура не просит.

Зерна, благие посевы, каждый может посеять в своем КРУГУ, в саду своих лучших устремлений. Каждый имеет доступ к печатному слову и может использовать и эту возможность во благо. Все мечтают о мире, о крепком мире, но он не придет через международную полицию, не утвердится запретами и угрозами. Мир может заложиться в сердце человеческом, но оно может преисполниться доверием лишь через Культуру.

Мир через Культуру — наш постоянный девиз. События доказали, насколько необходим человечеству щит Культуры. Если кто-то воображает, что "цивилизованный" человек не может одичать — он ошибается. Цивилизованный дикарь — самое отвратительное зрелище. Итак, опять потрудимся во имя Красного Креста Культуры. Не надрывайте сил, но приложите все

добрые возможности к целению ран человеческих.

Соберитесь малыми ячейками по лицу земли, и каждая такая добротворная ячейка где-то что-то как-то облагородит, возвысит мысли и создаст новый оплот Культуры. Цементирование пространства во благо общее есть панацея, доступная каждому. Пусть неумолчно звучит зов ваш о Культуре, обо всем Прекрасном, чем живо сердце человеческое.

От Гималаев привет!

24 сентября 1945 г.

Публикуется впервые

Сотрудники

Прилетели сразу два Ваших письма — от 25 Июня и 1 Августа, видите, как беспорядочна почта. В деле Картинной Корпорации пусть последнее слово всегда остается за Вами. Хорши будут писать свои злостные небылицы, а Вы продолжайте твердить Ваши справедливые заключения. Непонятно, почему шеры Майтланд до сих пор за нею? Десять лет прошло. Какая-то чепуха, но ведь она против Вас не пойдет. Дело Людмилы не останавливали, но адвокат Хорша говорил Редфильду, что пока это дело не начато, Хорш не будет ничего творить с картинами. Как ни дряхл Редфильд, он должен знать этот эпизод. Во всяком случае, без честного, культурного, энергичного адвоката никуда не пойдете. Приходится пока отбиваться повторными утверждениями о Картинной Корпорации. Чтобы последнее слово всегда оставалось за Вами.

Будем помнить, что из пяти судей двое были за нас, а трое (конечно, предубежденных) — за Хорша. Таким образом, не было единогласного решения. А Вы знаете, какие приказательные телефоны давались преступным покровителем зла. И в будущем дело будет поставлено с принципиальной точки зрения о расхищении имущества, принесенного в дар нации. Размножьте постановления 1929 года, чтобы каждый из Вас имел его под рукою. Пусть оно будет и у Уида и у Магдалины, у Валентины — у всех, кто должен знать его. Повторяю, что это постановление Комитета не может быть игнорировано — иначе все решения Комитета за двенадцать лет недействительны. А ведь учреждения жили и действовали по этим постановлениям. Но где тот защитник, который посмотрит четко и прямо в суть дела? Прочтите это Валентине.

Одновременно с Вашими письмами пришли из Москвы от Славянского Комитета два номера журнала "Славяне" от Декабря 1944 и от Января 1945-го. В Декабрьском номере мой записной лист "Славяне", но с измененным заглавием и со многими пропусками. Так или иначе, журнал дошел, хотя и через восемь месяцев. Может быть, и еще где-то было, но осталось неведомым. Значит, Анисфельд жив — он всегда жил в Чикаго. Привет Бурлюку. Как-то умолк Стравинский. Что делается у Завадского? Хорошо, что послали Базыкину отчет и Грабарю. Пожалуй, лучше посылать непосредственно.

Приехал Святослав с женою. Прекрасное впечатление. Не только внешне, но и внутренне чувствуется хороший человек. Видимо, и сама Девика Рани почувствовала себя хорошо. Да,

индусы и русские особенно близки. Принесли местные земиндары[102] богиню Трипура Сундри, пришли в праздничных нарядах, танцевали, гремели барабаны и здешние трубы. Пусть будет все хорошо!

Можете ли Вы слушать Москву? Хорошо, что спросили о Веснине и Пименове. Появляются новые композиторы; среди них Тренев (балет "Лоренцо") в характере Равеля и Дебюсси. Наверно, много новых даровитых, но слышать их не удается. Вообще, последнее время Москва у нас плохо слышима. Хотелось бы больше знать о деятелях искусства во всех областях. Достижения! Вот в 1932 году вандалы разрушили памятники на Бородинском поле и писали на развалинах: "Долой проклятое прошлое", а в 1934-м по народному требованию исторические памятники восстановляли. Затем и Александр Невский и Суворов и Кутузов пригодились. "Война и мир" Толстого опять появилась, и Куликовская битва и Полтава — все вспомнилось. 1932-й был плохим годом, ведь и масловский вандализм к нему относится. Где-то записаны все вандализмы, чтобы оберечь народ от безумия. Тактика фигового листа ведет к бедствиям. Перед войной в Лиге Наций немец из Данцинга показал "длинный нос" всему собранию, а Иден предложил на эту выходку: "Не замечайте! Не замечайте!" А заметить и почувствовать скоро пришлось. Вот и сейчас повсюду самое беспокойное положение. Никаким фиговым листом его не прикроешь. Армагеддон Культуры!

Говорят, что цензура снята и в Америку можно посылать книжные пакеты. Послали Вам три печатных пакета. Скажите, дойдут ли? Все эти материалы Вам нужны. Пусть будут под рукою, не знаем кому, когда, как и что потребуется. И брошюру о Знамени Мира послал Вам, ведь кто-то ее не знает, а кто и знал мог забыть за армагеддонные годы. Может быть, и Магдалина в своем кругу посеет добрые зерна. Все культурное близко АРКА. Следим за радио и за газетами и ничего не слышим о культурных ценностях. Не слышно ли у Вас чего-либо? А то выходит, что мир словно бы забыл о самом ценном, чем жив дух человеческий! Столько писали о немецких, финских, румынских вандализмах и грабежах, а теперь — ни слова! Непонятно. Следите за культурными новостями. Писали, что заставят вандалов восстановить все разрушенное и вернуть похищенное, а теперь замолчали.

Нужен, нужен Красный Крест Культуры! Какая ошибка забрасывать культурные ценности напоследок! Хотя бы с воспитательною целью они должны быть поставлены во главу. Увы, народы очень нуждаются в воспитании, а сейчас в хаосе

переживаний особенно. Некоторые надеются, что теперь все беды кончились и наступит благорастворение, и с этими людьми нужно поступать жалостливо и не слишком огорчать их. Бедняги сами узрят действительность. Британское радио не может скрывать о голоде, о массовой безработице, о разногласиях. Министры оповещают о критическом времени. Все это нужно как-то пережить. А тут еще губительные гамма-лучи, и ученые не знают размера последствий атомических "достижений".

Последите, какие странные заболевания сейчас обнаруживаются. Показательно! Здесь ходит странная эпидемия. Получается сыпь, сильно чешется, как бы огнем обдает, потом озноб. Иногда доходит до нарывов. В деревнях толкуют, что это "от войны". Не слышно ли и у Вас что-либо подобное? Конечно, много и воспалений слизистых оболочек. Надо надеяться, что врачи подмечают все такие поветрия.

В одном из прошлых писем Вы спрашивали, как быть с Академией в послевоенное время. Думается, начните собирать почетных членов. Сперва местных, а потом, когда почтовые сношения вполне наладятся, и иностранных. Конечно, не спеша. Таким путем обогатятся силы и подойдут новые возможности. У Вас уже имеются такие полезные силы, как Ватсон, Мясин, Олин Дауне, Радосавлевич и др. Потом можно будет назвать таких крупных иностранцев, как Эпстейн, Местрович, Метерлинк, Радхакришнан, Хал-дар, Зулоага, Шауб-Кох, Мунк, Гордон Боттомлей, Конлан и др[угие] — но это потом. Все теперь должно обновляться. Много молодежи вернется к мирному труду и познаванию. Задумана картина "Новые стены".

Вы правы, на телеграмму из Польши можете ответить, что повсюду может быть культурная работа в пользу Знамени Мира, и Вы будете рады слышать об их успехах. Наверно, и в других странах проснется подобное культурное движение. В добрый час! Лишь бы побольше сотрудников. Вот беда, что Магдалина не нашла применения в Нью-Йорке — она такая полезная сотрудница. Трагедия в том, что добрые сотрудники имеются и где-то стучатся мысленно, но путей не находят. Ведь пришли Магдалина, Валентина, Маркова, Сикорский, Уид — много полезнейших. Армагеддон Культуры всколыхнет новые молодые силы. Сотрудники! Привет Вам на Вашем благом труде.

1 октября 1945 г.

Публикуется впервые

Смятение

Только что отлетело наше очередное письмо [от] 1-10-45, как прилетело Ваше от 23-8-45 из Голливуда. Одновременно пришло письмо Мориса (спрашивает, где ему записаться в члены АРКА). Пошлите ему отчет и чудесные весточки от Магдалины — передайте ей наши сердечные приветы. Прислала она свою графику — ко дню моего рождения и свой портрет — такое милое, вдумчивое лицо.

По-прежнему повторяем: без особо хорошего адвоката ничего не начнете. Явилась у нас мысль — потолкуйте с ней между собою. Не сделать ли, чтобы Магдалина в какой-то дальней провинциальной маленькой газетке напечатала постановление 1929 года как документ, значительный для народа Америки. Сделать это спокойно, без сенсации, как хронику о документе национального значения. Вы возьмете сто или двести номеров этой газеты — нам пришлете десяток. Через некоторое время то же самое можно повторить в Калифорнии и так далее — пространство будет насыщаться и новые люди придут. Ведь этот документ не секретный, и народ Америки имеет право знать о нем и должен знать о своем достоянии. Обдумайте и сделайте, ведь так много маленьких местных газет.

Радуемся о Вашей поездке в Калифорнию, это так освежает. Пришло и милое письмо от Катрин — мы ее понимаем. Славный, славный человек она и Инге. Хорошо, что нелепый эпизод с Эми давно покончен. Говорят, что скоро здесь будет представитель, тогда мы прежде всего с ним переговорим. Для всего нужны добрые сроки. "Корона Мунди" и Дювернуа дошли. Холст дошел — большое спасибо. Отчеты АРКА дошли. Надеемся, папки и темпера скоро дойдут. Написал очерк "Армагеддон Культуры". Нужно сейчас напоминать, что решение дел зависит прежде всего от культурного к ним подхода. "Русь" в ВОКС не посылал — если хотите, пошлите в ВОКС и в Славянский Комитет.

Английская пресса сообщает невероятные вещи об американцах в Японии. Говорят, это не оккупация, а какой-то карнавал с покупкой сувениров. Из Бельгии жалуются на аморальность американцев, так же и из Франции. Что же это такое? Откуда аморальность? Сперва писали об австралийцах, а теперь все об американцах. Конечно, Алексей Каррель тоже не поскупился на аттестации, но теперь неблагополучие прогрессирует. К чему же понимаем эти печальные вехи? Да все к тому, что Культура больна, и народы нуждаются в заботливом воспитании. Значит, каждое культурное учреждение должно быть

внимательно оберегаемо.

АРКА — как цветок целебный — пусть растет и крепнет. Знамя Мира пусть развевается и зовет к доброму созидательству и прогрессу. Красный Крест Культуры откроет свои благие лечебницы. Армагеддон Культуры гремит громче пушек. Вы сетуете на трудность переписки с ВОКСом, везде трудно! Мой манускрипт "Химават" уже год в руках издателей, и, судя по переписке, можно было ожидать, что книга уже готова, а вместо того получаю письмо с просьбою прислать манускрипт. Телеграфировал им — вот какие дела! Опять нежданные письма, на этот раз из Китая, от незнакомых людей о незнакомых людях. А от друзей ничего, словно бы они исчезли. Кажется, если незнакомцы могут писать и письма их доходят, то тем паче дошли бы письма от друзей. И где все рижане? Уж, наверно, они хотели бы сообщиться.

Теперь, как в старинном балете "Волшебные пилюли", дом стал вверх дном и из него вниз головой побежали на руках люди. Газеты повещают, что японский император хочет отречься в пользу малолетнего сына. Малолетний японский император, малолетний король болгарский, малолетний Далай-лама, малолетний Таши-лама — может быть, и еще найдутся малолетние — недурная конференция. "Тайм" повествует, как маршал Жуков подвыпивши на каком-то банкете в Берлине, нацепил свою звезду на Дорис Дюк. Если это вранье, то журнал нужно преследовать, а если нет… Только из газет и радио можно слышать всякие странности, и опять думается о Красном Кресте Культуры и не только для военных времен, но вообще для неотложного воспитания народного.

О судьбе "Славы" Вы все-таки запрашивайте. Теперь летний разъезд кончился, и когда-то должны ответить, тем более что Вам это потребуется для годового отчета. Все мы привыкли к точной и безотлагательной корреспонденции, и потому такие безмолвия особенно удивительны. Впрочем, теперь повсюду жалуются на падение переписки, — цензура и скверная почта тому способствуют.

Была ли у Вас связь с Вадсворт Атенеум? Хартфорд, кажется, Коннектикут — там много русских театральных эскизов и костюмов. Для Ваших списков — хороший материал. Что же Мясин? Каковы его планы? Ведь не зря же эскизы посылались. Или сейчас в "мирное" время дела еще труднее, нежели во время войны? ТАСС прислал серию изданий Академии Наук — полезный материал.

Сейчас нам передавали показательный случай с переливанием крови. Индус, природный вегетарианец, не

пьющий, не игрок опасно заболел. Без его согласия и ведома ему перелили чью-то кровь. Через месяц он потребовал мяса, вина, пива, и привычки его круто изменились. Вполне понятно, но пора подумать о последствиях.

Пришло письмо Жина от 9 Сентября. Мы очень понимаем его заботы, но у кого их нет теперь, когда загремел Армагеддон Культуры? Одно можно сказать: "Вперед и вперед". "Либерти" была тесна для Жина, и ему удалось выйти на широкую дорогу, а на ней много всяких встречных и приятных и неприятных — ничего не поделаешь. Почему Жаннет полетела — для сердца полеты нехороши. Пусть не слишком хлопочет по дому — слишком утомляться ей вредно, пока опять окрепнет. Часто сердечно думаем о них и о Вас — сколько у Вас хлопот и как мало помощников. Дрожат ритмы смятенного мира. Всюду смятение. "Если устал, начни еще. Если изнемог, начни еще и еще!" Такова жизнь, таково преодоление. Привет Вам всем, нашим славным, родным в духе.

15 октября 1945 г.

Публикуется впервые

Сотрудница

Дорогая наша сотрудница,[103]

Спасибо, большое спасибо за Вашу прекрасную статью "Сокровенное". Радостно видеть, как Вы быстро совершенствуетесь, овладеваете ясным, доброжелательным изложением. Уже писал я Зине — какая полезнейшая книга составится из Ваших статей.

Поистине — в добрый путь! Е.И. так рада видеть, как в каждой статье Ваше дарование растет. Именно теперь людское сознание помутилось, и зерна добротворчества нужны, как никогда. В последних статьях мне приходится напоминать: "Армагеддон войны окончен, но теперь человечеству предстоит Армагеддон Культуры — еще более трудный". Все заветы добра должны быть усвоены. Молодое поколение должно воспитываться в осознании истинного восхождения. Или "вперед" или "назад" — нет середины.

Если придется ехать в Прагу, в Злату Прагу, посмотрите на это передвижение как на восхождение. Новые люди! Центр славянства! Сближение ветвей единого всеславянского древа.

Наверно, в Праге найдется газета, где Вы будете продолжать писать, да и в Америку пошлете — добрые нити надо хранить. Конечно, увидите Русский Музей в Збраславском Замке около Праги. Встретитесь с Булгаковым — передайте ему мой сердечный привет. Не возобновилась ли его переписка с нашими друзьями-рижанами? Когда встретите министра Яна Масарика, привет ему от нас всех. Жив ли Лосский? В московском журнале "Славяне" (Декабрь № 12, 1944) был мой записной лист — в нем я поминал добром Злату Прагу. Конечно, и с посольством нашим Вы будете встречаться. И это хорошо. Вы найдете чуткие слова не в споре, а в душевном касании. Без сомнения, Вы встретите много русских — ведь там теперь смежная граница. Обо всем встреченном нам напишите. Посылаю вырезку из здешнего Чехословацкого бюро и статью Руфины Хилл — может быть, она теперь в Праге. Не будет ли там Игорь Грабарь? — все это полезный материал.

К моему 70-летию из Лондона Масарик прислал дружескую телеграмму с приглашением в Прагу. О Златой Праге всегда сердечно вспоминаю. Так и Вы смотрите на Прагу как на продвижение.

Поблагодарите от нас Вашего мужа за его доброе отношение к моему покойному брату. Ведь об их жизни в Москве мы ничего не знаем, да и о болезни имели лишь краткую телеграмму. И

теперь никаких вестей. Конечно, почта очень плоха, и мирное время ее не улучшает. Вот проскочило через Америку одно письмо Грабаря, и опять молчание.

Итак, в добрый путь! Шлем Вам наши лучшие мысли. Привет Вашему мужу и Мише.

Сердечно…

20 октября 1945 г.

Публикуется впервые

Знамя Мира (24.10.1945)

В день Второй мировой войны мы писали:

"ОХРАНИТЕЛЯМ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Громы Европейской войны требуют, чтобы опять было обращено живейшее внимание на охрану культурных ценностей. Пакт о таком охранении находится на обсуждении в целом ряде европейских государств и уже подписан двадцатью одной республикой Америки. Конечно, при начавшихся военных действиях уже невозможно ожидать, чтобы какие-то соглашения во время самой войны могли произойти. Тем не менее деятельность наших комитетов во всякое время должна быть плодотворной. Вспоминая положение охраны культурных ценностей во время войны 1914 года, мы должны сказать, что в настоящее время этому важному вопросу уделено несравненно большее внимание со стороны правительств и общественных учреждений. Без сомнения, работа наших комитетов, благотворно возбудившая общественное мнение в этом преуспеянии, оказала свое влияние. Кроме правительственных распоряжений, именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение. В течение прошлой великой войны мы прилагали посильные меры, чтобы обратить внимание на недопустимость разрушений исторических, художественных и научных памятников. Затем в течение недавних столкновений, как, например, в Испании и Китае, нам приходилось слышать об упоминании и приложении нашего Пакта.

Так же и теперь все наши комитеты и группы друзей, которым близка охрана всенародных сокровищ, должны, не покладая рук, не упуская ни дня, ни часа, обращать общественное внимание на важность и неотложность охраны творений гения человеческого. Каждый из нас имеет большие или меньшие возможности для распространения этой всечеловеческой идеи. Каждый имеет связи в печати или состоит членом каких-либо культурных организаций, и да будет его долгом сказать повсюду, где он может, доброе и веское слово об охране всего, на чем зиждется эволюция человечества. 24-го Марта наш Комитет предпринял ряд шагов перед европейскими правительствами, обращая внимание их на неотложность охраны культурных ценностей. Такой призыв, как видно, был чрезвычайно своевременным. Пусть же теперь каждый сотрудник в культурном деле припомнит все свои связи и возможности, чтобы посильно укрепить общественное мнение, ибо оно прежде всего является хранителем

мировых сокровищ. Друзья, действуйте спешно!

Гималаи

3 Сентября 1939 г."[104]

Опасения наши оправдались. Эта война была неслыханно разрушительной и жестокой. Как апофеоз разрушения возник свирепый призрак атомических бомб. Вполне естественно, что теперь наши комитеты Пакта и Знамени Мира опять начинают свою мирную, культурную работу, притихшую в дни войны.

Поистине, Армагеддон войны прошел, но Армагеддон Культуры начался. Сейчас каждое мирное строительство должно быть сердечно приветствовано. Труженики на пашне Культуры должны быть ободрены как герои светлого будущего.

Без шумихи, без ссор, без вредных упреков мы должны опять приняться за наш плуг и приступить к новой, целительной пашне. Столько разрушено. Множества людей обездолены, поникли многие добрые труды.

С чего же начать? Прежде всего с молодежи. Каждый может найти доступ к какой-либо школе и сказать там доброе слово о значении культурных ценностей, об охранении их. Молодежь часто не представляет себе, что культурные ценности являются величайшим народным достоянием. Весь народ должен уметь оберечь их для будущих поколений. Молодые сотрудники принесут в семьи этот зов, многие сердца, подавленные каждодневным бытом, загорятся благостным светом о прекрасной жизни.

Молодые сотрудники напишут школьные сочинения о мирном труде во имя народного достояния. Они соберут данные о памятниках всех веков и народов, находящихся в их округе. Свет сотрудничества озарит молодые умы. Наверно, найдутся и учителя, примыкающие к культурному строительству. В добрый путь!

Также подойдите к женским организациям, помня, как рьяно они поддерживали наш Пакт, наше Знамя Мира. В изданиях, посвященных Пакту и Знамени Мира, запечатлено много ценнейших решений. В книгах "Твердыня Пламенная" и "Держава Света" имеются целые главы — зовы и отклики о хранении культурных ценностей — великого всенародного достояния.

В добрый путь!

24 октября 1945 г.

Полностью публикуется впервые

Круги

Прилетело письмо Зины от 23-9-45 — такое содержательное и славное. Предложения Уида нам нравятся — правильны. Лучше давать страницы членам, когда взнос будет три доллара. Лучше писать самому Хоршу, а не его адвокату. Дело ясное! Хороши Ваши намерения о заместителях. Хорошо, что Магдалина получила назначение в Нью-Йорк. Все это хорошо и дельно. Правильно Зина говорила в консульстве. Так и прилагайте все по местным условиям. Если можно, узнайте — едут ли Коненковы или она одна — совсем или временно? Очень трогательно отношение Уида к картинам. Показательно, что у него именно "Помни". Любопытно, удастся ли Вам поместить в дальней газетке декларацию 1929 года? Такое насыщение пространства очень важно. Не судьи подкупные, но само пространство возопит. Именно, пусть сперва на окраинах зазвучит истина, а затем круг сожмется. На зверя всегда ходят кругами. Бывало, когда в Изваре мы на лыжах тропили рысей — долго кружили, сужая круги и замечая, чтобы не было выходного следа. Зверь через круг не пойдет. А когда круг становился малым, глядели по деревьям, ибо зверина могла притаиться и высоко на ветках. Так и с двуногими зверями-вредителями. Ух, зорко надо следить за их злыми выпадами. Ну, да Вы достаточно знаете повадки грабителей.

Жаль, что Валентина уезжает в Прагу, впрочем, и там она продолжит полезную работу. Может быть, и газета найдется для ее статей. Очень характерно Ваше сообщение о хладнодушии к АРКА, замеченном Вами в Калифорнии. Наверно, многие наши соотечественники тоже тому способствуют. Вы поминаете о Богдановой, бывшей жене Чишина. Может быть, это Фешин, живший в Санта Фе? Не умер ли он? Сведения так сбивчивы. То Нижинский убит, то жив, то болен, то здоров. Поймите! Впрочем, я был дважды похоронен, и неплохие некрологи писались. Всяко бывало! Значит, Аренсберг вообще не пригоден, да, может быть, и коллекции вовсе не так уж ценны; пусть пребывает в абстракции.

Ко всем слухам приходится относиться осторожно. Велики смены в мире. Давно ли французы и англичане готовили войска для посылки в Финляндию против русских. Так было, и все это знают, а теперь — союзники! Вот и гениальнейший поехал "на отдых". Поляки не прочь подраться с чехослова-ками. В Палестине чуть ли не "священная война". Аннамиты против французов, яванцы против голландцев. В Аргентине — перестановка мебели. Бурлит вселенная! Странно молчание друзей из Франции. Имеем

вести из Швейцарии, из Бельгии, из Голландии, из Англии, из Алжира, из Австрии, из Китая и ничего из Франции, ничего из Риги, ничего из Праги, Белграда. Но не надо их беспокоить — должно быть, у них условия особые.

Читали ли Вы хорошую статью Герберта Торнбулла (вице-президента Королевского Общества) об атомических бомбах — очень показательно! А губительный тайфун тоже показателен. Не было ли в Ваших газетах описания замечательной археологической находки в Иерусалиме? У нас было радио и в местной газете об открытии погребения, причем был найден греческий манускрипт с описанием распятия Христа. Рукопись относится к семидесяти годам после распятия. Последите, не было ли у Вас более подробного описания такого замечательного открытия. Если бы скорей дали полный перевод манускрипта! Вот бы теперь направить освободившихся солдат и пленных на раскопки — сколько замечательных открытий произойдет! Многие заблуждения выправились бы!

Вообще, если один, всего один, мировой военный бюджет дать на просвещение — сколько невежества было бы просветлено. Сколько цивилизованных дикарей превратились бы в культурных тружеников. Мало, как попугаи, выкрикивать слово "культура", надо, чтобы она обнаруживалась на деле. А то как послушаете о подробностях быта в разных странах — право не знаешь, в каком веке люди живут. И нельзя все валить на войну, не от войны многая звериность.

Муромцев прислал доброе письмо, но как нелегка жизнь и у Вас! И как она наладится среди смятения душевного?! Вот и у нас готовятся к возвращению войска, но сама полиция предупреждает о всяких возможных трудностях и даже грабежах. Вы спрашиваете о здоровье нашем, ничего, неплохо. Трудимся, творим, действуем. Илья пишет, что читал в русской газете о женитьбе Светика, в какой? Пришлите вырезку. Верно, и в американских газетах было.

Илья пишет, что "покровитель зла" из кожи вон лезет, чтобы зверские атомические бомбы были даны всему человечеству. Илья добавляет — верно, для того, чтобы всеобщая катастрофа скорей наступила. Неужели Уоллеса все еще держат и Хорш еще в недрах пресмыкается? Какая банда клеветников и грабителей! Даже удивительно, что общественное мнение настолько слабо и претерпевает такое глумление над достоинством человеческим.

Да, да, пусть еще новые добрые сотрудники подходят. Пусть уроки Марковой растут. Пусть она не очень мучает грамматикой, а скорей развяжет разговорный язык. Мы знаем здесь индусов, научившихся значительному набору слов, а ошибки потом выправляются. Иначе сложность грамматики может отпугивать, а

особенно многие исключения, принятые даже в литературном языке — у Тургенева, у Пушкина, у Достоевского.

Пришли картоны и краски — спасибо большое. Краски хороши, но картоны совсем не по образцу — тонкие и гладкие. Прилагаю еще образец — не найдется ли у них именно такой сорт, ведь именно у них покупались наши прежние картоны? Попытайте, нельзя ли по образцу достать в том же магазине. И упаковку потверже, а то эта согнулась в пути. ТАСС прислал пачку газет "Советское Искусство" и "Литературная газета". Жаль, очень старые — от прошлой весны, все еще много о войне. Пришлось ли Вам встретиться с представителем ТАССа — наверно, такой имеется в Нью-Йорке? Спрашивайте о "Славе" — ведь она дар.

Меня просили здесь написать большую автобиографию — было желание издать. Пришлось огорчить друзей: как ее написать, слишком многое происходило, бесчисленны встречи, нельзя обойти события, невозможно перечислить битвы. Нет, нет, не хватает сил, да и от искусства такое писание оторвало бы — каждый день часов пять около картин. Да и забылось многое, а выкапывать старых покойников тоже невесело. Правильно замечают о многих ошибках, допущенных писателями — кто по неведению, кто по зависти. Исправлять всякую чепуху нерадостно. Вперед, вперед и вперед. Жаль, что многие "Гималаи" уходят, а хотелось бы их довезти на Родину. О ней думаем, а Юрий-то как хочет там приложить знания! Много их накопил он. Дайте, пожалуйста, Археологическому Институту здешний адрес, я — пожизненным членом, а изданий не получаю. Кстати, не удалось ли Вам оттуда достать две картины? Итак, действуйте, накопляйте новые силы, новых сотрудников. И любите друг друга.

1 ноября 1945 г.

Публикуется впервые

Доплывем

Прилетело большое письмо Зины от 6-10-45. Как понимаем всю Вашу перегруженность работою, болеем сердцем за Дедлея — за все его утомительные переезды. Пашня Культуры тяжка, но зато и почетна. Вот Вы имеете знаменательные запросы из Стокгольмского Университета и из Голландии. Все это показывает, что деятельность врастает в жизнь. Такое органическое врастание дается лишь упорным трудом и временем. Все, что Вы пишете, доказывает, что врастание происходит. Мы не предполагали, чтобы Знамя Мира началось обширным Комитетом. Именно, пусть оно врастает в жизнь постепенно. Вы имеете Радосавлевича, Уида, Фогеля, Жина, Муромцева, Магдалину и Ваш кружок. К хорошему корню прирастут и новые побеги. Главное, чтобы корень не засыхал. В прошлых списках имен найдутся и еще деятели и деятельницы. И молодежь накопится. А гоняться за павлинами и фазанами с их пышными хвостами не нужно.

Здесь упорно говорят о скором приезде Представителя. Если так, то прежде всего с ним повидаемся. В Сентябрьском номере "Твенти Сенчури" была напечатана статья Терещенко. Послал ее Вам. Скажите ему, что статья произвела очень хорошее впечатление. Жаль, что теперь из-за недостатка бумаги редко дают оттиски. Все обещают и обилие товаров и понижение цен, но на деле не видно. Носовой платок, стоивший четверть рупии, теперь пять рупий. Прилетело отличное письмо Жина (1-10-45) о добром здоровье Жаннетт. Именно так, как мы и писали. Пусть только не слишком она утомляется домашними хлопотами. Славные люди! Наверно, Хорш опять ответит Вам какой-то гнусностью, а Вы ему опять по справедливости. А там, может быть, и "покровитель зла" сковырнется. Ведь есть и космическая справедливость, а надеяться на "справедливость" всяких франкенталеров или Франкенштейнов нельзя.

Посылаю Вам два обращения к друзьям нашего Пакта и Знамени Мира. Может быть, найдете полезным дать "Знамя Мира" как письмо к членам АРКА. Ведь после военного периода следует перестраиваться на общекультурный путь, и каждое напоминание о народном достоянии полезно. Кстати, напомните этим, что группа Пакта и Знамени Мира жива и ведет неустанную культурную деятельность. А на всяких "покровителей зла" не обращайте внимания. "Собаки лают — караван идет".

Теперь о клише. Вы пишете, что у Вас больше нет клише, но они где-то есть. В 1938-м Франсис отбирала для Риги по нашему

списку. Но ведь это была лишь некоторая часть. Значит, остальное (а там были очень хорошие) где-то имеется — или у Катрин или у Вас. Там есть набор из Арчера, из Гималаев (Брентано), из бюллетеня Музея, из открыток — словом, очень много. Мы помним, что в Ригу были посланы только по нашему списку, а где все остальные? И откуда Франсис их отбирала? Постепенно многое находится. Вот одно время казалось, что открыток больше нет, а потом Инге нашла. Может быть, Инге протелефонирует Франсис и спросит, откуда та выбирала клише для Риги. Хорошо бы выяснить, ведь клише могут потребоваться для чего-то полезного. Удалось ли Магдалине устроить выставку репродукций? Здесь индусы очень хотели купить монографию Еременко. Вообще, хорошо бы с ним наладить отношения. Ведь его монография хорошая и будет время — она понадобится. Здесь еще в один журнал просили быть поч[етным] советником. По всей Индии! И все статьи и репродукции требуются — просто беда. Без секретаря трудно. Но весело преодолевать всякие трудности. Приходят какие-то незнакомые — все хотят купить. А как услышат, что маленькая темпера 500 рупий — вздыхают: "не для нас". Впрочем, теперь 500 — все равно, что сто довоенных. У Вас ведь такое же положение вещей. Бевен говорил о критическом положении в Европе. Вот он, Армагеддон Культуры! Трогательное совпадение.

Милое письмо от Жина от 10-10-45. В нем он поминает о нужности вызвать к жизни Пакт и Знамя Мира. Своевременно! С этой же почтою пришло письмо с юга Индии о том же. С разных концов деятели настойчиво говорят о том же. Пусть доброе семя растет. Очевидно, после военных уклонов люди ищут культурных путей. А что же будет ближе, нежели забота о народном достоянии? О том же звучит и письмо С.Дева (копию посылаю для архива). Каждый по-своему — кто более духовно, а кто земными путями — пусть идут туда же, к лазурной горе, где живет все высокое, то, что люди зовут возвышенной Культурою.

Среди молодежи ищите. Неправильно обвинять молодежь в вульгарности и легкомыслии. Среди трудящейся молодежи бьются сердца, взыскующие подвига. Герои не образовываются — они родятся. Зорко различайте признаки будущего подвижника, героя. Скромно опущены крылья героя, чтобы прекрасно взлететь в час сужденный. Вот еще один кружок молодежи просит принять его под покровительство. Не знаю их, не видал, но намерения их хорошие. Если их можно ободрить, то так и следует сделать. Может быть, и еще где-то Знамя Мира воздвигнется на общую пользу.

Если, как Вы пишете, Бенуа умер, то из всей группы "Мира

Искусства" остались Грабарь, Лансере, Остроумова-Лебедева, Добужинский, Судейкин да я — немного. Солдатская песня говорит: "Один он остался из всей полуроты, но нет, он не будет назад отступать".

Нет ли вестей из ВОКСа? Должны же теперь пути сообщения улучшаться! Или они так и останутся в убогом состоянии, так же, как и все цены. Из Англии сообщается, что семьдесят миллионов бродячих, больных, без крова людей в Европе. Бедствие неслыханное! Старый Китай опять принялся за свою давнюю разруху! Индонезия кипит, уже три революции в Южной Америке! Поистине, Армагеддон Культуры. Каждая газета полна убийственными заголовками.

Как в бурю, надо кричать: "крепче держитесь друг за друга". А ураган глушит голос. Помню, в бурю ночью на корабле — за что ни схватишься, все летит — только бы руки, ноги не переломать. А Океан, словно в насмешку, зовется Тихим. Вот так "тихий"! Но ничего, доплыли — так и доплывем.

Уже почти к Рождеству весточка долетит к Вам — сколько у Вас всякой всячины! АРКА, Академия, Агни Йога, Комитет Знамени Мира — какое разнообразие! А в сущности, все едино — служение Культуре. Каждый корень укрепляет единое древо. Долетело сейчас Ваше письмо от 17 Октября. Болеем за Вас. Понимаем, ох как понимаем! Прежде всего о Знамени Мира. Происходит явное недоразумение: друзья говорят об огромнейшей работе, а мы говорим об единой лампаде, которая должна теплиться неугасимо. Прежде всякой работы должен жить Комитет, должно быть местожительство. Те, кто говорят о двух годах, очевидно забыли мудрую пословицу: "Завтра, завтра — не сегодня…". Именно Вы правы в том, что сейчас говорят раны, нанесенные Культуре. Неправы предлагающие передать идею в чужой комитет — исковеркают! Нет, пусть лампада горит и несет свой свет. Нужна непрерывность мысли, а размеры подскажет сама жизнь. Онемение ВОКСа показательно. Непонятно, к чему терять дары и даже не признать посылки? А как же Культура-то?! Все сие примечайте и творите свою полезную работу. Если хотят в Индии еще печатать Терещенко — тем лучше. Если корреспонденты спрашивают, что им делать по А.Й. — да прежде всего читать и достойно распространять книги, но именно достойно. А лекции хлопотливы. Не надрывайтесь в бурю. Сибиряки говорят: "Бывает и корабли ломат, а бывает и не ломат". Доплывем. Привет всем друзьям.

15 ноября 1945 г.

Публикуется впервые

Индия

Королевское Азиатское Общество в Бенгале обратилось к Юрию с предложением сделать во время юбилейных празднеств доклад о сношениях Индии и России. Именно Юрий может сказать авторитетно на эту тему. У него собран богатейший материал. Как истинный историк он умеет говорить беспристрастно, а это сейчас редко встречается. Кроме обширного научного, имеется литературный и художественный материал, доказывающий, как издавна открыто было русское сердце к красоте Индии.

Переводы Жуковского "Наль и Дамаянти", "Бог и баядера"; Бальмонта — "Асвагоша", "Сакунтала"; Балтрушайтиса — "Бхагавад Гита" и "Гитанджали" Тагора. "Садхана" и другие произведения поэта широко читались в русских просторах. Мои "Лакшми-победительница", "Девассари", "Гайятри" появлялись в московских "Весах" и в других изданиях. "Индийский путь" оказался как бы предвестником волны внимания к Индии.

По Руси восторженно читалось "Провозвестие Рамакришны" и пламенные книги Вивекананды. Во время построения буддийского храма и мечети (доказывавших широту воззрений народа русского) возникла мысль о перевозке в Питер древнего индусского храма. Этот эпизод должен быть отмечен. Из своей последней поездки в Индию Щербатской вернулся с идеей перевезти древний индусский храм. Вместе с мечетью и буддийским храмом такое прекрасное прохождение было бы и своевременно и замечательно. Мы схватились за предложение Щербатского.

В скромной квартире сестер Шнейдер (племянниц Минаева) в составе комитета буддийского храма мы обсуждали, как привести в исполнение мысль Щербатского. Местные расходы были не так велики, и наша трудовая складчина могла их осилить. Но вопрос транспорта был много труднее. Следовало послать архитектора, который бы тщательно промерил и перенумеровал все части храма. Затем в разобранном виде поезда доставили бы храм в Бомбей, где все было бы погружено на пароход добровольного флота для прямой доставки в Питер. Список расходов стал сильно возрастать. Флот не соглашался даром доставить такой тяжелый груз. Завязалась бесконечная волокита, денежная помощь не явилась, и нам горестно пришлось сложить оружие. А жаль, безмерно жаль — ведь индусский храм в Питере был бы таким прекрасным знаком дружбы. Почему быть лишь в Баку храму Большого Огня?

В Калькуттском Музее одиноко висит большая картина Верещагина из его серии "Индия-Гималаи". Где же все прочие? Вот две маленьких книжки жены Верещагина об их гималайских — индусских поездках. Написаны довольно примитивно, но и за то спасибо. Как нужен инвентарь русских произведений — иначе летопись русского искусства будет неполной. Вот после выставки в С. Луи восемьсот русских картин канули в бездну, а где они? Много русских прошло по Индии — Сталь, Голубев, Авинов, Ростовцев, и только в забытых журналах имеются их заметки. И теперь бывали Вавилов, Щербиновский, Ульянишев, Перов — многие, но и эти путники прошли почти без следа.

Даже хотелось иметь индусский музей в Питере. Помню, с грустью мы узнали, что Виктор Голубев подарил свои индийские собрания в Музей Гимэ и в Музей Чернусского. Мы надеялись, что он уделит хотя бы часть для нашего Музея Императорского Общества Поощрения Художеств. Впрочем, где этот Музей? И еще мечтали мы послать стипендиатов нашей Школы в Индию, но тут помешала война.

Где-то по русским просторам странствует книга "Основы буддизма" Наталии Рокотовой (псевдоним Е.И.). Читались с радостью книги об Индии Рагозиной. Теперь, как говорят, на Руси книги поглощаются читателями. Хочет знать русский народ и в широком познавании приобретает великую мощь. О друзьях, о братьях хочет узнавать народ. Если кто может помочь такому доброму познаванию, пусть это сделает безотлагательно. Хотелось иметь в Индии русскую выставку, о чем я писал Потемкину, Грабарю, Щусеву — не знаю, дошли ли письма? Почта трудна. Святослав выхлопотал у здешнего правительства разрешение на русскую фильмовую выставку здесь. И такое ознакомление желательно.

В груде разрозненных сведений трудно понять, где нечто обособленное и где осколок целого ряда событий. Афанасий Тверитянин был в Индии и ценно запечатлел свое странствие. Но ведь таких путников, наверно, было много, но следы их завалены грозными обвалами. Множества костей белеют на караванных путях. Индусские селения на Волге, но почему на одной Волге? Ведь жил индусский раджа в Яблоницах под Питером.

Монах оставил свои записи о Гималаях, но таких хождений было много и немало странников устремлялись в Беловодье. Вот недавно Сураварди был причастен Московскому Художественному Театру, но и в иных местах могли быть друзья-сотрудники. Цыганка ворожит "Кала пани", помня свой исход из далекой Индии. Сибиряк повествует об Иосафе — Царевиче Индийском. Веды — ведать. Дом — дама. Дым — дхума. Дэва —

Див. Лель — чудный пастух. Лал — красный, прекрасный. Открыто прекрасное сокровище народов.

20 ноября 1945 г.

"Страны и народы Востока", вып. 14, М., 1972

Грабарю (24.11.1945)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Вот и мир пришел, и как будто цензура снята, а почтовые сношения не улучшаются, если не ухудшаются. За время войны дошло Твое доброе письмо, приходили письма теперь покойного моего брата Бориса, писал Бродский, в журнале "Славяне" появился мой "Лист дневника", ВОКС извещал нашу АРКА, что моя рукопись "Слава" читается с большим интересом художниками и писателями, Юрий получал весточки от Щербатского, но все это было во время войны, а теперь?

Главное, не знаешь, что вообще доходит. Писал я Тебе, писали Щусеву, Майскому, в Кремль. Юрий писал Баранникову и в Академию Наук — и все как в подушку. Наша АРКА тоже жалуется на трудности переписки с ВОКСом. Получил ли Ты отчет АРКА за прошлый год? Как Тебе кажется — откуда всякие такие трудности?

В московских газетах (здешний ТАСС нам их посылает) читаем о Твоих трудах и достижениях, читали Щусева о градостроительстве — все это так радостно. Русь быстро шагает, и все братские народы вписывают прекрасные культурные страницы. Велико внимание к русским победам и военным и культурным. Вы не можете знать, как устремлено внимание молодежи ко всему русскому. Спрашивают, как поехать? Как приобщиться?

Тем более хочется знать о художественной и научной жизни, чтобы рассказать ждущим и любящим. Где Билибин? Ничего о нем не слышно. Жив ли Яремич? Мне писали, что Бенуа помер во Франции. Да, оставшихся из "Мира Искусства" теперь меньше, чем пальцев на руках.

Шлем душевный привет Тебе и Твоей супруге. Авось дойдет!

Сердечно…

24 ноября 1945 г.

Публикуется впервые

Дела!

Прилетело Ваше многозначительное письмо от 31-10-45. Очень хорошо, если Магдалине удастся поместить декларацию 1929 года. Пришлите нам десяток вырезок и себе возьмите. Может быть, и еще где-нибудь удастся поместить. Мысль Уида хороша, но надо к ней очень подготовиться. Жин может постепенно разузнать, кто такой стоит во главе культурных дел, чтобы не попасть в лапы банде. Может с ним познакомиться? Мало ли какие махинации может натворить Хорш под прикрытием своего "покровителя".

Конечно, Хорш мог манипулировать с письмом, а вернее всего, мог намекнуть, где следует, что ответа вообще не требуется. От такого преступника можно ожидать всего. Итак, пусть Жин узнает, какие там люди заведуют. Конечно, расхищение народного достояния — тема крепкая, в крепких руках.

Все, что Вы пишете о ВОКСе, показательно. Правильно, что их твердо запросили. Правильны Ваши действия о Знамени Мира — пусть накопляется полезный материал. Пусть Фогель и Уид постепенно ознакомляются со всею огромною работою проделанною. Чуется, что работа по Знамени Мира откроет для Дедлея новые широкие применения. Один брат — по Красному Кресту, другой — по Красному Кресту Культуры. Надеемся, нога Дедлея зажила.

Тревожны Ваши сведения о возрастании цен на помещения. Вообще, что будет, если заработная плата не увеличится, а все цены возрастут? Прямо — бедствие! Конечно, теперь многое разрешается каким-то особым порядком, но все же время небывало сложное. Сейчас пришли Ваши пакеты с десятью отчетами АРКА — спасибо. Не успеет дойти этот отчет, а уже приходится думать о следующем.

Наверно, Валентина и в Праге разовьет свою полезную деятельность, но для этого потребуется время — осмотреться, приложиться к новым условиям. Вполне естественно, что и Магдалина на новом месте вся поглощена новою работою. И не сразу она найдет новый ритм. Тампи пишет, что Эптон Синклер похвалил его книгу "Гурудев". Кажется, и раньше Синклер к нам был дружественен. В "Известиях" пишут, что в Троице-Сергиевой Лавре и посейчас безобразия, и какие-то хулиганы там поселились. А где же Грабарь и все охранители? В Москве на археологическом съезде академик Волгин сказал, что теперь удалось изжить "вульгарно-материалистические построения".

Показательно! В южно-индийском издании "Кришна Пушкарам" воспроизведены: "Орифламма", "Охранительница" и "Зарево" — так знак Знамени Мира трижды повторен. Отличайте для комитета. Каждая подробность жизни лишь доказывает, насколько неотложна оборона Культуры. Вот в своей речи Молотов помянул о многом, даже о свиньях, но ни слова не сказал о культурных ценностях. Сие весьма показательно. Где уж тут говорить об отсрочке мыслей о Культуре. Между прочим, Вы не поминали, были ли отклики на годовой отчет АРКА? Если не было, то и сие показательно. Неужели по-прежнему "писатель пописывает, а читатель почитывает" — и ничего! Все это примечайте, ведь надо все знать.

Убедительно будет слово Ваше, основанное на знании действительности. А если действительность покажет свою многоцветность, то ведь и вся жизнь разноцветна. В том и богатство сущего, а народ уже давно сказал: "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло".

Мы радовались Вашему сообщению, что Ваши списки русских произведений в американских музеях так удачно пополняются. Так при всяком случае и продолжайте эту полезную летопись — она очень пригодится. Помните, была большая русская коллекция в Филадельфии у Девиса (Америка — Ла Франс). Странно, но мы никогда не могли найти местонахождение тридцати моих этюдов, исчезнувших вместе с 800 русскими произведениями после пресловутого разгрома русского отдела на выставке в С. Луи (1906). Метерлинк умер — значит, еще один друг ушел. Близок он был нам. Да, наверное, и еще многие друзья ушли за эти годы, только мы еще не слышали.

Непонятнее всего молчание Парижа, Праги, Риги. Ведь Лукин был в добрых отношениях с Кирхенштейном — главою Латвии. Нельзя поверить, чтобы Лукин не имел ничего спешного сообщить нам. Много странностей: неужели Югославская Академия не существует, неужели Португальская Академия (Коимбра) тоже онемела, так же, как Академия (Реймса), Морэ и все французские ученые и художественные общества? Каковы там условия быта? Когда-нибудь узнаем, а теперь — лишь бы теплились Ваши лампады.

Как нужны правдивые летописи! Если на нашем веку видим множество заведомых извращений, то ведь то же самое происходило и в прошлом. Кто знает, когда больше злоумышляли двуногие: в старинных караванных легендах или теперь, при услугах радио и телеграфа? Конечно, как в мегафоне, теперь все увеличивается. Значит, несменно дозорные должны особенно бдительно держать стражу на вышках во имя Истины. Каждая

черта правды, спасенная от извращения, будет прекрасным достижением. Кто-то когда-то скажет спасибо за охрану Истины.

При беседах о Знамени Мира помните, что наш Французский Комитет через полпредство в Париже писал о Пакте Верховному Совету СССР. Я сопроводил это представление письмом Председателю Верховного Совета Калинину. Отказа не было. Все такие подробности забываются особенно же в силу военного времени. На Вашингтонской Конференции СССР не участвовал только потому, что СССР был признан Америкой лишь в последний день конференции. Все это забывается, а потом люди могут клеветать о неучастии СССР в Пакте. Получил ли Молотов в свое время мое письмо, посланное через Парижское полпредство? Шклявер передавал его. У Вас могут спрашивать, и потому не мешает освежать память.

[Изображения:
Н. К. Рерих. Борис и Глеб. 1942
Н. К. Рерих. Поход Игоря. 1942
Н. К. Рерих. Ангел Последний. 1942
Н. К. Рерих. Песнь о Шамбале. Танг-Ла. 1943
Н. К. Рерих. Бхагаван. 1943
Н. К. Рерих. Канченджанга. Гималаи [1937–1947]
Н. К. Рерих. Гималаи (Ледяной сфинкс) [1937–1947]
Н. К. Рерих. Партизаны. 1943
Н. К. Рерих. Горное озеро. Перевал Баралача. 1944
Н. К. Рерих. Молодой лама. 1945
Н. К. Рерих. Весна Священная. 1945
Н. К. Рерих. Голубая впадина. 1945
Н. К. Рерих. Мысль. 1946
Н. К. Рерих. Клад захороненный. 1947
Н. К. Рерих. Дева снегов. 1947
Н. К. Рерих. Лхаса. 1947
]

Секретарь Королевского Азиатского Общества в Бенгале проф. Калидас Наг просит к их юбилею пожертвовать картину. Дам "Слава Гималаев". Пусть и там звучат Гималаи — уж так и придется быть Гималайским, как один друг предлагал прибавить к фамилии. А Козенс писал: "Гималайский в душе". Жаль, что у нас произносят Гималаи, а в сущности следовало бы сказать Хималаи — ближе к местным выговорам. Мягче.

Когда образуются ячейки Знамени Мира в малых городах и селениях, мы будем советовать, чтобы они держались тройками — так гораздо подвижнее и им самим удобнее. А затем их достижения могут сливаться в комитеты больших городов.

Именно, пусть доброе дело идет народным путем. Сейчас во всем нужны народные сотрудники. Нужно зарождение культурных дел там, где их прежде не было. Новые места, новые люди, новые мысли, новые применения в жизни. Всегда верили мы в молодежь. Думается, и теперь молодые примутся за широкую пашню. Молодые духом, ибо не нужны молодые старики. Колесница Культуры задвигается молодыми силами, молодым мышлением.

Вы знаете, как нужно дерзание, даже вопреки очевидности. Ведь и для очевидности требуются телескопы. Много огорчительного бывает в бытовой очевидности, но и на мельнице много пены и пыли, а как же без мельницы?! Радио сообщает, что Уоллес сказал: "Америка будет верховенствовать над торговлей всего мира и должна вести агрессивную торговую политику". Вот в этом злосчастном слове "агрессия" и заключена могила. Можно ли навязывать Америке агрессивность, когда весь мир ищет мирную кооперацию? Эттли сказал лучше: "Мы слишком много говорим о войне, а должны бы говорить о мире". Правильно! Культурная работа для мира теперь единственная всеобщая задача. Бомбами мир не создается. А положение вещей в мире показывает, как далеко человечество от культурного взаимопонимания.

В газетах помянуто имя Жданова[105] — он прекрасный культурный деятель. Он — герой Ленинграда. У меня был лист "Верден" о ждановском Вердене-Ленинграде. И теперь в Финляндии Жданов нашел твердые, убедительные слова. Василевский, Рокоссовский — все это гордость русского народа — всех народов Союза. Как прошла у Вас лекция о Толстом? Может быть, и ее пришлете нам для здешних журналов. Возник еще журнал "Наша Индия", лишь бы был долговечным. А то уже десятки журналов на наших глазах захирели и скончались. Жаль!

При повороте к зиме все мы проделали простуду — не сильную, но странную своим упорством. Теперь все какое-то особенное. Сейчас пришло письмо Тюльпинка из Брюгге — посылаю Вам копию и для архива Пакта и для прочтения сотрудникам. Вот еще доказательство, насколько люди спешат с реализацией идеи Знамени Мира. В наш Брюжский Музей будут сдаваться отчеты о памятниках Культуры. Спрашивают, как будет действовать наш Комитет, и никто не согласится отложить неотложное на два года. Даже скромный во всех отношениях Тюльпинк в маленькой Бельгии уже действует. Полагаем, что Уйду письмо Тюльпинка будет весьма интересно. Пошлите Тюльпинку все сведения о разрушениях в СССР. Это будет мостом с Брюгге, а кстати, хорошим сведением для отчета АРКА. Также

получено письмо от С.Дев — он пишет статью о Знамени Мира и будет проводить идею среди молодежи. Сохраните в архиве и это сведение. Следите за хищниками, за врагами и радуйтесь, что именно эти исчадья — наши враги. Помню, Куинджи говорил мне: "Это-то хорошо, что вы имеете врагов. Только бездарность врагов не имеет".

Кончим, чем начали. Пусть Жин разузнает, кто стоит во главе Культуры. Мысль Уида хороша, но такой снаряд должен попасть в цель — не промахнуться. Эта весть дойдет к Вам к праздникам, к Новому Году — пусть будет Вам всем хорошо.

1 декабря 1945 г.

Публикуется впервые

Продвижение

Прилетело Ваше огорчительное письмо от 11-11-45. Ох, как понимаем Ваши тяготы и заботы. Но творите Ваше доброе дело в пределах возможностей. Не утруждайтесь работою по Знамени Мира. Назовем для Комитета: Дедлей и Зина, Жин и Жаннетт, Катрин и Инге, Фогель, Муромцев и его две дочери, Магдалина. Если хочет присоединиться — Уид. А дальнейшее само себя покажет, всегда можно дополнить. Собираться в год раза четыре и опять-таки по надобности. Таким образом, никакой чрезмерной работы не потребуется, но будет жизнь. По АРКА Вы делаете, что можете, приносите пользу, оберегаете Культуру, а переполнять чашу тоже не следует.

Вы правильно ужасаетесь тому, что "доллар — король". Даже не король, а свирепый тиран-поработитель. А демократия — подданные рабы сего владыки. Увы, это так, но если бы было бы иначе, то и Культура не была бы опасно больна.

Статью из рижского сборника "Мысль" я послал для Вас — там есть даты, которые могут Вам пригодиться. Очень ждем, удастся ли Магдалине поместить декларацию? Теперь куда-то рассеялись друзья из Калифорнии, а там их было много. У одного из них было любопытное собрание газетных некрологов после моих "похорон" в Сибири, были и карикатуры Щербова и Ральяна. Забавны были "Владыка нездешний", а также на Александра] Бенуа с надписью: "Известная цыганская певица Сашка Бенуя исполнит "Мой костер в тумане светит". Где они, всякие памятки? Не знаем, что сталось с архивом, бывшим у Б.К. Как жаль, что он умер.

Жаль, что такие завзятые вредители, как Коненковы, отправились на свою новую ниву. Сколько клеветы сеется всякими злючками. А время такое напряженное, что кажется, не клеветою прозябать. Все ждем возвещенного представителя. Два примечательных номера "Известий" (ТАСС прислал). Один от 2 Сентября с прекрасной статьей Щусева о происходящем градостроительстве. Сколько полезного уже творится, и в каких опытных руках это всенародное дело! Честь и слава всем, приложившим труд на восстановление и украшение народного достояния. Хорошо бы перевести такую замечательную статью и широко напечатать. Другой номер "Известий" от 18 Сентября дает потрясающее "Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков". Неслыханный список разрушений, вандализмов! Человечество не знало такого позорного разрушения Культуры.

Этот доклад должен быть во всех библиотеках, во всех школах, чтобы будущие поколения содрогнулись перед явлением человеческого озверения. Такого в мире еще не бывало.

Британские газеты пишут о необычайном возрастании преступности в Англии и в Америке. Что же это такое? Впрочем, слабые мозги, потрясенные Армагеддоном, могут броситься в любые извращения. Какое же спешное культурное просвещение требуется! Также журналы сообщают о неслыханном развитии спиритизма в Англии. Опять опасность в невежественных руках. Также пишут о выкачивании крови и накачивании чужою. Опять опасность! Да, неблагополучно в большом земном доме. Мало таких крепких духом, каким был Куинджи — уже тридцать шестой год его ухода. Сколько добра он творил и всегда безымянно. Но умел быть и настоящим Гуру. Многое вспоминается. Однажды В. за глаза назвал его просто Архипом, но Куинджи услышал. Вечером, когда мы все собрались за чаем, Куинджи сказал: "Вот вы называете меня Архипкой, а кем же вы тогда будете?" Или Б. однажды злословил о нем за глаза. К вечеру Куинджи сказал: "Сегодня не будем пить чай. Не следует пить и есть с недовольным человеком". Много мудрости было в Куинджи — нужны такие учителя всегда, а особенно теперь нужны.

Хорш способен на любую гнусность. Он может сказать, что Комитет Музея не существует — значит, и постановленная декларация не существует. Такая гнусность опрокидывается тем, что в таком случае все постановления Комитета недействительны, а ведь они уже вошли в жизнь. Конечно, такое предположение невероятно, но ведь от преступников можно всего ожидать. Непременно прочтите журнал "Тайм" от 8 Октября. Неужели Рузвельты замешаны в жульничестве? Куда же дальше идти? Уж не причина ли прикрывания Уоллеса? Если же "Тайм" клевещет, то почему не было немедленного опровержения? Какое темное время! А вместе с тем и комизм: предлагается представителей наций посадить в Вау-вау на острове Вуху — неплохо для смешного рассказа. Так и обострился трагизм и комизм — Гранд Гиньоль!

Думается, на будущий год председателем АРКА — Уида, а председателем Комитета "Знамени Мира" — Дедлея. Постепенно у Вас завяжутся интереснейшие иностранные сношения — Вы уже имеете Брюгге и Краков, подойдут и другие. Уже пригодились снимки разрушений, полученные Вами из ВОКСа. Удалось ли Вам найти представителя ТАСС в Нью-Йорке? Такая дружба — полезна; наверное в консульстве знают, где и кто.

Папку пришлите не более десяти листов (потолще) — увидим, пригодится ли. Полагаю, что особых затруднений не

будет, маленькую стоимость поставьте на пакете. Заранее — спасибо! Не слыхали ли о судьбе "Половецких плясок", почему Мясин замолк?

Санджива Дев пишет от 22-11-45: "Я говорил на собрании о Знамени Мира, и много молодых людей достойно отозвались на этот призыв". Вот пусть в разных собраниях звучит зов о хранении Культуры. Каждое семя по-своему произрастает. Не предсказать, где почва окажется плодоноснее. Друзья Кумарасвами предполагают почтить его юбилейным сборником. Просили участвовать. Пошлю привет, ведь он много поработал для индийской Культуры и не всегда ему было легко.

Пусть Дедлей еще покажется доктору — так часто они ошибаются. У нас в семье были носившие бандаж, но он не отягощал их. Может быть, у Жина оказался какой-то неудачный? Странно, что он требовался лишь на короткое время. Врачебное дело с их новыми методами и средствами требует внимательных и длительных проверок. Наконец, дошел пакет с бюллетенями из посольства — есть интересный материал, но сколько времени пакет странствовал!

Вы пишете, что Вам приходится по восьми часов в день с секретаршей заниматься корреспонденцией, отвечая на всякие запросы. Вот это живая деятельность! Сколько любопытных подробностей для отчета АРКА! Только подумать, где только читаются Ваши сообщения и приносят пользу. Творится богатый посев. По местным условиям эти семена взойдут разновременно, и далеко не все всходы могут быть усмотрены Вами, но знайте, что движение произошло.

Пусть будет каждое Ваше движение — продвижением. Даже если теснинами приходится идти, все-таки продвигайтесь. Помните мою "У последних врат"? Всюду "запрещено", но только на последних вратах: "позволено". Итак, вперед, все-таки вперед! Друзьям — привет. На местах увидите, кто друг. А если истинный друг, то тем сердечнее и привет.

Читаем с большим вниманием замечательную книгу Симонова "Дни и ночи". Сильное дарование, мощное, правдивое. Помимо глубокого содержания — героическая эпопея войны — книга насыщена ценными бытовыми чертами, и все это дает долгую жизнь произведению. Симонов не только знает Родину, но и любит ее. Умеет смотреть глазом добрым, а это редкое качество. Но одного не знает Симонов. Не знает он, что в далеких снежных Гималаях русские люди с радостью читают его книгу и шлют ему сердечный привет.

15 декабря 1945 г.

Публикуется впервые

Русь (16.12.1945)

"Широка страна моя родная.
Молодым у нас везде дорога.
Старикам у нас везде почет.
Как невесту, Родину мы любим.
Бережем, как ласковую мать".

Весь мир облетела ласковая песнь. Ни снега, ни ветры не остановят сердечное слово русского народа. Давно сказано: "Входите в русскую деревню с песней". Песня, красота всегда были близки русскому человеку. Помните, как красиво сказал Гоголь о русской песне? Поет народ, значит он все преодолеет и придет к прекрасному будущему.

Мастер, труженик ведет работу свою и подпевает. И сколько песен знают такие мастера. Не только старинные напевы знают, но и новые сложат. Любая работа под песню спорится. И к новизне всегда устремлено русское сердце. Обновиться — все равно, что целину поднять. Новая запашка — всегда по сердцу.

Только допусти к знанию — всех опередит. Где-то думают, что на Руси что-то не найдено, нечто не удумано. Ан вот уже и найдено, смекалка уже надумала, только не любит зря или во вред разболтать. "Всяк Еремей про себя разумей". Но где полезно, там Ерема не обособится, а поймет выгоду общей работы. Тоже знает, что "один в поле — не воин". Будет расти сотрудничество. На льду цветы не растут, а зараза злопыхательства к добру не приведет.

Говорят — изменился народ. Да, многому научился, во многом преуспел, мастером стал, но сердце-то осталось то же самое — великое русское сердце. А если оно сохранилось через все труды, через все поля бранные — значит, оно еще выросло. А расти сердце русское может лишь к добру, к познанию, к человеколюбию.

Не успели отгрохотать пушки, как уже мыслят о небывалых урожаях, гремит градостроительство, вырастают школы. И старики почтены. Да еще какие старики — богатырские: Александр Невский, Суворов, Кутузов, Ломоносов, Пушкин, Репин, Чайковский, Римский-Корсаков! Всем строителям — честь! Берегут Троице-Сергиеву Лавру, отстраивают соборы и великие памятники. А сколько творится во славу женщины! Мало того, что равноправие — пришло полноправие. За военные годы великие труды приняла на себя женщина — строительница Родины прекрасной. Обойдите поля, заводы, школы, лечебницы — подивитесь на достижения женщин!

В едином взлете слились все народы Руси, на каких весах взвесить, где и кто больше совершил? Все возлюбили Родину и вознесли ее. И за то, про то по всему миру возлюбили народы Русь. Полюбили в глубине сердца, тянутся по-братски, хотят в труде приобщиться, верят в мощь русскую.

На Руси не могут вполне знать, какие благие нити дружества протянулись по миру. Культурная связь не может уследить за всеми очагами, где теплится истинная дружба, где куется крепкое доброжелательство. Каждая весточка "оттуда" читается, слушается с особым вниманием. Только подумать, что и в наших снежных Гималаях звучат слова о Руси, стучат машинки о Руси, творятся картины в честь русского народа. "Что думаете? Как полагаете? Что слышали?" — спрашивают друзья.

Франция говорит о двух великих странах. Может быть, и одна? Да что там считаться! Такие счеты тоже не в духе русского человека. Он творит свое великое, заповедное дело. Горячо любит Родину, шлет добрые мысли человечеству. Мчится Русь! Великий путь созидания, Красоты.

16 декабря 1945 г.

Публикуется впервые

Другу [106] (17.12.1945)

Спасибо за добрую весточку от 29-11-45 из С.Антонио. Очевидно, мое письмо где-то заплутало. В нем я писал о женитьбе Светика на Девике Рани — самой блестящей звезде Индии в фильмах. Мы ее очень полюбили — славный, даровитейший человек. Также я писал, что просил Зину послать Вам отчет АРКА, ибо Вы хотели стать членом ее. Да, Зина и Дедлей изо всех сил действуют в этом полезном деле.

Порадовались мы Вашему успеху в С.Антонио — должно быть, прекрасное место. Кто знает, удастся ли Вам оживить Арсуну — уж больно много бед сейчас в мире. За последнее время опять выдвинулось внимание к Знамени Мира. Да, Культура больна, и следует без устали твердить об охране ее.

Если сможете, сделайте из двух-трех ячейку Знамени Мира. Всюду можно забросить полезное слово, а особенно среди молодежи. Именно будьте сеятелем добра, каким Вы всегда были. По счастью, добро можно сеять повсюду.

После кончины Бориса прервалась переписка с Москвою. Главное, не знаешь, что туда доходит. В журнале "Славяне" появился мой лист дневника. Может быть, и еще где-то было, но мы-то не знаем. Слушаем радио, но многое не вмещается. ТАСС прислал московские газеты — интересно.

Не имеете ли вестей из Каменца? Впрочем, теперь почта совсем испортилась. Мы не имеем сведений из Парижа, Праги, Белграда, Загреба. Но из Алжира, из Бельгии имели вести и хорошие. Музей в Брюгге не пострадал. Из Китая имели неожиданные письма, но от друзей — ничего. Беспокоит Рига, ведь, наверное, друзья хотели бы сообщиться и — ничего.

Спросите, как мы? — Трудимся, творим, действуем. То же и Вам желаем. Шлем приветы друзьям и рады Вашим добрым весточкам.

17 декабря 1945 г.

Публикуется впервые

Другу[107] (20.12.1945)

Дорогой мой А.П. Радость! Сейчас долетело Ваше славное письмо от 5-12-45. Первое Ваше письмо не дошло. Сердечно порадовались мы — Вы и Ваша семья сохранены, Вы трудитесь и преуспеваете, Вы сплотили добрых сотрудников во Имя Великого Наставника Земли Русской. Радость и в том, что Ваши суждения о сотрудниках правильны. Привет им от нас всех.

Спросите, а мы как? Трудимся, творим, действуем. Смотрим в ту же сторонку, как и Вы. Прилагаю мой последний лист дневника — в нем наши мысли. Иначе и быть не может. Уведомляйте о Ваших передвижениях, а то и найти трудно. Вот Вы пишете, что В.Н.И. уехал, а поди найди его. Имеете ли вести от харбинских друзей? Не слыхали ли о моем брате Владимире? И адреса его не знаем. Знает ли он, что брат Борис умер в Москве?

Вообще, переписка всюду затруднена. Все рассыпалось, но уже собирается. Беспокоит, что из Риги нет вестей. Там друзья, которые, наверно, хотели бы сообщиться. Жаль, что З. свихнулся. А что сделалось с харбинскими фашистами Родзаевским, Лукиным, Васькой Ивановым и прочими гадами? Много раз поминали мы Вас и стремились послать весточку, но куда? Может быть, и Вы чувствовали ток наших добрых мыслей.

Под моей картиной в Праге имеется сокрытая надпись: "Трижды дано Преподобному спасти Землю Русскую. При князе Дмитрии, при Минине и Пожарском и теперь" — от немцев. Ведь дошли они до самой Троице-Сергиевой Лавры, и там ждал их удар. Один из советских художников написал картину, как строится стена конного воинства, а на фоне — Лавра. Много, много Знаков — лишь бы замечали их. А то смутилось человечество, совсем заплуталось, налилось ненавистью. Как правильно Вы описываете, Шанхай — язва разложения! Потороплюсь кончить, чтобы скорей отослать. Может быть, еще дойдет до Нового Года. Сейчас опять много внимания к нашему Знамени Мира об охране Культуры. Разъясните его значение сотрудникам. Может быть, составится добрая ячейка Знамени Мира. Всюду можно сеять добро, а особенно среди молодых.

Сердечный привет от нас всех.

Духом с Вами.

20 декабря 1945 г.

Публикуется впервые

Новый Год (01.01.1946)

Вот и Новый Год! Будет ли он новый или опять старый — увидим. Может быть, вернее сказать: "еще один год". Бывало, мы никогда "нового" года не встречали, а провожали старый год с благодарностью. Каков новый год, еще неизвестно — пусть покажется. А в прошлом году — жили, трудились, творили, и за это спасибо. Беды миновали, трудности преодолевались, друзья обретались, и за это спасибо.

Как подумаешь о десятках миллионов несчастных, обездоленных, озлобленных — ужас берет. А радио кричит: "зима суровая, снежная", всюду недостача и как вопль отчаяния — забастовки! А цены растут, и нет надежды, что они "чудесно" опустятся. И в людях замечается какая-то смуть. Но все же скажем молодому году: переживем, не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Поет баян: "Несчастья — радостей залог". Вот русские герои превозмогли беды и устремились к строительству. Любо читать и слышать о новой русской стройке.

Мудр русский народ. На призрачные заверения он скажет: "Мели Емеля — твоя неделя", а не то сурово отрежет: "Говори, что хошь, а цена тебе грош!". Велико и терпение народное, впрочем, Илья Муромец тридцать лет сиднем сидел, а какие подвиги потом натворил. Есть природная Культура в русском человеке. Сколько мудрых речений бывало в деревнях наслышишься, а ведь нам много довелось с народом беседовать. Вот и в 1926 году на сибирском пути к Москве мы встречали замечательных собеседников. Строители новой жизни!

В то же время в неких странах двуногие сотрясаются в нелепом джиттербаге. А колесо прогресса катится своим путем, отмирает одряхлевшее, нарождается бодрое преуспеяние. Народ мечтает о содружестве, а из него рождается добротворчество. И в эту чашу Культуры положим нашу лепту, где можно делом, а где мыслью, мысленным приказом. Если бы вся жизнь была сахарной, то ведь от сладости и оскомина бы набилась. Представьте, все кушанья на сахаре — какое отвращение! А где же тогда будет "соль земли"? Итак, "пер аспера ад астра"!

Помните об Уране, когда слышали? На небо поглядывали, а Уран-то оказался под землею, и весь мир заговорил о пресловутом Уране. Газеты опять говорят о волне преступлений в Англии. Говорят, что нынешняя зима будет труднейшей в Европе за триста лет со времени тридцатилетий войны: холод, голод, болезни. Все это Вы так же знаете, как и мы, но люди напоминают друг другу о бедствиях, как бы ища сочувствия. Но все же злоба

шипит повсюду, а беспорядок — всюду, точно мусор после обвала.

Кончаю мой лист о дружестве: "Друзья, может быть вам кажется, что говорить о дружестве — труизм? Увы, сейчас это не труизм, но необходимость. Вот до чего дожили! И по какому такому щучьему велению снизойдет "благорастворение воздухов"? Ненависть, злобное подозрение не с неба свалилось. Люди ткали злобные легенды, копали могилы. Занятие темное!"

Улыбнемся к Новому Году. На днях поминали мы лондонскую легенду о том, что я не Рерих, а Адашев. И такая чепуха ползала по миру. Забавно, чего только не бывало! Еще в студенческие годы пришлось ставить живые картины на кавказском вечере. Понравились. Подходит Блох из "Новостей": "Вы ведь кавказец?" "Нет, я — питерский". "Ну, я все-таки напишу, что вы кавказец, картины-то очень хороши". Через год с Микешиным ставили картины на украинском балу в Дворянском Собрании. Опять вышло ладно, и на этот раз газеты назвали меня украинцем. Вот вам и биография! Впрочем, мы были и еще украинцами, когда у нас собиралось "нелегальное" общество имени Шевченко. Дид Мордовцев и прочие щирые, добрые люди. Живы ли? Тут же Микешин зарисовал председательствовавшего моего отца, и все подписались. Этот лист должен был быть в моем архиве у Б.К. — если архив вообще существует. Странно, о последних днях Б.К. мы так и не имеем сведений. Даже неправдоподобно.

К Новому Году думали, как опять потребовалось Знамя Мира — памятка о самом ценном. Думали, как оно окажется содружником, а когда-то, может быть, заместителем АРКА. Любопытно подмечать, как в жизни одно становится труднее, а другое вырастает и делается понятнее и ближе. Так зададим Новому Году доброе задание, а то нахлынут неразрешимые проблемы, и вместо добра опять затуманятся дали. Уже который раз газеты говорят о неслыханной волне преступности в Англии, о каких-то странных погромах в Польше — много тревоги. Опять что-то печальное, а к Новому Году надо повеселей. Что бы такое?

Вот у нас куры не несутся и коровы молока не дают. Впрочем, какое же это веселье?! Радость останется в том, что Вы и мы можем трудиться и сеять добро. Это самая прочная радость, будем ценить ее, и опять признательность тем, кто способствует ей. Подумаешь о радости, а она уже и стучится. Сразу две радости: одна — Ваше письмо от 19-11-45, а другая — от Хейдока из Шанхая 5-12-45 — не только жив, но и собрал целую группу отличных сотрудников. Жил русскими уроками. Все это ладно.

В Вашем письме много радости. Так и должно быть поверх

всех бурь и невзгод. Действуйте бодро по местным условиям, сама действительность покажет лучший исход. Знаем, что сделаете все как лучше. Очерк Знамени Мира в память милого Спенсера пришлю. Для ускорения включу по-английски из бывших статей.

Пусть будет Дедлей председателем Комитета "Знамени Мира". Так и отплывайте в новое плаванье. Если наладятся отношения с Еременко — хорошо. Вам виднее, когда лучше дать мои обращения к членам. В конце концов, они касаются всех — и Агни Йоги, и АРКА, и "Знамени Мира". Зов о Культуре общечеловечен. А сейчас он нужен неотложно. Только что пришел пакет с письмом Дедлея к членам АРКА за Октябрь. Письмо звучит прекрасно и дельно. Такие письма должны целиком входить в отчет АРКА — ведь они и есть часть отчета. Вот всякие критиканы взяли бы да и сделали такое же полезное. Спрашиваете, как быть с помещением, не купить ли дом? Думается, что У ид должен знать эти местные условия. Так все переменчиво.

Пусть "Пантелей" у Вас висит с прочими картинами. В Археологический Институт две картины были даны при Магоффине и висели в колледже, где преподавал преемник его, кажется, Лорд по фамилии. Название колледжа не помню. Хорошо бы их выставить у Вас, тем более, что Институт не провещился. За десять лет они не прислали сюда своих изданий, а я ведь пожизненный член и был вице-председателем. Неужели они ничего больше не издают? По нынешним временам все возможно.

Итак, пошлем Новому Году наказ, чтобы был добрым, чтобы не столько о войне, сколько о мире заботился. Привет друзьям, а самым лучшим — самый большой привет.

1 января 1946 г.

Публикуется впервые

Радость

Горы разукрасились снегами, так все красиво, что не понять, зачем люди оскверняют свое достояние. Давайте так сделаем, чтобы в каждом письме было что-нибудь радостное. Вот в Вашем описании собрания 17 Ноября была радость. Инге прислала тоже радостное описание, и мы радовались, как сердечно она описывала деятельность Зины. Даже в напряженное время можно усматривать радость. Да, да, давайте устроим в каждом письме рассадник радости. Знаем, что на льду цветы не растут, пусть же лед растает под сердечным теплом. Самые "неразрешимые" проблемы просветляются радостью.

Помню, в С.Франциско было и парадно, и почтительно, и все же безысходно. Три раза ходил смотреть "Мушкетеров". Думал, коли они обернулись, то и на нашей улице будет праздник. И был праздник! Радость — добрый магнит. И письмо Ильи тоже очень хорошее. Он понимает задачи Знамени Мира, именно теперь, когда многие ищут решение мировых задач. А что же может быть реальнее, нежели разумно понятая и примененная Культура? Пусть будет у сотрудников доброе сознание: если кто что сделал, значит, он действовал по способности и по местным условиям.

Только что начал очередное письмо, как пришло письмо из Амторга, копию его Вам прилагаю, так же, как и копию моего письма к Гусеву для Вашего полного ознакомления с этим многозначительным известием. Как видите, Вам придется созвониться и повидаться с Гусевым. И, конечно, это свидание будет началом хорошей дружбы. Вы понимаете, как заботливо и благожелательно нужно осведомить Гусева о том, что дело с картинами осложнено агрессией и захватничеством Хорша, который нарушил доверие наше и большинства Трести. Не следует говорить, что картины эти невозможно приобрести — пусть этот вопрос остается открытым. Действительно, ведь мы и сами не знаем, как обернулось бы дело с декларацией 1929 года. Весьма возможно, что Хорш примет с помощью "покровителя" такие злостные меры, что самые благие намерения декларации могут быть опрокинуты. Естественно, Вам придется осветить захватническую деятельность Хорша. Конечно, Вы не будете вдаваться в чрезмерные подробности, чтобы не затемнить главное, а именно желание Комитета по делам искусств иметь картины для музеев СССР. Вы знаете, как люди быстро устают от подробностей не близкого дела и разочаровываются. Между тем Вы видите из моего письма Гусеву, насколько я сочувствую желаниям Комитета по делам искусств. Вы скажете также, что для

охраны этих картин существует особая Корпорация, в которой Вы и друзья принимаете участие и которую Хорш пытается обойти. Теперь из конца письма Амторга можно видеть, что Комитет по делам искусств интересуется не только этими [картинами], но и вообще моим искусством, поэтому я сообщаю Гусеву, что у нас здесь, в Гималаях, находится большая коллекция моих картин, упоминание о которых Вы найдете в копии моего письма. Имейте в виду, что это обстоятельство чрезвычайно важно, которое должно быть доведено до прекрасного заключения. Действительно, было бы прискорбно, если бы здешние картины распылились по чужим землям, а не сделались бы достоянием русского народа. Также Вы обратите внимание на заключительные слова моего письма о готовности служения на Родине и, со своей стороны, подкрепите их известными Вам формулами о моей любви к Родине. Может быть, будет уместно и дать ему список статьи из журнала "Мысль", которая у Вас имеется. Если бы явился интерес к моей семье, то следовало бы упомянуть о Юрии и его необычном знании восточных языков и огромном историческом труде "О Народах Средней Азии", который он не может закончить здесь из-за недостатка материалов, и в этом Родина могла бы прийти ему навстречу — ехать он всегда готов. Также, наверно, будет речь и о таланте Святослава, который сейчас является, несомненно, лучшим портретистом. Видите, какое важное обстоятельство надвинулось. И Вы чуете, с каким нетерпением мы будем ждать последующего. Главное, следует подчеркнуть в беседе значительность и красоту последних здешних картин, которую так оценивают здешние критики и музеи, а также и наше постоянное желание работать на Родине.

Вот, какими важными обстоятельствами начинается 1946 год. Пусть он окажется годом благого строительства. Привет друзьям — посылаем это письмо вне очереди для ускорения. По получении этого письма немедленно созвонитесь с Гусевым и, надо думать, что он уже получит мое письмо одновременно.

2 января 1946 г.

Публикуется впервые

Из переписки

Амторг 210, Мэдисон Авеню, Нью-Йорк, 16, Н-Й. Декабрь, 7, 1945 г. Николаю Рериху Наггар, Кулу, Пенджаб, Индия

Дорогой мистер Рерих!

Комитет по делам искусств Советского Союза интересуется Вашими картинами, находящимися в настоящее время в коллекции м Хорша в Нью-Йорке.

Комитет запрашивает Вас о возможности покупки всей коллекции.

Мы будем Вам очень признательны, если Вы выскажете свое мнение по вопросу покупки Ваших картин Комитетом по делам искусств СССР для советских музеев.

В надежде на ответ от Вас

Искренне Ваш

Начальник отдела искусств и ремесел Амторга Гусев.

Уважаемый гр. Гусев, Ваше письмо от 7 Дек. дошло в наши снежные Гималаи 27-го. Вы уже имеете мою телеграмму, и я могу лишь подтвердить, что решение Художественного Комитета в Москве меня очень тронуло. Мы никогда не порывали отношений с нашей Родиной и там могли знать о моей художественной деятельности. Я всегда мечтал привезти на Родину плоды моей работы, включающей серии картин Гималаев, Монголии и Тибета, а также мои картины, посвященные русскому народу — "Александр Невский", "Святогор", "Настасья Микулична", "Новая Земля", "Партизаны", "Мстислав Удалой", "Ярослав", "Богатыри проснулись", "Победа" и др. Мысленно я видел эти картины как русское достояние.

Вы запрашиваете мое мнение касательно картин моих, находящихся в Нью-Йорке. Конечно, я мечтал бы, чтобы все мною сделанное принадлежало русскому народу. Но имеются некоторые не выясненные еще обстоятельства, которые может Вам передать Зинаида Григорьевна Фосдик — о чем я ее и извещаю и прошу сообщиться с Вами. Ввиду этих некоторых сложностей я был бы счастлив предложить Родине собрание моих картин, находящихся у нас здесь. И если такое соображение отвечает желанию Комитета искусств, то я мог бы дать Вам подробные сведенья о них. После совещания с Зин. Гр. Фосдик положение коллекции картин, находящихся в Нью-Йорке, Вам уяснится. С моей же стороны, Вы встретите самое сочувственное сотрудничество во всем. Можно пожалеть, что почтовые сношения очень замедленны и оборот писем берет воздушной почтой почти два месяца. Что же касается нашей переписки с Москвою, то

главное затруднение в том, что мы часто не знаем, что именно дошло из наших писем и не задержались ли ответы. Я и моя семья всегда готовы принести наши труды на пользу народного строительства и послужить на Родине. Ожидая Ваш ответ о последующем, с искренним приветом…

P.S. По последним сведениям, в Карачи уже приходят советские пароходы, и таким прямым рейсом отправка значительно упрощается.

Январь 1946 г.

Публикуется впервые

Трудные дни (15.01.1946)

Прилетело Ваше письмо от 5 Декабря. Выбираю из него радостное. Знамя Мира Вами поднято — радость. Очень хорошо, что наладилась культурная связь с Голландией. Пусть они не только сочувствуют, но и проявят деятельность. С Еременко добрая беседа — хорошо! Кто будет председателем АРКА или "Знамени Мира" — решите по местным условиям, важна суть дела. Не смущайтесь молчаливостью ВОКСа. Продолжайте извещать их и вершить Ваше культурное дело.

Если Еременко хочет издать портрет и картины — пусть издает и даст нам несколько оттисков. Здешние газеты сообщают, что из кабинета Трумэна уходят четверо и в том числе Уоллес. Правда ли? Любопытно, каковы причины такого исхода? Как сие действо отзовется на Хорше? Вы поминали, что о Радосавлевиче ничего не слышно. Может быть, какие-то дела в Югославии его заботят? Трудно судить. Вот Асеев пропал, а наверно, хотел бы сообщиться. Неизвестно, где в Белграде "Земля славянская" "Святые гости", "Слобода берендеев"? Всего семь картин. В Загребе было десять картин ("Древняя Русь", "Приказ Учителя" и др.). Какова судьба "За морями — земли великие"? Она была до войны в Сов[етском] Посольстве в Риме, но где теперь? Все когда-то прояснится. В прошлом письме Вы нашли исправленную страницу 28 для "Знамени Мира". Посылаю для Вашего архива хорошую статью Санджива Дева из декабрьского номера "Заря Индии".

А вот что-то веселое. Газеты сообщают о появлении в Мексике чудовища длиною в сто футов. Будто бы туда поехали американские ученые для изучения, а может быть, и поимки этого Змея Горыныча. Не слыхали ли Вы о таком чуде-юде? То Ноев ковчег, то Лохнесс, а теперь Змей Горыныч — прямо чудеса! Вот уже заседает новая Лига Наций, обозвали ее "Пандемониум"[108] — пусть это не случится. Покойная Лига посылала испанские войска в зимнюю Вильну, и их полузамерзших увозили обратно.

Для Вашего архива "Знамени Мира" нам передавали, что в древнем храме в Мандалае (Бирма) были старинные мраморные плиты с текстом Трипитаки[109]. При последней бомбардировке эти исторические древности были разрушены. Вот как! К Новому Году выдано множество наград. Низам Хайдерабада получил "королевскую золотую цепь" — вот как важно. Вспомнилось из студенческих лет — хоронили одного профессора и среди памятников прочли такую надпись: "Иван Иванович Иванов, действительный тайный советник первого класса", — выше и нельзя, а никто такого деятеля и не знал. Когда Суворина

поздравляли с генеральским чином, он усмехался: "Это зависит от долголетия". Да, всякие ордена тоже отжили свой век. Леонардо да Винчи и Микеланджело никаких орденов не имели. Мольер, Сервантес, Шекспир — тоже без орденов были. Сообщается, что во Франции будет особое министерство человеководства. До сих пор бывали лишь управления животноводства.

У Вас, наверно, имеются бюллетени Музея. Следует из них собрать все выпуски, где говорится о Знамени Мира для Комитета. Если у Вас их нет, то мы могли бы прислать — у нас имеются повторные. В бюллетене было много данных о Знамени Мира, и собранные вместе они дали бы осведомление вновь подходящим. Ведь люди забывают, какая огромная работа была произведена. Санджива Дев устраивает на юге Индии "Культурное Братство друзей Рериха". Не знаю, что у него выйдет, но он полон воодушевления. Так вспыхивают культурные очаги. Да, 1946-й будет значительным годом. Пришел пакет Дедлея с его циркуляром членам АРКА за Октябрь и со статьей из "Таймса". По-прежнему в "Тайме" попадаются любопытные заметки, Вы их, наверно, видите. В статье из "Таймса" высказано несправедливое осуждение русским за их подозрительность. Не мешало бы кому-то раньше освободиться от подозрительности, нежели обвинять русских. Впрочем, обычно видят сучок в чужом глазу, а бревно в своем не чувствуют. Мы могли бы по поводу чьей-то подозрительности написать целую книгу. Много таких книг можно бы написать, да времени и охоты нет. Вы-то знаете, сколько мы претерпевали от нелепейшей подозрительности разных злобных невежд. А может быть, автор статьи ошибся в выражении и вместо русской подозрительности не лучше ли сказать проницательность.

Хорошо, что Вы присылаете любопытные вырезки. Пошлем Вам, когда будет, пригодное для архива "Знамени Мира". Как необходимо оно сейчас! Кроме "Таймса" просматривайте и "Сайянс Ньюс Леттерс". Там бывают интересные новинки. Только что поминалось, что научные открытия будут взяты под контроль. Как бы это ни напомнило времена алхимии! Сложна стала жизнь человеческая.

Прилетело доброе письмо от Еременко. Оказывается, он в сношениях с Гусевым. Посылаю Вам копию моего письма для сведения. Таким путем получится и еще полезное окошко, и хорошо, что Ваши сношения наладились. Не член ли он АРКА? Кстати, как его имя, отчество, а то неудобно писать А.В. — не Александр ли Васильевич? Было хорошее письмо из Брюсселя от Миры — весь заработок уходит на пищу. Неужели останется такое нелепое положение? А Культура-то?

Кончал очередное письмо, когда прилетело Ваше от 22-го Дек[абря] со вложением запроса из Франции от 12-го Дек[абря]. На Ваши справедливые сетования о молчании ВОКСа могу лишь сказать, что я спрашивал адрес ВОКСа у здешнего ТАССа и к моему изумлению оказалось, что и ТАСС того адреса вообще не знает. Вот Вам и культурная связь с заграницей! (Пожалуйста, пришлите мне адрес ВОКСа). Значит, Вам остается продолжать культурную работу в тех размерах, которые возможны по местным условиям. По-прежнему запрашивайте ВОКС непосредственно и поминайте, сколько Ваших писем с деловыми запросами осталось пока без ответа. Относительно операции СМ. думается, что если она не испытывает боли, может читать и шить, то следует ли в ее возрасте подвергаться новым трудностям? Если сама по себе операция очень легка, то, насколько помню, после нее был значительный период неприятных приспособлений, как Вы тогда писали.

Теперь о запросе из Франции. Запрос этот нас очень удивил, ибо все организации существуют совершенно самостоятельно: и в Америке, и в Бельгии, и в Китае, и в Индии. В особенности же ввиду послевоенных трудных периодов невозможно, чтобы только французское общество должно содержаться из-за границы. Таким образом, совершено отпадает вопрос о том, чтобы Вы или какая-то иная организация стали бы в теперешние трудные дни еще содержать и франц[узское] общество. Кроме того, как Вы помните, в Париже находилось сорок шесть картин по преимуществу очень малого размера, и помещались они в квартире г. Перонэ. Даже странно звучит, что за картины, украшавшие его офис, кто-то должен был платить. На время войны картины были сложены в подвал, и общество не функционировало, да, вероятно, и сейчас не функционирует. Если еще Вы не перевели тридцать восемь долларов, то имейте в виду, что радио недавно сообщило, что теперь англ[ийский] фунт равняется 480 франкам, а курс фунта на доллары, вероятно, в Америке известен, но, во всяком случае, сумма получается чуть ли не вдвое меньшая. В силу этих соображений Вам надлежит в возможно мягкой форме написать во Францию, чтобы они приняли во внимание полное изменение в обстоятельствах в условиях послевоенных. Каждая организация выполняет культурную работу в тех размерах и пределах, какие по настоящему времени возможны. Относительно переписки с нами скажите, что пути сообщения, особенно с Европой, еще очень не установились. По многим соображениям сейчас лучше повременить с перепиской. Да, многое изменилось за время Армагеддона. И старые пути уже не пригодны. Сейчас протекает

Армагеддон Культуры, и потому каждое культурное дело так трудно. Трудность велика и в Индии. Итак, напишите по возможности мягче и пришлите нам копию. Наверное, он сейчас уже имеет новое занятие, которое ему позволяет существовать, и пусть его и придерживается. Все эти соображения Вы будете писать от себя, а не от нас.

Теперь поверх всех текущих дел перед Вами стоит беседа с Гусевым. И Вы чуете, какая дружелюбная осмотрительность должна быть применена. Вы очень хорошо отмечаете о Пейнтинг и Холдинг Корпорешен, и, по-видимому, Уид понимает положение вещей. Кстати, получили ли Вы наши бумаги о заместителях и не нуждаются ли они в перемене титула? Пусть каждая трудность и сложность принесет Вам новые возможности. Шлем сердечные приветы милому Дедлею и всем друзьям.

15 января 1946 г.

Публикуется впервые

Из письма Зинаиды Г

15 Января, 1946, Нью-Йорк

Ваше значительное письмо от 2/1/46 пришло 12-го Января (шло 10 дней!!!) и я тотчас позвонила в Амторг, но г-на А.Гусева не было в городе. Вчера днем он меня принял, и у нас была крайне интересная беседа. Во-первых, он мне показал Ваше письмо к нему и при этом объяснил, как он узнал о коллекции у Хорша, или вернее, что он узнал, что здесь имеется такая коллекция Ваших картин, и он пошел ее смотреть раза три. Но, видимо, что-то его смущало, и он начал расспрашивать. Спросил Яременко, которого он знает, и последний ему сказал, что был суд с Хоршем и были затронуты картины. Тогда он написал в Наркомпрос письмо, сообщая о наличии коллекции Ваших картин здесь. Там очень заинтересовались этим и просили подробностей. Хорш ему, оказывается, показал и предлагал двести тридцать картин, и когда Гусев написал о том количестве в Наркомпрос, ему оттуда ответили, что должно быть гораздо большее число картин, в Н.-Й. Но когда там узнали о каких-то судах, о чем Гусев им писал, со слов Яременко, они ему указали обратиться к Вам, что он и сделал. По его словам, там желают иметь большую коллекцию Ваших картин, ибо там имеется всего около шести Ваших картин, не больше! (Он, вероятно, имел в виду Третьяковскую галерею). Он сказал, что Вас чтут как великого русского художника, как русского патриота, любящего свою Родину, и что Ваши картины должны быть достойно представлены там. Привел в пример Репина, которого знают все, от мала до велика, и поэтому такое же отношение должно быть к Вам. Очень характерно!

Затем, после этого предисловия, я начала ему говорить, согласно с Вашими инструкциями в письме, о Хорше, нарушении им Вашего и нашего доверия, захвата всех учреждений и картин, нашего судопроизводства и нашего глубокого разочарования в здешних судах и судьях, в их подкупности и методах, примененных Хоршем для выигрыша дел. Все это, конечно, было сказано мною в сжатой форме, но он при этом делал пометки на своем нотблоке. Затем я ему сказала о группе сотрудников, которую Хорш старается обойти. Выслушав все то, Гусев сказал, что Хорш жулик и что многое ему теперь делается ясно, а именно, он подозревал Хорша, что последний ему не показал самые значительные картины, а те, которые он желал продать в настоящее время. Затем на его вопрос о Вашем местожительстве Х. неопределенно отвечал, а затем заявил, что Вас нет в живых!!!

Гусев дальше в разговоре сказал, что рискованно иметь дело с Хоршем, но на это я ему спокойно ответила, что наша группа настолько разочарована исходом нашего судебного процесса и так скорбит о том, что Ваши картины находятся в подвалах Хорша, где их никто не видит; и раз Х. старается их распродать, как мы это узнали, нам гораздо желательнее видеть эти картины на Родине великого художника, где его оценят и где будет музей, посвященный его искусству, и мы, конечно, не будем чинить никаких препятствий ему, и вопрос остается открытым для его дальнейших действий.

Но самое главное впереди — он мне сказал, что, узнав из Вашего письма о том, что у Вас имеется большая коллекция, включающая картины особенно важные для России благодаря их историческим сюжетам, он немедленно, не дожидаясь моего посещения, написал в Наркомпрос об этом. (Между прочим, он мне также сказал, что сам глава Наркомпроса писал ему о Ваших картинах и желательности иметь их в Сов. Рос.) Это дало мне возможность сказать ему многое об этих последних картинах, их исторической ценности, а также о той непередаваемой панораме Азии и Гималаев, которая написана Вами и которую они могут без всяких затруднений получить прямо от Вас, причем даже отправка их будет несравненно облегчена благодаря пароходным сношениям. Сказала ему о том, как Индия ценит Ваше искусство, как высоко говорят о нем лучшие критики там и как несмотря на все это, Вашим давнишним желанием было видеть эти картины на родине. Сказала ему также о той высокопатриотической работе, которая была проделана Вами во время войны, Ваших статьях, которые пересылались нами в ВОКС, и появлении некоторых из них в журналах там, также о пожертвовании Вами книги "Слава" в пользу Русского Красного Креста, а затем я сказала о Вашем и всей Вашей семьи горячем желании послужить Родине и о том, что я Вам выслала по Вашей просьбе отсюда анкеты, ибо там без представителя Советского Союза Вы не могли этого сделать. И теперь, ввиду того, что туда направляется представитель, Вы с ним снесетесь по его прибытии. Гусев подтвердил, что там действительно доныне не было представителя и что, кроме того, почта очень медленна, хотя и он думает, что быстрее сноситься с Индией, нежели с Америкой, ибо письмо из России сюда и обратно воздушной почтой берет три месяца. На него произвел сильное впечатление факт о том, что Вы так думаете о Родине и работе там. Я много говорила о Юрии, его трудах, блестящем имени в Европе и Азии и его огромных знаниях. Он очень восторженно заметил, что Юрий найдет огромное применение своим знаниям на Родине. Также говорила о Святославе, его славе

одного из крупнейших современных портретистов. Он крайне внимательно слушал, делал записи, и все это пойдет куда следует. Я ему сказала, что в Музее было свыше тысячи картин и спросила, не дал ли ему Хорш список тех картин, которые он ему показывал. Оказывается, что он ему дал вначале такой список (Гусев его не имел на руках, но обещал найти и просил меня просмотреть его, чтобы действительно знать, какие именно картины ему были предложены), а затем он ему прислал другой список — в последнем свыше 750 картин. Я его просмотрела — это сшитая тетрадь, с напечатанными на машинке страницами, включающими списки картин, их названия и год. Замечательно то, что на первом листе стоит — коллекция картин Рериха с 1904 года до 1935-го — библиография имеется на 12 языках. Начинается список с "Сокровища Ангелов" — я спросила, видел ли он эту картину и описала ему ее. Оказывается, он ее не видал, а также ему не были показаны "Знамена Востока" и картины, костюмы и декорации к операм; из сюиты "Санкта" имеются несколько картин, но не все — эти Гусев запомнил. Я ему предложила посмотреть у меня монографию Брентана для того, чтобы он мог увидеть, какие картины ему не были показаны.

Я склонна думать, что Х. показал ему коллекцию, составленную им самим, а затем, в случае если бы Гусев ее купил у него, он бы позже ему показал другие, более интересные для целей Гусева картины, таким образом подготовляя возможность новой покупки — разве можно ожидать от Х. порядочных действий! Видимо, так же думает и Гусев, но он не сказал мне, что именно он теперь намеревается делать, ибо, как я поняла, он будет писать еще одно письмо в Наркомпрос после моего посещения, а там они решат. Не буду удивлена, если там решат именно списаться с Вами и приобрести коллекцию, имеющуюся у Вас. Он мне сказал, что Вы получите, по всей вероятности, письмо прямо от Наркомпроса.

Гусев — директор отдела искусств и художественных изделий — продает здесь картины русских художников и кустарные и ручные изделия. Имела случай видеть много картин, расставленных на столах — они ужасны, и сам Гусев сказал, что это все молодые художники и, конечно, это далеко не лучшие картины, но они только что прибыли не для выставки, а для продажи. Он также закупает много пособий для школ и медицинских институтов, ибо у них недостача во всем — ведь одна шестая страны разорена. Был очень любезен со мною, но осторожен. Я его пригласила прийти, дала ему только наш памфлет АРКА, ибо цель моего посещения не относилась к АРКА. Мне думается, что я его не утомила деталями, ибо говорила в

общих чертах. И все же он не мог не заметить, что Х. жулик и что с ним опасно иметь дело. Конечно, это невозможно отрицать.

Давно

Спрашиваете о ранних встречах и впечатлениях. Памятки о них были в нашем архиве, и Б.К. перевез его в Москву. Не знаем, полностью или частично. А теперь с кончиною Бориса кто знает, где и как? Вдова его почему-то не отвечает. Настолько все развеялось, что, например, мои письма к Л.Андрееву оказались у какого-то финна-лавочника, и от него были куплены одним нашим латвийским другом. Неисповедимы пути!

Будет жаль, если письма Стасова, Григоровича, Горького, Дягилева, Гнедича, Врубеля, Станиславского, Спицына, Тенишевой, Гумилева, Блока пойдут на завертку селедок. Ведь говорили, что часть нашего каменного века была выброшена в Мойку. Вандализм Маслова над моими панно известен. А где "Змей проснулся" из Музея Академии Художеств? Где портреты Головина и Григорьева? Головинский был воспроизведен в "Золотом Руне", а о григорьевском ничего не знаю, кроме описания его в письме Григорьева, сообщившего, что портрет — в одном из московских музеев. Но в 1926 году мы его не видели.

Вот любопытное письмо Билибина, впрочем, оно уже к его биографии относится. Где его забавные оды? Много было всяких памяток. На Морской между тремя и шестью был настоящий клуб. Кто только не завернет! Придет Куинджи, Щербов, Самокиш, Щербатов, Боткин, Шидловский, Голенищев-Кутузов, Ильин, Щуко — придут самые разные, и старые и новые. А споры даже на лестнице гремят, и выставочные посетители пугливо озираются. Эрнст хорошо описал нашу годовую выставку. Жизнь! Пусть молодежь всегда горит сердцами во славу Родины.

Вот уцелевшая памятка — послание Соломирского, писанное в Изваре в 1895 году — назад тому полвека:

Художник юный славен будешь,
Тебе пророчу я успех.
Своею кистью ты пробудишь
Любовь и мужество у всех.
Ты нам представь же, как, бывало,
Сражалась рать — богатыри,
И как молитвой и казною
Спасали Русь монастыри.
И как смирением народным
Мы иго вынесли татар,
И как душою потрясенный
Узрел наш враг Москвы пожар.

Ты нам представь героев славных,
Оборонивших жизнью Русь.
Подвижника заветы помни.
Судить я дальше не берусь.
Меня, художник, ты забудешь,
Пылая в творческих трудах.
Но сохрани ты прорицанье —
В изварских писано лесах.

Соломирский (Извара, 1895)
24 января 1946 г.
Публикуется впервые

Воины!

Пришли два письма: одно от Дедлея от 17 Ноября — прекрасное описание собрания А.Й., другое — от Зины от 1 Января. Радостно, что Вы бодро встретили Новый Год. Бодрость превозможет трудности. О выборах не тревожьтесь — действуйте по местным условиям. Все Вы — в одном деле, в одном служении. Сегодня — в одном кресле, завтра — в другом. Пусть каждый вносит свою доброхотную лепту в дело Культуры. Каждый творит благо по мере сил своих, а содружники знают, что сделанное есть наибольшая мера сил и возможностей. Калькуттский еженедельник "Конкорд" от 2 Января 1946-го поместил статью Кришны Чайтании "Юнити ин дейверсити — Рассиан Ачивемент"[110], основанную на благожелательном цитировании лекции В.Терещенко в АРКА (для отчета АРКА). А вот не для АРКА. Газеты описывают не без юмора голосование в Пандемониуме, как некоторые члены почти неслышно шептали свой вотум и приходилось их переспрашивать, а поднятие рук происходило неопределенно. Любопытно!

Еще любопытнее статья в бомбейском журнале о семи прославленных Вермерах, которые оказались работою голландского художника Мегерена, ныне живущего. Какой позор для критиков, "знатоков" и музеев, плативших огромные деньги! Вспоминается рассказ питерского антиквара Тюнина, привезшего в Париж "Рембрандта" работы Вечтомова. "Спросили меня, — говорил он, — в галерее Жоржа Пети, сколько хочу за картину? Говорю: не знаю, вы знатоки, вы и оцените. Дали десять тысяч франков — взял и, на всякий случай, в тот же вечер уехал". А "этрусские" скульптуры в Британском Музее! Да, часто критикам и экспертам плохо приходится. Прилагаю выписку из "Известий" о недавних хулиганствах в Троице-Сергиевой Лавре для архива АРКА. Такие вещи Тюльпинку посылать не нужно, но Ваш архив должен отражать положение.

Письмо от Валентины — трудно ей бедной. Она так живо описывает новые условия и впечатления. Наблюдает много одичания, а это самая опасная эпидемия. Вот и Ваши трудности в переписке тоже от той же причины. Да, трудны подвиги военные, но еще трудней подвиги на пашне Культуры. Снижение Культуры происходит незаметно. Могут быть механические дни Культуры, но внутренняя Культура быта может снижаться. Опасная эпидемия!

Желанная гостья — Культура захочет посетить дом. Заглянет на книжные полки, в детскую, в рабочую мастерскую, на кухню, в

уборную… Все ли ладно? Не любит роскошь Культура, но не терпит и грязь. Что же это — труизм? Увы, нет, сейчас многие труизмы превратились в неотложную необходимость. Жизнь должна обновиться. В школе от самых первых дней должно быть объясняемо, что такое Культура. Но откуда взять учителей? Комиссар народного просвещения приводит в "Известиях" экзаменационные ответы: "Кто такой Базаров?" Ответ: "Евангелист" (вместо нигилист). "Что такое аврора?" Ответ: "Революционный крейсер" — и тому подобные перлы. А Ленин сказал: "Учиться, учиться и учиться!".

Три приглашения, одно — председательствовать в Калькутте на юбилее Абаниндры Тагора, другое из Лагора от Вся-Индия Радио — просят беседу об искусстве. И третье — председательствовать на "Вся-Индия Культурном Единении" (Калькутта). Пришла "Вегетарианская газета", но в ней я не нашел статьи, о которой Вы поминали.

В "Тайм" прекрасно отозвались о русских композиторах. Мы радовались, что так выдвинуты Прокофьев и Шостакович. Если посылаете письмо Грабарю, то шлите не на Третьяковку, а на его личный адрес, он у Вас имеется на копии его письма. Когда будет бумага "Знамени Мира" — пришлите, она здесь очень пригодится. Прекрасно, если моя брошюра в память Спенсера, изданная Комитетом, скоро выйдет. Конечно, ее можно продавать. Сюда пришлите 30.

Какая чепуха с Археологическим Институтом! Отлично помню, что обе картины висели в колледже, где читал лекции директор Института, который был после Магоффина. Вероятно, все там и находится, а теперь все новые люди и ничего не ведают. Не крадут же там картины? Прилагаю интересные сообщения от Тюльпинка — для Комитета "Знамени Мира". Может быть, решите Трумэну написать, как предлагает Тюльпинк? Пусть всюду звучит зов о Культуре — это полезно. Посылаю пароходом еще набор открыток. Новый лифлет АРКА хорош и, конечно, необходимо было выпустить его. А во Франции опять кризис, лучше ее пока не трогать, пусть пена осядет. Опять мир бурлит — Ява, Китай, Иран, Сирия, Палестина, весь арабский мир! А Индия-то! Биллион людей в движении. Да и у Вас стачки гремят. Но во все времена твердите о Культуре. Не нам судить, куда упадут добрые зерна. Добро не ржавеет. Сказал Виктор Гюго: "Кто открывает школу, тот закрывает тюрьму". Заповедует Ангутара Никайя: "Воины, воины — мы называем себя. Мы сражаемся за благородную добродетель, за высокое стремление, за высшую мудрость, за то мы зовем себя воинами".

Привет всем друзьям.

П.С. Только что прилетело Ваше замечательное письмо от 15 Января. Радовались мы, как правильно Вы ознакомили Г.[111] с делом. Все правильно: так и продолжайте. Также имейте в виду, что здесь у нас страна с низкой валютой, а потому и цены дешевле. Лично передайте Г. прилагаемые "Листы дневника" — это окончание "Славы". Значит, я умер в третий раз — очаровательно! Ну какой же мерзавец Хорш! Согласен, что брошюру о Пакте лучше дать от Комитета. Как лучше — так и сделайте, чем скорей — тем лучше. Цвет обложки "М[ира] Ог[ненного]", как в русском издании. Объявление на последней странице повторите, как в первой части. Спасибо СМ. за новогоднюю карточку. "Ведущая" хорошо сделана и фрагмент выбран очень удачно. Не пришлет ли Еременко и еще — здесь пригодятся. Пожалуй, "Модерн Музей" можно отбросить — достаточно насмотрелись на их чудачества. Итак, вперед — по главной дороге — в зоркости и мужестве!

1 февраля 1946 г.

Публикуется впервые

Ценный памятник должен быть сохранен

Письмо в редакцию
"Известия" 17 Мая 1945.

Государственный музей-заповедник Троице-Сергиевская лавра в г. Загорске — один из замечательных памятников культуры. Здесь под сводами Троицкого собора хранятся шедевры русского искусства — икона Андрея Рублева, Данилы Черного и другие уникальные произведения иконописного мастерства древней Руси.

Все строения монастыря, — начиная с крепостных стен, башен, храмов и кончая небольшими часовнями, — ценные памятники русского зодчества. Каждая фреска, каждый камень имеют свою историю, по-своему красивы. Посетители съезжаются сюда со всех концов Союза.

На нужды музея-заповедника ежегодно отпускаются большие средства. Однако организации, которым поручена охрана этого ценного памятника, и, в частности, местные органы власти в г. Загорске, не уделяют должного внимания наведению порядка на территории заповедника. До сих пор ряд помещений б. лавры занят посторонними жильцами, пробившими в кельях неуклюжие окна, портящие древнюю роспись и фрески. В одной из часовен разместился дровяной сарай. Двор сильно захламлен. Пользуясь недостаточной охраной территории музея-заповедника, хулиганы настолько распоясались, что дважды пытались взломать усыпальницу Годуновых.

Пора навести порядок на территории заповедника и оградить его уникальные памятники от повреждений.

В. Марусич, сотрудник Государственного литературного музея".

Наше Знамя

Спасибо за доброе письмо от 27 Января. Пытались послать Вам телеграмму, но ее не приняли. "Пусть Фогель работает во благо". Конечно, текст Пакта можно включить, а если хотите и библиографию — но сзади, в виде приложения. Сейчас много смуты в мире. Земля расстроилась — в Индии засуха, даже реки высохли. В Новой Зеландии уже четыре месяца без дождя, Южная Африка засохла, а в Англии и в Европе наводнения. Давно ли мы радовались ясному дню, а теперь с опасением смотрим на синее небо. На снег уже не надеемся — хоть бы дождик, а его-то и нет. Посевы сгорают. Расстреляли Землю! Народ толкует: "Это от бомб". Вообще, много смятения.

Пришел Ваш пакет с археологическим журналом, с "Золотым Лотосом" (кто они такие? — пишут симпатично) и с письмом Уида членам АРКА. Конечно, Вы включите мое письмо к членам АРКА в конец брошюры "Знамени Мира" и в годовой отчет АРКА. Наверно, в беседах с Гусевым Вы предложите сотрудничество АРКА с их учреждением. Тот, кто будет обрабатывать брошюру о Пакте, пусть пересмотрит "Фламму" и "Вестник" — там в каждом выпуске были полезные сведения о Знамени Мира. Советую для всех материалов Знамени Мира дать особую полочку. Кроме трех выпусков о конференциях, было много сведений в Бюллетене Музея, во "Фламме", и было много отдельных брошюр и оттисков статей, свидетельствующих, какая огромная культурная работа была произведена. Если Вы мне скажете, что именно у Вас о Пакте имеется, мы сравним с нашим материалом и, может быть, что-нибудь отсюда добавим. Пусть памятка о милом Спенсере выйдет ладно и красиво и скоро.

Как только выйдет брошюра о Пакте, можно будет озаботиться почетными советниками. Америка — Роквел Кент, Эптон Синклер, Кусевицкий. СССР — Потемкин, Грабарь, Щусев, Шолохов, Симонов, Прокофьев, Шостакович. Швейцария — Шауб-Кох. Югославия — Местрович. Англия — Гордон Боттомлей, Конлан. Бельгия — Тюльпинк. Чехословакия — Ян Масарик. Болгария — Георгиев. Норвегия — Мунк. Китай — Лю-тце Жун. Индия — Абаниндра Тагор, Ганголи, Сен, Халдар. Испания — Зулоага. Португалия — Мадахил. Швеция — Мансон, Арне. Франция — Лапрадель, Лефюр. Польша, Египет, Румыния — еще не обнаружились. Южная Америка — Вам ближе. Не понимаю, почему мои посылки к Альбуэрно возвращались обратно. В Аргентине был Цезарь Диаз Циснерос, профессор международного права, друг Пакта. Конечно, многие еще

добавятся — пашня Культуры беспредельна.

Вы знаете, что картины принадлежат Е.И., о чем у Вас было мое заявление, заверенное здешним магистратом. Кроме того, деньги от Хисса переводились Е.И., и она распоряжалась ими. Все это надо иметь в виду, ибо Хорш такой жулик, что от него всего ожидать можно. Да, всем нужно быть на дозоре.

Из Вюрцбурга через АН РА пришло отчаянное письмо Ведринской, оказавшейся почему-то в сов. лагере. Не понимаем, отчего она не стремится на Родину, ибо насколько помню, у нее был сов. паспорт. Так или иначе ее положение ужасное. И как можно помочь в таком сложном положении?! Известная артистка и вдруг оказалась в полной безвестности, ибо у нее в Риге все сгорело. И сколько сейчас таких горемык! Должно быть, немало друзей, впавших в подобные бедствия. Просили Катрин послать Ведринской 20 долларов — адрес дали. Просили Валентину, нет ли в Праге русской труппы?

Кто такая Аста Флеминг Уайтсайд? Написала длинное письмо. Поминает Брэгдона, Мунди, Рейнгарта, Кейзерлинга. Не слыхали ли о ней? Думается, что на этот год придется сохранить членство в "Модерн Музее". Теперь можно ждать хоршевских мерзостей, и потому даже чудаков не будем трогать. Особый дозор! Вообще, в году много движения вод ожидается.

Постепенно многое уточнится. Вот читаем в газетах: "Пейзажисты Шишкин и Куинджи". Но оба они несравнимы. Шишкин — натуралист, против чего сейчас реалисты восстают, а Куинджи — импрессионист, первый русский импрессионист и учитель широкого мировоззрения. Весь путь его может служить темой увлекательного романа. И в других сопоставлениях потребуется много уточнения, основанного на вернейших фактах. Историки должны быть беспристрастными летописцами. Красиво сказал старинный арабский поэт Маарри: "История — поэма, слова меняются, но ритм остается". Пусть будет история поэмой истины.

Альбуэрно прислал прекрасно изданный каталог выставки старинных мастеров, бывшей у них в Буэнос-Айресе. Поблагодарите его от меня. Радио сообщило, что Пандемониуму предложено быть в Станфорде. На содержание потребуется двадцать пять миллионов долларов в год!! Вот так роскошь, а покойная Лига Наций стоила всего восемь миллионов в год. Ну что ж, верно, теперь все так разбогатели, что могут тратить такие суммы. Пока дворцы построятся (а сколько потребуется на стройку?), Пандемониум будет в Нью-Йорке, — значит с кем-нибудь Вы встретитесь. Чудеса — откуда такие деньги возьмутся? Англия совсем задолжала, долг Америки чуть ли не в

полтриллиона. Радио вопит о "мировом голоде", о семнадцати миллионах тонн хлеба насущного, необходимых для утоления бедствия! Для Индии нужно три миллиона тонн, и уже в сотнях селений требуется присылка хлеба. Англия должна была урезать паек и вернулась к военному рациону. Таких "астрономических" цифр не бывало. Откуда Пандемониум возьмет миллионы тонн пищи? Печатание бумажных денег не поможет, а тут, помимо затрат на стройку дворцов, еще 25 миллионов еже годных. А спросите-ка на что-нибудь просветительное — за мучают, не дадут. Мы все можем быть живыми свидетелями, как трудна поддержка в культурном деле. Вот уже и Луну достигли и будто до Солнца достигли — все это величественно и грандиозно, а на бедной маленькой Земле голод и обнищание.

В "Лондон Ньюс" портрет Нижинского — во что бедняга превратился! Помню, когда он сошел с ума, кто-то суровый сказал: "Допрыгался!" Кто знает, не был ли прав осудитель — не повлияли ли прыжки? Ужасно подумать, что четверть века талант живет в безумии. В Индии появилась какая-то художница Магда Нахман — выдает себя за ученицу Дягилева и Бакста, насколько знаю — у них учеников не было. Прилагаю швейцарский адрес проф. Эмилия Шауб-Коха и советую теперь же избрать его в почетные советники Комитета "Знамени Мира" — брошюру ему можно дослать впоследствии. Он много где пишет и имеет хорошие связи (писать ему можно по-английски). Так будем отмечать каждое положительное явление. И Вы думайте, кто мог бы оказаться в рядах друзей "Знамени Мира". Но не гонитесь за "большими колпаками" — гранд бонне, как говорят французы. Культурные труженики и молодежь — вот наша нива. За ними — будущее. Кто неизвестен сегодня, может стать известным завтра, но кое-кто известный сегодня может перестать быть известным завтра. А завтра стучится во все двери и окна.

Имеются ли у Вас связи с "Новым Русским Словом" и с "Русским Голосом"? Послали ли им отчеты АРКА для отзыва? Эти связи сохраните. Жив ли Дымов? Где Андога и другие друзья? Особый дозор! Время очень напряженное. Армагеддон Культуры свирепее, нежели Армагеддон войны.

Из Калькутты опять очень трогательно зовут на конференцию культурного единения. Но где уж тут ехать! По-видимому, прекратился отличный журнал "Твенти Сенчури" — очень жаль. Мы были свидетелями кончины целого ряда прекрасных изданий — "Сколар", "Ионг билдер", "Сааки", "Ист-Вест", "Арт енд Келчур", "Рупам", "Комрад", "Мисиндиа". Начать припоминать — длинный список получится. И все культурное первое страдает. Так и везде, а какая-нибудь пошлость отлично существует объявлениями.

Португалец Фонтес извещает, что его книга выйдет в конце Февраля и что он предложил "Фламме" издать его английский перевод. Не будем обижать и скажем — будем иметь в виду на будущее.

Радио сообщило, что в Международный Суд в Гааге назначены пятнадцать судей. От Франции — проф. Бадеван — он хорошо относился к нашему Пакту. От СССР — профессор международного права Крылов. Когда брошюра о Пакте будет готова, пошлите 16 экземпляров Вашим новым голландским сотрудникам для поднесения судьям и в библиотеку. Это тем более уместно, ибо предыдущий состав Гаагского Суда был всецело за Пакт. В препроводительном письме Вы упомянете это обстоятельство и выразите уверенность, что Гаагскому Суду всегда будет близок вопрос о сохранении культурных ценностей. Пирогов говорил: "Единственная возможность борьбы со злом есть наука и художество". Казалось бы, люди давно уже должны знать эту простую истину, но ее не хотят знать, от нее отмахиваются. Ну что ж, будем твердить неустанно. Молодежь откликнется. Вкладываю любопытные вырезки. Они Вам могут пригодиться при беседах с Гусевым и с членами "Знамени Мира". Итак, со Знаменем Мира — вперед! Друзьям — наши сердечные приветы.

15 февраля 1946 г.

Публикуется впервые

Прага

СООБЩЕНИЕ В. БУЛГАКОВА

Русский Культурно-Исторический музей благополучно существовал до 22 июня 1941 г. В этот день, т. е. в день объявления Германией войны Советскому Союзу, заведующий музеем В. Ф. Булгаков был арестован агентами гестапо в здании музея и отвезен из Збраслава в Прагу, в немецкую тюрьму, где и пробыл три месяца в самых тяжелых условиях. Временно освобождая его, гестапо предписало ему отказаться от должности директора музея и выйти из всех общественных и литературных организаций, где он состоял членом. Кроме того, он был обязан подпиской к невыезду из Праги и отдан под двойной надзор — гестапо и общей чешской полиции, куда он обязан был еженедельно являться. Литературная деятельность ему также была запрещена. Заместителем Булгакова по должности руководителя музея назначен был художник Зарецкий. Ему, по инвентарным книгам, сдан был Булгаковым музей. Все оказалось в полном порядке.

23 Марта 1943 г. была арестована старшая, 22-летняя дочь Б. — Татьяна по обвинению в участии в нелегальном чешском антифашистском кружке и в выражении сочувствия победам Красной Армии. 27 Марта того же года снова арестован был сам Б. До 17 Мая его держали в пражских тюрьмах, а затем по этапу, в железных наручниках, отправили в лагерь для интернированных советских граждан в крепости Вюрцбург, близ г. Вейссенбурга в Баварии. Режим в крепости был тот же, что и в концентрационных лагерях (голод, холод, принудительные работы), но все же несколько легче. К тому же Б-ва и ряд арестованных старшего возраста не принуждали работать. Раз в месяц Б. получал продовольственные посылки от жены. Дочь Б. была отправлена в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк, на севере Германии, с ужасным, характерным для худших немецких лагерей режимом. И отец и дочь все же выжили. 26 Апреля 1945 г. Б. был освобожден американской армией, а в начале мая месяца дочь его освобождена была советской армией. Оба вернулись в Прагу.

Приехав в Прагу 22 Июня 1945 г. (т. е. ровно через 4 года после своего первого ареста) и посетив Русский музей в Збраславе, Б. нашел его в состоянии полного разгрома. Оказалось, что в течение 30 дней в залах музея проживали солдаты одной немецкой военной части, а затем Збраславский замок сделался предметом боя между немцами и русскими. Немцы бежали. В замке на некоторое время обосновались

русские. Немцы варварски вели себя в музее. Чтобы освободить место для спанья, они свалили всю его мебель в одну или две комнаты, а многое просто выбросили на улицу. Картины и рисунки сорваны были со своих мест, библиотека и архив рукописей приведены в хаотическое состояние. Все помещения музея заполнены были мусором, тряпьем, обломками оружия, патронами и т. д. Осколки стекла и ценного фарфора хрустели под ногами. Многие рукописи и рисунки (в частности, несколько рисунков Добужинского) были разорваны. Заведующий музеем, как оказалось, уже несколько недель не показывался в музее. Таким образом, музей был брошен на произвол судьбы. Его "хозяин" — Русский Свободный Университет — фактически перестал существовать, а те два-три лица, которые имели претензию представлять Университет, по старости ли, по растерянности ли, не предприняли и не предпринимали вовремя нужных мер.

Б. лояльно ожидал, пока его пригласят возобновить его деятельность в музее. Заведующий-дезертир был уволен от своей должности только 22 Сентября, и в тот же день Б. восстановлен был в должности директора. Он тотчас принялся за работу восстановления музея. Удалил мусор, восстановил внешний порядок в музее, разыскал вещи, временно исчезнувшие (они оказались припрятанными и сохраненными для музея служащими замка) и приступил к созданию новой экспозиции, уже не в духе русско-эмигрантского, а просто русского музея, с особым отделом, посвященным Красной Армии и Советской России. Однако неожиданно выяснилась необходимость для музея покинуть то помещение, которое он занимал в Збраславском замке уже в течение 10 лет: с одной стороны, помещение это понадобилось управлению замка для других целей, с другой — Советское Посольство в Праге, с которым Б. находился в связи, выразило пожелание о том, чтобы музей был перенесен в Прагу, а именно в здание русской советской средней школы, располагающей прекрасным и обширным помещением, с тем, чтобы эта школа стала, таким образом, как бы главным русским культурным центром в Праге.

Музей должен был перейти в Прагу не целиком. Его библиотека и архив рукописей, отражающие, главным образом, деятельность русских ученых и писателей за границей, а также обширный фотографический материал, посвященный жизни и быту русских за рубежом, переданы были в распоряжение Академии Наук СССР. Делегация Академии в составе главы всего архивного дела в СССР ген. Никитинского, академика проф. Минца, члена-корреспондента Академии проф. Богоявленского и

секретаря делегации доц. Сутоцкого, как раз находившаяся в Праге для приема в ведение Академии другого, именно русского заграничного исторического архива, который создан был чешским правительством и ныне принесен был им в дар Академии, посетила Русский музей в Збраславе, высоко оценила его коллекции и постановила: принять книжные и рукописные материалы музея в состав собраний Академии Наук как особую архивную единицу под названием "Архив Булгакова". Все эти материалы были упакованы и в 24 больших ящиках пересланы в Москву.

Что касается художественных коллекций и собрания предметов русской старины, то они вместе с необходимой музейной обстановкой перевезены были В. Ф. Булгаковым в здание русской советской средней школы в Праге. Музей будет помещаться в шестом этаже собственного здания школы, где ему предоставлены большая светлая галерея и четыре просторных, чистых, светлых комнаты. Надо сказать, что все ценнейшее уцелело от немецкого погрома и сохранилось в прекрасном состоянии. Это относится, в частности, ко всем 15 картинам акад. Н. К. Рериха, к портрету его и другим работам его сына-художника, к картинам Репина, Богданова-Бельского, Бенуа, Виноградова, Наталии Гончаровой, Стеллецкого, З.Серебряковой, скульптора Аронсона, К.Брюллова, Ив. Билибина и других выдающихся художников, также — к собранию ценнейших миниатюр и др. собраниям. В новом помещении музей, по идее В. Ф. Булгакова, будет дополнен отделением, отражающим жизнь Советского Союза в его современном состоянии. Будучи переведен в столицу страны и став более доступен для всего ее населения, музей, без сомнения, будет сильно посещаться, и его роль может только вырасти. Самое же радостное состоит в том, что музей соединен с большой средней школой и, таким образом, непосредственно будет служить делу просвещения, делу воспитания и образования русской и интересующейся Советским Союзом чешской молодежи. Таким образом, идея Рериха о необходимости учреждения постоянного Русского музея за границей получает новое, еще более прочное и основательное выражение. Наконец, важно то, что музей стал собственностью Российского государства и Советского Союза, что подводит прочную материальную базу под его существование и, вообще, обеспечивает всесторонне это существование, ранее зависевшее в значительной степени от частной благотворительности. Таким образом, проблема Русского музея в Праге, по крайней мере, по мнению инициатора и создателя его — В. Ф. Булгакова — разрешена была чрезвычайно удачно. Реформа, вызванная

требованиями новой эпохи, была неизбежна, музей (если не считать сравнительно немногих потерь, понесенных вследствие занятия помещений музея немцами) не только не пострадал, но вступил в новые условия существования, вполне благоприятные для его дальнейшего развития. Советское правительство более, чем какое-нибудь другое, печется о культурных ценностях своей страны и своего народа. Оно, конечно, сделает все необходимое и для того, чтобы поддержать в блестящем состоянии Русский музей при русской средней советской школе в Праге.

[1946 г.]

Публикуется впервые

Памятный день

Вы встретите 24 Марта бодро, с распущенным Знаменем. Радовались мы Вашему письму от 29 Января. Все в нем светло и полно служением будущему. Кто такой профессор Иванов? Вероятно, Ваша встреча с ним тоже будет ко благу. Так обновляются связи. Хорошо и письмо Жина в "Либерти Геральд". Получился ценный документ глубокого значения. Нам пришлите двадцать оттисков. Дайте членам "Знамени Мира" — пусть хранят. Может быть, и еще где-то в провинции газеты откликнутся.

Правильно, что Вы пока не говорите о переговорах с А.В.Г. — пусть оформится. Правильно, если пересылать парижские картины, то лучше Тюльпинку. Посылаю Вам 25 Конлана — цена с пересылкой по 3 рупии. Деньги нам не пересылайте. Разве Еременко, как Вы пишете, Александр Моисеевич? Отчего он пишет А.В.? Разве не анекдот, что Америка, т. е. Хорши, уверяют честную публику, что я помер, а Москва разъясняет, что художник "жив и здравствует". Ведь сие, поистине, удивительно. Показательно, что хоршевская ложь так выплывает наружу. Вы помните, что Хоршиха уверяла, что не знает, где картины находятся — Вы об этом писали, но не помню, кто именно Вам сообщил. Удивительно наблюдать эту шайку, живущую на лжи и клевете. Люди поймут, что и все другие уверения Хорша — сплошная ложь. И сколько вреда Америке наносят такие типы, как Хорш и его покровитель! Вы писали, как он пробирался к Хоршу по черному ходу с поднятым воротником. Почтенные гости так не делают. Мерзкие твари ползают, а вся нация страдает. Как Цицерон говорил о Катилине: "Доколе будешь испытывать терпение наше?!" И как на народных бедствиях наживаются темные личности! Здесь призрак голода все грознее. Неру правильно сказал в Бенаресе, что народ не потерпит "пиры и танцы", как было в Калькутте два года назад, когда от голода померло более трех миллионов людей! Давно было сказано о голоде и прочих невзгодах.

Значит, Гусев — Александр Васильевич — хорошо знать наверно, а то люди обижаются за неверное имя. Хорошо, что он энтузиаст, мы таких любим. Они побеждают. Среди потрясений именно энтузиазм выводит человека на стезю достижений. Во всех наших странствиях именно энтузиасты запомнились светлыми оазисами. Мудряки земные называют энтузиастов мечтателями. А на поверку оказывается, что энтузиасты чуяли действительность и были истинными реалистами, пылая светлым

будущим.

Великий пример светлого энтузиазма — Елена Ивановна. Она верна, непоколебима. На днях Елена Ивановна вспомнила трогательный эпизод из ее раннего детства. В Бологовской церкви семья Путятиных имела особое знатное место на клиросе. По праздникам все ездили на службу в праздничных нарядах. Е.И. помнит и белое платье с кружевами, и шелковые чулки, и белые сапожки. И вдруг она видит, как через решетку протягивается крошечная загорелая ручка и робко гладит белый сапожок. Е.И. так и застыла, чтобы не спугнуть девочку. Стало стыдно, незабываемо стыдно и за свое кружевное платье, и за шелковые чулки, и за белые сапожки, и за знатное место. Какая радость для Е.И. помочь, отдать, ободрить. А здесь это тем труднее, что язык-то чужой. Местное наречье пахари очень своеобразно и примитивно. Устроила Е.И. в службах — полы, печи, застеклила окна, а они все это выбросили. Пол — земляной, очаг дымный, окна без стекол. Так повелось от дедов. И трогать нельзя.

Деятельность Е.И. и ее внутренний смысл должны стоять примером. При отправлении нашей Азиатской экспедиции предполагалось, что Е.И. понесут в легкой дэнди, ибо она верхом не ездила. Но после первых же дней Е.И. решила, что она "на людях не поедет", села на коня и всю экспедицию проделала на коне, на яке, на верблюдах. При этом замечательно, что лошадь, многих заносившая, под Е.И. шла всегда спокойно. Е.И. первая русская женщина, проделавшая такой путь. А тропы азийские часто трудны — и узкие горные подъемы, и речные броды, и трещины, и тарбаганьи норы. Ну да и встречи с разбойными голоками тоже не очень приятны. Но замечательно присутствие духа Е.И. в самый опасный час. Точно Жанна д'Арк, она восклицает: "Смелей! смелей!" Да, было много опасных встреч, и всегда проходили без страха, без вреда. Так и шли.

Вспомнилась Жанна д'Арк. На диптихе "Чаша героя" — правая створка имеет большой витраж с изображением воительницы Жанны на коне. Но махарани Траванкора умудрилась приобрести для музея одну левую створку, тем лишив картину смысла. Почему-то Козенс, бывший при выставке, не догадался разъяснить смысл диптиха. Много курьезов заочно случается. Недаром пословица: "Врет, как на покойника". Впрочем, Хорш вполне эту поговорку оправдал. Сколько же неправдоподобной клеветы сеет преступная шайка! В старину говорили: "Правдою мир стоит", но Хорши утверждают: "Мир ложью держится". Вот и Гусев увидел, что Хорш — жулик. Только бы защитники правды не раскланивались вежливо с жуликами. Зина отлично описала собрание, на котором темная сила бушевала, а защитники правды

скромно шептали оправдания.

Еще интересное сведение. Валентина сообщает, что Русский музей в Праге был разгромлен немцами, но картины не пострадали. Теперь картины перенесены в более центральное и в лучшее помещение. Таким образом, "пожар способствовал украшению Москвы", а разгром музея дал лучшее помещение. Булгаков очень страдал за эти годы, но выжил. Да, если бы пришлось перевозить парижские картины, то к Тюльпинку. Письмо Валентины более оптимистично — так и должно быть. Московское радио сообщает, что Ленинград дружно отстраивается. Сейчас там была поставлена "Орлеанская дева" Чайковского. Хотелось бы послушать ее — я из нее почти ничего не знаю. Кстати, при случае покажите А.В.Г. статью из рижского сборника "Мысль" — она у Вас имеется. А то и дайте ему копию, если заинтересуется. Там и годы и причины помянуты. По всему судя, вероятно, теперь скоро мы дождемся представителя.

Также весьма поучительно, во что выльется Ваша переписка с Парижем. Увидим, ведется ли там культурная работа принципиально "за страх и за совесть" или они работают лишь по найму. Не будем так плохо думать — будущее покажет. Также будущее покажет, уйдет ли наконец Уоллес? Уже в четвертый раз англ[ийские] газеты извещают о его уходе, а он все пресмыкается. Такие типы — позор для всей нации. Еще из здешней англ[ийской] газеты — пишут, что совет в Лондоне закончился драматическим эпизодом и "вето". Это напоминает нечто из давних школьных лет. Когда латинист ставил единицу неуспешному ученику, он подымал указательный палец и торжественно провозглашал: "Уно"! Воображаем, сколько у Вас новостей, и все это нежданное и значительное. Будет очень показательно, если на письмо в редакцию "Либерти Геральд" не воспоследует никаких запросов и дополнений. Наблюдите.

Посылаю Вам для архива АРКА из "Правды" прекрасную статью Караваевой "Закаленные души" о женском конгрессе в Париже. Сколько единения и трогательности! Знаю, что меня осуждали за привлечения женщин во всех учреждениях, где я участвовал. Но всегда верил я в великое значение женщины и не ошибся. С радостью и признательностью вспоминаю наших милых, усердных содружниц, сотрудниц, учениц. Пусть и эта женская радость придет к 24 Марта. Перевести бы и разослать членам АРКА.

В Китае опять бедствие — лопнули плотины Желтой реки. Затоплено восемь миллионов акров — погиб урожай. В 1935-м, когда мы ехали из Пекина в Шанхай, пришлось пересечь район наводнения — ужас! Хотя линия дороги была высока, но вода

местами шла через, а кругом разливное море — торчат крыши, трубы, верхи скирд. Но самый ужас на станциях. Солдаты сдерживают штыками голодные толпы. Ох, эти бесчисленные протянутые иссохшие руки, глаза, горящие отчаянием. А иные в полной безнадежности опустились бесформенными кучами. А детишки-то! Сплошной ужас! Вот и в Индии надвинулся голод. Радио передает слова Ганди: "Правительство должно не только смотреть на небо в ожидании дождя, но и что-нибудь делать". Дождя нет,* небо ясное, на горах снег всего четыре фута, а бывал до шестнадцати. Бедствие! Стара французская поговорка: "Управлять — значит предвидеть".

После выставки в Музее Бароды остаются: "Ранние звоны" (русская), "Ведущая", "Весть Шамбалы", "Приказ Ригдена", "Рамайана", "Гималаи" — все большие. Конечно, Музей Бароды — лучший в Индии и имеет хороший европейский отдел, но все же жаль, что эти картины на Родину не доехали. Но, с другой стороны, добрые русские вестники всюду нужны. Все-таки на Родину сбережем добрый отбор. Святослав пытается перевести Вам сто долларов через Нешионал Сити Банк. Просим, когда получите, нельзя ли достать холста, как прежнего, размер 3 фута ширины на 36 футов длины. Конечно, его можно посылать частями, но так, чтобы длина каждого куска была 5 футов и 2 инча, не короче. Просто беда с холстом. Пытались достать из Парижа через франц[узского] консула, но на его телеграмму ответили, что в Париже холста нет, а если и будет, то через несколько месяцев. Вообще с Парижем неутешительно. После никто не поверит, что художники так мучились из-за простейших художественных материалов. Болеет Культура. Португалец Фонтес хочет устроить Комитет "Знамени Мира" в Гоа — пусть работает во благо. Посылаю Вам копию его письма и моего ответа. Вся-Индия Радио просит беседу "Вандализм". Пошлю, ибо при этом можно "Знамя Мира" помянуть. Не будем упускать случаи напомнить о Культуре. Славно, что Вы встретите 24 Марта бодро, полные дум о светлом будущем. Нежданно выявляются возможности, а у Вас для каждой из них дверь открыта радушно. Так, в радости, в радушии встретим доброго Гостя. Скажите друзьям приветы душевные.

1 марта 1946 г.

Публикуется впервые

Грозное время

Письмо Зины было от 29 Января — значит, очередное запаздывает. Неудивительно: за последнее время почта беспричинно запаздывает, а иногда мы без почты и день и два. Дорога не обрушилась, движение как будто не прекратилось, а почта пошаливает. Вероятно, немало друзей огорчаются на медленность наших писем, но почта своеобразна: из Китая сюда десять дней, отсюда в Китай шесть недель. Как крокодил в цирке — от головы до хвоста три аршина, от хвоста до головы три с половиной. И такое бывает: "Конкорд сообщает, что в Каире по коридору отеля голый англ. офицер преследовал "дамзель в неглиже". Военный суд оправдал его, ибо по уставу воинские чины для спорта могут не носить форму". Куда же дальше? Много показательных знаков мелькает в печати. Можно представить, сколько их в Ваших больших газетах. А время тяжкое.

Газеты и радио стали грозными. Тиран-голод свирепствует по миру, а в близком будущем, по-видимому, бедствие станет еще страшнее. А за голодом идут его ужасные родичи — эпидемии, вырождения, взрывы отчаяния. У Вас все эти беды оповещены, наверно, еще сильнее. Привожу дословно два газетных сообщения:

"Необычное явление в Хиросиме. Атомный город отбрасывает тени прошлого. Народ живет в постоянном страхе перед новыми призраками.

Лондон, 25 февраля. Токийский корреспондент газеты "Ньюз оф зе уорлд" сообщил в субботу вечером, что сцены Хиросимы во время атомной бомбардировки теперь вновь возникают в городе в виде "силуэтов на голой земле". Корреспондент г-н А.Нойз Томас сказал, что он видел это явление, и приписывает его некоему необъяснимому замедленному действию атомных лучей. "На мостовой тень маленькой японской школьницы, держащей подмышкой что-то напоминающее связку учебников", — пишет он и добавляет, что он также видел силуэт исчезнувшего моста.

Томас говорит, что появляется немного силуэтов, "но люди, пережившие взрыв, лишившиеся зубов, с пухом, появляющимся на голове вместо волос, живут в постоянном страхе, опасаясь появления новых".

Как сказал корреспондент, он впервые услышал об этих явлениях от офицеров на борту британского военного корабля "Гленэйрн" в Токийском порту и "только после того, как я проверил этот рассказ на месте и сам содрогнулся от ужаса, я убедился, что это правда. Эй-Пи".

"Свиньи для атомной бомбы. Нью-Йорк, 25 февраля. Козы, бараны и свиньи "будут нести вахту" вместо команды на военных кораблях, которые подвергнутся атомной бомбардировке во время предстоящих этим летом испытаний в Тихом Океане. Глоуб".

Из первого очевидно, что нарушение вибраций и пространственных энергий дает потрясения, значение которых люди не хотят осознавать, при этом владыки земные уверяют, что атомная энергия не будет употребляться для губительных целей, а сами мечтают об инсценировке войны, разрушая суда и мало заботясь о последствиях. Б.Шоу назвал безумно легкомысленное обращение с атомной энергией обезьянством.

Второе сообщение уже из Гранд Гиньоля. Свиньи и бараны будут составлять экипаж обреченных броненосцев. А ну, как адмирал Хрю или командор Козел взбунтуются — теперь бунты так приняты. Впрочем, сие флотское действо, кажется, не произойдет. Ученые запротестовали, а страховые общества отказались страховать наблюдателей. Страховые деятели проявили дальновидность.

Грозное время! По-видимому, мы радовались преждевременно об отмене флотского безумия. Последние газеты говорят, что оно все-таки произойдет, а "после нас хоть потоп". Хотят думать о мире, а сами инсценируют войну. Разве научные опыты нуждаются в броненосцах? Да что говорить, сейчас гремит Армагеддон Культуры. Пришел Ваш пакет с интересным письмом исследователя аур, вибраций, резонанса. Все очень своевременно. Передайте исследователю нашу радость о его трудах. Знает ли его Илья? Несомненно, им было бы интересно потолковать. Будем рады слышать о дальнейших достижениях — все это неотложно нужно.

Прилагаю адрес журнала в Лос-Анджелесе — там в декабрьском, 1945-го, номере отличная статья о книге Конлана, — хорошо бы достать Вам и нам несколько экземпляров. Когда выйдет брошюра "Знамени Мира" — пошлите им. Мс. Коринн Хелин — большой друг. Пошлите ей и письмо Жина из "Либерти Геральд" — отзовется. Еще одно хорошее издательство "Китаб Махал" хочет издать мою книгу. Дам, ведь опять можно напомнить новым читателям о Культуре, о Знамени Мира. Вероятно, общее название будет "Герои". Жаль только, что это делается так медленно. Очень интересно, как у Магдалины выйдет отчет АРКА. У ней хорошее, легкое перо, да и рука легкая.

Уж больно много смуты повсюду. Наверно, это отражается на всех делах. И нельзя ожидать разрешения всяких проблем. Люди думают о войнах, но не об истинном мире. Да и какой же мир без

истинного просвещения? Получается уродливое зрелище: с одной стороны, чуть ли с солнцем не поцеловались, а с другой — безответственная темная масса под дубинкой дикаря. Да, "цивилизованный" дикарь — ужасное зрелище. А теперь еще голодная, обнищалая толпа.

Долетело отличное письмо Валентины. В нем она душевно поминает Зину, а мы так рады, когда друзья друг о друге говорят сердечно. В глаза — одно, а за глаза — много ценнее. Печалуется, что замечает в чехах признаки шовинизма. Полагаем, что эта зараза пройдет, ибо не к лицу славянскому народу мелочный, невежественный шовинизм. По счастью, русский народ не болел никогда этой гнилой лихорадкой. В моем листе "Шовинизм" это отмечено. Пребывание в Праге даст Валентине много полезного — она такая даровитая, восприимчивая. Уже пишет для местных газет и учит язык. Для русских чешский язык нетруден, но своеобразен, например, духи — вонявка, театр — позорище, кресло — влезалище, а некоторые слова нам совсем не удобны в обиходе. Положение трудное — квартиры не найти, еда — хлеб и картошка, видимо, и посольское положение не помогает. Булгаков болеет — в постели. Всюду нелегко. Вчера радио сообщило здешнее правительственное предписание, чтобы служебные лица ели меньше. Вот как!

Получилось очередное письмо Фогеля к членам АРКА. Теперь ему предстоит составить брошюру "Знамени Мира" — материала у него хоть отбавляй. Иногда думается, зачем поминаю я Вам многое, что Вы, может быть, еще полнее из газет знаете? Но в стремительности работы, в ежедневном водовороте быта что-то могло ускользнуть от внимания. А ведь водоворот около Вас велик. И малое и большое, как вечный телефон, трещит. Отбираю листы для "Героев", выбор труден, и порою не знаешь, что отобрать, а что отложить на будущее. Не слышали ли, как подвигается Фогель со "Знаменем Мира"? Относительно самого печатания брошюры, обложки, бумаги Вы придержитесь бывших брошюр и отчетов АРКА — по местным условиям. Тампи пишет, что им получено письмо Эптона Синклера с сообщением, что тот говорит о моих картинах в своей новой серии "Конец Мира" в последнем номере. Пошлите Синклеру Конлана. Приглашали ли его в число поч[етных] советников АРКА? Или "Знамени Мира"? Получили ли Вы два экземпляра "Иерархии" и исправленную часть первой книги? У Вас имеется много книг Юрия "Звериный стиль" (Прага). Пришлите парочку.

Вот все тороплю Вас, а сам знаю, что Вы и без того стремительны. Да и все мы стремительны. Серов, когда писал портрет Е.И., подметил ее стремительность. Кстати, запросите Тэт

Галерею (музей) в Лондоне, там ли этот портрет. По газетным сведениям, все русское собрание инженера Брайкевича было подарено этому музею. Если не знаете адреса музея — позвоните в Британское консульство. Хотелось бы установить местонахождение этого портрета. Только подумать, что Серов уже четверть века как умер. Помимо дарования, он был справедливый человек, а такое качество, увы, редко встречается. Жив ли Пеппер? Хороший друг. Помню, во время моей выставки в Бостоне я заметил высокого, грузного человека, три дня упорно сидевшего перед картинами. Спросил Пеппера, кто такой? "Да это Саржент, он так полюбил Ваше искусство. Пойдемте познакомиться". Все друзья были. И хорошие. А куда пошли собрания Лонгир и Спольдинга? Не в Бостонский музей? Многое бесследно исчезает. Из 75 вещей после СЛуи можно было уследить 36, а остальные? Кто-то говорил, что они где-то в Канаде. Пусть себе где-то живут, может быть, уже под другим именем, ибо моя монограмма не всем понятна. Да и винить нельзя, кто знает, что это начальная и конечная буквы фамилии по-русски. Многие читают "Паке" — Мир. Ну, это их дело. К слову, приходят такие старые вещи, а впереди столько нового. О будущем будем думать и действовать. Вы уже знаете, что Верховный Совет в Москве выдвинул Жданова. Помните, я писал Вам о нем, о великом патриоте. Где Жданов, там хорошо. Привет Вам всем, нашим милым сеятелям будущего.

15 марта 1946 г.

Публикуется впервые

Перевод части текста Н. Л. Некрасовой

Из письма Зины

29 Января 1946 г.

Только вчера отправили Вам очередное письмо, как возникла необходимость писать Вам сегодня и уведомить Вас о моем посещении Алек. Вас. Гусева. Я с ним созвонилась, и он меня просил к нему заехать, что я и сделала. В этот раз я ему повезла большую Монографию (полагая, что он сам к нам не заедет) и с ним просмотрела большинство репродукций, благодаря чему узнала, какие именно картины Хорш ему не показал. Как я и предполагала, он показал большей частью скетчи, а из известных серий картин очень мало (картин 5–6). Я оставила монографию Гусеву для того, чтобы он более подробно просмотрел ее. На этот раз он мне сообщил несколько более подробно о своем посещении Хорша и смотре картин. Оказывается, что первым обратил внимание Гусева на эту "коллекцию Хорша" проф. Иванов, который здесь находится для участия в работе закупочной комиссии. Он высказал мнение, что эта коллекция картин Рериха имеет огромное значение и что ее нужно было бы приобрести. Гусев написал об этом в Наркомп[рос] и ему ответили, чтобы он сделал шаги для приобретения этой коллекции. Тогда он с проф. Ивановым посетил Хорша — в первый день в маленькой комнатке им показали картины. 50 картин стояли у стен и некоторые были приносимы служителями, причем проф. Иванов обратил внимание на то, что картины, вероятно, где-то свалены и со временем могут значительно пострадать. Они также пошли на второй день смотреть картины, и Х. им показал около 20 картин. После этого он им вручил список в 232 картины, сказав, что это и есть вся коллекция. Он запросил за нее 100.000 дол. Гусев пытался узнать от него, где находится художник, на что Х. вначале отвечал неопределенно, а затем сказал, что последний, вероятно, умер. Гусев немедленно сообщил обо всем в Нарком[прос], откуда ему ответили, что художник жив и здравствует, и поручили узнать адрес и списаться с ним. Также ему указали на то, что Хорш не показал ему всю коллекцию, ибо она должна быть значительно больше, нежели в 232 картины. Гусев нашел Яременко, последний ему сказал, что слышал плохое о Хорше, знает мало о том, что произошло с Музеем, но может дать ему адрес Н.К.

Публикуется впервые

Сокровище

"Добывать в Москву рудознатцев, муролей (зодчих), также мастера хитрого, который бы умел к городам приступать, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика хитрого, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера, который бы умел большие сосуды делать, да чеканить, да писать на сосудах; также добывать лекаря и органного игреца".

Так звал знатных мастеров из Италии Иоанн Третий. А много раньше Ярослав Мудрый украшал мать городов русских — Киев византийскими художниками. У Андрея Боголюбского работали аланы. Москву украшали Фиоравенти, Солари, Вухтерс и многие добрые зодчие и живописцы. А уже после Петра и не перечесть всех голландских, немецких, французских, итальянских мастеров.

К чему же поминаем? Да к тому, что русский народ никогда не болел скверною болезнью шовинизма. Не боялся иноземцев, ибо сам знал свое великое сокровище, целину необъятную. Русский богатырь не терял свое творчество и знал, что никакие иноземцы не лишают его исконного достояния. Милости просим, приходите, содружно потрудимся во славу великой непобедимой Родины. И все народы всесоюзные слились в крепкую, нерушимую семью.

Бывали где-то в иных землях слабые духом, бывала среди них позорная эпидемия шовинизма, бахвальства, надутой убийственной гордыни. Им не дано созидать, но дано осуждать чужие достижения, приписывать соседям то, чем сами болеют. Ревниво оберегают свое лукошко, а в лукошке, может быть, шиш.

Но русский народ знает сокровище, ему доверенное. Велико оно, и потому могут быть допущены многие сотрудники. Всем найдется работа, всем хватит места. И все созданное в сотрудничестве остается русским. Иноземная рука не кривит русский творческий путь. Киевская София — русская. Московский Кремль, Василий Блаженный — русские. Соборы во Владимире, на Нерли, в Юрьеве Польском — русские. Можно много перечислять, где сотрудничество славило русское творчество.

И никогда, никогда русский народ не был повинен в гнилом шовинизме. А теперь открываются новые скрыни, где веками захоронены творческие сокровища. Не бывало на Руси столько экспедиций, раскопок, реставраций, градостроительства, как теперь. Народное сокровище найдено и обережено. Народ возлюбил свою великую Родину. А там, где любовь, там открыты все пути. Народ сбережет свое незаменимое сокровище.

Чудесное зрелище! Народ русский по-братски всемерно способствует росту творчества у всех народов, слившихся в великой семье Союза. Со всех концов идут добрые сведения об отделах Академии Наук, о школах, о театрах, о консерваториях, о строительстве, о музеях, о выставках, о домах Культуры. Каждый народ находит свои лучшие исконные истоки и претворяет их в прекрасных творениях. Засветилось народное творчество, и такой свет неугасим. Пример — всему миру, а особенно государствам многоплеменным.

И еще хочу сказать. Пусть у всех славянских народов не будет даже малейших признаков шовинизма. Не к лицу славянам эта проказа. Славянин богат творчеством. В свободном преуспеянии славяне дадут чудесные восхождения. Много кладов захоронено в славянских землях. Найти их и претворить в чудных созиданиях умеет вольный славянин. Не только верим, но крепко знаем сужденный расцвет славянского мира.

Слава героям-творцам!

24 марта 1946 г.

Публикуется впервые

Стройка

Прилетели Ваши письма от 19–20 Февраля. Глубоко понимаем, как болеете о происходящем. Каждый культурный деятель не может оставаться безучастным, когда Армагеддон Культуры гремит и угрожает всему миру. Рост ненависти — плохой признак. Всякие антинегризмы, антисемитизмы и прочие антигуманизмы сулят плохое будущее. Команда австралийского парохода в Бомбее отказалась принять на борт пассажиров — индусов и китайцев. Куда же дальше!? Тем более необходима культурно-гуманитарная деятельность.

Чуем, что Ваши нервные боли от той же всемирной причины — всем трудно. Ох, уж эти нервные боли — знаем мы их. И начинаются нежданно и проходят по неизвестным причинам. Что их вызывает? Что их утоляет? Да и как не быть им среди водоворота мирового смятения?! Физические средства — лишь паллиатив, но и ими пренебрегать не следует. Все, что Вам сказал врач, правильно. Лечение светом всегда хорошо. Полезно избегать пищевых и нравственных раздражений. А как избежать этих последних? Может быть, врач посоветует спокойствие, а где этот медикамент продается, того не скажет. В какой аптеке можно достать унцию спокойствия? Все же, насколько в силах человеческих, не слишком негодуйте на отвратительную действительность. Ведь знаем, что гремит Армагеддон Культуры. Кроме того, имеется у Вас походная "аптечка" спасительных книг. В них и равновесие и спокойствие. А заветы никогда не были так нужны, как теперь. Мысли наши с Вами и горячо желаем, чтобы волна болей отхлынула.

Рады, что у Фогеля брошюра разрастается в книгу. Материала много, и, думается, он сумеет составить внушительную летопись произведенной огромной работы. Успел ли Фогель прочесть в "Твердыне Пламенной" и в "Державе Света" главы о Знамени Мира? Наверно, оба англ[ийских] издания имеются у Катрин, и она могла бы дать их Фогелю. Всюду имеются чёрточки, полезные для составителя. А книга будет чрезвычайно надобна, в особенности после гнусной клеветы Хорша и Уоллеса. Современная действительность — какой-то рассадник клеветы. И в общественных и в государственных делах Вы правильно отмечаете умышленную недоговоренность, однобокость и извращение. Созидать нелегко, а клеветать легче легкого. И вся такая липкая дрянь где-то волочится и марает планету, бедную заплеванную Землю. Рады мы появлению декларации во второй газете. Теперь кто-то посторонний мог бы написать письма в

редакцию, спрашивая о последствиях резолюции. Такое шевеление было бы вполне уместно. Ведь исторический вандализм не есть частное деяние. Факт разрушения общественного дела налицо. Не будет забыто в летописи, что Хорш уничтожил Русский музей — ведь все преступное трио ненавидело все русское. Никто, кроме оголтелых шовинистов, не противился бы, так же, как не противятся Музею Родена, Испанскому музею и другим собраниям. Но преступникам потребовалось уничтожить русское дело, и это не может быть забыто. А общественное мнение до русского дела было глухо.

Интересно, как Вы побываете у Гус[ева] с моими листами? Как Вы знаете, за это время умер Потемкин, и это могло внести сумятицу. Радио сообщило, что теперь наркомы будут называться министрами. Зина очень хорошо написала Шкл[яверу], ясно, так, как оно есть на самом деле. Да и в Париже у них, видимо, неладно. Потому обождем, пока квашня устоится. Пришли два Ваших пакета: один — с бюллетенями, другой — с декларацией и с письмом какой-то неведомой нам сумасшедшей. Она уверяет, что была с нами на острове Лемносе, а мы никогда там не были. Так же Спенсер Люис уверял, что познакомился со мной в Палестине, а я там вообще не бывал. И все такие фантазии печатаются! В "Тайм" пишут о Стравинском. По некоторым его выражениям похоже, что он не очень-то доволен. Говорит, что он пишет "для вечности" — значит, теперь что-то неладно или уж бахвальство. Предоставим вечности судить. Говорят, что обреченных под атомные бомбы судов будет девяносто. Подумать, что все эти суда могли бы возить зерно голодающим! И кому нужны такие бомбежки? О последствиях, наверно, умолчат. Англ[ийская] газета сообщает, что Черчиллю дается "свобода Нью-Йорка". Но чтобы оберечь такую "свободу", потребовалось четырнадцать тысяч полицейских. Вот так "свобода"!

Впрочем, сейчас много где кривое зеркало получается. Но зато события спешат, а вместе с этим вихрем многое утрясется. Не перегружайтесь работою. От Г. мы еще ничего не слыхали, да и оттуда, куда он писал. Катрин прислала отличное воспроизведение "Веления неба". Я просил Еременко прислать по экземпляру всех его открыток, но и от него еще ничего не было. Да и вообще почта безобразна. Не знаешь, что дошло, что пропало. А в дни бомбейских беспорядков было сожжено семнадцать почтовых отделений со всем содержимым. Удивляемся, что не было письма, а причина-то может быть трагична. Вот и в Хайдерабаде толпа сожгла "Шах Манзил" и дом министра Григсона, а там были наши картины. Да и в Калькутте и в Карачи много чего было.

Весна стоит холодная, хмурая, со снегом, с градом. Пагубно для огорода, для фруктов. Абрикосы уже побиты, повреждены вишни, груши, сливы, персики. Хоть бы на яблочном урожае не отразилось. А ведь теперь вопрос пищевой особенно остр. Так что стройка на лето довольно трудная. Впрочем, стройка идет в разную погоду и тем не менее идет. И у Вас — тоже нелегко, да и у сотрудников у каждого свои трудности. И все преоборют. Вот сейчас прилетело доброе письмо Зины от 7 Марта с целым рядом знаменательных сведений. Читали и радовались свиданию с Г. — все это ладно. Хорошо, что помнит об ожидании нами представителя. По всему судя, скоро его дождемся. Наркомпрос уведомил Г., что они пишут мне непосредственно, но мы письма не имеем, да и не уверены, все ли до нас доходит. Потому не может ли Г. запросить копию письма и через Вас переслать нам? Об Еременко вполне с Вами согласен. А всякая денежная кооперация не выйдет, да и не надо. Жаль Зулоагу — еще один друг ушел. Пошлем памяти его добрые мысли. Вот и Зулоага ушел, уже нет Метерлинка, Тагора. Наверно, и еще многих уже нет. Статьи, о которых Зина поминает, — все из "Фламмы", а у Вас, у Катрин, у Жина "Фламма" имеется. Наверно, Фогель читал ее. Посылаю для архива письмо Инд[ийской] Ассоц[нации] Культуры. Поблагодарите автора статьи в "Вегетарианской газете", намерения были очень хорошие. Наверно, выставка молодых советских] художников будет интересна и полезна для АРКА. Вероятно, она может состояться лишь в будущем сезоне — все требует долгого времени. Итак, стройка идет — "пер ангуста ад аугуста". Шлем Вам добрые мысли.

1 апреля 1946 г.

Публикуется впервые

Приложение

Ассоциация Индийской Культуры
Канцелярия Генерального секретаря
3Б, Накуласвар Бхатачарджи Лейн,
Калигхат, Калькутта.
20-3-46
Кае CUO/30

Уважаемый д-р Рерих,

Выражая глубокую благодарность в связи с проявленным Вами интересом к нам и к предстоящей Всеиндийской конференции по вопросам единства Культуры, считаю своим долгом снова горячо просить Вас найти возможность

председательствовать на Секции изобразительных искусств, которая будет проводиться в Калькутте 21 апреля 1946 г. (окончательная дата). Друзья по всей Индии убеждены, что в сложившейся ситуации Вы и только Вы можете взять на себя это руководство, так необходимое стране. Поэтому они снова и снова обращаются к нам с просьбой убедить Вас приехать на несколько дней в Калькутту, где мы могли бы иметь честь и удовольствие общаться с Вами на конференции. Если Вы все же не имеете возможности принять это приглашение, то от имени конференции прошу Вас выслать нам в машинописном виде президентское послание, чтобы его прочитал Ваш замечательный сын, великий художник. Он мог бы выступить на конференции также с докладом по искусству. Приглашаем Вашего сына и его талантливую супругу приехать в Калькутту и таким образом спасти ситуацию. Если Вы согласуете с ними этот вопрос, мы направим им официальное приглашение. Тем не менее Ваше имя по-прежнему фигурирует в списке в качестве президента Секции изобразительных искусств, и оно останется там, так как очевидно, что в этом году ни одно другое имя не будет воспринято Вашими поклонниками по всей Индии. Оставляю все вопросы на Ваше усмотрение и глубоко надеюсь, что Вы не огорчите нас отказом.

Что касается Вашего письма о ежемесячных публикациях г-на Санджива Дев на темы Культуры и искусства на одну полную полосу, я готов это делать и буду ждать от него материалов каждый месяц. Слава Богу, "Заря Индии" имеет очень хороший тираж по всей Индии, в Бирме, Сингапуре, Англии и Америке. Он теперь продается в газетных киосках "А.Г. Вилер и К°" на всех железнодорожных вокзалах, а в Южной Индии в киосках "Хигтинботам".

С сердечной благодарностью и надеждой на скорый ответ.

С уважением,

С.К. Бандопадхайа,

Почетный Генеральный секретарь Шестой Всеиндийской конференции по вопросам единства Культуры, главный редактор "Зари Индии".

Перевод Н. Л. Некрасовой

Пройдет

Прилетела Ваша весть 17–21 Марта. Большая деятельность. Радуемся, что Зина вступила в хорошую женскую организацию. Быть может, в ней найдутся и новые сотрудницы. Привет им от нас. Вполне одобряем Ваши планы об АРКА — так и сделайте, как проще для Вас. Для холста можно взять из денег Вами помянутых. О какой именно картине говорила дочь Сутро и к какому году это относится? Не "Звезда героя"? Не относится ли это к одной из ста картин, бывших в Корпорации, не вошедших в Музей, но тоже захваченных Хоршем? Крэн не может претендовать на портрет, ибо Светик получил всего 500 дол [ларов], но ведь это не стоимость большого портрета. Дело было так. Я послал в подарок Крэну темперу "Гуру Чарака", а через некоторое время Крэн прислал мне 500 долларов. Я известил его, что темпера была подарком и я передал эти 500 дол [ларов] Светику в счет портрета, который был ему заказан Крэном. Светик больше ничего не получил и из деликатности не напомнил. Вот и все, а потом Крэн умер. Незадолго до смерти Крэн заказал мне вариант "И открываем". Картина была готова, но наследники просили не посылать ее. Видимо, с желаниями отца не считались. Теперь картина приобретена Музеем Траванкора. Для архива Вам полезно знать. Радио из Америки сообщает совет некоего профессора, чтобы в школы не отдавать детей ранее 12 лет. Спрашивается — что же дети ранее этого будут делать? Да, культурная работа сейчас нелегка. Вот Юрий безуспешно ищет человека для переписки манускрипта. Просили профессоров и разных деятелей и — ничего. Миллионы голодают и безработны, а найти кого-то на хороший заработок невозможно. Вот и Вы должны довольствоваться малограмотной секретаршей за неимением лучшей. Вспоминаю, как мы в Париже искали секретаршу со знанием русского и французского, и какой балаган получился. Так и не нашли. Одна рекомендованная и уверявшая в своей опытности ухитрилась на одной странице сделать двадцать грубейших ошибок. За указание весьма обиделась. Какая же Культура, когда малограмотность одолевает.

Журнал "Новости науки" сообщает, что в Англии родился ребенок о двух головах. Прежде бы сказали: "Очень плохой знак". Да и ругались: "О двух головах что ли?" Но в мире многое не только о двух, но о трех головах. Хорошо, что Вы получаете "Известия" и другие газеты, и потому Ваши сведения не односторонни. ТАСС иногда посылает нам газеты, но вразбивку. Видимо, и они знают трудность почты. За последнее время мы

заметили, что кто-то снимает марки с иностранных писем. Получилось престранное пояснение: может быть, это делает полиция, следящая, откуда приходят письма. Не правда ли, престранное объяснение? А некоторые письма, может быть, вообще исчезнут. За последнее время написаны четыре картины: "Кришна", "Вестник", "Мыслитель", "Испытатель" — все не фотографированы, да и некому, да и пленок нет. Все становится труднее — видимо, человеку не осилить "мирное" время! Газеты сообщают, что некий амдипломат Эрли сказал, что хотел бы кинуть на Россию атомическую бомбу. Неужели кто-то опять мечтает о братоубийстве?! "Пацция бестиалиссима", сказал Леонардо да Винчи. Голод их не ужасает. Вот в Симле сразу четыре эпидемии: чума, холера, оспа, менингит, а это как?

Жин пишет к 24 Марта славные, но встревоженные слова — да и как же иначе? Будучи в центре, Жин не только читает, но и слышит многое. Опять наносятся раны взаимопониманию. Много придется залечивать, но ведь и самое простое ранение сделается смертельным, если в него втирать ядовитые вещества. Уже произносится проклятое слово "война", но она может быть и психическая. Кто знает, которая губительнее? В такие дни самое обычное культурное действие превращается в подвиг. Но мало кто оценит, сколько психической энергии затрачивается в таком Красном Кресте Культуры. Говорят об атомной эре, но молчат, насколько она потребует утончения и возвышения человеческого сознания. Психожизнь — во всем, но возглавить ее должен человек как превосходный микрокосм.

Вам будет высылаться "Заря Индии" с 1 Января — надеюсь, будет доходить исправно. В Калькутте начнет выходить женский прогрессивный журнал — "Торчберерс". Просили поддержать, но будет ли долговечным? Не выдерживает часто терпение, и люди в зачатке бросают даже очень полезное дело. А мы знаем, сколько времени потребно, чтобы зерна дали ростки. Вот война убила нашу бедную "Фламму", она только начала укрепляться. Сколько однодневок, опаленных пламенем Армагеддона! Помните, в моем листе "Каменный дождь" приведен рассказ о некоем сообществе, вычислявшем, как глубока должна быть траншея и сколько взрывчатых веществ потребуется, чтобы расколоть Землю. Кое-что из ныне происходящего напоминает подобное безумие. Ясно, что некто подогревает атмосферу, но как Соломон говорил: "И это пройдет".

Посылаю Вам телеграмму из Линца об основании нашего общества. Напишите им, что отсюда нам неудобно сообщаться, что скоро выйдет новая книга о "Знамени Мира", и они могут приложить ее к действию. Если хотят переводить книги Уч[ения]

— пусть переводят. Люди они, по-видимому, хорошие, с добрыми намерениями, но, вероятно, не знают, что не везде еще почта удобна. Пока пусть работают над переводами и по "Знамени Мира". Эта культурная работа всегда нужна, а теперь особенно. Кажется, А. Ренц из Линца Вам уже писал. Пусть каждый сейчас трудится по местным условиям. Вряд ли сейчас можно им думать о своей газете, о своем журнале. Такие ли теперь времена? И откуда средства? Может быть, они Вам пояснят. Теперь все везде так многоразлично, что главное — надо соображать на месте, а друзья должны знать, что все сделанное совершено так, как лучше. Наверно, такие же соображения потребуются и для других мест, откуда обнаружатся друзья. Иным кажется, что война кончилась и все стало по-прежнему, а на деле совсем не так. Вы-то сие отлично понимаете и чуете насыщенность атмосферы.

Прилетело очень сердечное письмо Брэгдона. Пишет новые книги — они расходятся очень успешно, а одна уже пятнадцатым изданием. Миссис Карпентер пожелала, чтобы его книги были во всех университетах, школах, библиотеках и дала средства на это благое дело. Имеются добрые души! В Мае в Париже будет частичная мирная конференция, но, во всяком случае, не та, о которой предполагал Тюльпинк. По поводу этой не стоит писать Трумэну. А если Тюльпинк спросит опять, то скажите, что, верно, когда-то будет общая конференция. Действительно, по-видимому, на майской конференции о культурных предметах говорить не будут. Не слышали ли, кто министром просвещения вместо Потемкина? Мы слышали о множестве министров, но о главном предмете — о просвещении — ни радио, ни газеты не сообщили. А ведь Г. поминал именно Наркомпрос.

Слышим о землетрясении и чудовищной волне, опустошавшей Гавайи, Аляску, Калифорнию. Неужели и такое предупреждение не остановит безумную инсценировку войны с кораблями? "Посеявший ветер пожнет бурю". Вот и мертвые воскресают — радио заговорило о собрании Лиги Наций — это уже некромантия. Ох, переедет УНО[112] в Женеву. Там и дворец обширный, и при нем бар превосходный, где любили покалякать — так газеты подмечали. А современный быт все-таки придется пересмотреть. Присылают лондонскую "Дэйли Миррор" — на каждой странице преступление. Как-то даже хуже стало, нежели во время войны. Впрочем, в сердцах разве кончилась война? Кто-то зачитывается хроникой преступлений и какие уродливые кактусы произрастут! Опасные симптомы: падение вкуса, падение высокого качества. Вот и в "Тайм" какой-то тип заявляет, что он ненавидит слово "Красота", и при этом показаны отвратительные "скульптуры", если так можно назвать безобразную

бесформенность. Высокое качество и вкус накопляются медленно. А тут еще опереточная пошлость может вторгаться. От пошлости до подлости один шаг.

Послали ли отчет—1944 АРКА Базыкину? Хорошо бы Вышинскому, Швернику, Жданову — в консульстве или Г. скажут, куда им послать. Пусть дружеская весть летит. Немного непонятно, отчего Гус[ев] не едет посмотреть, в каком помещении предположена выставка. По-видимому, он находит время быть у Еременко. Такая же выставка могла быть и в Индии, о чем я много писал и Щусеву и Грабарю — и все без ответа. Мое ли не доходит или они молчат по каким-то неведомым причинам? Вот и ВОКС, наверно, мне не ответит. Если предположить, что все не доходит, тогда почему же мой лист "Славяне" дошел и появился в журнале "Славяне", и два номера сюда отлично дошли. Да ведь и первое письмо Грабаря до Вас дошло, а потом?! Все это когда-то выяснится. Вот и здесь бывает заморока: получаю номер журнала бомбейской молодежи "Эстетика", смотрю и глазам не верю — объявлено, что у них продается моя книга "Прекрасное единение", а я ее и не видал. Удивительно! Конференция Индийской Культуры в Калькутте умоляет приехать председательствовать, но это совсем невозможно. Прекрасные друзья, но пришлось огорчить их. Письмо от Валентины — нелегко ей бедной. Жаль, она не знала, что мы выехали в Финляндию еще в 1916 году. Она писала в газетах о расхищении музея и о перерыве в деле "Знамени Мира". О музее в Европе пока писать не нужно, а "Знамя Мира" не прерывалось, но лишь невольно примолкло в течение войны. Наверно, Вы посылаете письма АРКА Валентине через стет. Деп.[113] Вашингтон — в Прагу. Удивительно молчание Конлана. Но не будем его трогать — наверно, имеются какие-то особые, местные причины. Санжива Дев написал еще статью о Знамени Мира — пусть добрые вести где-то ходят. Фонтес тоже пишет о Знамени — прилагаю копию его письма для прочтения Комитету Пакта. Мадахила можно теперь же избрать в поч[етные] члены. Получен Ваш пакет с январским письмом для АРКА — все очень хорошо. "Бикон" — чепуха. Все эти выдумки о Тибете надоедят наконец. Завадский, видимо, действует. Как их Академия? Зилоти, Рахманинов ушли — ему больше места. Пусть работает во славу русскую. Сердечный привет всем друзьям.

15 апреля 1946 г.

Публикуется впервые

Грабарь (16.04.1946)

Дорогой друг
Игорь Эммануилович,

Сегодня ровно через три месяца долетела через Америку твоя добрая весть. Все мы порадовались, вместе читали, посылали Тебе, всем Твоим семейным и всему великому Народу Русскому сердечные мысли. Как хорошо, что Ты полон энергии и несешь свой талант и опыт на пользу народную. Горячий привет шлем все мы к Твоему семидесятипятилетию. Много знаний даешь Ты молодым поколениям, и, поистине, держава народная крепко стала на первое мировое место. А сколько блестящих побед впереди! Народы Союза могут сказать: "Мы от рождения крылаты". Слава и вождям ведущим.

ТАСС нам присылает "Известия", "Правду", "Красную Звезду", "Литературную газету", "Советское Искусство", "Большевик", "Славяне", и таким путем, хотя и с замедлением, мы все же хорошо осведомлены о кипучей героической стройке всенародной. И здесь мы во славу русскую трудимся — каждый в своей области. Почти все местные музеи имеют группы моих и Святослава картин. Только что Музей в Бароде взял пять моих больших картин и столько же Святослава. В Индоре на картине "Ярослав" женщины носят кокошники, перешедшие из Византии. Там же и "Александр Невский". Вообще наряду с картинами гималайскими, тибетскими много разошлось и русских. Ценю, что эти памятки о Руси имеются в Индии. Сколько здесь друзей и собратьев! Вот когда будем в Москве, много доброго расскажем.

Русская великая Культура мне была всегда близка. Как Ты знаешь, меня кое-кто даже преследовал за любовь к красотам русийским. И это было не сусальное "Ой ты гой еси", а знание о том, какие сокровища захоронены в скрынях народных. С народом мы постоянно сообщались, а археология давала новый неоспоримый материал — истинную основу.

Юрий за это время закончил большие исторические труды. Один из них в 1200 страниц будет издаваться Королевским Азиат[ским] Обществом в Бенгалии. Скоро выйдет его очень нужная статья "Индология в России". Если будем иметь оттиски, непременно пошлем Тебе. Две моих книги "Химават" и "Герои" в печати. Думается, летом выйдут. Елена Ивановна много пишет, работает. Часто поминает Твою супругу и Тебя. Скорей бы увидеться! Хочется вместе потрудиться: "Мы Родину любим свою". Слушаем радио. Если увидишь Прокофьева, Шостаковича — привет им.

Вложу лист о Репине и страницы отчета нашей АРКА (Американо-Русская Культурная Ассоциация). Ты хорошо делаешь, что посылаешь диппочтой через Америку, хоть и дольше, но зато как-то верней.

Наш сердечный привет всем Вам и всем друзьям. Каждой Твоей вести очень рады.

Сердцем с Тобою.

16 апреля 1946 г.

Публикуется впервые

Из Шанхая

Наши дорогие Николай Константинович и Елена Ивановна! Получили от Вас два письма. Апреля 12-го получен Ваш ответ на первое письмо А.П.Х., пробывшее в пути четыре месяца, а 16-го Апреля пришла весточка и нашей семерке, дошедшая очень быстро. Радости не было конца. Не обошлось без слез. Перечитывали много раз и, конечно, скорее стремились списать на память и письмо, и лист из дневника, и приглашение. А.П.Х. торжественно прочел письмо на общем собрании 14-го вечером. Некоторым письмо явило помощь в расширении сознания, другим радость подтверждения идейного с Вами единства — радость общности в устремлении духа. Великое впечатление произвели оба письма и до открытия их. Волнение и радость. Наташа С. видела во сне Николая Константиновича перед получением каждого из писем. 16-го утром пришла с вопросом: "Где письмо? Видела, что получили от Николая Константиновича посылку". Представьте, скоро в этот день письмо и пришло. Жаль быстрому отъезду Вик. С: будучи знакомым с прекрасными китайскими юношами и зная китайский язык, он многое мог бы сделать здесь для популяризации Знамени Мира и Пакта. Будем надеяться, что он успеет забросить некоторое семя до отъезда. Да и в Маньчжурии найдутся хорошие китайские юноши.

Беда в том, что общественные работники мы плохие. Философствуем, горячо обсуждаем, горим огнем энтузиазма, мечтаем, а к делу ни так, ни сяк. Утешаемся ценностью мыслетворчества. Заметили много странных совпадений. Так, несколько месяцев назад горячо мечтали о создании в Шанхае "Дома Культуры". Подробно обсуждали все детали с готовностью создавать. Конечно, возможностей претворения никаких нам не представилось, но, как ни странно — со стороны мы начали слышать от простых хороших людей идеи, аналогичные нашим мечтаниям. Было сегодня собрание организационной группы по объединению граждан нашей Родины (присутствовало не менее 5000 человек), на котором один из ораторов упомянул даже и термин тот же, что и мы употребляли, говорил о создании "Дома Культуры". Часто замечали, как обсуждаемые нами идеи вскоре появлялись в печати. И люди кругом невольно как-то тянутся к нам. Высказывают пожелания не потерять связи по отъезде. Мечтают на Родине поселиться ближе к нам. Что устремляет этих простых людей, ведь некоторые из них с Учением еще и не знакомы. Чувствуют — сердцем!

Благодарны мы Вам, дорогие наши Николай Константинович

и Елена Ивановна, за магнит, заложенный Вами, ведущий нас. Благодарны Великим Владыкам, в кровавом поту отстаивающим нашу планету и поднимающим сознание человечества. Как радостно наблюдать массовое вхождение идей Учения в жизнь! Большинство газетных статей проводят не только идеи нашего Учения, но буквально и выражения попадаются одинаковые. Как все устремляется к Свету! Как стремительно растет сознание человечества. И Русь ведет!

Несколько лет назад Т.А.Б. наблюдала выход массы публики из местного громадного здания азартных игр (Хай Алах) и размышляла: как было бы прекрасно, если бы эти люди шли с культурного собрания, но разве это возможно в наше время? Сегодня с этого же места, в память того случая, наблюдали выход публики — именно с культурного собрания.

Публика у нас здесь находится в периоде распределения — кто одесную, а кто ошую. И представьте, выбирают между двух стран. Когда решают предпочесть одну — говорят о выгоде своего кошеля, когда выбирают другую — говорят об общем благе. Знаменательно.

Недавно Т.А.Б. слышала разговор в лавочке между двумя обыденными женщинами: "Теперь нужно отучаться от личной жизни и приучаться жить на общее благо", причем добавили: "Трудно, но иначе нельзя". Много знаков наступления новой эпохи.

Размышляли о Знамени Мира. Почему бы всем музеям, библиотекам и культурным обществам не принять его к обязательному ежедневному вывешиванию перед своими зданиями?

Почему бы и художникам не проводить выставок под Знаменем Мира? Ведь это остановило бы внимание людей на Знамени и Пакте; заставило бы углубиться в сущность идей Пакта. Неужели не могли хорошие, передовые люди Америки, недавно проведшие конференцию под лозунгом "Завоюем мир" употребить Знамя как эмблему, ведь в их стране Пакт официально принят? Нам кажется, дорогой Николай Константинович, что идеи, заложенные Вашим Пактом, растут и уже выросли сейчас в громадное мировое движение. Не только там, где Пакт официально принят, но положительно повсеместно упоминаются идеи Пакта. Пространственный Магнит Вашего Пакта столь силен, что люди захватываются идеями его даже без слов и не зная источника. Нам, кажется, недолго ждать, произойдет взрыв сознания, и все открыто признают первоисточник оплодотворяющих их идей. Пакт и эмблема будут приняты повсеместно. Пакт и Знамя Мира — насущнейший

вопрос нашего времени.

Предполагали послать на Вашу поверку статью о трансмутации, в которой изложен наш взгляд на этот вопрос, но письмо и так оказалось слишком велико. Шлем Вам сердечный привет, наши дорогие.

СЕМЬ-Я.

24 апреля 1946 г.

Грабарь (апрель 1946)

Дорогой друг
Игорь Эммануилович,

В письме от 15-1-46 Ты поминал недавнее предыдущее свое письмо. Оно не пришло, да и дойдет ли? Уж очень привыкли мы ко всяким пропажам. Между тем оно, наверно, как и все Твои письма, было весьма содержательным. Будь добр, повтори, если то письмо где-то заплуталось. Мое от 16-4-46 и теперешнее летят воздушной почтой. Я попробовал послать воздухом — приняли. Сообщи, пожалуйста, произошло ли ускорение? Иногда бывают странности: из Китая к нам десять дней, а от нас в Китай — три месяца. Как крокодил в цирке — от головы до хвоста три аршина, от хвоста до головы — три с половиной.

Рады узнать, что Валентина Михайловна причастна к ВОКСу. Наша АРКА сносится с ВОКСом, но жалуется, что материалы нередко запаздывают, а письма остаются без ответа. А ведь АРКА приносит много пользы, распространяя добрые, верные сведения. С этой стороны советская печать ее хорошо отметила. В мире столько клеветы и лжи, что всякое достоверное сведение очень своевременно. Сносится АРКА с Урновым — кажется, он недавно назначен? Чем больше сотрудничества, тем лучше, а особенно сейчас. Кто теперь вместо Потемкина? Комитет по делам искусств входит в Мин[истерство] Народ[ного] Просве[щения] или действует самостоятельно? Кто теперь в Академии Художеств? Жив ли Билибин? В газетах поминают Юона, Лансере, но Билибина, Яремича не слышно.

Видели в газетах снимок Тебя в мастерской — жаль, отпечаток был неясный, но и за такой — спасибо. Когда мы были в Риме, любовались Твоей картиной в Национальной галерее. Ведь Твоих много картин разошлось, и как их собрать на юбилейную выставку? Жаль, брат Борис умер, а он очень ждал наш приезд и собирался вместе поработать. В своем прошлом письме Ты справедливо заметил, что русскую Культуру "проворонили". Конечно, ни Ты, ни я не будем обвинены в этом. Именно за поиски русской Культуры нас даже преследовали. Твоя замечательная поездка на Север, Твоя "История искусства" были ценнейшим вкладом. Вот и в годы наших с Е.И. поездок по городам и весям русийским многое удалось отстоять. Ведь Ростовский Кремль собирались продать с торгов, а смоленское духовенство распродавало ризницы. Новгородский губернатор велел зарыть наши раскопки в Кремле, ибо свиньи могут упасть в траншеи. Всяко бывало, и благо, если теперь будут ограждены

народные достояния. О моих исследованиях и раскопках теперь забыли, но кому-то они пригодятся. Много памяток! На пути к суворовскому Кончанскому у самой дороги привлекли внимание маленькие стертые временем курганы. Оказались погребения с сожжением — с каменными орудиями, а главное, с сотнями янтарных поделок. Подобные вещи из янтаря были в Музее Кенигсберга. Значит, уже в неолите были значительные сношения. Интересна была готская эмалевая фибула из Тверского городища. Она была в Смоленском Тенишевском Музее, где теперь этот Музей? Была значительна находка серебряной копейки вольного Новгорода 15-го века, вложенной в руку сидячего костяка в новгородском кургане. По виду и по содержанию курган мог относиться к 11-му веку — значит, курганный обычай продержался долго, а кроме того, древен и вклад монеты в руку покойника как классический обол[114] перевозчику. Замечателен и каменный фаллос[115] в смоленских лесах. А неолит на озере Пирос и впервые найденные каменные человекообразные фигурки! На съезде в Периге их очень отметили. Где все это? Весь наш каменный век был подарен нами Музею Академии Наук, и В.В. Радлов принял дар от имени Академии. Часть нашего неолита была в Музее имени Д.В. Григоровича при Обществе Поощрения Художеств. Живет ли этот Музей имени автора "Антона Горемыки"? Там же были и наши раскопки из Новгородского Кремля.

Ну, если теперь, как Ты пишешь, яро взялись за русскую Культуру, то уж, наверно, все находки заботливо охранены. Меня здесь спрашивали, куда поступили художественные собрания ленинградских и московских коллекционеров? Отвечаю — в Эрмитаж, ведь теперь он распространился на весь Зимний Дворец — огромнейшее помещение. Если Ты мне напишешь о судьбах частных собраний, здесь такое сведение из верных рук будет очень полезно. Ведь люди не знают правду, а тут еще всякие злошептатели сеют гнусную клевету. Где только возможно, разбиваем такое вранье. Через ТАСС проникают сведения, но друзья хотят знать еще больше. Очень полезны Твои письма — им поверят. Помянутое Тобою предыдущее Твое письмо все еще не дошло. Да и дойдет ли? А мы все глубоко рады Твоим вестям. Искренний привет Валентине Михайловне и всем друзьям.

Сердечно…

[Апрель 1946 г.]

Публикуется впервые

Вперед (01.05.1946)

Пришло письмо Катрин и Инге от 25 Марта с предположенным содержанием "Знамени Мира" и с вопросами. Мы вполне согласны с распорядком содержания книги. Пусть Фогель подпишет свою статью, а сама книга есть издание Комитета; он распорядится, как виднее по местным условиям. На вопросы отвечу: 1. Список стран, участвовавших в Вашингтоне, находится во втором томе, изданном в Америке — очевидно, он имеется и у Вас и у Катрин (их надо перечислить). 2. Конечно — "Мир через Культуру", а не "Паспорт к миру". 3. Речь Уоллеса можно дать не полностью, но лишь часть, где ближайшие упоминания. 4. Комитеты Пакта перечислите из статьи Шибаева, еще были в Китае. 5. Нужно включить два моих воззвания — одно, бывшее на второй день войны, и второе — письмо в АРКА. За время войны всякие сношения были затруднены и пресечены. Книга Тампи "Гурудев" у Вас имеется. Точное название книги Фонтеса еще не знаю, она в печати. О Португалии я Вам писал в прошлом письме — это нужно помянуть.

Мои книги "Химават" и "Герои" — обе в печати. Должно быть, скоро выйдут — зависит от издателей. Статья Санжива Дев — у Вас есть. Библиография — до 1939 года, а затем война. Нужно помянуть, что наш Французский Комитет писал Верховному Совету СССР. В Вашингтоне СССР не участвовал, ибо признание Америкой произошло при окончании конференции. Надо бы помянуть статью "Стража Матери Мира" из "Державы Света". Вообще, и "Держава Света" и "Твердыня Пламенная" в их отделах, посвященных Знамени Мира, дадут Фогелю материал. Первая статья, написанная Фогелем, должна быть им подписана. На обложке может стоять его имя как составителя (впрочем, как хотите), а издана книга Комитетом. Все будет ладно. Стихотворение Хари не включайте. От давно помер и мало известен. Выдержку из письма Рабиндраната Тагора следует включить — она у Вас имеется. Пусть книга звонко выйдет. Статью Шибаева можно целиком включить в историю Пакта — она была хороша — я послал ее Вам из "Едюкашенель Ревью"[116] и менять не надо. Моя статья "Культурное единение народов" у Вас имеется. Вообще, сложите в одно место все, что относится к Знамени Мира и Культуре. Книга весьма своевременна. У Вас теперь сношения с Бельгией, Голландией, Португалией, Польшей. Который мой портрет предполагаете? Верно, Светика, что в Люксембургском музее? Бюллетень музея Фогель видел и читал? Бедный Фогель — ему необходима была операция, а затем надо

окрепнуть.

А какие торнадо[117] и подводные толчки! Неужели дуракам еще нужно кидать атомные бомбы, чтобы нарушить океан?! Впрочем, для них ничего не значат вызванные беды. Такое легкомыслие поразительно, неслыханно. Вполне понимаю мысли Зины об Еременко. На его письмо я, по обыкновению, немедленно ответил, но он больше не отозвался. Теперь он прислал набор карточек, без письма, но при них счет, при сем прилагаемый. Пожалуйста, заплатите ему из тех денег, о которых Вы поминали, когда писали о холсте. Кроме того, мы уплатили 32 рупии — пошлину, так как был вложен счет. Вот как!

Прилетело Ваше письмо от 31 Марта с приложением письма Грабаря и Археол[огического] Института. Не дадут ли они Вам выставить эти две картины? Прилагаю письмо Грабарю — может быть, возьмут через консульство отправить, а то прямо по его адресу. В моих письмах я поминал о "Славе", но он ничего не пишет. Бенуа, оказывается, жив и в Париже. Письмо Грабарю послал воздушной почтой — принимают. Радостно, что 24 Марта у Вас прошло так дружественно. Пусть нарастают новые связи.

Печально, что Магдалина бедствует со своей новой должности. Действительно, проблема трудная — отдых или потеря должности. Главное, прискорбно, если она сомневается в своих силах. Сомнение и уныние — худшие враги человека. Стара эта истина, но постоянно нуждается в повторении. Чрезвычайно трудно, даже невозможно советовать в таком личном деле, как сейчас с Магдалиной. Тут и вопросы службы, и дома, и матери, и отдых — все так сложно, что только волна местных условий вынесет к берегу. Вот и Валентине трудно, но там другое: там она получает новый опыт, новое достижение и познает новые условия жизни.

Жена Грабаря Валентина Михайловна служит в ВОКСе. При случае она может поспособствовать. Гусев сносился с Комитетом по делам искусств в Декабре и его письмо ко мне было после этих сношений, от конца Декабря. Теперь письмо Грабаря было от 15 Января — о гусевских запросах он ничего не пишет, а между тем участвует в том же Комитете по делам искусств. Впрочем, Грабарь поминает о своем письме, ранее отправленном. Может быть, в том письме были поминания, но где оно застряло и дойдет ли вообще? С почтой небывалая заморока: вот письмо из Манали на расстоянии 14 миль шло к нам десять дней — куда же дальше? А люди не поверят в такую действительность. Когда же дождемся представителя? Все происходящее указывает на близкую возможность, а дни идут за днями.

Фонтес прислал телеграмму: "Благодарю за назначение

делегатом. Сообщаю: Мадахил в Португалии. Фонтес". Сообщите это Комитету "Знамени Мира" при следующем собрании. Таким образом, в Португалии произойдет движение. И это в протокол собрания занесите. Удивительно наблюдать, как движение обычно происходит неожиданно, откуда и ждать было трудно. А самые обычные движения нередко запаздывают. Может быть, Хелин захотят сделать Комитет в Калифорнии — напишите им. Элтону Синклеру я послал Кон-лана. Все добрые силы должны быть на дозоре.

Значит, две "Иерархии" не дошли до Вас. Папки еще не получены. Ясно, что по-прежнему кое-что не доходит. Даже и телеграммы иногда исчезают. Надеемся, что "Звериный стиль", посланный Вами, дойдет. Очевидно, где-то имеется еще много "Звериного стиля", ибо из Праги было послано 500 экземпляров. Где-то они упокояются? Также, наверно, где-то еще имеются клише картин. В Ригу были посланы лишь по нашему списку и далеко не все. У Еременко могли остаться только большие красочные. Еще где-нибудь найдутся, так же, как открытки нашлись. В Аруне много вещей, да и в Либерти тоже немало. Найдется! Пишут, спрашивают: "Какова судьба собраний Юсупова, Боткина, Шуваловой, Кочубея, Шидловского, Рериха, Щавинского, Рейтерна, Тевяшова, Лейхтенбергского, Браза и других собирателей?" Ответим — вероятно, собрания поступили в Эрмитаж. К нему присоединен и весь Зимний Дворец — так что получилось огромнейшее помещение. Одни древности из прежних и новейших раскопок занимают множество зал. Грабарь правильно пишет, что теперь заняты русской Культурой, которую, по его словам, "проворонили". Вот в этом я неповинен. Всегда работал для русской Культуры, и за это некие любители Версаля меня поносили. Тем ценнее слышать, что наши устремления оказались правильными, и теперь дружные изыскания направлены именно по этому пути. Множество находок подтвердят, какие многозначительные открытия предстоят.

Светик привез из Катиавара древнюю египетскую статую богини Бастет (с кошачьей головой) и византийские монеты — как давно были сношения Индии! Недаром древний Египет называл Индию страною богов. Как опасны стали теперь передвижения: Светик и Девика подверглись смертельной опасности ночью по пути из Дели в Лагор. Через окно вагона забрались громилы и ограбили ценные вещи. По счастью, Девика и Светик крепко спали, а если бы пошевелились, то их убили бы. Вот каковы дела! А тетку первого министра Пенджаба и ее слугу грабители ночью зарубили в вагоне. Много таких зверств и грабежей. Что будет дальше?

Опять всюду трудные дни. Обидно, что желанные подвижки как-то застревают. Каким путем торопить людей?

Хейдок прислал из Шанхая третье письмо, а мои к нему письма, видимо, еще не дошли. Досадно! Пишет он добрые вести. Оказывается, две книги, изданные в Урге — "Основы буддизма" и "Община" — имеются в обращении и, как Х. пишет, "многим помогли". Также читали там и мой лист "Славяне", и он тоже "укрепил многих". Когда Хейдок помянул меня Щеголеву, директору ТАСС в Шанхае, тот заметил:

"Рерих — сила. Хорошо, что эта сила оказалась в антифашистском лагере". Хейдок также сообщает, что при приближении наших войск Родзаевский с фашистами убежали куда-то на юг. Где же могла притаиться эта мразь? Всеволод Иванов сейчас в Хабаровске во главе газеты, понемногу друзья находятся. Но почему Рига молчит? Беспокоит нас это. Странно то, что Лукин был очень хорош с Кирхенштейном, теперешним главою Латвии, и все-таки молчит, и адрес его мы не знаем. Нет ли в Нью-Йорке консула Югославии? Если есть, хорошо бы запросить о моих картинах в Белграде? Там было семь и особенно было бы жалко "Земля Славянская" и "Святые гости". Вообще, было бы хорошо Вам связаться с югославами и чехами — наверно, они есть в Нью-Йорке. В их консульствах можно узнать адреса да и пригласить на какую-нибудь лекцию. Все это не к спеху, а на будущее. Пока что можно послать отчеты АРКА в югославское и чешское консульства. Так и будем действовать не покладая рук. О Культуре нужно всячески твердить, когда где-то еще имеется запас атомных бомб.

Прилагаю отрывок моего письма одному молодому писателю — опять нужно посылать СОС: "По-видимому, мы сейчас проходим дни, когда слово о Культуре опять становится не модным. Недавно мы были потрясены, услышав ужасные изречения одного "образованного" лица. Когда рассказали ему о вандализме в Хайдерабаде, он преспокойно возразил: "Чего вы беспокоитесь. Картины эти принадлежали не вам, а государству". Бедняга, он вообще не понимал мрачного значения вандализма. Такой невежда — природный враг Культуры. С одной стороны, происходят культурные конференции, а с другой — двуногие готовы уничтожать ценные наследия человечества. Поистине, все культурные силы должны быть на сторожевых башнях в готовности защищать достояние народа. СОС!

Тяжкое время, но оно приумножит и силы. Знаем, что и Вы на бессменном дозоре. И у Вас местные условия не очень-то хороши.

Сезон кончился, как начнется новый? Уже должен быть ответ на Гус. письмо, но ничего не слышно. Все время слышим о чем-то

опоздавшем, пропавшем. "Замедление — смерти подобно" — этот завет Петра звучит, как глас трубный. Пришли Ваши два пакета — один с бумагой "Знамени Мира" (очень полезно), другой — с газетами (очень интересно). Газета из Вичиты весьма пригодится. Посылаю копию письма Фонтеса — видимо, энергичный деятель. Приголубим его. Февральское письмо АРКА очень деловито — все это так неотложно нужно. Во славу Руси Вы творите благое дело. "Вегетарианская газета" прислала пачку статей — поблагодарите автора, видимо, они хорошие друзья. Я им посылал мою статью "Пища" (Фуд) — дошла ли? Телеграмма Катрин — операция Фогеля удачна, шлем добрые мысли. К 1 Мая скажем еще раз трудовой клич: "Вперед, вперед и вперед!"

1 мая 1946 г.

Публикуется впервые

Дорогая наша сотрудница [118]

Вы, наверно, уже в Швейцарии и Миша вполне оправился. Где же именно Вы осели? Вероятно, где-то около Женевы? И высота там не слишком велика и климат хорош. Мы сохранили о Швейцарии добрую память. Хорошо, что Вы и о чехах сохранили добрую память, — чем больше добра, тем лучше. Чем чаще удается повторить слово "добро", тем благостнее. Уж больно много зла угнездилось сейчас в Мире — во всем Мире. До мира, о котором мы мечтаем — ох! далеко.

Но мыслить о Культуре никто не может запретить. Никто не воспрепятствует твердо знать, что истинный мир может прийти лишь через Культуру. Вот Б., удрученный бедами, думает, что Знамя Мира может быть скомпрометировано войною. Ничуть! Знамя Мира — нерушимо. И война может быть искореняема лишь Культурою, в полном ее понимании. Потому молитвенно повторим "Паке пер Культура". Только утомление и огорчение может кого-то заставить думать, что надо бороться против войны, как будто борьба за мир, за Культуру не есть самое сильное искоренение войны.

Когда человек станет культурным, он с отвращением отвернется от зверства, каким является война. Леонардо называл войну "пацция бестиалиссима" — самая зверская глупость. Да, да, да, за мир, за Культуру нужно бороться неустанно. А всякое брюзжание и смешки не отвратят от почетного труда за Культуру! Конечно, мы всегда советуем действовать по местным условиям. Иначе даже при самых лучших намерениях друзья могут доставить себе неприятности. Народ предупреждает: "В чужой монастырь со своим уставом не ходить". Недаром осмотрительность заповедана.

Вот Вы теперь в той самой Швейцарии, где было поднято прекрасное Знамя Красного Креста. И Вы входите с думою о Красном Кресте Культуры. Конечно, каждое крестное хождение нелегко. Из каждой подворотни несется лай, но древний Восток обнадежил: "Собаки лают — караван идет". Среди приветливого швейцарского лета, перед ликом зардевшего Монблана, Вы спокойно сложите новые, укрепленные мысли. Наблюдете Мишу — чего ради прыгать чрезмерно! Наверно, встретите добрых людей и душевно им улыбнетесь. Хотя Швейцария и не воевала, но тоже жила напряженно.

Улыбка сочувствия — одна из хороших тропинок к миру. А мы часто о Вас думаем. Е.И. так беспокоилась за Мишу, и Ваше письмо показало, что это чутье было основательно. Все мы

трудимся — творим — преуспеваем. "Еще ночь, но близок рассвет". Привет П.М. и Мише.

6 мая 1946 г.

Публикуется впервые

В Шанхай

Дорогие друзья, порадовало нас Ваше доброе письмо. Да, и Дом Культуры и движение Знамени Мира — все живет в пространстве. Чуткие сердца могут наблюдать, как всходят культурные семена. Кому-то постороннему эти знаки покажутся случайными совпадениями, но тот, кто знал зарождение движения, усмотрит всходы великих посевов. Так и наблюдайте пристально и широко-дальнозорко, и Вы будете убеждаться в мощи надземных посылок.

Если сможете заложить идею Знамени Мира среди молодых китайцев, не теряйте время. Ведь Вы сами уже являетесь кружком или семьею Знамени Мира. Не правительственными указами и приказами растет истинная Культура, она зреет в сознании людей. Людской коллектив создает течение потока и шлет ценные грузы к пристани. А Пристань сейчас у человечества одна. И Вы, друзья, ее чуете и знаете.

В страданиях рождался Красный Крест, так же и Красный Крест Культуры растет болезненно. И крылья человечества сотворились в страдании. Но такое победоносное страдание есть радость. Тончайшие изваяния творились мощными ударами, и такие удары рождают искры Света. В застое омута не бьет светлый родник.

Добро, что Вы сходитесь и зажигаете друг друга созидательными мыслями. Была у меня картина "Сергий Строитель". Подвижник и медведь несут бревно к новому храму. И к Вам могут прийти такие нежданные помощники, и Вы их ласково приголубите. Не знаете, где и как проявится мощная энергия. Берите на стройку все материалы. Всему найдет зодчий место.

Когда будете менять места — не теряйте друг друга. И нам адреса сообщайте. Где суждено собраться? Где придется свидеться? Не ломайте голову над этим, не насилуйте пространство, а творите добро во всей Вашей жизни, всеми Вашими делами и помыслами. Ни единая мысль не пропадет. Пишите нам о Ваших передвижениях, о переживаниях, о новых встречах. "Еще ночь, но близок рассвет". Держите под рукою Знамя Мира.

О мире всего Мира давно молились, но не осознали, что мир может прийти лишь через Культуру. Эту панацею несите в самом прекрасном ковчеге. А страх и сомнение и уныние изгоните навсегда. Такие скверные болезни не к лицу носителям Знамени Мира.

Порадуйтесь! "Целительна радость, и всегда ее можно отыскать в сердце. Радуйтесь и тому, как трудится и преуспевает великий народ русский. "Радоваться" — так в древности здоровались. Радоваться Вам!

В духе с Вами.

7 мая 1946 г.

Публикуется впервые

АРКА (14.05.1946)

Друзья!

Во время летних месяцев каждый член АРКА встретится с новыми людьми и может посеять всхожие культурные семена. Летом все всходы поспевают, так и дружеские беседы летом теплее и отзывчивее. Истинный отдых в том, чтобы приобщиться к чему-то доброму, созидательному. Мир среди народов крепнет не бомбами, но дружеским взаимопониманием.

Много говорят о недостатке взаимопонимания. Так, наконец, прислушайтесь к ближнему и поймите его добрые устремления. И не запинайтесь за все, что вам, по неведению, показалось неясным, отрицательным. Разберитесь в причинах и, может быть, усмотрите источники отчуждения. Мир так выстрадал за время чудовищной войны. Много сердец болело, очерствело, но эту вредную коросту надо милосердно снять и словом и делом. Отеплите молодые сердца. Пусть и песнь призывная зазвучит благодатно.

Радостно, когда дружеский зов раздается среди нежданных далей. Сейчас замечаем, как добрые, неотложные мысли рождаются в новых кругах. Истинно, голоса молодежи, голоса женщин героически утвердят Знамя Мира. Лиги, организации, указы да приказы еще не решают будущее. Глас народа, воззвание множеств есть знак времени.

Каждая эпоха имела свое Знамя. И теперь Знамя народа зовет к миру, к Культуре. Пусть кто-то темный не прочь опять драться и впадать в зверскую глупость. Неизбежны судороги зла, но сущность народа, сердце его хочет мира, строительства мирного, познания и признания Красоты Жизни. "Любите друг друга", "творите добро", "храните сокровища народного творчества" — эти зовы заглушают всякие злые рычания. В строительстве потонет страх — мертвящий призрак невежества.

Доброжелательнее, смелее посмотрим в будущее. Голод телесный и голод духовный пусть изживается во взаимной помощи. Люди породили бедствия, люди их залечат, если не хотят катастрофу. Каждая культурная организация должна внести свою лепту в великий подвиг оздоровления. Именно каждая человеческая кооперация может преумножить добро и искоренять зло. Много сорняков пытается разрастись в саду, и садовник неутомимо удаляет их, чтобы они не глушили ценные, целебные растения.

В каждом человеческом сообществе что-то доброе, ободрительное может быть сделано. Невежда скажет: "Опять о

труизмах заговорили!" Ответим, неприменённая истина не есть труизм. Труизм есть нечто общеизвестное, не нуждающееся в повторении. Но если нечто нужное и доброе не приложено в жизни, — значит, оно не общеизвестно, не осознано. Итак, и в холоде зимы и в тепле лета внесем нашу лепту добра.

Сердечный привет!

14 мая 1946 г.

Публикуется впервые

Движение

Прилетело письмо Зины от 12–17 Апреля. В нем много напряжения — иначе и быть не может в нынешних обстоятельствах. Хорошо, что Вы повидали Гус[ева], и он теперь знает, что письмо о картинах мной не получено, и он об этом уже написал. Иначе люди, не зная, каковы у нас почтовые сношения, могут вообразить, что я не хотел ответить. Писать мне самому туда невозможно, ибо не знаю содержания их письма. Скорей бы, скорей бы! Лучше бы — через Америку — через Вас. В ВОКС продолжайте писать. Шкл[явера] и Конлана пока не трогайте. Они знают наш адрес и, очевидно, имеют причины не писать. На письмо Юрия Шкл[явер] не ответил. Во Франции, видимо, вообще очень сложно. Об Индии, о событиях здесь, не пишу — Вы знаете из газет. Хорошо говорил Громыко на обеде в память Рузвельта. Когда будет готов отчет АРКА, пошлите его Новикову и Громыко. Радио сообщает, что Эренбург в Нью-Йорке.

Посылаю Вам выписки из письма от нашего Шанхайского кружка. Доброе письмо, и должно оно сохраниться в папке "Знамени Мира". Пишу им, что мы все порадуемся, если им удастся заложить семена Знамени Мира среди молодых китайцев. Пусть и там слово о Культуре глубоко западет и даст ростки. Рауль де Сепулведа Фонтес (полное имя нашего делегата) прислал из Нова Гоа журнал, где он состоит редактором, с отзывом о его книге. По-видимому, книга называется: "Николас Роерих — Анализ дум Генио". Самой книги я еще не видал. Кажется, у него установлена кооперация с Антонио Гомес де Роша Мадахилом в Коимбре. Пусть работают для Знамени Мира. Вот и Вы чувствуете, насколько сейчас нужна эта работа. Из того, что все попугаи Тизи-Визи выкрикнут слово "культура", еще не поможет для обороны этого понятия. Лучше кривляться в Джиттербаге, нежели приложить силы на оборону Культуры.

И еще доброе сведение. Посылаю Вам резолюцию конференции Ассоциации Индийской Культуры, бывшей в Калькутте 18 Апреля. Вполне оценили наши труды по сохранению культурных ценностей и единогласно присоединились к нашему Пакту. При этом не забудем, что предложение исходило от председателя конференции пандита Амарнат Джа — вице-канцлера Атлахабадского Университета — он сейчас самый выдающийся ученый, так же, как и Радхакришнан в Бенаресе. Фогель может включить все их постановление. Таким образом, и Исторический конгресс в Аллахабаде, и Нагари Прачарини Сабха[119] в Бенаресе, и "Маха Бодхи" в Калькутте, и лучшие умы

Индии присоединились к Пакту. В "Заре Индии" (Вы должны получать ее) начались ежемесячные статьи Санджива Дев, посвященные Культуре. Вероятно, "Заря Индии" будет одним из ашрамов нашего Пакта. Ценно видеть, как сплачиваются культурные силы. Конечно, и вредители не дремлют. Ну, да вечна эта битва Света и тьмы. Поборемся.

Шауб-Кох известил меня, что Комитет Культуры в Буэнос-Айресе и Аполлонианское Общество в Гетеборге (Швеция) избрали меня почетным членом. Прилагаю адреса — Вы пошлете им книгу "Знамени Мира". Шауб-Кох будет рад Вашему избранию. Пусть Фогель помянет его в книге, там же, где и Тюльпинк помянут. Вот к Бельгии, Португалии, Голландии, Польше, Австрии прибавится еще Швейцария. Разновидны и бурливы повсюду условия жизни. Илья писал, как сложно сейчас в США. При всем спокойном воззрении он полон беспокойства.

В книге Фогеля я бы так сказал о предвоенном и военном периоде Знамени Мира:

"Уже с 1936 года, в годы предвоенных треволнений, деятельность друзей Пакта невольно оказалась сокращенной, а со времени войны во многих странах культурные возможности были пресечены. Но это не значит, что деятели "Знамени Мира" умолкли. Воззвание Н.Р.[120] на второй день войны обошло многие газеты и журналы, побуждая к заботам о культурных сокровищах. Отголоски зазвучали в прессе, и друзья лишь ждали день, когда опять можно приняться за широкую деятельность. К сожалению, многие друзья за время войны ушли от нас — смерть унесла Метерлинка, Зулоагу, кн. Святополк-Четвертинскую и многих, о кончине которых мы с печалью постепенно узнаем из разных стран. Деятельный К. Тюльпинк не только сохранил учреждение в Брюгге, но и развил новую полезную работу. Выросли новые связи в Португалии, Голландии, Польше, Австрии, Швейцарии. В АРКА появилось воззвание Н.Р., призывающее к усиленной охране культурных ценностей. Комитет Пакта в Нью-Йорке работает под председательством Д. Фосдика, избраны новые почет[ные] советники: проф. Мадахил в Португалии и проф. Шауб-Кох в Швейцарии. Р. Фонтес избран делегатом для Португальских колоний. К.П.П. Тампи в своей книге "Гурудев" отвел Пакту и Знамени Мира весьма значительную главу. Санджива Дев посвящает Пакту пламенные статьи. В Дели Р. Ренц издал брошюру "Пакт Р".[121] вызвавшую благожелательные отзывы в печати. Зина Фосдик печатает свою звучную статью "Мир через Культуру". В печати находятся две книги Н.Р. "Химават" и "Героика", в которых главы посвящены Знамени Мира. Р. Фонтес в своей новой книге на португальском языке отмечает

значение Пакта. Таким образом, в деле развития Пакта наступил новый период. Жаль, что затрудненность и медленность почтовых сношений мешают узнавать многие показательные данные о Знамени Мира и пополнять библиографию". Наверно, найдутся и еще полезные сведения, пока книга будет печататься. Так общими усилиями сложится очень нужная памятка. Р. Ренц (из Дели) выслал Вам пакеты брошюр. О получении известите меня, ибо он меняет адрес.

Газеты полны самыми странными сведениями. Сообщают, что Трумэн пригласил Сталина читать лекции в Университете Миссури. Сообщают, что из тысячи американских солдат в Европе 427 больны венерическими болезнями. Сообщают, что при попойках в Голливуде происходят безобразные драки, кончающиеся госпиталем. Множество страннейших сведений. Римляне говорили: "ниль адмирари" — ничему не удивляйся. "Тайм" сообщает, что некий тип купил очень дорогие сигары, застраховал их в большую сумму, выкурил и потребовал страховку, ибо сигары были уничтожены огнем. В суде дело было выиграно и страховое общество уплатило страховку, но арестовало этого типа за поджог. Чем люди занимаются! А суды-то каковы! Леди Ас-тор при отъезде из Америки, теснимая репортерами и фотографами, наконец, закричала: "Гудбай! Ю хоррорс!"[122] Вот Вам и мирное время.

Умеет ли человечество обращаться с высоким понятием мира? Тем более нужно искать сотрудников на культурном поприще. Не вся же молодежь только мечтает о "гуд тайм"[123] Было бы чудовищно помыслить, что молодежь уже не хочет преуспевать геройски. Недавно московское радио передавало предсмертное письмо Павлова к молодежи. Какие простые и чудесные заветы. Сказали, что это письмо вручается вновь поступающим студентам в некоторых университетах Америки. Прекрасный обычай! Кто ввел его? Первомайский парад в Москве принимал маршал Рокоссовский. Как звучно принимали войска и народ любимого героя. Хорошо, что 1 Мая радиопередача была довольно ясная.

Еще один наш доброжелатель скончался — Кейзерлинг. Последнее время Е.И. беспокоилась за Мишу нашей Валентины. Оказалось — не без причины. Миша где-то прыгнул неудачно, образовалась грыжа и потребовалась операция, сошедшая удачно. Как верны во всем ощущения Е.И.! Валентина прислала два письма Булгакова к ней. По-прежнему он — друг, но сложно живется у них. Писать сюда, видимо, затрудняется, и я ему не пишу. Должно быть, так же, как во Франции, какие-то местные условия препятствуют. Пусть изживается накипь войны.

Англ[ийские] газеты сообщают, что секретарь УНО Ли не был пять лет в кинема, а я не был пятнадцать лет, а Е.И. не была с 1923 года. Подумаешь, чем заполняются газетные листы — и это в дни величайшего мирового напряжения, когда происходят четыре важнейших конференции!

Я послал Морису в Санта-Фе вырезку из Вичита. Напишите ему, может быть, ему удастся поместить нечто подобное в местной газете или в Альбукерке. "Китаб Махал" предложил для книги "Герои" новое название — "Музыка сфер", но по-английски этот титул звучит безобразно длинно, в пять слов. Таких длиннющих названий у меня никогда не было. Взамен я предложил "Героика" — оно напоминает о нашей любимой симфонии, и у меня была сюита того же имени. Посмотрим, на чем решим.

Попросите Инге послать нам еще три книги "Звериный стиль". Здесь есть спрос на нее, а на ферме книги без применения. В журнале "Хиндустан" — моя статья "Гуру", в ней много говорится о Куинджи и его учительстве. Молодым художникам и студентам не мешает знать его суровые суждения. Всюду нелегко, и молодежь должна быть готова к преодолению невзгод. К.Хелин прислала десять экземпляров своего журнала, так что Вы можете более не посылать его. Если Вы теперь с ними в переписке — скажите, что я их благодарю за эту присылку. У нас опять засуха — просто беда! Урожай очень слаб. Фрукты и овощи погибают. А тут уже вредители-обезьяны пришли, а за ними дикообразы пожалуют — уже не говоря о воронах и сороках и прочих налетчиках! Как здоровье Фогеля? Непонятно, почему он, будучи врачом, так запустил болезнь. Бедная Марина — тяжела ее судьба. Вот и у Жина осложнения. Печально, если и в Красный Крест проникают интриги и политиканство. Вообще, вся атмосфера — больная, зараженная. Вы правы, являя осторожность с двумя "психологами" — под овечьей шкурой многое может скрываться — понаблюдайте. Жаль, что жена Уида не разделяет его взглядов. Грустно видеть такие разделенные семьи. Опять приходится поминать "труизмы", не примененные людьми в жизни. Истина забытая, непримененная, не есть труизм, но неосознанная необходимость! Много в мире СОС! Сердечный привет друзьям.

15 мая 1946 г.

Публикуется впервые

Вестники

Дорогая наша В.Л.

На красивом озере Вы сейчас живете. Все эти места нам знакомы. Были мы там, когда еще виз не требовалось и хозяева еще не просили гостей не задерживаться. А теперь гостеприимство скончалось. Всюду голодные и злобные зубы. Каждый день вместо упрощения всюду осложнения. И весь этот смертоносный смерч — от недостатка Культуры. Отдельные взлеты науки высоки, но общий уровень сознания низок. Даже при всем оптимизме чуются мрачные пропасти. Но во время экспедиций мало ли пропастей мы миновали, зато и на многих вершинах побывали. Сколько было нежданных добрых знаков!

Вот прискакал в наш стан роскошно одетый монгол. Наскоро предупредил о готовящемся нападении голоков и ускакал. Кто он? Незнаемый друг. Откуда? Почему спешил предупредить нас об опасности? Никто никогда не узнал. Много было неожиданных вестников. Не случайно моя первая картина была "Гонец", и с тех пор всякие "Вестники" — моя любимая тема. А в пути, в постоянном движении "Вестники" особенно разновидны. Во всяких одеждах, во всяких головных уборах, но с тою же улыбкою добра.

Вот и Вы двигаетесь, и везде замолвите весть о Культуре, о мире, обо всем, чем жив дух человеческий. Нужды нет размышлять, куда упадет зерно Вашего посева. Не знаем, где истощилась почва, а где таится скрытая плодоносность. Пусть кто-то говорит о "труизмах". Человечество так болеет сейчас, что каждая весточка о добротворчестве уместна. Не только уместна, но звучит как спешный СОС. Особенно сейчас такие ободрения необходимы. Почтовые сношения опять ухудшаются. Ох, чуется, что письма "читаются". Много писем теряется — не меньше, если не больше, чем во время войны. Точно бы и теперь война, хотя и видоизмененная. А клеветы-то сколько! А вредительство — во всех оперениях.

Знаете Вы все это, и болит сердце. Но, вздохнув, опять беретесь за плуг на каменистой пашне Культуры. Каждый день хоть что-нибудь полезное должно быть сделано. И в этом сознании утишится печаль и даже блеснет радость. Недавно в Хайдерабаде оголтелая толпа мусульман сожгла "Шах Манзил", а там были и мои и Святослава картины. Кто знает, что еще может случиться. Вот и перестаньте говорить о вандализмах! Нет, человечество еще не прочь заняться вандализмами. Миллионы лет прошли, а вандалы живы! Увы, твердить о вандализмах не

есть "труизм", а вопиющая необходимость.

Так-то, наш милый вестник, всякое слово о Культуре нужно, как никогда.

20 мая 1946 г.

Публикуется впервые

Взлеты

Высоки взлеты науки. Странно подумать, что многим областям познания едва ли исполнилось сто лет. Сколько мучеников науки запечатлелось в течение веков! Сперва жгли на кострах, потом подвергали психическим пыткам. Да и теперь везде ли освобождена мысль? Свободно ли творчество? Нет ли прорыва между верхами и низами? Такие расселины могут задерживать караван!

Велик Ленин в своем приказе: "Учиться! Учиться! Учиться!" Велик он в призыве к движению, к вечной диалектике. Эта подвижность, бесстрашие, одоление невежества есть завет истинного созидателя. Мир в его вечном становлении, в неудержном движении изучаем с точки зрения диалектики. Ничто мертвенное не должно омрачать понятие жизни.

Да, наука устремляется к открытию новых подходов, к понятию пространственных энергий. Солнечные пятна, спектроанализ, астрохимия уже не алхимические "бредни", но данные научной лаборатории. Невежды уже не назовут овладение атомной энергией безумными фантазиями. Уже не будут глумиться над возможностью жизни на планетах. Не скажут мертвое слово о том, что "все уже найдено".

Народные множества уже преодолели суеверия, а ведь их много было и среди цивилизованных дикарей. Самое ужасное зрелище являет цивилизованный дикарь, отрицатель, вредитель всего молодого, устремленного к новым исканиям. "От каждого — по способности, каждому — по надобности". Такой завет не поймет дикарь-запретитель. Он знает лишь ограничения, запреты. Его словарь начинается с отвратительного "нет" и зовущее "да" не входит в его мышление. И машинно его мышление. Он накрепко запер себя на какой-то подробности и заслонил свет неустанного свободного познавания.

Разве о труизмах говорим? Какие там труизмы, когда Земля трещит под дикарской ступнею. Счастье, если бы уже можно было назвать цивилизованного дикаря труизмом. Но увы! Не труизм он, но труп повапленный, хотя бы и надел фрак. Прежде почему-то хоронили во фраках, да еще с орденами.

Но обратимся к великому кличу Народа Русского: "Учиться, учиться, учиться!". Отметем все гнилое и охраним все прекрасное. Чудесные взлеты науки уже не будут отдельными взлетами, но обратятся в дружный вихрь блестящего преуспеяния. Народ Русский привык побеждать. Герои высоко подняли Знамя Победы. Никто не отнимет его. А за ним развевается Знамя Мира, Знамя

Культуры, и герои труда в подвиге укрепят стяг всенародный. Экое славное русское слово "подвиг". В нем и движение, и творчество, и преуспеяние. Именно Русскому Народу довлеет подвиг.

24 мая 1946 г.

"Вокруг света". М., 1972, № 3

Оптимизм

Прилетели Ваши вести от 25–29 Апреля и от 9-15 Мая. В них и радостное и грустное. Радостно, что у Вас побывал Г. и обоюдное впечатление осталось доброе. Пусть бы поскорей все оборачивалось, а письмо-то так и не дошло. Скажем себе — пока не дошло, а если оно вообще кануло в бездну?! Зина совершенно права, отмечая, что враги куда подвижнее, нежели друзья. Выпад против "Вичиты" очень показателен, ну да и Вы знаете, что и как возразить. Главное — чтобы в пространстве было шевеление. А что касается до гнусного злопыхательства о налогах, то всем известно, что никто, ни Берд, ни Андрюс, с экспедиционных сумм не платили, а кроме того, Хорш, заведовавший моими делами, по приезде моем в Нью-Йорк в 1929-м уверял меня, что все в порядке, о том же подтвердил и налоговый департамент. От 1929-го до 1935-го все было в порядке, а потом Хорш с "покровителем" сочинили мерзкий донос. Преступники благодушествуют! Вот Вам и суды и справедливость! Прискорбно, если некая публика предпочитает иметь мерзавца "покровителем" — этим путем страны докатываются до беды. Можно впасть в бедствие, а как из него вылезти?!

О возобновлении здесь журнала "Фламма", к сожалению, и думать нечего. Кроме всего прочего, теперь из-за недостатка бумаги не дают разрешения на новые журналы. Но все же Жин мог бы возобновить сношения с прежними членами "Фламмы". Можно бы послать им циркулярное письмо с напоминанием о том, что в выпусках "Фламмы" был отдел "Знамени Мира", а теперь в Нью-Йорке работает Комитет под председательством Дедлея, и, может быть, они будут заинтересованы в успехах этого Комитета. Скоро, мол, выйдет книга, изданная Комитетом, и члены "Фламмы" имеют скидку (какую, решите). Конечно, в Ригу, во Францию, в Китай такой циркуляр послать нельзя, да и адреса теперь неизвестны. Но в общем такое пробуждение друзей было бы полезно и показательно. Будем оптимистами и предположим, что какие-то фламмисты могут возгореться из-под пепла. Во всяком случае, такой культурный налет своевременен и можно не упускать хороший случай. И агни-йогисты могут получить такое письмо. Ведь в "Иерархии" много сказано о Знамени Мира. Пусть движутся мысли, авось кто-то и проснется. Как полагаете? Думается, и Хелин (Лос-Анджелес), и Росс (Мадисон), и другие корреспонденты могут зашевелиться. Кроме того, "Фламма" как культурная ассоциация не есть только журнал, но единение на пользу Культуры. Вместо журнала иногда могут быть даны

маленькие брошюры. Конечно, все члены "Фламмы" уже имели Конлана в журнале, а то в письме можно бы помянуть о втором издании. Книга еще имеется, и если нужно, ее можно выслать.

Кстати, непонятно, как мог произойти чрезмерный вес? 25 экземпляров были посланы в трех пакетах, и до отправки их взвешивали и приняли на почте. Спасибо большое за хлопоты о холсте. Будем ждать образцы и известим, на чем решим. Поразительно, что во всем мире нельзя найти самый простой, суровый холст. Наука высоко взлетела, а обиход обнищал. Надолго ли? Вы поминаете какое-то общество русских артистов. Непременно узнайте, что оно такое, кто там, кто во главе, какова программа? Такие сведения очень нужны. Могут быть полезные сношения. А если что-то отрицательное, то и это необходимо знать. Великое дело "знать". Не говорили ли Вы с Симоновым — очень ценим его дарование. Не встретились ли с Галактионовым? Хорошо, что АРКА послала приветствие советским писателям. Текст его можно включить в следующий отчет. Такое сердечное слово часто ценнее всяких многолюдных сборищ. Сборище разойдется, а добрый привет у каждого останется у сердца. Так можно поступать и в случае будущих приездов. Большое спасибо за папки — наконец, дошли. Больше не посылайте — увы! для работы совершенно непригодны. Удивительно, насколько все производство делается непригодным.

Спасибо и за письмо для д-ра Кала. Увы! Ваши сведения не только огорчительны, но и вразумительны. Они пригодятся здесь для многих. Люди совершенно не разбираются в действительности. От многих слышим: "Поеду в Америку!". А зачем, как, куда — это их не интересует. Но теперь еще требуется 5000 долларов, иначе говоря, 20000 рупий — это многих охладит. Странные люди — не верят, что и в Америке трудно живется. Спасибо за письмо из Мадисона. Я не знал, что "Канченджунга" у Брадлея — они хорошие люди. Видимо, С. Росс хочет купить "Гималаи", ведь эта книга еще была у Вас в нескольких экземплярах. Что Вы ей послали? Замечаем, что письма опять начали "читать". Потому-то и теряется многое, вот Вам и мир. Только что узнали, что одно письмо от ТАСС из Дели не дошло до нас. Но ведь только случайно узнаются такие пропажи, а сколько полезных сношений таким образом пресекается!

Опять письмо из Линца, прошедшее многие цензуры. Удивительно, что люди, даже хорошие люди, не чуют, что почтовые подцензурные сношения невозможны. Опять мечты о построении института, об издании своей газеты и всякие заоблачные мечты. Но возможно ли все это сейчас? Откуда средства? По всем сведениям прессы, положение в Австрии очень

смутное, а по этим письмам — "благорастворение воздухов"! Лучше бы они ограничились идеями Знамени Мира. Это своевременно и неприятностей не принесет. И особой газеты не нужно, ибо в любую печать идея Знамени Мира и Культуры может иметь доступ. А всякие "однодневки"-мотыльки, умирающие при закате, не принесут пользу. По всему чуется, что в Европе оздоровление придет еще не скоро — всякие избрания, свержения, недомолвки, преступность залечатся не скоро. И везде "царь-голод"!

Очевидно, происходит у Вас недоразумение с Ренцами. Их два. Один Роман Ренц из Китая, музыкант, бывший в Дели (теперь в Кашмире). Он послал Вам брошюры. Другой Алексей Евгеньевич] Ренц, рижанин — сейчас в Линце. Он писал об институте, газете и прочих мечтах. Мы его никогда не видали. О какой картине говорит дочь Сутро? Насколько помню, у Вас две — "Звезда героя" и "Оттуда" (вестник идет через поток) — обе совершенно не подходят под описание из Вашего письма. Картина, помянутая Вами, называется "Гималаи" (с Канченджунгой) и меньшего размера, значит, не "Звезда героя" и не "Оттуда" (фром бейонд), а нечто иное. Совершенно не помню такой — с вершиной Канченджунги, с синевой. Относительно "Торчберерс" посмотрим, во что журнал выльется. Уж очень много "эфемерид". Вот был неплохой журнал "Искусство и Культура" и вдруг прекратился. "Наша Индия", уже объявленная — замерла. Еще был объявлен художественный журнал "Сильпи", но разрешение не было получено. Видимо, повсюду все культурное пробивается с трудом. Книга Тампи "Гурудев" вся разошлась, теперь он ищет возможность сделать третье издание. Трудно живется писателям. Любопытно, что Шкл[явер] не ответил Вам и Юрию. Положительно, во Франции что-то неладно. Иногда кажется, что письма вместо почтового ящика летят в пропасть. По многому судя, теперь должен приехать представитель. Мало ли что думается, даже предполагается, что и письмо должно когда-то дойти. Оптимизм! Иногда так ждешь, точно бы сила ожидания подгонит посылку. Ждешь и знаешь, что все придет в лучший час. Знаешь и все-таки ждешь. Часто ждешь одно, а на деле оказывается, что ждалось нечто другое, может быть, даже лучшее. Все будет, как нужно. И Вы ждете движение воды, и где-то в глубинах оно уже происходит.

Любопытно, существует ли Музей имени Д.В. Григоровича и наша Школа? Школа была как Народная Академия самая доступная, самая демократическая. Со многими славными именами была неразрывно связана Школа: Репин, Верещагин, Куинджи, Самокиш, Ционглинский, Лансере, Билибин, Щусев,

Щуко, Рылов, Химона — все в анналах Школы. Не слышим о ней сейчас, но в московских газетах мелькнуло сведение о восстановлении Строгановского Училища в Москве и Школы барона Штиглица в Ленинграде (она не была связана с большими художниками). Не может быть, чтобы старейшая Школа, давшая прекрасных деятелей искусства, была бы разрушена. Кто мог бы отважиться на такой вандализм?! Может быть, Школа переименована во время мании переименований? Не верится, чтобы истинная Народная Академия была разрушена, уничтожена.

Утром слушаю Московское радио. Об Америке любопытные сведения. То сенатор из Флориды говорит в пользу русского народа, то речи на собрании 18 Мая, то хорошая статья передается, устыжающая раздувателей конфликта. При этом всегда думаю о Вас, полагающих столько энергии на пользу взаимопонимания народов. Не пропадут семена АРКА, и она останется как арка добротворчества. А вандалы всех видов размножаются на позор человечества. Борьба с ними есть долг Культурного деятеля. Вот и 1 Июня, а письма нет. Несносны эти годовые и полугодовые темпы. "Улита едет — когда-то будет?" Мало ли пословиц можно припомнить! Люди привыкают ко всяким откладываниям, отложениям — точно бы время не ценно. Исайя Боуман утверждает, что Земля — плосковатый сфероид. А тибетский лама пишет Юрию: "Кругла или плоска земля, но жить на ней стало плохо". Радоваться Вам всем!

1 июня 1946 г.

Публикуется впервые

Письмо

"Ах мой сизый голубочек,
Ты несешь ли мне письмо?"

Голубочек не летит. Никакого письма нет-как нет. Не думаю, чтобы Г. считал это нормальным. Если письмо было, то значит оно где-то исчезло. Не могу же я писать неизвестному мне лицу: "Земля слухом полнится, что вы писали мне какое-то письмо". Кроме смеха, такое обращение ничего не возбудит. Пришли два письма от Магдалины, как всегда, сердечные. Напрасно она считает свое выступление ошибкой, напротив, оно дало полезное следствие и показало, чем оперируют преступники. Ответ ее очень хорош. Отлично отмечена преступность Хорша с налогами. Ведь он вносил налоги и распоряжался моими деньгами. Не забудем, что Хорши и их шайка ненавидели все русское. Это не должно быть забыто в деле их преступления над русским музеем. Да, да, именно против русского дела. Какие множества ненавидящих все русское! Множество завидующих Русскому Народу! А что может быть гнуснее зависти, клеветы. Если Магдалине удастся и еще где-то протолкнуть правду — спасибо ей большое. Сделайте особую папку и сложите в нее всю эту переписку и две статьи — из "Либерти" и из "Вичиты". И мы так же сделаем — ведь это история и когда-то кому-то она очень пригодится. Как бы вдохнуть Магдалине мужество и веру в себя! Самовнушение и здоровье поправит. Главное, чтобы не свыкаться с мыслью о болезни, о непреодолимости чего-то. Все преодолимо, если дух в себе победил препятствия. И помощь приходит, когда ей врата открыты. Всякое уныние должно быть изгнано, ведь за ним ползет и змея сомнения — ядовитая тварь.

В Индии широко перепечатана статья Перль Бека из "Воскресного Нью-Йорк Таймса" (Вы, наверно, ее читали) о ненависти к американцам во всей Азии. Печально, что такие статьи появляются, и еще печальнее, если они имеют основание. Конечно, когда всякие "покровители" и их приспешники Хорши позорят нацию, то всего можно ожидать. И инфляция может поднять свое ядовитое жало. Если не читали статью Перль Бека — прочтите. Вообще, и пресса и радио дают мрачный материал для размышления. Оповещаются нередко такие намеки, что право не знаешь, где черта между выдумкой и прискорбной истиной?!

Что же это такое? Перед нами большая бомбейская газета "Воскресный Стандарт" № 500. На первой странице крупный заголовок: "Янки-террор в Европе". Затем идут выдержки из американских газет о вопиющих безобразиях американских войск

в Европе. Грабежи, убийства, насилия — целый мрачный синодик самых недопустимых преступлений. Какие же меры принимаются против такого аморального состояния двуногих? Ведь эти зверюги позорят всю нацию. Никакими банкетами и многотысячными приемами не прикрыть мрачную молву, обежавшую весь мир. С одной стороны, раздача зерна, а с другой — безобразия. И разве не нашлось порядочных дисциплинированных солдат для оккупационных отрядов? А где же офицеры и генералы? На той же странице и тоже из американской прессы сообщение о возрождении Ку-Клукс-Клана и о принадлежности к нему Президента Трумэна. Разве это возможно? То снимут Трумэна у ног голливудской дивы, то произведут в Ку-Клукс-Клан! Возможно ли? Допустимо ли?

А тут еще всюду печатают, что Америка изобрела человекоубийственную атомическую пыль неслыханной силы. Давно ли ругали немцев за газы и бациллы? Криво в мире пошло. Каждая газета — какой-то обвинительный вердикт человечеству. Так и перед войною крутилась какая-то бешеная сарабанда. Все предостережения, сказанные тогда и сейчас, должны быть повторяемы. Аксиомы и труизмы опять стали новыми, нерешенными. Толстые журналы говорят все о том же, ибо опять память человеческая нуждается в освежении. "Не умрем, но изменимся", — сказало две тысячи лет и много больше тому назад. Между тем по-прежнему недоуменно рты разеваются. Или "Атлантида" — десятки тысяч томов о ней написано, но по-прежнему двуногие считают ее сказкой. Всегда истина менее правдоподобна, нежели выдумка. Суды скорее воспринимают ложь, нежели правду. Овидий сказал: "Слушать клевету — проклятие, но не возразить на нее — еще хуже". Так-то.

Еще одно показательное газетное сведение. Европа наводнена биллионами фальшивых денег. Бедная фальшивка Европа! Спрашивается, как освободить народ от таких фальшивок? Ведь не все же проходит через банки. И сколько опять невинно страдающих. А здесь все ловят вооруженные шайки. Только что в Калькутте поймали злодейскую организацию — 32 англо-индийца и один китаец. Прилетело письмо Валентины. Она уже должна уехать из Швейцарии — двухмесячная виза кончилась, а продления никому не да ют. Опять она, бедная, на городскую картошку. Опять ее Миша чуть не убился — упал со скалы. Печалуется об ограниченном кругозоре окружающих. Да, даровитому интеллигентному человеку везде нелегко. А письма так и нет. Только подумайте, что письма нет. Пишет один хороший инженер: его мать-старушка приехала сюда из Шанхая. Перед отъездом хотела взять сов[етское] гражданство, но ей

сказали в брит[анском] консульстве, что в таком случае ее виза будет отнята. Странные эпизоды между союзниками. Весьма показательно и прискорбно.

Поминаю все это, чтобы еще раз подтвердить, насколько сейчас трудна культурная работа. Московское радио передавало хорошие речи на митинге в честь советских] писателей в Мадисон Сквер. Было много приветствий. Наверно, АРКА тоже посылала — сердечный привет всегда хорош. Наверно, послали трем писателям отчеты АРКА за 44 и за 45-й годы — полезное осведомление. Кстати, когда Гус[ев] надеялся иметь сов[етскую] выставку? Хорошо бы связаться с Мексикой (через Мек. Консульство) и двинуть туда выставки ре продукций, а потом, может быть, и выставки оригиналов. Если верить газетам, Мексика теперь самая богатая страна и в ней двадцать шесть тысяч миллионеров и шесть тысяч мультимиллионеров. Пожалуй, и Америку перегнали. Не знаю, может быть, в Мексике искусство вообще не нужно, но все же, если удастся сделать что-то полезное — пусть оно будет сделано. Опять слышали мы, что с Францией до сих пор невозможно установить нормальную переписку. Наверно, и всякие культурные дела там трудны. Писала Дэвид Ниль, что хочет вернуться во Францию, а проезд не достать. Все затруднилось.

Послал еще письмо Татьяне Григорьевне в Москву по прежнему адресу. Может быть, она уже переехала куда-нибудь? Уже целый год полное молчание. "Тайм" сообщает, что Америка наводнена астрологами — десятки тысяч! Даются сроки событий, смерть деятелей и всякие пророчества, конечно, до биржевых сделок включительно. Да, астрология — многозначительная наука, если она в руках истинных исследователей. Но много ли настоящих астрологов среди тысяч, прорекающих за вознаграждение?! То волна астрологии, то волна Ку-Клукс-Клана — какие-то бурные волны.

Пришло за подписью Катрин хорошее письмо АРКА за Март. В том же пакете чепуха так называемого "тибетца". Также пришло отличное письмо к членам "Агни Йоги". В той же почте сумасшедшее письмо какого-то Дикгофа — по-видимому, душевно больной. Из С. Луи Турнер пишет, что покупает у Брентано "Гималаи". Почему не от Вас? Верно, не знает, что у Вас еще имеется эта книга. Другие книги он покупает от Вас. Сохранно пришли 5 книг "Звериный стиль". Нет ли у Вас "Основы буддизма" и "Флэм ин Чалис" (англ.)? Если есть, пришлите по парочке. А письма все нет, и что-то надо предпринять или смирно ждать. Вот мы торопимся, а бывают люди, не знающие торопливости. Может быть, я Вам уже говорил о курьезном

эпизоде в Лондоне. В 1920 году мы жили на Кюин Гэт Террас. Каждый вечер в послеобеденные часы из дома напротив через улицу раздавались унылые звуки флейты и неудачный музыкант никак не мог преодолеть один трудный пассаж. Нам он порядочно надоел своей злосчастной настойчивостью — каждый вечер одно и то же. Через десять лет в 1930 году мы опять были в Лондоне. Захотелось побывать у нашего прежнего жилья. Пошли вечером и — о, ужас! Услышали ту же флейту и с тем же фальшивым пассажем! Вот пример терпения. Надеюсь, мы не будем подражать ему в деле с письмом. Где же оно, наконец!

Санджива Дев женится. Надеюсь, эта перемена не отвлечет его от культурной деятельности. Наш давний сотрудник Р. Тандан имеет домашние осложнения, покидает Аллахабад и не может быть секретарем нашего Центра Культуры. Жаль, но ничего не поделаешь — такова жизнь. Прилагаю отрывок одного моего письма. Для Вас оно любопытно как страница к истории вандализмов. Да, активные и пассивные вандалы должны быть громко и сурово осуждены. Вандализм — не труизм, если такая мерзость и посейчас происходит. Как здоровье Фогеля? Теперь он уже мог оправиться, но, вероятно, должен быть строг в своей новой диете. Книга "Знамя Мира" даст движение вод. Пусть она пойдет по новым каналам, минуя старые иссохшие канавы — так лучше. Прислушайтесь, нет ли где выпадов со стороны грабителей. А поверх всего — привет друзьям. Сердечное: "Радоваться Вам!"

15 июня 1946 г.

Публикуется впервые

Грабарь (20.06.1946)

Дорогой мой друг
Игорь Эммануилович,

Большая радость была получить Твою весть от 24 Февраля. Действительно, почтовые сроки как будто сокращаются — давно пора. Дошли ли два моих воздушных письма? Хочется проверить, насколько "воздух" ускоряет сношения. А то скучно через Америку переписываться — почти кругосветное путешествие. Читали и перечитывали Твои вести. Вокруг лампы с красным абажуром разглядывали фото. Спасибо за семейные сообщения. Привет, сердечный привет Вам всем от нас всех. Славная у Тебя дочка, как теперь ее фамилия? Когда пошло второе да третье поколение, то и имена изменились — встретишься и не признаешь, где она — ниточка связи. Кто же — внучка или внук? Хорошо, что Мстислав — математик. Великое искусство — высшая математика. Нет ли более четкой фотографии? Сколько воспоминаний связано с Абрамцевым, а теперь еще и Твоя дача. "Здесь живет и работает". Много творишь Ты, много чего охранил, спас. Много вложил в народную скрыню. Исполать Тебе на всех творческих путях! Какая там старость, когда работа кипит, идет стройка.

Вот теперь Ты запечатлеваешь двухтомного Серова. Никто, кроме Тебя, не смог бы это сделать. А для народа нужно сохранить верные черты славного художника. Иначе время создаст выдумки, и правда уже не восстановится никогда. Честь и слава правителям, уделяющим такое внимание народным сокровищам. Прежде не бывало этого. Помню, как мне довелось хлопотать о пенсии Врубелю, о мизерной пенсии, и сколько преград встретилось, и нелегко было обороть их. Можно бы записать длинный плачевный синодик. Облик Серова может очертить лишь тот, кто его знал, кто понял его сокровенную природу. Именно Ты знал его, знал достоверно.

Мы всегда вспоминаем дни, когда он писал портрет Елены Ивановны. Писал он долго. Много было набросков (где они?). Все время после сеансов мы долго беседовали за чаем, и тут мы полюбили Серова, не только великого художника, но и великого человека. В нем жила истинная честность. Она делала его осторожным в тех случаях, когда он был не уверен в чем-то. Но если он распознавал нечто подлинное, ценное, он становился несломимым другом и поборником. На него можно было полагаться — не изменит. Безвременная потеря его была тяжка для художественного мира. Гораздо тяжелее, нежели многие думали. Нельзя говорить только о великом мастере — Серов был

тем светоносным маяком, куда обращались глаза и ждалось сочувствие и ободрение. Молодежь верила Серову, а этот суд праведный. И как нужен был В.А., когда грозили расколы и взаимоосуждения! Молчит, молчит, пристально смотрит, да и скажет. И кто-то устыдится преждевременного суждения. Благо, что в истории русского искусства были такие светоносцы.

В.А. очень интересовался темперой. Узнав, что я пишу темперой Вурма (Мюнхен), просил дать ему набор на пробу. Видимо, темпера понравилась, и я неоднократно для него ее выписывал. Также ему понравились мои цветные холсты, дающие звучный фон. Увидав подготовленный синий квадратный холст, В.А. воскликнул: "Вот бы мне такой сейчас пригодился!" Говорю: "Берите". Вот откуда синий фон его знаменитого портрета. Вурмовская темпера недолго существовала — с войною фабрика или вообще прекратилась или переделалась на военные цели.

Не знаю, где теперь портрет Елены Ивановны. Был он в собрании Брайкевича в Лондоне. Писали, что по смерти его собрание поступило в Тэт'с Галери. Я недавно писал туда, и мне ответили, что перед войной были переговоры, но они не закончились, и теперь о собрании Брайкевича ничего не известно. Жаль, а может быть, и хорошо. Искусство — великий странник и благословенны пути его.

Очень бы Тебе пригодился репинский портрет молодого Серова — отличный рисунок лучшего периода из собрания Тенишевой. Он был у меня в Париже, а где теперь? Почему-то почта с Францией совсем плохо действует. Мое воздушное письмо в Алжир шло пять месяцев — куда же дальше?!

Радовались мы Твоему описанию торжественной встречи Коненкова. Радостно слышать, что могучий ваятель был так почтен Правительством. Для народов такое почитание творца всегда будет высшим знаком Культуры, научит и привлечет почитание художества во всех концах нашей любимой Родины. Верхи громко укажут, и загорятся творческим огнем сердца молодежи. Вперед, вперед, вперед! Учиться, учиться, учиться! как заповедал Ленин. Наверно, памятник Сурикову очень удастся Коненкову, так же, как и скульптура для Дворца Советов. Пусть все лучшее объединится во Славу Родины. Также многозначительно Твое упоминание о высокой правительственной оценке деятельности Академии Наук и о внимании к ученым. В таком действии заложен истинный расцвет Культуры. Нигде так не делается, а вот Родина, претерпевшая тяжко от войны, уже полна культурных завоеваний. Слава!

Часто жалею, когда картины, мысленно предназначенные для Родины, остаются на чужбине. Вот и сейчас думалось, что "Ранние

звоны" и "Рамаяна" попадут на Родину, а судьба решила иначе — обе взяты в Музей Бароды. Положим, это лучший Музей и трогательно, когда русская тема остается среди друзей-индусов, но все же жаль. Кстати, что думаешь "квод видетур"[124] о хорошей индусской труппе в Москве? Наверно, индусские танцы очень понравятся. Напиши, что об этом думаешь.

Пробуй писать "воздухом" — уж очень хочется ускорить обмен. На этот раз пошлю и "воздухом" и через Америку (хорошо, что не через луну), а там пусть установится непосредственный обмен. Посылаю статью Юрия "Индология в России" — здесь она прекрасно принята. В первый раз такой научный итог. Многое что можно бы рассказать, но пусть ускорится обмен. О здешних событиях знаете из газет. Пишу, а передо мною вершины Гималаев — на Север, а там Родина. Привет Тебе и всем Твоим, всей великой Руси. Привет Народу-Победителю.

20 июня 1946 г.

Публикуется впервые

Булгаков (24.06.1946)

Дорогой мой друг В.Ф.

Прилетела Ваша добрая весть от 10 Июня — скоро долетела, ведь мы привыкли к длиннейшим срокам. Да, исстрадались Вы и Ваша дочь. Елена Ивановна слезу пролила, читая о пытках. Не люди, а звери — хуже зверей. И сколько этого фашистского сора еще ползает! Сколько скудоумцев и злоумцев не понимают, какую мировую героическую жертву принес Великий Народ Русский, Народ-Победитель. Радуемся Вашей светлой оценке советского] строительства, ибо мы живем тем же сознанием. Великое несломимое будущее дано Народу-Труженику и Строителю. "Когда стройка идет — все идет".

Думается, придете Вы в Ясную Поляну, в гнездо Великой Мысли. Сколько ценного можете Вы натворить и широко послать по всей целине необъятной! Вот Грабарь пишет о глубоком внимании правителей к Академии Наук, к ученым, к учителям. Только что получили от него письмо с этими ценнейшими сведениями. Из ТАССа получаем газеты и следим за новыми достижениями. Немало удалось здесь поработать во славу русскую за эти годы, и такие посевы нужны безмерно. Народы во множестве своем верят сов[етскому] строительству, и молодежь ждет ободрения и светлого напутствия. Не отрывы, но душевное единение спешно ждется, и каждое ласковое ободрение — как посох верный.

Только теперь налаживаются почтовые сношения, а то годовые и полугодовые сроки и пропажа писем были отвратительны. Впрочем, и теперь многое исчезает. Ваши письма мы не получили. Понемногу выявляются друзья в разных странах. Многие уже в лучшем мире, много весточек от незнакомых, но из Риги — ни звука! Это тем более странно, что Кирхенштейн был хорош с некоторыми нашими друзьями. Из Франции совсем скудные вести, из Югославии — ничего. В Бельгии все сохранилось и даже добро развивается. Где молчание, там и мы не трогаем — мало ли, какие могут быть местные условия. Хорошо, что Вы встретились с Вален[тиной] Леонид[овной] — она бодрая и даровитая и поймет Ваши настроения. Мы ее очень полюбили, конечно, заочно, пока не довелось встретиться. В ней столько творческого доброжелательства!

Прекрасно, что укрепилось славянское единение — всегда от школьных лет меня влекло к славянским собратьям. Наверно, или в посольстве или в библиотеке Вы найдете журнал "Славяне" (Декабрь, 1944) — там мой лист "Славяне" — прочтите. Нужно

крепить братское единение, когда теперь все творится народами, множествами. Ренан сказал: "Люди составляют народ благодаря воспоминанию о великих делах, совершенных вместе, и желанию совершать новые подвиги". Вот и дожили мы до всенародных подвигов. Пришел день восхищаться и радоваться и вложить доброхотную лепту в чашу народных преуспеяний. Вперед, вперед и вперед: Учиться, учиться и учиться, как заповедал Ленин.

Мы все трудимся — творим — преодолеваем. Юрий закончил огромный труд "История буддизма" — 1200 страниц. Издается Кор[олевским] Азиатским Обществом в Калькутте. Там же были и другие его филологические труды, а сейчас опубликована его нужнейшая статья "Индология в России". Первый раз сделан такой научный обзор изучения Индии. Пошлю пакетом Вам четыре оттиска — для Вас, для Бенеша, для Яна Масарика, для сов[етского] посла. Вам виднее, кому и как. Святослав сильно преуспел в художестве. Он женился на Девике Рани, самой блестящей звезде Индии в фильмовом искусстве. Помимо великой славы в своем искусстве, Девика — чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый, задушевный член семьи, с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери. Сама она по-прежнему много пишет — вся в работе. Жаль, что теперь невозможно печатать по-русски — все для будущего!

Мои картины множатся. Жаль, когда картины, мысленно предназначенные для Родины, уходят в музеи на чужбине. Впрочем, Индия — не чужбина, а родная сестра Руси. От Москвы было предложение о покупке целой серии моих картин для сов[етских] музеев. Невероятно долго идут письма, а одно очень нужное, видимо пропало. Коли должно, то и сделается. Помните, Вы мудро прикрыли надпись на картине "Св. Сергий". Не сказать же тогда, что дано спасти от немцев. А до Сергиевой Лавры так и не дошли враги, а ведь у порога были. "Св. Сергий", левое крыло диптиха — для цветного стекла. Правое крыло — "Франциск" — в Брюгге. В Америке работают АРКА (Амер[икано]-Рус[ская] Культур[ная] Асс[оциация]), Академия и Комитет "Знамени Мира". Сейчас опять проснулся интерес к заботе о Культурных ценностях. Только что большая Индусская Культурная Ассоциация присоединилась к Пакту. Итак, "пер аспера ад астра", как дятлы, долбим во благо. Сейчас в Нью-Йорке Комитет издает новую брошюру. Неисповедимы пути, но свеча теплится.

Как хорошо, что Вы и сейчас, несмотря на всю работу, пишете книги — ведь они так нужны там, на Родине. Ваши книги у нас на ближней полке. Думается, когда и где мы, наконец, встретимся? Пусть это будет на Родине, куда принесем весь накопленный

опыт. Мне всегда приходилось работать с молодым поколением. Вот и теперь, наверно, по художеству, по Культуре доведется на путях молодежи приложиться. А хорошо быть русским, хорошо говорить по-русски, хорошо мыслить по-русски. Сколько народов слилось в этом необъятном понятии, и вышла дружная семья всесоюзная, победоносная во благо человечества. Каждая Ваша весточка нам большая радость. Чуем мы Ваши сердечные устремления и близки они нам — а это уже сотрудничество, добротворчество. От всех нас Вам всем душевный привет.

Сердечно…

24 июня 1946 г.

Публикуется впервые

Спеши

Прилетело Ваше письмо от 25 Мая. Хорошо, что Гус[ев] понимает, что письмо не дошло. Мы можем утверждать, что оно не дошло, ибо вместе с Вашим письмом пришло из Москвы письмо Грабаря от 24 Февраля. Письмо очень длинное, на девяти страницах со вложением двух фото. Вместо Наггара было написано "Маггар", и все-таки письмо дошло. О гусевском деле нет никаких упоминаний. Очевидно, разные предметы идут по разным каналам. Между прочим Грабарь сообщает, как торжественно встретили Коненкова, привезшего сто больших мраморов и бронз и множество гипсовых форм. Правительство оплатило ему люкс-номера в гостинице "Москва", устраивает ему квартиру с огромной мастерской и завалило заказами скульптур для Дворца Советов и памятник Сурикову. Грабарь сообщает длинный список умерших за это время, пишет о своей выставке, о большой даче, им выстроенной, о своих семейных делах. Обстоятельное письмо. Сейчас он занят двухтомной биографией Серова. Можно порадоваться его успехам. Люблю, когда где-то что-то созидательное творится. Итак, опять будем ждать письмо — должно же оно обнаружиться когда-то!

Теперь о Ваших делах. Очень понимаю Ваши соображения о "Знамени Мира". Пусть оно будет издано, как хотят издающие, лишь бы было достаточно подчеркнуто, что работа не прерывалась. Будет ли это брошюрка или книга — пусть решат жертвователи. Лишь бы память Спенсера была хорошо отмечена и издание вышло бы поскорее. Все события так спешат, что и все желательно в темпе акселерандо[125]. Относительно "Фламмы" я уже писал Вам, что невозможно сейчас восстановить ее, разве послать легкое напоминание, но и на этом не настаивайте. Где уж тут, если Жину приходится думать даже о перемене ведомства. Хорошо, что избрали Шауб-Коха, написали Фонтесу — пусть жизнь теплится. Я послал Вам "Прекрасное Единение" — адрес издателей на книге имеется. Пошлите этой молодежи одобрение — они будут рады. Такие маленькие крылатые ободрения особенно нужны в дни всяких смущений. Вот Вы получили из Германии письмо, а Е.И. получила из Баварии — все неизвестные бедняги. О Ведринской мы больше ничего не слышали. Неплох представитель, который на обеде вегетарианцев ратует за мясную пищу, ведь этак кто-нибудь и каннибализм защитит. Уж эти не холодные, не горячие, но тепленькие, не черные, не белые, но серенькие! Об уроках русского языка можно сказать: если нет сердечного горения, то можно ли ожидать успех? Вообще, если

что-то не живет, то некромантией заниматься не следует. Но, конечно, жаль, если что-то отмирает. Любопытно, что ответят Магдалине из "Маяка", если вообще ответят. У них ведь основы престранные, но не лишенные денежной выгоды. Сейчас столько странного в мире и все так напряжено, что во всем действуйте как можно проще, не истощая сил.

Газеты толкуют, что заместителем Сталина будет Молотов. Это — естественно. Молотов-Скрябин является племянником нашего великого композитора Скрябина. В Москве существует общество Скрябина. Прекрасно, если народ возносит творчество своих славных творцов. Известны широкие взгляды Скрябина. Предполагалось наше сотрудничество по инсценировке его симфоний. Ничтожная неосторожность вызвала отравление и унесла композитора в самый расцвет его творческих сил. Одна из самых безвременных потерь. Жалею и распавшееся сотрудничество с Лядовым. Уже было готово либретто русского народного балета. Но вспыхнула война. Сын Лядова, бывший нашим связующим звеном, убит. Композитор был сражен горем. Всегда тянуло к коллективной работе, а где же она ближе, нежели в театре. Оттуда — Станиславский, Немирович-Данченко, Стравинский, Фокин, Нижинский, Санин. Конечно, коллектив и в архитектуре. Оттуда сотрудничество со Щусевым, Щуко, Покровским, Перетятковичем. Много прекрасных воспоминаний. Только подумать, что из помянутых лишь двое живы, ибо Нижинского и считать нельзя. Щусев действует, а Стравинский как-то примолк. В Москве часто дают Рахманинова — по-видимому, его заграничная жизнь и гражданство не повлияли. По-прежнему нет вестей из Риги, впрочем, наше письмо в Алжир "летело" пять месяцев. Такова почта "мирного" времени.

Сейчас многое приходится ставить в кавычках. Что делать! Во время мирового переустройства, как при всякой большой стройке, люди, как муравьи с потревоженного муравейника, снуют и толкаются. Мы не знаем муравьиного голоса, но, вероятно, их речи многое бы напомнили. Опять пригодилось Ваше письмо о трудных условиях жизни в Америке. Опять люди хотят ехать туда без приглашения — просто так, чтобы погрузиться в великое неизвестное. Пословица: "Везде лучше, где нас нет", действует во всю силу. Многие пословицы припоминаются. Не меньше и крыловские басни. Но таково положение, что даже Крылов — уже не труизм, а нечто совсем новое, будто никогда не слыханное. На многих собраниях можно в виде вступления прочесть бессмертные басни деда Крылова.

Мы послали Вам пять оттисков статьи Юрия "Индология в России" — для АРКА, ВОКСа, Гусева, Академии Наук (Москва) и

Муромцевым. Отличная работа, так нужная каждому изучающему отношения этих великих государств. Следующий пакет — шесть экземпляров статьи Юрия — пожалуйста, пошлите Молотову, Громыко, Новикову, Грабарю, проф. Баранникову (Ленинградский Университет) и один — по Вашему усмотрению, может быть, Гусев или консул посоветуют. Буду очень рад, если эта статья разойдется и принесет пользу, ведь впервые столь нужные даты собраны. Пошлем и в библиотеку Конгресса. Полезно, когда правдивые сведения попадут в хорошие руки. Странно, что Грабарь на мои воздушные письма не отвечает. Ему посланы воздушные письма и я просил хотя бы кратко ответить, чтобы проверить, насколько сокращает время воздушная посылка. А может быть, она вовсе и не сокращает по нынешним временам. Пожалуйста, пошлите прилагаемое письмо Грабарю — у Вас есть его московский адрес. Хотя я и послал его ему также и непосредственно, но все же нужно повторить, ибо неведомо, насколько действительна туда воздушная почта. Уж очень мало верю в нашу почту. Думается, что можно бы избрать Санджива Дев как поч[етного] корреспондинг Мембер Комитета "Знамени Мира". Этот титул пригодился бы для молодых людей, готовых к активному сотрудничеству. Вы правы, как необходимо, чтобы люди перешли от упоминания на бумаге к действенному сотрудничеству. Бездеятельные киванья головой могут раздражать истинных тружеников. Бывало, мы находили время и энергию для действенной работы во многих обществ[ах]. Лишь бы было доброе желание и воля к работе. Но сейчас даже во дни мировых бедствий люди слишком часто следуют мерзкому совету: "не делай сегодня то, что можешь сделать завтра". А когда взываете: "ни дня, ни часа", те же лентяи ядовито ухмыляются: опять труизмы! Какие там труизмы, когда Культура трещит! Может быть, тоже труизм, что положение школьных учителей плохо? В Москве улучшают быт учителей, но везде ли помнят, что обездоленный человек не может принести молодежи светильник Культуры.

А что Мясин? Писали, что он поставил балет "Парижская жизнь", также передавали, что он ставит какие-то полурелигиозные балеты на темы Баха. Какие Ваши о нем новости? Читали ли последнюю книгу Уэллса о состоянии современного мира? Он в отчаянии. Кто — мир или Уэллс? Пожалуй, оба. Жена Грабаря — Мария Михайловна, а Валентина Михайловна — сестра ее Очень ждем образцы холста. Испытываю странное ощущение — остался всего один небольшой холстик, а мысленных картин много. Не знаешь, которой дать предпочтение. Прямо заморока! Ходишь, как вокруг заколдованного пня, и

неоткуда изобрести добротные простые материалы.

Пришла куча газет и журналов. Сведения — точно из сумасшедшего дома. Поверх всяких нерешимых недоразумений опять чудовищные сообщения об аморальности. Все это где то кем-то читается и заполняет чей-то мозг. Вот Томас Бичам вопиет, вернувшись из Голливуда: "Голливуд — мировое бедствие; сравнительно с ним Гитлер, Гиммлер и Муссолини только пошлые, преходящие инциденты. Все искусство в Америке — гигантское мошенничество, производи мое нечестными мужчинами ради нездоровых женщин". (<Тайм" 13 Мая, 1946). Ведь Бичам имеет вес в музыкальном в театральном мире. Множество таких восклицаний, а Модерн Музей превозносит Шагала и тутти-кванти. Русское художество — на более здоровых путях. От героического реализма открыты пути крепких достижений. Вперед — к пре красному будущему. В "Твенти Сенчюри" статья Санджива Дева-"Три сферы Рериха". Пришли в трех пакетах 14 отчетов АРКА — отлично сделанные и отпечатанные. Любопытно какие будут отзывы. Конечно, Вы их послали всем, кому мы советовали. Спасибо за ВОКС. Теперь драма — долгожданные образцы холста совершенно не пригодны. Эти холсты для масляной живописи, а мы, как Вы знаете, пишем темперой и употребляем неподготовленный холст — как в Ваших двух прежних посылках. Непонятно, почему теперь присланы лишь образцы холста для масла, не придумаю, как это могло случиться и столько времени потеряно. Прилагаю образец из Вашей прошлой посылки — это был хороший холст.

Вообще много смущения всюду. Предполагалась здесь железнодорожная забастовка. Правительство распорядилось прекратить прием заказных писем. Забастовка давно предотвращена а прием писем не разрешен. Впрочем, все как-то "ин сюпенс"[126]. Телеграф опять сломан. Прежде он ломался от дождей, вихрей, а теперь при засухе. Огород, плоды погибают — никогда такой напасти не бывало. А как Вас урожай и погода? У нас горячие ключи начали кипеть.

Пришла книга от мисс Рениер — в память ее убитого сына Судя по его стихам и письмам, он был возвышенной природы. Да будет ему хорошо. Пожалуйста, пошлите ей сердечный мой привет. Также пришли две книги Корин Хелин — "Лечение музыкой" и "Лечение звуком" — ей также пошлите мой сердечный привет. Они о добре заботятся. Большое доброе письмо от Булгакова. Как их бедных — его и дочь его — немцы мучили и даже пытали. Какие звери! "Лайф" сообщает: "Нельзя говорить о возможности третьей войны, ибо она уже происходит". Ужас! Пишут: число преступлений в Америке за год достигло небывалой

цифры — свыше полутора миллиона. Ужас! Даже не верится. Пишут, что число погибших от автомобилей в Америке превышает число всех погибших от войны. И все эта злосчастная "скорость"! Но куда она привела или лучше завела человечество?! "Поспешишь — людей насмешишь", а тут уж оглушишь. А письмо, если и поспешает где-то, то уж очень медленно. Поспешай.

1 июля 1946 г.

Публикуется впервые

Бабенчиков

Дорогой друг,

Сейчас через Америку долетела к нам Ваша сердечная весть. Хотя письмо Ваше полно горестных сведений, но рады мы слышать от Вас. Бедный Боря! Последнее его письмо было от 8 Декабря 1942-го. Он собирался идти на другой день в Комитет по делам искусств, — Вы ведь знаете, как он радовался поработать вместе… И это было его последнее письмо. Ничего более, даже о смерти сестры он не известил. Впрочем, может быть, письма его не доходили, мы привыкли к странностям почты — многое пропадало. Неужели уже с 1942-го Боря заболел? Как хотели мы все его повидать и поработать во славу искусства! Бедная и Татьяна Григорьевна! Мы не могли придумать, отчего она замолчала? А она болела и сейчас больна — скажите ей наше самое душевное сочувствие. Известите, как теперь ее здоровье. Вот и Вы сами страдали. Потеря сына тяжка, и так нужны даровитые, культурные деятели-строители. Где работает Ваш младший сын? Над чем трудитесь Вы сами? Каждая Ваша весть близка нам.

Вот Грабарь писал мне: "Русь всегда была дорога Твоему русскому сердцу, и Ты уже на заре своей замечательной художественной деятельности отдавал ей все свои огромные творческие силы. Русские художники никогда поэтому не переставали считать Тебя своим и Твои произведения всегда висят на лучших стенах наших музеев.

Все мы пристально следили за Твоими успехами на чужбине, веря, что когда-нибудь Ты снова вернешься в нашу среду".

Я ответил: да, да, да — "клич кликните" и потрудимся вместе во славу родного художества. Им живем. Славе Великого Народа Русского приносим несломимо творчество наше. Все мы, все четверо трудимся — творим — преодолеваем. Если Боря читал Вам мои письма и мои записные листы, Вы знаете наши душевные устремления. Вот и теперь Ваши слова о желательности совместной работы нам всем близки и дороги. Кто теперь в Комитете по делам искусства? Сообщают через Америку, что от них было важное письмо, но оно не дошло! Только что телеграфировали им, но дойдет ли телеграмма?! Пробую послать эту весточку Вам непосредственно "воздухом". Непременно сообщите, когда именно дойдет этот наш "воздух", — хочется установить, насколько воздушная почта ускоряет и доходит. Верно, и от Вас можно "воздухом".

На Вашем письме числа не было, и потому не знаем, как

долго оно путешествовало. От Грабаря последнее письмо "невоздушное" дошло в наш Наггар через три месяца. Потому так нужно знать, насколько ускоряет "воздушная" почта. Хотя мы и не знаем Татьяну Григорьевну и даже карточки ее не видали, но сердечно шлем ей наши душевные пожелания. Спасибо Вам за все Ваши дружеские о ней заботы. Елена Ивановна и мы все шлем ей и Вам наши сердечные приветы! До скорого! Привет Грабарю, Коненкову, Щусеву и всем друзьям, знаемым и незнаемым.

Сердечно…

6 июля 1946 г.

Публикуется впервые

Новые друзья

Прилетело Ваше деятельное письмо от 12 Июня. Радуемся Вашим заседаниям по всем отраслям. Вы уже имеете нашу телеграмму: "Согласен покровителем, согласны с Вашими вставками в книгу Знамени". Вы больше всех были при деле Знамени и даже присутствовали при подписании Пакта, и потому Ваш голос более всего может судить о размахе деятельности и о мнениях выдающихся людей. Фогель как новичок может не осознать всего мирового культурного смысла Знамени. Вполне согласны мы и с почетными назначениями. Кроме почет[ных] вице-председателей, могут быть и почет[ные] члены-корреспонденты (кто помоложе). Прилагаю лист предлагаемых имен. Таким образом, новые семена Культуры будут посеяны. Вы правы, все они получат книгу — потому пусть будет она если и не длинна, то звонка и зовуща. "Нон мульта, сед мультум"[127]. Ведь книга составляется не для Вас, не для нас, а для каких-то совсем новых путников. Потому всегда приходится вообразить неожиданного читателя, чтобы и он не заскучал и проникся внутренним смыслом книги. Коллективные решения иногда стирают звонкость. Помню однажды в одной междуведомственной комиссии обсуждался нагрудный знак. Все члены комиссии хотели внести свою подробность, и получилось нечто мохнатое. Тогда в шутку я предложил покрыть это сложное содержание сеткою железных дорог, и всем стало ясно, что путь усложнения не годится. Вам-то знакомы такие усложненные решения, и Вы сумеете без обид укрепить сущность. Книга Фонтеса очень хорошо издана. Удивительно, что в Гоа могут так ладно издавать. В ней отдельная глава о Пакте. Вероятно, Вы ее скоро получите. Книги, посланные Ренцем, можно продавать. Цена (в рупиях) на них имеется, а за продажу отчислите, как обычно, без преувеличений. Впрочем, перевод денег по-прежнему труден. Мы рады слышать, что Вы одобрили поведение Уида на собрании. Будем надеяться, что философия к чему-нибудь обязывает.

Вот и еще Ваше письмо от 18–20 Июня, полное важнейших известий. Вперед! По совету мы немедленно послали телеграмму, копию для Вашего сведения прилагаем. Предупредите Г., что мы поступили по его совету. Показательно и письмо Бабенчикова — немедленно ему отвечено. Он — умный и чуткий, и его пожелания о дальнейшем имеют значения. Все мы жалеем бедного Борю и Т. Григ. Трогателен эпизод с двумя пришедшими к Вам новыми друзьями. Много их — незнаемых, неписанных, и

нежданно стучатся они. И Вы улыбнетесь им. Хорошо, что "Канченджунга" не есть "Оттуда" — эта последняя значительнее.

Почему Вы помянули про Злату Митусову? Разве Вы с ней в переписке? Они нас совсем забыли. Почему Вы думаете, что в СССР так плохо с продовольствием? Московские сообщения говорят, что пищевые карточки отменены, цены понижены, всюду открываются пищевые магазины, и урожай превосходен. Нет ли у Вас каких-либо иных сведений? О помянутых родственниках Блаватской мы ничего не знаем. Каково их отношение к памяти Е.П.Б.? Хорошо, что Вы передали эту заботу Зиркову. Кстати, мы имели от него длинное письмо. Их председатель умер. Пойнт-Лома продана, и они переехали в иное место, недалеко от Лос-Анджелеса. Жалуется на современные местные нравы. Жадность, нажива любым способом. Ох, не в одних их местах разложение. Присланные Вами газетные вырезки (спасибо, присылайте) говорят об извращенном человеческом мышлении. Всюду встал этот призрак. Посмотрите во все газеты.

Началась почтовая забастовка. Сахар будет сокращен. Значит будет хуже, чем во время войны. Почта пошаливает. Дорога лопается от первых дождей. В Венгрии неслыханная инфляция. В Симле будет особый чин — "директор морали". Потребовалось. В Бомбее учрежден комитет "против взяток". На Яве похищен первый министр. Под поезд Ганди подложены камни. В Нигерии свирепствуют какие-то "люди-леопарды" и вырывают сердца у своих жертв. В Южной Африке мирных Индусов шлют на каторгу. В Хайфе британских офицеров хлороформируют, надевают кандалы, упрятывают в ящики везут по городу. Гротеск-культура всюду. Культура, где ты? А фарс с бомбою! Чего стоила инсценировка войны! Броненосцы, супер-фортрес, командующий адмирал. Словно бы кому-то нужно было напомнить о военной обстановке. А сколько стоила вся эта инсценировка? Опять брошенные миллионы, а доставка пищи голодающим замедлена. Говорят, нет транспорта, а огромные корабли расходуются. Разве научные исследования нуждаются в таких театральных постановках? Пятисотмиллионный фейерверк! Довольно Голливуда! Наверно, Капица не нуждается в такой военной фанфаре.

Фонтес очень обрадовался Вашему письму. Такие ободрения приносят людям много радости, а сейчас мир так нуждается в радости, хотя бы в крупице ее. Представьте себе, сколько деятельных молодых людей заброшены по полудиким углам и бьются, как рыба об лед. И как помочь? Только доброе слово может им принести укрепляющую улыбку. Сколько голодного бедствия! С ужасом слышим и об инфляции в Америке. Значит,

расходы возрастут, а доходы всех трудящихся не увеличатся. Опять пропасть! Не знаю, что делает молодежь с "Прекрасным Единением". Ведь одно дело напечатать книгу, а другое, и совсем другое, распространить ее. По нынешним временам и посоветовать невозможно, а вдруг по местным условиям именно такой совет неприменим? По логике — одно, а по нынешнему завороту мозгов — совсем другое.

А письма нет как нет. Даже из Китая письма начали доходить в десять дней — прямо завидно. В Чифу умер наш добрый друг и сотрудник Гр. М. Колонтаевский. Жаль, когда хорошие люди уходят, а некие мерзавцы еще ползают. А куда девались Конлан, Руманов, Асеев, Георгиев, Лукин, Рудзитис и множество добрых деятелей? Писарева, де Во — по возрасту, наверно, померли. Хейдок нашел место стражника в АНГА и как бы стесняется своим наименованием. А я ему напомнил текст: "Богоглаголивый Аввакум на Божественной страже предстанет", а также слова одного поэта, получившего место городского ночного стражника: "Новое вдохновение! Тишина, луна, шумы суеты замолкли". Во всем можно найти поэзию. Статья Хейдока была в шанхайском журнале "Эпоха". Молодец, даже в труднейших обстоятельствах найдется во благо.

Сердечное письмо от Жина от 15 Июня. Он всегда так хорошо Вас поминает. Его сын кончил Университет. Вот и еще один боец за Культуру. Прилагаю письмо м-с Форман, не желает ли она вступить в "А.Й." или в "Знам. М."? Я ее не встречал, но она упоминает Брэгдона. Получил ли книгу Фонтеса? Во втором номере "Торчберерс" моя статья "Светлое будущее". Третий номер весьма содержателен — посмотрим дальше. Да, терпение и выдержка так необходимы. Часто спрашивают, начинать ли новый журнал? Отвечаю: если выдержите весь год без единого подписчика, а второй с пятью десятками — тогда дерзайте. Но только навсегда откажитесь от уныния и разочарования.

Юрий очень просит, нельзя ли через ВОКС достать книги Козина: "Академик С.А. Козин. Джангар" (Москва, 1940) и "Монгольское Сокровенное Сказание, Юань-Чао-би-ши" (изд. Акад. Наук. Москва, 1944–1945). Они ему нужны для его работ. Катрин спрашивает, в котором году было постановление конференции в Калькутте? Оно было 18 Мая 1946 г. Нас беспокоит сообщение радио об инфляции в Америке. Если этот шар покатился, его трудно остановить. И все-таки вопреки очевидности будем оптимистами. Уподобимся ледоколам. Пусть будет кому-то легче идти. Сколько истинных героев выявилось за последнее время! Многих человечество никогда не узнает, но будут и запечатленные лики. Молодежь будет беречь наследия

тружеников, творцов. Не безвестная могила, но самоотверженный подвиг сбережется в сокровищнице народов. Прекрасно, заботливо сбережет народ, полный чувства признательности.

Леонардо был погребен в монастыре С. Флорентен близ Амбуаза — могила его стерлась. Да и не нужны Леонардо памятники. Его творения превыше, и человечество знает мастера не по кладбищенскому изваянию. Останки Акбара были выброшены из гробницы — ни в каких саркофагах не нуждается объединитель Индии. Остались или нет мощи Преподобного Сергия, но вечно жив он — Великий Наставник Народа Русского. Поверх печатных хроник пишется нестираемая история героев. Время отсеивает подробности и высекает нерушимый облик великого значения. По этим вехам движутся ' путники. Никакие тучи, никакие туманы не пресекут рост народных движений. Пусть приходят новые друзья. Пусть будут они деятельнее врагов. Всем Вам, милым строителям, сердечный привет.

15 июля 1946 г.

Публикуется впервые

Странники

Испанцы забыли Зулоагу, а финны — Галлена Каллелу. А ведь оба они крупнейшие мастера. Оба они любили русское искусство и чуяли будущность его. Таких друзей мы должны ценить и чтить их память.

Зулоагу мы впервые полюбили на его выставке в Питере. Запомнили его мощных тореадоров, а особенно зовущий портрет Соррель. Конечно, правительство ничего не приобрело. Любовались мы его мастерством и в Америке.

Галлен Каллела пришел ко мне во время финской выставки в "Мире Искусства". Он приходил раза три. Были долгие вечерние беседы. В этих беседах было нечто сродни Врубелю. Совсем другое, совсем о другом, но, в сущности, о тех же прекрасных образах. Сближало искусство, говорили только о художнике, иногда умолкали, улыбались и опять обменивались о красоте, о технике, о сближении народа с красотами творчества.

В последний раз мы виделись в Гельсингфорсе, в дни моей выставки. Галлен помогал дружески. Его советы были правильны, истинно доброжелательны. После выставки мне хотелось оставить ему на память мой финский этюд. Галлен был тронут, а затем сказал мне:

"Не раздавайте своих вещей. Правда, Ваше творчество бьет ключом, но мы, художники, не знаем, когда этот родник иссякает".

Я улыбнулся: "К чему такие мрачные мысли? Голова работает, воображение творит".

Но Галлен покачал головой и начал говорить грустно, и мне показалось, что он имеет в виду именно себя самого. Он почти шептал: "Нет, нет, не будем самонадеянны. Всегда может случиться, что творчество пресечется. Это вроде психоза. Руки готовы в полном знании техники. Голова крепка, а творчество вдруг отлетает. Да, да, это случается и помочь нечем".

Видимо, мастер был удручен. Как ни старался он улыбнуться, но рот кривился. Я почуял, что с моим другом что-то случилось. Больше мы не видались. Галлен заметался. Побывал в недрах Африки и через несколько лет оказался в Америке. Умер в Таосе — в могиле многих художников. Мастер был прав, что-то надломилось в нем. Живопись, мастерство уцелело, но творчество его скончалось. Да, он говорил о себе.

Где его последние вещи? Куда разбежались они в вихре событий?

Судьба вещей-странников напоминает еще об одном друге, о

Ходлере. Многие его картины и этюды бродили по Америке. Где нашли они пристанище? Любят ли их в Швейцарии — на родине Ходлера? Или тоже "с водой ребенка из ванны выплеснули"? Все может случиться, а особенно сейчас. Всем ли путникам готов кров? После смерти Левитана его брат привез ко мне множество отличных этюдов мастера. Где эти странники? Наверно, Комитет по делам искусств оберег такие сокровища. Радостно, что на Руси берегут искусство.

24 июля 1946 г.

Публикуется впервые

Жарко

Только что отправили Вам наше письмо от 15-7-46, как прилетело Ваше от 1-7-46. Радуемся, что Вы поживете в природе и отдохнете. Ведь и новый сезон не за горами. С одной стороны, хорошо, что Г. и его корреспонденты уверились, что их письмо было "перехвачено", но, с другой стороны, печально, что Г. как бы умывает руки и все повисает в пространстве, а ведь спешность так необходима. Вот мы поступили по совету Г. Для ускорения даже телеграфировали. А теперь опять сидение у моря и ожидание голубя. Все это дело было ими начато. Грабарь и Бабенчиков пересылали письма через диппочту в Америку. Теперь здесь, в Калькутте, имеется торгпред Иолшин, получающий диппочту через Китай. В Дели живет представитель ТАССа Гладышев, получающий почту ТАССа. Значит, имеются вполне защищенные пути сообщения. Отчего же не воспользуются этими путями, ведь и Иолшин и Гладышев нас знают и передадут письмо. Хоть бы сдвинулось с места! Вы совершенно правы, поступая очень осторожно с Ренцем (Линц). Мы его не знаем. Никто ему Лигу Культуры не поручал, его денежные дела неясны, общее положение в Австрии чрезвычайно сложно. Одно дело, если он, как он, симпатизирует Знамени Мира, но совершенно иное — начинать дела и усложнять и без того сложнейшее положение. А Лига Культуры вследствие событий вообще отложена.

Все-таки появился журнал "Наша Индия" в Дели. Говорю "все-таки", ибо с Января до половины Июля он не мог выйти из-за всяких формальностей. Меркантильные вещи проходят скорей, а вот когда коснется до культурного начинания, то вырастают всякие препятствия. Так было, так есть, — неужели так и будет! Я думал, что на обложку возьмут "Гималаи", но взяли "Открываем врата" — так и "Наша Индия" вышла в русской обложке. Вообще, если только собрать все наши русские вехи здесь — получилась бы показательная коллекция. Но кто это сделает? Пусть где-то и как-то произрастают добрые семена, рассеянные в сердечном пожелании. Пусть крепнет ткань добра.

Получили от ТАССа много газет: "Правда", "Известия", "Красная Звезда", "Советское Искусство", "Литератур[ная] газета" и журналы "Знамя" и "Новый Мир". Много прекрасных научных статей, много сведений о строительстве, о новых достижениях. Поразительно сравнить со всякими иноземными газетами и журналами — какая разница! Значит, русскому народу нужно серьезное изложение, нужна трудовая победа. Среди утилитарных известий большое место опять отведено гуманитарным наукам.

Академия Наук равномерно работает по всем отраслям. Словом, впечатление светлое, и Вы порадовались бы такому блестящему росту СССР. Лишь бы воспринимали иноземцы рост Руси без предубеждения. Но трудно надеяться. Опять вспоминаю старинную иллюстрацию, как русский богатырь топором отбивается от всяких врагов. И отбился! Я поминал об этом перед войною в моем листе "Не замай!", он у Вас был. Жаль, что "Слава" залежалась под спудом в ВОКСе, мы могли ее напечатать и в другом месте. Но — все к лучшему. Жаль только, что шрифт московских газет и журналов такой мелкобисерный, глаза от него скоро устают. Неужели недостаток бумаги порождает такую неудобочитаемость? Всегда я любил разборчивый почерк и четкий шрифт. Опасаюсь, что воздушная почта в Москву не ускоряет оборота. Впрочем, теперь у нас почтовая забастовка, и можно себе представить, какой беспорядок из нее проистекает и, вероятно, не на малое время. Получены три "Звериного Стиля", "Аум" и "Огненный Мир" — дошли сохранно — упаковка очень хорошая. Нет ли "Мессенжер" и "Флэм ин Чалис"? По-прежнему появляются желающие на рижскую монографию, но оттуда никаких вестей. А в газетах столько говорилось о немецких жестокостях в Прибалтике! Уж не коснулись ли они и наших друзей? Тревожно!

Модерн Музей прислал свое последнее издание — Африканский и Южных островов примитив. И в этой этнографии бывают изысканные формы наряду с грубятиной. Сродни она Музею Модернистическому, а вот искусство Индии, искусство буддийское, видимо, не по плечу заправилам Музея. И к чему сосредоточиваться на шрекенкаммер[128], когда можно распространять прекрасное и тем утончать вкусы толп. Ведь это так необходимо, так спешно нужно. Впрочем, даже Метрополитен Музей отказался принять в дар отличное тибето-буддийское собрание Уитнея! Да, бывают такие "замалчивания". Как бы шепотная компания. А английские газеты бьют тревогу по поводу распространения в Бразилии черной магии, со всякими зверскими ритуалами. Кто знает, может быть, и не в одной Бразилии своеобразная черная магия процветает? Некоторые страницы "Тайма" наводят на те же мысли. Пошлость не сродни ли "черной магии"? Никогда еще не бывали в мире такие крайности, как сейчас. От дикого палеолита до великих открытий — одновременно все налицо. "Уживается" средневековье жестокое с лучшими гуманитарными порывами. Конечно, "уживается" в кавычках, а без кавычек качается корабль мира. Еще несчастье: разлилась Брамапутра — многие сотни тысяч бездомных. Урожай гибнет, скот погиб. Космос не шутит.

Странно представить, чтобы во всех странах не было простого сурового холста. Так же, вероятно, происходит и со многими иными предметами. Мир пестрит объявлениями о самых невероятных, бесчисленных изобретениях, а самых простых вещей невозможно найти. Все же надеемся, что у Вас холст найдется. Если кто-нибудь спросит меня, отчего эти месяцы не писал картин, язык не повернется сказать — не на чем было писать. Да и не поверят! Но уж если во Франции нет холста (по сообщению консула), то куда дальше идти? Вы совершенно правильно замечаете, что положение в Ваших местах такое, что и представить нельзя. Охотно представляем, ибо везде то же самое. И атмосферические явления особенные. Вот здесь много "тепловых ударов". Врачи находят, что они не столько от самой жары, сколько от особого качества атмосферного давления. Все особенное, потому особенно нужно радоваться проблескам строительства. Странно, что Магдалина не находит минуту для сотрудничества в издательстве. Хотя бы часок, если есть желание. Бывало, находилось время и для лекций и для писаний, когда сознание подсказывало, что это кому-то будет нужно. Все зависит от степени желания.

Неплох рассказ о говорящей кошке — вложу его — знаю, что Вы оцените. Если бы люди внимательнее отмечали всякие особые проявления! В отчетах Смиссониан Института имеется замечательное исследование Хоттона о "людях-леопардах". То же мы встречали в Тибете, но там были "люди-волки". О многом можно бы потолковать, но всюду стоит безобразный призрак невежественной цензуры. Под таким мрачным покровом письма и памятки становятся лишь слабою тенью того, что хотелось бы сказать. Слышали, как некий цензор носил письма по своим знакомым. Теперь сказано, что цензура снята, но письма иногда таинственно задерживаются или приходят замазанными грубым клеем. Вот и Вы пишете, что Г. уверен, что письмо "перехвачено". Обратите внимание на серию маленьких научных книжек, издаваемых в Лондоне, "Наука и Прогресс" С.Лилли — там много добрых сообщений о русских достижениях. Каждое зерно о Руси ценно.

Молодой мусульманин Рашид Гусейн написал в бомбейском журнале "Форум" статью о моем искусстве; спрашивает — отчего в Бомбее нет нашего зала? Не нам судить, отчего. "Форум" просит от меня статью. Иногда не знаешь, хорошо ли, что статьи во всех журналах, но, с другой стороны, каждая из них — прямо или косвенно напоминает о Руси, о нашей любимой Родине. Да будет! Обозначается целая группа молодых друзей — С.Дев, К.Тампи, Р.Фонтес, Р.Деб, А.Раман, Р.Гупта, Р.Сантош, С.Кала, Р.Гусейн,

Т.Кришна и многие — все разные, все в разных городах, все любят Русь, все устремлены к Культуре — хорошо! Хорошо, что молодые подошли. Говорят лесоводы: "В лесу должно быть подлесье". Пусть и около Вас обозначается молодое подлесье. Без него нельзя, в нем радость и новый горизонт. Бабенчиков кончает свое письмо: "Ваше имя как крупнейшего мастера пользуется на Вашей родной земле огромным уважением, и доказательства этого Вы могли бы увидеть сами, посетив вашу великую, обновленную Родину". Так, так, а вот простое письмо дойти не может! Видимо, и воздушная почта не ускоряет дел. Мирное время! Холст достать нельзя, красок нет, самых обиходных вещей нет. Железные дороги небезопасны, пароходных билетов не достать. Вот из Китая имеем три сведения, что китайцы стали аррогантны[129] и притесняют русских. Все вопиет: ехать бы! Но за малым дело стало — куда и как? Без разрешения не поедешь, не приедешь!

А вот еще мрачный Гранд Гиньоль. В Южной Африке во главе с фельдмаршалом Шмуцем преследуют и кидают в тюрьмы индусов, многолетних обитателей тех мест. Радио сообщает: "Майкель Скотт (священник) приговорен к трем месяцам каторжных работ за симпатию к индусам". Так и сказано! А еще на нашем веку люди симпатизировали свободолюбивым бурам. Наследники буров иные! Многие ли поедут глазеть на вторую бомбу! Впрочем, и в Луна-Парке в день сотни тысяч гуляк. Кидание бомбы отложено на неделю по причине дурной погоды. Импресарио не понимает, в какой ридикюль он впадает, точно бы атомная энергия действует лишь в хорошую погоду?! Ну, все-таки раньше кинули. Ничего поразительного не случилось. Пробежали (по словам радио) "миниатюрные" волны. Не пора ли прекратить многомиллионные фейерверки? Увы, простая иерусалимская бомба в здании "Царя Давида" сразу задавила более ста двадцати военных и гражданских чинов и полсотни перераниła. Привезли бомбу на траке, разложили и ахнули, и миллионов не потребовалось. Обо всем этом и о многом другом Вы читаете и удивляетесь. Хорошо, что несмотря на почтовую забастовку, письма за границу принимаются, а местные заказные неизвестно когда наладятся. Вообще трудное время! Пришли письма от неведомых доброжелателей: Чарлз Веллер (Конвей) и Руфь Харвоод (Санта Барбара), стихи ее и адреса прилагаю. Не пригодны ли для "Знамени Мира"? Опять АРКА, З.М., А.И., Р.А. — целый алфавит. Сложите все это и получается обширная пашня Культуры. В "Хиндустан Ревью" моя старая статья "Культурность", а выходит как бы сейчас написана, для теперешнего состояния мира. В Ахмедабаде введена порка. Введено сие конгресским прогрессивным правительством — какая ирония судьбы. Радио

сообщает, что в Америке шесть миллионов преступников. Конечно, их больше, ибо, наверно, хоршевская шайка не включена. В медицинских книгах упоминается особая болезнь — "болезнь ауры", а самую-то ауру и ее значение все ли врачи признают? Тоже ирония судьбы! Пора научиться фотографировать ауру, и на паспортах делать соответственные отметки. То-то неожиданности обнаружатся. Что слышно о Добужинском, Судейкине, Гребенщикове, Дерюжинском, Джайлсе? На нашу телеграмму Сысоеву ответа нет. Не знаем, дошла ли? Повторено ли письмо? Все неизвестно — только подумайте — с Января все в неизвестности. А письмо Гус[ева] было получено здесь еще в Декабре — так и лежит оно сиротливо. Газеты сообщают о несносной жаре в Америке — хорошо, что Вы вне города.

Сердечный привет всем друзьям.

1 августа 1946 г.

Публикуется впервые

Памятка (14.08.1946)

"С добрым утром, товарищи!" — звучит привет диктора, начиная утреннее московское радио. Эти дни передача ясна, и можно слышать подробно речи Молотова, Вышинского… За горами приобщаемся к жизни Союза и признательны нашей маленькой машинке на сухих батарейках, несущей далекие, дорогие нам вести. Газеты, журналы, письма, — все это требует долгое время, а жизнь сейчас так быстра. Поток быстротечный! Еще до войны мы чуяли, что следует быть всем культурным деятелям вместе, — писали Потемкину, Калинину, Молотову, Майскому — что дошло? Что не дошло? На больших расстояниях всяко бывает. В письмах к нам зовы: "Приезжайте!" Отвечаем: "Клич кликните". Значит, мы-то готовы, а здесь даже представителя нет. Есть торгпред, есть ТАСС, а вот консула и нет еще. По событиям судя — будет.

Кто знал нашу жизнь, тот не может сказать, что мы не имели связи с Родиной. Живая связь всегда была. А всякие злокозненные россказни доходили до того, что Судейкин уверял, что он видел на Мойке у наших ворот железнодорожный фургон, куда укладывали наше собрание старинных мастеров для вывоза за границу. Какая ложь! Ни наше собрание, ни мои картины мы никуда не вывозили. Наоборот, привозили на Родину: из Сердоболя — четырнадцать картин, в 1926-м в Москву — восемь картин и еще целые десятки, ибо никогда отрыва не было. Возьмите хотя бы рижский сборник "Мысль" 1938 года. Во всех годах — сотрудничество. В 1943-м — "Слава", в 1944-м — "Славяне". АРКА, ВОКС и теперь во всех изданиях — "Россика". А индология Юрия. А хлопоты Святослава о выставке советских фильм[ов]. Начать перечислять и не кончить. И сейчас ждем ответ Комитета по делам искусств на нашу телеграмму Сысоеву. Также шептали, что я отказался от поста министра искусств, ибо спешил с отъездом. Опять чепуха! Отказаться-то я отказался, но потому что не верил во Временное Правительство, о чем я и говорил Горькому.

В Сердоболь мы выехали в Декабре 1916 года — врачи предписали чистый воздух после пневмоний. С тех пор мы наезжали в Питер нередко, а руководство учреждением я поручил Химоне. В 1926 году мы провели лето в Москве и на Алтае.

Целая цепь внешних событий изменяла наши планы. Вот мы были уже совсем готовы ехать из Сердоболя в Питер, но пресеклась железная дорога. Затем явилось предложение добыть в Швеции мои картины, бывшие там со времени выставки в Мальме

в 1914 году.

Бьорк звал для этого в Стокгольм. Там получилось от Дягилева приглашение приехать в Лондон для новой версии "Половецких плясок", для "Садко", "Салтана". Все было в ходу, когда Бичам впал в банкротство, но тогда же приехал Харше от Карнэги Института с предложением выставки в сорока музеях Америки. Только что кончилось трехлетнее турне, как возникла пятилетняя экспедиция — Индия, Китай, Монголия, Тибет. Тогда же в 1926 году — Москва. Затем Индия, Научный Институт, выставки во славу Руси.

Никто не скажет, чтобы мы за все годы теряли связь с Родиной. Все мы трудились во славу новообновленной Руси. Никто не скажет, что эти наши труды были неудачны. Творческая, культурная работа останется запечатленной в Азии. Как сестры, дружны Индия и Русь — столько в них душевной близости. Сердце народов — нерушимый союз. Среди творчества все мы всегда готовы были приобщиться к работе на Родине. Тому много вех раскинуто во всех этих годах. Правда, трудны были сношения. Почтовый оборот требовал годовой срок — не шутка! Думалось, что эта протягновенность лишь следствие войны, но и сейчас не лучше. Все годы думалось, а теперь особенно, что всем творческим, культурным, научным работникам надо собраться вместе и приобщиться содружно в великой стройке всесоюзной народной Державы. Надо, надо и откладывать не следует. Многих из нас уже нет, а те, кто сохранил энергию и опыт, пусть соберутся дружно.

Радостно слышать о градостроительстве Щусева, о блестящем юбилее Грабаря, о творчестве Герасимова, Юона, Лансере, Кончаловского и многих, столь же одаренных. Шолохов издается в пятнадцати миллионах! Прокофьев, Шостакович, Ковалевский[130] — целое войско даровитейших композиторов! А театр! А фильмы, прошумевшие по всему миру. Все эти достижения — не миф, созданный прессою, но подлинные непререкаемые культурные продвижения. И народы Союза во всех областях выдвигают одаренных деятелей — вот и единение в разнообразии. Много где мечтали о таком единении, но оно не выходило, а тут вышло на диво всем мирам. Так же восхищает разносторонняя деятельность Академии Наук. Вмещение всех отраслей познания и творчества — так и должно быть, но до сих пор не бывало. Всегда мешали какие-то нелепые преграды, насильственные разделения. Но вот истинная любовь к Родине стерла все больные наросты. Деятели воспряли, и вместо затяжных препирательств закипела дружная работа по всем областям. Издали все виднее. Слагается новое сокровище

русийское. Народы чуют это достижение. Получается своеобразное "разумейте языци". А трудности — лишь новые возможности. Кое-кто еще "из-за кустов леса не видит". Есть человеки, кто умеют видеть лишь ретроспективно, но и они хотя бы "с оглядкой" убедятся в могучем росте русийского сокровища.

14 августа 1946 г.

Публикуется впервые

Ждать и надеяться

Сейчас дошло Ваше воздушное письмо от 11 Июля. Оно не очень веселое, но это так понятно в наши смутные дни. Одновременно прилетело письмо Брэгдона. В первый раз за все годы он кончает его: "Нью-Йорк стал невозможным, и, очевидно, мы на грани инфляции, давно ужасающей и давно ожидавшейся". Уже и философ не может молчать о современном положении — раньше всегда его темы были иные. Впрочем, газеты сообщают астрономические цифры. Так, в Венгрии денежная ценность, прежде равнявшаяся 500 миллионов рупий, теперь стоит один шиллинг. В Китае стоимость предметов обихода возросла в 6900 раз. Разве это не падение иерихонских стен? В то же время, если верить газетам, амконсульша в Москве обучает нелепейшей пляске "буги-вуги". Пожалуй, доедем до "шеккеров", до "хлыстов". Хорошо, что Вы нашли в Либерти целый архив, ведь это исторические материалы. Если имеется инвентарь архива, хорошо бы и нам его иметь. При разборе исторических документов невозможно бывает решить, что нужно, а что не имеет значения. Сегодня одно привлекает внимание, а завтра — совсем другое обрисовывает быт. По-видимому, в Америке нет таких учреждений, где бы хранились архивы общественные и частные. Булгаков пишет, что в Прагу приезжала комиссия нашей Академии Наук и взяла его архив, чтобы хранить в Академии под названием: "архив Булгакова". Радостно слышать о таком внимании — оно сохранит вехи культурной жизни. Вспоминая о Праге, жалеем Валентину — ей трудно. Но зато какая школа жизни! При ее даровании все нынешние впечатления ей очень пригодятся. Дни небывалые. Вот Трюгве Ли вопиет к державам — не разрушайте мир. Не бывало, чтобы генеральный секретарь трепетал за целость мира. А ведь конференция еще вначале. Во всех странах всплыли неурядицы. И здесь не лучше. Хорошо, что нашлось много медалей. Ведь они работы Дропси, известного профессора Академии — их можно дарить музеям. Значки могут пригодиться для членов Комитета Пакта. Пришлите сюда несколько маленьких. Клише где-нибудь найдутся. В Риге была только часть по нашему здешнему списку. Среди архива были вещи Юрия — два сундука, кантина[131], чемодан и ящик книг.

Я называл почет[ными] членами-корреспондентами — ибо таких может быть много, а секретарей не может быть чрезмерно — впрочем, как хотите. К.П.П. Тампи можно уже теперь внести на бумагу, я ему писал, и он очень доволен. А бумага Ваша об избрании обернется не так скоро. Теперь все так медленно!

Что же Вам делать с Магдалиной? Только время покажет, насколько она горит культурными делами. Хорошо, что Жин материально может жить делом в "Либерти". Если Красный Крест неустойчив и не ценит прекрасных работников, то ведь культурная деятельность всегда открыта такому способному человеку, как Жин. Хорошо, что Альбуэрно понимает, что отсюда почта плоха. Привет ему за его труды по издательству. Не понимаю, почему Тюльпинк замолк — все ли у него ладно? Так шатко все теперь. Вполне понимаем, что Вы не перегружаете Гус[ева] — там какие-то особые отношения. Спасибо, что переслали письмо Грабарю. Боюсь, что "воздух" не ускоряет оборот письма. Эх, жаль, что Бориса больше нет. От него могли быть достоверные сведения и толкования. Не слыхали ли, кто такой Сысоев? Художник, писатель или другой деятель? В газетах нам не встречалось его имя, а для сношений все такие сведения нужны.

На подоконнике стоит открытый компас. Стрелка неизменно тянет к Северу. Пишу ли, читаю ли, глаз вскидывается за путеводной стрелою — к Северу. И невозможно убрать эту стрелку — она зовет, она напоминает. Кажется, и без нее помним, но она как символ зова. Молодые деодары позади Гуго Чохана разрослись и угрожают закрыть снега Гепанга, а маленькая липка, посаженная Еленой Ивановной, превратилась в кудрявое дерево. Да и то сказать — восемнадцать лет! Хотели было мы послать Сысоеву напоминательную телеграмму, но неудобно настаивать — так и пребываем в неизвестности. Не знаем, как действует воздушная почта, быстро ли идут телеграммы, хотя телеграмма о смерти Бориса дошла в один день. Значит, бывает, доходит, да и последнее письмо Грабаря дошло сюда. Поминаешь все об одном и том же, но что же делать, если оно полно значения. Вы удивились моим словам о приеме Коненкова в Москве. Удивительно, что советский гражданин, покинувший СССР около двадцати лет назад, принят торжественно и завален заказами. Это делает честь Правительству, если оно, забывая прошлое, почтило деятеля искусства. Не без причины Грабарь так подробно остановился на этом эпизоде. По возвращении в город Вам придется протелефонировать Гус[еву] (ничем его не утруждая) о содержании нашей телеграммы — мы последовали его совету.

Очень рады, что Вы внесли в "Знамя Мира" существенные поправки и дополнения. Конечно, надо считаться с жертвователями, но из этого не следует, чтобы книга вышла бледной. Она пойдет по новым каналам, к новым людям и должна зажечь новые сердца. Так да будет! Яна Масарика пока не трогайте, у них сейчас и своих дел по горло. А Роквел Кента

хорошо бы теперь же включить. Немного таких даровитых творцов. Привет ему от меня. Книга "Знамени Мира" тем значительна, что темные личности удостоверятся, что движение не прекратилось. Для темных праздник думать, что движение за мир, за Культуру замолкло. Им бы война, да разрушение, да грабеж — вот их мрачная сфера! Сотрудники наши и жертвователи должны сознавать, какому великому благу они служат во имя всего человечества. Поэтому Ваши труды для "Знамени Мира" особенно ценны, ведь Зина — единственный свидетель и участник обсуждения и подписания Пакта. Подчеркиваю это обстоятельство. Новички не могут представить себе всю работу, и от них нельзя и требовать. Наверно, даже печатные материалы не могли быть ими полностью прочитаны, а если и были, то все же это не есть личное свидетельство.

В книге "Знамя Мира" непременно нужно помянуть Конгресс наших Балтийских Обществ, бывший в Октябре 1937 года в Риге. На странице 235 "Зельта Грамата" (она у Вас имеется) Вы найдете постановления о Пакте — они тем значительнее, что подчеркивают работу в предвоенных годах. Конечно, и Французский Комитет и Комитет в Харбине говорят о том же. Балтийский Конгресс был многолюдным, о чем свидетельствует фотография, имеющаяся у нас. В Бюллетене имеется снимок со второго Конгресса в Брюгге. Помните, как торжественно он выглядел в старинном зале Ратуши. Вообще, когда соберете все снимки собраний, приветствия, речи, издания, встает вопрос — где же все эти множества деятелей, объединявшихся во имя Культуры? Подумайте, и придет страшный ответ о разрушительном урагане войны, разметавшем культурные гнезда. А кто остался, не скоро выйдут из убежищ, из скорлупы самоохранения. Конечно, Вы читали о сильнейшем подводном землетрясении около Вест-Индии, отозвавшемся на берегах Доминиканской Республики. Такой подводный переворот мог отозваться и на Флориде — будем надеяться, этого не случилось. Подводные катастрофы влияют на широкую округу в виде всяких атмосферных воздействий. И без того весь мир кипит. А письма нет как нет.

Мы еще находимся в сумбуре после почтово-телеграфной забастовки — неведомо, что идет, что не доходит. Такая неразбериха происходит уже месяц, но "и это пройдет". Не так ли? Пусть и в эти трудные дни Вам будет хорошо. Ждать и надеяться! Привет сердечный.

15 августа 1946 г.

Публикуется впервые

Грабарь (20.08.1946)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Спасибо, сердечное спасибо за Твои добрые вести от 12 и 23 Мая. Оба письма сегодня одновременно дошли сохранно — значит, мы установили, что письма доходят и сроки сократились — это отрадно. Да, да, нужно быть вместе, неотложно нужно принести Родине труд и опыт. Истинно, все любящие Русь должны объединить труды и знания.

Если, как Ты пишешь, шибко говорят о моем возвращении, а мы всегда были готовы приложить силы на Родине, то за чем дело стало? Пусть позовет Комитет по делам искусств или другие комитеты, во главе которых Ты стоишь, или иное госучреждение. Тебе виднее, а за нами дело не станет. Не отложим приобщиться к общей работе. Конечно, караван выйдет немалый — сотни картин и больших и малых, много книг, тибетские предметы, архив, — все это нельзя бросить на пожрание муравьям и всяким вредителям. Но слышали мы, что Правительство приходит навстречу в таких случаях. Ведь теперь уже идут наши пароходы отсюда в Одессу и в другие порты. А все мы одинаково стремимся быть полезными.

Ты прав — зачем на Гималаях греметь во славу Руси, когда можно всем вместе дружно потрудиться на любимой Родине. В смысле служения Русской Культуре, мы оба всегда были верны ей и знали, на какую высоту взойдет народ русский. И Ты и я работали во имя Руси, и нынешний общий подъем для нас великая радость.

Итак, буду ждать и чую, что Ты не замедлишь, а нам терять время нельзя.

Ты дивуешься на Псков, а мне он очень близок. Были мы с Еленой Ивановной там, а матушка моя, Мария Васильевна Коркунова-Калашникова, исконная псковичка. Да, много красот на Руси, и мало их прежде ценили. Сегодня радио сообщало, что в Петродворце опять забили фонтаны и наводнились пруды. Залечиваются раны войны, и спираль достижений возносится.

Велика была русийская голгофа. Бывало, на раскопках спросишь, а что за бугор там? "Литовское разоренье" или "шведское разоренье" или "французские могилки" — и везде-то прошли какие-то разорения, но подкошенная поросль расцвела еще пышнее. Никакие налеты, никакие наветы не сломят победоносный народ.

Радуемся о расширении музеев. Ты прав, разрушители — фашисты должны расплачиваться за свои вандализмы

произведениями искусства — этими главными ценностями государств. Когда же будут на земле искоренены вандализмы? Увы, этот вопрос не труизм.

Значит, поспешим, чтобы быть вместе. Тебе виднее, где над "и" точки поставить. Итак, буду ждать. Все мы шлем Тебе и Твоим душевный привет. Всем друзьям-художникам привет.

Сердечно…

20 августа 1946 г.

"Россия"

Спешим

Получены — Ваше письмо от 29 Июля, Майское письмо АРКА и письмо Ильи о высылке холста — спасибо! В письме АРКА поминается какая-то Мэри Томас, якобы бывшая здесь у нас. Имейте в виду, что это имя нам незнакомо и никого такого у нас не было. Очевидно, какая-то разведка. Ваши соображения о проф. Сомервелле правильны, и полезно привлекать таких друзей русского народа. Неужели Тюльпинк умер? Было бы крайне прискорбно. Может быть, он в отъезде? Попробуйте написать (без имени) директору Музея в Брюгге — не будет ли разъяснений. Вот и еще наш доброжелатель ушел — Герберт Уэллс. Кажется, не последний ли член нашего Комитета в Лондоне? Впрочем, по-видимому, Брэнгвин жив, но как-то ничего о нем не слышно. Впрочем, оговоримся, скажем — нам в Гималаях о Брэнгвине ничего не слышно, а где-то, может быть, и очень слышно. Вредные ошибки подчас возникают от неполноты осведомления. Столько ложных суждений засоряет пространство.

Обычно люди не умеют распознавать, где удача и где неудача. По внешним признакам, случайным и несовершенным, получается ложное впечатление. Кроме того, наблюдатель часто судит по своим личным воззрениям и редко допускает противоположные себе соображения. Судить от себя — выходит, думать лишь о себе. А рядом, может быть, более прямая, прекрасная дорога, но прикрытая зарослью суеверий и себялюбии. Безобразны эти темные порождения, препятствующие свободному мышлению. И сколько их копошится в обиходе, засоряя жизнь, угашая таланты, озлобляя и пресекая широту горизонта. Больной такою позорною болезнью теряет не только творчество, но и утрачивает работоспособность. Впадает в безмыслие, обрекает себя на рабство робота. Уродливый Голем, Франкенштейн! Допущение и терпимость редко умещаются в обиходе. Когда говорим "ждать и надеяться", это не значит сложить руки. Наоборот, ожидание есть напряжение всех способностей, повышение всех вибраций. В таком подъеме не упустите Вестника, не пропустите призывный стук. Часто самая ничтожная привычка является непроходимым препятствием к лучшим достижениям. Человек, одержимый привычками, становится глух и слеп и бессилен обновить путь свой. Где уж тут разобрать, где призрачная "удача" и где плодоносная "неудача", установленная житейскими мудряками. Принято возмущаться темницами, насилиями, жестокостями, рабством, но разве не сам человек строит свою темницу, да еще какую мрачную! А

попытайтесь намекнуть такому самотюремщику о его темном созидании, какого врага, смертельного врага получите! История полна примеров о тиранах, бывших рабами нелепой, ничтожной привычки.

Много и малых и больших вредителей Культуры. Лига Культуры, Всемирная Лига Культуры нужна. Твердим. Ячейки ее в самых разнообразных областях помогут отбирать добрые зерна от сорняков, от пустоцветов. Не правительства, но народы озаботятся сплочением лучших элементов. Отбор по внутренней Культуре будет делаться малыми содружествами, которые, как живые родники, сольются в широкие русла. Мир всего мира, мир по Культуре! Каждое десятилетие лишь подтверждает неотложность призыва по Культуре. Воины Культуры, Герои Культуры, вы составите непобедимое воинство. Вспомним опять Ангутара Никайю: "Воины, воины — мы называем себя. Мы сражаемся за благородную добродетель, за высокие стремления, за высшую мудрость, за то мы зовем себя воинами".

Приложу мой лист "На сторожевой башне". Пригодится. Очень грустно слышать о замечаниях Катрин. Откуда же могли произойти эти "повторения" в "Знамени Мира"? Вы и Дедлей просматривали текст и, наверно, не допустили бы повторений. Вы правы — портреты в конце не помещаются. Печально, если кто-то временно вспыхивает, а потом поникает. Такой обычай очень вреден и для человека и для дел. Плохи часы, ходящие то быстро, то медленно. Труд хорош в ритме.

Нет ли Фогеля в этом деле? Мы его совершенно не знаем. Так же и в деле картин, нет ли Еременко? Наверно, между Хоршем и Еременко был какой-то сговор. Но Хорш не только гангстер-грабитель, но и дурак. Он начал все поносить — ругмя ругать, а потом думает продать с лихвой. Парижские акулы-торговцы совсем иначе делают. Если хотят завладеть колодцем, то не будут плевать в него.

А письма нет как нет. Невозможно представить, чтобы правительственное учреждение не знало, каким путем вернее и быстрее снестись. Хорошо, что у Вас с ВОКСом опять наладилась переписка. В газетах было, что Т.Л.Васвани едет в Америку на конгресс религий. Мы с ним были всегда в добрых отношениях, отмечаю это, ибо, может быть, Вам придется встретиться. Бывают ли отзывы на годовой отчет АРКА? Неужели сочлены почитывают и помалкивают? Между тем творятся странные вещи. Послушайте Индусский Университет в Бенаресе — во главе его философ Радхакришнан, не принимает индусских девушек. Позор! Сивананда, выдающий себя за духовного учителя, в своем журнале "Божественная жизнь" написал, что образование для

индусской женщины не нужно. Вот какие ужасы сопутствуют освобождению Индии. Армагеддон Культуры! Никогда не было такого страшного столкновения крайностей. В "Эксцельсиор" недавно была прекрасная статья Алексея Карреля о мощи молитвы (прилагаю ее). Все, что писал Каррель, бывало убедительно и обоснованно. Ценно было читать мысли большого ученого — исследователя современных ран человечества. Жаль, что он безвременно ушел. Именно такие испытатели во всеоружии науки могут спешно сдвинуть сознание человеческое. Книга Карреля "Человек неизвестный"[132] так нужна для обновленного сознания. Многое необходимо обновить. Ведь бывают и такие "обновления": так, здешний брамин возымел необычную идею, а именно — составить всех богов в кучу, и тогда ему удобнее зараз обливать их каждое утро. Но и такая мысль уже была предвосхищена. Когда пресловутый "христианский генерал" Феng решил крестить свою армию, он поставил солдат в плотное каре и облил их из брандспойта. Итак, все модернизируется. Но вот беда, часто перестали замечать начало губительного ридикюля. Гранд Гиньоль сделался любимым, а если и не любимым, то частым зрелищем. Чем больше уродств, тем более жаль видеть уход хороших людей. Вот Мариночка потеряла сынишку, а именно о нем Илья сообщал столько трогательного, редкого в его возрасте. Бедная Марина — ей так тяжко. Не закормили ли мальчика новейшими лекарствами? Уж эта мания новых малоиспытанных средств!

"Квак-квак конференция" (так назвал ее делегат Новой Зеландии) породила много жестоких словечек. По счастью, на ней не случились прискорбия, как на Версальской конференции, когда Бриан бил Вильсона. Ох, довольно всякого битья и ругательств. Мстислав Удалой сразил в поединке косожского богатыря Редедю, но таким единоборством народ был избавлен от избиения. В летописях русских и кабардинских поединок этот отмечен. И вся культурная работа полна благородных поединков. Часто не знаете, за какое великое дело полагаете силы, не знаете, где-то потребовалась ваша мысль, и тем не менее она служит какому-то благу. Сердце-то чует, что был нужен во благо порыв энергии. Пусть же она, основная мощь человека, помогает самому нужному, самому прекрасному.

Добро, если Дедлей отдохнет за эти недели. Ведь ему приходится соприкасаться с такими отвратительными излучениями. Когда долетит эта весть — весь Ваш отдых уже кончился и опять поединки за благо. Много неожиданностей! Московское радио передает из Софии речь болгарского коммуниста Димитрова. В ней имеется и такой пассаж:

"Американские журналисты пытаются запугать нас атомными бомбами. Мы же ответим: "Милостив Бог!" Нежданно! В Калькутте творились ужасные дела — магометанский мятеж — тысячи убитых, многие тысячи раненых, пожары, зверства, грабежи, огромнейшие убытки, а истинные зачинатели — вся кие джинны и сураварди безнаказанно притаятся. А несчастных-то сколько! Скорбь и ужас! Время трудное!

Прилетели Ваши добрые письма от 30 Июля — 4 Августа, милое письмо Дедлея. Как понимаем мы любовь Вашу к труду ритмичному, постоянному! Я напишу пандиту Амарнату Джа и сэру Радхакришнану и Л.М.Сен (Принсипал Гов-т Школы Искусств в Люкноу) об избрании их почетными вице-председателями Комитета — ответ сообщу Вам. Асит Кумар Халдара можете помянуть как почетного] вице-чермена, ведь он с давних времен был нашим почетным советником. Непременно обогатите американскую группу — Роквел Кент, Крафт Ватсон, Пелиан и др[угие]. С.Дева и Тампи можно помянуть, а им напишите о состоявшемся избрании. Одновременно с Вашим письмом пришли два хороших письма Грабаря. Мои письма к нему шли всего 26 дней — очень скоро. Значит, письма доходят. Между прочими добрыми новостями Грабарь пишет: "Радуюсь Твоим и Святослава успехам, рад, что в Гималаях гремит наша Русь, но еще бы лучше было всем истинным сынам Родины встретиться на Родине. У нас шибко говорят о Твоем возвращении. Тебя надо, очень надо". Думаю, что и Гус[ев] порадуется такой вести. Сроки близятся. Когда почта опять наладится, я Вам пошлю несколько Конлана — можно их дать в библиотеки музеев: Метрополитен, Модерно, Ворчестер, Чикаго, Детройт, Бостон, Филадельфия, С.Франциско. Туда же можно дать и "Знамя Мира". Но когда оно будет готово? Прилагаю копию письма С.Дева — молодежь Индии хорошо мыслит. Любопытно пишет П.Сама Рао — приложу для Вашего архива. "Наланда" — хорошее издательство — просит дать книгу преимущественно о Гималаях. Уже шестое предложение за последнее время. Неру — во главе правительства. А давно ли, когда он гостил у нас, нас ругали и угрожали. Так изменчиво все. Думаем, готовьте к изданию 3-й том "Мира Огненного" — имеющие два первых тома, наверно, ждут третий. Итак, собирайте, как пчелы, мед из лучших цветов. Пусть будет Ваш урожай хорош. Всем, всем, всем сердечный привет.

1 сентября 1946 г.

Публикуется впервые

Сотруднице[133] (02.09.1946)

Дорогая наша, Ваше письмо от 20-8-46 быстро долетело, так же, как и предыдущее ко мне. Вот и из Москвы быстрее начали доходить вести, а мое "воздушное" туда шло всего 26 дней — достижение. Грабарь пишет: "У нас шибко говорят о Твоем возвращении. Тебя надо, очень надо". Уж не там ли с Вами встретимся? Неисповедимы пути!

Когда Вас называют идеалисткой, внесите поправку — реалистка! Все мы научно служим Великой Реальности — Великой Действительности. Идеализм — недостаточно определительно, но реализм тверже и описательнее. Мы говорим: защищайте культурные ценности! В этом — не рассуждение, не словопрение, но общечеловеческий приказ! Берегите Культуру! — опять приказ, гремящий, неотложный приказ. Сама действительность подтвердила спешность такого приказа. Только дураки не поймут зов о всенародном творчестве. К счастью, слышим, на Родине звучит такой зов, и народы действенно на него откликаются. Академия Наук, театры, художество, школы — все эти завоевания Культуры множатся. Вот и реализм, во всей его мощи. Давно твердили мы о сокровищах русийских, и вот теперь и газеты и радио московское неустанно говорят о ценных народных достижениях. Как говорили: "Это тебе не факт, а истина".

Вот в Москву вернулся после двадцати лет Америки скульптор Коненков. Как торжественно его встретили, завалили заказами, устроили огромную мастерскую — это тоже "не факт, а истина". А там, где народ возлюбил науку и художество — там все приложится. В пятнадцати миллионах издается Шолохов. Хороша такая реальность. В миллионах потребовался Шекспир — разве такое бывало? Русийское всенародное сокровище растет, и мы тому чистосердечно радуемся. А всякие кислые разговорчики пусть будут кладбищенскими гримасами.

И справедливость не дремлет. В Харбине повешена целая группа мерзейших фашистов — они и нам свирепо вредили. Если бы Вы знали, какие темные личности они были! Надо думать, и нюренбергских "сорников" уберут — давно пора. Посылаю Вам статью Алексея Карреля. Ценны слова большого ученого.

Вы, конечно, знаете, как бурливы здешние края. В Калькутте при мусульманском мятеже творились неслыханные зверства — ну да Вы из газет, наверно, об этом мраке знаете. Куда ни взглянете — всюду нужно Знамя Культуры — тоже не факт, а истина.

В бурю не может быть спокойно, но твердая бесстрашная уверенность не покинет испытанных путников. И Вы сейте добрые семена, реально сейте. Не пропадут они, а где будет урожай — не нам судить.

В Духе с Вами.

2 сентября 1946 г.

Публикуется впервые

Шанхай (04.09.1946)

Дорогой А.П., дорогие друзья!

Прилетели Ваши три пакета с письмом от 6 Августа — летели дольше, чем обычно, но, может быть, теперь путь опять осложняется: и у нас и у Вас неспокойно. Тем ценнее, что Ваши встречи, Ваша дружба углубляются и крепнут. Конечно, при любом труде можно возвышаться духом, но еще лучше, если качество труда и содружества этому способствует. Всегда было сказано, что труд в любых обстоятельствах не препятствует достижению. Часто, чем труднее — тем лучше урожай. Именно, не уходите от жизни. Преподобный дал высокий пример жизненного служения. Жизнь добра. Жизнь прекрасная может быть выражена в любых условиях, в любых мерах.

Около Знамени Мира не нужно формальных объединений. Вот Вас семеро — это очень хорошо! А затем каждый из Вас найдет случай где-то посеять во имя Культуры зерно доброе. Где и как взойдет оно — не нам судить. Сеятель не ведает, которые зерна дадут лучший урожай. Одно неоспоримо, что зерна добра и на земле и пространственно не пропадут. Итак, будьте сеятелями и с улыбкой, по сознанию, пошлите добрые зерна, добрые мысли. Ведь не для себя трудитесь о мире, о преображении жизни, но для неведомых Вам множеств. Если произойдут показательные накопления — сообщите в наш Комитет, там порадуются. Писать можно по-русски. За это время в Индии появилось несколько хороших статей о Знамени Мира — так идет добрый посев. Если бы только люди чаще о добре мыслили!

В последнем письме Грабарь пишет: "У нас шибко говорят о твоем возвращении. Тебя надо, очень надо". В предыдущем письме Грабарь сообщил, что в Москву вернулся после двадцати лет Америки скульптор Коненков — был торжественно встречен, завален заказами, и ему была устроена огромная мастерская. Кроме других заказов, будет ваять памятник Сурикову. Ценно, что русский народ так сердечно встречает культурных деятелей. Вообще, только подумать, что Шолохов издается в пятнадцати миллионах. В миллионах потребовался Шекспир. Растет великое русийское сокровище.

Хорошо писали Вы о Сердце. Сейчас многие народы забыли о нем, и возрос опасный сорняк — бессердечие. От этого врага рода человеческого надо избавляться. Вместо улыбки — гримаса. Вместо радости — тирания злобы. Нельзя запускать врачевание таких язв. Любая газета ежедневно пестрит убийственными заголовками. Каждый понимает, куда привести могут такие

выкрики. Бездна зла.

Избегайте всяких вредных раздражений и трений. Знайте свое добротворчество и сердечное содружество. И мыслью, и словом, и делом будьте воинами Добра. Буддийская "Ангутара Никайя" говорит: "Воины, воины мы называем себя. Мы сражаемся за благородную добродетель, за высокое стремление, за высшую мудрость, за то мы зовем себя воинами". Да укрепит Преподобный Вас в подвижнической доблести.

Рады Вашим вестям.

Духом с Вами.

4 сентября 1946 г.

Публикуется впервые

Сад

Из целого поля вдруг один колос особенно затрепещет под ветром. Один тростник вдруг закивает, а казалось бы, ветер должен всколыхнуть весь очерет. Извилины токов неисповедимы. Кажется, все травы должны или поникнуть или взбодриться, но вот одна ничем не приметная травинка встанет своеобычно.

Так же и волны земного шума звучат непонятно нашему уху. А волны потока гремят свои неповторимые песни — то почти замолкнут, то воспрянут в зовущем гимне. Поди разбери! И никогда потом не признаете, который колос отзвучал, которая травинка первая затрепетала…

Так же и в людских встречах. Не знаем первых друзей, не знаем зачатки врагов. А сколько превращений! Забавно, как бывший враг вдруг начинает претворяться в друга. Часто и причину не усмотрите. Не признать, с которым из врагов начнется такое превращение. Скажут, наверно, в основе будет корысть, искание пользы. Но не всегда ищите только мрачные причины. Бывает, что камень сердца вдруг повернется созвучною гранью.

Так и с друзьями! Вдруг около алмаза сердечного попадет невидная песчинка и начнет царапать и наносить трещинки. А сама-то песчинка совсем чепуховая, почти призрачная. От чепухи вдруг вырастает чертополох колючий-преколючий!

Добрый садовник должен бы усмотреть корешок сорной травы да и убрать его вовремя. Но и сорные травы умейте распознать. "Не выплесните с водой и ребенка из ванны". Вот у нас в саду выросло какое-то непонятное растение. Решили, что сорное — вырвали. На следующий год оно опять появилось и оказалось хорошим цветком — сильным, раскидистым. А ведь кто-то намеревался изничтожить.

А вот прекрасные дигиталисы вдруг сами пропали. Жаль! Густо зацвела магнолия, но ее пышные цветы всего на два дня. Коротка ее дружба. Щедро распустится, мимолетно сверкнет душистой белизною и превратится в грязь желтую. А скромная жимолость долго радует своим свежим духом.

7 сентября 1946 г.

Публикуется впервые

На дозоре

Прилетели Ваши добрые вести от 21 Августа. Можно радоваться, они являются хорошими предвозвестниками трудового сезона. Так оно и будет. Будем рады получить бюллетень ВОКСа с моей статьей. Совершенно не представляю, какая именно, ведь им было послано несколько. Полезно, что у Вас добрые отношения с ВОКСом и с консульством. Вы правы, без разрешения Гусева неудобно поминать его консулу. Все ведомства очень разделены. Также и ТАСС, по-видимому, стоит обособленно, и нельзя произвести междуведомственную путаницу. Увидим, каков ответ Сысоева будет на Вашу телеграмму. Конечно, Вы осведомляйте Гусева о всех подробностях.

Катрин писала и предлагала прислать еще холста. Будем очень благодарны, но холст должен быть по прилагаемому образцу. Также радостно, что книга "Знамя" закончена и одобрена. Произойдет прекрасное движение вод, так неотложное по нынешним обстоятельствам. Если Радхакришнан и Амарнат Джа не успеют мне ответить (они все в разъездах), то достаточно будет для почет[ных] вице-председателей Л. М. Сена и Асит Кумар Халдара, а для почет[ных] секретарей] — Санджива Дева и К. П. П. Тампи. Достаточно для одной страны, а если другие запоздают — не наша вина. Если книжка будет печататься у того же печатника, где и "М.О." — хороши и шрифт и бумага! В добрый час! С тревогой слушаем радио о биржевом крахе в Америке, о забастовках и всяких неурядицах. Передавал "Войс оф Америка", что крах был такой же грандиозный, как 15 лет назад, а ведь тогда вся жизнь была потрясена. А теперь еще и инфляция и стачки. Передавали, что вследствие забастовки 2500 кораблей не могут выйти из портов, а среди них и грузы зерна для голодающих. Как жестоко все! Из газет Вы знаете о пробегающих здесь мятежах, убийствах, грабежах. При этом происходят показательные эпизоды. Так, правительство Центральной провинции высказалось за суровые меры против гундов (хулиганов), а мусульманские члены при этом вышли. Получилось впечатление, что мусульмане покровительствуют хулиганам, т. е. убийцам, грабителям. Прискорбно, когда официальное радио передает такие вещи. Казалось бы, нужно искоренять разбой самыми суровыми мерами, а не прикрывать их демонстративным уходом из собрания. Всюду так много столкновений, а в результате Культура терпит, вред. Страшна была война, а теперь послевоенная буря еще ужаснее. Было

дельное письмо Валентины, было письмо из Китая: там удается сеять полезные зерна среди молодежи. Но спрашивается, сколько вестей вообще не доходит и почему многие друзья почему-то должны молчать?

Часто приходится поминать о таинственной потере наших писем и писем к нам. Последние годы все сваливалось на войну. Теперь войны нет, а тайны продолжаются. Для Вашего сведения скажу показательный эпизод. Одно культурное европейское Общество недавно обратилось к здешнему правительству об открытии здесь отдела Общества. От секретаря вице-короля получилось любезное извещение о возможности такого открытия и об избрании президента. Тогда Общество просило правительство передать мне их телеграмму об избрании меня президентом. Вот тут-то и произошло таинство — телеграмма мне не была передана. Если это возможно в одном случае, то почему тому же не быть и в других обстоятельствах? Как уследить, что именно наше не доходит по назначению и что посланное к нам исчезает? Во всяком случае, все это весьма показательно. Получаете ли Вы "Дон оф Индия" — доходит ли? Во втором номере "Аур Индия" (Дели) был мой "Красный Крест Культуры". В "Малабар Геральд" мое обращение к друзьям "Знамени Мира" — так всюду весточки о Культуре. Московское радио сообщает, что в Харбине повешена группа мерзких фашистов, так много и нам вредивших. Справедливость их настигла. Удалось ли узнать, кто в Русском Художественном Обществе; о нем Вы поминали. Где и как живет оно? Вот прошел великий день Индии второго Сентября. Воображаю, сколько о нем у Вас в газетах. Вообще, и у Вас, и у нас, да и везде неспокойно. Из-за мятежей умолкают культурные издательства. Когда теперь выйдет большой труд Юрия? Когда, наконец, закончится печатание моих трех книг? Когда друзья о них запрашивают, им отвечают "скоро" (шортли) — значит ли это месяцы или годы? А между тем события поспешают и все условия меняются. Вот Катрин с Инге собирались в Индию, но условия пути очень осложнились, и возникли всякие новые опасности. То же происходит и во многих других обстоятельствах. Как стрела сейсмографа, бьется и пульсирует напряжение жизни.

Привет Альбуэрно — его работа трогательна. Нам пока будет достаточно четыре книги. Кто мог думать, что Альбуэрно — бедный трудящийся, окажется таким деятельным. Никогда не знаете, где будет лучший урожай. Пришли два "Буддизма" и два "Пламени" — спасибо, они очень пригодятся. В Мадрасе вышел журнал "Сильпи" под моим "мотто"[134] и со статьей "Истинные ценности". Таким образом, опять Знамя Культуры было поднято.

Долго ли просуществует журнал в эти трудные дни? Нежданно нашелся М. В. Добужинский. Оказывается, он работает в фильмах в Лос-Анджелесе. Прислал мне привет, отвечаю ему тем же. Неожиданными путями отзываются друзья. М.В. с его тонким вкусом принесет много пользы амфильмам. Радио сообщило об ужасных непоправимых разрушениях исторических зданий на Мальте. При этом отмечается, что многие здания разрушены своими же защитниками и совершенно напрасно (так замечает доклад). Если бы больше думали о Культуре, такие вандализмы могли быть избегнуты. Увы, не труизм все наши зовы о Культуре. Жаль, если Мальта и врагами и защитниками исковеркана. Там, наверно, были ценные русские памятники. Сколько таких памяток раскинуто и не отмечено! Может быть, и на Аляске, и на форте Росс, и на Галапагосе имеются знаки отважных русских искателей. В Гренландии находили во льдах замерзших древних викингов, так много где могли храниться останки русских богатырей.

Читали ли Вы, что недавно был пойман мальчик-бедуин, вскормленный газелями в пустыне? Он бегал с быстротой пятидесяти миль в час. Питался травами и водою. Понимал язык газелей, а в людских отношениях совершенно дик. В Бомбейском журнале было его фото. Вот прекрасный пример для вегетарианства. Пожалуй, в людском обиходе такое дитя пустыни скоро погибнет. Также читали ли Вы замечательный случай в Стокгольме, где молодой человек увидел в окне через улицу убийство молодой девушки, которое совершилось через три месяца? Если бы всякие такие особенные эпизоды внимательно изучались! Помните знаменитое видение шведского короля и его свиты события, совершившегося в будущем через несколько десятков лет? К сожалению, наука предубежденно относится к таким редким явлениям. Впрочем, в сущности они вовсе не редки, но люди по невежеству скрывают и стыдятся их. Сейчас неожиданно после десяти месяцев воскрес "Искусство и Культура" — во главе мои "Святые гости", "Ригден" и "Армор оф Лайт". Удивительно, как может существовать журнал с такими почти годовыми перерывами, без всяких объяснений? Мысленно мы его давно похоронили, и вдруг покойник воскрес. Надолго ли? Непременно прочитайте журнал "Тайм" от 22 Июля. Там любопытные сведения о псевдойоге Бернаре, о том, как жена его Ганна Вальска, наконец, откупилась от этого деятеля. А ведь многие легковерные уверовали в него. Интересно, что произошло с другой парой — м-с Пуллман и ее лихим фашистом "графом" Вонсяцким? Тоже мрачное сочетание! Сколько таких вредоносных комбинаций где-то вращается, сколько сору порождается!

Сейчас Катрин прислала копию очень странного письма Франсис, о котором Катрин будет советоваться с Вами. Не передаю все содержание письма, ибо Вы прочтете в оригинале. В письме поминается какая-то задолженность пресса и чуется попытка вовлечения в какие-то неприятности. Чуется адвокатская рука, имеются упоминания о каком-то взаимном соглашении. Словом, и Катрин и Вам нужно быть на страже и очень оградиться. Кроме изданий пресса (их, по счастью, не так много), были издания Брентано, Стокса, Корона Мунди, Страдфорда, Адьяра, Праги и другие, до которых пресс не имел денежного касания. Некоторые из этих изданий появлялись ранее основания пресса. Письмо Франсис имеет намеренно официальный характер, а подчеркнутая какая-то задолженность пресса заставляет думать об адвокатском подкопе. По счастью, серия Агни-Йоги издавалась не прессом. Думается, письмо имеет в виду не столько склад (сторадж), о существовании которого никто и не знал, а нечто иное. Поспешу отправить мое письмо, чтобы предупреждение дошло до переговоров — в них нужна сугубая осмотрительность. Сердечный привет всем Вам.

15 сентября 1946 г.

Публикуется впервые

Сеятели

Сейчас прилетела Ваша весть от 3–4 Сентября. О поездке и не думайте. Теперь мы ждем ответ Грабаря на мое последнее письмо — нормально он мог бы быть в конце Октября — увидим. Так же и Сысоев может ответить на Вашу телеграмму. Кроме того, много туч на горизонте, Вы их сами видите. Мы очень тронуты Вашей решимостью, но сейчас Вам нельзя отлучиться из Вашей сторожевой башни. Время очень напряженное. Вы совершенно правы в отношении Ренца (Линц). Обстоятельства там слишком сложны. Вы ему писали о "Знамени Мира" и ни о чем другом. Да, да, воздержитесь, чтобы не вмешаться во что-то неприятное. Также и с письмом Франсис нужна осмотрительность. Чуется какой-то подкоп. Увы, она уже много, где вредила. Вы правы, что мертвецам рассылать книгу "Знамени" не следует, но кто жив, кто мертв? Следует, чтобы книга не попадала во вредительские руки.

Сама жизнь подсказывает, где находятся новые, полезные. Вот Альбуэрно и Лара полезны. Я послал Вам адреса в Швеции. Радуюсь, что пандит Амарнат Джа согласился — он здесь в большом почете — именно для таких деятелей подобает почетное наименование. Здесь мы дадим несколько книг в книжные магазины и для отзыва. Таким порядком можно затронуть новые круги. И Вы так же сделайте. Попросите Хелин дать отзыв. В Ригу пока не посылайте — неизвестно, где друзья. Может быть, отзовутся Норман Бел Геддес, Один Дауне, Якобсон, Сомервелл.

Естественно, если и Дедлей будет иметь часть в Либерти. Каждый посох в пути пригодится. Вы пишете об астрономически растущих ценах. Такая бурная инфляция не кончается безмятежно. Да и всюду террор и неурядица. Понимаем, как хотелось бы Вам выпорхнуть на свежую воду, но дела Мира требуют осмотрительности. Культура забыта, и вместо нее кажет когти технократия.

А без Культуры засохнет сад. Странно наблюдать, как, казалось бы, разумные люди забывают поставить во главу их начинаний именно Культуру. Точно бы без нее зубчатая технократия вывезти может. Вы правильно упрекаете УНО за забывчивость о Культуре. Итак, будьте бесстрашными сеятелями добра.

18 сентября 1946 г.

Публикуется впервые

А.П.Х. [135] (18.09.1946)

Дорогой А.П. Сердечно порадовала нас Ваша добрая весть от 21-7-46 — что-то долго летела! Но хоть и долго, зато хороша она, извещая о прославлении имени Преподобного Сергия. Не отступит народ русский от своего великого наставника и не выдаст Преподобный любимую страну Свою. Светлые Знаки зажглись, и нипочем всякие клеветы. Набирайте здоровья скорее. Чудеса! У Вас всякие щеголевские знаки препинания, а ВОКС из Москвы сообщает, что печатает в бюллетене мой лист. А Грабарь кличет: "У нас шибко говорят о твоем возвращении. Тебя надо, очень надо". Зря он говорить не будет. И письма из Москвы и мои туда стали доходить быстрее. Пусть быстро течет река жизни. Сообщайте, что с газетами.

У нас, как и везде, неспокойно. Наверно, в Ваших газетах много пишут о здешних краях. Корабль трещит, но поплыл.

Газеты обеспокоены так называемой каменной болезнью, разрушающей скульптуры в городах Европы и Америки. Даже изваяния Парижского Собора Богоматери заболели. Причина предполагается от газов нефти. Может быть, и разные иные газы и яды начали свою истребительную деятельность. Полвека назад писалась статья "Боль планеты", а с тех пор мировое отравление возросло. Гуманизм был отставлен, и человечество устремилось к самоистреблению. Давно мы знали, что деревья погибают в городах, отравленные ядовитыми испарениями, но теперь очередь дошла до камней — куда же дальше? Гнилая "цивилизация" готова отравить всю планету. Была давно статья "Крылья" с вопросом, не слишком ли рано полетели двуногие, что понесут железные птицы — убийство и разрушение или просвещение?

Вот почему "Знамя Мира" оказалось таким неотложным. Пусть чертяги корежатся при упоминании о Культуре, о Знамени Мира — им ненавистно понятие добротворчества и Мира. Но человечество в сердце своем всегда взывало "о Мире всего Мира". Истина не ржавеет, в какой бы промозглый подвал ее ни пытались запрятать. Прекрасный Жар-Цвет правды и добра преоборит любой мрак. В какое бы самоомрачение ни впадали слабовольные люди, но Надземная Истина их опять-таки просветит. Жаль, что "Надземное" еще не могло быть издано. В нем много повелительных зовов, так неотложных сейчас.

Хочется сегодня же послать Вам приветную весточку. И о Вас и о Ваших милых сотрудниках-добротворцах думаем часто и шлем сердечные мысли. Даже в трудные дни дух Ваш не поникает, и в этом — светлое достижение.

"Радоваться Вам"!
18 сентября 1946 г.
Публикуется впервые

Трудовой сезон

У Вас трудовой сезон уже будет в разгаре, когда эта весточка долетит. Неужели Сысоев молчит и на Вашу телеграмму? Нет ли чего от Бабенчикова, от Грабаря? Не знаешь, куда он ответит — через Вас или прямо сюда? Ну и ждется! Ведь если что затянется, то опять на год, до следующих холодов. Светик давал Ваш адрес некоему Азиму Гусейну — он едет с какой-то здешней комиссией, теперь их так много. Конечно, ни о каких хоршевских историях ему говорить не будете, а так все в превосходной степени. Эптон Синклер прислал подписную свою последнюю книгу. Пошлите ему от меня книгу "Знамени", когда она выйдет. Все в мире замедлилось. Некий писатель задолго до войны просил мой очерк "Вечная жизнь" для его "Симпозиума". Я уже и забыл давно, а теперь пришло извещение, что "Симпозиум" скоро выходит. Впрочем, во втором веке до Р. [Х.] Китайское Посольство в пути к индо-скифам было задержано гуннами на пятнадцать лет, а потом преспокойно прибыло по назначению. Пример медлительности!

Предполагали, что хоршевский покровитель будет убран, и вот совершилось. Видимо, такая психическая инфляция происходит, настолько понизился уровень, что даже такая человекообразная пародия могла плавать и шуметь на позор нации. Конечно, гангстеры очень находчивы и увертливы, но все же и космическая справедливость существует. Прислушивайтесь. Присматривайтесь. Широко по миру громыхает свистопляска, а добрые элементы запуганно прячутся в норки, чтобы не получить кинжал в спину. "Доколе Каталина будешь испытывать терпение наше?" — вопрошал Цицерон, и много речей было произнесено, прежде чем общеизвестный преступник был низвержен. Сократа легко было отравить, Аристида Справедливого мясники изгнали, Платон в рабстве, Анаксагор осужден, Перикл оклеветан, Фидий — в темнице. Так распоряжался классический мир со своими великими мыслителями, творцами. А теперь еще и инфляция.

Недавно я писал друзьям в Китай об удивительном, хотя и вполне понятном явлении. Повторю это газетное сообщение и Вам. Газеты обеспокоены так называемой каменной болезнью, разрушающей скульптуры в городах Европы и Америки. Даже изваяния Парижского Собора Богоматери заболели. Причина предполагается от газов нефти. Может быть, и разные иные газы и яды начали свою истребительную деятельность. Полвека назад писалась статья "Боль планеты", а с тех пор мировое отравление возросло. Гуманизм был отставлен, и человечество устремилось к самоистреблению. Давно мы знали, что деревья погибают в

городах, отравленные ядовитыми испарениями, но теперь очередь дошла до камней — куда же дальше? Гнилая "цивилизация" готова отравить всю планету. Была давно статья "Крылья" с вопросом, не слишком ли рано полетели двуногие, что понесут железные птицы — убийство и разрушение или просвещение? Вот почему "Знамя Мира" оказалось таким неотложным. Пусть чертяги корежатся при упоминании о Культуре, о Знамени Мира — им ненавистно понятие добротворчества и Мира. Но человечество в сердце своем всегда взывало "о Мире всего Мира". Истина не ржавеет, в какой бы промозглый подвал ее ни пытались запрятать. Прекрасный Жар-Цвет правды и добра преоборит любой мрак. В какое бы самоомрачение ни впадали слабовольные люди, но Надземная Истина их опять-таки просветит. Жаль, что "Надземное" еще не могло быть издано. В нем много повелительных зовов, так неотложных сейчас.

Хейдок пишет: "Я-то забыл день нашего Великого Подвижника, но там-то, на Руси, не забыли. ТАСС передавал, как торжественно справлялись службы по Сергию там при громадном стечении народа. Знать, уже вынесли, подхватили, гремят…" И еще Х. пишет: "Я принес три Ваших статьи Чебыкину, ТАСС, но прежде всего я спросил его, знакомо ли ему Ваше имя. К моему удивлению, он признался, что нет. Ч. очень славный человек и доброжелателен ко мне. Я ему прочел очень краткую лекцию о Вас и дал ему прихваченный из дому (на всякий случай) номер московских "Славян" с Вашей статьей. Мне показалось, что действие этого номера было весьма близко к действию т[ак] называемых верительных грамот. Вчера я посетил Ч. опять, и он сказал мне, что Ваши статьи уже направлены в газету для помещения; он также послал редакционному персоналу номер моих "Славян" для ознакомления. Кстати, мой молодой друг В.Степаненков нашел достойного китайца, с которым он уже работает по линии Знамени Мира. Я советовал В.Степ[аненкову] написать лично Вам о том, как идет подготовительная работа".

Хорошие труженики, а ведь в каких трудных обстоятельствах сами находятся! Поистине, чем труднее людям, тем больше Света излучиться может. Великий двигатель — трудовое напряжение.

На дозоре создается расширенное напряжение. Бояться его не следует. Почему не прислушаться ко множеству разнородных звуков? Ведь сейчас очень звучит пространство. И у Вас происходит многое показательное, да и оттуда каждый день особые вести. По внешним признакам трудно распознать, что именно означают отдельные отрывки, долетающие издалека. Во всяком случае, нечто задвигалось. Остается внимательно прислушиваться. Не посетуйте, что пишу по-эзоповски — это

осталось со времени войны. Впрочем, и сейчас в мире не лучше, если не хуже. "Войс оф Америка" сообщает, что отставка Уоллеса принесла облегчение (релиф). Теперь этот тип превратится в "миротворца" и начнет вводить в заблуждение человечество своими новоизмышленными "мирными" идеями. Есть такой жук — "вор-притворяшка". Каков притворщик! Не он ли десять лет тому назад рассылал всюду вредительские письма о том, что он не имеет ничего общего с мирным движением. Лгун надеется, что ему никто не напомнит его собственных "деяний", причинивших столько вреда мирному движению. А вдруг кто-то ему напомнит?! Очень прислушайтесь к его проделкам и к судьбам его ставленника, к которому он ходил по черному ходу с поднятым воротником и в нахлобученной шапке. Горько ошибутся, кто ему поверит — обманет волк в овечьей шкуре. Прислушайтесь! На разных концах шевеление. Любопытно, что мое печатает ВОКС — в своем русском или английском издании?

Сейчас вернулось из Брюгге мое письмо с надписью о смерти Тюльпинка. Жаль, безмерно жаль! Если еще не поздно, помяните его добрым словом в книге "Знамени Мира". Во время войны охранил Музей, а теперь ушел! Нужно установить положение Музея, ведь там 18 картин. Вероятно, кто-то назначен от Городского Правления — дом был дан от города — на каких условиях, не знаем (об этом Тюльпинк не сообщал). Морис пишет из С. Луи, там ему предложили вести класс в Музыкальном институте. Он видел Франсис в С. Фе и очень печалится о ее непримиримых жалобах на всех. Отвечая ему, я писал: "Печальны Ваши сообщения о Франсис. Мы слышали о ее жалобах направо и налево, без разбора. Получается вредительство. Она умеет жаловаться на всех, кроме себя, умалчивая о своих поступках. А ведь ее поведение многому способствовало. Вы правы, с таким характером ничего не поделаешь. Должно быть, и от Учения окончательно отступилась, а такое отступничество добра не принесет. Карма!.."

От Магдалины прилетело поздравление ко дню рождения — очень милая графика. Передайте ей мой сердечный привет и пожелание успехов в ее работе. Не слышали ли чего от Мясина? Где мои эскизы? Если его постановка не вышла, теперь эти эскизы нужны Вам для выставки. У Вас постоянное круговращение народов. Кстати, где теперь выставка моих репродукций? Была ли она в С. Луи и в Канзас-Сити? Жива ли м-с Тер в Филадельфии? — хороший человек.

На днях разобрал картотеку адресов — вернее, бывших адресов. Какой синодик! Осталось меньше десятой части, а все остальное ушло — вымерло или в безвестном отсутствии. Кабы

были живы, наверное, искали бы сношений. Правда, какие-то новые проявились, но не знаем их, можно ли положиться? У Вас, видимо, то же самое происходит. Вы пишете об астрономических ценах. Мировое явление! И чем может оно уравновеситься? Пока неразбериха лишь возрастает. Культура, гуманизм опять на запятках, не о том люди думают. Забыли о главном, о жизнедателе. Робсон с делегацией у Трумэна против многих линчеваний негров. Вот Вам и "цивилизация", не сумевшая вырасти выше зверского линчевания. Прискорбно! Тем усерднее будем служить Культуре, каждая борозда на этой пашне неотложна. Привет Вам, привет всем друзьям.

1 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Ждем

Спасибо за Ваше доброе письмо от 16-9-46. Много в нем срочного. Все соображения Гусева очень показательны. Прежде, чем писать Шв., мы послали Грабарю телеграмму с вопросом, получил ли он мое письмо от 20 Августа; надеемся, он ответит. Цена на брошюрах Р.Ренца имеется на обложке — одна рупия и две с половиной. Конечно, можете прибавить, сколько по местному можно. Спасибо за Ваши карточки. Странно, неужели Илья не показал Вам карточку Девики и Светика, а Е.И. просила его показать Вам. Е.И. несколько дней нездоровилось, но теперь все в порядке. Уид Светику не писал. Юрий благодарит за книгу — еще не дошла. Пожалуйста, пришлите две "Сердце Азии" по-английски — у меня нет ни одной. Очень, очень жаль Брэгдона, да, уходят хорошие люди. Радуемся, что Конлан нашелся. Вот еще пример, что Париж отсюда почему-то недосягаем. Сердечный привет ему. В англ[ийской] газете, где он пишет, он может говорить о "Знамени Мира", когда книга выйдет. Хорошо, если удастся Вам достать адрес Гаральда Лукина и связаться с ним. Кем он был арестован? Как погибли его мать и брат? Как сейчас живет Гаральд? Что Рудзит[ис] и прочие? Бедная Дукшинская! Но что можно сделать для них? И все мечты об Америке, о той, которая сейчас и не существует. Правильна Ваша осторожность с А.Ренцем. Вполне ли нормален он? Пусть думает только о "Знамени Мира" — ни о чем другом. Если приедет в США, может стать Вам очень трудным, а ведь у Вас и без того хлопот по горло. Пусть бы Роквел Кент согласился — к нему лежит душа. Поистине, почему-то Париж недосягаем. Юрий не мог оттуда книг достать, не мог дознаться, жив ли Бако. Стороною лишь узнали о смерти Пеллио (неприятный тип). Светик не мог холст достать из Парижа. Шкл[явер] Юрию не ответил. Мои письма в Швецию, Португалию, Аргентину возвращались назад, а сколько вестей из разных мест вообще пропадало! Теперь поучительный эпизод с Сысоевым. Неужели он и Вам не ответит? Если бы Сысоев ответил на Вашу телеграмму, Вы, наверно, телеграфировали бы нам. Трудно предположить такое положение вещей, чтобы деловая телеграмма с оплаченным ответом оставлялась без внимания. Посмотрим, ответит ли Грабарь на нашу телеграмму. Мы хотели послать ответную, но здесь не приняли и пришлось послать без оплаченного ответа. А время, время-то бежит. Вообще, видимо, мы встретились с какою-то чудовищною неувязкой. Все началось с письма Гусева, по поручению Комитета искусств. Тогда этот Комитет отлично действовал через Амторг. Мой ответ был вполне

доброжелателен, а потом и началась неразбериха. Трудно предположить, чтобы письма Гусева оставались вообще без ответа — ведь между деловыми ведомствами так не бывает. Затем дело дошло до сысоевского мифа. Грабарь и Бабенчиков говорят одно, а гусевское обстоятельство куда-то провалилось. Да и с выставкой советских художников, видимо, тоже все стало странным. А время-то бежит! Точно бы для некоих людей время цены не имеет. Не удалось ли Вам установить, кто в Русском Художественном Обществе, о котором Вы поминали? Все ищешь хоть какую-нибудь логику в происходящем. ВОКС теперь начал Вам отвечать, а на мое письмо председателю ответа не было; но мое письмо дошло, — оно было с обратной распиской, и расписка в получении сюда вернулась. Всегда ведомства на письма отвечают. Что ж, придется сказать себе — верно, в дороге пропало, ведь "все" непосланные письма "на почте пропадают".

Дикие нападения на невинных прохожих в Калькутте, в Бомбее, в Дакке, в Ахмедабаде и в других городах продолжаются. Граждане опасаются выходить из дома. Официальное лицо заявляет, что за это время в Калькутте число убитых и раненых достигло сорока тысяч. Все говорят о каких-то таинственных гундах, но кто они? Их не судят, не уничтожают как убийц; по крайней мере, имена таких убийц-грабителей почему-то не объявляются. Кто убийцы? Кто убитые? Только голые, неумолимые, каждодневные цифры дополняют мрачные синодики. Очевидна какая-то темнейшая организация. Но кто предводители? Кто вдохновители? И нависает кровавый туман ножовщины. Это не революция, а убийство из-за угла неповинных прохожих. Но ведь где-то заседает главный штаб гундов? Кто-то зовет их хулиганами, хотя проще называть убийцами. Больно думать, что наряду с Ганди и Неру гнездится и мрачная ватага гундов. Кто-то присылает гундам ножи, кинжалы, тысячами прибывают такие зверские посылки. Доколе? Сураварди в Калькутте запретил печатать сведения об убитых, а газеты заявили, что тогда они вообще не будут выходить. Нищих на улице подкалывают!

Прилагаю доброе письмо м-с Мозер — поблагодарите ее от меня. Если у ней грудная жаба, пусть она не утруждает себя излишней работой. Тампи ждет Вашу бумагу об избрании. Л.М.Сен уже писал ему с большой радостью о своем почетном избрании. Хорошо, когда люди радуются. Думается, не сделать ли Амарнат Джа почет[ным] черменом на Индию, а Л.М.Сен и Халдара почетными вице-черменами на Индию. Дело в том, что положение Ам. Джа выше, — обсудите и решите во благо. В "Дон оф Индия" в Июле была статья Терещенко. Пусть АРКА это

отметит. Если бы только могли воедино собраться все доброжелательные элементы и крепко объединиться во имя Культуры и Мира. Мое воззвание к друзьям Мира обошло еще несколько газет, — кто-то прочел его. Надеюсь, оно не пойдет на обертку кинжалов. Судьбы газетного листа многообразны. Мой привет Ганди идет в Октябрьском номере "Аур Индия". В "Форум" 22-9-46 мое письмо с вопросом, кто теперь в Министерстве Просвещения и Искусств. Впервые искусство помянуто. Любопытно, ответит ли новый министр? Вы, конечно, читали о дружественной встрече Молотова и Менона (представитель Неру). Говорили о дипломатических сношениях с Индией — скорей бы, давно пора. Был у нас Рудра, профессор Аллахабадского университета, на редкость славный. Большой почитатель новой Руси, но сколько чепуховых сведений преломляется за дальними расстояниями. Питаются переводными случайными сведениями. Даже подпрыгивал на диване от радости, когда мы с Юрием осветили истинное положение. Хороший, просвещенный деятель. Повез мой привет Неру. В "Твенти Сенчури" — мое "Прекрасное единение". П. Сама Рао собирается издать отдельную брошюру — видимо, очень благорасположенный.

Как начнешь записывать все движения воды в течение двух недель — много добрых знаков накопляется. Вот кабы у Вас новые, молодые подходили — нужна такая дружина во благо Культуры. Пусть они будут трудящие, пусть им живется нелегко — тем более сердце их будет открыто к новому строительству. Как Верхарн сказал: "Пусть это будет человек борьбы, но не человек террора". Ведь не все же студенты устремились лишь на кулачные бои да на скачки. Может быть, и в Вашем женском обществе имеются "взыскующие души"? Как нужны простые, привлекательные, культурные формулы, уж очень обазурилось человечество. Стало злое, беспощадное, бесчеловечное. Слов нет — всем трудно. Но ведь неприлична старая злая заповедь: "человек человеку — волк" после всяких конференций, комиссий, подкомиссий, после всевозможных чрезвычайных послов "добрых пожеланий". Именно добра-то и мало.

Приходила группа индусов, сикхов и американский военный доктор — знали картины по Нью-Йорку. Говорили, что русское искусство оставило особо глубокую память в США в лице Рахманинова — музыка, Рериха — живопись и Шаляпина — пенье. Стравинского как-то обошли. Вообще, около Стравинского что-то неладно. Эскизы от Мясина лучше достаньте и выставьте. Видимо, его новая постановка не вышла — лишь бы эскизы не пропали. Помните, как парень с галерки уронил в партер шапку с орехами и кричал: "Орехи-то возьмите, шапку-то отдайте". Ох,

много шапок-то пропало. Любопытно, какой ответ из Брюгге получите. Не помер ли Руманов? Всегда его добром поминаем. А Блюменталь, Рудзит[ис], Клизовский и все прочие? С Булгаковым обменялись письмами, да на том и замолкло. Не до писем ему. Кто знает, может и мы для кого-то померли. Вот Хорш, наверно, не одному Гусеву свой поклеп болтал! Вранья-то, вранья у Хорша да у Уоллеса хоть отбавляй, враньем и живут. Ну да не все же люди дураки, тоже учуют, где оно, вранье злобное. Очень прислушивайтесь, о чем ветер шелестит, много сейчас ветров. А коли много ветра — значит, воздух прочистится и паруса надуются, ждем!

Думается, у Вас много новостей соберется. Радио из Москвы передавало, что в Мадисон-Сквере был огромный митинг американо-советской дружбы, единогласно присоединившийся к компании Уоллеса "За мир". Бедные! Неужели они верят такому злостному типу? Что общего у него с благородным понятием МИР! Помните, как он вредил мирному движению и по телефону старался предубедить судью против истины. Какой же честный деятель пойдет на такие мерзости? Теперь он задумал массовый обман, а добродушные легковерные бедняги опять поверят обманщику. Сколько легкокрылых мотыльков сгорает у лампы. Недавно "Войс оф Америка" передавал ужасную песню "Пьяная крыса" (интоксикатед рат). С огорчением мы думали, что же случилось с человечеством, если его может забавлять такая дикая, рваная чепуха! Впрочем, каждый по-своему с ума сходит.

Катрин телеграфно спрашивает, во сколько экземпляров печатать брошюру "Знамени". Такая мемориальная брошюра может быть распространена и по библиотекам, потому количество зависит от пожертвованных средств. Поминая Спенсера, надо бы его назвать дорогим, любимым сотрудником Комитета. Дир енд беловед[136] — таким и был милый мальчик. Степень удешевления печатания зависит от числа экземпляров, но отсюда предусмотреть это невозможно. Только на месте можно найти лучшее решение, ведь теперь все условия печатания так изменчивы. Сейчас письмо от Ренца (Австрия), копию прилагаю. У него уже "Роерих-Гезельшафт", а генерал Кларк предложил ему строить Университет Мира! Каково! Сказка, да и только. Писать мы ему не будем, а если Вы будете, то скажите, что здешнее Правит[ельство] не передало мне телеграмму из Австрии (о ней я писал Вам) — значит, считают сношения нежелательными. Потому помолчим, а ему передайте наш привет и пожелание успеха в работе для Мира через Культуру. Адрес его какой-то новый — другой город. Странно все это, но если посеет семена Знамени Мира, и на том спасибо. Также скажите, чтобы с другими

обществами не сливался, а был лишь с группою друзей-соотечественников. Еще можете прибавить, что покровитель на отъезде и адрес изменится. Сношения совсем трудны. Вот мы хотели помочь Ведринской, но и наше письмо и попытки Катрин и Валентины ни к чему не привели. Получила ли Катрин деньги обратно? От Зины телеграмма о цвете обложки "М.О.". Отвечаем, что "маррон" приемлем и дополнительных экземпляров не нужно. Если хотите взять на обложку книги "Знамени Мира" Знак со знаменем — возьмите (прилагаю).

Итак, Сысоев не ответил Вам на телеграмму с оплаченным ответом — очень странно! Не умер ли? Но тогда учреждение ответило бы. Грабарь молчит, но мог бы уже ответить на нашу телеграмму. Если верить газетам, у них там опять суды да обсуждения да закрытие журналов — неспокойно. Пусть будет у Вас все ладно.

"Радоваться Вам!"

15 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Грабарь (15.10.1946)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Сегодня сразу две Твоих добрых вести. Письмо от 3 Августа и телеграмма, переданная через Америку. Значит, мое письмо от 20 Августа дошло и Твой ответ в пути. Вот это хорошо — пусть будет все в движении. Как заповедал Петр: "Промедление смерти подобно". Приветствуем Тебя с внуком. Радуемся хорошим вестям о Коненкове и о Нерадовском — привет им.

Именно Ты осветишь высокую личность Серова. Ты знал его, а теперь расцветут в Тебе воспоминания, и сложится редкий синтез. Чую, как прекрасен будет этот капитальный труд. Да, портрет Е.И. был у Брайкевича в Лондоне. Все его собрание должно было поступить в Тэт'с Галерею, но переговоры как-то не закончились, и где теперь собрание — неизвестно. Так сообщил мне директор Галереи. Да, репинский рисунок молодого Серова был у Тенишевой, а после ее смерти куплен мною в Париже, где сейчас и находится среди наших вещей. Было слышно, что все это в сохранности. Около имени В.А. много прекрасных воспоминаний. Мы так рады, что во время писания портрета Е.И. мы сблизились. Писал В.А. долго, более четырнадцати вечеров (при электричестве), и после бывало дружеское чаепитие. Очень понравилась ему вурмовская темпера (Мюнхен), и он часто забегал за недостающими красками. Удивительные люди были на нашем веку.

Ты писал, что пишешь портрет Тарле, — мы так любим его книги — достали их сюда. Небось, он забыл, как я пытался пригласить его лектором в Поощрение. Замечательный ученый, справедливый историк, а ведь это редко. Часто вместо беспристрастия преподносится отсебятина. Юрий тоже очень ценит Тарле. Кстати, дошел ли к Тебе оттиск статьи Юрия "Индология в России"? Здесь она очень отмечена. Я послал ее Тебе и отсюда и через Америку. Также послали Тебе годовой отчет нашей АРКА. ВОКС сообщил нашим сотрудникам, что он печатает в своем бюллетене какой-то мой лист, но когда, не знаю.

Сегодня Москва передавала о снегах и морозах, что-то рановато. У нас тоже горы разукрасились свежими снегами — сверкают. Вот перед окном гора в восемнадцать тысяч футов, а ее за особую высоту не считают, но Монблан в пятнадцать тысяч почтен как владыка — все относительно. С северной стороны у нас вершины в двадцать две тысячи. Ну, этот Гепанг уже признается высотою. Обо всем можно будет рассказать.

Будем ждать Твою добрую весть. Здесь все не скоро делается.

И сказка не скоро сказывается, и дело не скоро делается. Даже ящик построить и то уже предприятие. Сейчас издаются три моих книги. Две из них уже с 1943 года в печати. Потому-то так поминается петровский указ: "Промедление — смерти подобно".

Спасибо, что скоро ответил, и то ведь шло почти два с половиной месяца. К каким масштабам приучает действительность, а время-то бежит, ух как бежит. Где-то повстречаются наши письма, пожелают друг другу успешного пути и заспешат дальше. Итак, давай встретимся во благо Родины. Всем Твоим от нас всех душевный привет.

Сердечно…

15 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Дорогая наша В.Л

Сейчас долетела Ваша весть от 20-9-46 и карточка дошла. Немало грустного Вы сообщаете. Помнится, я кончал одно письмо заветом Соломона: "И это пройдет". А теперь начну этим же мудрым советом. Именно "и это пройдет". Как говорили, "пер ангуста ад аугуста".

Когда прилетело Ваше письмо, я писал очень показательную страницу из прошлого. В нашем Комитете Императорского Общества Поощрения Художеств мне выпала доля семнадцать лет сидеть рядом с известным злобным реакционером Боткиным. Преопасный был кощей! Сколько раз пытался он опрокинуть меня, но все же не смог. Тактика его была поразительна — прямо гоголевский тип. Когда меня избирали академиком в Академии Художеств, он произнес зажигательную речь против, о чем мои друзья немедленно мне телефонировали. Но проделка его не удалась. На следующее утро в восемь часов он явился ко мне с объятиями и со словами: "Ну была битва! Слава Богу — победили!" Он был много старше меня и частенько, ухмыляясь, говаривал: "По всем вероятиям, вы будете хоронить меня, а может быть, еще я вас похороню". Так и вредительствовал на всех путях. Но помнил я мудрую запись Леонардо да Винчи: "Терпение для оскорбляемых то же, что одежда для зябнущих. По мере усиления холода одевайся теплее, и ты не почувствуешь холода. Точно так же во время великих обид умножай терпение — и обида не коснется души твоей". Много раз терпел обиды Леонардо, но истина осталась за ним. Очень люблю его записи. Конечно, "и это пройдет!"

Если Вам полюбился мой "Сад" — можете его печатать. Все это, казалось бы, известно, но положение вещей заставляет иногда напомнить о "труизмах", заброшенных, забытых. Вот Тургенев напоминал о красоте русского языка. Кажется, общеизвестное, но напомнить нужно было. Да и теперь не мешает повторять этот "труизм". Пострадал русский язык, много где искалечился. Забыть-то легко, а вспомнить трудно. Вообще, словари зла разрослись, а словари добра скорчились. Опять кто-то упрекнет в труизме. Да еще бы не труизм, да еще какой большущий! А ничего не поделаешь. Жизнь о нем так и твердит. Обозленное человечество заражает друг друга. Призыв Ганди против насилия кажется утопией. Но не боясь оказаться смешным в глазах невежд, Ганди без устали твердит спасительные слова. Все это Вы знаете, и все же будете очищать пыль с заброшенных "труизмов".

Разве не попала Культура в число таких "труизмов"? Разве допустимо в "обществе" начать толковать о мире всего мира? Пожалуй, еще выведут за неуместные речи. И опять все это Вы знаете, но взаимоукрепиться неотложно нужно. Недавно "Войс оф Америка" предавал омерзительную песню "Интоксикатет рат" — и кому такая вульгарность нужна? Но вот не только поют, но и пространство заражают. Не заботятся люди о чистоте пространства. Даже камни заболели, — читали о такой эпидемии? Е.И. шлет душевный привет. Любим Ваши вести. Не скупитесь и на радостные и на грустные. "И это пройдет!"

"Радоваться Вам!"

17 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Дозор (20.10.1946)

Друзья, Вы уже получили мой лист "На сторожевой башне" о деятельности членов наших комитетов. Поистине, требуется бессменный дозор во имя Культуры.

Президент Рузвельт, подписывая наш Пакт, правильно заметил, что внутреннее значение Пакта гораздо глубже, нежели самый инструмент. Так оно и есть. События, потрясшие весь мир за последние годы, лишь подтвердили правильность слов покойного Президента. Он понимал, что Пакт заключается в общественной охране Культуры. Не только правительственные меры и указы, но именно частная инициатива может окультуривать смущенное сознание человечества.

Некоторые легкомыслящие могут вообразить, что меры против телесной войны уже исключают надобность друзей Знамени Мира. Ничуть не бывало! Каждый пытливый наблюдатель может убеждаться, насколько наш девиз: "Паке пер Культура" — "Мир через Культуру" становится насущным, неотложным. Каждый может видеть, что война нервов, война психическая может разлагать человека сильнее войны телесной.

Панацея против такой гнилостной эпидемии лишь в зернах Культуры. Растить эти семена может всякий, во всяком своем положении. Каждый может сеять благие зерна повсюду, а особенно среди детей. Веское слово навсегда запечатлевается в детском мозгу. Краткое, доброе речение чеканится в извилинах мозга, не забывается с годами, и при надобности выплывает из сокровищницы сознания. Так, каждый в любом быту может действовать благотворно. Может быть строителем нового поколения.

Но одинокость может притуплять порывы. Может показаться, что говорится камням. А когда еще, подобно сказанию о Бэде Проповеднике, и камни ответят: "Аминь!" Потому наряду с работою в одиночку берегите и группы Ваши как родники взаимоукрепления. Очень сохраните Ваши ячейки. Приобщайте и молодых сотрудников. Опытность рождается из неопытности. Товарищество крепит мужество, несломимость.

Не обижайтесь, если какой-то невежда оклевещет Ваши зовы "труизмами". Непримененная истина не есть труизм. Многие культурные истины заброшены на позор человечества. "Знать, знать, знать", — сказал мыслитель. "Преобразить жизнь", — ответит другой. "Оберечь лучшее достояние человечества", — добавит третий.

Радуемся Вашему изданию "Знамени Мира". Пусть оно

напомнит новобранцам Культуры о том, что было сделано их друзьями. Многие из них уже завершили земной путь, но их зовы живы. Они зазвучат в новых селениях, они пробудят новых богатырей Культуры, "от народа, народом, для народа", во славу нового, прекрасного строительства. "Паке пер Культура".

20 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Другу[137] (22.10.1946)

Спасибо за доброе письмо из С. Луи (числа на нем не было). Желаем всякого успеха на новом месте. Город большой, и много друзей там найдется. Что делает там Кришна, брат Ишвары? Привет ему, хотя лично я его не встречал. Верно, он и журнал получает?

Катрин сообщает, что к памятному дню 17 Ноября, вероятно, выйдет книга "Знамени Мира". Попросите, чтобы Вам прислали несколько экземпляров — Вам они потребуются и для хороших людей и для библиотек. Да и молодежи эта книга пригодится. Нужна хорошая молодежь — всюду нужна. Вот Грабарь сообщает: только что в Москве скончался Лансере. Померли Билибин, Яремич, Самокиш, Лукомский, Пурвит, Богданов-Бельский. Богаевскому оторвало голову немецкое ядро. Так и редеют культурные деятели. До сих пор из многих мест ничего не слышно. Особенно беспокоит Рига. Где друзья? Где книги? Картины? Вот теперь и Клод Брэгдон уже ушел. А много ли сейчас таких мыслителей? Наверно, где-то они есть, но где, как достучаться? Помню, Леонид Андреев жаловался: "Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не знаю, их не вижу". Наверно, и друзья Знамени Мира имеются, но где живут они?

Читаем и слышим, что и у Вас живется нелегко. Всякие неурядицы, стачки расшатывают строй жизни. Разбить-то легко, а склеить трудно. Вы правильно радуетесь трудам Зины. Большая и тяжкая пашня. Правильно Вы печалитесь о Франсис. Куда же девалась ее культурность? По-видимому, она рассуждает, как самый дикий обыватель. Плачевно, семена злые глушат пашню. Страшен духовный голод, ужаснее телесного. Конечно, Соломон сказал: "И это пройдет". Пусть скорее пройдет.

Из разных краев пишут какие-то неведомые друзья. Тянутся к Учению, может быть, подойдут ближе, лишь бы не оказались бабочками-однодневками. Повсюду жизнь так трудна, что культурная работа становится подвигом.

Давно Вы написали ряд поэм на мои картины, теперь они появляются в "Кочин Тайме" и в "Аур Индия" — очень нравятся. Буду собирать вырезки и пошлю Вам. Может быть, у Вас оригинал не сохранился. И Виргинии будет интересно читать их. Все памятки надо хранить и памятные дни чтить — они, как белые камни на пути. Мы все шлем Вам добрые мысли.

"Радоваться Вам!"

Сердечно…

22 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Грабарю (23.10.1946)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Сердечно благодарим за Твое доброе письмо от 13-9-46, полученное здесь 21-10-46, о чем мы и уведомили Тебя телеграммою. Будем очень ждать Твоих дальнейших вестей. Да, да, потрудимся вместе, пока сил хватает. Ряды наших сверстников поредели. Очень жаль Лансере. Большой мастер, прекрасный человек, последний председатель "Мира Искусства". От всей группы осталось меньше, чем пальцев на руках. Жаль и Богаевского — крупный художник. Экая судьба, чтобы снарядом голову оторвало. По крайней мере, не мучался.

Недавно прислал мне привет Добужинский. Он работает в Голливуде. Если будешь писать Росту, передай ему мой привет. Значит, Пурвит помер в Германии. Он всегда клонил к немцам. А вот зачем Богданов-Вельский туда попал? О Самокише я сохраняю добрую память. Сильный художник, верный друг. Он прекрасно вел мастерскую в нашей школе. Жаль, если собрания Лукомского погибли в Лондоне. У него могли быть любопытные данные. В Праге живет секретарь Толстого Булгаков, много пострадал от немцев, хотел бы вернуться в Ясную Поляну. Не понимаю, за чем дело стало? Ничего не слышно о Малявине, он жил где-то на юге Франции. Впрочем, он умолк уже давно — должно быть, не жив.

Теперь здесь и Китайское, и Тибетское, и Американское посольства, а нашего еще нет. Между тем хотят знать о наших культурных достижениях. ТАСС в своих бюллетенях не часто дает статьи о разных родах искусства. Были статьи Щусева и Тарле, но молодежь хочет знать больше и больше. Такое тяготение очень трогательно. Уж больно много всяких злоизмышлений бродит, и по неведению люди смущаются. Вот о нас сколько бродило нелепых выдумок, то же самое и о многом другом. Все-таки легковерие людское поразительно. Чем нелепее выдумка, тем легче она воспринимается. Одни газетные заголовки чего стоят. Полетит дикая утка, а на другой день опровержение! При этом одни читают первое, а совсем другие — второе. "На чужой роток не накинешь платок". Но, во всяком случае, трогательно, что молодежь хочет знать о нашей великой Родине. Обо всем потолкуем. Имей в виду, что с нами две воспитанницы-сибирячки, сестры Людмила и Ираида Богдановы.

Как с красками, с холстом? У нас здесь плохо. Только для масла плохой Виндзор Ньютон[138]. Получили холст из Америки очень неважный. Пытались получить от Лефранка из Парижа — ответили: ни холста, ни красок. Может быть через несколько

месяцев. Вообще, с Францией что-то неладно.

Дошла ли теперь к Тебе статья Юрия "Индология"? Была она послана отсюда и через Америку. Также были посланы оттиски некоторым востоковедам. Надеемся, дойдет. У Юрия сейчас большой труд: "История Средней Азии". Закончить его возможно лишь на Родине, чтобы использовать новейшие труды советских ученых. Ведь за все эти годы так многое было сделано, а здесь никоим способом не достать. Вот, к примеру, труд акад[емика] Козина заказывали и через Лондон, и через Тегеран, и через Америку, а все-таки не достали. Есть у Юрия и другие труды наготове, но для их окончания нужна работа в советских книгохранилищах. Сколько Юрий знает по Монголии, по Тибету — все это так ценно, а отсюда невозможно доставать новейшие труды. Да и в пути многое пропадает. С почтою трудно. Иногда действует, а нередко куда-то проваливаются посылки. Постоянно слышим, что нечто не дошло, но такие вести доходят случайно, через долгое время.

Из АРКА сообщают, что теперь сношения с ВОКСом наладились и очень радуются этому. Не Мария ли Михайловна замолвила доброе словечко? Душевный привет Вам всем от нас всех.

Сердечно…

23 октября 1946 г.

Публикуется впервые

Радоваться вам!

В Ваших вестях от 27–29 Сентября много отрадного. Ладно, что Ваша переписка с ВОКСом, видимо, упрочилась, и Вы получаете интересные материалы. Любопытно, получает ли Гус[ев] картины сов[етских] художников, и когда и где предполагается их выставка? Запросите Гусева об этом в виду того, что у Вас бывают люди интересующиеся. Непременно так сделайте — таким образом, выяснится, что Гус[ев] по-прежнему сносится с Комитетом по делам искусств. Также скажите, что Вы хотели бы оповестить членов АРКА — они Вас спрашивали, где можно видеть такие картины. Непременно так сделайте — тогда и сысоевский миф может проясниться. Ведь более чем странно, что Сысоев после переписки с Гусевым замолчал, а оставление оплаченной ответной телеграммы — неслыханно! Значит, надо как-то выяснять положение вещей. Холст оказался хуже предыдущих, но "а ла герр, ком а ла герр"[139] — ведь теперь еще хуже войны. Пошлину за "подарок" взяли семьдесят рупий — тоже, как на войне. Переживем — и не такое переживали. Показательны Ваши сведения из Праги, значит, и там труднее войны. Последите, в каком номере бюллетеня ВОКСа будет моя статья, — я хочу сообщить это в Шанхай. Спасибо за передачу телеграммы Грабаря, подождем письмо. Куда он посылал телеграмму — на консульство или Вам? Неужели от него прямо в Наггар не приняли, ведь известия о смерти Бориса шли прямо сюда. Куда придет письмо — сюда или через Вас?

Морис, видимо, доволен своим новым назначением — порадовались за него. А вот назначение Хорша поразительно. Будем думать, что Гарриман поймет сего гангстера. Катрин спрашивает, кем будут Р.Ренц, Альбуэрно и Фонтес, но ведь давно уже было установлено, что они почет[ные] секретари. "Знамя Мира", пишет К., будет готово к 17 Ноября. Пусть к хорошему дню поспеет и доброе оповещение. Памятные дни — как маяки. Или, как в древности говорили: "Отмечу доброе событие белым камнем". Древние белые камни напоминали о радости, пролетевшей над этим местом. "Радоваться Вам", нашим дорогим друзьям! Забыть всякие тернии и собрать из лучшего сада цветы Культуры. Так и скажите, когда соберетесь в памятный день. Будьте добрее в памятные дни. Много безобразия в мире, а Вы соберете прекрасное и прикроетесь щитом терпения. Все вспоминаются мудрые слова Леонардо: "Терпение для оскорбляемых подобно теплой одежде для зябнущих. Удвой одежду и не почувствуешь холода".

"Важную" новость сообщило радио из Лондона: у Уоллеса бронхит и он не мог читать лекцию в Мичигане. По счастью, мир не провалится без лекции матерого притворщика. Неужели какие-то легковеры еще ему доверяют? Помните, как мать Рузвельта называла его злым гением своего сына. Перед смертью Рузвельт понял изменническую природу Уоллеса. Иначе случилось бы неслыханное бедствие для Америки, сквернявчик мог бы стать президентом. И теперь-то тяжко, а могло быть гораздо ужаснее. Радио и газеты все время поминают о ценах, растущих у Вас. Можно представить, что происходит в действительности и во что превращается жизнь. Интересно, каково существование художников? Каковы условия выставок, цен и всех подробностей стоимости материалов? И чем могут покрывать художники вздорожание жизни? По ценам во время войны из Франции и Швейцарии можно было судить о каком-то существовании художественного быта, во что оно обратилось сейчас в дни "мира"? Очень интересно, что у Вас слышно?

А у нас все продолжаются убийства неповинных прохожих, грабежи и поджоги. Каждый день радио оповещает о новых безобразиях. Иногда губернатор облетает бедственные местности и с высоты аэроплана в один день в чем-то убеждается. Но как усмотреть с воздуха насильственные обращения населения в ислам, похищения женщин, насилия и прочие ужасы? С ковра-самолета вопли не услышать. В газетах бывают такие заголовки: "Не было больших инцидентов. В Дакке сожжено пятьсот домов". Так человечество приучается к крупным масштабам. Скоро, пожалуй, скажем о небывалом наводнении в Ассаме, обездолившем триста тысяч человек, что это маленький эпизод. Конечно, рассуждая космогонически, такое бедствие ничтожно, но ведь мы земляне — горя, горя-то сколько! А вот в Бенгале целый округ осажден крепко вооруженными бандитами и ограблено более двухсот селений. Опять поток горя! Двинуты войска. Теперь, вероятно, Сураварди объявит, что это пустяки. Многие сотни уничтоженных домов, многие тысячи убитых и обездоленных — все бедствие окажется "пустяками". А вот и еще нечто прискорбное. Неру полетел с дружеской миссией к пограничным племенам, и там целый день обстреливали его аэропланы не только из винтовок, но даже из пушки. По счастью, в аэроплан Неру не попало, но машину, летевшую около, пуля пробила. Неслыханно! Вот Вам и дружеская миссия! Кто устраивает безобразие?

Ну, теперь давайте обернемся опять к доброму, к хорошему. Как-то очень давно Морис написал сюиту поэм к моим картинам, вроде того, как была ремизовская "Жерлица дружинная". Теперь,

через много лет, поэмы Мориса начали появляться в "Кочин Тайме", в "Аур Индия". Удивительны эти обороты колеса времени. Соберу и пошлю Морису, он будет рад. Из Китая письма от каких-то новых друзей. Всем им хорошо бы послать "Знамя Мира". Приложу несколько адресов, прошу Катрин и Инге — пусть пошлют книгу в память Спенсера, во славу Культуры и Мира. Где на списке будет цифра два или три — значит, туда можно послать несколько. Конечно, нам можно прислать пачками — несколько десятков. В Америке можно послать в лучшие библиотеки, в университеты, в музеи. На месте Вам посоветуют, куда лучше послать, где меньше вредительства. Вегетерианам можно дать и в магазины, а цены назначить в зависимости от себестоимости.

Сейчас пишу "Бум Эрдени поражает девятиголового черного мангуста" — монгольское сказание. Кто знает, может быть, и эта картина попадет в Музей Улан-Батора? Помните, любопытнейшее время было в монгольской столице. Помните, как Вы летели в Москву, и летчик коленом держал выпадавшую часть машины. И как только Вы добрались! А Бори-то уже и нет. От Татьяны Григорьевны на днях было письмецо. Все спрашивает о нашем приезде. Здоровье ее все еще не вполне наладилось. Упоминает о письме Бабенчикова, по-видимому, оно где-то в пространстве шествует. Живет Т.Г. на прежней квартире. Всем трудно живется. Вот и Валентине трудно, не вмещается она в рамки окружения. А Вам разве легко? Только твердое осознание полезности производимой работы может помочь. И всюду трудней и трудней пашня Культуры, откуда столько камней навалилось? Но вопреки очевидности, будем очищать почву во имя светлых памятных дней. Пусть по обочине пути высится много белых камней, светлых свидетелей. Индия и Америка установили дипломатические сношения. В Дели уже американский посол и китайский и тибетский посол, а нашего все еще нет. Завидно и обидно! Почему же еще нет посла от ближайшего соседа? Скорей бы! Скорей!

Доброе письмо от Грабаря (13-9-46) — скоро дошло, хотя и не по воздуху. Среди хороших вестей и много грустного. В параличе скончался Евг[ений] Лансере — прекрасный мастер и человек. Богаевскому в Симферополе немецким ядром оторвало голову. Лукомский — умер. Где-то в Германии померли Пурвит и Богданов-Бельский. Самокиш — умер в Крыму в оккупации. Дом Г.Лукомского разрушен в Лондоне бомбою. Целый синодик! От "Мира Искусства", кроме Грабаря и меня, остались Добужинский, Остроумова, Бенуа, Щусев… совсем мало! А группа была немалая, могла называться "могучей кучкой" — вроде как такая была в музыке. Остальные сведения Грабаря хороши, и пока к совету

Гус[ева] (о чем Вы писали) нет нужды обращаться. А все-таки в Индии ампосол, а нашего еще нет. И это придет! Все придет, но невозможно терять время, когда весь мир в неслыханном напряжении.

Опять письмо от А.Ренца (доставленное через вице-короля — теперь речь идет о Роерих-Университете!) Просто беда! Хоть бы оставался он при "Знамени Мира". Не можем мы отсюда писать ему. А если кто хочет работать для "Знамени Мира", то ему не нужны сложные построения — делай добрый посев, где возможно. Елена Ивановна подвернула ногу в саду. Уже несколько дней не выходит, но, по счастью, на этот раз не так сильно, и дело идет на поправку.

В день Девали — Индусский новый год — у нас были обычные вечерние огни. Собрались индусы всех каст, буддисты, мусульмане, русские. Все было дружелюбно, никто никого не обижал. Спрашивается, откуда же "средневековое зверство", происходящее в восточной Бенгалии и в других городах Индии? Кто же вдохновители этой дикости? Ох уж эти злые политиканы, всякие джинны да сураварди! И откуда такая людская злоба бездонная? Призовем все добро Культуры! Жин прислал превосходное обращение к фламидам. Такие весточки останутся как живоносные зерна Культуры. Эта Фламма-огонек пробежит и осветит чьи-то обиталища. Безразлично, будет ли внешний отклик, но душевный след останется. Живая мысль не погибает. Пусть в вихрях пространства светит огненная Фламма. И АРКА радуги пылает как свидетельство Культурного Единения. И Академия Искусств напоминает о будущем. А Знамя Мира и Агни Йога нерушимы как победный стяг человечества. Да будет! Друзьям, добрым друзьям наш сердечный привет.

"Радоваться Вам!"

1 ноября 1946 г.

Публикуется впервые

Сотруднику

Дорогой наш А.П.

Спешу ответить на вопросы Ваши от 25-10-46. Идея Ваша дать крепкий рассказ как "пробный камень" очень хороша. Вы природный писатель, а сейчас особенно это нужно для молодежи, для строителей новой жизни. Пишите бодро, призывно. Непременно прочтите доклад Жданова в "Известиях" от 21 Сентября с.г. Из него Вы почуете, что сейчас неотложно нужно. Надо ободрить строительную молодежь. Надо сказать об "орлином глазе" в будущее. О сокровищах тайги, сужденных будущим поколениям. О празднике труда, о глазе добром — дальнозорком. Вы умеете сказать не длинно и убедительно и красиво.

Теперь о диалектике. В конце концов, все мы живем диалектично — в постоянном развитии, в неусыпном познании, в движении добротворчества и сотрудничества — тем-то и можно жить радостно. Вечен спор о духе и материи. Хотите — все дух, хотите — все материя. Величие надземной беспредельности ведет к постоянному познаванию, к науке свободной, прекрасной. При Вашем широком взгляде легко посмотреть далеко, без отрицаний, без ненужного груза, сгибающего спину. Опять-таки вперед, в светлое всенародное будущее.

О лжегордыне хочется Вам сказать далекий эпизод из начала моей общественной деятельности. По окончании Академии Стасов устроил меня писать фельетоны в журнале Общества Поощрения Художеств "Искусство". Прихожу как-то в контору — редактор был занят — вижу, одна бедняжка возится с литографскими чернилами, вся измазалась, и ничего у ней не выходит. Говорю: "Дайте-ка помогу вам". Сел и начал писать адреса. Вдруг раздается хохот. Редактор Собко и Балашов веселятся, как фельетонист адреса пишет. Однако тут же пригласили меня помощником редактора. И другой эпизод. Пришла наша университетская делегация к Марксу, издателю "Нивы". Огромное помещение, а у самых дверей за маленьким столиком ютится старичок. Деловито спрашиваем: "Можем видеть издателя Маркса?" Старичок скромно встает: "Я Маркс". Всякую лжегордыню гоните, она русским не пристала. "Не знаешь, где найдешь, где потеряешь". А терять-то вообще не следует.

В Австралии у нас сейчас никого нет. А для Америки прилагаю адрес АРКА — можно писать по-русски. И книги там имеются. О каких именно книгах спрашиваете? Кое-что у нас здесь есть.

Значит, злобный Щеголев прощеголял себя. Таким щеголям туда и дорога. Вы поминаете Виктора — видно, он теперь преобразился. Сей архипастырь строчил на меня доносы харбинским фашистам, вредительствовал. Когда же я его обличил в Пекине, он сказал: "Не донос, а для осведомления". Прямо чеховский рассказ. Сообщайте газетную голгофу — любопытно. ВОКС сообщает, что они дают мой лист в бюллетенях, когда именно, не знаю. Из Центра очень хвалят нашу АРКА. Из Риги — ни звука. Тревожимся. Грабарь сообщает о многих кончинах: Лансере, Богаевский, Билибин, Самокиш, Лукомский, Яремич, Замирайло — жаль, хорошие мастера.

От всех нас Вам и друзьям привет сердечный. Да будет у Вас все ладно и бодро. Смело вперед за Родину, за всенародное преуспеяние.

Радоваться Вам!

П.С. Пошлем пароходом несколько параграфов из новой книги.

5 ноября 1946 г.

Публикуется впервые

Булгакову

Дорогой друг В.Ф.

Сердечно порадовались Вашему бодрому письму от 16-10-46. Через Ваши дружеские руки прошло и письмо секретаря Президента — Юрий очень признателен Вам. Радовались и неожиданно открытому Вашему свойству с Весниным. Только в нынешних особых обстоятельствах так находятся двоюродные сестры — теперь все необычно. Привет Вашей дочери к ее браку. Будем знать ее фамилию — кто ведает, как теперь люди встречаются. Лишь бы встречались, а не сталкивались. Веснин — крупнейший зодчий, пристально слежу за его достижениями. Авось встретимся. Зовут, зовут! Поредел строй наших сверстников. Грабарь сообщает о кончине Лансере, Богаевского (голову ядром оторвало в Крыму), Билибина, Лукомского, Самокиша, Яремича и других.

Пусть молодежь крепнет. Русь живет творчеством, искусством, наукою. Народы поют, а где песня, там и радость. Слушали вчера доклад Жданова — хорошо сказал. Сейчас слушали парад. Величественно. У Вас, конечно, ясно Москву слышно. У нас, если атмосфера не мешает, хорошо доносится. Но электричества у нас, в Гималаях, нет, и приходится пользоваться сухими батарейками, все-таки слышно — и на том спасибо. Говорят, скоро здесь будет сов[етский] посол — пока лишь американский, тибетский, китайский. Ждем нашего.

Интересно, как решится вопрос Русского Музея в Праге. Вы помните мое давнишнее желание, чтобы везде гремело творчество народов Союза. Мы убеждаемся, как ждут в Индии сов[етское] искусство. Видим это по нашим картинам, которые в здешних музеях — любят их. Конечно, для выставки сейчас время трудное. Наверно, Вы читаете о событиях в Индии. В горах-то еще спокойно, а в долинах творится зверство. Удивительно, как род людской склонен к жестокости. Дикие звери и те бывают добродушнее.

Удивляемся, почему Вы не имели вестей от В. Л. Дутко. Впрочем, кажется, она живет за городом и, может быть, ей не с кем оставлять малыша? А может быть, Вы с ней уже встретились? Тревожимся, не получая вестей из Риги. В чем дело? Лукин был в добрых отношениях с Кирхенштейном, именно эта группа способствовала сближению, и вдруг из Латвии, из Литвы — ни звука. А вот нехорошо, что директор нашего Музея в Брюгге Тюльпинк скончался. Во время войны все охранил, а теперь и ушел. Именно он был там двигателем.

Наша АРКА получила высокое одобрение из Центра. С ВОКСом установились постоянные сношения — все это радостно. ВОКС печатает что-то мое, но когда, не знаю. Конечно, нашим сотрудникам в Америке сейчас нелегко, ибо реакция и наветы на СССР велики. Вчера Жданов хорошо сказал: "Во время войны восхищались нашим мужеством, патриотизмом и моральными качествами, а теперь вдруг у нас оказался подозрительный характер и мы сделались угрозою миру". Да, изменчиво людское суждение. Но ведь давно сказано: "И это пройдет". Не помню, посылал ли я Вам перед войною мой записной лист "Не замай!" Он оказался пророческим: меч, поднятый на Русь, опустился на захватчиков. Из Москвы тогда писали, что там он произвел впечатление. Да, да, "не замай" нашу любимую, великую Родину.

Не забывайте нас весточками, мы все так любим Ваши письма. Дорого чуять единодушие, устремление ко всенародному благу. Привет Вам всем от Гималаев, от снегов и вершин. Привет всем друзьям, коли такие в Праге имеются.

Сердечно…

Сейчас здесь печатаются четыре моих книги: "Химават", "Героика", "Алтай", "Обитель Света". Из пятой — "Прекрасное единение" — уже вышедшей, прилагаю страничку.

7 ноября 1946 г.

Публикуется впервые

Дружно

Доброе Ваше письмо от 18-10-46. Радовались Вашим хорошим сношениям с Ермолаевым. Поистине, "терпение и труд все перетрут". Совет его о Кеменеве неплох. При таких свиданиях поминайте также о Юрии, о необходимости его знаний и трудов на Родине, о надобности ему в библиотеках ознакомиться с новейшими работами советских ученых. Без этих данных ему не закончить несколько больших работ, доведенных до последнего времени. Вероятно, Ермолаев очень удивлялся молчанию Сысоева, прямо неслыханно. Цена "Прекрасного единения" имеется на обложке — две с половиной рупии. Ободрите кружок молодежи за их стремление к искусству, к культуре. Адрес их имеется среди посланных мной адресов. Ведь и "Знамя Мира" они получат. А вот как быть с Мясиным, лишь бы эскизы не пропали. Вам они нужны для выставки.

Полезно знакомство с директором Музея во Флориде. Поддерживайте такие связи, они могут нежданно-негаданно пригодиться. Таким лицам и "Знамя Мира" полезно получить.

Присланная Вами заметка о композиторах характерна. В основе вечный поход бездарностей против талантов. Во все времена у всех народов можно встретить то же самое. Причины как бы различны, но в основе все та же нетерпимость ко всему выдающемуся. А общественное мнение по своему обычаю помалкивает. Вот и здесь происходит тот же извечный поход против Культуры в виде убийств, грабежей и подлогов. Голоса лучших деятелей тонут среди постыдного укрывательства. Доходит до того, что правители Калькутты лгут о полном спокойствии, а тут же сообщаются неофициальные данные о десятках убитых, раненых, искалеченных кислотою, о грабежах и поджогах. Эти противоречия в одном радио, на одном газетном листе — много терпения требуется. Много воспоминаний встает.

Недавно один здешний писатель спрашивал, где он мог бы найти подробности нашей жизни, не вошедшие в другие писания. Хотелось указать ему три любопытных источника. Во-первых, толстенное многотомное дело о нас в Лондоне в Министерстве Иностранных Дел. Мы сами видели, как его возили на тачке. Затем — другое таинственное дело хранится в Политическом Департаменте в Дели и третье, меньшее по объему, сохраняется в архиве округа в Наггаре. Любопытно бы прочитать эти человеческие вредительства. Судя по отрывкам, сообщенным дружественными чиновниками, все эти тома полны смехотворной лжи. Конечно, такая смехотворность уже из Гранд Гиньоля и

граничит с трагедией. Так, Елена Ивановна называется самой опасной женщиной во всей Азии. Мы все, конечно, великие политические советские агенты. Один чиновник написал на деле: "Все это чепуха". Увы, не чепуха, а прискорбная страница современности. Клевета поощряемая. Не знаю, долго ли хранят архивы подобные "документы". В Лондоне мы видели тачку с нашим делом в 1930 году. В Дели и в Наггаре эти дела были целы до последнего времени. Один наш приятель утверждал, что наше дело в Дели напечатано в 50 экземплярах и разослано по всем областям. Вот бы достать такой экземплярчик! Вероятно, и в Лагоре он имеется. При нынешних сменах правительства как бы ни начали уничтожать секретные архивы.

Неповторяема такая страница жизни. И никто не мог подозревать, что где-то сидят сикофанты[140] и плетут свою мерзкую ткань. Иногда приемы клеветников совершенно примитивны. Например, повадился к нам молоденький офицерик Геринг (фамилия-то какая!), якобы приехавший на рыбную ловлю. Приходил, пил чай и квас, много болтал, так что нам и говорить не приходилось. Потом мы случайно узнали, что он для выдвижения по службе строчил на нас доносы и такие нелепые, что из Дели предложили ему прекратить такое волонтерное клеветничество. Всего бывало. Довольно скоро докатывалось до нас, и мы улыбались таким гнусным попыткам с негодными средствами. Но надо признать, что без этих мерзких червей многое слагалось бы лучше. Сколько энергии затрачивалось на отражение ядовитых стрел! По счастью, и эта затрата энергии не пропадает и несет преуспеяние.

Грабарь пишет, что получил "Индологию", и очень хвалит эту работу Юрия. Дали ли Вы ее Ермолаеву, а может, и Молотову? Не надо ли еще прислать? Конечно, "Индология" помянется в отчете АРКА среди новых поступлений.

Из Австрии немецкое письмо некоей Елены Отт. Письмо очень душевное с исканием переписки. Может быть, они прекрасные люди, но как дать им понять, не обижая их, что отсюда нам невозможно переписываться. Очевидно, они не понимают, да и не могут понять всякие особые условия. Их письма идут через цензуру и они не придают этому никакого значения. Напишите Ал. Ренцу, чтобы они занимались А.Й. и "Знам. Мира". Вы-то чуете, почему нам невозможно переписываться, а другие не могут понять, да и винить их нельзя. Из Хустона (Тексас)[141] писала одна особа — я дал ей Ваш адрес, по-видимому, она хочет иметь Книги. Если действительно хочет, то и напишет Вам, а может быть — пустоцвет. Из Швейцарии незнакомец просил о Книгах — Е.И. послала ему "А.Й." и "Сердце".

Давно не слышно от Шауб-Коха, жив ли? Теперь так много уходов. Валентина писала, что и ей он не ответил. А Булгаков жалуется, что Валентина его забыла. Он хотел познакомить ее с очень интеллигентными людьми. В Прагу приезжал знаменитый зодчий Веснин с женою. Оказалось, что жены Булгакова и Веснина — двоюродные сестры. Вот где нашлись! Дочь Булгакова вышла замуж за лейтенанта Романюка и уезжает в Каменец-Подольск. Дочь Грабаря за инженером Епифановым, и уже появился внук Грабаря. Наши друзья в Тяньцзине усыновили новорожденного и назвали его Юрием. У Чайки дочка, и она назвала ее Индра. Видите, сколько новостей.

Инге прислала маленький список международного комитета. Не понимаем, откуда взялся этот отдельный комитет? Кроме вреда, такое деление ничего не принесет. Мы телеграфировали: "Не надо отдельного международного комитета, все — члены одного комитета. Фонтес — корреспондинг секретарь". И без того сил немного, а тут еще разбить их. Ни в каком случае недопустимо деление. Все вместе! Нельзя вносить смущение умов — вредители сейчас же используют эту ошибку. Единение, а не разделение нужно. Вредители не дремлют, и постарались бы воспользоваться кажущимся разделением. Для разрушителей каждый намек на разделение уже есть признак распада. Всякий распад — праздник для разрушителей. Именно теперь единение, терпимость, терпение так необходимы. Психология, образ мышления различны в разных странах. Даже простые вещи люди воспринимают различно. Сделают свой кривой вывод, а там, поди, выпрямляй его! А около вопросов Культуры все особенно напряженно. Потом можно бы включить в Комитет Валентину, Сомервелла, Мориса, Хейдока (адрес его у Вас теперь имеется), чем больше деятелей будет в курсе дела, тем лучше. Если бы только подошли добровольцы-пособники, они Вам так нужны. Жизнь сейчас особенная. В Бомбее некоторые лавки вывесили объявление: "Не ходите туда, где режут, идите к нам, у нас безопасно".

Д-р Лонг прислал письмо из Голливуда — копию прилагаю, также и копию моего письма к нему. Конечно, сейчас начинать о Музее, о Русском Музее невозможно. Кроме того, и сам Лонг нам неизвестен. Сохраните в архиве копии писем. В Сентябрьском номере "Дон оф Индия" — полезная статья Санджива Дева о вандализме. Сохраните в архиве "Знамени Мира". Стоят чудные солнечные дни. Безоблачно, горы синеют сапфирно, листва расцветилась в осенний убор. Горестно знать, что где-то режут людей, грабят и жгут селения. Сердечные письма от Крафт-Ватсона, от Коринны Хелин и привет от Еарл Шрака — все добрые

друзья. Но и они не спросят у грабителя — где же картины? Не то, чтобы они не хотели, а просто в голову не приходит. Пошлите Ватсону отпечаток письма Жина из газеты в Либерти. Помнится, Дюи посылал к Вам своих людей справляться о делах Музея — теперь он губернатор Нью-Йорка, кандидат в президенты. Посоветуйтесь с Катрин и Инге, как лучше быть с Франсис по местным условиям. Относительно клише в Риге — никто не знает их судьбы, война — акт оф Год! Из Латвии, Литвы вообще ни звука! Катрин предлагает не помещать в брошюре состав Комитета в виду возможности его увеличения или изменения, а Комитет весь поместить на почтовой бумаге. Мы телеграфировали наше согласие, ибо действительно состав Комитета может обогатиться. Валентина переслала страничку странного письма, полученного ею из Лондона. Некая особа спрашивает, состою ли вице-черменом Всемирного Духовного Союза, как был в 1927 году. Что за чепуха, тот год мы были в Тибете. А вот еще чепуха. Редактор Лондонского журнала пишет, что встреча со мной в Палестине произвела на него такое глубокое впечатление, что он высылает мне журнал. Но в Палестине мы никогда не были. Помните и Спенсер Люис в своей книге писал о встрече со мной в Палестине. Что за заморока! Много сложного и у Вас и всюду. Тем более "дружно гребите во имя Прекрасного против течения". Духом с Вами.

15 ноября 1946 г.

Публикуется впервые

Дорогой друг Валентин Федорович [142]

Гималайский привет к Вашему шестидесятилетию. Вы что-то помянули о старости. Ну какая же это старость! Это почтенный, умудренный возраст. Дух, мозг разве старятся, если человек не хочет впадать в старость? Мой дед Федор Иванович жил сто пять лет. Очки не носил, да еще курил беспрестанно так, что его называли "рекламой для табачной фабрики". Да и Бернард Шоу перевалил за девяносто, а голова полна светлой мудрости. Вам еще нужно столько сделать, столько запечатлеть в пользу будущим поколениям. Вы были участником и свидетелем многих мировых дел. Ваш широкий кругозор даст молодежи новые надежды, поможет среди трудовых преуспеяний. Вы полны доброжелательства, дружелюбия, а такие качества особенно нужны при нынешнем Армагеддоне Культуры. Сложное время. Малодушные не видят творческого пути.

Спасибо за добрую весточку — мы все так рады Вашим письмам. Если бы в каждой вести было что-то радостное, тогда, поистине, можно бы кончать древним приветствием: "Радоваться Вам!"

Радовались Вашим встречам на приеме в Сов[етском] Посольстве. Мы часто слышим имя Горкина в радиопередаче, когда он скрепляет Указы Правительства. Не были ли Дутко на этом приеме? Бедная, она все не может найти прислугу, а малыша тоже не с кем оставить.

В журнале "Эксцельсиор" была Ваша фотография с Толстым и при ней статья — в Сов[етской] России спрос на "Войну и мир" все растет, и автор надеется, что многие заветы Толстого будут жить и вести человечество. Помню и я завет Л.Н. моему "Гонцу": "Пусть выше руль держит, тогда доплывет".

8-го Декабря в Белграде Всеславянский Съезд. Хотел было послать приветствие, но куда? Теперь все адреса растерялись. Иногда прямо "Мертвые души". Вот в Загребе была Югославская Академия Науки и Искусства. Был я там почетным членом, а с 1939-го — ни слуху, ни духу. Так же и во Франции многое замерло. Ни мне, ни нашим друзьям в Америке не нащупать, кто жив или переменил местожительство. А ведь время-то бежит. Нашей АРКА тоже несладко. Столько злобных наветов на СССР, что некоторые малодушные забоялись и примолкли.

Пора всем нашим согражданам разобраться и понять, где истинные друзья. Такие друзья, кто приобщились не ради русской победы, но по глубокому осознанию великого переустройства, ради светлого всенародного будущего. Пусть всем неподдельным

друзьям будет хорошо! Пусть звучит Ваше доброе слово во славу Руси, во славу народа-труженика, строителя.

Радоваться Вам!

29 ноября 1946 г.

Публикуется впервые

Сложно

Печально письмо Ваше от 20-11-46. В каждой строке — печаль. Да и как иначе, когда и внешние и внутренние обстоятельства так тяжки. Из семьи Митусовых из семи человек в 1942-м осталось всего двое. А ведь не исключение такая гибель. Уже не увидеться здесь с нашим милым Степою. Сведения о Лукине неутешительны. Вообще, молчание Риги показательно. Неужели все и все пропало? Молчание Парижа тоже мрачно. Все, что пишете об ужасах инфляции — повсеместное бедствие. Всюду цены растут, доходы уменьшаются, и конца не видно. В деле с Франсис Зина совершенно права. Нелепо выбрасывать за грош ценный неповторимый материал, который расходится по полной цене. Увы, Франсис много вредительствовала, очевидно, и теперь она собирается на ком-то вымещать свои ошибки. Будем надеяться, что брошюра вышла прилично. Адреса после рассылки по ним Катрин сохраните у себя — могут понадобиться. То, что пишете о ВОКС, прямо поразительно! Как же мог пропасть весь материал за целый год, Вами посланный, только из-за перемены заведующего — непонятно!? Может быть, Вы правы и эпизод с телеграммою следует объяснить отставкой Сысоева. С кем же теперь переписывается Гусев? Знает ли Гусев о телеграмме? Как же Вы обернетесь с возросшей сметою по АРКА? Даже страшно подумать о таких нерешимых задачах. Конечно, прежде всего надо исключить оплаченные лекции. Бывало, в деревне говорили: "податься-то некуда". Но Зина права, добавляя: "как-нибудь выкрутимся". Ох, закрутилось человечество — облака пыли. В тумане суматохи решения являются негаданно, и люди объявляются нежданные. Сообщайте, как удается выкручиваться. Продать бы что-нибудь. Молчание Роквел Кента странно, не в отъезде ли он?

Среди печалей, что бы такое Вам рассказать веселое? Хотя бы смех и горе, хоть бы улыбнуться чему-то житейскому, хоть бы Гранд Гиньоль показался. В вечерние часы сумерничаем (керосина мало) — вспоминаем встречи и добрые и недобрые. Нередко поминаем сердечно нашего друга Тагора. Милая Девика, племянница поэта, от детства часто бывала с ним. Поэт любил детей, и около него всегда их бывало немало. Бывали и курьезы. В Корнуэле летом принимали важную делегацию шведских ученых. Тут же вертелась маленькая местная девочка. Среди высоких суждений она подбежала к поэту и громко воскликнула, указывая на бороду: "Дяденька — вошка!" В бороде была крошка хлеба. Все притихли в ужасе, а поэт откинулся со словами: "Шорбонаш!"

("Конец всему — рушение небес!") и снял крошку: "Это просто хлеб". Вспомнили мы, как во время лекции Тагора в Нью-Йорке американский импресарио, сидевший на эстраде рядом с лектором, откинулся на спинку, широко разинул пасть и захрапел на всю залу. С каким огорчением взглянул на него поэт. Не в коня корм. И высокое и малое — все в одном котле.

Из Мадраса, Дели, Траванкора неотступно просят клише картин, а у нас ни одного. Где-то они имеются, но журналы не дают своим конкурентам. А сколько клише пропадало при всяких несчастиях! Вот в Риге была готова вторая часть монографии — и клише, и текст, и бумага — война все разметала. В Нью-Йорке Брентано уже объявил второй том, но редактор куда-то уехал, и все провалилось. В 1914 году в Москве толпы разгромили печатню Гроссмана и Кнебеля, приняв их за немцев, а они были евреи. В серии Грабаря был готов к печати мой том с отличным текстом Александра Иванова, со всеми клише, и все пропало. Иванов имел только один список текста! Также пропала в 1918 году моя книга, а копии текста не было — была спешка. Е.И. до сих пор не может забыть — она хотела сама переписать. А где картины, данные Добычиной в Сердоболе? А картины, оставленные в Москве в 1926-м? Вот сейчас картины есть, а ни клише ни фото — люди обижаются, воображают, что именно им не хотят дать. В ходу, в печати пять книг: "Химават" (Китабистан), Аллахабад; "Героика" (Китаб Махал) Аллахабад; "Алтай" (Калькутта); "Обитель Света" Шаланда — Бомбей); "Прекрасное единение" (Бомбей — Кружок Молодежи) — только эта, самая маленькая, уже увидела свет.

Условия всей жизни ненормальны. Книга Тампи "Гуру-дев" вся распродана — нужно третье издание — спрашивают. Посылаю Вам письмо некоего Уайта из Вашингтона — совершенно сумасшедший. Вести с таким типом переписку невозможно. По некоторым фразам его письма можно судить, что Зина его знает. Какие типы живут! Пришел Ваш пакет с письмами и бумагами Ал. Ренца. Когда же они поймут причину нашего молчания?! Да и как им понять! Юрий получил книгу о Синьцзяне и очень ей рад. Бернард Шоу заявляет, что он подает голос за Уоллеса. Вот и мудрый человек впал в ошибку и не знает, о каком злостном притворщике он испортил газетный лист. Вы поминаете Мюриель Дрепер, неужели она еще жива? Никогда не мог понять ее истинного направления. Выставка в этом сезоне не устроится — не такие настроения. Кстати, сделайте на машинке перечень моих картин, находящихся у Вас на выставке, а то я не знаю, что именно имеется. Не пришлось ли Вам повидаться с сестрою Неру — Шримати Пандит, главою делегации Индии? Светик письмо

Уида получил. Посылаю Вам пакет в пять Конлана — Вы писали, чтобы не превышало пяти книг. Также пароходом послано "Надземное" от 614 до 772. Калькуттское общество "Искусство" просило привет к своему десятилетию. Послал бы на бланке нашей Академии. Поминаю об этом, ибо, может быть, они захотят ответить в Нью-Йорк. Было письмо Мориса — хочет устроить в С. Луи выставку моих и московских воспроизведений от АРКА. Вероятно, он писал Вам об этом. Опять поминает Франсис и печалится ее непримиримости. Злоба до добра не доведет. Свои ошибки она знать не желает. Тяжкий характер. Сын Клода Брэгдона Генри Брэгдон прислал из Экветера письмо о смерти отца. Сообщает, что Брэгдон завещал кольцо, мною данное, Вальтеру Хемпдену. С кольцом на руке Брэгдон скончался — никогда не снимал его.

Только подумать, что это письмо дойдет к Вам уже в половине сезона, а может быть, к Новому Году. Каков-то будет Новый Год? В Париже конференция по образованию. О многом толкуют, но о вандализме не поминают. О защите самого ценного не говорят. А народы в таком состоянии, что, казалось бы, им необходимо твердить о позоре вандализма. Получаете ли "Дон оф Индия"? На всякий случай, посылаю копию статьи Санджива Дева. Можете прочесть Комитету "Знамени Мира". Вот так мир! Была такая картина Венецианова — мальчик сидит над разбитым горшком, название: "Вот те и батькин обед". Пишу Шауб-Коху — у него жена померла, и сам он был болен — понятно, что писем от него долго не получалось. Не имеете ли ответа от муниципалитета в Брюгге — надо же знать положение Музея. Меня они не извещали. Все ли благополучно с Мадахилом? Фонтес очень удивлен его молчанием. Де Лара прислал книги для отзыва, но они по-испански, и вряд ли здешние журналы осилят их. Может быть, Фонтес в Гоа на них отзовется. Здешние наши друзья еще не получили от Комитета извещения о поч[етном] избрании. Верно, оно в пути.

Да, что несет Новый Год, неужели всякие юнески? Чему свидетелями будем? Чего только ни пересмотрели за всю жизнь! Сколько войн и каких свирепых! Сколько рушений империй! Сколько державных изгнанников; и сейчас в Египте целый королевский клуб. Сколько народоправств и коренных переустройств! Поразительно, что все эти сдвиги произошли за семьдесят лет. Помним все перевороты, куда же еще переворачиваться? Остается строиться, творить, преуспевать в великом сотрудничестве. Поэт Михаил Исаковский вдохновенно читал свои "Советская Россия" и "Русской женщине" — сильные зовы. Да, да, там творят, там любят Родину и служат ей. Вот

почему Ваша культурная жертвенная пашня так неотложна. Уже слагаете новый отчет, и он опять полетит и близко и далеко. И сделает полезное дело, крепя АРКу великого свода. Может быть, не столько члены АРКА, но какие-то совсем другие порадуются и пошлют Вам мысленный привет. Много раз приходилось убеждаться, как своеобразно отзвучит зов. Мир все еще в каком-то кошмаре. Приходится говорить о женском равноправии, о равенстве рас и верований, даже о цвете кожи. Неужели нет стыда у "дикарей", еще твердящих об этих пережитках? Миллионы земных лет протекли, но еще мутна и грязна река жизни. Газета сообщает, что в Лагоре стоимость жизни возросла на четыреста процентов. Могли бы и не сообщать, и без того мы чувствуем сие "умиротворение". Да и Вы достаточно ощущаете такое "продвижение". Ох, биллионы и триллионы, прямо астрономия. Но ведь "и это пройдет". И скажем Новому Году: "Вот ты стращаешь, а мы не боимся".

Теперь всюду сложно и у Вас и у нас. Вот прилетело Ваше письмо от 8–9 Ноября. Сквозь добрые известия проглядывает напряжение — как же иначе! Хорошо, что Зина познакомилась с Молотовым. Хорошо, что имели ладную беседу с Ермолаевым. Для нас было новостью, что Посольство туда писало. Вполне понимаем напряженное положение АРКА. Теперь Вы видите, почему был совет Дедлею быть председателем "Знамени Мира". Если уже покушаются на украинских делегатов, то куда же дальше? Неужели среди бела дня улицы Нью-Йорка уже небезопасны? Вот тебе и "секюрити каунсел!"[143] Уж не провокация ли? День ото дня все усложняется. Совершенно правильно Вы подчеркивали международность Комитета "Знамени Мира", но нельзя иметь два комитета. И я не могу быть покровителем в одном и председателем в другом — получится ерунда. Об единстве Комитета я уже писал. Не жалейте, если ВОКС не пришлет выставку, не до выставок сейчас — не такое положение. Видимо, и у Гус[ева] не шибко идет. Кто историк-экономист, встреченный Вами? Конечно, пусть Катрин и Инге пошлют брошюру по данным адресам, а Вы сохраните копию. Отчего Катрин не была на Комитете, здорова ли она? От Катрин телеграмма — просит подождать письмо Дедлея от 17 Ноября. Прилагаю выписку из письма Булгакова от 10 Ноября — Вам она интересна. Странно, он по-видимому, не видал на приеме Дутко — и ее и его. Как будто дипломаты бывают на таких приемах. Прилетело доброе письмо нашего милого Дедлея от 17 Ноября со всеми приложениями. Доброе письмо и в такой хороший день. Вы уже получили нашу ответную телеграмму: "Одобряем список Комитета согласно заседанию шестого Ноября. Сообщите Катрин,

также спросите, когда назначена операция". Конечно, список можно помещать и в брошюре и на бумагах. Если Р.Кент молчит — оставьте его в покое. Синклер — не работник. Дедлей еще больше почует, почему он должен быть при "Знамени Мира". Многие дела изменчивы, но мир — во всех его значениях — велик, непоколебим. Ал. Ренцу скажите прямо, что никаких обществ в оккупированных местностях начинать теперь не следует. Если он лично интересуется "А.Й." и "Знаменем Мира" — это его личное дело. Е.И. шлет Вам душевный привет. Она нездорова — сильные головные боли, зубы — общее воспламенение. Всеми силами держите единение — время-то какое сложное!

1 декабря 1946 г.

Публикуется впервые

Грабарю (07.12.1946)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Почта опять шалит: Твое последнее письмо было от 26 Сентября, и дошло оно в самом конце Октября — мы порадовались ускорению. Но сегодня дошло Твое письмо от 1 Июля, бывшее в пути 5 месяцев и одну неделю. Спешу Тебе об этом написать сегодня же, ведь в пути может быть Твое письмо с очень существенными и срочными извещениями, а вдруг оно вздумает гулять полгода?! А Ты будешь удивлен нашему молчанию. Потому в случае срочности черкни телеграфно. До чего все медленно творится, и даже простые вещи стали недосягаемы. И в обиходе все замедлилось, а время-то бежит.

Были рады читать о блестящем Твоем 75-летии. Народ должен помнить и чтить культурные вехи. Мало осталось могикан, потрудившихся для Русийской Культуры. Радостен всенародный отклик на творческое достижение. Пусть так и будет.

Ты поминаешь Фешина. Еще до войны мне писали, что он умер. Впрочем, с вестями о смертях приходится быть осторожным. Вот сообщали, что наш друг Метерлинк помер, а в журнале сейчас пишут, что он жив, в Америке.

АРКА заслужила похвалу из Центра, но трудно им сейчас — такие гнусные наветы на СССР. Да и с перепиской нелегко. Недавно телеграмма с оплаченным ответом не была отвечена. И назад не вернулась и ответа не было. Необычайно! А для дел вредно!

Спешу послать на почту, чтобы пошло сегодня же — каждый день дорог. Шлем Тебе и Твоим наши душевные новогодние пожелания и ждем, ждем Твоих добрых вестей.

Сердечно…

7 декабря 1946 г.

Публикуется впервые

Новый Год (15.12.1946)

Прилетела Ваша весть от 18-11-46. Рады слышать об удачной лекции Сомервелла; конечно, его можно избрать в директора. Хорошо, что завяжутся добрые культурные сношения с Румынией. Любопытно, что ответит Кеменев на письмо Дедлея? Когда же Ермолаев получит ответ? Хоть и морозы, но эти вещи не должны замерзать, подобно Сысоеву. Возвращаю присланное Вами письмо. Бедные люди — весь мир стремится в Америку, не думая, не зная, какова она сейчас. Конечно, им ехать нельзя. Может быть, Канада или Южная Америка, но если есть хоть какая-нибудь возможность пожить во Франции, пусть там и побудут — время изменчиво. Пусть, на всякий случай, сообщают адрес. Моего имени не поминайте. Конечно, жаль Мейера, но ничего не поделаете — уж такое тяжкое время сейчас. Спросите в "Нов[ом] Рус[ском] Слове" о Дымове. Может быть, через него можно узнать, что случилось с Румановым. Ужас, сколько друзей растерялось в Армагеддоне. Хорошо, если Катрин откупится от Франсис. От продажи книг эта сумма вернется. Франсис не умела распространять книги, а теперь торговец, чего доброго, возьмет их на бумагу. Весь этот материал неповторим, и Вы отмечаете, как постепенно он расходится в хорошие руки. Всегда наше желание было не о количестве, но о качестве. Имеете ли Вы список статьи "Служение Родине" из рижского журнала "Мысль"? Я посылал Вам, но может быть, Вы ее отослали и потому прилагаю — может понадобиться. Как бывают нежданно нужны старые вехи! Иногда помнишь, что нечто где-то было, а оно провалилось в архиве. И кто разберет его? Рыться в нем радости мало, все вперед стремится. На днях искал мой лист о Дягилеве — просили для нового бомбейского журнала — еле нашел. А хотелось помянуть друга.

Записываю для Вашего сведения два прискорбных газетных сведения. Среди всяких потрясений и восточные монахи обезумели и занялись самоуничтожением. В знаменитом Таоисском[144] монастыре недавно монахи сожгли живьем на костре своего настоятеля. Вот тебе и благостное Тао[145], чем так гордился Китай! Теперь сообщают, что буддийские монахи на Цейлоне собрались для обсуждений, передрались, переранили многих и сожгли свою же буддийскую школу. Вот тебе и "мир всему сущему"! Вот тебе и хинаяна[146], чем так гордился Цейлон! Среди чудовищных вестей из разных частей Света, среди линчеваний, разбойных нападений, ужасных условий жизни теперь и восточные монахи отличились. Да, огромное Знамя

Мира требуется, чтобы напомнить озверелому человечеству о самом нужном, самом прекрасном. На собрании ЮНЕСКО Радхакришнан хорошо сказал о духовном обнищании. Лишь бы такие зовы не оставались гласом вопиющего в пустыне. Да, да, огромнейшее Знамя Мира необходимо, чтобы прикрыть, излечить язвы невежества. Все озверение в основе порождается невежеством, гнездящемся не только в безграмотных лачугах, но и во фраках, в бальных нарядах. Цивилизованный дикарь — зрелище отвратительное. Некоторые думают, что Знамя Мира ограничено статьями договора. Но Вы знаете, что эти статьи лишь первые врата, а значение — вернее, назначение Знамени безмерно шире, о чем я поминал в моем листе "Дозор". Нужно, чтобы друзья осознали ясно, что договор есть лишь вход в обитель Культуры. Если хотите, можете сказать вход в лечебницу "Культура", ибо только такими целительными постулатами можно оздоровлять поникшее сознание человека. Так и скажите друзьям, ведь им придется утверждать новичков, мысль которых часто склонна к умалению, к ограничению. Расширение сознания приходит не сразу, и лишь в редких случаях вспыхивает мгновенное озарение. Многие целебные травы нужны, чтобы врачевать духовное обнищание. Очень надеемся, что брошюра выйдет ладно и пролетит по всем частям света как призывная искра. При посылке нужно вложить печатный билетик: "Опинион энд ревью аппресиатед". Когда Катрин будет рассылать брошюру — пусть пошлет К.П.П.Тампи десять экземпляров, он дает в журналы на отзыв. Вы, может быть, уже слышали, что в Марте в Дели будет конференция всех азиатских стран. Будет при ней и выставка — избрали вице-президентом; президент — Абанидранат Тагор. Будем надеяться, что и Москва примет участие. Вы, должно быть, читали о голодных крысах в Париже. Они заедают детей и бросаются даже на взрослых. Бедствие! Всюду бедствия, люди так несчастны, что иногда даже не замечают своего несчастья.

Почта опять шалит. Последнее письмо Грабаря было от 26 Сентября и дошло к концу Октября. А теперь пришло его письмо от 1 Июля — было в пути более пяти месяцев. Вот Вам и корреспонденция! Между тем именно в этом ожидаемом письме могли быть срочные извещения, а вдруг оно вздумает гулять полгода — от этакого прогула многое может измениться. Может быть, Грабарь пошлет и по Вашему адресу, тогда телеграфните нам. Такие чудовищные проволочки вторгаются и ломают жизнь. Почта опять плоха — замечены пропажи писем и телеграмм. А вот получено от Стефана Сикорского престранное английское письмо (он не знает русского). По-видимому, он хочет затеять

свою отдельную группу и быть руководителем. Для этого он желает получить от Учителя именной мессаж* за подписью. Отвечать не буду, а Вы скажите ему по моему предложению, что переписка с Америкой ведется через Зину. Если у него какие-то конкретные вопросы, он может передать их нам через Зину. Мы этого человека совсем не знаем, но помнится, что Зина имела с ним неприятности. Потому, если Вы имели бы какие-то особые причины, то можно бы и вообще отмолчаться — Вам виднее. Катрин пишет, что на складе многие книги испорчены — очень жаль! Какие именно? Вообще, какие книги на складе? Вы писали, что у Инге был инвентарь. Пусть пришлет нам с пометками — что цело? Что попорчено? И что вконец обезображено. Слегка испорченные можно продавать по уменьшенной цене. Е.И. поправляется — уже вышла из своей комнаты. Долго было воспламенение, но все же пришло к доброму концу. Шлем Вам всем к Новому Году сердечные приветы. Пусть Год принесет продвижения.

Духом с Вами.

15 декабря 1946 г.

Публикуется впервые

Сотруднице[147] (16.12.1946)

Дорогая наша сотрудница,

Спасибо за весточку от 20 Ноября. Вот уже и год кончается. Пусть Новый принесет нечто действительно новое, прекрасное, а не угрозы и безобразия. Пора военной отрыжке утихомириться, чтобы бедные люди могли помыслить о Культуре.

Странным людям показали Вы мое письмо. Ветхозаветный тип, видимо, не читал мое "Противление злу", иначе не стал бы невнятно бормотать против какого-то непротивленства. Да, "горбатого могила исправит". Вот Вам опять "труизм". Письма мои не читайте неверным людям. Если лист дневника, тогда другое дело.

Всюду сложно и неспокойно. Задвигались громады масс, впрочем, эти года и предполагались хаотичными. Никогда, никогда человечество так не нуждалось в явлении Культуры. Молодежь считает спорт и всякие физические зрелища превыше мысли, превыше философии. Свобода мысли! О ней иногда шепчут, но что это за штука, о том даже не умеют уразуметь. Да и можно ли винить, если уже с начала первой мировой войны люди качаются в кошмаре — уже полтора поколения. И никогда не бывало столько психических заболеваний, как сейчас. Неустанно, терпеливо, ласково надо твердить об единой панацее.

Булгаков спрашивал о Вас, жалел, что с лета не имел сведений, а он, мол, хотел познакомить Вас с какими-то интеллигентными людьми и с академиком Весниным. Я ему написал, что, кажется, Вы живете за городом и были неурядицы с прислугою. Письма его стали очень добрыми, видимо, освоился с житейскими условиями. Дочь его вышла замуж и уезжает в Каменец-Подольск. Вы пишете, что Вам прислали список вице-президентов какого-то мирового духовного союза и там мое имя. Откуда такая ерунда? Кто знает, сколько подобных выдумок бродит по свету, а ведь среди них могут быть и вредительские — да, наверно, они и существуют. Почта опять пошаливает, и вообще многое хуже, чем во время войны. Исчезают самые неожиданные предметы — спички, свечи, керосин, сахар. Всяких и малых и великих событий хоть отбавляй. Каждый газетный лист — прямо рассадник всякой мрачной чертовщины. Вы все это знаете.

По поводу наскока на светлую память Е.П.Б., конечно, писать не надо. "Собака лает — ветер носит". Хороша и восточная поговорка: "Собаки лают — караван идет", а караван Е.П.Б. был велик. Все же печально, когда невежды берутся судить о том, что

выше их понимания. Здешний философ Радхакришнан на собрании ЮНЕСКО в Париже правильно сказал о нынешнем духовном разложении и обнищании. Если бы какой-то гигантский мегафон оглушительно прикрикнул на всех невежд-разлагателей — так, чтобы мозги их затрещали! Какое же космическое потрясение должно случиться, чтобы мрачные невежды одумались?!

Елена Ивановна опять за работой, а целых три недели проболела — температура, головные и зубные боли — общее воспламенение. Да и не мудрено болеть при всяких атмосферных и психических пертурбациях. От солнечных пятен до народных потрясений — все влияет на чуткий организм. И ведь неладно на Земле. Как лама сказал: "Кругла ли, плоска ли Земля, но жить на ней стало трудно". Кроме всяких провозглашений, с гор и из лесов вылезают аборигены с луками и стрелами, чтобы пограбить. И на каком языке разъясните им, что грабеж недопустим?! Так между вопросительными и восклицательными знаками и блуждают люди. Бедные, горя-то, горя сколько — неизбывное море слез. Все эти слезы "в подушку", а гремят в Надземном.

Будто бы вышел мой "Химават", так говорят, а автор еще и не видал книгу. Думаем, что "Героика", "Алтай" и "Обитель Света" когда-то выйдут. Но во всем в самом простом без конца трудностей. Скачка с препятствиями, но все же скачка. И Вы скачите — поверх всего, через все — как через бумажные круги. А за каждой завесой что-то новое, лишь бы усмотреть и понять. Пусть и Новый Год будет Новым. Е.И. шлет Вам душевный привет.

16 декабря 1946 г.

Публикуется впервые

Друзьям (23.12.1946)

Дорогие друзья М.Н., Е.Н., Надя и И.ИЛ Спасибо за Ваши добрые письма от 8–9 Декабря. Пишу Вам всем вместе, ибо и Ваши вести мы читаем все сообща. Пожелаем, чтобы Новый Год оказался Новым, Культурным, хотя надежды мало. Все Ваши соображения правильны. Время сложное, и просвет еще не наступает. Ничем не отягощайтесь чрезмерно, чтобы не терять подвижность. Если услышите что о В.К. — сообщите, конечно, возврат письма — знак нехороший. Что Бор[ис] Николаевич] и его жена? Где Гинц и многие прочие? Вероятно, со временем к Вам притекут разные вести, а И.И. так чуток и внимателен.

М.И. в Шанхае с Хейдоком. Она писала нам, и ее вести совпадают с Вашими — сложное время. А.П. трудится изо всех сил — тоже нелегко. В Америке узнали адреса Рудзитиса и Гаральда — какие-то совсем новые. Им напишут, а если ответ получится, мы сообщим Вам. Гаральд не в Риге, а в провинции. О Писаревой с 1939-го мы ничего не слыхали. Может быть, в Женеве о ней знают. В Европе всюду очень трудно. Почта опять стала хуже. Одно время из М[осквы] письма приходили в шесть недель, а теперь вдруг в пять с половиною месяцев — вот так корреспонденция!

Надя недоумевает, сравнивая тексты. Но не надо забывать, что даже большие ученые иногда грешили в переводах. Кроме того, многое надо понимать духовно. Так, например, некоторые удивляются, как Кришна мог принимать участие в войне, но ведь в Бхагавад Гите[148] речь идет о духовной битве.

Жаль, очень жаль, что "Надземное" еще не могло быть напечатано. В Америке были изданы по-английски первая и вторая части "Мира Огненного", также и в Буэнос-Айресе по-испански. Теперь в Нью-Йорке Комитет "Знамени Мира" издал новую брошюру. Если хотите, напишите им — они Вам охотно ее пришлют. Вообще держите связь с Комитетом. Адрес может понадобиться. Там же и Общество "Агни Йога". Можно писать по-русски, ибо там же и АРКА. Подходят новые люди, лишь бы побольше молодых. А то так часто молодежь увлечена нелепыми модерн-танцами и физическим спортом, а мышление, духовность, Культура в загоне.

Е.И. шлет Вам всем душевные пожелания. Она тут недомогала в связи с новым возгоранием центров. Все космические пертурбации отражаются на ее организме. Сколько у ней новых нужнейших писаний! Из Риги мы успели получить лишь один экземпляр "Писем"! Что там со всеми книгами,

картинами, архивом? Но Соломон сказал: "И это пройдет!"

Юрий окончил капитальный труд "История буддизма", написал "Индология в России", теперь пишет "Задачи тибетоведения" и почти закончена "История Средней Азии". Святослав написал ряд отличных картин. Сейчас он с Девикой в Дели — Бомбее. Вышли мои "Химават" и "Прекрасное единение". В печати "Героика", "Обитель Света" и дополненные "Алтай-Гималаи". Трудимся по мере сил, через все препоны.

"Радоваться Вам!" — так приветствовали древние.

Духом с Вами.

23 декабря 1946 г.

Публикуется впервые

Новое

Спасибо Зине за письмо от 2 до 8 Декабря, такое славное и существенное. Лапрадель — большое приобретение для Комитета "Знамени Мира". Передайте ему наш сердечный привет. Если его имя уже запоздало для книги, то включите его на бумагу- Напишите краткие письма Рих[арду] Яковлевичу] Рудзитису и Гар[альду] Фел[иксовичу] Лукину, передайте им привет Е.И. и Н.К. и скажите, что будем очень рады получить их весточку. Пошлите заказным с обратной распиской, по крайней мере, будете знать, что Ваше письмо дошло. Удивительно, почему ВОКС не может известить Вас о моей статье, сами же они писали Вам о ее напечатании. Показательны сведения Терещенко о Коненкове. Сперва сообщалось об огромных заказах, о построении мастерской и об устройстве квартиры, а теперь и о музее Коненкова. Получается триумфальная правительственная демонстрация. Можно порадоваться, что правительство так почтило талант невозвращенца, пробывшего за границей двадцать лет. Так и должно быть. Такой показательный факт разбивает многие злостные выдумки о нашей Родине. Весьма любопытно, какие сведения привезет Терещенко. Не родственник ли он Мих[аила] Ив[ановича] Терещенко? Очень хорошо, если АРКА будет представительницей Украинского ВОКСа. Кто там работает? Открытку из Лагора Вы не вложили, о какой книге они запрашивают? Переписку с Ал. Ренцем надо прекратить. По-видимому, он сумасшедший — еще врагов наделает; все, что Вы сообщаете, ненормально. Никакого д-ра Освальда Беркольца мы не знаем. Радостно слышать о многих посетителях и о хорошей продаже "М.О.". Любопытно, что Лапрадель не поминает о Шкл[явере] — вообще вокруг этого предмета какая-то тайна. Прекрасно, если Альбуэрно так успешно работает.

Из Португалии запрашивают, хотят переводить, издавать мои книги. Калькуттское Художественное Общество избрало меня председателем их конференции: ехать, конечно, не придется — условия нынешней езды вообще неприемлемы. Послал привет. Наконец, вышел "Химават". Я послал Вам один экземпляр — вышло неплохо. Издатели иногда бывают странными людьми. Так, издатели "Прекрасного единения" публикуют книгу как утопию художника. Или они не вполне знают значение слова "утопия" или, по их мнению, такое определение должно привлечь особое внимание. Я же не люблю этого слова, для меня оно нечто вроде миража. Искусство, красота, творчество — не мираж, но самая лучшая реальность, нужная человечеству.

Не представляю себе, что происходит с картинами в Париже — висят ли они на прежних местах или, чего упаси, покоятся в подвале, где находились во время войны? Там 38 картин — они могут погибнуть от сырости или быть пожраны крысами. Кто знает, что происходит в злополучной Франции? Наше Общество в Париже было зарегистрировано, кто знает, какова теперь французская психология? Или она вообще как туманный мираж? Во всяком случае, в Париже было 38 картин, два репинских рисунка и большой архив — не может же это все пропасть. Не ответил ли Вам городской Совет в Брюгге, ведь и там энигма? Не удалось ли Вам достать две картины из Археологического Института? В Буэнос-Айресе — шесть картин (не знает ли чего о них Альбуэрно?). В Киото — шестнадцать. В Китае, должно быть, пропали, хотя Пекинский Музей так широковещательно извещал. В Белградском Музее семь картин, в Загребе — десять. Первоначально в Белграде было двадцать картин, но из них тринадцать были переданы в Прагу, а в Белграде осталось семь и одна — "Земля всеславянская" была во Дворце. В Белграде в Музее был ставленник регента Павла, отвратительный тип Кашанин. Надеюсь — война его смыла, а спросить-то теперь не у кого. Так же не у кого спросить о судьбе панно для Ниццы, они были свернуты в моей мастерской и из-за войны не могли быть отправлены. Часть их воспроизведена в "Монографии" 1916 г., один эскиз был в Русском Музее. Опасаюсь, что и эти панно попали в лапы вандала Маслова. Воображаю, как "масловы" злопыхают по поводу моего приезда. А где панно в доме Бажанова? А что с фресками в Талашкине? А где "Змей" из Музея Академии Художеств? Где "Ункрада"? Целы ли картины в Риге? В Киеве? Если посчитать, то выйдет, что я пострадал более всех русских художников. Все это энигмы, но знать Вам необходимо. Всякие такие вехи стираются временем, и часто не знаешь, где потом искать истину. А надобность в ней выскакивает нежданно из совсем неведомого угла. Потому лучше повторить, нежели вообще забыть. Из Китая весточки застопорились. Должно быть, там сейчас не сладко. Где сладко? Лишь бы не усложнить, вот и помалкиваем.

В прошлом письме Вы помянули "староселье" — там чуется какое-то недоброжелательство, враждебность. Может быть, через Маркову нащупаете, в чем дело и кто там вращается. По существу, хорошо, что "староселье" отчалило, но для истины не мешает знать, в чем дело. Уж больно много всяких типов и типиков толчется. Значит, ЮНО будет в Нью-Йорке. Вероятно, Вы будете в курсе, кто там будет из наших соотечественников. Хорошо, что Вы с Молотовым познакомились. Хорошо, что

извещаете Ермолаева о текущих делах. Неужели Посольство еще не получило ответа — тем более странно, что Молотов со всем штабом все время был в Америке, а его голос был бы решающим. От Грабаря еще нет вестей, а последнее его письмо было в Сентябре — получается большой проскок. Впрочем, и от Бабенчикова вестей нет. Или мое не дошло или его загуляло — я просил его немедленно ответить, а он всегда был очень внимательным. Только подумать, что из всей мастерской Куинджи я остался один, а ведь было двадцать человек.

Получили Ваш пакет с лекцией Сомервелла о нужности изучения нашей Родины — хорошая, дельная лекция. Для заключения года она представляет ценное завершение. В том же пакете была программа балетов. Что с Мясиным? Не пропали бы эскизы. Они Вам очень пригодились бы. Все-таки необычайный эпизод получился с Гусевым, с Сысоевым — "как с гуся вода"! Инге прислала две любопытных статьи "Трибюн" о деятельности мозга и об атомной энергии. Особенно первая поучительна — спасибо. Какой год будет на брошюре "Знамени", верно 1947? Кончается нынешний год, а столько ответов не получено всеми нами. Причин не придумать. Сваливать все на одну почту несправедливо. Недаром сказано, что особенно не доходят все неотправленные письма.

Воздавши бывшему, обратимся к будущему, и вспомним Горация "ниль адмирари"[149]. Удивляться можно многому. ЮНО поселится в Нью-Йорке, наверно, Вы сделаете новые знакомства, полезные для АРКА. Вероятно, Вы посылали Грабарю отчеты АРКА, ибо он помянул о полезности этой деятельности. Если еще отчеты имеются, хорошо бы послать через Грабаря в Академию Наук для библиотеки. Странно, но по-видимому Ваши письма в Индию еще не дошли — ни Тампи, ни Дев, ни Фонтес о них не поминали. Уж эти длиннущие сроки! Напишите, какие именно картины находятся у Вас на выставке, а также попросите Инге прислать список книг, находящихся у них. Юрий посылает Вам три копии "Индологии". Сейчас он пишет "Задачи тибетоведения". Скорей бы ему к источникам в рус[ских] книгохранилищах. Откуда эти чудовищные провалы в переписке? Один эпизод Гус[ев] — Сыс[оев] чего стоит. И по-видимому, такое положение их самих не удивляет.

О сов[етском] после здесь ничего не слышно. "Жди у моря погоды". Если у Вас будет что-либо от Ермолаева или от Игоря, немедленно телеграфируйте нам. Е.И. недомогала в связи с новым возгоранием центров. Все космические пертурбации отражаются на ее организме, мы просим ее еще не писать на машинке — этот ритм вызывает боль. Девика и Светик уехали в

Дели — Бомбей, вероятно, до конца Марта. Прилагаю для архива письмо Санджива Дева — мечты о "Фламме". Ответил ему, что большинство подписчиков было в Европе, в Китае, Америке, а в Индии платных было совсем мало. Где уж думать о воскрешении, когда индусские журналы как скорчились за время войны, так и не могут потолстеть. Общая беда — расходы растут, доходы уменьшаются. В "Геральде" мое "Мир и Культура" и Мориса "Сокровище Ангелов" — пошлю ему в С. Луи. В "Нашей Индии" еще его две поэмы, но я еще не получил последний номер. Может быть, опять пропадет в пути. Из Буэнос-Айреса де Лара прислал интересные писания С.Виджиля — способный и устремленный писатель. Он и для детей пишет очень добрые, культурные зовы. Через де Лара Вы можете с ним связаться. Фонтес пишет, что в Лиссабоне очень хорошие отзывы о его книге. Всегда радостно, когда у кого что удается. В дни особенно сложные собирайте хотя бы все крохи удач. А вот еще добрые вести — большой пакет от Вас с лекцией Сомервелла и бюллетенями — все очень интересно. Эдгар Хюит прислал свою автобиографию. Катрин — Инге прислали еще две "Трибюн" с интересными статьями — спасибо. Пусть еще присылают старые газеты. Прилагаю одну вырезку из них о хорошем человеке — не пригодится ли он Вам? Прилетело письмо от Шкл[явера] — очень осторожное. Де Во еще жива, но делами больше не занимается. Т. одряхлел — не у дел. Конлан много пишет об искусстве — пусть о "Знамени" напишет, когда получит брошюру. По письму видно, что жизнь в Париже далеко не наладилась, да и когда придет в равновесие? В Индокитае кровопролитная война.

Получили карточку СМ. Спасибо, как ее здоровье? Была у нас елка, вспоминали всех Вас. Хоть бы принес Новый что-то Новое, существенное, радость всем!

1 января 1947 г.

Публикуется впервые

Весточка

Спасибо за большое письмо от 13-12-46 со многими приложениями. Конечно, можно показать доверительно Уйду сумасшедшее письмо Уайта. Относительно Франсис нужно посоветоваться с адвокатом, о чем мы и телеграфировали Катрин. Не забудем, что братец Франсис — адвокат, наверно, имеющий сношения с трио, и из-за злобы могут быть безобразные действия. Даже нелепо, что Фр[ансис] поминает клише, отлично зная, что была война и их судьба неизвестна. Наверно, ей хотелось бы все уничтожить, продать на слом, а книги на вес бумаги. Да, с такими типами необходима большая осмотрительность. Злобные замыслы очень обширны — лишь бы вредительствовать. Брошюру Пакта пусть рассылают Катрин, Инге. Я Вам об этом уже давно дважды поминал. Но как долго тянется печатание — значит, книги получаются весною, вернее, к лету.

Очень жаль Ле Фюра — хороший был человек и ученый. Какое милое письмо от его вдовы! Жаль и всех бедняков, которых поминаете в связи с Ал. Ренцем (я уже писал Вам о прекращении переписки). Бедные, бедные, утерявшие почву. Трагична тяга на Америку, можно представить, какие легенды бродят. Вот женщина с девятью детьми, без средств, без заработка — что может ей дать Америка?! Драма-то какая. Какое беспросветное бедствие! Значит, у Вас от Ермолаева, Грабаря, Бабенчикова — ничего. И у нас — ничего, лишь бы опять сысоевщина не произошла. Странно наблюдать, как сношения улучшаются, ускоряются и потом — как в бездну. Предполагать о потере писем и телеграмм — трудно, значит, у друзей имеются местные соображения. Из-за них неудобно посылать повторные письма — все думаешь, как бы не утрудить друзей. И то уже не пишешь о многом интересном. Писать, "как прекрасны снеговые вершины" — еще позавидуют. Помню, как болгарский художник Георгиев написал о нас в Париж, а там друзья даже остеклились. Где-то теперь Георгиев? Жив ли? Талант и прекрасный человек. И другой болгарский художник Стоилов хорошо проявлялся. Где-то он? Жив ли?

Без конца о ком можно спросить — жив ли? А если и жив, то, наверно, бедствует или духовно или телесно. Какие искалеченные малыши растут, и эти горбы уже ничто не выправит. Е.И. шлет Вам большое письмо, и я приложу мое краткое, не в счет обычным вестям. Неужели и в Новом Году все сообщения по-прежнему будут медленными и стесненными? Получаете ли "Зарю Индии"? Если нет, то не стоит и подписываться. Непонятно, почему Ваши

письма не достигают Валентину, наверно, Вы посылаете через Вашингтон с припиской "перешлите". От Грабаря, от Бабенчикова — ничего. Что же это такое?

"И это пройдет"! Шлем Вам душевные мысли.

Сердечно…

П.С. К делу с Фр[ансис] — если она говорит о своих затратах на склад, то и Катрин может себе требовать ту же сумму за склад на ферме.

Пожалуйста, пришлите в порошке: кобальт темный, кобальт светлый, ультрамарин темный, ультрамарин светлый, индиго.

3 января 1947 г.

Публикуется впервые

Опять труд

Вот и вторая половина деятельности уже пришла. Меньше полугода до лета. Предвидим, сколько у Вас всяких новостей — именно всяких. У Пушкина баян поет, ведь "Землю вместе созидали Даж-бог и мрачный Чернобог", "Несчастья — радостей залог". Так на радость и поставим большущую ставку. Выиграете! Телеграмма от Катрин: "Операция отложена вследствие бронхита. В конце месяца едет во Флориду. Дело с Франсис кончено, книги остаются у Вас". Среди книг могут быть ненужные или окончательно испорченные. Не нужно ли одни предложить авторам по уменьшенной цене, а другие продать на вес или выбрать из них фрагменты, годные для отдельной продажи. Надо использовать. Хорошо, что чепуха с Франсис кончилась. Все-таки прискорбно, что она заняла такую непримиримую позицию. Ей никакой выгоды не получилось — многие вещи она от себя оттолкнула и в конце концов в злобе сидит у разбитого корыта.

Любопытно наблюдать всякие приливы и отливы. Вот ВОКС писал Вам, что моя "Слава" читалась с огромным интересом на собрании писателей и художников, и они пишут мне коллективное письмо. Где оно? ВОКС сообщил Вам о напечатании какого-то моего листа. Где он? Дедлей писал Кеменеву — был ли ответ? Гусев писал о желании музеев приобрести большую коллекцию моих картин. Где оно? Потом произошла сысоевщина, и Вы не получили ответ на Вашу телеграмму с оплаченным ответом, и мы не получили. Так и не знаем — Сысоев человек или миф. Грабарь повторно сообщал — "У нас шибко говорят о твоем приезде… Зачем греметь во славу Родины на Гималаях, когда лучше собраться на Родине?" Ну и что же? О том же писал Бабенчиков, а теперь замолк. Даже Митусова писала Вам о разговорах о нашем приезде. Где оно? "Славяне" поместили мой лист. Председатель ВОКСа подтвердил получение моего письма. Ну и что же? Вы широко посылали отчет АРКА с моими обращениями. И ничего? Ермолаев хвалил Вам работу АРКА и сообщил, что Посольство о нас писало. И ничего? И сколько таких "чего" и "ничего". Грабарь писал, что видел мою "Монографию" в магазине, хотел купить, но кто-то успел перекупить. Теперь писали, что видели монографии в окнах книжных лавок в Ленинграде. Не Рижская ли монография? Ответят ли Вам Гаральд и Рудзитис? Приливы и отливы. Помните у А.Толстого: "Приливы любви и отливы". ТАСС отличился, говорит Святославу: "Сели бы на Сов[етский] пароход в Калькутте и прямым рейсом в Одессу". Точно дети!

На ученый конгресс в Дели приехали из Москвы четверо делегатов — физики, социологи. Святослав их видел. Телеграфировал нам, установлены дружеские отношения. Они привезли привет от вдовы дяди, Бориса, также фотографии. "Планы еще не решены, но надеются поездить по Индии две недели. Сообщу, сколько пробудут здесь. Все хорошо". Мы ответили: "Передай делегации наш сердечнейший привет и восхищение научными достижениями нашей Родины". Сов[етским] делегатам был устроен прекрасный прием. Неру приветствовал великие успехи русской науки за последнюю четверть века и выразил надежду на скорейшее сближение ученых и установление дипломатических сношений. Для АРКА это интересно. Радостно, что Индия так тепло отметила прибытие сов[етской] делегации. Вспоминаем и наши дружеские беседы во время пребывания Неру у нас, добрый посев к пониманию нашей великой Родины. Вообще, не забудем и ширину взглядов, проявленную народом в отношении больших деятелей, бывших за границей. Репин жил в Финляндии, Капица — в Англии, Рахманинов — в Америке, в среде эмигрантов, Коненков был двадцать лет невозвращенцем в Америке, Куприн и Билибин — во Франции, и все были позваны на великое всенародное строительство. Репин почтен памятником и всеми знаками внимания. Капица окружен лучшими средствами для его открытий. Рахманинов гремит в концертах и в радио. Коненкову — заказы и отдельный музей. Да, русский народ умеет быть признательным. Великая всесоюзная семья народов увенчивает представителей Культуры и окружает их труд и память о них. Вандалы масловы отошли в позорное предание, и народы всенародно устремились к познанию и сохранению истинных сокровищ. В разрушенных войною городах прежде всего создаются дома Культуры, научные учреждения, школы, музеи, театры, больницы. Не успевает народ оправиться от варварского нашествия, как уже устремляется к Культурному строительству. Радостно приветствовать проявления широкой строительной мысли. Моя "Слава" была славою всенародных созидателей.

Тампи, Дев получили Ваше письмо — рады. Хоть бы брошюра скорей доплыла. Надеюсь, "Химават" дойдет к Вам сохранно. Если хотите, напишите Вы и Дедлей два отзыва — пошлем в журналы. Дев и Тампи тоже пишут. Спрашивают они, что лучше сделать для Знамени? Отвечаю — всеми средствами разъяснять эту идею Культуры. Пусть не только слышно об убийствах, поджогах и грабежах, но и о Культуре, о строительстве, об охране высших ценностей. Пошлю Вам ноябрьский выпуск "Наша Индия" — там поэма Мориса к картине "Святые Гости" и мой призыв: "Хвала

Индии". Кстати, этот призыв появился одновременно в трех журналах: "Заря Индии" (Калькутта), "Наша Индия" (Дели) и "Сильпи" (Мадрас). Таким путем покрыта вся Индия. Вообще, площадь Индии так велика и население разнообразно, что приходится печатать то же самое в разных журналах — иначе зов окажется ограниченным.

У Вас всякие новости. Генерал Маршалл — министр иностранных дел. Редкость со времен Бисмарка, чтобы военный был во главе иностранных дел. Увидим, как генерал покажет себя в дипломатии. В Китае его миссия не удалась, как он сам и признался. Но иногда и ошибка ведет к успеху. У нас всякие "мирные успехи", ножовщина процветает. Рационы урезаются — каждый получает по три унции сахара в месяц. Во время войны такого не было. Спички у нас вообще не выдаются, а за милю от Наггара там выдают. Со свечами, с керосином совсем стало трудно. Так, среди высоких предметов и малые хозяйственные нужды дают себя знать. Обидно, что так называемое "мирное время" отличается в таких обиходных делах. Правда, заверяют, что в течение пяти лет на образование будет истрачено сто крор рупий (крора — десять миллионов), но пока не мешает и подсластить жизнь горькую. Сто крор рупий — звучит величественно, но ведь рупия теперь меньше четверти довоенной. Трудно бедному Неру соглашать несогласимое — мученик! Индия должна очень беречь таких редких культурных деятелей. Много ли их во всем мире? Святослав пишет большой, во весь рост, портрет Неру. Сейчас Девика и Святослав в Бомбее — пробудут, вероятно, до Апреля.

"Кормчий всего — молния", — сказал древний Гераклит. Вспоминается мудрое речение, когда теперь столько говорят об атомной энергии, о применении ее для мирной жизни. Только что профессор Халдэн сказал, что последствия атомных бомб могут сказываться на населении в течение десяти тысяч лет. Люди могут рождаться идиотами (точно и без бомб их мало). Но соображение Халдэна правильно, ученые должны применить высокую энергию без вреда для человечества. Потребуются многолетние опыты, чтобы благотворно овладеть великою мощью. "Поспешишь — людей насмешишь", а тут уж не насмешишь, а угробишь. Помню, однажды я добивался у врача — вредны или полезны рентгеновские лучи. Ответ получился: "Совершенно безвредны". Могут ли быть мощные лучи и не вредны и не полезны, а так себе — ни то, ни се? Скороспелые опыты могут приносить безмерные беды. За неделю свалилось более ста больших аэропланов, погибла тысяча спешащих — тоже опыт.

А мы все будем тоже продолжать наши культурные опыты. Будем наблюдать, насколько искренне люди прилежат Культуре и готовы трудиться во имя ее. У Вас накопляется великое хранилище таких наблюдений и исследований. На деле Вы распознаете, где искренние труженики, а где эфемериды, легкомысленные однодневки. С прискорбием можете отмечать, как блуждают, как изменчивы люди, но, с другой стороны, помните древнюю легенду, что ради одного праведника целый город был спасен. Помните мою картину: "Град пречистый — врагам озлобление". Издавна гнездилась эта борьба. Старые индусские Упадеши говорят: "Богачу и враг родственник, бедному и родственники враги". Но также издревле заповедано: "Не о хлебе едином жив человек". Во всем Космосе приливы и отливы. Пусть Ваш прилив будет плодоносен, доброносен. Друзьям привет, врагам гроза.

Спасибо Жину и Жаннетт за карточку.

15 января 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарю (20.01.1947)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Спасибо, большое спасибо и за доброе письмо Твое от 15 Декабря и за "Рублева" — прекрасная, нужная книга. И год на ней 1926 — нам памятный — в Москве были. Письмо Твое и без Америки шло всего месяц и четыре дня. Выходит, что воздушная почта отсюда идет медленнее, чем обычная из Москвы. Хорошо хоть вообще доходит.

Действительно, жаль, что нет фото с репинского рисунка — хороший, четкий, выразительный для молодого Серова. Углубленная сущность нашего друга передана вполне. Серовский портрет Елены Ивановны — большой рисунок, расцвеченный пастелью. Где он теперь, в Англии? Как вспомнишь Серова, так и выплывают его черты — вот какие люди жили на нашем веку. Незадолго до ухода В.А. в спешке прибегал за темперой. "Микстурки, микстурки-то нет ли, — быстро она выходит, а без нее невозможно — густо". И не было признаков болезни, и В.А. был полон рвения к творчеству. Как быстро сломило его драгоценную жизнь. И мало теперь осталось — надо спешить.

Вполне понимаем Твое желание сосредоточиться на Академии Наук, но все же жаль, что Ты уклоняешься от президентства в Академии Художеств. Именно Ты укрепил бы и возвысил культурно этот пост — такой важный в продвижении нашей Родины. Русское искусство прогремело по всему миру, и ему предстоит славное будущее. Тем более во главе Всесоюзной Академии Художеств должен быть не только знаменитый художник, но и истинный культурный деятель — все сии качества в Тебе. Много Ты натворил за эту четверть века, придется и еще принять бремя во славу народа.

На конгресс в Дели прибыла делегация наших ученых. Индия встретила их по-братски. Протянулись новые, задушевные нити крепкой дружбы. Мы радовались, читая, как прекрасно принял делегацию наш друг Неру и как сердечно говорил он, обращаясь к нашим ученым. Наверно, Ты повидаешь их (сегодня они летят обратно) и услышишь добрые вести. Прочны связи науки и искусства. Святослав с Девикой встретили ученых в Дели и писали нам о прекрасных установленных отношениях, чему мы все радовались. Делегация привезла нам вести и фотографии от вдовы моего брата Бориса, и ей посланы памятки. Святослав еще встретится с делегацией в Бомбее перед их отъездом, но об этом мы узнаем дней через пять.

Посылаю Тебе мое новогоднее приветствие для АРКА.

Наверно, Ты скажешь словами Твоего Сентябрьского письма: "Зачем греметь во славу Родины на Гималаях, когда следует…" Тогда же Ты писал мне: "Тебя нужно, очень нужно". И на том спасибо. А мы-то все трудимся, творим, преуспеваем и чуем, что народу русскому, всей семье всесоюзной труды наши принесут пользу. Писали нам, что в Ленинграде, в окнах книжных магазинов, видели мою "Монографию", но какую — рижскую или американскую? А может быть, здешнюю или французскую? По римской пословице: "Книги имеют свою судьбу". "Индология" Юрия в спросе. Сейчас много пишет и готовит новые книги.

Посылаю и последний снимок — перед домом. Жаль, горы слабо вышли, да и лицо лишь в лупу рассмотришь. Все еще трудно с фото, да и со многими материалами. Вот и с последних картин нет снимков, а их спрашивают. Ежемесячно журналы что-то печатают. Сейчас послана в Мадрас памятка о Московском Художественном Театре и о встречах со Станиславским. Неужели В. Ф. Булгаков из Праги приехал? Видел ли Ты его?

Привет, душевный привет от нас всех всем Твоим, всем друзьям. Рады вестям Твоим.

Сердечно…

20 января 1947 г.

Публикуется впервые

Дозор (01.02.1947)

Не правда ли удивительно, что мое прошлое письмо как бы отвечает на соображения Зины, на ее справедливые недоумения и сетования? Действительно, есть чему поражаться. Вы трудитесь изо всех сил на пользу культурного народного дела. А те, кто должны бы встречать Ваши достижения приветственно и содействовать всеми силами, предпочитают промолчать и даже отстраниться. Получается уродливое положение — труды возьмут, а о содействии забудут. Как же так? Справедливо ли? Конечно, все мы трудимся не ради похвал, но все же вправе ожидать внимательное сотрудничество. Так же уместно Ваше замечание о "буржуазных привычках", именно странно видеть высокие слова, но дела-то застряли в дряхлом быту. Вы знаете, о чем, о ком говорю, и "выпивох" мы так же, как и Вы, не любим. Ну что ж, — терпение и терпение и служение Культуре. О ком поминаете здесь в газетах, не было. Наверно, Вы пришлете нам вырезку. От Катрин это время газет не было — где-то плавают. О Сикорском я уже писал Вам. Письмо от какой-то женщины из Германии — престранное. Мы такой не знаем. Она пишет, что вступила в Общество в [19]36-м году при Ф.Лукине, а ведь он умер в 1934-м в начале года, и мы получили эту весть на пароходе. Тогда на пароходе получились три вести о смерти друзей — Лукин, король Альберт и Спасский — запомнилось. Да, сколько страннейших писем получается со всех концов. Видим, что и Вы не знаете, что с ними делать. Помочь невозможно. Хотели помочь Ведринской, и кончилось это грустно. Ее не нашли, не знаем, получены ли обратно деньги? Почта опять плоха. Даже министр сообщений созвал почтдиректоров, чтобы напомнить о бедах, наносимых дурными сообщениями. Значит — плохо. Но бывают и еще особые беды. Год тому назад Королевское Азиатское Общество в Бенгале приняло для издания огромный труд Юрия "История буддизма". Манускрипт в 1200 больших страниц был послан заказными пакетами. С тех пор все провалилось. На все письма Юрия — нет ответа, не помогают заказные. Между тем было и другое предложение — от Оксфорд Пресса и из Италии. Но Калькутта молчит. Невероятно, даже неправдоподобно! Очевидно, повсюду своеобразная сысоевщина. Кто теперь работает с Мясиным и какие "модерн" — балеты он ставит в Лондоне? Может быть, к Вам зайдет барон Рих[ард] Иван[ович] де Туше — Скаддинг, он был у нас здесь. Теперь он в Бостоне и пишет, что Рокфеллерский Центр хочет иметь мою выставку. Тоже как-то неправдоподобно, но увидим, в чем дело.

Главный интерес — к Гималаям. В Нью-Йорке Гималаи у Уида, у Крэна, у Сутро, у Катрин и у Вас, в АРКА — целая группа. Больших выставок они не делают. Как Вы просили, я послал для АРКА "Радуйся" — верно, Вы уже получили. Этот лист полон доброжелательства. Не по дурным, а по добрым вехам пройдем. Уоллес в "Новой Республике" предупреждает ген. Маршалла, чтобы не сдавал свои позиции России. Итак, "друг" СССР, наконец, проговорился. Неужели в Москве еще верят этому неискреннему притворщику? Как поучительно наблюдать такие людские виляния! Пришло дружеское письмо от Грабаря, шло всего месяц и пять дней. На мои вопросы не отвечает. Сообщает, что его выдвигают на пост президента Всесоюзной Академии Художеств, но он хочет сосредоточиться на Академии Наук. С той же почтой пришла его книга "Андрей Рублев" — иконописец, значит, и книги идут. Святослав и Девика прислали описания своих встреч с делегацией. Порадуемся добрым встречам. Пусть всходы будут лучше сысоевских. Русские ученые называли нашу тибетскую экспедицию — "мировое достижение". Это через двадцать лет, а что будет через сорок лет? Помните, Пушкин сказал в монологе Бориса: "Они любить умеют только мертвых". Так и всей культурной пашне будет воздано должное, а пока наберитесь терпения, оденьтесь теплее против всяких холодов. Игорь пишет, что Булгаков приехал. Не может быть, чтобы перед отъездом он не написал мне, не известил, кто теперь заведует картинами. Получили ли Вы ответ из Брюгге — тоже энигма. Святослав переслал из Бомбея посланные Т.Г. фотографии Б.К. — как изменился бедняга! Видно, тяжкая была жизнь, — жалеем его все мы и сердечно поминаем.

Сколько ушло близких, друзей! Сколько пропало без вести! Каждый день вспоминаются хорошие имена. Возьмите хотя бы три книги "Знамени Мира", вестник и бюллетень Музея — какое множество доброжелателей! Не все же умерли! Не сделались же врагами Культуры? Правда, подходят новые, но трудны почтовые сношения, и когда они улучшатся? Вот Вы помянули Голландию и Румынию, но все это — "долгий ящик". Даже деятельный Шауб-Кох как-то замолк, обессилел. Боюсь, что смерть его жены и болезнь подорвали его. Коимбра — вообще молчит. Югославская Академия в Загребе жива ли? Из всех французских обществ, где я членом, прислало выпуск трудов лишь Этнографическое Общество. Где же остальные? Где Осенний Салон, Академия в Реймсе, Общество Морэ, Антиквары, Историческое Общество, Общество Художников, Доисторическое Общество и другие? Как осенние листья! Всюду был адрес, всюду печатались труды. Где же? А если кто и отзовется — всюду нужна денежная помощь.

Точно мы сами деньги печатаем. Конечно, и удивляться нечему — везде бедствие. Агента ТАСС отсюда отозвали, и что же? Из голодной Индии в сытый СССР везут пищевые припасы. Уж нет ли голодания и в СССР? Везут одежду, верно, и одеться там трудно? Газеты пишут, что Монтгомери получил в Москве соболью шубу стоимостью в 27.000 рупий. Неплохо? Выходит, аккомутаторы — аккумуляторы.

Не забудьте вкладывать в брошюру "Знамени Мира" печатный листок с вопросом о мнении — легче отзовутся. Впрочем, об этом я уже Вам писал. Новая брошюра — интереснейший опыт. Вновь учрежденное издательство в Лагере просило меня быть президентом — я отказался за дальностью расстояний, теперь просят быть хотя бы почетным президентом, но и от этого почета откажусь — люди там нам неведомые и выпускают акции. Опасно! Не пишу о великих делах в Индии, из газет Вы знаете. Если кто-нибудь посторонний прочтет мои письма, то удивится, почему о местной жизни — ни слова, точно ничего и не бывало. Впрочем, только посторонний этому поразится. В своем последнем письме Санджива Дев пишет: "Я имею идею приготовить новую монографию о Вашем Гималайском искусстве под названием "Гималаи Рериха", которая должна содержать много красочных воспроизведений с Ваших Гималайских пейзажей… Мой подход к Вашим Гималаям был бы совсем новым… Эта моя мысль может быть лишь мечта. Но ведь все большие достижения были сперва мечтами". Так мыслит молодая Индия. В журнале "Караван" статья неизвестного мне Рундшавы о понимании Гималаев, и моим Гималаям дано первенствующее место. Так уж навсегда связано наше имя с Гималаями. По всему миру проявились наши Гималаи. Сейчас пишу еще гималайскую картину.

Пришлите, пожалуйста, новую бумагу "Знамени Мира" и длинные обычные конверты, да и "АРКА" осталась всего одна бумажка, да и то со старым составом. А такие памятки всегда полезны, особенно же теперь, когда брошюра все-таки должна выйти и Катрин-Инге разошлют ее. Как поживают всякие Ваши сысоевщины? Называем так неответы на срочные вопросы. У нас тоже завелась такая — на срочную телеграмму в Калькутту с оплаченным ответом — молчание. Неужели таковы новейшие обычаи вежливости и человечности? Ну что ж, опять вспомним Соломонову премудрость — "И это пройдет!" Времена всюду сложные. На всех сторожевых башнях нужны дозоры. Привет всем дозорным друзьям.

1 февраля 1947 г.

Публикуется впервые

Сотруднице[150] (01.02.1947)

Прилетели Ваши добрые письма от 17-12-46. Вот и Новый Год уже действует, а злоба-то человеческая старая-престарая. Как в застарелой чахотке, сохнут люди от ненависти, и конца краю не видно. Вспоминается одно видение, мелькнувшее до войны в газетах: "Около Троице-Сергиевой Лавры проезжал конный сов[етский] отряд. Слышат все, что на одной из колоколен в набат ударили. Ничего не видно, а звонит. Остановились, командир соскочил с коня — побежал доглядеть. Поднялся на колокольню, видит, седенький монашек звонит. "Ты чего?", — спрашивает командир. "А вот погляди!" — отвечает старичок. И вот видно: со всех сторон в свете багряном волнами катятся-перекатываются несчетные черепа человеческие. Упал в ужасе командир. Конники заждались его, побежали на колокольню. Смотрят, все тихо, нет никого, а командир лежит замертво. Еле в чувство привели". Исполнилось — бессчетные черепа прокатились по миру. Лишь бы опять в набат не ударили.

И вот среди злобы, среди бедствий и горя опять надо твердить о Культуре. Пусть все невежды кричат о труизме, на то они и невежды. Но панацея лишь в Культуре, в ее истинном понимании. В Нью-Йорке уже вышла новая брошюра о "Знамени Мира". Будет новая волна внимания. В Индии целая дружина молодежи уже собирается писать, будить во всех концах дремлющее сознание. Наверно, Вы получите несколько экземпляров для доброго размещения. Напишите Зине, сколько Вам потребуется. Ведь это весть горняя. Довольно разрушительства вещественного и психического! Все-таки есть же Знаки, перед которыми шапку ломают. Для будущего, для грядущих поколений надо беречь все, чем жив род людской.

Пишут, что Булгаков уехал на Родину. Странно, что не дал весточку и не сказал, кто вместо него заведует картинами. Да и тот ли Булгаков? Много Булгаковых. Будьте добры, узнайте. Всюду большие напряжения. И Вы поберегите себя, не напрягайте центры. Даже временно не танцуйте. Наверно, читаете всякие астрологические гороскопы. Если многие из них, по неведению доморощенных звездочетов, и грешат в подлинности, то все же основная тенденция любопытна. Вы ведь и американские еженедельники видите.

Пушкин словами Бориса сказал: "Они любить умеют только мертвых". Грозная истина! Пусть человек научается любить и все живущее. Тоже древняя истина: "Дети, любите друг друга". "Мир всему живущему"! Экие "труизмы"! Только подумать, что после

всех изобретений человечество должно вернуться к вековым "труизмам". Люди ходят с ножами, не перочинными, а убийственными, горя мерзким желанием кого-то невинного заколоть. Настоящее средневековье. Недаром самолеты валиться начали, видно, слишком рано эта игрушка людям дана. И опять невинные погибают.

Что же о таких "достижениях" писать — на то газеты и радио имеются. Каждый день "превеселые" сообщения. Но имеются и страусы: пряча голову в песок, воображают, что все ладно. Ан, вовсе не ладно! Но "и это пройдет", если сообща подумали бы о Культуре. Спасительно, если подумают о панацее не только на лекциях ЮНЕСКО, не только на официальных, фрачных приемах, но именно дома, в семье (если семья существует) и в младших классах школы (если найдутся жизнерадостные воспитательницы). И все это добротворчество где-то имеется, только бы выявить его, собрать дружину ДОБРА. Итак, действуйте во Благо и с улыбкою преодолевайте Армагеддон Культуры. Радоваться Вам!

1 февраля 1947 г.

Публикуется впервые

Булгаков (14.02.1947)

Дорогой друг мой Валентин Федорович,

Радоваться Вам! Радовались мы Вашей душевной вести от 2 Февраля. Радовались и Вашим и друзей Ваших добрым мысленным посылкам. Радовались и Вашему внуку Валентину. Башни Каменец-Подольска мне знакомы — говорят, там турецкий клад. Радовались и героизму Вашей старшей дочери и исполнившемуся желанию Вашей младшей (совсем по-толстовски). Радовались труду и бодрости Вашей. А уж если бы довелось посотрудничать с Вами в ближайшей работе — вот уж шибко возрадовались бы.

Еще радовались тому, о чем Вы и не подозреваете. В своем Декабрьском письме Грабарь сообщает достоверно: "Булгаков вернулся". "Ну — нэ…", как говорят в Праге, так сказал и я. Не поверю, чтобы В.Ф. укатил без объявки. И вот вчера подают с почты Ваше письмо. Так оно и есть. Наше чутье пересилило "неопровержимое" сведение. Вполне понимаем Ваши соображения, тем более, что везде Вы преданно служите нашей любимой Родине. И Злата Прага нуждается в таких испытанных друзьях, как Вы. Вот и мы маячим на Гималаях в ту же Славу Родины!

Приезжала в Индию делегация московских ученых. Мыто их не видали, а Святослав с Девикой очень подружились с ними. Особенно хвалили академика Павловского — истинный ученый, подвижник. Видели ли Вы книгу Александра Поповского "Вдохновенные искатели" (Москва, "Советский писатель", 1945)? Прочтите — доброжелательная книга о наших современных подвижниках. Наверно, в Праге она имеется. Вот бы перевести! Юрий посылает Вам свое исследование о Гесэр-хане (монгольский эпос). Недавно монголы в Улан-Баторе праздновали память этого легендарного героя. Ох, все труды Юрия должны бы быть изданы на Родине. Приезжие оттуда академики называли нашу экспедицию — "мировое достижение". Вот бы и издали труды на пользу всесоюзную. Не напрашиваться же! Впрочем, может быть, трудны условия быта? Бумага плоха, шрифт бисерный — глаза сломаешь. Прислали журнал "Новый Мир" — совсем неудобочитаем. Жаль, со временем в кирпич превратится, а скрижали должны быть четкими. В них жизнь народа — ему дано великое будущее.

Спрашиваете, чуем ли мы Ваши и друзей добрые мысли? Да и Вы должны чуять от нас сердечные токи. Часто Вас поминаем душевно. Ничего, что Вы сейчас в Праге, а мы — на Гималаях, по

счастью, мысль беспредельна. С Троилиным не пришлось встречаться, но хорошие отрывки из его "Тараса Бульбы" слышал. Удачная опера! Вообще, хорошо, что около Вас собирается культурная группа. Всегдашнее мое мечтание о культурном единении, о Знамени Мира невежды зовут утопией, а другие — труизмом. Такой же труизм, как "Не убий", а земля посеяна черепами. Хороша утопия, когда после всех блужданий все же пристают к берегу Культуры. Невеждам и берега не нужно — ни знания, ни творчества — "по бурным волнам океана" — сущие призраки летучие.

Хорошо бы перетащить в Прагу моих "Гостей", все равно в Белграде пропадают, если вообще живы. Там в Музее был некий Кашанин, мерзавец, ставленник регента Павла. Может быть, все это уже смыто потоком жизни. Даже не знаю, жива ли Югославская Академия Наук — затихла! Многое смыто, многое нарождается.

А добрым друзьям —

Вам радоваться!

14 февраля 1947 г.

Публикуется впервые

Странно

Ваши письма от 20 и 29-1-47 полны внутренних справедливых сетований. Поистине, странно, что люди, для которых стараетесь, даже не могут заглянуть, когда бывают в Нью-Йорке. А Вы знаете, что они бывают. Вместо того, чтобы вызывать Вас на дорогостоящую поездку для выслушивания кисло-сладких похвал (ни к чему не ведущих), проще было бы заехать к Вам и ознакомиться на месте. Странно, что и ответ они не получают, — даже неправдоподобно! Странно, что Вы перестали получать письма. Что же это такое? Где справедливость и простая вежливость? А где же Культура? Сидеть за жратвой шесть часов и одурманиваться винокуренными достижениями — не Культура. Бывало, китайцы просиживали за обедами по шести часов, но ведь это были пресловутые "китайские церемонии", и пользы Китаю они не принесли. Странно! Странно и то, что Терещенко должен сидеть три недели в ожидании визы, пропущенной не по его вине. Странно, что в Париже эпидемия краж! Неужели оподлели? Другая странность идет от Ренца. Теперь Вы написали решительное письмо и можете прервать. Если же оттуда опять будут проявления, Вы скажете кратко, что его не знаете и никаких полномочий не давали. Сколько таких странностей! Все это и странно и прискорбно. Чуем, как у Вас душа болит. Да и как не болеть, ведь "как рыба об лед". Все лучшие культурные намерения разбиваются о некультурность. Да, Армагеддон Культуры страшнее военного Армагеддона. Точно все подонки всколыхнулись и выплыли на позор миру. Только вспомнить весь мрачный синодик всевозможных несправедливостей и клевет. Точно бы люди возлюбили именно такую разбойную мерзость. Лучшие намерения встречают лишь оголтелый рев невежд. Их стало повсюду так несчетно много. Точно бы бомбы выбили из мозгов мысли о всеобщем благе и сотрудничестве. Прискорбно!

Привожу из одной хорошей книги: "Увы! Миссии мирные редко кончались чем-либо иным, нежели неприятностями и клеветою на носителя этой миссии, и мировая история запечатлевала еще одну неудачу, созданную амбициями политиканов". То же можно сказать о большинстве доброжелательных усилий, направленных для блага человечества. При этом любопытно наблюдать, как робкие друзья пугливо разбегаются и затихают в своих укромных уголках. Нередко враги в ярости оказываются более полезными в своей обратной тактике. Тактика адверза[151] — даже Чингис-хан прибегал к ней, усматривая следствия, для многих еще не видимые. Всяких

поединков мы никогда не боялись и внимательно наблюдали врагов. Древняя мудрость указала: "По врагам судим о силе". Еще из той же книги: "Довольно странно, но оказывается, что был какой-то заговор замалчивания среди дипломатов и писателей этого периода и позже, ибо постоянно встречается, что все относящееся до нашего мыслителя было тщательно исключаемо, даже в тех случаях, когда основные источники содержат много сообщений о нем". Как это все знакомо, точно теперь писано. Каждый из нас знает и не раз восчувствовал мрачную систему замалчивания. Конечно, в конце концов, она ни к чему не ведет и лишь испытывает энергию. Да, терпение подобно шубе при холоде, но это вовсе не значит, что следует завернуться в шубу и опочить. Нет, тут-то и надо показать неутомимость и поражать злобных. Среди них много трусов. Почуяв отпор, они разбегаются.

Два радиосообщения. Первое — когда теперешнее временное правительство в Сентябре пришло к власти, оно начало искоренять взяточничество. Теперь сообщается, что с Сентября возбуждено преследование против семисот правительственных служащих, которые заполучили более ста миллионов рупий. Куда же дальше? Второе — радио сообщает о жестоких снегах и морозах в Европе и о многих замерзших на улицах Берлина. При этом добавляется, что морозы имеют и свою хорошую сторону, ибо при жаркой погоде город наполняется трупным запахом от множества трупов, гниющих в развалинах. Куда же дальше? И сие — через два года после войны. А множества солдат всех наций наполняют город, и о поведении их газеты бьют набат. Соберите факты и получите ужасное зрелище разложения. Никакие призрачные ресторанные изобилия не прикроют потерю человеческого достоинства. Культура погибает.

В "Малабар Геральд" еще поэма Мориса "Сокровище" — к моей картине того же названия. Опять просьбы о репродукциях — откуда взять их? Пришли два "Коразона". Хорошо, что и Вы получили посланное отсюда. Верно, пять Конланов и "Химават" еще в пути. Мой лист "Порадуемся" Вы, конечно, получили. Спасибо за список картин и за Декабрьскую "АРКА". Спасибо Инге, если пришлет список книг. Спасибо Магдалине за хорошую новогоднюю графику. Жаль Хюита — еще один искренний друг ушел. Неужели Р.Кент так и не ответил? Непохоже на него, жив ли? Сама Рао написал длиннейшую дружественную статью на мою поэзию. А вот и сысоевщина: поступают письма с вопросами, где можно покупать "Химават"? Фонтес пишет, что он три раза заказывал Китабистану "Химават", но ответа вообще не получил. Престранные издатели! Вспоминается пословица: "Книга ног не имеет и летать не может, ее нужно нести". А издатели

Китабистана, очевидно, полагают, — пусть себе книга сама побегает. Вот и Юрий до сих пор не получил ответ на телеграмму с оплаченным ответом. Видно, нечто международное! Терпи, терпи, а если (по народному слову) терпение лопнет? Но не лопнет оно, ибо сработано из прочного материала.

Сейчас прилетела от Катрин первая брошюра "Знамени Мира". Спасибо Катрин, спасибо Вам всем — очень нужная, полезная брошюра. Пусть пошлют ее по всем данным адресам. Катрин пишет, что нам они посылают три пакета, по 14 в каждом. Можно бы и еще три таких же, ведь нужно и в библиотеки, в университеты, в школы. Молодые друзья будут твориться — совсем неведомые, совсем нежданные. Пошлите Министрам Иностранных Дел Швеции и Норвегии. Пусть Шауб-Кох даст Мин[истру] Иностранных] Дел Швейцарии, а Дутко — Бенешу и Яну Масарику. Пусть Инге пришлет лист всех имен, кому из Америки послано, чтобы не повторяться. Маленькая неточность: портрет работы Светика находится в Люксембургском Музее. Не сделать ли наклейку об этом или сойдет?

Попросите ВОКС прислать Вам книгу Александра Поповского "Вдохновенные искатели" (1945, "Советский писатель"). Нам прислал ее на прочтение ТАСС. Прекрасная книга об ученых-тружениках. Много об акад[емике] Павловском, который был здесь в составе делегации. Святослав был в восторге от знакомства с таким истинным ученым-подвижником. Если бы ВОКС почему-то онемел, у Вас найдутся многие прекрасные темы из русской сокровищницы: Белинский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Печерский, Лесков, — мало ли превосходных писателей. Черпайте! А вот и старые заветы: "Милующий несчастного взаймы дает Господу" (Притчи, XIX). "К ночи печаль, а за утро — радость". А сибиряк добавит: "Бывает и корабли ломат, а бывает и не ломат".

Радоваться Вам!

15 февраля 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарь (17.02.1947)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Быстро дошло Твое письмо от 11-1-47 — с почты передали его нам 14-2-47. Значит, уже 13-го оно было в наших горах — ведь это рекорд по нынешним временам. Наши ученые были здесь приняты сердечно. Жаль, их пребывание было так кратко. Мы-то их не видели, приветствовали лишь телеграфно. Но Святослав с Девикой подружились с ними и очень хвалили. Павловский брался передать Тебе привет. Кстати, ТАСС прислал нам отличную книгу А.Поповского "Вдохновенные искатели". В ней много о Павловском — истинный ученый-подвижник.

Отрадны Твои сообщения об экспедициях. Славная пашня намечена, везде требуются большие работы, везде кладезь непочатый. Много доведется Тебе полетать, чтобы всюду поспеть, а опытный глаз везде нужен. Уже не говорю об Азии — чаша неотпитая. Все, сделанное ранее, лишь тропы разведочные в сравнении с в недрах захороненным. Вот и Балканы и Червонная Русь, казалось бы, недалеки, а изведаны совсем мало. А ведь в Галиче жил Дюк Степанович — Дюк-Дукс-Щеголь и богатей. Последняя портомойница у него была, как боярыня. Наверно, в Галиче или, верней, около должны быть подземные находки. Никогда не знаешь, где оно затаилось. Вот в развалинах монгольских нежданно нам нашлись древние несторианские надгробия хорошей работы. Конечно, несториане[152] и манихеи[153] далеко разбежались. Ордос полон их крестами со свастикой.

О Червонной Руси я давно наслышан. Описывали необычные красоты. Собирались побывать там, но грянула война 1914-го — вот тебе и Червонная Русь. Слава, что теперь исконная Русская Земля воссоединилась! Как интересны будут Твои впечатления! Да и лета нечего ждать, ведь весна там ранняя и получше лета. Также и Далматинское побережье особенно хорошо весною. Только подумать, что эта древнейшая область еще ждет своего исследователя. Меня звали туда, но тогда путь наш лежал на Индию, на Тибет. В Югославской Академии в Загребе я был почетным членом. Говорю "был", ибо вестей оттуда не имею и даже не уверен, существует ли сама Академия. Все передвинуло!

Ты поминаешь, что индологи поредели у нас. Будь добр, сообщи, кто именно отошел? Юрий Тебе большое спасибо скажет. Мы слышали о Щербатском, но, наверно, отошли и еще многие за годы войны. Юрий посылает Тебе свое исследование о Гесэр-хане — легендарном монгольском герое; память его недавно

чествовалась в Улан-Баторе. Оттиск — из журнала Кор[олевского] Азиат[ского] Общества. Много крупных трудов у Юрия закончено. Почему же им печататься по-английски? Вот сейчас выходят пять моих книг и все по-английски. Обидно! А уж так было обидно, когда моя "Пасхальная ночь" осталась в Музее Бароды. Хотелось ее в другое место на Родину, но, пожалуй, Ты скажешь: "У нас много Пасхальных ночей, пусть эта иноплеменным поблаговестит". Тоже правда!

Из АРКА жалуются, что ВОКС на письма, на вопросы не отвечает. Напрасно! Друзья стараются изо всех сил на всесоюзную пользу, а мы — молчание. Им нелегко, ибо много сил темных ополчается против достижений народа русского. Столько клеветнических шипений! Следовало бы поберечь друзей, пособить им. А то сколько писем летит в пропасть! Странно, что "воздух" идет отсюда, а сюда нейдет. Иногда опасно, как бы многие военные обстоятельства не застряли в обиходе.

Пошлем самые добрые мысли всем Твоим экспедициям. Пусть найдут они сокровища во благо великого народа русского. Елена Ивановна и мы все шлем Тебе и Твоим и друзьям сердечный привет.

Радоваться Тебе.

17 февраля 1947 г.

Публикуется впервые

Шанхай (27.02.1947)

Дорогой А.П. Прилетело Ваше грустное письмо от 5-2-47 с весточкой от М.И. — поблагодарите ее от нас. Одновременно вернулось мое письмо к Влад. К. — не дошло! Правильно заметил Ж.Маршалл: "Мы окончили военные действия, но мира не получили". Капица сказал: "Думать об атомной энергии лишь в применении к бомбам все равно, что мыслить об электричестве лишь в приложении к электрическому стулу". Изо всех частей Земли все об одном и том же. Сложное, небывалое время. Не может продолжаться такое мировое напряжение. Во всех журналах, во всех письмах из разных стран тот же вопль. Самые разные люди в различных положениях вопят о том же. Без Культуры не прожить. На днях кружным путем получилось известие, что рижский склад разгромлен до прихода немцев. Сколько всяких таких сообщений!

Вы спрашиваете о причине тоски, овладевающей Вами. Каждое прикасание к злостному невежеству, к вандализму неизбежно порождает тоску, глубокую тоску. Если двуногие так одичали, что не знают о великих общинниках всех веков и народов, то куда же дальше? "А судьи кто?" Где их труды, где достижения? Уже писал: "притулиться". На рожон лезть нечего. Приберегите силы. Иногда письма доходят как-то густо заклеенными и есть подозрение — уж не читаются ли? Все возможно, ну да Вы поймете: "Нон мульта, сед мультум"[154].

Да, книги надо беречь, может быть, они последние. Конечно, кое-где друзья их оберегли, но все же склад погиб. Третий том Е.П.Б. не переведен. В нем много случайных, посмертно собранных заметок. (Ученики допустили ошибки в отделе "Заметки"). Читали ли Вы "Разоблаченную Изиду"? Наверно, в Шанхае имеется. Инге по совету Е.И. начала переводить ее, но много ли успела? Вот "Надземное" — две книги — могли бы печататься, но все это теперь не так-то просто.

М.И. поминает о каких-то интригах Батурина. Этому что еще надо? Душевно ли живет Ваш кружок? Доброе сотрудничество нужно, как никогда. Как под стогом в непогоду. Всюду вопль: "Ехать"! Но куда? Пробовали съездить в Австралию — вернулись в Индию. Съездили в Африку — вернулись. Везде хорошо, где нас нет. Для поездок деньги нужны, а вот как разменяют по официальному курсу и останется шиш. К тому же далеко не всем удается вернуться, бывают двери, что открываются в одну сторону. Грабарь пишет, что мечтает ехать в экспедицию на Балканы и в Среднюю Азию. Один кондуктор говорил: "И чего это

люди взад и вперед ездят!" Но Соломон сказал: "И это пройдет".

Хотелось бы нам прочесть Ваш рассказ, но чуем, как Вы завалены работою. Где тут переписывать! Можно представить, сколько прекрасных вещей всюду покоится под спудом. Если в Риге оказалась "вредная литература", то ведь она повсюду. Мысль не запрешь. В каком-то рассказе мальчик жалуется, что сверстники сложили про него песенку и если не поют, то думают ее. Очень любим получать Ваши письма, хоть бы и печальные. "Милующий несчастного взаймы дает Господу" (Притчи, XIX). "К ночи печаль, а за утро — радость". А сибиряк добавит: "Бывает и корабли ломат, а бывает и не ломат". Друзьям всем — радоваться Вам.

27 февраля 1947 г.

Публикуется впервые

Март

В Марте перед 24 числом, положа руку на сердце, скажете себе, что борозда на пашне Культуры Вами проведена твердо и четко. Как бы ни старались злобники, они ее не сотрут. Самый ненавистник воздержится прямо похулять Ваш труд бескорыстный. Ну, а что касается до замалчивания, то уж тут не только враги, но и некие "друзья" охулки на руку не положат, онемеют, как рыбы, как монахи за едою. Такова природа некоторых зоологических видов двуногих. Бывало, когда ректор Академии Беклемишев в чем-то собирался "умыть руки", Куинджи кричал: "Скорей подайте воды, ректор хочет руки умыть". И тут же добавлял: "Это они, бедные, не знают, что творят". А эти "бедные" с ним самим поступали жестоко. К Марту не будем слишком поминать о жестокости. Лучше смажем ее "замбуком" — такая мазь, от всех болезней помогает. Вспомним что-то особенное, вдохновительное.

В Марте — в этом памятном для нас всех месяце — хочется вспомнить знаменательную встречу в Музее Метрополитен четверть века назад. Многие сотрудники об этом вообще не знают. Помните, предполагалась в Музее деловая встреча с одной влиятельной особой из Чикаго. Как всегда, я пришел несколько раньше и поджидал в большой входной зале, где висят гобелены. Заметил, что вокруг меня обошел высокий сухощавый пожилой человек в темном костюме. Незнакомец остановился около и, смотря на гобелен, сказал: "Они имели стиль, а мы его утеряли". Я подтвердил. Незнакомец обратился ко мне: "Вы, кажется, поджидаете кого-то. Может быть, и я пришел с кем-то повидаться. Сядемте на скамью, отсюда вы увидите, когда придут друзья". Мы сели, незнакомец прикоснулся указательным пальцем к моему лбу (посетители ничего не заметили) и сказал тихо, внушительно: "Вы пришли говорить по делу. Вы не должны об этом говорить. Еще три месяца вы не должны ничего предпринимать. Условия будут неблагоприятны. Потом все устроится со стороны, вам неожиданной". Затем незнакомец дал несколько знаменательных советов, встал, сделал приветственный знак рукою и со словами: "Доброго счастья!" — быстро ушел к выходу. С опозданием приехала особа из Чикаго. Мы прошли по Музею, но о деле я не говорил, чему она, видимо, была несколько удивлена. Как Вы знаете, по указанию незнакомца, через три месяца все устроилось. Удивительно, что я не спросил имя доброго советника и не пошел проводить его. Вышло, что он никого не ждал, а пришел повидаться и предостеречь меня. Удивительно, что

многочисленные, вокруг ходившие посетители не замечали его необычного движения, а я выслушал его советы без единого слова, как бы так и следовало. Вот и в Нью-Йорке, на пятой авеню, может происходить нечто знаменательное.

Другой памятный эпизод — в С.Франциско. В очень тягостном ожидании я сидел в комнате гостиницы. Раздались три удара в дверь. "Войдите!" Входит маленькая старушка в скромном, черном платье, остановилась у двери и, не здороваясь, тихо говорит: "Мы признаем вас и т. д…" После ободрительных слов поклонилась и ушла. И опять почему-то я не спросил, кто она, не предложил сесть и молча, стоя выслушал. На другое утро появилась милая мисс Кастль из Гонолулу — Вы знаете об этом. Поминаю лишь об Америке, о многом другом, о Париже, о Лондоне, об азийских чудесах не говорю — на то и Азия, на то и Гималаи. А вспомнить все чудесное и величественное около Елены Ивановны! Ведь это великая эпопея, прекрасная, неповторимая и почти никому не ведомая. К тому еще я помянул только об Америке, ибо Вы там иногда можете огорчаться, что нечто не случается, и новые друзья не объявляются. Не знаете ни дня, ни часа. Трудовой подвиг не пропадает.

Опять газеты марают себя именем Уоллеса. Он объявил: "Я не коммунист и не русофил". Проще было бы сказать всему миру: "Я — нинкомпуп!" Все бы такой истине поверили, и дело с концом. У нинкомпупа много неприятелей, вполне его раскусивших, видимо, ему приходится хитрить и вывертываться. Наверно, Вам будут писать наши друзья из Тяньцзиня, будут просить прислать брошюру "Знамени". Имейте в виду — они люди очень хорошие. Теперь брошюра, наверно, уже рассылается. Любопытно следить за откликами. Неужели Муниципальный Совет в Брюгге еще не ответил? Непонятно! Брошюру можно послать в Югославскую Академию Наук в Загреб и в Рикс музеум в Копенгаген. Конечно, следует послать в Лондон в Британский Музей и в Виктория Альберт Музей (он в Кенсингтоне). Вообще, всякое движение вод всколыхнет болота.

В Законодательном Собрании Неру был запрошен, правда ли, что в Ассаме расхаживают охотники за черепами? Пришлось сказать, что за год в деревнях нагов найдено 350 черепов, но теперь в деревне будет полицейский. Можно было надеяться, что охотники за черепами отошли вместе с Купером и Майн-Ридом, а они себе в перьях, со стрелами стерегут прохожих. Но довольно о темных чудесах, есть и светлые. Прекрасное письмо от Булгакова из Праги. Никуда он не уезжал, значит, Грабарь был кем-то введен в заблуждение. Уже не первый раз ему приходится пользоваться неверными слухами. Так или иначе, Булгаков в

Праге, сейчас уезжать не собирается. Друзья предостерегают его о трудностях жизни в Москве, особенно нелегко с квартирами. Ну, переждет, пусть кризис уладится. Он и в Праге сейчас творит много полезного, и отношение к нему дружеское. Среди адресов, посланных Вам, был и его, так что можно ему послать брошюру, он ее хорошо использует.

Опять печаль о Риге, о всех добрых там начинаниях. Опять зверский вандализм! Опять дикари. Опять выплыли темные масловы. На складе было множество изданий. Кроме всей серии "Этики", были "Письма Е.Р.", была "Доктрина" Блаватской, было "Знамя Преподобного Сергия", была "Зельта Грамата", были "Монографии", русская и английская, был Всев[олод] Иванов, были мои "Пути благословения", "Врата в Будущее", "Нерушимое", были книги Рудзитиса, книги Клизовского, Зильберсдорфа, сборник "Мысль", сборник имени Феликса Лукина, Ориген, многие книги из Америки, воспроизведения, все клише, книги о "Знамени Мира" — весь богатейший культурный материал! Какой зловещий вандальский костер! Горюем, когда читаем о варварских уничтожениях книгохранилищ в далеких веках. Но ведь случившееся несчастье произошло теперь на глазах "цивилизованного" мира на позор человечества. А еще говорят, что осуждение вандализма — труизм. Нет, забыта Культура. Очерствели, омертвели сердца. Грустное Ваше письмо от 28 Января. Хоть и к Марту, а пришлось отметить Вашу новую грустную весть о гибели рижских изданий. Придется очень беречь все оставшиеся издания. Может быть, они последние. Раздавать не придется. Конечно, Вам не удастся посылка Митусовой — все равно не получит. "Химават" тоже нельзя отсюда посылать — замучают формальностями и курсовыми разницами. Помните многомесячную мучительную процедуру с посылкой эскизов? Не понимаю, о каком фолдере[155] говорит де Лара? Может быть, он предполагает фолдер в две странички о содержании брошюры. Такой фолдер мог бы быть очень полезен в широком распространении. Что думают об этом Катрин и Инге? Вы спрашиваете, от кого присланы пять Конланов? На конверте было имя отправителя — конечно, от нас. Там же был журнал "Наша Индия". Спасибо, если пошлете кобальт — все равно какой, все пригодится. Вот уже и "мир", а с материалами трудней, чем в годы войны. Письмо от Грабаря — стремится уехать в экспедицию в Сербию, в Софию, даже в Среднюю Азию. О том, о чем писал ранее — ни слова. Понимаем, почему Вам не хочется отвечать на некоторые письма, — уж больно много вредителей и вольных и невольных. Уж такой Март выдался о вредителях, о гибели, о жестокости, о вандализме! Сложное время! Капица хорошо

сказал: "Думать о применении атомной энергии лишь к атомным бомбам все равно, что мыслить об электричестве лишь в применении к электрическому стулу".

Среди всяких сложностей усмехнемся шуткою. Катрин прислала "Трибюн" от 17 Ноября. Там две забавных карикатуры к вопросу о мире. На одной человек старается проявить в фотованне надпись "Мир", но проявитель плох, и вытаскивается нечто темное с еле заметной надписью. На другой — земной шар и на нем сидит маленькая птичка, держа большое знамя с надписью "Мир". В приготовительном классе мы пели:

"Мы птички на веточке — Сидим, сидим, сидим! На солнышко в надежде — Глядим, глядим, глядим!"

Вам всем, друзьям всем — радоваться Вам!

1 марта 1947 г.

Публикуется впервые

Благодушно

Прилетела Ваша весть от 17-2-47. Многое, многое знакомо и нам, о чем Вы пишете. Что делать! Се ла ви[156] — как говорят французы. Станковая живопись — изелпентинг (мольберт). Посылка Митусовым все равно не дойдет. И деньги возьмут и не дойдет. Сенаторам не стоит посылать брошюру — лучше в университеты, в школы и библиотеки. Хорошо, если Инге рассылает по всем адресам, которые я Вам послал. И мы очень ждем присылку. Спасибо заранее за краски и холст. Картины в голове толпятся, а насчет материалов плохо, хуже, чем во время войны. Посылаю ревью из "Сильпи" — кое-кому показать можно. Посылаю еще пять Конланов. Имейте в виду, что посылка каждой книги Конлана стоит одну рупию (в долларе их три) — это следует добавить к цене. Раньше, кажется, было дешевле. Падение прихода, рост расхода — прорва безысходная! Интересно, каков список книг выйдет у Инге. По-прежнему думаю, что попорченные издания бросать не следует. Из них можно сделать частичные альбомы. Жаль, что Магдалина так занята.

Благодушно, ради справедливости вспомним некие странности. "Слава" была пожертвована Красному Кресту и направлена через ВОКС. Вы получили от ВОКСа извещение, что рукопись читалась на собрании с огромным интересом, — писатели и художники пишут коллективное письмо и — ничего! В "Славянах" был мой записной лист, а затем — ничего. Гусев начал переписку о приобретении картин, кончилось безобразной сысоевщиной, и Вам не отвечено на оплаченную телеграмму. Грабарь начал писать мне: "Тебя надо. Очень надо"; "Начинаю действовать" и — ничего. А теперь Вы получили известие о вандализме в Риге, о разгроме склада изданий. Сложите вместе и получится нечто необъяснимое, престранное. То Вам начинают писать из ВОКСа (не отвечая на Ваши вопросы), то умолкают. То хвалят деятельность АРКА, то забывают о ней и даже сторонятся. Что же это такое? Какие-то перебои. Главное же, сами начинают, вводят в заблуждение и расходы и потом бросают беспричинно! Странно!

Конечно, странности повсюду. Читали ли Вы в одном из номеров "Тайм" за Октябрь вопиющее описание костюмированного бала в Лондоне? Мужчины по большей части были одеты апашами, а дамы почти без костюмов. Наконец, вывезли платформу с голыми девицами, апаши кинулись на них, повалили и произошла безобразная свалка. Вот Вам и Мир и Культура. Откуда же звериные нравы? Откуда одичание? Не от

войны, ибо за шесть лет культурный человек одичать не может. Все зверство издавна глубоко гнездилось, и гады вылезли при первой возможности. Когда читаешь и слышишь о всяких безобразиях, уж простите, опять начинаешь взывать о Культуре, о Знамени Мира с его девизом: "Здесь не безобразят". Толпам нужно нечто показательное, нечто зримое, и громкий девиз может отрезвить дикарей-вандалов.

Уже послано Вам мое приветствие Азийской конференции, а теперь еще просит привет Братство искателей истины в Дели. Послал им о том же — о единении, о достижении через Красоту. Святослав спрашивает, как лучше двинуть Знамя Мира — через местные комитеты или прямо через правительство? Отвечаю: и то и другое не мешают друг другу, наоборот, помогают. Лишь бы времени не терять. Святослав и Девика будут на Азийской конференции 24 Марта. Число-то какое! Вот и противоставим невежеству и дикости самую истинную Культуру. Пусть зверюги громят и уничтожают, а мы вопреки всем трудностям будем строить. Отвечаю на запросы незнакомых обществ и конференций и все думается — зазвучит же где-то неведомое сердце! Даже голос в пустыне не пропадет, а как-то и где-то сделает свое дело. Не нам судить о путях.

А вот зазвучали неведомые сердца. Булгаков из Праги переслал коллективное приветствие сов[етских] зодчих. Булгаков добавляет: "Вот вам привет, если не из Москвы, то от московских людей. Они не видали еще нового Рериха, имя которого пользуется на Родине такой славой и почетом и хорошо известно и представителям молодого поколения. "Как мастерски сделано"! — восклицали они. — Прямо с жадностью впились в Ваши полотна". Удивительно, что с зодчими у меня всегда были особо добрые отношения. Избрали меня членом Правления Общества Архитекторов — чего раньше не бывало. Даже когда на конкурсе проектов церкви в Скерневицах именно мой проект был избран, то и такое вторжение в область строительства не повлияло на наши сердечные отношения. Шесть храмов довелось украшать — в Почаеве, в Пархомовке, в Талашкине, в Перми, во Пскове, в Шлиссельбурге. Где оно все? Живо ли? Так привыкли мы ко всяким разрушениям.

Пришли бюллетени ВОКСа, АРКА, каталоги — очень интересно. Пошлите Пауль А. Стрюк для его каталога Конлана, Андреева и Пакт. В "Дон оф Индия" статья С.Дева "Поднимите Знамя Мира". Такие напоминания всюду полезны. Пусть бы в школах показалось Знамя. По Лагору ради успокоения ходят Комитеты Мира с плакатами. Вот бы им ходить со Знаменем Мира! Большие волнения по всему Пенджабу. Много убитых,

раненых, изувеченных. Выгорели целые кварталы и базары. Сколько бедствий! Вы удивляетесь, почему я назвал Индию голодной, а СССР сытым? Я потому писал Вам, что ТАСС из голодной Индии повез пищу в сытый СССР, что в Индию везут хлеб со всего мира, а СССР кормит Францию, Польшу, Германию, а может быть, и еще кого-то. Странно, если свой народ терпит нужду, отдавать чужим, сомнительным друзьям. Если же пищевое положение в СССР, как Вы пишете, трудно, то не стали бы затруднять посылки огромной пошлиной. Сложно все это. Где же истина?

Беспокоит нас, что Вы не имеете ответа от Муниципального Совета в Брюгге. Месяцы летят, а мы не знаем нынешнего положения Музея. Тюльпинк был полным заведующим, как же без него? Фонтес удивлен, не получая более писем от Мадахила. Что с ним? И Коимбра молчит так же, как Югославская Академия. Не позвонить ли Вам соответствующим консулам и спросить, почему я как почетный член не получаю никаких известий? Тревожусь за Шауб-Коха, давным-давно послал ему заказное письмо, и ни звука. Он всегда был очень отзывчив и деятелен. Жив ли? Рудзитис и Лукин уже могли бы Вам ответить, но "ответа нет, бушует вьюга". Семь дней мы сидели без почты. Толпы нападали на поезда и движение расстраивалось. С телеграммами у нас не слаще. Прислали идиота почтмейстера, не знающего телеграфа. Потому теперь телеграммы идут до Катрайна и оттуда пересылаются с почтой. Се ла ви!

В газете, присланной Катрин, есть весьма любопытное заявление молодежи. Устали от посредственной музыки и просят давать настоящее творчество. Хотят слушать Баха, Бетховена, Брамса, композиторов высокого строя. Надо думать, скоро молодежь потребует истинное искусство вместо крикливой мишуры вроде шагалов. Недаром французы зовут его шакалом. Эта кличка подходяща для всей этой своры. Бывает в нашем саду — шакалы как завоют, как зальются визгом и лаем — точно бы случилось что-то серьезное. А на поверку — были просто шакалы, даже охотники на них не зарятся. Посредственность, крикливая подделка, низкая роскошь напоминают слова Чингис-хана, сказавшего Таосскому[157] монаху Чань-Чуню: "Я устал от роскоши Китая и возвращаюсь к простоте и бедности". В Ордосе и посейчас ждут возвращения великого вождя. Мишура дурного вкуса реет над миром мрачным предвестником. В ней зарождение всяких вандализмов и активных и пассивных. Психоз дурного вкуса — опасная эпидемия. Молодежь калечится, а на костылях далеко не уйдешь.

Никто не заподозрит нас в стеснении свободы творчества. И в

писаниях, и в словах, и на деле мы достаточно долго и упорно твердили о свободе мысли и художества. Если мы предупреждаем об опасности дурного вкуса, мы лишь предупреждаем, но не будем сожигать всякие шрекенкамеры. Пусть поколения помнят и о калеках, об искривлении позвоночника, о размягчении мозга. Что было, то было. Быль не выскребешь. История должна быть во всеоружии, иначе она перестанет быть наукою. История — наука реальная, летопись всех веков и народов. Вот и 24 Марта и вся культурная эпопея не забудется и понадобится нашим будущим друзьям. Эта весточка уже не дойдет до 24-го, особенно сейчас, когда здешняя почта расстроена. Опасаемся, что многие письма и посылки могут пропасть. И опять какие-то добрые люди будут изумляться, почему не отвечаем. Вы знаете, что я имею привычку отвечать в тот же день, хотя и кратко. Собеседник не должен зря ожидать отклик. Не украдем чужое время и ожидание.

Пусть 24 Марта принесет Вам не только вопли, но и что-то радостное. Под добрым знаком пройдет у Вас памятный день 24 Марта — под знаком рассылки брошюры "Знамени Мира". Под знаком благовестия, под знаком Братства. Поистине, что может быть знаменательнее, нежели посвящение памятного дня делу мира, охранению всего, чем живо человечество. Что может быть прекраснее, нежели дума, кому бы напомнить о священном понятии Мира, о труде мирном, полезном преуспеянии рода человеческого. Около думы о Мире встанут мечты о сотрудничестве, о доброжелательстве, о взаимном уважении. Знаем, что такие мысли будут роиться в Вас. А мечта уже есть преддверие действительности. Привет Вам, преодолевающим. Привет Вам, вестникам добрым. Радоваться Вам!

15 марта 1947 г.

Публикуется впервые

Культура, где ты?

Дорогая В.Л.

Большое спасибо за Вашу добрую весточку от 2 Марта, только что прилетевшую. Как и полагается "мирному" времени, и у нас в Пенджабе большие волнения. Впрочем, наверно, из газет Вы все это знаете. В наши горы безобразия не дошли, но десяток дней мы сидели без почты. С первой почтой пришло и Ваше письмо. Как название журнала, где была Ваша статья?

Очень рады, что Вы встретились с Мухой[158]. Привет ей. Муха был лучшим чешским художником. Если она увидит Яна Масарика, пусть передаст ему наш сердечный привет. Мы его тепло поминаем. Был еще мой друг Милош Мартен, но помер, а вдова его вышла замуж за генерала Клечанди. У них был старинный дом в Праге. Живы ли они? Мы были бы рады слышать о них. Столько хороших людей где-то в безвестном отсутствии! Месяцы летят, а от них нет вестей. Некоторых из них и мы не вызываем. Коли молчат, значит имеют на то причины, а может быть, и не живы.

Зина сетовала, что ее письма к Вам плохо доходят. Почему? Наши и Ваши письма, кажется, не пропадали. Вероятно, скоро из Нью-Йорка получите брошюру "Знамени Мира". Она даст новые темы. В мире столько вандализма и человеконенавистничества (бесконечное словечко), что каждая мысль о сохранении истинных сокровищ неотложна. Вот у нас тут газеты полны снимками жестоких разрушений, и везде погибло что-нибудь ценное. СОС!

Булгаков прислал коллективное письмо пяти советских зодчих, видевших мои картины. С архитекторами у меня всегда были душевные отношения, и эта весточка была мне радостна. Подписал ее и директор гимназии, приват-доцент А.А.Арзамасцев. Не пришлось ли Вам с ним встретиться?

Трудное, сложное время сейчас протекает, и не скоро дождемся прояснений. Тем более все Культурные силы должны быть в единении. Всякие несогласия, малые недоумения, старые счеты должны быть выброшены за борт, как груз в бурю.

За это время вышли две моих книги, в печати еще три. Надежда, что дойдут они до молодежи и отзовутся какие-то неведомые сердца. "Книги имеют свою судьбу" — латинская пословица. Пусть же молодежь, пусть женщины встанут на священном дозоре. Много раз к ним обращался именем светлого будущего.

Особенно теперь, когда много туч и тумана, надо обратиться

к культурному единению. "Мир через Культуру", и нет иного пути. Пусть будут культурные ячейки малыми, как зерна ценнейших злаков. Но малые ручьи не ссорятся, а несут потоки свои в мощные реки. Только Культура убережет от губительных разделений. Только Культура устремит взоры ввысь. Латинский поэт сказал: "Чело человеку высокое дал, да Вышнее узрит".

Елена Ивановна шлет Вам сердечный привет. Любим Ваши вести.

Радоваться Вам.

17 марта 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарь (24.03.1947)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Спасибо за весточку от 18-2-47. Ты спрашиваешь о снегах у нас. Иногда снегопад начинается уже в начале Ноября, а последние выпады бывают в конце Марта. Глубина бывает до 8 футов, а на перевалах и до 60 футов. Случается, что целые караваны погибают. Под весну картина оригинальная: абрикосы, персики, сливы залиты цветом, а рядом снег. Любим снег, он предвестник урожая.

Радуемся, что Ты видел Павловского. Святослав и Девика от него в восторге. Уж больно заторопился Волгин улетать, столько здесь любопытного во всех отношениях. Мое приветствие Ты передал в ВОКС — спасибо. Не закинут? АРКА очень сетует на переписку с ВОКСом. Им пишут и запрашивают об одном, а оттуда через долгое время совсем о другом. Ну и обидно, ведь сейчас АРКА много претерпевает от враждебных элементов. Ну, да Ты знаешь все лучшие каналы.

Павловский хотел прислать очень нужную Юрию книгу акад[емика] Козина "Монгольское сокровенное сказание" (изд. Института Востоковедения) и Козина "Джангар". По времени книга могла бы уже дойти, а ее все нет. Не напомнишь ли ему? Ведь Твой "Рублев" дошел так быстро, одновременно с Твоим письмом. Ты поминаешь о моем портрете из монографии. Не знаю о котором — прилагаю три портрета Святослава, разного времени. Ты ведь главлетописец и к Тебе все сливается. Булгаков еще в Праге. Недавно он порадовал меня коллективным приветом пяти сов[етских] зодчих, — им понравились мои картины в Праге и портрет Святослава. Послал им привет, верно, Булгаков перешлет в Москву. Только что видел в журнале Посольства портрет Коненковых — совсем белый он стал. Привет. Ведь скоро все мы станем старейшими. Помнишь мои "Сходятся старцы" и "Старейший-мудрейший"?

В Америке произошла свирепая русофобия. До чего доходит, прямо диву даешься. Культура, где ты? Музей в Канзас-Сити выбросил на аукцион весь русский отдел. И Верещагина, и Анисфельда, и всех. Мой "Властитель ночи" попал в хорошие руки, к певице Куренко. Вот до чего озверели янки против всего русского. Из Нью-Йорка присылают ужасные газетные вырезки. Русофобия гнездилась издавна. Помнишь зверский разгром русского отдела на выставке в СЛуи в 1906 году, когда пропали 800 русских картин, а затем разгром советского павильона на выставке в Нью-Йорке? Все такие вандализмы незабываемы.

Эренбург хорошо описал Америку — мы недавно читали. Кто такая Караваева? Нам очень понравилась ее статья в "Новом Мире" — "Люди и встречи".

Когда долетит эта весточка, Ты, пожалуй, уже будешь сбираться в Твои экспедиции. Может быть, и в Индию махнешь через Памир — через Крышу Мира. Вот были бы рады! Сейчас в Дели проходят три конференции: азийская, художественная и искателей истины. Звали меня. Избрали президентом художественной, но где тут ехать — у нас большие волнения.

На всех трех конференциях читались мои обращения. Да, сейчас в Дели целая родрмонтада[159]. К тому же еще и новый вице-король! Святослав с Девикою там и, наверно, встретятся с сов[етскими] делегациями.

Если придется Тебе увидать зодчих, бывших в Праге — будь добр, скажи им, что я был очень тронут их душевным словом. Удивительно, но именно с зодчими у меня всегда были прекрасные отношения. Щусев, Щуко, Перетяткович, Покровский — целая группа отличных строителей. И один только Щусев остался из них всех. Вспоминаю нашу беседу в Москве в 1926 году. Вот и Почаев опять вернулся в нашу Всесоюзную Державу. Королевич Петр Греческий расхваливал Почаевскую Лавру, не зная, что там трудился Щусев и моя там мозаика. Зодчим привет, строителям славной Родины.

Шлем Тебе и всем Твоим сердечный привет. Всем друзьям (Тебе виднее, кто друг, кто недруг) привет. Любим и радуемся Твоим вестям.

Сердечно.

24 марта 1947 г.

Публикуется впервые

В Москву (28.03.1947)

Дорогая Татьяна Григорьевна[160],

Ваше сердечное "воздушное" письмо от 1 Марта долетело быстро, уже 27 Марта. Первая столь быстрая весть из Москвы. Читали и перечитывали, радовались и печаловались с Вами. Трудно сейчас всюду, где в одном, где в другом. Как звали того мудрого врача, учившего Вас радость нести безрадостным людям? Великий светоч — радость. Не всегда удается зажечь ее, но несение радости есть истинная мудрость. Близки Вы нам в трудах, в переживаниях Ваших. Не надорвитесь, поберегите себя на радость другим. Можно ли целые ночи напролет трудиться, ведь Вы были так опасно больны. И чем только Ваш мудрый врач выходил Вас?

Огромны нынешние медицинские достижения. ТАСС прислал нам прекрасную книгу А.Поповского "Вдохновенные искатели", про Павловского и Вишневского. Какие герои на пользу человечества! Героизм, самопожертвование вознесет нашу Родину. Чуяли ли Павловский и Вишневский, какие добрые стрелы летели к ним с Гималаев? Не забыл ли Павловский о двух книгах акад[емика] Козина, которые он обещал прислать для Юрия? Впрочем, такие люди, как Павловский, не забывают. Чем больше занят деятель, тем острее память. Чего торопились гости отлетать, — заехали бы к нам. Вот бы мы были рады! Хорошо бы достать еще экземпляр "Вдохновенных искателей", ибо наш мы должны вернуть ТАССу.

Не знали мы о семейных бедствиях Щусева. Жалеем его, чтим его труды во славу Родины. По газетным статьям удивляемся, как сохранилось его творчество и как много он преуспевает. Вот и Грабарь славно преуспел и много добра принес Русской Культуре. Сейчас он налаживает несколько экспедиций, и всюду потребуется его опытный глаз. От Бабенчикова пришла телеграмма, он сообщает о давно посланном письме. Не дошло оно, пропало. Очень жалеем, — скажите ему наш сердечный привет. Его давняя статья обошла несколько журналов и в Индии и в Америке. Хороший, чуткий человек.

Когда Вас запрашивал Комитет по делам искусств? На всякий случай, посылаю Вам список статьи, бывшей в рижском журнале "Мысль", 1939. Это был хороший журнал, способствовавший возвращению Латвии в лоно Союза. Кирхенштейн там писал. В статье отмечен и памятный нам Декабрь 1916-го. Кто мог думать, что наш отъезд в Сердоболь послужит началом странствий по всем частям света! И везде-то благовестили о нашей любимой

Родине, о всей Всесоюзной семье народов-героев. А сколько благовестей летело с Гималаев!

Да, Вы правы, скоро забыли некие союзники о всех жертвах, о всем героизме наших народов. Диву даемся, какая куцая и бесчеловечная память бывает у своекорыстных людей. Очень страдает от враждебных наскоков наша АРКА (Американо-Русская Культурная Ассоциация) в Нью-Йорке. Она несет по Америке добрую весть о русских достижениях, а в ответ получает грубый рев. Конечно, и "это пройдет" (по словам Соломона), и наши народы опять восторжествуют, но все же обидна явная несправедливость. Русофобия в Америке доходит до того, что музей в Канзас-Сити выбросил на аукцион весь русский отдел. Куда же дальше? Культура, где ты?

По газетам, наверно, знаете о волнениях в Индии. Сколько бедствий, разрушений и нового горя! В наши горы еще не дошло. Какое мирное, красивое наше нагорье. Сейчас плодовые деревья залиты цветом, а на горах снега.

Если не пишите, будем знать, что сердечно Вы с нами, а каждой весточке порадуемся. Письмо из Москвы! Письмо от друга, душевного человека! Поберегите себя. Елена Ивановна шлет Вам сердечнейший привет, — трогательна надпись на баснях Крылова. Многие басни можно припомнить. Светику пошлем список письма Вашего. Юрий шлет Вам лучшие мысли.

По древнему и всегда новому обычаю:

"Радоваться Вам!"

28 марта 1947 г.

Публикуется впервые

Трудно (01.04.1947)

Спасибо за письма Зины от 3 Марта и Дедлея от 4 Марта со всеми приложениями. Вполне понимаем соображения Дедлея о брошюре, но не стоит думать о прошедшем уже. Жаль, что из речи Уоллеса не дано его знаменательное утверждение о благодарности человечества. Такие утверждения со стороны врага всегда полезно запечатлеть, но это лишь подробность. Ваши письма в Австрию вполне справедливы. Ненормальные личности могут причинять непоправимые неприятности. А теперь особенно — время очень сложное и нельзя его еще осложнять. Да, плохо Вам помогла Магдалина с отчетом. Есть в ней какая-то болезнь вроде базедовой. Так кажется, судя по карточке. Прилагаю статью, присланную Валентиной. При статье был и портрет. Название журнала почему-то не дано. Ожидаем брошюру и дадим ее полезным людям. События подтверждают, насколько она своевременна. Надеюсь, Вы будете иметь отклики из разных стран. Будем ждать их.

А теперь Ваше прискорбное письмо от 12 Марта. В какой мир жестокости, невежества, вандализма ввергается человечество! Телеграммы Вашей мы вообще не получили — это лишь доказывает, во что превратилась почта. Кто бы мог думать, что Канзас-Сити окажется рассадником вандализма. При этом произошел акт антирусский. Русофобия! Чем плохи Верещагин, Анисфельд? Ведь "Властитель ночи" была жертвованная картина. Помните, как школьная молодежь трогательно провела это приобретение, и вот результат! Следовало бы Вам запросить этот "музей" о его деяниях. Уничтожение русского отдела напоминает вандализм 1906 года в С. Луи, где пропало 800 русских картин. Значит, за 40 лет Культура не проникла. Прискорбно! Где уж тут покупать, когда каждый доллар на счету. К Гус[еву] нечего ездить — без последствий. Напрасно тратились на посылку — разграбят по пути. Вообще, худо в мире. Воображаем, как тяжко Дедлею среди антикультурных двуногих. "И это пройдет"! Пройти-то пройдет, но когда и как? Давно ли Грабарь писал: "У нас шибко говорят о Твоем приезде", но что-то случилось у них, и письма его говорят о всяких посторонних предметах. Вероятно, происходит какой-то кризис, и Вы правильно слышите о нужде, чуть ли не о голоде. Со всех концов о том же самые различные люди. "И это пройдет"? От Святослава была телеграмма — просит прислать побольше новой брошюры "Знамени Мира", и в тот же день пришло от Катрин четыре пакета. Один из них, не вскрывая, с тою же почтой послали в Дели. Большое спасибо! Брошюра

пригодится на Азийской конференции. Спасибо за холст! О прошлой посылке я писал Вам, и Вы сожалели, что качество оказалось плохим. Что делать, если лучшего нет. Обнищало человечество. Какая-то эпидемия убожества. И так повсюду!

Точно бы мы в Тибете — столько дней были отрезаны сообщения. Прошлое мое письмо к Вам много дней ходило на почту и возвращалось — нет приема. А тут спешные сообщения: "Вся Индия Изящных Искусств Общество" в Дели единогласно избрало председателем конференции искусств. Хорошо, но как тут ехать, когда все пути расстроены, и конца краю не видно. А вот и Гранд Гиньоль! Из Лондона радио сообщает о Москве, что еще один из недавно назначенных министров устранен за негодностью. Спрашивается, кто же в Москве назначает негодных министров? Кто же устраивает всемирное позорище, чтобы Лондон ухмылялся. И еще радио из Лондона. В Германии, в русской зоне, запрещена Армия Спасения, ибо она имеет вид военной организации и носит форму. Всякий видавший престарелых девиц в допотопных шляпах будет хохотать, узнав, что они похожи на военную организацию. Гранд Гиньоль! В Москве новый закон, запрещающий всем сов[етским] гражданам жениться на иностранках! Свобода!!

В "Новом Мире" (Москва, № 3, 1946) вдумчивая статья Караваевой "Люди и встречи". Она описывает посещение мастерской Пикассо:

"Посреди комнаты — отформованная в гипсе статуя в натуральную величину: мужчина, прижимающий к груди ягненка. Все в этой фигуре как бы обнажено и вместе с тем искривлено — кажется, все мышцы лица, шеи, руки, спины сдвинулись с мест, назначенных им природой, и словно разлагаются на глазах. Еще ужаснее показалась мне отлитая из бронзы огромная женская голова, которой впору было бы находиться на теле кариатиды. И эта бронзовая голова будто распадалась на свои составные части. Глаза выскочили из орбит и, потянув за собой зрительный нерв и все мышцы глаза, так и застыли на лету, похожие на две трубки с шариками на концах; нос, далеко высунувшийся вперед, напоминал уродливый нарост; грубые, раздувшиеся губы; толстые, будто вздыбленные пряди волос, похожие на растревоженные лопатой слои сырой, тяжелой земли… Мы поднялись по деревянной лестнице в живописную мастерскую Пикассо. Такая же большая, светлая и простая комната, только без длинного стола. Много полотен, особенно — натюрмортов… Какая угнетающая нарочитость!.. На натюрмортах несколько чайников — металлические чайники почему-то с продавленными боками, а грязно-сизый блеск металла в этих вмятинах сгущается

в мрачное пятно… Какие-то некрасивые кувшины и чашки, вялые, растрепанные, словно вытащенные со дна подвалов овощи; селедочные хвосты, осколки зеркал, измятые жалкие цветы, будто подобранные на мостовой, — что это? Горечь? Ирония? Образно-пессимистическое утверждение, что в каждодневной жизни, окружающей человека, нет ничего достойного отвечать его стремлениям?..

Посреди комнаты большое полотно — трудно сказать, завешено оно или нет, потому что вообще… трудно понять, что тут изображено. Общий тон картины голубой, заставляющий вспомнить о колористических увлечениях Пикассо в начале 900-х годов: "голубой" и "розовый" периоды.

Голубому тону подыгрывают белые и серые тона. Напряженно вглядываясь в это нагромождение больших и малых кубов, различаешь борющиеся фигуры, видишь кого-то нападающего, кого-то лежащего, чей-то кулак, сжимающий нож. Странно, от этой чрезмерно усложненной, стиснутой в пределах трех красок живописи, веет трагической наивностью — больше того: каким-то, если можно так сказать, тупиком внутреннего зрения… Рядом с голубым полотном стоит другое, поменьше: "Мать и дитя". Сочные, полнозвучные краски; синее, зеленое, малиновое, черное, коричневое, желтое, розовое. Мать — розоволицая голова, напоминающая разрисованную… дыню, лежащую на боку, — мать обнимает дитя. У дитяти голова представляет собой тоже разрисованную дыню меньшего размера. И во всем остальном это невероятное, бессмысленное, как ярко раскрашенный приснившийся кошмар, существо повторяет фигуру так называемой матери: те же остановившиеся шарики глаз, вывернутые губы, перекошенные черты лица, те же бесформенные руки и ноги, похожие на тяжелые ласты морских животных.

И будто близкая им родня, повторяет их своими красками и самой изобразительной манерой третье большое полотно: "Дама в синей шляпе"… Это телесно-розовое и синее так же могло бы радовать глаза чистотой и сочностью тона (как и только что описанные "Мать и дитя"), если бы не зрелище распада, которому служат эти краски. "Дама в синей шляпе" представляет собой как бы апогей всех уродств, смещений, всего антижизненного и обессмысленного, что довелось мне увидеть здесь. Лицо дамы будто рассекли надвое, а потом плохо приставили половинку к половинке, один глаз выше другого, розовый нарост носа с черными рваными ямами ноздрей перекошен и страшен; вместо рта малиновые кусочки рассеченных губ — одна выше другой. Я смотрю в черные маслины глаз дамы в синей шляпе — и мне вдруг становится горько и досадно… Я сейчас вам покажу кое-

что… это все карандаш…

Он быстро вернулся, неся большую синюю папку. Положил ее на пол, развязал и, придерживая ее левой рукой, поднял правой рукой большой лист ватмана… и мы ахнули. Этот карандашный рисунок перенес нас в совсем иной мир творчества!..

— О, как это прекрасно!

— Чудесно! Изумительно!..

Я показал их вам, советским людям, потому что знаю: вы это понимаете… А наша рафинированная публика этого не понимает!

— Этой рафинированной публике нужна вот эта дама в синей шляпе?

Он кивает, пожимая плечами: да, это так".

Каждый прочитавший эту статью воскликнет: "Экий наглец Пикассо! Наконец, опубликовано его признание в раболепстве перед публикой. Подозревали, что он — "чего изволите", это было предположение, но вот теперь он сам признался в неискренности своего художества и в услужении вкусам сомнительной публики и торгашей". Рабское "чего изволите" всегда считалось позорным, особенно же если сам автор осудил себя навсегда. Однажды латинский поэт признался: "Бедность заставила меня писать стихи". Но поэт был подлинный творец, и ему нечего было признавать, что стихи его писались в рабскую угоду невеждам. Многие поблагодарят Караваеву за ее правдивое, знаменательное осуждение неискреннего, иначе говоря, поддельного искусства, хотя бы и раззолоченного прессой.

Да, странно слышать о раболепности искусства от самого художника. Столько сейчас говорится о свободе искусства, что самопризнание в служебности звучит дико. Преступно огрублять вкус народа. Впрочем, будем надеяться, что раздадутся отважные, свободные голоса и эфемериды отлетят. Иначе, к чему все культурные сообщества, если они будут подавлены темным безвкусием? Мрачны потемки на земле. Никогда еще не было столько смятения и смущения. Переживать это столпотворение нелегко. Если не смотреть ввысь, то некуда и обратиться. "Аграфы" в буквальном переводе значит "незаписанное". Греческое слово, вероятно, употребляется в разных языках. Аграфы также называются пряжками. Помню в Париже забавный разговор двух профессоров. Один, археолог, говорил о старинных пряжках, а другой, историк — о священных преданиях. Довольно согласно каждый говорил о своем предмете, пока я не нарушил странную беседу, сказав: "Да вы говорите о разных предметах". Аграфисты сконфузились. Я жалел, что прервал оригинальный диспут.

Еще пакет от Вас с журналами — любопытно. Редкое совпадение — три конференции в Дели. Азийская конференция,

художественная конференция и конференция искателей истины. Всем даны мои приветствия. На Азийскую конференцию из Москвы объявлены делегаты от 5 республик. Наверно, Святослав и Девика с ними встретятся. Вообще, великое нагромождение в Дели. Ко всему прочему еще и новый вице-король. Тут и конференции, и выставка, и вице-король, и мусульманские демонстрации, и стрельба, и военное положение. Можно сказать, полная чаша всякой всячины и строительной и разрушительной. Звали меня, но уж очень трудно теперь передвижение по Индии. Грозди висящих пассажиров напоминают кое-что из прошлого.

Тем наивным людям, кто еще не убедился в эпидемии вандализма, скажем: "Вот Вам вандализм в Канзас-Сити, вот Вам вандализм в Риге, вот Вам вандализм в Хайдерабаде". И все это без войны! В Хайдерабаде мусульманская дикая орда уничтожила наших одиннадцать картин. Две моих гималайских в таком изуродованном виде, что Святослав писал — починка невозможна. Вот только на нашем горизонте в трех частях света три диких вандализма. Кто же будет утверждать, что мир теперь защищен от вандализма?! Ничуть не бывало! Оргия дикости и жестокости. Эпидемия вандализма. Древняя пословица: "Куи пердере вульт — дементат" — "кого погубить захочет — лишит ума". Под смутными, сложными знаками прошло 24 Марта 1947-го.

Сказал наш лама: "Кругла или плоска Земля, но жить на ней стало трудно".

Привет сердечный всем друзьям. Привет Куренко — она такая даровитая. Каков ее муж? О ком еще слышно? Всем добрым друзьям, ведомым и неведомым, привет.

Сердечно…

1 апреля 1947 г.

Публикуется впервые

А.П.Х. (02.04.1947)

Дорогой наш А.П.

"А судьи кто?" — спросил я, прочтя Ваш рассказ, прилетевший вместе с письмом 18347. Есть зоологический вид двуногих, которых корежит всякое упоминание о подвиге, о добротворчестве, о новом строительстве. Затхлое огрубение, одичание прикрывается площадными лозунгами, вопит о свободе, а сами и сказать не умеют, что она такое. Где свобода искусства? Не то прискорбно, что двуногим не нравятся прекрасные вещи — "как баран на новые ворота", "как гусь на фортепьяно", давно сказал русский народ, — а то прискорбно, что Вам предлагали изменить конец, для которого все написано. В таком суждении скрипит непоправимая безнадежность, безвкусие. Вообще, ядовит воздух Шанхая.

Не менее, если не более, огорчительно случившееся в Вашем кружке. Ведь всего-то семеро и то уже пытаются уколоть друг друга, забывая, что в основе будет кощунство. Если среди отобранных друзей начнутся "дискуссии", то что же останется от сотрудничества и добротворчества? Истинное содружество прежде всего в понимании истинных побуждений друга. Иногда можно склеить разбитую вазу, но все-таки она будет склеенной, а иногда какой-то осколок не найдется — влагу не налить, и цветы засохнут. А сейчас весь мир в виде разбитой вазы, и каждая духовно здоровая ячейка будет особенною ценностью. Вы не написали нам сущность прискорбной дискуссии, и М.И. в своей записочке только помянула о ней. В чем дело? Кто?

Посылаю Вам два интересных документа: письмо из Москвы, полное действенного устремления к подвигу — какие там люди живут! — и копию статьи из советского журнала в Праге — видно, там мыслят иначе, нежели в Шанхае. Трудно сейчас в Америке, особенно русским. Только что получили письмо — рвутся уехать, ехать хотя бы в Индию, а не знают, каково здесь положение. Пожары, грабежи, убийства. И сие бедствие человеконенавистничества еще только начало. Хорошее издательство просит меня дать книгу "Искусство жизни". Это будет седьмая книга в Индии, видно, нужны такие памятки. Трудно искусство жизни при Армагеддоне Культуры. Жива ли Культура? Не отзывается.

Вы пишете, что через три месяца Ваши дежурства кончатся. И тогда что? Но не оскудеет путник всеобщего блага. Высокое Учение поведет к высоким тропам, и не смоют свирепые потоки. Дикими путями ходили, и всюду рука ведущая подавала посох. Не

только вера, но знание непреложное разрешает произнести великое слово "подвиг".

И Вы устремлены по пути Служения. Никакие двуногие не перебегут Вашу тропу. Как чутко, как замечательно правдиво умеете Вы сказать о красотах природы. Открыт глаз, открыто сердце, не устает рука. Елене Ивановне, мне, Юрию и всем нам очень полюбился Ваш рассказ. И нельзя калечить высокую цель его. "К ночи печаль, а заутро радость".

По древнему и всегда новому обычаю:

"Радоваться Вам!"

2 апреля 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарь (02.04.1947)

Дорогой друг мой Игорь Эммануилович,

Какое достижение! Твое "воздушное" письмо от 16 Марта уже здесь — всего две недели. Все ускоряется, все сближается. Пусть и будет! Жалели мы, что на Азийской конференции главная часть Азии — Сибирь не была представлена. Многие так и не знают о значении и величии Сибири. А когда им показываешь карту, они думают, что масштабы разные — и такое бывало!

Печальны Твои сведения о вымирании востоковедов — Юрий и все мы очень огорчились. Да ведь и живые, как Козин, Крачковский и другие, уже в наших годах. Как нужен Юрий — индолог, санскритист, тибетолог и монголист, не только глубоко изучивший источники, но и владеющий языками — небывалое соединение, так нужное при возросшем значении Азии. На днях он читал нам свой последний труд: "Задачи тибетоведения", основанный на новых данных. Огромно значение тибетской исторической литературы. Индию, Китай, Монголию, Афган, Непал, Бутан — словом, все восточные страны нельзя полностью изучать, не ознакомившись с историческими источниками Тибета — великое перепутье, еще недавно совершенно забытое. Да, наша Родина пойдет по новым путям, вооруженная новым знанием.

Ты пишешь, что Академия Наук издает теперь множество трудов — радостно слышать! Долго ли под спудом будут труды Юрия — "История Средней Азии", "История Тибета", "Тибетский словарь", исследования о наречьях, об искусстве, о нашей экспедиции, о зверином стиле, о Гесэре и многие сообщения, сделанные в Азиатском обществе? Чего ради весь этот ценный материал, накопленный в течение четверти века, должен лежать под спудом, а не радовать нашу Родину? Азиатское Общество сейчас издает большой труд Юрия (1200 страниц), но по-английски. Когда же по-русски? Я как патриот негодую. Все для Родины!

Надеемся, Павловский не забыл о двух книгах Козина — он обещал Святославу прислать их.

В своем прошлом письме Ты помянул Неру. Действительно, он замечательный государственный деятель, народный вождь — чуткий, высококультурный. Он у нас гостил две недели, и мы все его очень полюбили. Превосходна его последняя большая книга "Дисковери оф Индия"[161], написанная им в тюрьме. Только подумать, что Неру за свободу Индии провел в тюрьме пятнадцать лет! Не утратил энтузиазма, еще более углубился, возвысился, умудрился. Трудно ему со всеми неведающими — ох,

какие всюду волнения, совершенно ненужные, вредные. Отчего у нас никогда не было препирательств с мусульманами? Приезжие иранцы, египтяне, арабы выражали свое удивление по поводу непримиримости здешних мусульман. А жестокости-то сколько, вандализм, прямо зверство.

Сейчас издательство "Китаб Махал" просило меня дать книгу "Искусство жизни" — "Арт оф Ливинг". Тема нужная — пишу. Да, пишу, а сам жалею — зачем по-английски? Все нужное должно быть прежде всего по-русски. Это будет седьмая книга здесь. Видно, понадобились такие памятки. Город Дели захотел иметь мои картины, и ушло семь Гималайских картин. Хорошо, но ведь Гималаи могли бы быть на Родине.

Слышали мы, что Тебе звонили из Комитета по делам искусств с вопросом, когда мы выехали? Знают, что в Декабре 1916 года по болезни (ползучая пневмония), и с тех пор постоянно наезжали. А в последний раз виделись мы с Тобою в Москве в 1926-м. В журнале "Мысль" была в 1939-м статья "Служение Родине и человечеству" — в ней были помянуты сроки. Кирхенштейн писал в этом журнале. Все это давно известно, а вот опять справляются.

Спасибо Тебе за добрые вести. Сердечно отвечаем Тебе тем же.

По древнему, всегда новому обычаю:

"Радоваться Тебе!"

2 апреля 1947 г.

"Из литературного наследия"

М.М.Л. [162]

Печальна Ваша весточка, долетевшая медленнее обычного. Теперь при всяких беспорядках почта опять испортилась. Пожары, грабежи, убийства тысяч неповинных людей. Святослав и Девика только чудом не были убиты в вагоне. Ужасный Армагеддон Культуры! И это еще начало!

Когда читали Ваши мысли о переезде в Индию, мы думали: "Ох! Не знает о положении вещей здесь. Кто-то отсюда рвется в Америку, а кто оттуда сюда". Все задвигалось, заспешило, а счастья-то нет. Заседают несчетные Комиссии, мечтают о счастье народов, а счастье-то потребуется, чтобы накормить всех голодных, и оказывается, что на атомные бомбы затрачено гораздо больше. Голод прежде был редким гостем, а теперь зачастил в разных странах. Горя-то сколько. Какое озлобленное молодое поколение населит землю.

Человеконенавистничество ползает, как ехидна, и жалит и брызжет ядом. Культура забыта. Единственная панацея отринута. И там, где еще пытаются бодриться, через все оговорки и недомолвки сквозит несчастье. "Благословенны трудности — ими растем", но и этот завет должен быть применен мудро. Многие ли его сейчас поймут? Трудное время, хуже войны. Приход убывает, расходы растут — неразрешимая энигма. Сейчас, как во время ливня: если над кем есть хоть малая крыша, тот и пережидай непогоду.

Утешает одно, так все стало изменчиво и быстролетно, что события рождаются негаданно. И Космос остеклился — так пристукнул Англию и снегами и наводнениями. Тоже нежданно, законы Космоса сложны. Карма! Да, мы знаем- из писем Зины о трудностях, о русофобии. Вы слышали, что Музей в Канзас-Сити выбросил на аукцион весь русский отдел: и Верещагина и Анисфельда и всех. Мой "Властитель ночи" попал в добрые руки к певице Куренко. Кто мог предполагать от Музея такой вандализм?

Да, нужно "Знамя Мира", хранитель Культурных ценностей. Сейчас по просьбе издательства "Китаб Махал" пишу книгу "Арт оф Ливинг" — тоже нужная тема, особенно для молодежи. Это будет седьмая книга в Индии, видимо, потребовались такие памятки. Жаль Вашего брата, но теперь творится столько несправедливостей и жестокостей, что сердца людей огрубели, поросли шерстью.

Все мы — в постоянном труде. Е.И. работает не покладая рук. Какая замечательная книга "Надземное", могла бы уже

печататься! Юрик закончил несколько больших исследований и переводов. Сейчас Азиатское Общество издает его "Историю Буддизма" в 1200 страниц. Святослав и Девика сейчас в Бомбее. Не удивимся, если они побывают в Америке.

Шлем Вам и Виргинии наш душевный привет. Ветхого Завета псалмы учат: "К вечеру водворится печаль, а заутро войдет радость".

Да будет так!

По древнему и всегда новому обычаю:

"Радоваться Вам!"

5 апреля 1947 г.

Публикуется впервые

Торнадо

Прилетело Ваше горестное письмо от 17 Марта — теперь вследствие расстройства почта идет гораздо медленнее. Понимаем, глубоко чуем Ваши душевные боли. Время неслыханно тяжкое. Одними притчами "и это пройдет" — не поможешь. Но все же до некоторой степени мудрый завет опять пригодится. Сейчас взрывается припадок русофобии. Не только разговор о реакции или прогрессе, но именно эпидемия русофобии — давняя застарелая болезнь. Еще Яков Шиф отвалил пятьдесят миллионов долларов на распад России вовсе не потому, что он был революционер (какой же революционер банкир Шиф?), но именно вследствие глубокой русофобии. Можно бы назвать и еще людей, и даже почтенных, которые жертвовали на тот же предмет и все по той же глубоко засевшей причине. Да ведь и преступление хоршевской шайки в основе среди многих позорных причин не лишено и русофобии. Именно в виду этой позорной эпидемии основана АРКА для внесения основ Культуры и человеческого взаимопонимания. За стенами Культуры АРКА хорошо защищена. Много раз утверждена исключительно культурная деятельность АРКА. Вы сноситесь с ВОКСом, который имеет ту же программу. Культура, общечеловеческая Культура есть истинная крепость и непобедимая крепость. Конечно, если Вас спросили бы — реакция или прогресс, Вы скажете — прогресс — самый светлый, культурный прогресс-преуспеяние. Но до такого требовательного вопроса еще далеко. Море волнуется, заходили гороподобные волны, и в бурю надо быть особенно осмотрительными. До следующих выборов очень далеко. Множество обстоятельств изменится до той поры. А пока действуйте на доброй пашне Культуры.

Посылаю Вам сердечное письмо от Т.Г. Между строк Вы многое поймете. Да, бессонные рабочие ночи, и с восходом новый труд и радость сквозь слезы. Прилагаю адрес издательства "Китаб Махал", где выходит моя книга "Героика". Думается, что с этим издательством Вам легче будет списаться — культурные люди. Кстати, они предложили мне дать им книгу "Арт оф Ливинг". Принял их предложение, но это в будущем, и книгу-то нужно собрать еще. Это будет седьмая книга — хорошая памятка для Индии. Катрин телеграфно запрашивала, не отпечатать ли еще 2000 брошюр, пока набор не сломан. Ответили: полезно, если возможно. А как насчет листовки, о чем писал Вам де Лара? В нее можно бы вставить место из речи Уоллеса, выпавшее в брошюре. Если листовка состоится, то и здесь она очень пригодится. По-

прежнему ни слова от Шауб-Коха, ничего из Брюгге. Неужто неблагополучны? Много всяких бед. Вот у Щусева сын сумасшедший и дочка нервнобольная, не нужно удивляться его молчанию — не до того! У Грабаря жена была в нервной лечебнице. Вообще, повсюду психические заболевания. Ведь и Б.К. ушел от мозговой болезни. Трудна стала земная жизнь, а дикари-вандалы еще калечат ее.

Английская газета в Лагоре сообщает о кризисах в Англии — им и книги в руки, не будут врать на себя. Указывается, что ко всяким кризисам наводнений, угольных недохваток, пищевым и прочим прибавился еще кризис половой аморальности. Приводятся чудовищные цифры растущей проституции и венерических болезней в лучших кварталах Лондона. Английская пословица — "факты очень упрямы". Чем же победить упрямство фактов о позорной аморальности в Англии? Если бы такие сведения распространялись врагами страны — не было бы удивительно, а то сами достоверные англичане оповещают мир о творящемся разложении. Кто-то говорил, что Лондон — современный Вавилон. Неужели готовится судьба Вавилона? В газетах пестрят ужасные снимки жестокостей и разрушений, совершенных мусульманами в Индии. Свидетели, служебные лица, показывают, что ужасы, ими виденные, превосходят всякое воображение. Культура! Где ты? Неужели человечество опять опустилось на ступень нижайшую? Культура, отзовись! Жива ли ты, Культура?

Вам продолжают писать какие-то неизвестные нам члены наших обществ. О них мы никогда не слышали, но если бы они были деятельными сотрудниками, то, наверно, их имена были бы отмечены вместе с другими деятельными сочленами. Ведь было много и временных прохожих. От Лукина и Рудзитиса Вы не получили ответа. Не будем тревожить их, — должно быть, какая-то дверка захлопнулась. Вот и друзьям в Китае, видимо, стало труднее. Кто примолк, а у кого посеялись грустные мысли. Да и Валентине невесело. Между двух огней. Много обывательщины, а новых отзывчивых друзей мало. На льду цветы не цветут. И Вы — в таких же льдах, а теперь еще и Дедлей в отсутствии. Многие толкующие о прогрессе, о высших идеалах потрясают наивностью и неискренностью. Так было всегда — почитайте жизнеописания, почитайте историю так называемых блестящих эпох. Возносят век Перикла, а прислушайтесь к летописям и увидите свирепые гонения против всего Культурного. Иначе не бывает.

Посылаю Вам выписку из письма Фонтеса. Может быть, и Вы уже имели вести из Коимбры? Хотят иметь "Галерею Рериха". Любопытно! Прислан еще из Лиссабона журнал "Эстудос

Психикос" — в нем статья Фонтеса "Рерих о Гуру". Где-то какие-то неведомые друзья. Директора Коимбры поручили Мадахилу непосредственно войти со мной в переговоры относительно задуманной ими галереи, о чем и напечатано в журнале Учреждения. Значит, Мадахил не умер, но действует. Маан спрашивает, какова цена брошюры "Знамя Мира". Мы сказали — один доллар. По нынешним ценам меньше нельзя. Ведь молодежь назначила цену за "Прекрасное единение" в два доллара. "Знамя Мира" дайте и в магазины — тогда придется накинуть и заработок магазина. Жаль, лето уже близко, и деятельность замирает. Пусть Инге еще пришлет нам пакет брошюры. Полезно шевелить сознание.

В Дели до сей поры были мои картины лишь в частных руках. Теперь служебные лица захотели иметь группу вещей и при содействии Магараджи Баратпура устроили группу в семь картин — все гималайские. Теперь почти во всех здешних центрах будут памятки. Жаль, что в Хайдерабаде при погроме погибло одиннадцать наших вещей. Такая уж жизнь — где прибывает, где убывает — отливы и приливы. Не знаю, кто читал мои обращения на религиозной и на Азийской конференциях, а на художественной прочел Святослав. В обращении моем к религиозной конференции я первоначально думал помянуть, что украшал семь православных храмов, содействовал построению буддийского храма и мечети. Пытался содействовать перевозке к нам индусского храма, но война помешала. Была основана иконописная мастерская и дана картина в Сарнат. Е.И. написала прекрасные книги "Знамя Преподобного Сергия" и "Основы буддизма" и перевела "Сокровенное Учение". Юрий дал "Историю Буддизма". Отец Е.И. дал проект синагоги. Таким образом, в нашей семье давно произошло объединение религий. Хотел упомянуть об этом, но потом раздумал. Могут не понять, еще примут за автобиографическое хвастовство. Бывает трудно заочно обращаться к незнакомому собранию. Вместо пользы могут возникнуть кривотолки. Поэтому на дальних расстояниях приходится лишь давать главные постулаты: единение, строительство, Знамя Мира, создание домов Культуры, равноправие женское, широкое образование молодежи. Как будто труизмы, но народам они спешно нужны. Вот в Корее семьдесят пять процентов безграмотных. В Индии наберется до сорока миллионов дикарей. Еще до сих пор можно слышать о человеческих жертвоприношениях. Да и мусульманские недавние зверства недалеко ушли. Видели мы китайские толпы. Видели толпы филиппинские и индонезийские. Трудная пашня Культуры. И в то же время повсюду блестки высокой азийской мысли.

Величественные памятники! Азия — колыбель всех религий, всех взлетов в Надземное.

Кончилась конференция — разъехались на два года, чтобы встретиться в Китае. Может быть, и Китай-то изменится, теперь все так изменчиво. Святослав пишет, что им удалось составить Комитет "Знамени Мира" с хорошими именами. В добрый час! Морис[162] прислал печальное письмо, что-то у него неладно. Порывается ехать в Индию в надежде на профессуру. Какая же здесь музыкальная профессура? Кроме того, он, очевидно, не знает здешнего положения. Оно с каждым днем все осложняется. Для сведения прилагаю копию моего ответа. Неужели в СЛуи жизнь становится невозможной? Или какие другие причины? Во всяком случае, поездка в Индию теперь стала почти невозможной — небезопасной. Наши горы пока тихи, но ведь до них надо добраться. Тихи-то, тихи, но народ очень изменился, заметны старознакомые признаки. Грабарь сообщает список оставшихся востоковедов и с грустью добавляет, что индологи все вымерли. Да и оставшиеся восточники в большинстве нашего возраста и мало их. А где же молодая поросль? Плох лес, не имеющий подлесья. Пишет, что Академия Наук издает множество ученых трудов. А труды Юрия — под спудом! Казалось бы, наука аполитична и свободна. Или, по нынешним временам, слово "свобода" получило иное значение? Теперь — эпидемия переименований! Даже хотели переименовать Эверест, упуская из виду, что гора находится в Тибете и имеет исконное тибетское название: "Джомо Кангкар" ("Владычица Снегов"). Красивое имя. Спасибо за пакет с февральским письмом АРКА — все это очень интересно и еще раз доказывает, насколько ВОКС, СССР должны ценить дружбу АРКА. Печалимся за Жаннетт в ее семейной утрате. Сколько утрат повсюду! Скажите Жаннетт и Жину наше сердечное сочувствие. Их известия пришли с большим опозданием. Мы уже привыкли не только к опозданиям, но и к пропажам. Все люди привыкли, даже не удивляются. К 24 Марта Жин написал сердечное письмо. Славные они люди. Много добрых семян сеет Жин во время его поездок. Где-то и взойдут невидимо. Если никогда и не узнаем об этих всходах, они где-то кому-то принесут благо.

Прилетела и Ваша весть от 30 Марта со всеми приложениями. Значит, жизнь течет среди всяких рифов и отмелей. Но Вы — испытанные кормчие и чуете, где ускорить, а где осадить движение. Хорошо, что Лук[ин] и Рудз[итис] получили Ваши письма, и теперь не будем их тревожить. Если им возможно, то и напишут. В смысле возвращения Ренц прав — Вы поймете. Некоторые цены Вами и газетою сообщенные поучительны. И

когда жизнь войдет хоть в какое-нибудь русло? Спасибо за высылку холста. Конечно, мы его еще не получили — не скоро доплывет! Спасибо за две рецензии "Химавата". Неужели коротенькое письмо в Брюгге потребовало два месяца? Вы правы, некие "философские" общества добывают не философский камень, а иные металлы. То же "метафизика"! Журнал их мы более не получаем и не жалеем. Но сколько Вам приходится говорить "по сознанию"! Да, что-то примолк Илья — давно от него не слыхали. Приехали ли Потоцкие? Уоллес пустословит в Лондоне. Не за Нобелевской премией поехал? "Миротворец".

Имеется ли у Вас брошюра Эдгара Хюита "Полезность Красоты"? Он кончает ее словами Линкольна: "Мы должны быть друзьями. Серебряные нити памяти и старинная дружба, протянутая от души к душе, от века к веку, от народа к народу не бывали и никогда не будут нарушены". И добавляет: "Мы отказываемся иметь врагов. Так я понимаю дух, преисполненные которым мы должны идти к нашей будущей работе". Ох, многие сейчас должны бы повторить эти слова. Ушел из земной жизни Хюит. Ушел Форд. Много деятелей ушло. Где-то должны быть их заместители. Где они? Почему так трудно найти их местожительства? Почему вместо вестников добра и дружества часто кажутся рога злобы? Сумеем опереться на Культуру, иначе вихри невежества могут опрокинуть ее Знамя. Держитесь, крепче держитесь! Торнадо!

15 апреля 1947 г.

Публикуется впервые

Сотруднице (19.04.1947)

Дорогая наша В.Л.

Спасибо за вести от 28-3-47. Если не все они радостны (теперь в мире мало радости), то все же они устремлены в будущее. И каждый из нас может принести светлый камень для великой стройки. И чем больше будем осознавать трудности, тем ценнее будет достижение.

Сами видите — все очень сложно, но зато и быстротечно. Пусть будет в реке быстрое течение, очищающее заводи заросли. Вы хотите, чтобы "Порадуемся" оказалось на "Костре" — пусть так и будет. И на "Костре" все-таки "Порадуемся". Еще хотим Вас порадовать — посылаем Вам копию недавно прилетевшей вести. Нас она очень тронула. Преподобный на несменном, великом Дозоре! Идут к Нему толпы и просветит Он их. Только подумайте — открыт Чудесный Дом Преподобного. Илья Муромец тридцать лет в безмолвии был, а затем встал на Оборону. И к Преподобному придут Ильи Муромцы. "Проснулись богатыри" (такая моя картина). Подумайте, что это перепечатка из московской прессы. Ничто, ничто на свете не умалит народ русский. Еще увидите, как Воевода взойдет на Башню и защитит свой народ.

В былинах богатыри, чтобы услышать дальнее, к земле ухо прикладывали. Так и приложим и услышим. Вы поминали о ста годах. Чего там года считать — быстра "Река Жизни". Несколько раз у меня были варианты такой картины.

Кстати, нет ли в Праге холста вроде приложенного? Ведь это самый простой суровый холст, а здесь и такого нет. "Мирное" время бывает хуже военного. Да, "Знамя Мира" нужно, как никогда, и все нужнее становится везде и во всех отношениях.

Говорят, чехословацкий посол здесь скоро будет и другие будут. Лишь бы хорошие люди приехали. О здешних волнениях не пишу — наверно, из газет о них знаете. О встречах Ваших пишите, все это так интересно.

Правда сейчас особенно разновидна. Под разными углами говорят о фактах, но около каждого факта толпится множество обстоятельств. Потому, не преувеличивая, не преуменьшая, попросту нужно знать и знать. Я писал Вам об интересной книге А. Поповского "Вдохновенные искатели" о русских ученых-подвижниках. Еще читали мы в "Новом Мире" записки вдовы Павлова — прекрасно! Наверно, в Праге эти книги имеются. В книге Поповского описан академик Павловский. Святослав познакомился с ним на ученом конгрессе в Дели и в восторге от

ученого и от человека.

Главное — по добру, о добре, ради добра. Так и проживем. И Вы вопреки очевидности идите по тропинке действительности доброй. Гнилые плоды отвалятся, а свежие цветы возвестят добрый урожай. Сейчас по просьбе одного здешнего издательства собираю книгу: "Арт оф Ливинг". Искусство Жизни пусть будет самым высоким. Е.И. шлет Вам душевный привет — скоро напишет.

Радоваться Вам.

19 апреля 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарь (28.04.1947)

Дорогой друг мой Игорь Эммануилович.

Большое спасибо за Твое письмо от 14-4-47 — вот как стали летать весточки. Хорошая Твоя весть. Радуемся Твоим трудам. Радуемся и отдыху Твоему, — чудесны весною Подмосковные. Ты, как богатырь, прикоснешься к земле и опять — набравшись сил — помчишься на великую стройку. Исполать! Юрий благодарит Тебя за новые сведения об индологах. Баранникову непременно напишет. Прекрасно, что так оцениваются труды науки и искусства. Ты поминаешь Владимира Соловьева. О нем у меня душевные воспоминания. Ему очень нравились мои "Световитовы кони". О Кукуноре он, пожалуй, первый говорил. Чуял связь Руси с Востоком. Мы — азиаты!

А злая русофобия в Америке не унимается. Приложу мой записной лист "За что?" 1940 года. Точно вчера написано, и сколько еще прискорбного можно бы добавить. Наиболее робкие уже спасаются из АРКА, как крысы с корабля. И мерзко и жалко наблюдать человеческие омывки. Кажется, я Тебе посылал мой довоенный лист: "Не замай!". И теперь опять можно его припомнить. "Не замай" — не тронь богатырей русских! Плохо будет обидчику. В своей автобиографии Ты помянул, что я всегда "странно спокойный". Это верно, но когда затрагивают Русь, не могу быть таким. Великое будущее суждено Русийскому Народу. Только слепцы не видят это. Много мне доставалось от хулителей русийской Культуры. Столько вредителей ползает по миру. Давно сказано: "Невежество — матерь всех зол". Почти каждый день в англ[ийских] газетах кто-то выкрикивает: "Русско-американская война неизбежна!" Этакие мерзкие слова звучат в пространстве и смущают малодушных.

Не встречаешь ли Марию Александровну Шапошникову — прекрасную певицу? Если знаешь ее, скажи, что мы очень любим слушать ее пенье. Голос ее в Гималаях отлично звучит, и репертуар всегда серьезный. Мы ведь оперетки и джаз не жалуем. А теперь по всем волнам так часто завывает какофония. Редко дают "Псковитянку", а мы любим хор "Осудари псковичи". Любим и сечу при Керженце. Отчего-то не дают арию Шакловитого из "Хованщины"? Да и Прокофьев и Шостакович нечасто слышны. Чайковский — очень часто. Даже ежедневный сигнал из Дели — полонез из "Евгения Онегина".

Неужели Павловский не послал нам книги акад. Козина, — они так нужны Юрию. А ведь обещал в Дели Святославу. Такие люди, как он, не забывают своих намерений. Да и на доставку

писем теперь не приходится жаловаться. Скорей в самой Индии почта может пошаливать вследствие всяких неурядиц, но иностранные письма и посылки доходят очень благополучно и быстро.

Любопытна судьба книг и картин. В Калькутте в Музее среди всяких разнородных предметов одиноко висит большая картина Верещагина "Дурбар в Дели". Как она попала туда, никто не знает: купить ее Музей не мог. Дарить? Верещагин не дарил. Он мне говорил: "Никогда не дарите — забросят. Лучше продайте хоть за грош, тогда все-таки запишут в книгу". Куда разбежалась вся его индийская серия? Куда делись северо-русские картины? Мне приходилось видеть на аукционах в Лондоне его северные церкви (из каких-то частных собраний). Но где притаилось все остальное? Пути неисповедимы.

"Хабент суа фата либелли"[163]! В Женеве у антиквара видели мы большую картину Чернецова из его серии "Двенадцатый год". В Париже откуда-то попал к антиквару мой портрет работы моего покойного брата Бориса. И нет такого города, нет такого острова, где не было бы русских произведений. Многие не подписаны или стерлись подписи, и никто никогда не найдет их. Разве что Игорь прозорливо их отыщет во благо Руси. Вот знаю, что где-то в Америке после разгрома в С. Луи исчезли Борисов-Мусатов, Врубель, Репин, В.Маковский и многие — 800 картин пропало, и никто не знает их пристанища. Из моих семидесяти пяти нашлись в Калифорнии тридцать шесть (там и "Старцы сходятся" и "Ладьи строят"), а остальные неизвестно где, может быть, под чужими именами. Видел же я у антиквара картину Рущица с крупной черной подписью "Рерих" — через ять. В бельгийском журнале в статье о финляндском искусстве была моя картина под именем Халонен. Чего только не бывало! А вранья-то! Клеветы самой нелепой не обобраться. Прав Ты, замечая в своей книге о моем сложном наследстве.

Не прислать ли Тебе мой лист о Куинджи? В мастерской было двадцать человек, а теперь, оказывается, я остался один. Все переселились "в деревню" ("ео рус", как говорил Вольтер перед своим путешествием). О Куинджи у меня сохранились сердечные воспоминания. Мало кто знал его как человека. И в живописи он был первым русским импрессионистом. У него было много врагов за его правдивость и резкость, но ведь по врагам судим о размерах личности. Без врагов — кисло-сладко! Как-то у меня была статья "Похвала врагам". Однажды Куинджи передали, что некий тип клевещет на него. Мастер задумался и сказал: "Странно, ведь этому человеку я никакого добра не сделал". А если при нем кто-то завирался, мастер сурово обрывал: "Не

говорите о том, чего не знаете".

Конечно, и из "Мира Искусства" нас скоро будет меньше, чем пальцев на руке. Как подсчитать — удивительно, сколько наших сотоварищей ушло рано, а могли бы дать еще много. Как подвигаются Твои "Серов" и "Репин"? Твоя "Автобиография" и "Репин" читались здесь всеми, и все в восторге — так увлекательно написано. Жаль, что нет английского издания. Могу сказать, что Ты пишешь убедительно и живо. А то иногда историки искусства разведут такую сушь, что и дочитать сил не хватает. Плохо искусство, если о нем нужно писать такую сухомятку. Помню, в Академии Жебелев и Щукарев вместо увлекательной истории творчества преподносили нечто снотворное. Да и Кондаков свои знания облекал в скуку. Около искусства все должно быть вдохновляющим. У нас в Поощрении от лекций Сабанеева все разбегались, а когда я пригласил С.Маковского, аудитория ломилась от слушателей. Молодежь хочет живое и ценит живой зов.

Никто не разъяснил нам судьбу Музея имени писателя-народника Григоровича в Ленинграде. Там были прекрасные вещи. Кто там теперь заведует? Не сомневаюсь, что память автора "Антона Горемыки" хорошо почтена. Один из торгпредов рассказывал нашим друзьям, что в Третьяковке шесть моих картин, т. е. приобретенные Третьяковым, а затем Серовым до 1906-го, еще до Твоего директорства. Странно, куда же девалось все из московских собраний? В Москве было много моих картин разных периодов. Не уничтожил же их вандал Маслов, так же, как "Керженец" и "Казань"? Дягилев писал мне, что мое панно "Керженец" в Париже очень понравилось, и двенадцать раз по требованию поднимали занавес. В Правлении Казанской жел[езной] дор[оги] были два эскиза этих панно, хоть бы их перенести в Третьяковку. Жаль, где же теперь в шестнадцать аршин панно писать. Где такая крыша? Где холст? Ведь и стенопись в Талашкине, наверное, тоже погибла. И "Поход", и "Поморяне", и "Змей", и "Посетившие", и "Хозяин дома", и "Путь великанов" погибли. И где "Ушкуйник", "В Греках", "Псковичъ", "Святополк Окаянный"? Много чего к слову придется. А потом удивятся, отчего мало больших картин? Из русских художников мне как-то густо досталось. Но мы не оборачиваемся, все вперед глядим. Ведь и Ты тем и силен, что все вперед смотришь.

Вперед! Вперед! Вперед! — добрый зов. Привет сердечный Твоим и всем друзьям. Радоваться Тебе.

28 апреля 1947 г.

Публикуется впервые

Вперед (01.05.1947)

Прилетела Ваша весть от 7-4-47. "Часто креплюсь, но приходится улыбаться сквозь слезы" — бедная наша Зиночка! Так чуем мы ее напряжение. Не перегружайтесь! Отвечайте постольку, поскольку Вам дают. В Украину пошлете годовой отчет, прежние и новые месячные письма, но нельзя же тратиться поверх всяких бюджетов. Почему Вы должны безмерно тратиться, а Вам пришлют дружеские огрызки? "Всю же меру мерите, возмерится и вам". Лара хочет принести пользу, и ему следует послать просимые брошюры — это движение воды. Радость, что Рудзитис отозвался и другие друзья живы и дух их не угас. Но не будем тревожить их. Ведь всюду свои условия. Местровичу я напишу, но пусть пройдет его выставка. Очень люблю его творчество. Пошлите ему пока сердечный мой привет, а может быть, и на выставке встретитесь с ним лично.

Замечательно, что ВОКС хочет иметь философские книги и журналы. Но и в этом случае Вы не можете превышать бюджет. Раньше, чем посылать что-либо, запросите их, получены ли ими от Вас одиннадцать пакетов. Невозможно посылать ценные вещи в такую прорву. Ваши сведения о Сикорском поразительны. Но ведь если он библиотекарь, то должен же быть и список книг, которыми он заведует. Кстати, о выставке, предлагаемой Украинским ВОКСом, Вы правы, предполагая, что она вовлечет в тяжелые расходы — не такие теперь времена. Итак, главное не перегружайтесь сейчас. Вот, к примеру, Кеменов получил письмо Дедлея, требующее ответа, а он и в ус не дует и не заботится отвечать. Да и вся сысоевщина чего стоит! Было бы несправедливо нести все трудности, а за это или ничего или требования дорогостоящие. Не переутомитесь! Прилагаю образец холста. Спасибо. Из трех только этот пригоден (3-25). Даже в трудные военные времена не было таких преткновений в самых простейших предметах.

Ганди и Джинна дали общую декларацию об умиротворении в Индии. Будем прислушиваться, насколько и как именно этот призыв будет воспринят. Прилагаю адрес Лоренс Кроу, друга Брэгдона. Он прислал мне записки о смерти Клода. Поблагодарите от меня и скажите, что мы все сердечно поминаем Клода. Кольцо, которое я ему дал, имеет хорошее значение и пусть будет в добрых руках. Кстати, кто такой Экберт Сормани — не послать ли ему "Знамя Мира"? Адрес прилагаю. Среди неведомых корреспондентов могут быть неведомые друзья. Что такое случилось с Циснерос — письмо его какое-то таинственное.

Не послать ли ему "Знамя", да и Роквелу Кенту, что такое с ним? Его письмо ко мне такое дружеское. Не слыхали ли о Дерюжинском? Посылаю ревью Маана о "Знамени Мира" для Вашего архива. Р.Ренц хотел Вам послать еще 200 его брошюр. Я предложил ему распространять по Индии, ибо у Вас теперь имеется новое издание. Да и таможня Вас замучает.

Посылаю Вам мой лист от 1 ˚Сентября 1940 г. "За что?". Покажите его Илье и, вообще, кому найдете полезным. Точно вчера написано. Увы! За семь лет русофобия в Америке не уменьшилась, но еще увеличилась. Прискорбно! За что? Посылаю также весть из Китая с прекрасными словами о Троице-Сергиевой Лавре. Вот она, чудесная, победная Русь! Тоже покажите Илье. Так драгоценно, когда долетит весть прекрасная. Да, не может жить человек без надземных идеалов. Скорей бы наука отряхнула всякие запреты и суеверия и стала бы поистине свободной. Теперь все — в огромных размерах. Чудовищны взрывы в Тексасе[164]. В Токио сгорает тысяча домов. В Лагоре сгорает на 20 миллионов. Семьдесят пять процентов населения убежало из Амритсара. Мир считает на большие цифры. А если людские масштабы вообще останутся в таких бескрайних пределах? Своего рода Беспредельность! Получаете ли Вы отзывы на "Знамя Мира"? Видим, что отзываются лишь в тех случаях, когда вложена записка об отзыве. Иначе промолчат — уж такой народ теперь!

По-видимому, Уоллес окончательно изолгался. Все его грубые попытки привлечь внимание бедноты не приведут к его воровской победе. Народ чует неискренность. Был ли он подкуплен или какая-то ведьма нашептывает ему уродливые попытки, но они ведут его совсем не туда, куда он воображает. Интересно бы знать, не белокурая ли шептунья-ведьма около него или уже какой-то иной призрак? Во всяком случае, "миротворец" и обманщик бедноты готовит себе скверное будущее. А блуждание его по чужим землям и дешевая демагогия показывают, что он пустился во весь скок к пропасти. А пока пусть себе поскачет на потеху. Особенно странно, что вопит он в стране, которая сама у пропасти и держится лишь природным упорством и упрямством и двуличием. А такие союзники мало пригодны самозванному "вождю" бедноты. Человек, оттолкнувший мир и охрану истинных сокровищ, не долго проскачет на лошадке лжи и притворства.

Каждый день газеты вопят о зловещаниях Уоллеса. Сенаторы называют его изменником и говорят о предании суду. Впрочем, предательство в его природе. Следите за этой мрачной драмой. Помните, как заглазно предатель поносил Рузвельта. Мать президента постоянно предупреждала сына, что Уоллес его

черный гений. Предатель! Вредитель. Не о нем ли народ давным-давно сложил прибаутку: "Гадина, гадина — сколько тебе дадено"? Так и видится, как он по черному ходу пробирался в сумерки к Хоршу, подняв воротник и нахлобучив шапку. Не за добрым делом крадутся в таком виде. "Факты упрямы", а ведь это факт и "не плохой" для вице-президента Америки. Наблюдайте, как замечательно складываются обстоятельства. Счастье, что Уоллес откололся от нашего дела. Таким злостным типам невместно быть около Культуры. Вообще, Сантана — поток жизни — дает полезнейшие наблюдения, лишь бы зорко уследить за игрою волн. Поистине, "с вечера — печаль, а заутро — радость".

Посылаю для Вашего архива копию письма от издательства "Китаб Махал" и мой ответ им. Хорошо иметь дело с культурными людьми. Радуюсь, что они хотят удешевить книгу, чтобы она могла достичь широкий круг читателей. Как и всюду, бедны в Индии культурные работники. А ведь не для крезов трудимся, а для бедняков, устремленных к просвещению. Как велика бедность Индии! А тут еще мусульмане жгут и уничтожают достояние. Газетам предлагается не помещать сведений о происходящем, чтобы не раздувать вражду, но и крохи, все же проникающие, весьма показательны. Вообще, всюду море волнуется. Вот лопнула московская конференция. Значит, на долгие месяцы опять все зашатается. Сколько людских бед будут смущать весь мир! Любопытно, ответит ли Вам Гаральд, ведь Ваше письмо дошло к нему. Подождем.

Так же непонятно молчание Брюгге. Не может оставаться в воздухе положение музея. Кто там должен быть? Конечно, Тюльпинк все хотел держать единолично и не посвящал нас в окружение. Губернатор Фландрии помер, и сейчас, кроме Муниципального Совета, и запросить некого. Все же надеюсь, что люди в Бельгии достаточно воспитанные и не оставляют писем без ответа. Мадахил мне еще не писал, хотя по постановлению Института ему поручено войти со мной в непосредственные сношения. Обождем, не каплет. Любопытно, что в Германию можно посылать пищу и одежду, а книги посылать нельзя. В том или ином виде, а именно Культура страдает. Почему муж Куренко не терпит русскую картину? Или попросту говоря их финансы плохи? Ведь у них был Верещагин и Анисфельд, а с ними как? Что будет теперь после провала московской конференции? Опять все повиснет в воздухе и загудит вихрь злоречия. Опять до Ноября где-то будет накаливаться яд, полгода — срок немалый.

А вот и добрая новость — письмо от Шауб-Коха. Как Вы думаете, сколько времени оно "летело" из Женевы? Оно летело четыре месяца и три недели. Было отправлено 2 Декабря 1946 г. и

долетело только сейчас. Вообще, европейская почта никуда не годится. Все грустит наш друг о смерти жены, и почерк его даже изменился. Но все же жив и готов трудиться. "Знамя Мира" послано ему? Ведь он может дать его президенту и другим полезным деятелям. По письму судя, он поехал на три месяца в Италию но теперь он, наверно, вернулся. Радуемся, что Ваши лекции кончились. Теперь разошлете посылки от ВОКСа и отдышитесь. Такие нежданные отзывы, как Академия в Гонолулу, хороши — новая пашня. Жаль, что мисс Кастль умерла, она, наверно, там действовала бы. Вот добрые молодые люди помирают, а мерзавцы живы. Не пришел еще их час. Приплыл Ваш пакет с конвертами и бумагою. К сожалению, бумага "Знамени Мира" еще старая, а мне нужна новая, с вновь избранными. Пожалуйста, пришлите новую. От Катрин пришло 4 пакета "Знамени" — очень пригодятся.

Газеты сообщают, что на атомных фабриках замечены повальные болезни. Нет ничего удивительного! Игра с неизвестным может кончиться плохо. Никто не знает, на какие расстояния и надолго ли продолжается воздействие. Неужели ученые не предусматривают последствия? Ведь космическая справедливость не дремлет. Ускоряются темпы. Наблюдайте события. Утомление, напряженность — от нагнетения атмосферы. Помните старинный завет: "Если устал — начни еще, если изнемог — начни еще и еще".

В такие дни устремите взгляд в будущее и скажите: "Вперед! Скорей, скорей!".

Всем друзьям привет. Сердечно…

1 мая 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарь (12.05.1947)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Сейчас, 12-5-47, прилетела Твоя весточка от 27-4-47. Прямо марафон скорости. Не могу не ответить сейчас же — ведь это связь с любимой Родиной. Да, поганая русофобия может довести до великих мировых потрясений. Опять беды, опять разрушение Культуры, а ведь ее не сошьешь, как рубашку.

Спасибо за "Гималайского мудреца", так индусы и прозвали. Американцем я не был. Да и был-то в Америке всего около трех лет. А в Азии, в Индии с 1923-го — целое поколение!

Очень хорошо, что пишешь прямо — видишь, как летит исправно.

В прошлом письме Ты помянул Василия-капельника и Авдотью-подмочи подол и Герасима-грачевника — правильно. А вот на Николину трапезу сошлись: Петр-полукорм, Афанасий-ломонос, Тимофей-полузимник, Аксинья-полухлебница, Власий-сшиби-рог-с-зимы, Василий-капельник, Евдокия-плюшиха и Герасим-грачевник, Алексей-с-гор-вода, Дарья-загряз-ни-проруби, Федул-губы-надул, Родион-ледолом, Руфа-земля-рухнет, Антип-водопол, Василий-выверни-оглобли и Егор-скотопас, Степан-ранопашец, Ярема-запрягальник, Борис и Глеб-барыш-хлеб, Ирина-рассадница, Иов-горшник, Мокий-мокрый и Лукерья-комарница, Сидор-сивирянин и Алена-льносейка, Леонтий-огуречник, Федосья-колосяница, Еремей-распрягальник, Петр-поворот, Акулина-гречушница-задери-хвосты, Иван-купал, Аграфена-купальница, Пуд и Трифон-бессонники, Пантелеймон-паликоп, Евдокия-малинуха, Наталья-овсянница, Анна-скирдница и Семен-летопроводец, Никита-репорез, Фекла-заревница, Пятница-Параскева, Кузьма-Демьян с гвоздем, Матрена зимняя, Федор-студит, Спири-дон-поворот, три отрока, сорок мучеников, Иван-поститель, Илья Пророк. Не иначе, чтобы о высоком урожае решить собрались.

1 Мая были рады слышать Твое имя среди учредителей нового Общества.

Не видал ли Ты кого из последних делегаций в Индию? Недавно писал мне хороший индусский ученый всякие похвалы нашим делегатам. Очень хвалил женщин-делегаток и даже восхитился красотою одной из них. Это хорошо, — пусть все от народов наших будет превосходно.

Не слыхал ли Ты об одном любопытном обстоятельстве? Верстах в десяти от нашего бывшего поместья "Извара" (теперь там станция ж.д.) было именье "Яблоницы" — в нем при

Екатерине жил индусский раджа. Говоривший мне сказал, что сам видел остатки могульского парка. Покойный Тагор очень заинтересовался этим и даже просил, нет ли каких-нибудь местных воспоминаний. "Яблоницы" были недалеко от станции Волосово Балтийской жел[езной] дор[оги]. Наверно, в эти места ездят летом из Ленинграда — всего 80 верст. А теперь при сношениях Индии с СССР каждый такой факт любопытен. Иногда ищем далеко, а оно совсем близко.

Если приглядеться, немало русских побывало в Индии и индусов на Руси. В 15-м веке был в Индии Никитин-Тверитянин, при Акбаре — Долгорукий. Если Роксана, поповна из Подолья, была всесильной женой Сулеймана Великолепного, то и в Индии найдутся русские и кавказские полонянки, правившие своими ханами и магараджами. Даже и теперь знаем русских и за индусами и за мусульманами. Любопытная этнография.

Ну да все найдется! А Юрий так и не получил Козина от Павловского — странно!

Хотелось бы знать, куда девалась моя сюита "Красный Всадник" из восьми картин, оставленная в Москве в 1926 году. Не пропала же? В "Монографии" 1939 года эти картины были воспроизведены. Жаль, что мой брат в Москве умер. Он, наверно, знал бы и о картинах и о моем архиве.

Пусть Тебе и в Узком будет широко. Привет Тебе и Твоим от всех нас.

Сердечно…

12 мая 1947 г.

Публикуется впервые

Грустное

Прилетела Ваша грустная весть от 22 Апреля с письмом Зюмы. И там, где Зюма живет, и там, где Т.Г. живет, все тот же печальный, безрадостный быт. Да и у Вас не многим лучше. Слышали мы о прозябании во Франции, в Англии, во всей Европе. Может быть, в Швеции и в Швейцарии быт легче, но мещанство удушает. Вот письма Валентины проникнуты той же безнадежностью. Еще ей не приходится дрожать о хлебе земном, но пища духа, видимо, на голодном пайке. Вот Вы пишете о письмах из Европы, требующих пищи и денег. Хватаются утопающие за соломинку, за мечту о небывалом рае американском. Там, мол, куют золото, там горы хлеба, там изобилие, как в сказках, молочные реки и медовые берега. Майя, страшная Майя гонимых странников. К чему же писать об этих бедах, когда помочь нечем? А То, что поможет при всех обстоятельствах, То забыто и сделано Гостем, вместо того, чтобы пребыть у очага, как Светоч негасимый. Вы знаете, что помощь не оскудеет, лишь бы допустить ее и вовремя открыть дверь Вестнику. Но несломима должна быть сила духа. Вы правы, говоря, что не может быть безысходности. Живем в опасности, но под щитом. Будьте под щитом в полной находчивости. Не очевидность, но действительность открыта. Кто-то подумал бы — экий набор слов, но Вы-то знаете значение.

Непонятно, почему Дедлей не имеет контракта. Кажется, теперь повсюду участие обусловлено письменными соглашениями — а тем более в Америке, где на слово не верят и имеют к тому основание. Ох, знаем, что значит попасться в зубы гангстеров. Бедный Дедлей! Каково ему быть под дамокловым мечом грубости и невежества. Какая закалка доспеха нужна! И опять вспоминаются мудрые слова Леонардо о терпении. На ближней вешалке должна быть шуба терпения. Если тяжко от невежд-дикарей, то не менее тягостно от пустословия "сочувствующих" и убегающих, о чем Вы поминаете. Бегущие от культурного дела подобны предателям. И какую ничтожную судьбу они себе готовят! Хорошо, что пришло лето, отставились дела, а события спешат. У нас здесь с каждым днем все усложняется, разделяется, дробится. Все усложнилось! Радиоактивное облако совершает шестой оборот вокруг Земли. Опасность так велика, что аэропланам указано держаться ниже 17.000 фут. А каковы последствия такого "облака"?

Показательные сведения мелькают в газетах. Оказывается, что в неповинную Помпею, где не было немецких войск, союзники

бросили 163 бомбы. Древние останки города и музей сильно разрушены. Потребуются годы, чтобы подделать разгром. Теперь офицер союзных армий уверяет, что можно было легко избежать и уничтожения исторического монастыря Монте Кассино. Уже после первой войны мы не раз предупреждали об опасности, что Европа, ценная своими реликвиями, может оказаться поддельной. Фальшивка Европа! Где-то что-то как-то будет заштопано, загримировано, подделано, и молодые поколения не будут знать, где подлинное, а где обманная фальшь. И не было вовремя принято Знамя Мира. Не была разъясняема войскам драгоценность культурных сокровищ. А ведь там, где была добрая воля, там и уберегли народное достояние. Рим не был обезображен. Сиенна не была разрушена. Все возможно, где есть добрая воля. Так или иначе опять случилось много непоправимого. И опять нужно приняться за прежнюю пашню.

Вот сейчас строют новые военные академии, и во всех школах вводят военные упражнения. Значит, разговоры о всеобщем разоружении еще пребывают в мечтах. А пока пусть в школах и академиях хоть изредка читаются лекции о народных сокровищах, о сохранении всего, чем жив дух человеческий. О Культуре пусть поминают. Пусть зовут к ней звонко и приказно. Ох, далеко народам до Культуры! Пока что они на ступени "хлеба и зрелищ!" И грозит скелет голода. Повсюду пищевые провалы. И бренчит паяц всяких крикетов и футболов, а где-то, чего доброго, еще бои быков происходят. И ревут толпы. Радио каждодневно гремит о спорте и очень редко о науке и искусстве. На культурное дело люди жалеют грош, а на скачки бросят последнюю копейку. Разве не так? Разве можно молчать об одичании? Вторгается оно безжалостно. А "научные" бомбежки не помогут отбиться от этого всемирного врага. Даже язык человеческий грубеет и обезображивается. Можно привести множество примеров падения литературных выражений, а ведь по речи узнаем уровень народа. Но не плакать нужно, а всеми культурными мерами пробивать толщу невежества. Иначе за грубостью идет одичание. А цивилизованный дикарь — зрелище отвратительное. Пишутся книги, гремят резолюции, и все, как в подушку.

Р.Ренц прислал нам пять интересных книг, изданных в Лондоне, о разрушениях в Италии, Греции, Австрии, Германии — ценный материал. Эти издания напомнили мне издания Армана Дайо в Париже во время первой войны. Я очень радовался, когда по моему совету Дайо дал несколько выпусков о вандализме над историческими памятниками Франции. Ведь и в Питере предполагались такие издания-синодики в поучение будущим поколениям. Где теперь все эти материалы? Да вообще, где весь

мой архив? Не в Мойке ли?

Больно видеть, что одна из лучших фресок пизанского Кампо Санто погибла. Она приписывалась трем мастерам — Беноццо Гоццоли, Нардо ди Чионе и Орканье. Содержание ее относилось к буддийскому преданию. Останется память по воспроизведениям, но могут ли снимки вполне передать очарование подлинника? Обнищала Италия и в погибших сокровищах и в увезенных. Много их разбежалось по миру и где-то потонут в иноземном быту. Пусть искусство как светлый посол шествует по миру, лишь бы оно было доступно и не оказалось узником. Увы, в Америке таких узников много. Рассказывали, как некий богач отомстил певице, отказавшейся петь лишь для него. Он скупил все места в театре, и певица пела лишь для него. Другие запирают искусство в подвалы, в темницы, чтобы никто не видел произведений, созданных для народа. Мрачную драму можно написать о таком преступлении. Вы знаете и постановку такой трагедии. Какой-то Золя мог бы блестяще разработать такую темную тему.

Но главное — не плакаться. Всюду сложно, всюду трудно. Коли лодка плывет, и на том спасибо. Здесь сообщают, что около Пешавара мусульманские зверства были неописуемы. Ганди и Неру взывают против звериных обычаев. Что говорить! Не так давно в Сиалкоте было человеческое жертвоприношение. В Ориссе и посейчас могут происходить такие дикости. Наги в Ассаме и сейчас охотятся за черепами. Да ведь и линчевание негров в Америке, и рабство в Китае, и люди-леопарды в Африке — все эти ужасы еще в пределах зоологических двуногих. Говорю к тому, чтобы не плакаться, а всеми мерами бороться за Культуру. Пора человечеству выйти за границы каменного века. Блестящи научные достижения, но и они привели к атомным бомбам. И не знают заседатели, как поступить с такой опаснейшей "игрушкой". Не пора ли новым глазом взглянуть на основы человечности? Все нашли, а человека потеряли. С этой потерею утерялось и сотрудничество и добролюбие.

Посылаю Вам отзыв на "Химават" из большого бомбейского журнала "Иллюстратед Уикли". Автор S. нам неизвестен, а хотелось бы узнать его, и для "Знамени" он пригодился бы. Также посылаю копию письма Гурдиал Маллика о "Знамени". Такие авторитетные голоса, как Маллик, Рудра для признания очень полезны. Собирайте новый архив. Письмо Е. Смита прекрасно. Если бы все друзья "Знамени" дали громкий радиозов! Такие радиовещания лучше газетных хроник. Теперь Вы знаете имя норвежского министра и можете ему послать брошюру. Мансон отписался, видимо, он разбогател, и Культура ушла на задний план. Хорошо, что Ал. Ренц, наконец, понял несвоевременность

своих начинаний. Письмо от Марины. Оказывается, Потоцкие плыли сорок пять дней в такую бурю, какую капитан парохода вообще не запомнит. Да, теперь — все трудно. В середине океана ночью они ясно услышали музыку и пенье. Думали, что кто-то забыл закрыть радио. Осмотрели, оно оказалось закрытым. Любопытно, из какого далека донеслась музыка? На воде в бурю особенно возможна такая нежданная передача. От Гаральда нет вестей. За последнее время опять обнаружилась пропажа писем, а в то же время какие-то странности доходят. Конлан Вам писал, что не может связаться с Наггаром, а совсем неведомые люди из Парижа пишут даже не заказные письма. Не слыхали ли, где Джайлс? Он часто вспоминается. Перешлите Местровичу мой привет — дайте наш адрес. Непременно прочтите "Тайм" от 17 Марта. А тут у меня все выборы. Теперь уже по два в неделю. В Дели — вице-президентом Вся Индия Изящных Искусств Общества. В Лагоре — покровителем нового издательства. Уж и не знаешь, хорошо ли? Но и отказать нельзя — будут бесконечные обиды. Люди здесь очень чувствительны. Что же значат все избрания, умножившиеся за последнее время? Что значат издания семи книг разными издательствами? Приобретения групп картин — так, в Дели сперва взяли семь, а потом докупили еще пять. Не значит ли все это, что наш отъезд близок?

Зорко наблюдайте движения русофобии. Будем осуждать проявления враждебности и приветствовать каждое культурное сотрудничество. Друзья Культуры должны обнаружить действенное свое участие. Да будет!

15 мая 1947 г.

Публикуется впервые

Грабарь (16.05.1947)

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Большое спасибо за добрую весточку от 29-4-47. Прекрасно действует "воздух".

В прошлом письме Ты поминал о некоей иеремиаде[165], о последних могиканах, об осколках канувшей в лету эпохи. Напрасно Иеремия рядит себя в осколки. Конечно, каждый волен одеваться по-своему, но туника из осколков будет жалобно бренчать. В иеремиадах есть дряхлость. И не плакаться, но нужно радоваться всему, что строит светлое будущее. Предпочитаю Твой путь. Ты не страшишься обернуться назад как истинный летописец, но все Твое бодрое устремление — вперед! Тем-то и драгоценно Твое продвижение во славу всесоюзных народов. И мы идем тем же путем и не знаем иеремиад. Вперед! Вперед! И знаем мы молодую поросль. Племя молодое нас любит, и почти вся переписка — с молодежью.

Наша АРКА по-прежнему сетует на неполучение ответов от ВОКСа. Трудно представить причины. ВОКС посылает книги и журналы, заказывает присылку различных изданий, но на письма, на вопросы не отвечает. Ты пишешь о переписке ВОКСа в сотнях тысяч, но, вероятно, и персонал немалый. Особенно же теперь, при американской русофобии, АРКА нуждается в дружеской, отзывчивой руке. Сотрудники АРКА даже подвергаются глумлению и насмешливым угрозам, что им предстоит концлагерь. А дружеского слова нет. Заказ покупки и высылки книг еще не сочувствие. Конечно, переписка ВОКСа велика, но ведь положение вещей именно в одной Америке так напряжено и уродливо.

Да, великая вещь — содружество с доверием и доброжелательством. Давно французы сказали: "Взаимность есть душа соглашений". Всегда нужна душевная взаимность, но бывают времена, когда она особенно необходима. И вот теперь, в дни утеснений Культуры, в дни нападок на всесоюзные народы нужно всем сотрудникам послать дружеский, сердечный привет. Ты прав, говоря, что русофобия может породить неслыханное мировое бедствие. Потому пусть все труженики на пашне Культуры дружно прогремят грозное: "Не замай!" Русь победит супостатов.

Недавно в журнале по-англ[ийски] описывалось, как отличились наши семь бегуниц в Париже на состязании с француженками. Наши пустили француженок вперед, а затем "заработали, как поршни магнитогорских машин" и лихо

промчались вперед, оставив далеко позади запыхавшихся француженок. Так и во всем.

"Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади! Русь, куда же несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь, посторанивaются и дают ей дорогу другие народы и государства". Гоголь сказал.

Почему Щусева вызывали в Почаев? Разве Лавра пострадала? Впрочем, много что пострадало и постепенно обнаруживается. В неповинную Помпею попали 163 бомбы. В Пизе пропала самая лучшая фреска в Кампо Санто. Она приписывалась Гоццоли, или Нардо ди Чионе, или Орканье. Постоянно в журналах мелькают мрачные вести. Уже до первой войны приходилось писать об опасности, что Европа, ценная своими реликвиями, может оказаться поддельной. Фальшивка Европа! — какая трагедия. И будущие поколения не будут отличать, где подлинное, а где заштопанное, загримированное.

А теперь и Индию посетила та же горькая судьбина. Несчастье, что часть мусульман в основу своих желаний кладут Коран, а сами давно забыли лучшие заветы своего учения. Мусульманские навабы-капиталисты поджигают темные массы. Множество невинно убитых, замученных, как в средневековье. Сколько жестокости! Сколько звериности! И непонятно им, почему мусульмане всесоюзных республик могут пребывать в мире без кровавого меча фанатизма. Разъясняли им приезжие делегации не только наши, но и египетская и иранская, но у навабов лбы крепкие.

Впрочем, не забудем, что и здесь имеются прогрессивные, культурные мусульмане, а также миллионы шиитов, далеких от зверского фанатизма. Напрасно навабы "мусульманской лиги" считают себя единственными владыками мусульманства. Но смущение умов велико. Все же Учредительному Собранию удается проводить многое основное. Так уничтожаются низшие касты, а затем придет и общее уничтожение каст. Таким образом пережитки начнут изживаться. Только уж очень трудно бедному Неру — лишь бы здоровье выдержало.

Душевный привет Тебе и всем Твоим от всех нас. Да будет Тебе хорошо.

Сердечно…

16 мая 1947 г.

Публикуется впервые

Аввакум (А.П.Х.)

Дорогой А.П., Аввакум на страже!

Сейчас прилетела Ваша весть от 22-4-47. Понимаем мы тревожащие Вас мысли. Иначе и быть не может, ибо сейчас весь мир в тревоге. Каждый день приносит людям новые смущения, и Вы чуете, что значит Армагеддон Культуры или за Культуру. Но пока что Культура лишь страдает. Приложу копию моего письма в Тяньцзинь — те же мысли, те же ожидания. Вот от Рудзитиса в Америке получена осторожная малая весточка — жив и на прежнем месте, а от Гаральда так ничего и не последовало. Предложили мы друзьям их пока более не тревожить. Кто знает, каковы условия? Всегда нужна заботливость о друзьях, а теперь особенно.

Вот и к Вашему кругу выказывайте душевную внимательность. Всем им трудно, каждому по-своему. Как называть Вас? Да пусть и называет каждый по-своему, а Вы будете большим другом, сердечным другом для всех их. Мы слышали лишь о семи, а Вы говорите четырнадцать. Кто же они? Кто Ребров и чего ради он мучает себя постами? Где Жильцов? Кто и на какую работу уехал в Австралию? Бедняга, которая пошла в бар, но ведь и голод не тетка. Жалеть, жалеть нужно. О чрезмерных постах можно напомнить сказание о Будде. Благословенный пришел к отшельнику, проведшему четверть века в устремлении, и спросил, много ли и что он достиг. Тот указал на реку и сказал: "Могу перейти ее по воде". Благословенный подумал, насколько проще было бы построить плот. Жаль, что сейчас еще невозможно издать "Надземное". Вы пишете, что письма Е.И. переписывают, а где-то лежит все издание (если не уничтожено изуверами). Мои книги в Индии вышли — "Химават", "Радость искусству", "Прекрасное единение". Печатаются: "Героика", "Искусство жизни", "Алтай", "Обитель Света" и готовится "Мир". Кто знает, когда это все выйдет? Теперь все так изменчиво.

Да, все так изменчиво. Хорошо, что Вы сейчас не передвигаетесь — все к лучшему. Хорошо, что Вы показываете письма лишь в частичных копиях. Никогда не знаешь, куда занесет ветер летучий листок. Мог бы Вам послать копию еще одного письма труженицы из другого города, но все та же безрадостная жизнь. Всюду безрадостно, всюду тяжко трудящимся. А новые богачи считают награбленное в десятках миллионов. Пропасть еще расширилась. Приложу копию недавнего письма Грабаря. В нем отмечена отвратительная

русофобия в Америке. Такое безумие может довести до неслыханных бедствий. И не только правительство, но народ в нем участвует. Новая фаза Армагеддона надвинулась. Давно Указан нынешний год как особо значительный. Спросите, как — хороший или худой? Но Вы знаете, как из худого происходит хорошее, а так называемое хорошее может довести до худого. Лишь бы Сердце работало и стремилось к Добру. Сердце-то не обманет, где Добро.

От Бол. я не получал письма на помянутые Вами темы. И что сказать? Всякое насильственное истязание неуместно. Голодовку — ни к чему, а умеренность нужна. Голодовка не помешала Суворину драться с отцом на улице перед редакцией "Нового Времени" в Эртелевом переулке. Значит, для него самого голодовка не улучшила его сущность. К чему же высокие рассуждения, если они не возвышают мышление и звериность только ждет безобразного выхода? Всегда поучительно следить, как писатели высоких книг ведут себя в частной, домашней жизни. На эти темы можно бы написать поучительные книги.

В одном из Ваших прежних писем Вы справедливо восклицаете: "Скорей, скорей! Если что должно случиться, пусть оно произойдет скорей". Вся эта часть Вашего письма включена в мой очерк "Цивилизация". Ваш дух предчувствовал, что многое должно случиться, и оно случилось в мировом размере. Вот и теперь надо повторить Ваш душевный зов: "Скорей, скорей!" Но у Космической Справедливости свои сроки. И во благо мира они не могут быть извращены. Но правы пахари Культуры, восклицающие: "Скорей, скорей!" А пока проведем еще одну борозду каменистой пашни. Помню из давнего прошлого, как, проезжая по Эстонии, мы были удивлены особым шуршанием при пахоте. Оказывается, почва была насыщена измельченной плитою. Но все же хлеб урождался хороший. Труд дробил камни. Камни рождали хлеб.

Вы правы, отмечая, что Зинаида Григорьевна Фосдик является замечательной неутомимой деятельницей на пашне Культуры. Свирепая русофобия в Америке создает трудные условия работы. Преодоление таких трудностей должно быть приветствовано. Люди думают, что Америка — "золотая гора", но эта медаль имеет обратную сторону и очень мрачную, особенно сейчас для русских. Вы пишете о скверной атмосфере в Шанхае, а где она хороша? Хорошо, что Вы получили три брошюры "Знамени Мира". Кто-то из семерки общался с молодыми китайцами, значит, ему брошюра пригодится. Может быть, и еще друзья Культуры найдутся. Если Вам потребуется еще, напишите З.Г. — у них было достаточно. Дайте и в библиотеку, и в

китайскую, и в прессу. Здесь образовался внушительный Комитет "Знамени Мира". Предположено принятие правительством. Но уж очень неспокойно, сложно здесь. Ну да из газет знаете, как жестоки мусульмане.

Передайте наш сердечный привет Е.С. и М.И. и всем четырнадцати. Кстати, перечислите их — ведь мы знали о семи и они подписывались "семь я". Пусть теперь в семье уже четырнадцать — добрый рост! Пишите, любим Ваши письма.

Радоваться Вам.

24 мая 1947 г.

Публикуется впервые

Радоваться

Письма Зины от 2 и 8 Мая. Все сведения печальны, как никогда. Начнем с меньшего. В Австрию пока не пишите, а то опять что-то нежелательное возникнет. Не посылайте Т.Г. — у нее есть жилье и работа. Вам самим не до того. Бедный Илья! Каково на восьмом десятке искать работу! Удивительно наблюдать, как теперь при безлюдье не дорожат опытными, знающими деятелями. Так повсюду, а в результате падение Культуры. Посылаю копию письма Г[рабаря] о русофобии. Мы не знали, что Коненкова считали душевно больным. Слышно было, что он выпивал. Конечно, выпивка и безумие живут рядом.

Теперь самое печальное. Не ожидали мы и не могли ожидать такого от Ж. Вот тебе и Учение! Вот тебе и Культура! Полагаем, что разделы должны происходить справедливо, поровну. Старинная история повествует: некий отец хотел разделить имение между двумя сыновьями. Он поручил одному сыну разделить имущество пополам, а другому взять себе любую половину. Да, да, именно поровну! Если Д. по сыновней любви предоставлял матери временное пользование своей частью, это не значит, что он хотел ее лишиться. Ж. отлично знает, как жертвенно относится Д. к делу Учения, к Культуре. Ж. сам является участником культурного дела и понимает (или должен понимать) значение этих дел. Не может же он нагрузить на себя карму отступничества. Иначе это не отвечало бы всему, что он писал за все эти годы. Нельзя творить одной рукой и разрушать другой. Закон причины и следствия непреложен.

Да, такого печального сведения в Ваших письмах еще и не бывало. Бывали ужасные сообщения о проделках гангстеров-предателей, но ведь на то они и гангстеры. Можем представить, как тяжко переживает это Д. да и Вы. Право, точно мир обезумел. Люди изучают Высокие Ученья для того, чтобы нырнуть в бытовое болото. Но какое же значение имеет бездумное чтение Книг, если на первом жизненном примере все летит в бездну? Передайте от меня Жину его прекрасную статью о пробуждении Сердца. Неужели не поймет?

Посылаю Вам еще пять Конланов. Жаль, что, как Вы писали, нельзя посылать больше пяти. Удивительно, что даже в таком малом деле все осложнилось. Вряд ли Вам удастся столковаться с "Китабистаном" о "Химавате". Лучше будьте в сношениях с "Китаб Махал", где издается "Героика". Там же будет и "Арт оф Ливинг". Адрес "Китаб Махал" я Вам уже дал. Письма от О., о чем Вы пишете, граничат с безумием. По возможности, прекращайте

такие переписки. Шауб-Кох всегда дельно откликается. Конечно, следует еще послать "Знамя Мира" ему и указанным им деятелям. Хорошее письмо Санджива Дев, но не понимаю, что именно он надеется найти для себя в Америке — опять Майя! Между тем культурные силы так неотложно нужны здесь, в Индии. Тампи продвинулся в Траванкоре и назначен "ассистент директор оф информешен". А вот потеря для "Знамени" — директор Пан-Американ Юнион д-р Л. Рове убит автомобилем. Был хороший друг Знамени. Узнал это я случайно, а сколько потерь еще!

Очень показательны статьи об Уоллесе. Зорко следите за происходящим.

Здесь неспокойно, сложно.

Само правительство предупреждает желающих ехать в Индию — не ездить. Вот в Амритсаре в битве толп брошено много бомб домашнего изготовления. Радио отмечает с беспокойством, что такая техника применена впервые. Ганди заявил, что страна из иностранного управления впадает во власть хулиганизма. Заявления Ганди — Джинны не подействовали. Да, последователи Джинны вряд ли послушают словесных увещаний. По-видимому, Коран ими понимается наизнанку. Все слова о терпимости отвергнуты озверелыми двуногими. Этот зоологический тип очень опасен. В Гималаях пока спокойно. Но даже в таких укромных странах, как Непал и Тибет, бурлит. Конечно, сведения оттуда труднодосягаемы. Второго Июня здесь должны произойти важные новости. Эти дни люди гадают "на рафлях и в зодеях", и каждый ждет чего-то.

Московское радио передавало о концерте Шостаковича в Нью-Йорке. Перечислялись присутствовавшие, среди них Кусевицкий. Поймем, что он, будучи советником АРКА, представлял и нашу организацию. Так и отметьте себе, что АРКА была представлена Кусевицким. Из копии моего письма к Г[рабарю] Вы видите мои сетования о том, что ВОКС друзей забывает, на вопросы не отвечает. Ведь Ваши вопросы остаются втуне, и это не полезно для развития культурного дела. Очень жаль. Сотрудники могут отстраняться, видя, что их искренние попытки сближения заброшены, отринуты. Так уже и бывало. Мы не можем изменять характер людей, и остается лишь отмечать полезное и неполезное и неутомимо пахать поле Культуры. Стучитесь и откроется. Очень рады будем получить годовой отчет АРКА и ее месячные письма. Пошлите Грабарю, в Гос[ударственную] библиотеку и в Академию Наук.

К довершению еще голод ожидается. Слишком рано высчитывают урожаи, а тут нагрянет засуха или зерновые болезни, и все преждевременные расчеты рушатся. Вот и у нас

предполагался урожай яблок, но пришла засуха, и все обваливается. Что останется от урожая? Так теперь и во всем. Уже вполне налаженное вдруг рассыпается, а совсем нежданное стучится. Никаких точных распределений делать нельзя. Пришел Ваш пакет со статьей об Уиде — обычный местный стиль, но значит им дорожат или он дорого вносит? Марина Туккер писала, что она поступила в то же общество. Помните, как их покойный председатель писал, что он познакомился со мной в Палестине (где я никогда не был). А теперь редактор лондонского журнала "Научное обозрение" пишет, что высылает мне журнал бесплатно в память наших встреч в Палестине. Какая-то заморока! А в Маньчжурии на Сунгари видели меня ходящим по воде. Конечно, и на недавней Азийской конференции в Дели меня видели. Уж эти "очевидцы"!

Так или иначе, все мы переплывали через многие стремнины. Коли все рассказывать — не поверят. Вот и теперь переплывем и доплывем. Всякие русофобии не страшны, когда доподлинно знаете их причины и прозреваете их конец. Ждется, быть может, Ваше следующее письмо будет радостнее. Хоть что-нибудь радостное стрясется.

Радоваться Вам.

Только что я написал "Радоваться Вам", как прилетело Ваше письмо от 14-5-47, и много чему следует радоваться. Сведения об Украинском и Московском ВОКСах хороши. Идея конкурса для молодых художников СССР очень хороша — действуйте. Хорошо письмо о картинах в Риге. Карпани — изберите. О Шастри мы разузнаем. Коли хотят в Италии избирать поч[етным] академиком, пусть себе избирают. Де Лара брошюры пошлите. Семья Теодора Рузвельта была антирусская. Сведения о рус[ском] павильоне из советских газет. Пусть и у Дедлея все сложится ладно.

Радоваться Вам.

1947 г.

Публикуется впервые

Из переписки

Дорогой друг Николай Константинович,

Только на днях отправил Тебе письмо, а сегодня мне привезли из города Твое письмо от 24-3 со снимками с Твоих портретов, на которое и отвечаю. Глядя на Твои портреты, особенно последние, особенно 1937 г. и еще ранее присланный на фоне Гималайских гор — фото с натуры, — я прихожу к заключению, что люди, как все живые существа, населяющие вселенную, явно приспособляются к окружающему их миру, принимая и отражая в своем облике неуловимое нечто от него: Ты выглядишь сейчас прямо гималайским мудрецом. Не знаю, был ли Ты в Скандинавии норманном, а в Америке американцем? Спасибо за эти снимки.

Как видишь, я перешел на систему самостоятельной индивидуальной переписки, без посредственной воксовской канители: там проходят сотни тысяч писем и длиннейшая задержка в их отправке естественная. Твое письмо от 24-3 пришло ко мне на квартиру уже дней 5 тому назад, но не было лишь случая доставить его сюда, следовательно, оно шло 28 дней.

Американская русофобия-свистопляска может привести к новой мировой катастрофе таких масштабов, что не уявим, что будет. Одна надежда, что мы не доживем. Вот и Бенуа, узнав о смерти Лансере, пишет мне иеремиаду: мы последние могикане, осколки давным-давно канувшей в лету эпохи. Караваева хорошая советская писательница-беллетристка. Щусев ездил в поминаемую Тобой Почаевскую лавру по приглашению киевских властей для каких-то восстановительных работ.

А вот сыновья у Тебя что надо, один, как другой. Святослав — знатный портретист, серьезный и глубокий.

Сердечно Твой

И. Грабарь.

Публикуется впервые

Друзьям "Знамени Мира"

Дорогие друзья! Порадуемся.

Вам привет от Гималаев. Образовался Комитет "Знамени Мира". В журналах появляются статьи и добрые отзывы на новую брошюру. Раздаются голоса о принятии Пакта Правительством. Несмотря на повсеместное напряженное состояние, радостно отметить, что общественность заботливо отзывается на защиту сокровищ Культуры.

Мы уже не раз говорили, что никакие Указы не создадут Культуру и не защитят ее, если общественность будет безразлична и бездеятельна. Культура есть выражение всего народа. Защита и возвышение ее есть всенародная обязанность. Положение Культуры на Земле за малыми исключениями весьма неудовлетворительно. Варварские разрушения, непоправимые уничтожения, унижение человека происходили на глазах у всех. Кто-то негодовал, а кто-то не уделял внимания происходящему вандализму. Многие вообще не отличали Культуру от механической цивилизации.

В школах, в народных школах понятие Культуры не произносится, и кто-то предполагает, что это нечто от агрокультуры или спорта. Не говорится, что долгожданный Мир придет через Культуру. В семьях разговор о высокой Культуре считается скучным. В людских собраниях упоминание о Культуре граничит с неприличием. По-прежнему толпа требует: "хлеба и зрелищ!" Да и как забыть о хлебе, когда изо всех углов угрожает голод. Но ведь давно сказано: "не о хлебе едином жив будет человек".

Мы уже говорили о неотложности привлечения к культурной работе молодежи и женских организаций. Некоторые простаки думают, что если Министерства народного просвещения существуют, то народу нечего помышлять о Культуре. За него кто-то все сделает. Но Культура есть дело всенародное. Творится она всенародно. История всех веков и народов учит, как из толщи народной расцветала Культура, плодами которой восхищается человечество. Но и одичание не дремлет. Скелет уничтожения всегда готов протянуть костлявые пальцы для удушения всего устремленного к светлому будущему.

Задолго до Красного Креста были больницы и врачи, но потребовался призывный, объединяющий символ, и никто не будет отрицать, что Знамя Красного Креста сослужило всенародную пользу. Народу нужно Знамя, нужен ободряющий призыв, особенно теперь, в век народоправства. Вот и Знамя Мира

напоминает народу о нужнейшем — о Мире, о Культуре. Даже самое малое предприятие имеет свой знак. Опытные деятели весьма дорожат своим знаком и чтут его как угловой камень предприятия.

Знамя не есть пустой звук, но есть зовущий благовест к совместному, бодрому сотрудничеству. О между народности, о всенародности говорят. Ждут ее как панацею. Знамя Культуры пусть развевается над каждым культурным очагом. Оно повелительно скажет вандалам: "Не тронь — здесь всенародное достояние!". Только что на наших глазах погибли многие мировые сокровища. Гибнут они и в дни войны и во время так называемого "мира", среди всяких столкновений.

Обо всем этом мы уже писали и взывали. Но время полно напряжения и народных движений. О Культуре опять нужно говорить. Из словарей всех языков нужно найти самые зовущие, самые убедительные слова. Сердце человеческое хочет Мир. Сердце человека поймет зов о Культуре, о светлом содружестве и сотрудничестве. "Знамя Мира", "Знамя Культуры" победно развейся над сокровищами всенародными! "Мир через Культуру".

Скоро полвека, как мы боремся против вандализма. Но чудище невежества растет на глазах. Народы и правительства должны неотложно принять меры к ограждению сокровищ общечеловеческих.

1 июня 1947 г.

"Зажигайте сердца"

Грабарь (13.07.1947)

Дорогой друг мой Игорь Эммануилович,

"Чудеса!" Твое письмо от 31-5-47 уже здесь 13-6-47. Такое ускорение неслыханно. Спасибо за многие добрые вести. Спасибо за книги Козина — в Твоих руках дело верное. Спасибо за весть о картинах, хорошо если они в Музее Горького. В рижской "Монографии" почему-то выпустили общее название серии, и они там, начиная от "Шамбалы" до "Майтрейи". Вольтер их видел в 1926-м, о нем я хорошо вспоминаю, привет ему. Картины были оставлены в Москве для передачи в Третьяковку.

Ты прав, с бедным реализмом сейчас заморока. Раздирают его с одной стороны "сюрреалисты", с другой — "сверхреалисты". Этак, пожалуй, и Тебя и Левитана не признают реалистами. А уж мой "Мстислав Удалой", "Богатыри", "Партизаны" — куда уж тут! Да и Гималаи — реальны ли они вообще? Если посоветоваться с Пикассо, он разъяснит совсем неожиданно. Святослав очень рад Твоим словам о его портретах. Собирается послать Тебе несколько фото.

Рады были мы узнать, что Ты знаешь Татьяну Григорьевну. Чем больше добрых нитей — тем лучше. Всеволод Н. Иванов — тот самый, в Хабаровске. Способный, знает Восток и русскую историю. Он у места на Дальнем Востоке и может правильно расценить события. А ведь Восток — сплошное неизбывное Событие.

Сейчас идет вивисекция Индии, чтобы потом опять разбежавшиеся ртутные шарики вновь слились. Такова жизнь. Сколько приходилось толковать о дружной жизни наших республик, но очень редко кто-то понимает это. А мусульмане даже не верят, что их единоверцы могут мирно жить с соседями. Пишу часто о Культуре, о Мире через Культуру, и эти призывы здесь более чем своевременны. Если бы Ты знал, сколько тут, можно сказать, на глазах разрушено. Не помню, писал ли, что в Хайдерабаде при разгроме мусульманами "Шах Манзил" среди прочего сгорело одиннадцать моих и Святослава картин. Выходит, одной рукой пиши, а другой записывай потери. Ну, да мы уже привычны к потерям, к уничтожениям. В Белграде было семь картин и одна во Дворце, но там все изменилось, люди переменились и даже спросить некого. В Загребе были десять картин и была там Академия Наук — жива ли? Со времени войны перестали присылать отчеты и труды. Впрочем, и многие французские общества замолчали, а ведь адрес у них имеется. Но ведь не скончались же научные и художественные общества?

Недавно пришла весть, что Аксель Галлен жив, в Финляндии. А у меня лежит письмо о его смерти в Новой Мексике — вот и реши, где правда?

Пожалуй, теперь скоро Ты полетишь в облет Твоих экспедиций? Судя по радио, на Руси прохладно, но здесь Май и Июнь стоят необычайно жаркими и сухими. А русофобия американская продолжается. По-видимому, там не только русофобия, но и бешенство прессы. Только что читали слова одного индуса о журналистах в Америке — называет их дьяволами. Сколько клеветы, сколько вреда сеется такими бешеными чертягами! О последствиях они и знать не хотят. Легко развести сорняки в огороде, а потом поди — извлеки.

Где теперь живете? В Абрамцеве или еще в Москве? От нас всех душевный привет.

Сердечно…

П.С. Как адрес Вс. Ив. в Хабаровске?

13 июня 1947 г.

Публикуется впервые

Преодолеваем

Прилетело Ваше письмо от 17-5-47 с приложением нелепой статьи об Уоллесе. Автор так запутался в изложении, что скоро нельзя будет понять, пишет он за или против. Конечно, к такому автору приближаться вообще невозможно, и Зина отлично это понимает. Вы уже имеете нашу телеграмму об этом. Продолжайте зорко следить и в случае чего сообщите нам. Послал Вам письмо из Африки. В нем поминается какая-то Садие Ставе — не знаю такой. Странное дело, если автор письма не может переслать Вам денег за книги, то почему он не закажет их через какой-нибудь магазин в Лондоне, ведь магазин нашел бы пути в Америку.

В той же почте было письмо Мориса. Радуется своими учениками. Вспоминает, что в его студии в Санта Фе висели мои картины. Где же они теперь? Хюита больше нет, и связь с Санта Фе пресеклась. Помнится, там было что-то в Музее. В Августе Морис думает быть в Санта Фе. Хорошее письмо от Валентины. Между прочим описывает последнюю симфонию Стравинского, очень она ей не понравилась. Неужели Стравинский впал в грубую "современность"? Жаль, если он заключит свое творчество диссонансом. Совсем замолк Судейкин. Не понимаю, что случилось с Роквел Кентом и почему он не ответил на письмо Дедлея? Он ведь получит отчет АРКА. Впрочем, причины умолчаний бывают совсем неожиданны. Можно назвать многих, кто умолкали, а потом вдруг оказывались деятельными.

В журнале "Комрад" хорошая статья о "Знамени Мира". Думаем, что ее писал Рашид Хусаин. Пошлю Вам для Вашего архива. Получили любопытное письмо от одного из членов общества. Он попал в немецкую оккупацию. Был арестован за участие в запрещенном обществе Рериха. Был допрашиваем в Гестапо и выпущен под расписку, что более не будет заниматься запрещенными делами. Книги от него были отобраны. Как Вам нравится запрещенное общество! Какие еще "чудеса" придется услышать? Поминает, что Клизовский погиб. Только подумать, что пришлось пережить мирным гражданам в оккупации!

Я уже послал Вам адрес Глеба В. Дерюжинского. Он, Добужинские и Ильяшенко прислали нам пасхальный привет. Теперь иногда получаются коллективные письма то из Праги, то из Шанхая. Не слыхали ли Вы, что делает Добужинский в Нью-Йорке? Насчет Шастри обождите с его выборами. В Вашем Комитете Индия очень полно представлена, а здешний Комитет уже закончен и отягощать его не следует. Так что пока промолчите. Другое дело Карпани, ибо Италия еще не была

представлена. Удивительно, отчего от Мадахила нет вестей. Ведь Фонтес получил журнал из Коимбры с постановлением Комитета, чтобы Мадахил вошел в сношения со мной о задуманной ими галерее. Подождем. Впрочем, вся Европа теперь обезобразилась, и конца краю не видно.

Отдельно послал Вам мое обращение к друзьям "Знамени Мира", прося перевести и прислать нам. Можете использовать его и у себя по усмотрению. Здесь оно пойдет по журналам и газетам. Сейчас настолько сложное здесь время, что невозможно утруждать правительство чем бы то ни было, хотя бы и очень хорошим. Но должно продолжать напоминать в прессе, чтобы добрый знак все время был на виду, чтобы к нему привыкали. Вот почему и Вы не упускайте ни малейшего случая напомнить о Знамени. Увы, люди привыкли, чтобы им твердили в оба уха. Очевидно, привычка — великое дело, иначе житейские мудряки не стали бы тратить миллионы на объявления. Сейчас люди еще не забыли о недавних разрушениях, а потом и это зарастет. И будут нарастать новые вандализмы.

Нет ли у Вас несколько белых книг о Пакте? Первая, печатанная во Франции, вторая, изданная после Вашингтонской Конференции и третья (маленькая) — после подписания Пакта. Все три очень пригодятся для здешнего правительства. Может быть, они имеются среди книг на складе у Катрин? Рано или поздно необходимо узнать, какие именно там книги. Если зимой было холодно их разобрать, то ведь теперь лето. Как же использовать эти издания, когда вообще неизвестно, что на складе имеется. Хуже всего неизвестность.

Валентина прислала вырезку из советского журнала "Костер" в Праге с моим листом "Сад". Прислали нам целую пачку лондонских "Дейли Миррор". На каждой странице убийства, кражи и всякие аморальности. Диву даешься, до чего докатилась Англия. Здесь газета сообщает, что британский винг-коммандер[166] подделал подпись вице-короля и получил два с половиной миллиона от непальского главнокомандующего. Американский полковник в Токио ограбил банк на десять миллионов драгоценными камнями. Присужден к десяти годам каторги, а мелких грабителей вешают. Последние газеты сообщают, что три тысячи сов[етских] граждан в Америке запросили бумаги о выезде. Слышали ли Вы о таком исходе? Весьма показательно. У нас опять почта испортилась, опять беспо[167]… буйства, уничтожено несколько храмов, а ведь в каждом было нечто ценное. Опять мусульманский вандализм. Вот так хроника! Скоро полвека, как боремся против вандализма, а чудища невежества растут, как поганые мухоморы. Хотелось бы

видеть два сильнейших, суровейших закона — против клеветы и против вандализма. И то и другое равняется убийству.

Вы уже имеете нашу телеграмму касательно покупки дома. Каждое такое приобретение накладывает новые тяготы. Ведь дом надо содержать, надо иметь человека вроде Панасенко, надо найти жильцов только на зимнее время, надо потратить последние ресурсы. Так, часто легко купить, а продать весьма трудно. Сколько таких случаев знаем. Ведь и домашние дела Дедлея еще не уладились. А насчет жильцов знаем немало случаев, когда вся обстановка бывала вконец испорчена, а идти в суд толка не выйдет. Пословица гласит: "Купил быка, а остались одни рога". У Вас, вероятно, так же трудно с людьми, как и здесь.

Прилетело Ваше письмо от 23 Мая. Замечательны Ваши сообщения о вице-консуле, о ВОКСе. Значит, где-то что-то задвигалось. Правильно Вы говорили о разрушении Русского Дела — Музея. Именно указывайте на мерзкую русофобию и на жульничество Хорша и его покровителя. Да они разрушили Русское Дело — пусть об этом знают, пусть твердо знают. А теперь будем на сторожевых башнях. Хорш не только грабитель, но враг Культуры, и министр содействовал ему в вандализме. Какой позор! Хорошо, что Вы крепко говорили о разрушении Русского музея.

Жаль, что бургомистр Брюгге не перечисляет, кто в Совете Музея. Очевидно, от них будет еще письмо. Краски (в порошке) и холст еще не получены — удивительно долго. Уж не пропали ли? Много пропаж. На днях сообщали, что на линии Бомбей — Калькутта сгорел (или сожгли) целый вагон с ценными посылками. Да ведь и во всех воздушных кораблях, которые погибают по семи штук в день, бывает почта. Даже "Император" потонул. Морис Вам поминал Галлена. Но разве Галлен жив? Не сын ли Галлена поминался? Несколько лет тому назад Вы писали о смерти Галлена в Нью-Мексике. Интересно выяснить, которое сведение верно. У Галлена была одна моя картина; не слыхал, чтобы у него было две. Жизнь! Для меня Галлен давно умер, а для Галлена, может быть, я уже давно переселился в Надземный Мир. Буду рад, если Галлен жив. Как колонны храма, еще стоят Бернард Шоу, Сибелиус, Метерлинк… Вы уже получили страницу из бомбейского журнала с триптихом Святослава "Распятое человечество". А другие найдут, что распятая Индия. Получилось пророчество, ибо журнал вышел 1 Июня — накануне исторического 2 Июня. Скажут: "Черчилль доволен, — комментарии излишни". Приложу письмо Бабенчикова — хороший друг. Письмо его от 15 Мая, потом была весточка Т.Г. от 23 Мая, а вечером 25 Мая из Москвы радио: "У нас большой день:

привезли первую партию соловьев". Затем ставили пластинку с пением соловья. Все это запомним.

Московское радио поминало Терещенко. Их миссия была во Львове — должно быть, на возвратном пути. Он привезет Вам новости. Еще письмо Валентины: с восторгом описывает восьмую симфонию Шостаковича. Радуемся, когда великие мастера нашей Родины так искренно приветствованы. Так и пройдем — по большим вехам. Теперь все особенное. Вот и Ваша телеграмма о приходе писателя тоже особенная. Подождем последствий. Вторая Ваша телеграмма о писателе. Ответ наш уже имеете. Можно только добавить, что, бывает, из самого худшего иногда и хорошее получается. Очень пристально наблюдайте. В военном деле существует приказ: "Тревожить неприятеля!" У нас один враг — невежество, вандализм. Вот это мрачное чудовище и надо тревожить всеми мерами.

Жарко у нас — 92. Е.И. нездоровилось. Напряжение, возгорание центров, так что и машинку пока пришлось оставить. Засуха! Иссушающие ветры. Пыль из нижних пустынь.

Прилетело Ваше [письмо] от 31 Мая—1 Июня. В нем две стороны — темная Пеглер, светлая — доброе соглашение Дедлея. Мы душевно рады сердечному семейному согласию. В темных ходах Пеглера хуже всего его намерение посетить всю шайку и даже самого Уоллеса. Ведя компанию против Уоллеса, что же он надеется получить от него самого? Очевидно, уже появилась следующая и более отвратительная статья.

Итак, будем преодолевать. Духом с Вами.

П.С. Благодарю. "Кобальт" сейчас пришел.

Июнь 1947 г.

Публикуется впервые

Украина

Время-то летит! Полвека, ровно полвека минуло, как у нас на Васильевском острове против Николаевского моста зачиналось Общество имени Т.Г. Шевченко. Дид Мордовцев, Микешин — целый круг украинцев и почитателей Украины и ее славного певца собирались у нас под председательством моего отца Константина Федоровича.

Микешин, поглаживая стрелки усов, улыбался: "Вот этакое славное дело запрещают! Ну, да к Вам, друже, не доберутся, Вы юрист — Вы выведете на верный путь". Писали Устав, сходились, беседовали о будущих выступлениях, предполагали издать "Кобзаря" с иллюстрациями, читать лекции о творчестве Т.Г. Во время собраний Микешин набросал портрет К.Ф., и все вокруг подписались. Этот лист хранился в моем архиве, может быть, был у моего брата Бориса в Москве. Надеюсь — сохранился.

Мои связи с Украиной завязались давно. Гремела труппа Кропивницкого. Заньковецкая, Саксаганский — целая даровитая семья, и чопорный Питер восчувствовал. Украинские песни восхищали, точно бы новая находка. В Академии Художеств всегда было много украинцев, и мы жили дружно.

Первое впечатление было в Киеве, где мы остановились по пути в Крым. Был яркий праздничный день, я пошел на базар. Тогда еще базар был истинно гоголевским сходбищем. Прекрасные плахты, мониста, шитые сорочки, ленты, ну и шаровары, "як сине море". Накупил плахт, всякой всячины, наслушался звонкой певучей речи и навсегда сохранил память о бандуристах.

Потом уже в Академии, на украинском вечере, ставил живые картины из "Кобзаря" по эскизам Микешина. Подходит сотрудник "Новостей": "Вы ведь уроженец Украины"? Говорю: "Нет, я питерец". "Ну, я все-таки скажу, что вы украинец — картины-то удачны, видно, любите Шевченка". Так я и оказался украинцем. Впрочем, ранее, когда на кавказском вечере я ставил картины, таким же образом я оказался грузином. Биографам — заморока!

Вот и теперь в Гималаях, когда радио дает "Запорожца за Дунаем", яркой, красивой чередой проходят картины Украины. Встают образы Шевченко и Гоголя. И дружба, сердечное дружество сплетается с созвучиями Украины. Да, великое благо — братство народов. Там, где упало такое зерно плодоносное, уже будет жить мысль о мире, о сотрудничестве, о геройстве и самоотвержении. Лишь бы посеялось зерно Братства.

Не знаю, жив ли мой портрет Гоголя в гимназии Мая —

рисунок на программе ученического спектакля. От первых классов возлюбили Гоголя, и запомнились слова Тараса Бульбы о товариществе: "Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство. Вот в чем стоит наше товарищество. Нет уз святее товарищества. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Нет, братцы, так любить может русская душа — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, что ни есть в тебе… Пусть же знают, что такое значит в русской земле товарищество!"

Вспомним лучшие слова о всех народах великой семьи всесоюзной. Пусть ничто злое не коснется всенародного строительства. Да осенит труд братский творческие достижения!

Украине — любовь и привет. От Гималаев сердечный привет Всесоюзным Народам.

17 июня 1947 г.

"Зажигайте сердца"

Монгольская песня

Славу Чингиса поем. Мудрости его пояс возносим. О народе думает хан, о силе, о богатстве, о славе народа думает Чингис.

Вот прослышал хан, что раздвоился сильный Тарбагатайский род. Этакий срам, два брата, два родные откочевали в разные стороны. Делят скот, угоняют коней. Разделили дружину и пошили разные знамена. Срам приключился.

Вот призывает Чингис братьев на пир. Пьют и едят, как бы ничего не случилось. После пира хан приказал принести свой саадак с длинными стрелами. "Постреляем в дальнюю цель". И выделил хан стрелку-свистунку, и попала она в дальнюю цель.

"А ну, теперь славный Тарбагатай, покажи древнюю славу рода!" Так говорил хан и вынул стрелу и как бы хотел дать старшему брату, но вздохнул: "Теперь раздвоились братья, — придется и стрелу раздвоить!" И сломал хан стрелу и подал каждому половину.

Сказали братья: "Разве можно стрелять сломанной стрелою?" Хан засмеялся: "И я думаю, что нельзя. Пропала стрела, пропала сила. Сохраните половинки и подумайте о себе, о славе Тарбагатая". Так устыдил хан братьев, и с той поры остался единый Тарбагатай.

24 июня 1947 г.

Н. К. Рерих. "Древние источники".

М. МЦР, 1993.

Дорогой друг Игорь Эммануилович

Чуял ли Ты, как мы радовались Твоей весточке от 12-6-47 с пригласительным билетом Академии? Ценны такие вести; не менее ценны и новости о раскопках у Симферополя. Только подумать, сколько чудесных открытий предстоит нашим ученым. А в прежнее время над нами потешались из-за статьи "Русь подземная" и "Неотпитая чаша". Поистине, неотпитая, и вот теперь приступила к ней молодежь.

Исполать! Исполать и Тебе, и Щусеву, и Орбели, и всем богатырям старшего поколения, которые направляют ладьи вдохновенных искателей по правильному руслу. Исполать и тем, кто не скупится дать достаточную казну на изыскания во благо всенародное.

И больно и смешно вспомнить нищенские средства, бывало, отпускавшиеся на нужнейшие исследования. Мы-то помним гроши, на которые даже копальщиков нельзя нанять. А волокита-то какая! Не один раз в конце концов я говаривал: "Лучше уж я сам как-нибудь обойдусь". А теперь несметное число всяких экспедиций, и каждая приносит ценную лепту в народную скрыню. А множество изданий, посвященных всем отраслям науки! По-видимому, меньше и всяких ссор и пререканий среди деятелей, а как мешали, бывало, такие склоки — спицы в колесницу.

Говорю по отрывкам, долетающим в Гималаи, а какое множество ценнейших сведений не достигает нас! То почта сплохует, то радио поперхнется, то корреспонденты замолкнут. На таких дальних расстояниях всяко бывает. Но и то, что доходит, дает величественную картину преуспеяния. Ну и радуемся!

И понятны всякие русофобии — зависть заела, корысть иссушила. Почему де столько дано всесоюзным народам? Почему отпущены им богатейшие недра? Почему в единой, необъятной целине обозначились несметные сокровища? Почему смелы наши народы? Почему единодушна семья всесоюзная? Откуда смекалка, откуда труд неустанный? Откуда непобедимая любовь к Родине? Все такие вопросы воспаляют желчь.

Не сознаются завистники, как злоба кипит, видя славные достижения. Такова уж некая человечья природа, взращенная на торгашестве, на обмане, на бессердечии. Даже не обидно слушать клевету, когда знаешь ее темные источники.

Здешние газеты отметили собрание Академии, посвященное Индии, а также избрание Рамана членом-корреспондентом. Радостно, что каждое внимание Москвы здесь дружески

отмечается. Надеемся, что и наши делегаты сохранили об Индии добрую память. Ведь соседи! И много чем Индия созвучит Руси. Чутки индусы и отзвучат на каждое братское отношение. Много раз нам довелось отмечать эту черту душевности. А между Русью и Индией никогда никаких обид не было. Среди международных отношений такое качество будет исключительным. Тем легче его продолжить и впредь.

Ты прав — Америка сейчас заняла неслыханно одиозное положение. Русофобия, нетерпимость выросли до безобразных пределов. Тем ценнее отмечать немногих друзей Советской Руси, работающих самоотверженно, под градом насмешек. Любопытно замечать, как малодушные бегут из организации, доказывая, что их интерес был ничтожен. Много чего в нашем архиве об Америке сложено. Лежит, пока час придет. И молодое поколение растет нездоровое. Журналы говорят о психических эпидемиях. В Индии американцы себя плохо зарекомендовали, даже доллары не помогли.

Как живет Юон? Что-то редко его деятельность отмечается. У меня к нему было доброе чувство. Сильный мастер и с широким кругозором — тоже старшее поколение.

Добрая весть. Сейчас Вся-Индия Радио сообщило, что послом в Москву назначена Виджая Лакшми Пандит, сестра Неру. Прекрасный, культурный человек, из лучших деятелей Индии. Такое назначение доказывает особую дружбу и уважение. Наверно, Москва ответит в той же мере.

Наш сердечный привет и старшим и младшим — все во славу Родины. Всем Твоим от нас всех душевный привет.

Радоваться Тебе.

26 июня 1947 г.

Публикуется впервые

Доплывем

Только что полетело наше очередное письмо, как прилетело Ваше от 2 Июня с Пеглером от того же числа. Он дописался уже до Распутина! По-видимому, забывает о своей задаче и сворачивает на русофобию. Конечно, публика никак не разберется в его мешанине, но русофобия уже кажет свои рога. Вместе с Вашим письмом прилетело письмо Грабаря от 31 Мая. Он поминает о свидании с Т.Г. — значит, они знакомы, но ранее ни она, ни он не говорили об этом. Также он поминает ВОКС, но ничего о поручении ВОКСа вице-консулу — о приобретении картин. Упоминает, что мои картины, привезенные нами в Москву в 1926-м, оказались в "Горках" в Музее Горького (там Горький и умер.) Но каким образом оказались они у Горького, он не знает. Поистине, неисповедима судьба книг и картин. Оказывается, он в переписке с Всев. Ивановым — теперь в Хабаровске, в ТАССе. Мы рады, что Иванов жив и работает. Он знает Дальний Восток, именно там он может быть ближайше полезен.

Не помню, вернул ли Мясин эскизы "Половецких плясок"? Они очень пригодятся для выставки у Вас, напоминая о дягилевской антрепризе. Русь должна хорошо поминать Дягилева, прорубившего для русского искусства славное окно в Европу. Рад, что мой лист о Дягилеве обошел здесь с полдюжины журналов и включился в "Химават". Так мы должны отвечать на злобную, невежественную русофобию. Иначе опять получится ярость сил темных и робость деятелей Культуры. Мой лист "Самоотвержение зла" обошел много журналов и газет — тоже своевременное напоминание. Хороший бомбейский еженедельник "Сошиал Уэдфер" перепечатал мой очерк "Не убий!" — тоже своевременно.

Кажется, здесь будет принят титул: "Союз Штатов Индии". Это правильно. Сложное, трудное время здесь. Особенно вредят единению зверские мусульмане. Здешние навабы какие-то особенные по своей непримиримости. Сколько горя и безумных затрат принесет их "Пакистан"! А по-русски это значило бы: "Еще стан", ведь паки — еще. Когда-то это "еще" опять рассосется. А пока вместо культурно-поступательного движение это "еще" только мутит народ и мешает культурным деятелям. Всюду истинное продвижение нелегко дается. В Августе много событий.

Вместо одного доминиона получится сразу два. Пока что в Лагоре, в Амритсаре не прекращаются убийства, поджоги. Говорят, что Амритсар имеет вид хуже Лондона после всех бомбардировок. Вот и скажите, что "Знамя Мира" не нужно.

Помните, до войны у меня был лист "Мир в маске" — было своевременно. Теперь следует написать "Мир в кандалах" — будет точное отображение мрачной действительности. Пересылать ничего нельзя, денег перевести нельзя, а если и можно, то с непреоборимыми трудностями. Все нельзя. На все нужно специальное разрешение. А поди достань его. Сапоги сносишь — не дойдешь. Так "мир в кандалах" оказался. Уж не бессрочна ли каторга? Впрочем, бывало, ямщики говорили про рыхлую кладь, отправляясь в дорогу: "Нича-во-о — утрясется!"

Посылаю Вам копию письма из Брюгге и мой телеграфный ответ. Пусть действуют. Выберите Вебеке в Комитет от Бельгии. Пошлите им 20 брошюр для полезного использования. Было еще письмо из ЮНЕСКО — театрального отдела. Просили совет о Международном Театральном Институте. Пожелал им всякого успеха. Но не знаю, как бы у них не вылилось в чиновничью затею. Им бы Дягилева нужно.

Интересно, что Вам привезет Терещенко. Теперь во главе Украины Корнейчук — талантливый писатель, культурный. Может быть, с ним Вам удастся иметь хорошие, деловые связи. Посылаю Вам мой диет "Украина" — перешлите Корнейчуку. Удивительно, сколько добрых воспоминаний столпилось около Украины.

Пришел готовый отчет АРКА. Все мы радовались. Хорошо составлен, хорошо издан. Надо думать, вызовет добрые суждения. Среди всяких пеглеров, среди ненавистничества и клеветы, среди бешеной русофобии творится культурное гуманитарное дело. Пробивается источник целительный. Многие ли скажут спасибо? Наоборот, зашипят многие. Вся херстовская желтая пресса, наверно, ругалась бы. Конечно, похвала всяких пеглеров горше их ругани. У нас, бывало, говорили: хорошо если Буренин разругает, а вот коли похвалит, тогда что будет!

А вот и очередной Пеглер прикатил с Вашими письмами от 5–6 Июня. Эх, Америка, Америка! Сколько добрых мыслей и намерений было направлено нами туда. Немало в ней хороших людей, но страшно становится, как вспомним о мрачном воинстве гангстеров, клеветников, невежд, о линчевании, о всевозможных преступлениях, охвативших уже и молодое поколение, о преступной прессе, о всяких грязебросах вроде Пеглера. Теперь он восхваляет Уоллеса и сворачивает на русофобию. Конечно, к адвокату нечего ходить, да такого и нет. Письмо Зирк[ова] очень хорошо. Друзья могли бы посылать подобные письма Пеглеру, а копии Вам. Видимо, Пеглер забыл, что Хорш был моим фидусиари[168] и ложно донес о налогах, которые экспедиция и не должна платить.

Еще телеграмму мы Вам не посылали, ибо могли бы лишь повторить предыдущую об осторожности с Пеглером. Если бы было общественное мнение, оно могло бы возмутиться, но в Америке его нет, и мы вполне сие испытали. Во что выльет Пеглер свои мерзости предвидеть трудно, но пока что он кончил 5 Июня хвалою Уоллесу. Итак, будьте на дозорных башнях. Письмо от Мориса с Пеглерами из Луизианы. У бедняги Мориса у самого семейные осложнения. Очень жаль. Привет Рапикаволи — добром вспоминаем их. Прекрасно, если в Италии пробуждается духовность.

Прилетело Ваше [письмо] от 12 Июня с двумя статьями Пеглера — последняя хуже первых. Точные указания передаем телеграммою, а именно: всячески воздержаться от Пеглера, и Катрин пусть не выступает. С таким ужасным типом нельзя иметь дело, нельзя ему верить ни в чем. Самый злостный представитель желтой прессы. Презрение — вот единственное оружие с такими криминалами. Ведь он и Уоллеса не очень затрагивает, да и Хорша щадит — рыбак рыбака видит издалека. Если друзья хотят писать ему вроде Зирк., мы не можем мешать. Адрес: Китаб Махал, 56 А, Зиро Род. Аллахабад. Не удивляюсь, что Вы не имеете ответа от "Китабистана" о "Химават". Мы имели много жалоб от желающих купить. Не отвечают и книгу не посылают — теперь всюду неразбериха. В плохое время собирается Кеттнер в Индию. Неужели не знает о здешних событиях? Спасибо за протоколы заседаний. Очень интересно следить за ходом дел. Хорошо, новую бумагу "Знамени" подождите печатать. Пришлите нам еще 10 годовых отчетов АРКА (мы получили пять). Думаю, что Лара получил 200 брошюр, но почта так медленна. Его письмо сюда шло четыре с половиной месяца. Кончу хорошей вестью. Сестра Неру Виджая Лакшми Пандит назначена послом в Москву. Кто сюда, еще не сказано.

А мы опять пустим в море наши броненосцы: "Мир", "Светлое будущее", "Сотрудничество", "Добротворчество". Такая эскадра выдержит против всех ураганов, вопреки всем бурям. Доплывем!

А Вам радоваться.

[Июнь 1947 г.]

Публикуется впервые

Утрясется

Прилетел пакет очередной пеглериады и отзывы на "Знамя Мира". Среди пеглеровской писанины вклеилось кое-что и поучительное о мерзавце Хорше. Читатель поймет, что Хорш, будучи моим доверенным, делал и лживые на меня доносы о налогах и прочие "прелести". Думается, какие-то отзвуки должны быть, и потому дозор очень зоркий необходим.

Было бы полезно выписать все, что Пеглер писал о Хорше — получились бы поучительные выписки: "Как Пеглер видит Хорша". Если сделаете такую выписку, пришлите нам парочку машинных копий, да и у себя сохраните, иногда полезно показать. В статьях разбросаны черты Хорша, а если их собрать воедино на один лист, то получается гангстерский облик. Письма Вашего в пакете не было. Отзывы на "Знамя" накопляются, из них можно в будущем году дать симпозиум, так же, как и из отзывов на годовой отчет АРКА. Понимаю, что шведский министр по должности не может быть в Комитете так же, как и норвежский. Следует брать из общественных деятелей, из профессоров, писателей, представителей музеев! Конечно, венгерское предложение неприемлемо.

Прилетело Ваше [письмо] от 28-6-47 с нападками Пеглера на Рузвельта. Наверно, ни Рузвельты, ни Уоллес возражать Пеглеру не будут. Старая пословица: "Мели Емеля — твоя неделя". Конечно, к вице-консулу не надо ездить. Неужели Жин не хотел понять, к чему я послал ему его отличную статью "Сердце"? Уж не начал ли толстеть? Толстые малопонятливы. Хорошо, что "Властитель ночи" у Вас. Неужели Куренко настолько обнищала? Или где-то русофобия? Но Куренко и русофобия плохо вяжутся — поясните, как Вы понимаете. Жаль, если склад книг так и останется неразобранным, а там осень и опять холода. Когда едет в Италию Илья и надолго ли? Как устроились Потоцкие? Вы поминаете о хорошем письме Хейдока — он славный друг. Удивителен Париж, кажется, и на брошюру не отозвались. Юрий послал Шк[ляверу] "Индологию" — и ничего. Очевидно, скверное там настроение. А холст все еще не доехал.

В Венгрии введен суровый закон вплоть до расстрела, карающий журналистов за лживые сообщения. Вот бы и во всех странах ввести такие законы — они обуздали бы изолгавшуюся прессу. И в Москве усилен уголовный кодекс против разглашения государственных тайн. Да, всякая клевета должна быть караема. Иногда клеветник и разглашатель даже не понимают, какое зло они творят. Некий архиепископ сделал донос на меня фашистам.

Донос раскрылся, и при ближайшем свидании с таким "иерархом" я напрямки сказал о доносе. "Иерарх" даже и глазом не моргнул: "ведь это не донос, а для осведомления". Я только рукой махнул, — где уж просвещать "иерарха" о доносе и осведомлении. А семена лжи были посеяны, и всходы их не углядеть. "Прост, как дрозд, нагадил в шапку и зла не помнит!" Но не все дрозды просты, есть и лютохитрые вредители. Лишь бы навредить, хотя бы самому себе в шапку. В прессе мелькают ложные сообщения, и никто не потрудится их опровергнуть, — пусть себе сорняк расцветает. Должны быть караемы антикультурные действия, а что же хуже зла лжи?

Посылаю Вам статью Н.Хорш. Может быть, друзья захотят прочесть и еще раз удивиться лживости и изменчивости шайки. Жан Дювернуа (псевдоним белокурой ведьмы) у Вас имеется. А в "Вестнике" музея имеется достаточно словоизлияний самого Хорша. Да и письма его существуют. Любопытно, какие движения у вице-консула с Гусевым? Ведь Хорш очень странный продавец. Обуянный русофобией и грабежом он поспешит все изругать и тем уничтожит свои собственные намерения. Забавно наблюдать, как всюду вклеилась самая гнусная русофобия. Где-то ютятся общества друзей, русская музыка и другие культурные начинания. Но все это, как островки в океане злобствований и клеветничества. Где-то неуловимо гнездится чудище стозевно, обло и лаяй, похуляя все русское. И как нащупать и поразить такое чудовище? Посылаю Вам оттиск моего листа "Шанти" (Мир). У меня лист назывался кратко — просто "Шанти", но редактор почему-то удлинил его. Да скажем соборне, повелительно: "Мир"!

Илья писал, что Мережковский умер, не слышали ли какова судьба Бальмонта, Ремизова, Бунина, Балтрушайтиса, Бердяева, Лосского, Бориса Зайцева? Валентина пишет о повсеместном почитании гения Пикассо. Очевидно, по Европе прогуляется пикассизм и фюмизм. Еще раз можно вспомнить отличную статью Караваевой в "Новом Мире". Так же можно вспомнить, как Пюви де Шаванн стремился найти положительные стороны в самых разнообразных произведениях. Но иногда мастер проходил молча, это было знаком неодобрения. Также сообщает Валентина, как племянница Масарика говорила об отжившем искусстве, как говорят французы "пассе". Валентина правильно возразила, что это понятие не касается лучших произведений. Действительно, кто же применит "пассе" к Леонардо, к Микеланджело, к Тициану или к прекрасным скульптурам Эллады? Лишь бы идти по лучшим вехам, а всякий фюмизм — синкронизм, кубизм, овизм, дадаизм, сюрреализм. Экспрессионизм, футуризм — всякие

эфемериды — пусть себе свершают свой однодневный путь. И сердиться на них не следует, они сами впадают в "ридикюль". И запрещать их нельзя — они отражали состояние общественности. В кунсткамерах бывают же и шрекенкамеры.

Лето стоит неприятное. Дожди запоздали. Была засуха, сухие ветры, сухие пыльные тучи. Внизу песчаные бури. Вода в протоках высыхала. По ночам местные пандиты молились в храмах — не помогало. То ли дело в Китае: в Урумчах при нас генерал-губернатор потребовал от бога дождя. Заупрямился бог, не дал. Тогда правитель (доктор философии) разжаловал бога в черта, но и это не помогло. Тогда черта высекли и утопили. И такие "культурные" действа происходят в стране Конфуция. Да что говорить! Когда в Хотане мы искали прислугу, нам сказали: "Зачем нанимать, лучше купите барышню". И такое бывает. Считают, что в наши "цивилизованные" дни на земле до десяти миллионов рабов, а в сущности и больше. Вот и скажите, что Знамя Культуры — Мира не нужно.

Радио сообщило о новом московском указе. По нему три тысячи семей сов[етских] граждан едут в СССР из Китая. Их везут, кормят и обеспечивают работой. Вероятно, и некоторые наши друзья попадут в эту группу. Каждый опытный работник пригодится. Советские газеты извещали, как сердечно были встречены в Армении тысячи армян, переселившихся в СССР. Из Москвы от Т.Г. пакет книг — все очень значительные — "Щуко", "Фомин", "Мартос", "Новгород", "Вдохновенные искатели", "Борьба за жизнь" — прекрасно издано. Работают! Творят! В бомбейском журнале "Сошиал Уолфер" прекрасная статья Б.С. Матур о "Знамени Мира". Нежданные доброжелатели громко зовут к Миру, к Культуре. До нас, конечно, доходит лишь часть добрых зовов, а их много, и они так нужны.

Поясню, почему я предлагал иметь новую бумагу "Знамени Мира" со всеми вновь избранными. Во-первых, основной Комитет был немногочислен, а во-вторых, при сношении с разными странами лучше иметь на бумаге упоминание о них. Можно иметь старую бумагу для Америки, а для заграницы новая была бы внушительнее. Впрочем, как всегда, я не настаиваю. По местным условиям Вам виднее. Вебеке следует избрать для Бельгии. Нет ли кого для Голландии? Теперь имеются, кроме Америки, Франция, Англия, Италия, Аргентина, Швейцария, Португалия, Бельгия, Индия, Румыния. Хорошо бы иметь Египет, Иран. Непонятно молчание Мадахила. Ну да ведь и молчание Парижа тоже удивительно. Положим, если верить газетам, во Франции почти что анархия. Читали ли Вы, что в Урянхае открыты огромные залежи ураниума (знакомые Вам слова). Конечно,

русские ученые трудятся не для бомб, а ради мирного преуспеяния человечества. За то "бомбисты" и недолюбливают их. Всюду своеобразная русофобия. Пожалуй, Вам придется завести особую папку с черной надписью: "русофобия".

В каталоге книжного магазина "Люзак" (46, Грэт Рессель Стрит, Лондон В.С.1.) значится "Химават". Из Англии легче достать, чем из Индии. Из "Китаб Махал" сообщали, что "Героика" выходит в Июне. Конечно, Июнь прошел, и ни о чем не слышно. Да, оказывается "паки" по-бенгальски значит "птица". "Пакистан", выходит, "птичий двор". Неудачное название! "От великого до смешного один шаг".

Если побываете на ферме, наверно, повидаете склад книг. Что там такое? Надо же использовать эти накопления. Вообще, любопытно, что именно находилось у Франсис, за что она получила деньги. Об этом в переписке не упоминалось. Не было ли у ней еще клише? Далеко не все были посланы в Ригу, а теперь они очень ценны, да и неповторимы. По злобе их могли выбросить на вес металла. Конечно, такой вопрос поднимать сейчас не следует, но значит, у нее тоже что-то хранилось. Лишь бы ладно использовать склад на ферме. Помимо полчищ русофобов есть же в стране и культурные деятели. Отчего же они так молчаливы?

Ну, все утрясется. Доплывем на нашей испытанной эскадре — добавим еще броненосец "Добро".

Духом с Вами.

П.С. Сейчас пришел один пакет холста 11-ярд — хороший. Большое спасибо.

[Июнь 1947 г.]

Публикуется впервые

Дорогой друг мой Игорь Эммануилович

Золотыми словами кончаешь Ты свое последнее письмо, Твое последнее письмо, дошедшее к нам в Сентябре. Как прекрасно сказал Сталин, что "академики должны жить не хуже маршалов". Поистине, историческое речение. И заканчиваешь Ты свое письмо многозначительным "ДО СВИДАНИЯ". Этим же словом начну и кончу и я мое письмо.

Ты, вероятно, удивлен, что я отвечаю с таким долгим перерывом, но тому две особые причины: во-первых, наша почта в виду беспорядков была прервана два месяца, да и теперь состояние ее весьма проблематично. Так, например, мы не получаем ответа на двадцать пять телеграмм с оплаченным ответом. Но друзья, наверное, хотели бы на них ответить, — значит, все еще далеко неладно. Вторая причина — моя болезнь, заболел я уже с начала Июля и два месяца пролежал в постели с болями, с операциями и со всякими малоприятными вещами. Только теперь выкарабкиваюсь из этой невзгоды и очень надеюсь, что опять все придет в нормальное состояние. К тому же, как Ты знаешь, мы живем в деревенских условиях, и потому всякие медицинские обстоятельства особенно трудны, а тут еще и дорога долгое время вообще не действовала. Хочется скорей за работу! В Твоем строительном письме так много светлого и привлекательного. Поистине, благо правительству, которое так печется о культурных деятелях, — в этом залог светлого преуспеяния. Итак, Ты созидаешь уже второй дом, а Твое описание семейного быта с двумя дедушками и двумя бабушками напоминает о ряде поколений, создавшихся и проходящих для новой творческой работы. Ты поминаешь скульпторшу Мухину, Герасимова и Иогансона и других, приобщившихся к вашему Кооперативу, процветающему на радость его членов. С произведениями Мухиной я знаком и их очень люблю, так же, как и Герасимова. Иогансона, правда, я не знаю, но читал в сов[етских] газетах его вдумчивые статьи. Конечно, как Ты правильно замечаешь, все это далеко не молодежь, но богатыри среднего поколения, а ведь мы теперь уже старшего.

Радио сообщило об основании Всесоюзной Академии под председательством Герасимова и с твоим и Юона ближайшим участием. Интересно, кто те сорок пять Академиков, составляющих Совет Академии, и кто почетные Академики? Да процветет Всесоюзная Академия!

Радио также сообщило о раскопках Верейского Кремля. Ведь Верея — древнейшее место, и, кроме средневековых остатков, там

могут быть любопытные древнейшие слои. Помню, как в одном тверском городище мы нежданно, негаданно нашли превосходную готскую эмалевую пряжку. Каким вихрем занесло ее туда? Да, да, сколько на Руси предстоит знаменательных находок! Истину сказал Сталин на юбилее Москвы, что Москва является оплотом Всемирного Мира и отпором всему мечтающему о войне. Да будет так!

Привет Твоим семейным всех поколений от всех нас. Закончу тем же сердечным, многозначительным словом — ДО СВИДАНЬЯ.

9 октября 1947 г.

Публикуется впервые

Дорогой друг В.Ф

Наверно, Вы удивляетесь долгому перерыву в моих вестях после Вашего доброго Июньского письма. Причин много, и все неприятные. С начала Июля я серьезно и внезапно заболел. В постели около трех месяцев, боли, операции, и все это в наших горных, уединенных условиях. Говорят, через несколько недель все наладится, но все еще на больном положении. Никогда я так долго не болел, и все сие тягостно. Вторая причина: с начала Августа вследствие беспорядков почта и телеграф лопнули. Мы отрезаны. Конечно, масса почты пропала, а остальное где-то валяется. Будто бы только теперь обещают сношения, и я спешу послать Вам весточку — авось дойдет.

Добрую весть Вы сообщаете о намерении Академии Наук издать Ваши воспоминания. Перед Вами прошло столько великого, что именно Вы — внимательный, чуткий, доброжелательный — можете отобразить волны бурь и достижений. Сердечные мысли наши с Вами в трудах Ваших. Грабарь пишет много о благоустройстве жизни художества. Между прочим он сообщает, что моя серия "Красный всадник" (привезенная нами в Москву в 1926 году) находится в Музее Горького в Горках, где он жил и скончался. Вдвойне я этому порадовался. Во-первых, А.М. выказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин "Красного Всадника" — Гималайские, и я почуял, что в них А.М. тянулся к Востоку. Не забуду его рассказ о встрече с факиром на Кавказе.

В своем последнем письме Грабарь описывает строящийся академический поселок в Абрамцеве (недалеко от Троице-Сергиевой Лавры). Грабарь приводит замечательные слова Сталина: пусть академики живут не хуже маршалов. Историческое речение! "Москва — центр науки" — Сталин заповедал на московском торжестве. Радостно, что из Руси звучит великий завет. Наша любимая Родина да будет оплотом высокой Культуры!

Бывало, немало нам приходилось претерпеть, когда мы заикались о русской Культуре. Всякие рапсоды Версаля поносили нас и глумились о "наследиях Чуди и Мери". Злобные глупцы! Прошли года, и жизнь доказала правоту нашу. Русь воспрянула! Народы Русийские победоносно преуспевают во главе всего мира. Строют и украшают свою великую Родину. На диво всему миру творят молодые силы исторические достижения. Вы-то понимаете и купно радуетесь.

По слухам, почта скоро наладится, но слухов вообще много. Хорошо еще, что радио действует. А тут еще нахлынули неслыханные ливни и нанесли всюду большой ущерб. Нелегко строить мосты и чинить обвалы в горах. Вообще, лето было необычайно трудное. Какие у Вас были гости? Что доброго? А мы в думах с Вами и шлем Вам всем сердечный привет.

Всегда было радостно слать привет туда, где он будет воспринят, а теперь такая посылка особенно ценна. Мир и радость — два оплота преуспеяния. Лишь русское сердце отзвучит на такой зов. Всюду океаны горя, бедствий, неразрешимых задач. Не пишу о бедствиях Индии. Наверно, в Ваших газетах достаточно отмечается горе великой страны. Ганди в день своего 78-летия горестно отметил: мною получено много поздравлений, но более уместны были бы соболезнования. О том же скорбно говорил и наш друг Неру. Скорбит Индия. А там, за горами — за долами, идет великая стройка Культуры. Исполать!

Радоваться Вам.

10 октября 1947 г.

Публикуется впервые

Друзьям[169] (18.10.1947)

Дорогие друзья! Спасибо за душевные весточки от М.Н., Е.Н., Наденьки и Вани. Надеемся, он получил нашу телеграмму с советом ехать на великую стройку, на всенародный труд, на творчество. Нас много спрашивают: "Ехать?" И мы всем отвечаем: "Да, да, да — ехать непременно во славу Родины, во имя созидательного труда". Как хорошо, что Е.Н. уже получила добрую весточку от своих уехавших. Именно хорошо там. И встретимся там. Не откладывайте.

Ваши вести долетели к нам с большим запозданием. Здесь ведь средневековые религиозные жестокие войны. Почта прервана уже давно. Заказных не принимают. А к довершению нахлынули небывалые ливни. Дороги снесены, и требуются месяцы для починки. Словом, уклад жизни нарушен. Телеграмму Ване мы пытались послать при случае — надеюсь, не пропала.

И еще у нас неприятное обстоятельство. Уж четвертый месяц я болею, и только теперь на пути к выздоровлению. Было очень тягостно, ведь никогда так болеть не приходилось. Вот все это и нарушило все связи. Так хочется на работу, на творчество.

И еще раз повторю мой совет: "ехать!" Там, на великой Родине, нужен всеобщий труд. Не бытовое прозябание, но бодрые достижения. Грабарь сообщил прекрасный завет Сталина, чтобы "академики жили не хуже маршалов". "Москва — центр знания". Забота о Культуре!

Не пишу о здешних событиях. Из газет Вы знаете хотя бы отзвуки происходящего.

Велика людская жестокость, безмерно невежество. Попытаемся послать Вам эту весточку простым воздушным — авось, дойдет. Наверно, за эти месяцы множество писем погибло или где-то безнадежно валяется.

Итак, на новую ниву, полные любви к Великому Народу Русскому.

Душевный привет от нас всех.

Сердечно…

18 октября 1947 г.

"Зажигайте сердца"

Родные наши [170]

Хорошее, памятное число сегодня. С большим запозданием дошли одновременно оба Ваши письма от 5 и 25 Сентября. Видите, какая безобразная почта! Все еще не пришло выздоровление мое, но медленно приближается. Наверно, теперь кое-как доползут и наши весточки к Вам. Жильнио хороший человек, но о болезни сочинил, и врач уверяет, что ничего подобного он ему говорить не мог.

Вдумывались мы в Ваши письма. Трудно положение АРКА. Очевидно, русофобия разъедает Америку. И такая язва трудно залечима. Местные условия покажут Вам, что еще возможно. Вы-то сделаете все, что в силах человеческих во благо Культуры, но где же сотрудники? Убоялись, притихли, а иные вообще сочли культурные начинания излишними. Не будем ни чрезмерными оптимистами, ни пессимистами, пусть реальные местные условия будут мерилом. Казалось бы, русские силы в такие дни должны бы пособить, но где они? Судя по Вашим письмам, за все это время у Вас не было русских вестей и гостей. А ведь какое нужное, благородное дело творила АРКА! Старая пословица: "Один в поле не воин"; воинов-то немало, но все они вразброд. Чуем Ваши неизбывные трудности.

Показательно, что и по Знамени Мира отзвучат не американцы, но иностранцы. Точно бы слово "мир" как-то замерло для Америки. Между тем в Европе и в Южной Америке деятели хотят обширную деятельность и готовы работать во благо. Главная их задача пусть будет — всеми силами распространять идею Знамени Мира, привлекать к ней хорошие силы и строить возможности по местным условиям. Так им и скажите. Все может ржаветь и распадаться, но зов о мире устареть не может. Без мира человек жить не может.

События в Индии сейчас — лучший пример. Как только мир нарушился, сейчас же возникли тысячи труднооборимых обстоятельств, и человек — "венец природы" — озверел. Все нарушилось, расстроилось, сломалось. Откуда недоговоренность? От отсутствия Мира, от забывчивости о Культуре. Прискорбно.

Вам чуятся особые причины нашего молчания, но прежде всего и послать-то ничего нельзя. Так и не знаем, что дошло, а что вообще пропало. Там, где почта действует, там и представить трудно, что почта может вообще провалиться. Итак, имейте в виду всякие местные условия — они всюду теперь неестественны. Только подумать о безобразном положении квартирного вопроса у Вас. И ничего не придумать, если, как Вы пишете, сами новые

законы лишь углубляют осложнения. Прилагаю, к примеру, СОС одного из старейших обществ Индии. Таково положение культурных дел. Всюду беда!

Вы пишете о неожиданных людях, справляющихся о моем здоровье. Особенно странно получение русской в Калифорнии вести из Тибета. Мы здесь не распространялись о моей болезни, да и Вы, кроме внутренних друзей, никому не говорили. Тем неожиданнее запросы от неожиданных людей. Бывают дальние чувствования. Что-то вывезет Илья из своей поездки по Европе? Не пропали ли письма Сони — мы ни одного не получили. Грустно, что столько сообщений погибло за эти месяцы. И никогда не узнаем, откуда шли эти, может быть, спешные вести.

Видно, Зюме трудно живется. Не было ли еще каких подробностей о их быте? Как долго шли к ней Ваши письма — ведь посылка была бесконечно в пути! Удивительны Ваши сведения о резкой смене температуры, об ураганах во Флориде. Нежданно налетает и творит бедствия. Вот и у нас налетел неслыханный ливень. С нашей горы видно было, как срывались мосты и мирная Беас бушевала и затопляла поля, рушила огромные деревья, подмывала дома. Одно такое утро, а затем бесчисленные утраты. Через разливы люди пращами перекидывали весточки.

Сбудет вода, и вместо полей и травы — ил да камни. Сколько пропащих трудов человеческих! По счастью, с делами Культуры не так. След Культуры неизгладим. Мы можем не ведать его путей, но они нерушимы и нежданно процветают. Как они претворятся в жизни, не нам судить. Где обскачут мир такие благие гонцы — не наша забота, но главное, знаем, что Вестник постучится в час верный. И примут его друзья, нам неведомые.

Глава национальных мусульман Пенджаба заявил, что Пакистан Джинна есть фашизм, проводимый в жизнь гангстерами. Неплохо? Газеты сообщали, что Пакистан заказал ковров на тридцать миллионов рупий для украшения правительственных зданий. Когда миллионы голодают, можно ли так роскошествовать?! Уж не фашизм ли? Сейчас мы ждем приезд посла. Будут подвижки. Уже мелькнули первые доброжелательные весточки. Надо, надо скорей поправляться. В газетах и в радио опять мелькает страшное слово "война". И сейчас уже бушует война нервов, так бывало и раньше. А когда люди попривыкнут, то вызыватели войны рявкнут и грозное слово. Да, да, трудно сейчас, а Вам-то как нелегко быть в самом горниле всяких свирепых покушений.

Вот и теперь еще три недели в постели. До чего хочется скорей поправиться! Сколько впереди! Пусть и Вам светит

будущее!

П.С. Сейчас прилетело Ваше письмо от 9 Октября. Одобряем Ваши планы-действия.

17 ноября 1947 г.

Публикуется впервые

Листы без даты

Подделки

Много раз приходилось натыкаться на разные художественные подделки как среди старинных картин, так и даже моих собственных. Был пьяненький Вечтомов, которому ловкие продавцы картин заказывали писать под Рембрандта. Говорят, что в пьяном виде он особенно хорошо подражал. Нам пришлось видеть две его подделки, и одна из них была действительно талантливо сделана. Семенов-Тяньшанский и Селиванов оба хотели иметь эту картину. Селиванов до самой смерти уверял, что это вещь подлинная. Когда же я ему говорил и указывал, что под всякими искусственными наносами доска не старая, у него и на это была отговорка. Он напоминал что картины бывали перенесены не только на холст, но и на более поздние доски. Среди новейших подделок были под Левитана, под Коровина, Репина, Врубеля, а также мне пришлось видеть три подделки под меня. Впрочем, в двух случаях была подделана лишь подпись под оригиналами Рущица и Вроблевского. На одном из них Рерих было через "ъ". Но третий случай был довольно необычный. Была написана большая картина, составленная из разных моих деталей. Были на ней и ладьи с красными парусами, и русский город, и воины с червленными щитами — словом, кто-то объединил несколько моих сюжетов. Коллекционер заплатил за нее пять тысяч рублей и очень радовался покупке, пока мне не пришлось разочаровать и огорчить его. Даже подпись была сделана довольно похоже.

Не забуду также эпизод в мастерской М.П. Боткина, когда мы с Яремичем пришли выбрать несколько вещей для музея. В мастерской все стены были увешаны разнообразными и подчас очень хорошими этюдами. Обычно, показывая мастерскую, Боткин широким жестом указывал на стены, как бы приглашая смотреть, и все заключали из этого, что он показывает свои вещи. При этом многие удивлялись, насколько вещи более ранние были много лучше последних. Мы отобрали для музея семь вещей, но когда отмыли грязь, то из них пять оказались принадлежащими другим художникам и три даже с подписями — Чиркова, Саврасова и еще кого-то той же группы. И такие эпизоды бывают. Не забудем, что иногда некоторые художники без желания подделать очень близко подражали кому-либо. Так, например, Замирайло мог чудесно подражать Врубелю.

Публикуется впервые

Судьба

Превратна судьба художественных произведений. Много раз приходилось убеждаться, как картины совершенно могут менять вид свой не только от реставрации, но и от необъяснимых химических процессов. Зависит это не только от красок, но и от всех прочих ингредиентов. Холст может сыграть самые дурные шутки, уже не говоря о досках или папках. При перевозе картин в разные климаты происходят самые безобразные явления. Каждое путешествие для художественного произведения — большой искус. А после когда-то в научных трактатах будут приписывать художнику такое, о чем он и не помышлял. Каждый художник может из своей жизни привести множество подобных примеров. С одной стороны, требуются выставки, но каждая из них терзает экспонаты. После пятидесяти выставок мое "Сокровище ангелов" изменило даже формат. Каждый раз холст перетягивался и съедалась часть картины. Кто-то будет говорить об изменившихся красках, но вспомним, какие дорожные неприятности им пришлось претерпеть. Иногда из дальних краев картины приходили в подмоченном виде — например, из Тибета. В Венеции картина покрылась густою плесенью. А как чернеет живопись в темных кладовых или выцветает под прямыми лучами солнца! Иногда можно бывает судить о первоначальных красках лишь по кайме, прикрытой рамою. Мало ли что бывает!

Пишут, что нашли мою картину в таможенном доме на острове Саарема. Как попала она туда? Видел я "Зовущего", сложенного, как носовой платок. Ободрана до неузнаваемости "Песнь о викинге". Стерта пастель "Три волхва". Пропала во время войны "Ункрада". Пропали многие картины, бывали изрезаны. Где "Крик змия"? "Зарево"? "Граница царства"? "Три радости"? Говорили, в одном польском замке во время наступления видели много картин, среди них шесть моих. При отступлении все оказалось сожженным.

В старых каталогах можно находить много картин и скульптур, потом навсегда пропавших. Всякие вандализмы свирепствовали по лицу земли. И сейчас и на Западе и на Востоке гремят взрывы и уничтожаются многие творения. Люди уже думают о подземных тайниках, о песочных мешках для охраны. Не позавидовать ли прочным пещерам троглодитов? В гротах Алтамиры сохранились рисунки лучше, чем в некоторых музеях.

Публикуется впервые

Собиратели

Пришлось встречаться со многими собирателями. Не говорю о собственниках коллекций, в которых они сами не принимали участия, как Строганов, Юсупов, Нарышкин, Кочубей, Шувалова, Лейхтенбергский и другие наследственные собственники. Гораздо интереснее были три группы живых собирателей, горевших каждый по-своему и любивших избранную ими область. Три группы эти дали стране много культурных страниц. Вспомним Семенова-Тяньшанского, Голенищева-Кутузова, Шидловского, Боткина, Делара, Врангеля, Мякинина, Щавинского, Селиванова, Путятина, Тенишеву, Рейтерна, Митусова, Тевяшова, Ильина, Толстого — большая группа, и ведь это только одни питерские собиратели. Не все из них были богатеями. Многие отдавали в собирательство все свои средства и заработки. Как часто бывает, семейное окружение нередко препятствовало собирательству, считая его не дельною забавою. Помню, как Голенищев-Кутузов деликатно жаловался друзьям на непонимание близких. Да, кажется, и Шидловский не был очень поддержан своими. Также нередко увлечения собирательством объяснялось чем-то своекорыстным для удовлетворения самолюбия. Находились люди, которые обвиняли в этом кн. Тенишеву, Семенова-Тяньшанского, Мякинина… Всегда люди судят по себе.

Вторая группа состояла из художников-собирателей. В нее входили Александр Бенуа, Яремич, Браз и другие художники. Надо отдать справедливость, что такое собирательство среди людей, знавших историю разных отраслей искусства, вносило особую изысканность.

Третья группа была особо трогательной. В ней были такие самоотверженные собиратели, как Крачковский, Слепцов, Степанов… Полковник Крачковский не имел никакого личного состояния и собирал, что называется, "на гроши". Собирал он современных художников, которые, видя его искреннее рвение, охотно отдавали ему не только эскизы (он их особенно ценил), но и картины. Пример Слепцова мне приходилось приводить не один раз. Он начал собирательство уже с первых студенческих лет. Как горел он, и какие были у него прекрасные планы! Необычный был собиратель, необычна была и его трагическая кончина. Он умер на коне во время верховой прогулки, и, как выяснилось, уже мертвый был найден на следующий день, все еще на коне. Можно назвать и еще несколько трогательных собирателей, которые горели уже от школьных лет.

Публикуется впервые

И так бывало

Михаил Петрович Боткин рассказывал о своей покупке у гр. Строганова бюста, приписываемого Леонардо да Винчи: "Давно уже я примечал этот бюстик. Наконец, попросил мажордома убрать его, иначе, мол, полотеры разобьют. Человек неглупый — убрал. Прошли месяцы, а граф-то и не заметил. Спрашиваю его: "А где же бюстик?" А граф-то и забыл, говорит: "Здесь ничего и не было". Я говорю: "Нет, здесь стоял бюстик". Заспорили. Послали за мажордомом. Тот объяснил, что от полотеров на чердак спрятал. Вот я и говорю графу: "Все равно не сегодня, так завтра разобьют. Лучше продайте мне". Граф говорит: "А сколько даете?" Вот представьте себе мое положение: и вещь-то бесценная и денег-то жалко. Ну, зажмурился и говорю: "Пятьсот рублей". "Пятьсот пятьдесят— и ваша". Так бюстик ко мне и переехал".

Был и такой рассказ: "Приходит к Боткину старушка с сассанидским блюдом. Тот дает два двугривенных, старушка хочет уйти: "Пойду к другому". — "Да к кому же пойдете?"

— "Пойду к Ханенко".

— "К которому?"

— "Да к Богдан Иванычу".

Боткин крестится на икону: "Опоздали — вчера скончался. Друг мне был". И блюдо было куплено, а Ханенко здравствовал". Рассказывалось это со слов старушки, и Боткин хохотал: "Чего только люди не выдумают!"

Про Делярова говорили, что он смывает спиртом подписи для удешевления. Два раза он пытался лишить нас двух хороших картин. Дал я антиквару Напсу прогладить Э. ван-де-Вельде. Прихожу за картиной, ничего не сделано. Напс уверяет, что краска так поднялась, что все равно вся отвалится, и настойчиво предлагает купить картину. Другой раз почти то же произошло с ван-дер-Нером. Напс показал мне нашу картину в самом ужасном виде — вся размыта, в пятнах, в белых налетах. Опять предлагает купить картину и извиняется за порчу. Я понял, что ужасный вид наведен умышленно и настоятельно спросил Напса, для кого он устроил всю эту комедию. Напс был пьян и не выдержал: "Да все Павел Викторович пристает, чтобы я достал от вас эти картины".

Однажды антиквар Т. запросил несообразную цену. Я отказался. "Зачем деньгами, говорит, дайте какую-нибудь вашу картину", и смотрит на свернутые холсты в углу. "Да ведь это разрезанные картины — обрезки". — "Вот это мне и надо", и выхватил фрагмент пейзажа. Теперь он в одном иностранном музее. И такое бывало.

Публикуется впервые

Театр

К участию в театре потянул Дягилев. "Половецкий Стан" в 1906 году в Париже дал отличные отзывы. Помню, как сильно написал Жак Бенар. Затем произошел "Шатер Грозного" для "Псковитянки" и "Сеча при Керженце" — для симфонической картины "Китеж"; одновременно Бакст делал "Шехеразаду". Помню, как изумился Дягилев, увидав, что мы оба, сами того не зная, сочиняли в красных и зеленых тонах. Тогда же Серов писал тоже для Дягилева занавес — неизвестно, где сейчас остались оба эти панно. Съели ли их мыши или же они подмокли где-нибудь и их разрезали на тряпки — всяко бывает. В Лондоне в 1919 году я видел "Половецкий Стан" в таком потертом виде, что с трудом мог узнать первоначальный колорит. На небе зияла огромная заплата. Когда же я спросил, что такое случилось, мне спокойно ответили. "В Мадриде прорвали, там сцена была меньше".

Потом пошло: "Снегурочка", "Валькирия", "Три Волхва", "Фуэнте Овехуна", "Игорь", "Салтан", "Садко", "Весна Священная", "Сестра Беатриса". В Художественном театре "Пер Гюнт". Для Свободного театра были готовы эскизы для "Принцессы Мален". Марджанов очень мечтал об этой постановке. Бенуа хвалил эскизы, но в театре начались какие-то местные передряги, и предстояло закрытие антрепризы. Марджанов шепнул: "Лучше заберите эскизы, как бы не пропали". На том и кончилось. Сейчас серия "Принцессы Мален" разбежалась широко. Кроме русских собраний, отдельные части имеются в Атенеуме (Гельсингфорс), в Риксмузее (в Стокгольме), в Париже и в Америке. Так же широко разбросало и серию "Пер Гюнта". Особенно помню эту постановку, ибо тогда впервые пришлось встретиться со Станиславским и Немировичем-Данченко, и эти встречи остались среди лучших воспоминаний. А сегодня читаем о смерти Станиславского — еще одна большая страница перевернута.

"Нунст унд Декорацион" назвал мои вагнеровские эскизы лучшими среди интерпретаций Вагнера. Не забудется и скандал, происшедший в Париже в 1913 году при первой постановке "Весны Священной". С самого поднятия занавеса какие-то "джентльмены" вынимали свистки и завывали так, что даже музыка была слышна с трудом. Бросалось в глаза, что свистки были принесены заблаговременно, и свист и гам начинались с увертюры, — значит, все было припасено заранее.

Публикуется впервые

Битва

Многие битвы гремели. Были старания остановить, а то и просто стереть, уничтожить. Б. старался так расположить голоса при выборах, чтобы устроить вражеский перевес, но хотя бы одним голосом победа оставалась за нами.

После выставки в С. Луи в 1906 году 800 русских картин, весь русский отдел был продан таможнею с аукциона. Пропали моих 75 вещей. Разве ладно?

В Гельсингфорсе в день открытия выставки потухло электричество, и снег завалил верхний свет. Разве хорошо?

В Стокгольме в день открытия выставки 8 Ноября 1918 года отрекся Вильгельм. Шведы были потрясены. Неладно!

В 1920 году в Лондоне при открытии моей выставки чиновник из министерства иностранных дел уверял, что картины не мои, а сам я убит в Сибири. Вот какие дела!

В 1930 году в Лондоне Коренчевский мне лично сказал, что я не Рерих, а Адашев. И такие нелепицы бывали.

У Кингора во время открытия лопнуло электричество. Произошла паника. Неприятно!

В Музее в день открытия с трудом был предотвращен пожар. Только по случайности успели принять меры. А было 10.000 посетителей.

Храм в Талашкине в 1914 из-за войны остался неконченным.

Уничтожены "Сеча при Керженце" и "Казань". Пропали: "Укрaда", "Зовущий", "Крик змея" и многие. Испорчены "Песнь о викинге", "Древняя жизнь", "Поход", "Поморяне", "Волокут волоком", "Три волхва" и многие.

С трудом нашли в Лувре "Замки Майтрейи". Кто хотел их присвоить? А где "Ростов Великий"? А где "И открываем" из Пекинского Музея? А как назвать проделки Кашанина? А где Пакт после подписи 21 страной?

Сгорел "Гроссман и Кнебель" в 1915 году со всеми клише и манускриптом "Монографии". Пропали вещи у Белого. Хоронили в Англии.

Назвали антихристом в Харбине. Поносили в Париже за оборону Родины.

Происходит хоршевский вандализм. Вот какие темные дела!

Можно припомнить битвы без числа. Повсюду темная рука пыталась разгромить. Но "говорят, что мы мертвы, а мы живы". Не только живы, но преуспели. Теряли, но находили. Видали предателей и учились распознавать лики.

Битва да будет благословенна!

Публикуется впервые

"А вор так ни в чем и не виноват?"

О ходже Наср-Эддине рассказывают:

"У ходжи украли осла. На следующий день ходжа, плачась, рассказал об этом друзьям и просил их помочь. Выслушав его, они начали подавать ему советы. Один сказал: "Нужно на дверях конюшни повесить замок". — "Ну, что там вешать замок на обыкновенную дверь? Какой из этого толк? — заметил другой. — Толкнешь дверь — и она рассыплется".

— "А что ты скажешь о стене вокруг дома? Отчего ее не сделать несколько выше?"

— "Да ты живой был или мертвый? Ведь не за пазуху себе сунул вор здоровенного осла? Где ты был, когда он выводил осла из конюшни через двор от дверей, ведущих на улицу?"

— "Послушай, я ночью двери запираю изнутри, а ключ кладу себе под голову. И вор не может никак сорвать замок и увести у меня коровенку ли, осла ли". Словом, они засыпали ходжу бесполезными речами, упреками и попреками. Потеряв терпение, ходжа сказал: "Дорогие друзья, вы рассуждаете правильно. Но только все это относится к прошлому, а на сегодня от ваших слов пользы нет никакой. Ну, посудите сами: вся вина, стало быть, на мне? А вор так ни в чем и не виноват?"

Многие сказы о ходже части припомнятся. Воры отлично обделывают делишки, и совсем немного судей правильно решающих. Шемякин суд — будто бы сказка, но это было. Видали мы и судью Франкенштейна — имя почти такое же, только о монете напоминание добавлено.

Иудины серебренники так и бренчат. Где уж тут Культура? Где уж тут цивилизация?!

Некоторые понимают всякие происходящие ужасы и открыто возмущаются. Другие, хотя и понимают, но трусливо помалкивают. Во все трудные времена бывали так называемые "перелеты". Бесстыдно они перелетали туда, где им казалось выгоднее.

Преступность растет. Похищаются дети. Процветают невольничьи рынки. Пятна на солнце или, вернее, на совести человеческой!

Публикуется впервые

Служители

В столетней истории Общества Поощрения Художеств, кроме покровителей, деятелей, профессоров и учащихся, должны быть помянуты и служители. Они принимали и прямое и косвенное участие в деятельности Общества. Они знали все и не раз даже оказывали свое воздействие. Славные работники были Петр Мартынов и Петр Захарычев. Много трогательного можно о них сказать. Мартынов помер. Жив ли Захарычев? Крепкий служака был Андрей Одноглазый — на войне глаз потерял. Маститный Максим был, как ходячий архив Общества. Знавал Брюллова, Бруни, Островского, Григоровича. На "вы" не говорил. К телефону не мог привыкнуть. Бывало, стучит кулаком в будке… "Чего шумишь?" — "Да барышня, видно, заснула — не отвечает". И про турецкую войну умел рассказать и про выставку Куинджи и важно курил благовония перед высочайшими приездами. А медалей — некуда и повесить.

Антон Усаленко не желал носить форму и называл себя императорским секретарем. Возил доклады в Царское Село для подписи. Спросит: "Спешно"? И через четыре часа привозит подпись. "Как же ты это достал?" — "А мой двоюродный брат камердинером. Я ему сказал, что спешно, а Император в саду гулял — он и поднес к подписи". Всего бывало!

Самый тихий был Семен. Он-то оказался разрушителем искусства. Была у нас выставка экстремистов. "Картины" были составлены из различных предметов. Были тут и листы газет, и карандаши, и всякие обиходные вещи. На грех — на одной картине висел молоток. А Семену понадобилось гвоздик вколотить — он и совершил неслыханный вандализм: снял молоток, приколотил гвоздь и обратно повесил. Устроители выставки прибежали в ярости: "Глумление над художественным произведением! Поругание! Насмешка"! — и всякие угрожающие выкрики. Семен никак не мог признать свое преступление: "Да ведь я же молоток обратно повесил. Ничего от него не убыло!" Автор картины наскакивал на Семена с самыми свирепыми эпитетами, а тот невозмутимо твердил: "Вашему молотку я убытка не причинил и на место его повесил". Пришлось извиниться за "несознательного" Семена за его покушение на художественное произведение. Всего бывало!

Добром помянем и Павла, и Дмитрия, и Ивана — погиб он на войне. Только высадился с поезда на позицию, а пуля в самый лоб. Он предчувствовал, когда уезжал.

Публикуется впервые

Народная Академия

Во второй половине 1917-го года к нам в Финляндию начали приезжать друзья и сотрудники. Приезжала Добычина за картинами, ибо все время на них увеличивался спрос по очень крупным ценам. И Арбенин тоже просил картин, — жаль, что он скоропостижно умер, и расчеты с ним все обрушились. Приехал и Химона от Совета и учащихся Школы. Были настойчивые приглашения и даже требования как можно скорее вернуться, ибо все сочувствовали моему проекту преобразовать Школу в Народную Академию. Передавали также о моей кандидатуре в министры изящных искусств. Но нездоровье — несносноейшая ползучая пневмония — даже и в прекрасном климате Карелии все еще давало себя чувствовать. Хорошо, что после 50 лет всякие легочные невзгоды потом прошли. Говорят, что это обычное явление. Но во второй половине Ноября я все же поехал для обсуждения Народной Академии, которая уже с давних времен была мне близка.

Вспоминаю сердечную встречу с товарищами преподавателями и учащимися. Помню прекрасную беседу с Вольтером — было полное единение и понимание. Впоследствии, в 1926 году, Вольтер пришел к нам в Москве и написал под псевдонимом Солин глубокую статью под названием: "Как свежи заветы Учителя". Хотелось бы встретиться с этою группою наших бывших учащихся, в которых прочно остались заветы, им переданные. Из нашей Школы Общества Поощрения Художеств, которая в сущности всегда и была истинно народной школой, было весьма легко развернуть Народную Академию. Следовало прибавить лишь несколько мастерских, дать мастерские для оканчивающих Академию и наладить академические экскурсии для усовершенствования как за границу, так и по всем окраинам нашей обширнейшей Родины.

Наша Школа и без того была всегда внеклассовой, внерасовой и внепредрассудочной. Каждый мог учиться в любой отрасли искусства и совершенствоваться по своему свободному выбору. Не было требования о пребывании в каждом классе определенного времени, а кроме того, даже окончившие Школу (совершенно, как бывает во французских свободных мастерских) могли опять записаться и набивать руку в любой избранной ими отрасли. Особенно ценно было, что наряду с живописью, скульптурой и архитектурным сочинением каждый мог работать и в прикладных мастерских, которых уже и тогда было очень много. На фабриках, куда многие поступали после окончания мастерских, очень

ценились наши ученики, вносившие в технику и принципы настоящего искусства. Тогда здоровье не позволило мне заняться идеей Народной Академии. Так легко была исполнима эта неотложно полезная мысль.

Публикуется впервые

Жуть

Америка осенью 1929 года явила страшное зрелище. После ряда лет благополучия, когда цены возросли и толпы потянулись к Молоху-бирже, грянул развал, падение, разрушение.

Люди в день теряли миллионы. Святослав потерял семьсот тысяч. Шаляпин много потерял. Изуродовался весь план наших учреждений. Программа была на нормальную жизнь, а тут все встало верх дном. Начались самоубийства и от потери денег и вообще от отчаяния, — все обезумели. Наше учреждение должно было получить миллионное пожертвование. После бедствия приходит расстроенная жертвовательница: "От всего моего состояния осталось лишь сто пятьдесят тысяч…". Где уж тут говорить об обещанных жертвах.

Исчисляют, что такие беды бывают в Америке периодически, примерно через шесть-семь лет. Но как они должны влиять на характер всего народа? Странно, что такие примеры не предостерегают игроков. Не успеет танец смерти утихнуть, как уже готовятся новые жертвы Молоху.

Пришлось расстаться с собранием старинных мастеров. А ведь оно предназначалось для музея. Были отличные примитивы; один ушел в Чикагский Музей. Был и Рубенс, и Ван-Дейк и Брейгель-старший. Много чего было. Всегда жаль видеть распад.

Испытатели жизни должны пройти перед жутким зрелищем краха всей страны, перед народным безумием, перед волчьими аппетитами, которые ощеряются на чужих бедствиях. Где тут Культура? Даже где тут цивилизация? Вспыхивает произвол. Восстание подчеловеков! Следует пройти и через переоценку ценностей, чтобы судить о планетарной относительности.

Жаль, сердечно жаль тех невинных, которые за свои ли давние прегрешения бывают ввержены в огненную геенну развала. Можно представить, как гремит Армагеддон, как работают агрессоры. Много жутких зрелищ, но тридцать серебренников — самое страшное.

Сейчас читали, что Рокфеллер, когда его благодарили за пожертвование, ответил, что "так как эта лепта была денежная, то тем она малозначительна". Немногие придут к такой формуле. Немногие догадаются, что не доллар — король, а есть и другая ценность истинная.

Публикуется впервые

Финляндия

Замечательны сны Елены Ивановны. Много их. Бехтерев записал часть. В начале Декабря 1916-го был такой сон: Е.И. ходит по дворцам, пустынным и заброшенным. Видит группу художников "Мира Искусства" — они переписывают картины и обстановку. Затем вдали появляется отец Е.И. и манит ее поспешить за ним. Идут по каким-то холмам, приходят к небольшому домику, окруженному оградой из шиповника. Синее небо и много цветов.

Тогда же для "Русского Слова" пишу, по обычаю, к рождественскому номеру сказ "Страхи". Спрашивают, отчего такой сумрачный?

Подошло Рождество, прошли школьные экзамены, Е.И. решила на праздники ехать в Финляндию. Все гостиницы оказались заняты, хорошо что Ауэр надоумил ехать в незнакомый нам Сердоболь (Сортавала) на севере Ладоги. Решили, поехали. Конечно, бабушки и тетушки считали такую морозную поездку сумасшествием. Было 25° мороза по Реомюру. Вагон оказался нетопленным — испортились трубы. Все же доехали отлично. "Сейрахуоне", гостиница в Сортавале, оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами — очаровательна.

Финны были к нам очень дружественны. Знали и любили мое искусство. Моя дружба с Галленом Каллела тоже была известна. Семья Солнцевых — славные люди. Мы сняли дом Ихинлахти, имение Реландера. Поездка на праздники превратилась в житье. Для моей ползучей пневмонии климат Финляндии был превосходен. Ихинлахти была тем самым домом с оградой из шиповника, который Е.И. видела во сне.

Тогда же укрепилась мысль достать мои картины из Швеции, где они оставались с 1914 года после выставки в Мальме. Лето 1917 года — Ихинлахти. Зима 1917-1918-го: Сортавала, Иенецен Талу. Лето 1918-го — на острове Тулола среди разнообразных шхер ладожских. Поездка на Валаам. "Святой остров" (кажется, он теперь в Русском Музее). Россияне мало знали Ладогу!

Зима 1918 года — Выборг. Выставка в Стокгольме. Бьерк и Мансон помогли — оба знакомы еще с Мальме. Затем выставка в Гельсингфорсе у Стриндберга. Атенеум купил "Принцессу Мален". Исторический Музей тоже хотел купить "Каменный век", но у них имелась лишь малая сумма в 5000 марок.

Вспомнили мы с Е.И. наши прежние поездки по Суоми — Нислот, Турку, Лохья, конечно, Иматра и каналы. Впереди были

Швеция и Англия. Дягилев помог с визой и с выставкой.

Публикуется впервые

Югославия

Спасибо Петару Перуну за песню, за привет.

Прекрасное пожелание! Крепки устои народа, где слагаются такие светлые песни.

Поистине, какие бы горы и моря ни сложились между славянскими сердцами, но в глубине сердец этих все же будет гореть обоюдное братское стремление. Выразится оно в песнях, которыми живет и возвышается славянская природа. Недаром Пушкин так потянулся к песням южных славян. И правильно однажды сказал епископ Николай Велимирович про славянскую поэзию: "Эта поэзия хранит в себе многое. Она хранит в себе дух, она хранит веру и надежду и любовь. Она для народа, как страницы Библии".

Действительно, славяне понимают, почему в сагах о Косове король Лазарь заключает свою речь высоким словом, что "лишь Царство Господне останется навеки". И если мы возьмем дух сказаний, былин и сказок всех славянских народов, мы ясно почувствуем в нем то же осознание вышнего великого царства, которому несут славу и честь герои славянские. Через многие тяжкие затруднения протекала история славянства. Но не являются ли эти трудности именно пробными камнями для закалки клинка вечного духа?

Приветствую сердечный зов баяна и все дорогие мне встречи с югославами; в самом этом слове включено понятие славы, славы труда и подвига. Вспоминаю наши встречи с Пашичем, славным патриотом и сердечным славянином. Вспоминаю великого художника Югославии Местровича, ваятеля славы славянской. Вспоминаю государственный ум Мажуранича. Вспоминаю и Спалайковича, и Янковича, и Петковича, и Мелетича, и всех, всегда отзывчивых, сердечных. Радуюсь великому воспитателю Радославлевичу о всех его призывах к свету. Не забуду всех трогательных писем Манойловича, неустанного носителя Культуры. Помню слова короля Александра, который сочетал в себе и воинскую доблесть за Родину и сердечное почитание искусств и науки. Такой водитель устремляет сердца народа к самому драгоценному и прекрасному.

Несторовская летопись, говоря о заложении Киева, трогательно подчеркивает любовь князя Ярослава к книжной мудрости. Водитель да любит искусство и знание.

Публикуется впервые

Мир всему живущему

"Whoever thinks evil of it in his heart —
Let his heart rot!
Whoever stretches his hand toward it —
Let his hand be cut off!
Whoever harms it with his eye —
May his eye become blind!
Whoever does any harm to the bridge —
May that creature be born in Hell!"[171]

Так начертал на первом мосту через Инд буддийский правитель Ладака — Naglug. Он позаботился внушить окрестным жителям уважение к строительству. Также знаем, как заботился о строительстве благом царь Ашока. Наконец, в словах самого Благословенного всегда звучит доброе построение, и незадолго до отхода своего он еще восклицал: "Как прекрасна Весали!". Широко по миру несли буддийские наставники благие заветы. Никто не назовет разрушений, причиненных буддистами. Панацея доброго просвещения и строения легла в основу всех заветов.

Время ли сейчас говорить о мире, когда гремят войны? Но именно в такие дни и нужно соборно твердить о мире, о просвещении и о доброжелательстве. Мир не может быть дан только приказами правительств. Истинный мир может зародиться лишь в сердцах всех народов, когда они восчувствуют тщету розни и взаимоуничтожения. Не мир бесчестия и рабства, но мир неустанного строительного труда и просвещения даст народам благо. Некоторые думают, что если еще не гремят пушки, то это значит, что существует мир. Но вовсе не гром пушек, а рычание сердец является признаком войны.

Опять и опять скажут, можно ли именно сейчас, когда в Китае приносятся гекатомбы кровожадности и жестокости, говорить о мире? Не будет ли это увещевание пустым словопрением и отвлеченным препровождением времени? Скажем: убийцы и разрушители всегда были на долготерпеливой земле и, увы, еще будут надолго, — будем надеяться, не навсегда. Тем не менее уголовные законы и заповеди не только пишутся, но и по мере сил проводятся в жизнь. Также стоит дело и с миром. Пусть это благословенное слово "мир" для множеств людей еще является отвлеченностью несбыточною. Но мы знаем, что завет дан: "Мир всему живущему". Дан этот завет не среди отвлеченности, но среди самых насущных действенных наставлений. Значит, Тот, Кто давал этот завет, отлично знал, что в нем заключается истинный путь человечества.

Знаем, что к великому восприятию мира можно подготовиться лишь деятельным просвещением. "Мир через Культуру" — мы не устанем повторять эту истину. Ведь она не сделалась труизмом, ибо вовсе не все прониклись осознанием этого единственного пути к Благу. Чтобы воспринять мир во всей его подлинности, нужно осознать и все подлинные сокровища человечества. Тот же, кто поймет и осознает эти ценности, научится и хранить их.

Мало того, что существуют музеи и университеты, где читаются история и археология. Это опять-таки лишь формальная сторона достижений. Мы же говорим не о формальностях, не о мертвых декретах, но стремимся посеять живое сознание в сердцах народов. Нам приходилось много раз воочию убеждаться, сколько бессмысленных развалин устыжают человеческое невежество. Мы видели прекраснейшие памятники Культуры расхищенными и разрушенными. В осколках лежат превосходнейшие изваяния, и мы знаем, что глубокое невежество совершило эти несмываемые преступления против мировых достояний. Каждое такое свидетельство о разрушительных наклонностях невежд должно напомнить, как бережно нужно хранить неповторяемые ценности гения человеческого.

Кто-то предлагал завалить все старинные чудесные памятники мешками с песком. Помимо физической неисполнимости таких предложений, нужно помнить, что никакие мешки с песком не охранят ценностей — но лишь истинная Культура может служить достойным покровом всему прекрасному. Поспешим же совместно еще раз утвердить МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ.

Почему же я говорю об охранении ценностей гения человеческого именно к этому памятному дню? Делаю это не случайно, не только для того, чтобы иметь еще один случай сказать слово о неотложном. Имею еще и другую причину. В памятные дни люди вспоминают о самых лучших основах. Пусть же и теперь, произнося великий завет: "Мир всему живущему", все наши друзья еще раз действенно помыслят о путях к этому миру. Пусть еще раз все вспомнят, как бережно нужно охранить все культурные ценности, ибо лишь этот путь приведет к будущим вратам мира. "Мир всему живущему".

Публикуется впервые

Несказуемое

Несказуемое — одно из замечательных речений Блока, когда он перестал посещать религиозно-философское общество. Там говорили о несказуемом. В каждой жизни имеется область несказуемая. Язык человеческий не способен говорить об этой области. А отдельные черты ее не передадут все содержание. К тому же слишком редок контакт, который может обеспечить взаимопонимание. Все равно, что словами описать настроение. Звучание или цвечение может затронуть глубину, но описательные слова пойдут по поверхности.

Но все стремятся именно к Несказуемому. Его называют самыми различными словами, пробуют утверждать и отрицать… Даже в отрицаниях скажется ярое стремление к Непознаваемому. Каждое приближение встречается с неугасимым горением. "Скажите, скажите" — восклицает человек. А затем с глубоким огорчением добавит: "А о самом-то главном так и не сказали". Но если услышит о том, что ему покажется главным, то сумеет ли обойтись бережно? Редко, очень редко сумеет. Чаще расцветит, разукрасит по-своему и пойдет трубить, не думая, что последует за этим трубным гласом. А вреда-то сколько! Один вред — сознательный, а другой без умысла. Попробуйте взвесить, что оказалось вредоноснее. Трудно сказать, как покажет чаша весов. Ехидна старается вредительски подползти, но простак трубач тоже может переполошить всю улицу.

Познать бережность уже будет славным достижением. Каждый припомнит случаи, когда самое главное оказывалось раздетым, безобразно волочимым в пыли. Люди особенно умеют поносить все, что прилежит самому главному. Особенно ярко предательство именно там. Зло готово причинить себе какой угодно ущерб, лишь бы вредить там, где ему прозреются искры самого главного. И все-таки люди тянутся к познаванию. В этом стремлении скрыты и человечность и горение. Кому не удается познать, делается врагом всего сущего. Но есть и такие, кто за каждую крупицу познанную возгорится признательностью. Где признательность, там уже и начало признания, познания, знания. Все от одного корня. Несказуемое не будет осквернено словом, но оно очувствуется. Оно ляжет в основу дружбы, содружества. Всегда вспомним душевно содружников бережных.

Публикуется впервые

Мистицизм

В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем эти люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаюсь этого неопределенного слова "мистицизм". Уж очень оно мне напоминает английское "мист" — то есть "туман". Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познавание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне сдается, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познавание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность вредоносна.

В древности мистиками назывались участники мистерий. Но какие же мистерии происходят сейчас? И не назовем же мы мистериями научное познавание, которое за последние годы двинулось в области надземные, приблизилось к познаванию тончайших энергий. Спрашивается, в чем же всякие пишущие видят мой мистицизм? Если припомним мои картины, то даже сами названия вряд ли будут соответствовать этому людскому обозначению. Припомним от самого начала: "Богатыри", "Ушкуйник", "Гонец; Восстал род на род", "Сходятся старцы", "Бой", "Город строят", "Сергий Строитель", "Гималаи", "Жемчуг исканий", Монгольский тцам", "Конфуций", "Лао-тзе" и из самых последних — "Тревога", "Снегурочка", "Река Жизни", "Настасия Микулишна", "Микула Селянинович"… Или вспомним очерки: "Борьба с невежеством", "Парапсихология", "Болезнь клеветы", "Пески Монголии", "Чингис-хан", "Школьный учитель", "Прекрасное единение", "Старинные лекарства", "Врата Мира", "Чаша неотпитая", "Оборона", "Горький", "Толстой и Тагор"… Все это достаточно, казалось бы, определенно и зовет к познаванию.

Правда, мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачею мысли на расстояние и всем сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Рейном, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными всего мира, не может быть названа дымчатым словом "мистицизм", но есть самое реальное научное познавание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность. Но тогда и Каррель, Крукс, Оливер Лодж, Пипин и все реальные ученые будут тоже мистиками.

Публикуется впервые

Диковины

Дэи — древние тибетские бусы — всегда считались какими-то чудодейственными. Существовало поверие, что эти талисманы падали с неба и сохраняли разные чудесные свойства. Впоследствии в Китае пытались подделывать их, но новейшие подделки по качеству своему могли быть сразу распознаваемы. Сами по себе эти бусы очень любопытны. В Тибете их находят при пахоте — рассказывают, что молния ударила в это место, но на самом деле, очевидно, пахари затрагивают какие-то древние погребения. Древность этих диковинных бус немалая, и одну подобную мы видели среди находок в Таксиле. Жаль, что Тибет до сих пор не разрешает раскопок. Так же диковинны Тибетские менгиры[172] и различные рисунки на скалах, которые достигают неолитическое время. Вещевые находки дадут много неоспоримых соображений. В Киеве была найдена Астарта, а в Смоленских лесах был найден настоящий типичный каменный фаллос. Менее всего можно бы ожидать в Смоленщине такую находку. Впрочем, никогда не знаешь, где именно что-то необычное найдется. Так, в одном Тверском городище была найдена нами отличная готская эмалевая пряжка. Кто знает, каким образом эта вещь была занесена на городище, а, может быть, основа городища была гораздо древнее, нежели мы думали. Так, например, тоже совершенно неожиданно в неолитических курганах недалеко от суворовского имения было найдено около трехсот янтарных привесок и украшений, которые происходили несомненно из местностей Кенигсберга, из Балтийского приморья. Находка была настолько неожиданна, что когда среди кремневых орудий показались эти сварившиеся в песке непонятные предметы, то мы менее всего мысленно относили их к янтарю из дальних мест.

Таким же неожиданным образом около Извары был открыт древний могильник на месте, о котором менее всего можно было предполагать. На коровьем выгоне, где ежедневно дважды проходило большое стадо, из земли торчали сглаженные временем еле заметные камни. Но все же удалось рассмотреть повторность этих камней и исследовать их.

Как среди древностей, так и в пернатом мире однажды нас ожидало большое изумление. Был убит огромный старый ворон. На предплечье крыла его оказался довольно значительных размеров коготь. Тогда же в шутку говорили, что не был ли этот ворон потомком птеродактиля?

Публикуется впервые

Лик Индии

Индия всегда была, есть и будет страной сказочной и чудесной. Неисчерпаемость возможностей индийских сказывается в ее нерешимых противоположностях, тех крайностях, которые высекают вечный созидательный огонь борений, исканий и достижений. Много сходства с российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже. Недаром, подобно Тверитянину пятнадцатого века, говорилось: "От всех бед уйдем в Индию". Замечателен исторический факт появления Долгорукого при дворе Акбара и его особое значение.

От верхов, подобных Тагору, Джагадис Боше, Даянанду Сарасвати, Рамахун Рою, и до самых незаметных бродячих садху всюду найдется глубокое мышление древней Веды; прекрасная Бхагавад-Гита, Упанишады[173] и всевозможные Пураны[174] дают огромную конденсацию мысли. Древность этих памятников гораздо глубже, нежели принято считать на Западе. Не забудем, что в письменную форму все эти памятники облеклись после многих веков устного пересказа.

Один лик Индии, доступный спешащим путешественникам, явит базары, караваны и насыщенную уличную жизнь, в которых, как справедливо заметил еще недавно один русский проезжий, можно видеть подлинный античный мир Сирии и Месопотамии. Но за этим пестрым ликом выдвигается и другой — лик великий, выросший на пещерах Элефанты, Аджанты, Эллоры. О нем же скажут и буддийские реликвии, и Сарнат, и Бодхигая, и цейлонская Ану-радхапура, и Канди, и множество других памятников, которые удостоверяют, какая мощная энергия была заложена около них.

В Индии так же, как и на российских равнинах, вы никогда не знаете, когда встретите наиболее значительного путника. Много странников — сразу не рассмотрите, кто из них несет в себе большую думу и прекрасную весть. Мы сами встречали поразительных в своем разнообразии путников. Нередко богатые караваны Тибетских гешэ[175] не давали новой пищи, которая нежданно проявлялась и была приносима самым невзрачным по виду оборванным ламою. Западная пословица — "по одежде встречают, по уму провожают" — в Азии трудно приложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз, пламенеющих мыслью. Прекрасна Индия.

Публикуется впервые

Упаси!

Упаси вас попасть в лапы американского гангстера. Кем только он ни прикинется. Произнесет весь словарь добра. Будет твердить слова о Культуре. Войдет в доверие. Предложится в качестве доверенного. Выждет целые годы. Смастерит всякие бумажки. Под разными предлогами достанет подписи. Сочинит какие-то "технические необходимости". Наконец, выждет час, когда вы отсутствуете и, сняв слащавую маску, ограбит. Ограбит дотла. До малейшей вещи! При этом окажется, что целая группа здравомыслящих людей подарила гангстеру свое имущество. Подлинный документ этой передачи, видите, исчез, но зато имеется домодельная "копия", сфабрикованная женою гангстера. Нужды нет, что будет доказано свидетелями, что документ никогда не совершался — все-таки найдется и судья, который примет вместо документа сфабрикованную "копию". Найдутся некие адвокатики, которые клеветнически лживо покажут, что гангстер был ученым доктором, знатоком искусства, давнишним культурным деятелем, словом, вопреки очевидности, изобразят все, что им хочется… А правда? Да кому какое дело до правды! Если захотят, то покажут, что вы вообще не существуете.

Гангстер изворотлив. Где нужно — улыбнется, всячески прикинется. Где и тридцать серебренников забренчат. Где и угроза, где и убийство. Все пути открыты. "Закон, как дышло, куда повернешь, туда и вышло". Уже давно это сказано, и гангстер знает много пословиц. Знает, что у Фемиды глаза завязаны. И еще есть опора у гангстера. Он убежден, что защитить правду стоит великих денег. Но какие же деньги найдутся у ограбленных людей? И где те защитники, которые, подобно Золя, встанут за правду без гонорара? У гангстера найдутся и покровители, им опутанные. Даже вторгнутся они в правосудие, будут надоедать судьям телефонами. Гангстер надсмеется над целой нацией. Сыграет на любой слабой струне. Где выгодно, прикинется шовинистом или меценатом — наденет любую шкуру, хотя бы овечью, чтобы скрыть свою тигровую личину. Даже разумные люди будут советовать уступить гангстеру, ибо и Спарафучиле недорого стоит. Итак, вопреки Культуре, вопреки цивилизации, вопреки достоинству человеческому гангстер будет царить. Он найдет хор сикофантов[176] и готовые отравленные кинжалы. Отчего Линдберг вынужден был покинуть Америку?

Публикуется впервые

Оборона Культуры

(из письма)

О Пакте охранения художественных и научных ценностей. Я вполне согласен с Тобою, что всякие условные Лиги и всякие "некультурные некооперации" (как их называл Масарик) ни к чему не приведут. С этой точки зрения Пакты являются лишь клочками бумаг, и в этом Ты прав. Но моя идея совсем иная. Издавна я был членом Красного Креста, а затем и Французский Красный Крест избрал меня пожизненным членом. Этим путем я мог ознакомиться с деятельностью замечательного Дюнана и со всею историею прекрасного гуманитарного учреждения Красного Креста. Мне известно, какие насмешки и всякие пессимистические поругания вызывала в свое время идея Дюнана. Ее обозвали утопией, надсмехались и ругали непрактичность великого швейцарца. Потребовалось семнадцать лет упорнейших трудов, чтобы добиться первого осуществления простой всечеловеческой идеи. Таким образом, невозможное вчера вдруг сделалось вполне возможным. Конечно, и сейчас найдутся человеки, которые с некоторым злорадством расскажут о том, как еще недавно итальянские бомбы поражали госпитали Красного Креста. Но эти отдельные жестокости и варварства нисколько не опрокидывают высокий смысл Красного Креста. Обругать и оплевать можно даже самые высокие изображения. Но они от этого не унизятся. Разве унизилось значение "Анжелюса"[177] Милле, претерпевшего вандальское нападение?

Моя идея о сохранении художественных и научных ценностей прежде всего заключалась в создании международного импульса к обороне всего самого драгоценного, чем живо человечество. Если знак Красного Креста всем напоминает о гуманитарности, то такого же смысла знак должен говорить человечеству о сокровищах прекрасных. От начальной школы и до всех общественных проявлений человек должен усваивать ясное представление о значении искусства и знания. Как Тебе ведомо, такое пикториальное[178] воздействие является одним из самых убедительных и запоминаемых. Таким образом, если школьники от своих первых же дней усвоят значение и Красного Креста Культуры, то в конечном счете произойдет и сдвиг сознания.

В нашей переписке по этому поводу накопилось много интереснейших данных. Вот теперь мы слышим, что газета "Нувель Литерер" открывает целую анкету по этому поводу и обещает дать мнение генерала Гамлена, Поля Жамо, Уго Оджетти, Филадельфуса и других деятелей. Импульсом к этому

обмену послужила статья нашего друга де Ла Праделя об охранении творений искусства во время войны. Еще недавно один видный иностранец, профессор писал мне: "Вы будите, устыжаете и не даете впасть в пессимизм и уныние". Если человек устыдился — значит, он уже лишний раз подумал о ценности искусства и знания, а ведь о значении этих облагораживающих предметов человечеству не мешает подумать и утром, и днем, и вечером. Таким образом, моя мысль прежде всего была не столько о клочках бумаги, сколько об импульсе углубления человеческой мысли к тому, в чем заключается истинный прогресс.

Если нам, подобно Дюнану, приходится слышать поругания, то это нисколько не убавит нашего устремленя ко благу. Целый архив литературы и интереснейших мнений является доказательством того, что не тщетны были устремления и труды. Человечеству далеко до мира, и тем не менее везде возносятся моления о "мире всего мира". Казалось бы, это величайшая утопия, и тем не менее сердце человеческое не молится о даровании войны, хотя она и есть самая гнусная реальность нашего века. Пространственно молятся о мире всего мира, и в этом цементировании пространства уже выявляется светлый оптимизм. Пусть это будет выполнено не для нас, но хотя бы для отдаленного человечества, которое нам заповедано любить.

Можно быть различного мнения о современном состоянии человечества. Можно смотреть на доблести людские более пессимистично или более оптимистично. Но так трудно живется сейчас людям, злоба и ненависть выливаются из каких-то темных недр! Слабые духом не понимают, а люди, даже привычные к добротворчеству, часто бывают разделены нелепыми маленькими предрассудками. В преодолении этих предрассудков нам надлежит подать пример молодым поколениям. Не так уж долго осталось нам трудиться в здешнем мире, и в эти финальные годы надлежит выявить все, чему научило нас общение с самыми разнообразными людьми.

Всякое подозрение, умаление, окаменение не может быть там, где сердце болит. Не можем мы не трудиться и не выявлять устремления сердца нашего. У каждого из нас накопилось множество ценнейших воспоминаний, которые послужат нам повсюду. Ты знаешь, что мне, как и каждому из нас, приходилось выносить множество клеветы. Еще недавно один друг из Парижа писал мне, что некие индивидуумы изобретали обо мне такие небылицы, что только разве не сказали, что и картины мои пишу я не сам. Но все это не имеет значения, ибо правда не ржавеет. Давно сказано: сегодня огорчение, а завтра радость.

Публикуется впервые

Посевы

При лесонасаждении знает ли кто-нибудь, которое деревцо примется лучше прочих и которое первое пропадет? При посевах никто не решит, которое поле будет наилучшим, — слишком много привходящих обстоятельств. Даже самый опытный садовник не может поручиться, которое именно растение даст лучшие цветы. Опытный сеятель и не огорчается тем, что он не знает всех следствий своего труда. Так же и во всех культурных работах не можем мы знать, где именно окажутся наиболее прочные ростки. Более того, мы даже не в состоянии предугадать, которая именно перемена или которое распадение послужит для зарождения новых полезных ветвей.

Помню, как А.А. Голенищев-Кутузов говорил нам, что он хочет, чтобы коллекция его не поступала целиком в один какой-либо музей: "Пусть она опять широко разойдется и даст ту же радость, как и мне, многим новым собирателям". Так мог говорить не только истинный любитель искусства, но и поэт. Он-то знал радость собирания и любования творчеством. Знал, что эта радость особенно звучит, когда она происходит не только в официальном музее, но именно дома, наедине, когда рождается настоящее любование, а за ним и любовь к творчеству. Поэт как бы чувствовал, что творения имеют свою судьбу. Одни из них роком пригвождаются надолго к одному месту, но другие, как странники, долго ходят по миру, давая радость в самых неожиданных местах.

И не знаем мы, которая радость больше, не можем измерить, где именно художественное произведение нарождает наибольшие последствия. Может быть, наиболее ценное молодое сердце будет вдохновлено именно в домашнем окружении. А сколько рутинных безобразных обстановок будет скрашено лучом истинного искусства! Каждый знает, как нередко какое-то распадение служило импульсом для нарождения чего-то большего и более многочисленного. Говорится: "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло". Народ предвидел, через какие нежданные врата входит новое строение.

Все в движении. Этим постоянным поверх человеческого разума движением создаются новые напряжения, в которых обостряются силы и опять-таки рождается новое творчество. Люди не знают, какие странствия произойдут для них самих. Тем более можно ли предвидеть пути вещей? Пусть все движется в новых зарождениях.

Публикуется впервые

Для будущего

Вспомним наугад несколько значительных, музейных художников: Мазо ди Банко, Траини, Алтичиеро, Стефано да Зевио, Микеле Джиамбоно, Питати, Бенедетто Диана, Эмпо-ли, Инджегно, Ланини, Лицинио, Мачциале, Мосетто, Моран-до, Герини, Буонокорсо, Ортолано, Орси, Ориоло, Пульцоне, Станциони — можно бы назвать еще многих, многих. Они были хорошими художниками. Некоторые из них занимали выдающиеся места. Были главами академий и мастерских. Но игра рока удивительна. Многие современники их опередили. Им пришлось не раз уступать свои произведения иным мастерам. Только в веках кое-что было им возвращено, но и то частично.

Помним, как фреска пизанского Кампо Санто меняла автора от Гоццоли к Нардо ди Чионе и от последнего к Траини. Немало таких странствий совершили произведения. Даже и в совсем недавнее время чуть не о наших современниках спорят критики и не знают, кому приписать анонимные творения. А что же сказать о веках далеких, когда традиционные сходства школ еще более прикрывали индивидуальность? Как отличить даровитых учеников Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка от самих мастеров? Ластман, учитель Рембрандта, иногда трудно отличим от ранних работ своего великого ученика. Даже Брамер подчас напомнит Рембрандта. Затем, в свою очередь, Ян Викторе и безвременно погибший при взрыве в Дельфте Фабрициус не раз бывали принимаемы за самого Рембрандта. Посмотрите в словаре Вурцбаха на множество художников Нидерландов. Немало из них вообще не оставили картин или, вернее, были поглощены другими мастерами. Подписных картин сравнительно мало. Огромное количество анонимных картин дает широкое поле догадкам и всяким временным определениям!

Существуют и синодики известных картин мастеров, местонахождение которых неизвестно. Среди них можно видеть имена Тициана, Дюрера, Греко, Веласкеса… Может быть, они погибли в огне, может быть, уничтожены вандалами, которых немало во всех веках и народах. Кое-что, может быть, еще скрывается на каких-то чердаках. Ведь постоянно находятся новые шедевры Вермера, Гольбейна, Рубенса и других лучших мастеров. Под великими именами часто скрываются неузнанные таланты, и, наоборот, великие произведения остаются неузнанными… "Это для будущего" (Софокл).

Публикуется впервые

Богатство

Одна из наиболее тягостных для нас сказок была о нашем богатстве. Неизвестно, откуда и где зародилась эта выдумка, но хлопот она доставляла много. Постоянно слышались всевозможные просьбы, совершенно неудовлетворимые. Кто-то хотел основать школы; кто-то основывал детский театр; кому-то нужен был печатный станок; кто-то желал построить дом культуры; кто-то желал приобрести именье; кому-то нужно было докончить образование… Бесконечный список человеческих желаний и нужд. Сердце болело, отказывая бедным, но что могли значить наши копейки в этом бесконечном потоке слез и самых благородных намерений. Когда могли, давали, но это была маленькая капля в океане потребностей. В то же время кто-то создавал легенды о нашей роскоши. Это у нас-то роскошь! — против нее мы столько писали. "Роскошь должна оставить вас".

На чем же можно было сделать дальнейшие сокращения? На культурных работах? На книгах? На прекращении переписки? Но не в обычае было не отвечать на письма. Издавна полагалось, что отвечать нужно немедленно — ведь люди ждут за морями, за долами. Каждый день промедления приносит кому-то тоску ожидания. В праве ли мы порождать это горькое чувство? С расстояниями люди не считаются. Предполагают, что каждый вопрос дойдет немедля. Нельзя заставлять ждать — это будет кража чужого времени и мысли. А что может быть невознаградимее?

Но как же помочь всему, кому помощь необходима?! Всегда получится большая или меньшая случайность. При этом люди не ценят косвенную помощь. Многие скажут: "К чему долгие советы, когда проще сделать денежный перевод?" Ну а если его сделать не из чего? Это даже не допускается. Из "достоверных" источников знают о миллионах… Нужды нет, что доказать их наличность нельзя. Сказка о богатстве — самая жестокая, самая легкопроизносимая, самая безответственная. К этому же добавится легенда о "добром человеке" и в итоге — поток просьб и требований, а затем град разочарований. Скажете: "богатства нет и никогда к нему не стремились". Никто не поверит, ибо вера в миф — самая крепкая вера. Человек верит не в действительность, но во что ему хочется поверить. Сказка о богатстве — самая жестокая.

Публикуется впервые

Много примеров

Анатоль Франс рассказывает:

"Можно было бы дать тому бесчисленные примеры. Я приведу только один. Лет пятнадцать тому назад на экзамене на вольноопределяющегося военные экзаменаторы назначили для диктанта кандидатам неподписанный отрывок, который, будучи приведен во многих газетах, усердно осмеивался в них и вызвал большую веселось у начитанных читателей. "Где, — спрашивали они, — эти военные откопали столь смешные фразы?" Между тем они были взяты из очень хорошей книги. Это был Мишле, и Мишле лучшей поры.

Забавник, смеявшийся больше других, был большим ревнителем Мишле. Эта страница прекрасна, но чтобы вызывать всеобщее восхищение, она должна быть подписанной. Точно так же обстоит со всякой страницей, написанной рукою смертного. И наоборот, громкое имя вызывает слепые похвалы. Виктор Кузэн открывал в Паскале тонкости, которые потом были признаны ошибками переписчика. Он, например, восторгался "запрокинутыми безднами", происходящими исключительно от ошибочного чтения. Трудно представить себе г. Виктора Кузэна, восторгающегося "запрокинутыми безднами" у кого-либо из своих современников. Рапсодии некоего Врэна Люкаса были благосклонно приняты академией наук под именами Паскаля и Декарта. Оссиан казался равным Гомеру, когда его считали древним. Его презирают с тех пор, как знают, что это — Мак-Фирсон".

Истинно — много примеров несправедливости. Случалось, что и Рембрандта отвергали и Коро не принимали на выставку. В 1904 году я предлагал устроить анонимную выставку, чтобы дать повод поразмыслить о качестве. Но эта идея показалась страшной! Мало ли что могло произойти. Неведомые могли возвыситься, а заслуженные, чего доброго, могли потерять свои регалии. Вероятно, Анатоль Франс много раз испытал условность суждений и хорошо знал все приливы и отливы. Антиквар Смирнов говаривал: "Что такое подпись? Подпись тридцать копеек стоит". И отойдут и опять вернутся. Кому-то будет выгодно умалить, кому-то окажется полезным возвысить. И все-таки "Красота спасет мир".

Публикуется впервые

Преодоления

Грабарь в своей автомонографии пишет:

"Вскоре после этого Рерих выступает с серией картин из быта доисторических славян. Все они были талантливы, и Рерих рос не по дням, а по часам. Росла и его административная карьера: после трагической смерти Собко, попавшего под поезд, Рерих получает назначение секретарем Общества Поощрения Художеств — пост по тогдашнему времени весьма значительный ввиду близости к придворным сферам через всяких великих княгинь, патронесс общества. Понемногу он превращается в "Николая Константиновича" и становится "особой"; с его мнением считаются, перед ним заискивают. Он полноправный хозяин второй петербургской академии — Общества Поощрения. Перед самой революцией была, как говорят, подписана бумага о назначении его действительным статским советником, т. е. "статским генералом", что было связано с приятным титулом "ваше превосходительство". Чего больше? В тридцать лет достигнуть всего, о чем можно было мечтать по линии служебной карьеры! Но этого было Рериху, конечно, недостаточно. Он начал собирать нидерландцев.

Но самым главным делом для него оставалась все же собственная живопись. Он еще раз в корне переменил манеру и художественную установку, вступив в лучший, наиболее блестящий период своей художественной деятельности. Убедившись в излишней черноте картин своего предшествовавшего периода, Рерих бросил масляную живопись, перейдя исключительно на темперу. Появились те красивые, гармонические по цветам композиции, которые стали нарицательными для обозначения существа рериховского искусства: настоящее, бесспорное, большое искусство, покорившее даже скептика Серова. Особенно хороши были эскизы его театральных постановок — к "Игорю", "Пер Гюнту", "Весне Священной".

Для меня была совершенной загадкой жизнь Рериха. Бывало, придешь к нему в его квартиру в доме Общества Поощрения, вход в которую был не с Морской, а с Мойки, и застанешь его за работой большого панно. Он охотно показывает десяток-другой вещей, исполненных за месяц-два, прошедшие со дня последней встречи: одна лучше другой, никакой халтуры, ничего банального или надоевшего, — все так же нова и неожиданна инвенция[179], так же прекрасно эти небольшие холсты и картины организованы в композиции и гармонизованы в цвете.

Проходит четверть часа, и к нему секретарь приносит кипу бумаг для подписи. Он быстро подписывает их, не читая, зная, что его не подведут: канцелярия была образцово поставлена. Еще через четверть часа за ним прибегает служитель:

— Великая княгиня приехала.

Он бежит, еле успевает крикнуть мне, чтобы я оставался завтракать. Так он писал отличные картины, подписывал умные бумаги, принимал посетителей, гостей — врагов и друзей — одинаково радушно тех и других, первых даже радушнее, возвращался к писанию картин, то и дело отрываемый телефонными разговорами и всякими очередными приемами и заботами. Так проходил день за днем в его кипящей, бившей ключом жизни".

Но не написал Грабарь, легко ли было. А бывало так трудно, что казалось исхода нет. Помимо картин, осталось еще ведущее ощущение. Удалось давать молодежи в школе подлинное образование. Удавалось открыть молодые глаза на новые дали и вооружить их против всех страшных призраков, против насмешек невежества и мракобесия. Разбрелись широко ученики школы, но поминают душевно былые наставления. "Живы заветы учителя". Так писал Вольтер в 1926 году в Москве.

Публикуется впервые

Особенное

Лето 1930 года мы с Юрием проводили в Париже на Авеню Камоэнс. Была большая квартира с длинными темными коридорами. Дом старый, но подновленный. Прислуга-испанка уверяла, что она слышит в коридорах какие-то странные шумы, но мы не обращали внимания на ее заявления. Однажды около полуночи Юрий проходил по коридору и услышал совершенно явственно, что перед ним кто-то шел, как бы шаркая туфлями по полу. Другой раз рано утром Юрий проснулся, точно разбуженный, и увидал около постели падающий горящий дирижабль. Юрий разбудил меня, говоря, не произошло ли где несчастья? В то же время погиб в Бельгии дирижабль, летевший из Лондона в Индию.

Но самое поразительное явление в этом доме было с черной кошкой. В восемь часов утра я вышел в столовую, где уже был накрыт стол для кофе. Столовая имела одну дверь и против нее большое венецианское окно, тогда запертое. На белой скатерти стола сидела большая черная кошка с голубой ленточкой на шее и пристально смотрела на меня яркими желтыми глазами. Мы все кошек не любим. Далекий от всяких потусторонних мыслей я обернулся к Юрию, который был тогда в спальне, и сказал: "Какая гадость, кошка забралась" и тотчас опять посмотрел на стол, но там никакой кошки не было. Мы осмотрели всю комнату, в которой, кроме буфета и стульев, ничего не стояло. Спросили прислугу, которая в то время несла кофе, но ни она, ни консьержка о такой черной кошке никогда и не слыхали. Так мы о нашей "гостье" больше ничего не узнали. Правда, именно на этом месте всегда сидела некая дама, которая впоследствии обнаружила все свойства черной кошки с желтыми злыми глазами. Не была ли кошка предупреждением? Сколько таких эпизодов можно записать!

Однажды сенатора Кони спросили, не бывало с ним чего-либо необычного, необъяснимого? Он задумался, а затем улыбнулся и сказал: "Все-таки был один такой случай". Оказывается, Кони имел тайное расположение к одной особе. Но о своем чувстве он никому никогда не говорил. Уже после смерти этой особы, в один из памятных ее дней, посыльный принес объемистую посылку, которая оказалась мраморным бюстом этой особы. Откуда? Кто послал? Почему? Кони никогда не узнал.

Да, бывают такие посылки. И Е.И., и Юрий, и Святослав знают, как из парижского банка приходит повестка о посылке. Много надземного и среди земной жизни.

"Обитель Света"

Культура

Работа моя с самых первых лет была художественная и культурно-образовательная. Волею судьбы с 1897 года я стоял близко к школьному делу, и такое личное участие, а потом и руководство еще раз со всею силою подчеркнули, насколько нужно оберегать культурно-образовательную область от всяких наносов и влияний. В настоящее время именно происходит нечто противоположное. Даже назначение Нобелевских премий делается чуть ли не политическим актом. Выставки, обмен профессорами и другие культурные соприкасания тоже становятся как бы политическими действами. Институт Интеллектуального Сотрудничества уже прямо состоит при Лиге Наций, которая есть чисто политическое учреждение. В то же время в области политики происходят такие затмения и смущения, что было бы жаль, если культурно-образовательная работа оказалась бы связанной с политическими ухищрениями.

Политикой мы никогда не занимались, и я знаю, что это обстоятельство подчас вызывало недоумения и даже порицания. Ни в какую политическую партию не входили и по этому поводу даже имели некоторые длительные и малоприятные разговоры. Но как от первого начала, так и до сих пор остаемся беспартийными прогрессистами, преданными культурно-образовательному делу.

Область Культуры настолько самобытна и обширна, что невозможно в нее вносить постоянно зыблемые политические соображения. Именно незыблема область Культуры, и двери ее открыты всему, что мыслит о созидании, о мире, о благе, о преуспеянии народов. Если мы мысленно перенесемся в разные прошедшие века и сопоставим их культурные достижения со всеми политическими смущениями, одновременно происходившими, то еще раз станет ясным, насколько область Культуры образовывалась самобытно.

Выдающиеся политические деятели говорили художникам, запечатлевшим их портреты, что благодаря художникам этим облик их останется. В веках стирались политические хитроумные соображения, но облик, вычеканенный рукою мастера, оставался на тысячелетия, суммируя характер личности. Сравните быстро бегущую зыбь политическую и нерушимые научные достижения, которые через все бури земные вели человечество к совершенствованию. Итак, останемся в области культурно-образовательной и творческой. Разве не странно, что политика и Культура в существе своем разошлись? Казалось бы, и то и другое

служат улучшению жизни, но за последнее время чванная политика как-то откололась от пути Культуры. Проверим, много ли участвует художников и ученых среди политических собраний. Окажется, что лишь в малом количестве стран в законодательных учреждениях широко включены представители науки и искусства.

В чем же дело? Может быть, ученые и художники вообще не желают участвовать в народном строительстве? На поверку выйдет, что их и не спрашивают и не считают вообще кандидатами для рассуждения о строе жизни. Платон утверждал, что человек есть "зоон политикон", то есть существо общественное или же, как некоторые переводили, животное общественное. Никто бы не рискнул сказать, что с теперешней точки зрения человек есть животное политическое. Платоновская общественность не укладывается в узкие рамки теперешней политичности. Наверное, в составе общественных учреждений Платона первые места предполагались для философов, ученых, художников, но сейчас так называемые политики составили как бы особый класс человечества и ей высокомерно смотрят на все прочие профессии.

Институт Интеллектуального Сотрудничества является как бы каким-то второклассным сюкерсалем[180] Лиги Наций. Мнение участников этого "бедного родственника" может быть заслушано в часы досуга, но никто не будет даже допускать мысль, что такое мнение могло бы лечь в основу самых существенных и новейших программ человеческих преуспеяний.

Что ни говорить, а платоновская общественность не имеет ничего общего с современной политичностью. Если бы великий философ увидел увешенного орденами и медалями политика, спешащего с туго набитым портфелем, и рядом с ним скромного глубокого мыслителя, то, наверное, философ думал, что именно этот мыслитель находится в самых высших совещаниях, а звенящий звездами и орденами господин есть лишь чиновник-исполнитель, так заботящийся о самоукрашении.

Конечно, политику есть от чего чваниться. Он берет свой скальпель-перо и, как операционное мясо, режет им человеческие народности, не считаясь с историческими основами. Но сияние всяких звезд все-таки не затмит продвижение Культуры. Не включенная во всякие высшие совещания все-таки именно она будет складывать будущее человечества. Пусть это будет светлое будущее.

Публикуется впервые

Тернии пути

Древняя история Средней Азии сохранила любопытное указание, что в 198 г. до нашей эры китайское посольство Чжан-Цзяна к индо-скифам было задержано хуннами и лишь через пятнадцать лет могло продолжить свой посольский путь. Вот какие сроки бывали на путях Азии. От древности и до наших дней многие азиатские экспедиции испытали всякие задержки и неприятности.

Был задерживаем и Пржевальский и Козлов, бывали стычки и перестрелки с убитыми и ранеными. Одна из экспедиций Орель Стейна была не допущена китайским правительством. Свен Гедин, хотя и шел от китайского правительства, но тем не менее был арестован китайцами же в Хами. Мы были свидетелями, каким задержаниям и утеснениям подвергался Фильхнер и в Тибете и в Туркестане. Дютрель де Рейне был убит на северо-востоке Тибета. Рассказывают, что раненый он был брошен в реку Догчу. Во время нашей экспедиции погиб французский исследователь Марго.

Когда сравниваешь все эти притеснения и несчастья с утеснениями, причиненными нашей экспедиции хотанским дао-таем[181] Ма, а затем тибетцами около Нагчу, то даже наше замерзание на ледянистых высотах в летних палатках оказывается не чем-то особенным, а просто одним из обычных терний, так обильно растущих на азийских путях.

При этом впоследствии вы никогда не узнаете, откуда исходили всякие побудительные к утеснениям токи. Хотанский дао-тай будет ссылаться на урумчинского Яня, а тот, в свою очередь, будет кивать на какое-то правительство, и притеснения неожиданно заканчиваются парадным обедом. Впрочем, что касается до парадных обедов, то наш старый переводчик Сайченко всегда советовал нам лучше не есть, не садиться спиною к двери, а еще лучше надевать панцирь. Потом мы слышали, что на одном из таких же обедов был застрелен калмыцкий князь Тайн лама, а затем и сам Янь был застрелен своими же телохранителями именно во время парадного обеда. Всяко бывает. Причины задержания нашей экспедиции в северном Тибете тоже остались и посейчас не выясненными. Оба главы Тибета — и Таши-лама и Далай-лама были благожелательны. Члены тибетского правительства дружественно бывали у нас в Дарджилинге, при этом постоянно высказывались самые радушные приглашения. После всего случившегося тибетское правительство письменно выражало свои всякие сожаления, а

устно намекало на какие-то посторонние влияния. Так эти энигмы и произрастают на азийских путях. Жаль, по причине их столько полезно-научного препятствуется. Кроме этих тайно-флюидических энигм, на всех горных путях постоянно узнаете рассказы о всяких писанных и неписанных драмах и несчастиях.

Этою зимою даже около нашей мирной долины произошло несколько бед. На Ротанге замерзло четверо мусульман с лошадьми. На перевале к Малане снеговым обвалом было унесено одиннадцать путников. На дороге к Кулу свалился почтовый автобус, несколько человек было убито и много ранено. В деревне около Маникарна две женщины подрались горящими головнями и в пылу сражения подожгли скирды соломы, отчего сгорело пятьдесят домов и погибло несколько человек. Так даже в самом мирном месте за один зимний месяц погибло достаточно жителей.

Конечно, скажут — что значат эти жалкие цифры перед сотнями тысяч погибающих при землетрясениях, наводнениях и эпидемиях? Одни цифры погибших от неосторожной езды в столицах — чудовищны. При всех азийских экспедиционных опасностях все-таки нужно признать, что они несравнимы с опасностями на улицах столичных городов. И еще одна подробность — в азийских просторах вы можете оставить под защитою неба целый караванный груз. За ночь не разграбят ваших ящиков с серебром, но, увы, на улицах самых цивилизованных городов, твердящих о всех заповедях добра, вы не сможете серебро оставить. Тернии далеких пустынных путей дают прекрасные цветы шиповника.

Впрочем, не будем уменьшать всякие экспедиционные опасности. Кроме людских злонамерений, вспомним вовсе суровые проявления природы. Каждый высокий горный перевал, каждое полузамерзшее озеро — все полно опасностей. Каждый буран в пустыне, каждый степной пожар требует напряжения всех сил и настороженности.

В этих же пустынях когда-то на сторожевых башнях пылали дозорные огни. Столько вторжений, столько бегств, сколько смятения похоронено под барханами "шелковой" дороги. Всего было. Но пустынные огни и пустынные повести запечатлеваются навсегда. Красивы цветы горного шиповника.

Публикуется впервые

Сказка

"Теперь я мог бы спросить тебя, не было ли в твоей жизни часов, дней и недель, когда все твои обычные занятия возбуждали в тебе мучительное отвращение и все, что прежде представлялось тебе важным и достойным удержания в уме и в памяти, казалось тебе ничтожным и пустым? Ты сам не знал тогда, что тебе делать и куда идти. Грудь твоя вздымалась от смутного чувства того, что где-то и когда-то должно быть исполнено переходящее за пределы всех земных наслаждений желание, которого не смел выразить дух твой".

В сказке ли это сказано? Гофман в реальности переживал такие смутные, но правдивые зовы. Да кто их не переживал? Настоящая действительность стучалась, кричала в уши, хватала за руки, но люди в базарной сутолоке думали, что их зовет выгодный покупатель. Тщетно оглядывались заблужденные, но их земные глаза и уши им не помогали. Где грань сказки и жизни? Как отделить реализм от натурализма? Путаются люди в этих разграничениях. Чудится, что натурализм где-то на базаре, а суровый, величественный реализм — на высотах жизни. Реалист недалек от синтеза, ибо он стремится выразить сущность, а она всегда синтетична.

Реализм не спотыкается о нагромождения подробностей, он ищет самое главное, самое выразительное, самое убедительное. Реальность, иначе говоря — сущность. В то же время натурализм пытается выхватить кусок природы во всей насыщенности подробностями, в нагромождени всей пыли, всех осколков. Волна ветра унесет эту запыленность, но натуралист уже не увидит это преображение. Сказка не есть небылица. В сказке, в сказании выражен глиф жизни, облаченный в видимость, доступную многим векам и народам. Эллины хранят предание о Полифеме, но то же самое сказание найдется и в тибетских старинных рукописях.

Натурализм есть гнет оболочки. Реализм — сказка жизни.

Постепенно расчленяются еще недавно смешанные понятия. Этот процесс происходит около понимания действительности. Расширились сферы знания. Химия распалась на биохимию, на астрохимию и на многие отделы той же науки. Психология обогатилась различными приставками. Надземные сферы из заоблачных уже становятся областями реального познавания. Реальное знание будет символом широкого преуспеяния.

Публикуется впервые

Quaerens quern devoret [182]

Поистине, по всему миру ползает отвратительное чудовище, ища кого бы пожрать. Удивительно, насколько оказываются затрудненными большинство полезнейших и прекраснейших начинаний. Иногда даже невозможно представить себе, по какой причине человечество отрицает самые ценные достижения, в то время как миллионы, чуть ли не миллиарды, тратятся на такое, о чем впоследствии человечество будет и сожалеть и стыдиться.

Среди множества полезнейших открытий, встретивших на пути своем всякие затруднения, нужно вспомнить и голгофу радия, то есть, вернее, голгофу Кюри и Кюри-Склодовской. Недавно вышла отличная книга их дочери. В ней в простых и неопровержимых словах рассказано, какими трудностями были окружены оба отважных испытателя. Им пришлось работать в нищенских, тяжких условиях, и облагодетельствованное ими человечество вовсе не подумало вовремя облегчить их труды. А ведь это небрежение записано и останется укоряющим памятником.

Вот другая книга — о Гогене, о том, как этот замечательный художник умирал бедственно накануне ареста. Таким напутствием сопроводили его соотечественники, которые потом всячески гордились, что в среде их был такой замечательный творец. В жизнеописании Рамакришны читаем о всяких лишениях, которые легко могли бы быть облегчены его современниками. Также читаем, что мать и сестра Вивекананды умерли с голода. Кроме того, знаем, что и сам он претерпевал великие трудности. Примеров без конца.

Конечно, Алексей Каррель расскажет нам, что человечество постепенно близится к повальному сумасшествию. Он приведет доказательства различных неестественных проявлений современной жизни. Потрясающи некоторые страницы его замечательной книги "Человек неизвестный". Действительно, человек остается непознанным. Но почему же особенно непознаваемы большинство прекраснейших достижений? Помню, как в свое время не хотели помочь Врубелю, даже несмотря на его тяжкую болезнь. Лишь когда услышали, что он, кроме всего прочего, и слепнет, только тогда можно было пробить очерствелые сердца. Помню, как Куинджи тогда скорбно сказал: "Если слепнет, тогда уже наверно помогут" — точно бы слепота является залогом помощи художнику. Какое же такое мрачное чудовище ползает по миру, ища кого пожрать?

Публикуется впервые

Славный уход

Сообщают, как отошел В. Н. Гр.: "Он скончался тихо и спокойно. Перед отходом сказал, придя на момент в сознание: "Надо сменить одежду". Потом снова забылся и, снова придя в себя, сказал: "Совершается великий закон". И третий раз произнес: "Решается жизненная задача". Более семи лет В.Н. провел в постели в тяжких страданиях. Можно было изумляться, видя это разрушающееся тело, в котором горел ясный, неослабевающий дух. Болезнь нервных конечностей вызывала большие страдания. Материальные невзгоды тоже могли сломить возвышенное устремление. Но ничто не могло остановить вдохновенную мысль. Каждая беседа с В.Н. содержала в себе трогательные и зовущие утверждения. В.Н., философски образованный, всегда был готов к переходу. Но многие ли из людей, даже готовых к отходу в Мир Тонкий, умеют остаться в той же твердости и ясности, когда наступает решительное мгновение?

Известны случаи, когда люди, очень философски рассуждавшие в отношении других, впадали в смятение, как только дело доходило до них самих. О В.Н. могут сказать, что он имел время приготовиться в течение всей своей необычайно долгой и тягостной болезни. Сказать-то это легко, но на деле это бывает очень редко. Даже долгоболящие, даже знающие неизбежность скорого окончания земного пребывания впадают в смущение, когда они приближаются к порогу. Накопления мыслительные и философские утверждения часто бывают забыты не только при переходе через Великий Порог, но даже и в самых обычных житейских условиях. Также нередко перед отходом люди начинают заботиться о чем-то земном, что, в конечном счете, казалось бы, не имело никакого решающего значения.

Уход В.Н. тем замечателен, что в сознание его в последние минуты не проникло ничего преходящего, обыденного. Все три фразы, произнесенные им в промежутках забытья, показывают, что мысль его, вернее, непреложное знание его устремлялось лишь к нерушимым основам. Все друзья не будут плакать сокрушенно о В.Н., но возрадуются сердечно. Они знают, что при таком ясном сознании В.Н. и в Тонком Мире продолжит свою замечательную мыслительную деятельность. Для него Великий Порог будет лишь открывшейся завесою к великому Свету.

"Per aspera ad astra".

Публикуется впервые

Рущиц — Вроблевский

Химона, Рущиц, Вроблевский — уже немало ушло из учеников Куинджи. Кажется, что и годы Академии художеств и начало работы были так недавно. Но оказывается, что с тех пор уже прошла целая жизнь. В мире случились необычайные события, которые делают наш век исключительным. Всю мастерскую Куинджи раскидало широко по миру. Обстоятельства даже лишили возможности общения. Вот и сейчас не знаю, как живут Богаевский, Латри, Рылов. В Лондоне мы узнали о смерти Химоны. Хотелось послать Рущицу весточку, но вместо того пришло сообщение о его смерти. Еще не так давно я имел письмо от Вроблевского из Варшавы и с радостью ответил ему, но ответа от него уже не получил, а теперь кружным путем пришло известие, что Вроблевский в конце Марта скончался от сердечного припадка.

Вспоминаю Рущица и Вроблевского вместе не потому, что они были поляки, но было в их характере что-то общее. Общность романтизма и героизма жила в обоих. Старые костелы Рущица, его густые дубравы и лесные речки и вся его земля такая многопожившая, многостраданная — все это было выражено не умышленно, но звучало от самого чуткого сердца. Так же точно и Карпаты Вроблевского звучали тою же нотою торжественности и возвышенности. Может быть, художник в это время и не думал именно об этих качествах, но они выливались у него непосредственно. При своем последнем письме Константин Каэтанович прислал несколько фотографий с его последних картин. Мы порадовались, видя эти твердые ясные формы и спаянность художественных планов. Вот как будто уже только пейзаж, но из-за волнистых холмов показываются башни и церковные купола, и в этих напоминаниях опять сказывается основной романтизм художника.

Много лет мы проработали с Вроблевским в Школе Общества Поощрения Художеств. Учащиеся не только любили Вроблевского, но и уважали его. Он был не только художником-преподавателем, но всегда оставался и воспитателем, и это качество открывало ему сердца молодежи. Истинных воспитателей всегда любят. В этом учительстве сказывались традиции Куинджи. Ведь и Архип Иванович всегда был для нас не просто руководителем мастерской, но именно руководителем жизни. Многообразен был состав его мастерской, и широкая душа Архипа Ивановича ценила это разнообразие.

Публикуется впервые

Возражения

Не только М.Боткин, но и большинство членов Академии искали случая, чтобы обругать "Мир Искусства". Из-за этой ненависти разошелся я с Собко и попал в подозрение у Стасова. Занятно было выслушивать различные мнения на наших выставках. Помню, как Президент Академии Наук в[еликий] князь Константин Константинович поносил выставку за "декадентство". Почему-то он обрушился на безобидный этюд Браза: "Зачем фонарь кривой?" Пришлось пояснить: "Вероятно, сломался". Ответ сильно не понравился. Управляющий Русским Музеем в[еликий] князь Георгий Михайлович однажды начал ругать выставку в более чем сильных выражениях, не годных для печати. Как председателю Общества мне пришлось терпеливо выслушивать этот грубый поток. Наконец, заметив мое демонстративное молчание, в[еликий] князь счел нужным смягчить положение: "Простите меня, я говорю, как солдат". — "И притом имеете полную возможность".

В[еликий] князь Владимир один раз при всех брякнул такое словечко, что можно было вспомнить Горького в "Страсти-мордасти": "От моего словечка потухнет свечка". Когда был выставлен мой "Половецкий стан", который в Третьяковке, государыня Александра Федоровна, вопреки обычному своему молчанию, ополчилась против дымов половецких: "Зачем грязь на небе!" Государь должен был пояснять, что это дым.

Иногда даже М. Боткин вступался за искусство. Заметив, что в[еликий] князь Михаил Александрович не обращает внимания на картины, он спросил: "Видимо, Вашему Высочеству не нравятся картины?" Михаил Александрович засмеялся: "Никакого толка в живописи не понимаю, вот в автомобилях — это другое дело". Царедворец Боткин не выдержал: "А между тем по званию своему, Вы, Ваше Императорское Высочество, во всем должны толк понимать". Много чего наслышался выставочный зал Поощрения. Всегда находила доброе слово принцесса Евгения Максимилиановна. Умел сказать в[еликий] князь Петр Николаевич не только за себя, но и за брата своего. А сдерживать в[еликого] князя Николая было нелегко.

Далекими кажутся, как во сне, всякие нападки на "Мир Искусства". Но в свое время каждое резкое суждение могло иметь разрушительные последствия. Не то же ли самое было и с группой Крамского? Или с А.Ивановым? Со всеми, кто пытался сказать новое слово. Как ругали Горького, Андреева! А Тургенева! А Лермонтова! А Пушкина — самого Пушкина!

Публикуется впервые

Верь — не верь

Сосиски с титулом. Лондон, 23 Июля:

"Американское акционерное общество по изготовлению очень популярных сосисок, которые в Соед. Штатах известны под ироническим названием "горячей собаки", обратилось к королю Георгу VI с ходатайством о возведении "горячей собаки" в рыцарское достоинство.

Фабриканты желают называть впредь свои продукты "сэр горячая собака". В виде прецедента они ссылаются на то, что король Иаков I возвел в рыцарское достоинство ростбиф, повелев именовать его впредь "сэр ростбиф". В петиции отмечается также, что нынешний король пробовал "горячую собаку" во время своего пребывания в Соед. Штатах (П.Н.)"

Невежественные хвастуны. Париж, Июль:

"Вот как описываются похождения богини в брошюре, изданной японскими военными властями в Маньчжурии. Речь идет о том, как группа китайских партизан заложила мину под японский поезд и что из этого получилось:

"К счастью, неподалеку от этого места очутились 6 солдат под командой лейтенанта Кавамото, прямого потомка самураев из рода, насчитывающего 48 поколений. Убедившись, что поезд приближается и что никакая человеческая сила не может предотвратить катастрофу, так как полотно дороги уничтожено на протяжении нескольких ярдов, он воззвал к божественной власти. Повернувшись в сторону Японии и смиренно склонившись, он призвал на помощь Аматерасу-Омиками, и горячая молитва была услышана. Достигнув разрушенного полотна, поезд поднялся на воздух, пролетел над опасным местом, плавно опустился и продолжал свой путь. Свидетельские показания машиниста и кочегара, а также лейтенанта Кавамото и его шестерых солдат, наблюдавших это явление собственными глазами, совершенно достаточны, чтобы подтвердить правдивость этого сверхъестественного события, которое еще раз показало всему миру божественное происхождение японского народа… (Г.О.)".

Шарль Стебер издал свою вторую книгу о Советской России. Первая описывала Сибирь и Крайний Русский Север. Только что вышедшая называется: "Центральная Советская Азия и Казахстан".

Шарля Стебера критика французская рекомендует как "знатока" не только русского языка, но и всех наречий: сибирского, финского и татарского. Его книга — путешествие по местам, "до 1917 года бывшим владениями Чингис-хана", а ныне

процветшим, как в смысле промышленном так и культурном (П.Н.)".

Публикуется впервые

Листы, не вошедшие во II том

Сила народа

Пусть какой-то другой народ будет злым, коварным, жестоким, а народ русский будет народом добрым, отзывчивым, трудящимся в радости. Пусть зло (если оно необходимо), гнездится где-то в иных областях, но не на великой русской целине.

Довелось говорить со многими иноземцами, недавно побывавшими на нашей Родине. Все понимают доброту народа. Вот и наш милый индус "Сашка" тоже особенно прельщен именно этою народною особенностью. Это уже истинное достижение. Многими правилами сложилась такая черта.

Не притворная доброта сентиментализма, за которой много чего скрываться может, а доброта мудрая, кованная в горниле претерпеваний, живет в русском народе. Если и вспыхнет гнев, то скоро потухнет он. И злопамятства нет. Некогда им заниматься, когда идет стройка, да еще какая! "Когда постройка идет, все идет".

Все отвратное забывается. Боль забывается. Из всего обихода запомнится хорошее, доброе, красивое. Даже удивительно проверить себя, насколько одно потухает и тонет, а другое, самое настоящее, бережливо сохраняется в сознании. Говорят, что русский народ делает то, что ему на пользу. Да разве дурак он, чтобы делать себе во вред? В истории много раз Русь платила чужие долги. Довольно!

Записываю вот почему. Издатель просит в статье "Радость искусства" вынуть все ссылки на русское искусство и заменить их примерами из искусства Индии. Откуда сие? Конечно, не соглашусь. Впервые такое пожелание. Между тем именно русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила. Если бы даже и нашлись в Индии шовинистические элементы, то ведь не для них же пишутся зовы о радости искусства.

Шовинист подобен скупцу, который прячет серебро под порогом. В Азии про него говорят: "Почернеет лицо твое, так же, как серебро в земле". Радость наша в том, что русский народ не шовинист. Он и добр от широты мысли. Он и беды переживет, ибо высоко его небо. Если же где найдется что полезное для русского обихода, то народ воспримет, но обратит по-своему. Сила народная лишь вырастает от всего полезного и прекрасного.

"Все мы от рожденья крылаты".

24 апреля 1941 г.

Публикуется впервые

Первое мая

По всем Гималайским раскатам, через все Памиры и пустыни гремит первомайское радио. Разве не прекрасны призывы к трудящимся? Разве не заложены основы передовой Культуры в ясных словах о сотрудничестве? Звучит строительство.

Народы союза видят, что будет велико их наследие. Весь мир вовлечен в Армагеддон. Все смущены. Все колеблются о грядущем. Но русский народ нашел свое русло, и мощным потоком устремляется в свое светлое будущее.

Праздник труда отзовется по всему миру. Бесчисленны молодые сердца, воспринявшие новое строительство. Хотят люди ехать к народу русскому не из любопытства, не только из симпатии, но чтобы вместе потрудиться.

Ценно нам, русским, видеть, как быстро растет осознание мощи нашего народа. Под крыло его хотят примкнуть далекие сотрудники. Великое строительство превыше всего. Не имеют веса пустые слова, если иссякла сокровищница народной воли. Прочно основание, если на нем на диво миру возводятся твердыни труда.

Крепок народ неустрашимый, поющий: "Если завтра война…" Мысленно видим стройное войско на Красной площади. Слышим встречу, приветствия, грохот артиллерии, танков, самолетов. Оборона Родины! "Мы все за мир, хотя готовы к бою". Жертвенно, бесстрашно готовы на подвиг, когда знают свое будущее, когда чуют, сколько созвучий рождается в народах всей земли. Даже самые завзятые враги понимают, как велико будущее русского народа. В зависти, в ненависти они, сами того не желая, увеличивают русское значение. Такое вражеское признание выше многих похвал. Много пытались вредить народу русскому. Приходили воевать, мечтали о расчленении. Но все вредительства пошли лишь на пользу. Ярая ненависть есть высокое признание.

Счастье внутри нас. Счастье подвига труда прекрасно. И счастлив народ, который восчуял такое счастье. Лучшие ладьи приплывут к его берегу. Проснется неуемное творчество. Народ познает, что есть общее благо. Невозможно насильно втолковать эту основу мира. Но русский народ уже познаёт, и призывно звучат его песни.

Где-то беда и смятение, а на Москве радиоволны глазуновского "Разина", "Хоровод" Римского-Корсакова, Лядова, Прокофьева, Дунаевского. О мирном украшении мыслит народ.

Привет к всенародному празднику труда.

"Мы все за мир, хотя готовы к бою".

1 мая 1941 г.
Публикуется впервые

Америка (07.12.1941)

Теперь в Вашей группе полное единение, и ничто разлагающее не проникнет. Опять хочется вспомнить о декларации 1929 года. Бывший участник был почему-то против этой декларации, но тем не менее она существует и прошла как постановление Совет Музея. Надо думать, что инкорпорированное учреждение имеет право делать свои постановления. Бывший участник указывал на то, что правительство не ответило на декларацию, но ведь правительство и не отвергло ее, не отказало. Просто заслушало. Мы же и не ожидали особого ответа правительства, ибо Совет Музея послал свое решение, свою декларацию, а вовсе не просьбу. Если бы Совет посылал прошение, то и следовало бы ждать ответа, но декларация не требует его. Президент Кулидж в свое время приветствовал и признал Музей. Вот это обстоятельство неоспоримо, и декларация как бы ответила в том же духе.

Также важно, что Картинная Корпорация, конечно, знала о декларации и, очевидно, принимала во внимание ее содержание. Потому рано или поздно Вашей группе придется обратиться к содержанию декларации, которая Вам поможет не только морально, но и как неоспоримый исторический факт. Нельзя же все бывшее вычеркнуть и считать небывшим.

Конечно, события в мире нагромождаются, и каждый час можно ожидать дальнейших армагеддоных движений. Может быть, и дело о манускриптах опять отложится. И все дела ввиду экстраординарного положения отложатся. Вам на месте виднее. Если можно отложить — Вы так и сделаете.

Пришло милое письмо из Либерти со вложением фотографий комнаты "Фламмы". Пусть доброе зерно растет. Пусть найдутся молодые для продолжения культурного дела. Привет фламмистам. Д-р Мюль прислала из Австралии свою новую книгу о криминологии. Книга поучительная — передайте автору наш привет, ведь она поехала в Калифорнию. Также пришла из Софии целая пачка газет с хорошими статьями Стоилова о моем искусстве.

Много друзей! Жаль, что обстоятельства всех их рассеяли и полезные дела умолкли. Но все это временно. Эволюция потоком своим прорвет все плотины и запруды.

Конечно, моя картина для Русско-Американского Комитета идет от имени Е.И. Интересно, как идут дела Комитета, с кем там встречаетесь? Не представляем себе, в каком виде показал тр. человек музейное дело в Юж[ной] Америке. Может быть, совсем

не. так, как следовало бы? Было ли показано грабительство во всем его объеме? Дело не только печальное, но неслыханно возмутительное. Так и скажите, если бы пришлось на эту тему переписываться. Почтовые сношения все ухудшаются. Скоро и последние пути пресекутся. С каждым письмом опасаешься, не последнее ли? Не придется ли опять новыми кружными путями плавать?

Скажите Катрин, Инге — всем, всем добрым друзьям, как всегда мы о них думаем и шлем наши лучшие, сердечные приветы. Да будет Вам всем, нашим милым и славным хорошо — как только может быть в нынешних обстоятельствах. "И это пройдет", — заповедует древняя мудрость.

Привет, привет, привет!

П.С. "Большие преступники охраняются своего рода судьбой, которая помогает им преодолевать все препятствия и избавляет от всех опасностей до той минуты, когда утомленное Провидение не положит предела их беззаконному счастью". (Дюма)

7 декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Именной указатель

А

Абрамов Борис Николаевич (1897–1972), член Харбинской группы по изучению Живой Этики

А.В.Г. — Гусев А. В.

Авинов А. Н., русский ученый-географ

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), русский художник

Акбар Джелаль-ад-дин (1542–1605), правитель Индии

Александр I Карагеоргиевич (1888–1934), король Югославии

Александр II (1818–1881), русский император

Александр Невский (1220–1263), князь Новгородский

Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская) 1872–1918), российская императрица, жена Николая II

Алексий (Симанский Сергей Владимирович) (1877–1970), патриарх всея Руси с 1945 г.

Алешин, архитектор

Альберт I (1875–1934), король Бельгии

Альбуэрно, деятель рериховского движения Южной Америки

Альтичиеро, художник

Амурсана (1722–1757), один из князей Ойратского ханства

Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.), древнегреческий философ

Андиньи д' — председатель муниципального совета

Андога Виктор, русский артист и оперный постановщик, сотрудничал с Мастер Институтом Объединенных искусств при Музее Рериха в Нью-Йорке

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель

Андрей Боголюбский (1157–1174), князь Владимирский

Андрей, король Венгерский (XI в.)

Анисфельд Борис Израилевич (р. 1879), русский художник

Анна Ярославна (ок. 1024 — не ранее 1075), дочь Ярослава Мудрого, жена французского короля Генриха 1

Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902), русский скульптор

Св. Антоний Великий (ок.250–356), основатель христианского монашества

Антоний, митрополит Волынский

А.П. — Хейдок Альфред Петрович

А.П.Х. — Хейдок Альфред Петрович

Аренсберг, коллекционер

Арзамасцев А. А., директор Пражской гимназии

Аристид (ок.500 — ок.467 до н. э.), афинский государственный деятель

Аристотель (384–322 до н. э.), древнегреческий философ

Арне, почетный член Шведского рериховского общества

Аронсон, скульптор

Асвагоша (II в. н. э.), древнеиндийский поэт и мыслитель

Асеев Александр Михайлович, член Югославского рериховского общества, редактор журнала "Оккультизм и Йога"

Аскназии, русский художник

Астарта, в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви

Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938), руководитель национально-освободительной революции в Турции, первый президент Турецкой республики

Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930), скрипач, дирижер

Афанасий Тверитянин — Никитин Афанасий Тверитянин

Ашока (III в. до н. э.), индийский правитель из династии Маурья

Б

Б. — Булгаков Валентин Федорович

Бабенчиков Михаил Васильевич (1890–1957), художественный критик, искусствовед

Бадеван, профессор, член Международного Гаагского суда

Базыкин, зав. отделом Наркомата иностранных дел

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт

Бако Жак, почетный член рериховского общества

Бакст (Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924), русский живописец, театральный художник

Балашов Д. М., русский писатель, вице-председатель Общества Поощрения Художеств

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944), русский и литовский поэт

Бальзак Оноре де (1799–1850), французский писатель

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), русский поэт

Бандопадхайа С. К., Генеральный секретарь VI всеиндиской конференции по вопросу культуры, главный редактор журнала "Заря Индии"

Банко Мазо ди, художник

Баранников Алексей Петрович (1890–1952), индолог

Баттачария Харидас, индийский писатель и художественный

критик

Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор, органист

Беклемишев Владимир Александрович (1861–1920), ректор Академии художеств, скульптор

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), русский литературный критик и публицист

Бенедетто Диана, художник

Бенеш Эдуард (1884–1948), государственный деятель Чехословакии

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), русский художник, историк искусства

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский философ

Беркольц Освальд, доктор

Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, пианист

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр, невропатолог

Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), русский график, театральный художник

Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815–1898), германский военный и государственный деятель

Бичам Томас (1879–1961), английский дирижер и музыкант, общественный деятель

Б.К. — см. Рерих Борис Константинович

Блаватская Елена Петровна (1831–1891), основательница Теософского Общества

Бленкнер Фредерика, доктор

Блок Александр Александрович (1880–1921), русский поэт

Блох, журналист

Блументаль Иван Георгиевич (1905–1973), член Правления Музея им. Н. К. Рериха в Риге

Блюменталь — Блументаль

Богаевский Константин Федорович (1872–1943), русский художник

Богданов-Бельский Николай Петрович (1868–1945), русский художник

Богданова Ираида Михайловна (р. 1914), участница Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха

Богданова Людмила Михайловна (1903–1962), участница Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха

Богоявленский Сергей Константинович (1871–1947), русский историк, археолог, архивист

Бол. — Боллинг

Боллинг, деятель Нью-Йоркского рериховского движения

Бонфус, французский министр

Борис — Рерих Борис Константинович

Борис Николаевич — Абрамов Борис Николаевич

Борис Федорович Годунов (1552–1606), русский царь

Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870–1905), русский художник

Бородин Александр Порфирьевич (1833–1887), русский композитор

Боря — Рерих Борис Константинович

Бос Джагадис Чандра (1858–1937), индийский ботаник, физик

Боткин Михаил Петрович (1839–1914), директор музея Общества Поощрения Художеств, коллекционер

Боттомлей Гордон, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке, член Британского рериховского общества

Боше Джагадис — Бос Джагадис

Боше Нандалал, индийский художник

Браганцева Елена, журналист

Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1872–1936), русский художник, коллекционер

Брайкевич Михаил Васильевич, коллекционер. (Жил в Одессе, затем в Лондоне. В его коллекции находился портрет Е. И. Рерих работы В.А.Серова)

Брамер, художник

Брамс Иоганнес (1833–1897), немецкий композитор

Брегдон — Брэгдон

Брейгель Питер старший (ок. 1525–1569), Питер младший (ок.1564–1638), нидерландские художники

Бренгвин Фрэнк Уильям (1867–1965), английский художник

Брентан — Бринтон

Брентано, издатель

Бриан Аристид (1862–1932), премьер-министр Франции

Бринтон Кристиан (1870–1942), американский художественный критик

Бродский Исаак Израилевич (1884–1939), русский художник, директор (с 1934 г.) Всероссийской Академии художеств

Бругума, жена Гесэр-хана

Бруни Федор Антонович (1799–1875), русский художник

Бруно Джордано (1548–1600), итальянский ученый, философ, поэт

Брэгдон Генри, сын Брэгдона Клода

Брэгдон Клод (ум. 1945), американский художник и писатель

Брэнгвин — Бренгвин

Брюллов Карл Павлович (1799–1852), русский художник

Будда Сиддхартха Гаутама (623–544 до н. э.), основатель буддизма

Булгаков Валентин Федорович (1886–1960), русский литератор, секретарь Толстого Л.Н., директор Русского культурно-исторического музея в Праге

Булгакова Татьяна Валентиновна, дочь Булгакова В.Ф.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), русский писатель

Буонокорсо, художник

Буренин, критик

Бурлюк Давид Давыдович (1882–1967), русский художник, поэт

Бушан, индийский писатель

Бьорк, профессор

Бэда Проповедник

В

В.А. — Серов Валентин Александрович

В.А. — Шибаев Владимир Анатольевич

Вагнер Рихард (1813–1883), немецкий композитор и дирижер

Вазари Джорджо (1511–1574), итальянский художник, архитектор, историк искусства

Валентина — Дутко Валентина Леонидовна

Валентина Леонидовна — Дутко Валентина Леонидовна

Валентина Михайловна — Грабарь Валентина Михайловна

Валисинга Деваприя, секретарь общества "Маха-Бодхи" (Калькутта), член индийского рериховского общества

Вальтере Джон, журналист

Ван Гог Винсент (1853–1890), голландский художник

Ван Дейк Антонис (1599–1641), фламандский художник

Варсонофьева Вера Александровна (р.1890), профессор, геолог

Василевский Александр Михайлович (1895–1977), русский военачальник

Ватсон Дедлей Крафтс, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке

Ватсон — Уотсон

Ведринская Мария Андреевна (ум. 1948), актриса, член латышского рериховского общества

Веласкес Диего (1599–1660), испанский живописец

Вельде ван де Эсайс (ок. 1591–1630), голландский художник

Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847), русский художник

Верещагин Василий Васильевич (1842–1904), русский художник

Вермер Ян (1632–1675), голландский художник

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), русский историк

Верхарн Эмиль (1855–1916), бельгийский поэт и драматург

Веснин Виктор Александрович (1882–1950), русский архитектор

Вечтомов, художник

Вивекананда Свами (Нарендра Натх Датт) (1863–1902), индийский философ и общественный деятель

Виджайя Лакшми Пандит (род. 1900), сестра Дж. Неру, индийский политический деятель

Виджиль С, писатель

Викторе Ян, художник

Виллевальде Богдан Павлович (1818–1903), русский художник, преподаватель Академии художеств

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941), германский император и прусский король в 1888–1918 гг.

Вильсон Томас Вудро (1856–1924), 28-й президент США

Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938), русский художник

Вишневский Александр Васильевич (1874–1948), русский хирург

В.Л. — Дутко Валентина Леонидовна

В.К. — Рерих Владимир Константинович

Влад. К. — Рерих Владимир Константинович

Владимир — Рерих Владимир Константинович

Владимир Мономах (1053–1125), великий князь Киевский

Власьев, коллекционер

Власьевский, генерал

Во Фалипо Мари де, председатель Французского общества им. Н. К. Рериха и Европейского центра Рериха

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), русский историк

Вольтер А. А. (1889–1973), русский художник, ученик Н. К. Рериха

Врангель, коллекционер

Вроблевский Константин Каэтанович (1868–1939), русский художник

Врубель Михаил Александрович (1856–1910), русский художник

Вурм, владелец мюнхенской фирмы красок и др.

принадлежностей для художников

В.Ф. — Булгаков Валентин Федорович

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954), советский юрист, дипломат, государственный деятель

Г

Г. — Грабарь Игорь Эммануилович

Г. — Гусев Александр Васильевич

Галлен-Каллела Аксели (1865–1931), финский художник и график

Галя — Муромцева Галина Ильинична

Гамлен, генерал

Ганголи О. С., индийский писатель, редактор журнала "Красота"

Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948), индийский политический деятель, философ

Гаральд — Лукин Гаральд Феликсович

Гар[альд] Фел[иксович] — Лукин Гаральд Феликсович

Гаральд, скандинавский конунг (XI в.)

Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986), государственный и политический деятель США

Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888), русский писатель

Г.Г.Ш. — Шклявер Георгий Гаврилович

Гверацци Франческо Доменико (1804–1873), итальянский писатель

Гедин Свен Андерс (1865–1952), шведский путешественник

Гейнсборо Томас (1727–1788), английский художник

Генрих I, король Франции (XI в.)

Георг VI (1895–1952), король Англии

Георгиев Борис, болгарский художник

Георгий Михайлович (р. 1863), великий князь

Гераклит Эфесский (кон. VI — нач. V вв. до н. э.), древнегреческий философ

Герасимов Александр Михайлович (1881–1963), русский художник

Геринг Герман (1893–1946), государственный и политический деятель фашистской Германии

Геринг, офицер

Герини, художник

Герострат, грек из Малой Азии, который, желая прославиться, сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды в Эфесе

Гесэр-хан, легендарный монгольский хан (XI в.), герой эпоса

Центральной Азии

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1842), немецкий поэт, писатель, мыслитель, государственный деятель

Гетц, ученый и искусствовед, автор статей о С. Н. Рерихе

Геше, доктор

Гиммлер Генрих (1900–1945), государственный деятель фашистской Германии

Гинцбург Илья Яковлевич (1859–1939), русский скульптор

Гитлер Адольф (1889–1945), глава немецкого фашистского государства

Гладышев, представитель ТАСС в Дели

Глазунов Александр Константинович (1865–1936), русский композитор

Глинка Михаил Иванович (1804–1857), русский композитор

Гнедич Петр Петрович (1855–1928), русский писатель

Говен — Говэн

Говинд Сингх (1666–1708), гуру сикхов

Говэн, французский деятель культуры, редактор журнала "Деба"

Гоген Поль (1848–1903), французский художник

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель

Годунов — Борис Годунов

Гоетц — Гетц

Гойя Франсиско (1746–1828), испанский художник

Гокхал Г.К., основатель "Общества служителей Индии"

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), поэт, литератор, коллекционер

Голлербах Эрих Федорович (1895–1942), художественный критик, искусствовед

Голль Шарль де (1890–1970), президент Франции, руководитель национального комитета "Сражающаяся Франция" во время Второй мировой войны

Головин Александр Яковлевич (1863–1930), русский художник

Голубев Виктор Викторович (1878–1945), русский востоковед

Гольбейн — Хольбейн

Гончарова Наталья Сергеевна (18 81 -1962), русская художница

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65 — 8 до н. э.), римский поэт

Горкин Александр Федорович (1897–1988), государственный и партийный деятель

Горный Сергей, писатель

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), русский поэт

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936), русский писатель

Гофманн Эрнест Теодор Амадей (1776–1822), немецкий поэт, художник

Гоццоли Беноццо (р. 1420 или 1424), итальянский художник

Грабарь Валентина Михайловна (1892–1959), первая жена Грабаря И. Э., сотрудница ВОКСа

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), русский художник, историк искусства

Грабарь Мария Михайловна (1893–1964), вторая жена Грабаря И.Э.

Грант Фрэнсис (ум. 1993), американская журналистка, редактор бюллетеня Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке, член правления Музея

Греб. — Гребенщиков Георгий Дмитриевич

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964), русский писатель, публицист

Греко — Эль Греко

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899), русский писатель и публицист

Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939), русский художник

Григсон, хайдерабадский министр

Громыко Андрей Андреевич (1909–1989), дипломат, государственный деятель

Гроссман, владелец московской типографии

Губельман — Ярославский Емельян

Гувер Герберт Кларк (1874–1964), 31-й президент США

Гувер Джон Эдгар (1895–1972), директор Федерального бюро расследований США

Гумилев Николай Степанович (1886–1921), русский поэт

Гуро, французский генерал

Гурьян, коллекционер

Гусев Александр Васильевич, руководитель отдела искусств и ремесел "Амторга"

Гусейн Рашид, искусствовед

Гхош Ауробиндо (1872–1950), индийский философ, поэт, общественный деятель

Гюго Виктор (1802–1885), французский писатель

Д

Д. — Фосдик Дедлей

Д. — Дутко Валентина Леонидовна

Д. — Дутко П. М.

Давид (X в. до н. э.), царь Израильско-Иудейского государства

Давид-Ниль Александра (1868–1969), французская исследовательница Тибета

Дайо Арман, почетный член рериховского общества

Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт

Дармапала — Дхармапала

Деб Рабиндранат, индийский деятель культуры

Дебюсси Клод (1862–1918), французский композитор

Дев Санджива, индийский деятель культуры, писатель, критик

Девис, коллекционер

Дега Эдгар (1834–1917), французский художник

Дедлей — Фосдик Дедлей

Декарт Рене (1596–1650), французский философ, математик, физик, физиолог

Делакруа Эжен (1798–1863), французский художник

Делано, мать президента Ф. Рузвельта

Делар (Деларов) Павел Викторович

Деляров — Делар

Дени Морис (1870–1943), французский художник

Державин Гаврила Романович (1743–1816), русский поэт

Дерюжинский Глеб В.

Десай Махадев, секретарь Ганди

Джа Амарнат, вице-канцлер Аллахабадского университета

Джиамбоно Микеле, художник

Джинна Мухаммед Али (1876–1948), лидер мусульманской лиги, выступал за образование Пакистана

Диккенс Чарльз, внук писателя Диккенса

Димитров Георгий (1882–1949), политический и государственный деятель Болгарии и международного коммунистического движения

Дисней Уолт (1901–1966), американский режиссер-мультипликатор

Дмитрий Донской (1350–1389), великий князь Московский

Дмоховский, польский художник

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), русский график, театральный художник

Долгорукий, посол в Индии во II пол. XVI в.

Доре Гюстав (1832–1883), французский график

Дорже, раджа Бутана

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель

Дропси, профессор, художник

Дуккар, богиня плодородия, покровительница человечества

Дукшинская, член Югославского рериховского общества

Думерг Гастон (1863–1937), президент Франции

Дунаевский Исаак Осипович (1900–1955), русский композитор

Дутко Валентина Леонидовна, балерина, деятельница рериховского движения, переводчица "Писем Елены Рерих" на английский язык

Дутко Михаил П., сын Дутко В. Л.

Дутко П. М., дипломат, муж Дутко В. Л.

Дхармапала Анагарика, ученый, буддистский монах

Дымов Осип (Перельман Иосиф Исидорович) (1878–1959), писатель

Дэвид-Ниль — Давид-Ниль

Дювернуа Жан — Лихтман

Дюи, губернатор штата Нью-Йорк

Дюма Александр (Дюма-отец) (1802–1870); Дюма Александр (Дюма-сын) (1824–1895), французские писатели

Дюнан Анри Жан (1828–1910), швейцарский общественный деятель, инициатор создания Общества Красного

Дюрер Альбрехт (1471–1528), немецкий живописец и график

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), русский театральный деятель

Е

Евгений Шведский, принц

Евгения Максимилиановна — Ольденбургская Евгения Максимилиановна

Евлогий, митрополит (Париж)

Еврипид (ок. 480–406 до н. э.), древнегреческий поэт, драматург

Екатерина II Алексеевна (1729–1796), русская императрица

Елена Ивановна — Рерих Елена Ивановна

Е.П.Б. — Блаватская Елена Петровна

Еременко — Яременко

Ж

Ж. — Фосдик Джин

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), Орлеанская дева, народная героиня Франции

Жаннетт — Фосдик Жанна

Жданов Андрей Александрович.(1896–1948), советский государственный и политический деятель

Жебелев Сергей Александрович (1867–1941), преподаватель Академии Художеств

Жин — Фосдик Джин

Жиро Анри (1879–1949), французский генерал

Жоффр де Ла Прадель Альберт, член Международного Гаагского суда, профессор международного права Парижского университета

Жуков Георгий Константинович (1896–1974), русский полководец

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), русский поэт

З

Завадский, музыкант

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), русский писатель

Замирайло, художник

Заньковецкая Мария Константиновна (1860–1934), украинская актриса и театральный деятель

Зарецкий, художник, зам. директора Русского культурно-исторического музея в Праге

Зевио Стефано да, художник

Зейденберг, русский художник

Зилоти Александр Ильич (1863–1945), русский пианист и дирижер

Зина — Фосдик Зинаида Григорьевна

Зирков — Цирков Борис

Золя Эмиль (1840–1902), французский писатель

Зулоага Игнатий (ум. в 1946), почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке, член Испанского рериховского общества, художник

Зюма — Митусова Людмила Степановна

И

Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), русский царь

Иванов Александр Андреевич (1806–1858), русский художник

Иванов Александр, искусствовед

Иванов Василий, харбинский журналист

Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971), русский писатель

Иванов, профессор

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954), русский дипломат, писатель

Игорь — Грабарь Игорь Эммануилович

И.Гр. — Грабарь Игорь Эммануилович

Иден Антони (1897–1977), английский государственный и политический деятель

Иеремия, древнееврейский пророк (VII — нач. VI вв. до н. э.)

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), русский историк

Ильин Алексей Алексеевич (1857–1942), председатель финансовой комиссии Школы Общества Поощрения Художеств, нумизмат

Илья — Муромцев Илья Эммануилович

Илья Муромец, богатырь, один из главных героев русских былин XV–XVI вв.

Инге Екатерина Петровна, член Харбинской группы по изучению Живой Этики, учительница, переводчица

Инге — Фричи Гизелла Ингеборг

Инджегно, художник

Иоанн, пресвитер

Иоанн Кронштадтский (1829–1908), протоиерей Андреевского собора г. Кронштадта

Иогансон Борис Владимирович (1893–1973), русский художник

Иолшин, русский торгпред в Калькутте

Исаковский Михаил Васильевич (1900–1973), русский поэт

И.Э. — Грабарь Игорь Эммануилович

И.Э. — Муромцев Илья Эммануилович

К

Кабалевский Дмитрий Борисович (1904–1987), русский композитор

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), русский историк

Кайзерлинг — Кейзерлинг

Кайзер, коллекционер

Кала, доктор

Калидаса (V в.), древнеиндийский поэт и драматург

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), государственный и политический деятель СССР

Капица Петр Леонидович (1894–1984), русский физик

Караваева Анна Александровна (1893–1979), русская писательница

Карпани, итальянский деятель культуры

Каррель Алексис (1879–1939), хирург, патофизиолог

Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978), русская балерина

Катилина (ок. 108-62 до н. э.), римский претор

Катрин — Кэмпбелл Кэтрин

Каун Александр, почетный член Американского рериховского общества, лингвист, профессор Калифорнийского университета

Качалов Василий Иванович (1875–1948), русский актер

Кашияп Моханлал, индийский писатель

Кемаль — Ататюрк Мустафа Кемаль

Кеменов Владимир Семенович (1908–1988), русский историк искусства

Кент Рокуэлл (1882–1971), американский художник, писатель, общественный деятель

Кестлин, коллекционер

Кеттнер Фредерик, доктор, директор Центра Спинозы при Нью-Йоркском рериховском обществе

Киплинг Джозеф Редьярд (1865–1936), английский писатель и поэт

Кирхенштейн Август Мартынович (1872–1963), государственный деятель, академик, микробиолог

Кистяховский, коллекционер

Китросский, коллекционер

Кларк, генерал

Клеменс Кирилл, сотрудник Общества Марка Твена

Клизовский Александр Иванович (1874–1942), член Рижского рериховского общества

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), русский историк

Кнебель, владелец московской типографии

Коваджи, историк

Коган, издатель

Козенс Джемс, английский искусствовед

Козин Сергей Андреевич (1879–1956), русский филолог-монголовед

Козлов Петр Кузьмич (1863–1935), русский исследователь Центральной Азии

Коковцов Павел Константинович (1861–1942), русский востоковед, семитолог

Колзаков Константин Павлович, русский художник, преподаватель в Школе Общества Поощрения Художеств

Колонтаевский Григорий М. (ум. 1946)

Комптон Артур Холли (1892–1962), американский физик

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк древнегреческого искусства, преподаватель Академии Художеств

Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1970), русский скульптор

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), русский юрист и общественный деятель

Конлан Барнэт Д. (ум. 1973), английский поэт и художественный критик, член Французского рериховского общества

Константин Константинович — Романов Константин Константинович

Конфуций (Кун-цзы) (551–479 до н. э.), древнекитайский философ, создатель этического и политического учения

Кончаловский Петр Петрович (1876–1956), русский художник

Коркунова-Калашникова М. В. — Рерих Мария Васильевна

Кормон Фернан (1845–1924), французский художник и педагог, учитель Н. К. Рериха

Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972), украинский драматург, государственный деятель

Коро Камиль (1796–1875), Французский художник

Коровин Константин Алексеевич (1861–1939), русский живописец и театральный художник

Костелло, гангстер

Костомаров Николай Иванович (1817–1885), русский и украинский писатель и историк

Кострицкий, врач

Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630–1667), писатель, политический деятель

Кочубеи, русский княжеский род. Известны своими коллекциями художественных ценностей

Кошиц, пианистка

Крамской Иван Николаевич (1837–1887), русский художник

Крафт-Ватсон — Ватсон Дедлей Крафтс

Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951), русский востоковед, арабист

Крачковский, полковник, коллекционер

Криппс Ричард Стаффорд (1889–1952), английский политический и государственный деятель

Кришнамурти Джидду (1895-или 1897–1986), индийский религиозный мыслитель и поэт

Кришна Руп, художник

Кришна Тандава, индийский издатель

Кропивницкий Марк Лукич (1840–1910), украинский

драматург, театральный деятель, режиссер, актер, композитор, художник

Кроу Лоренс, друг Брэгдона Клода

Крукс Уильям (1832–1919), английский физик и химик

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), русский баснописец

Крылов Сергей Борисович (1888–1958), русский юрист, член международного суда

Крымов Николай Петрович (1884–1958), русский художник

Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), украинский писатель

Крэн Чарльз (1858–1939), американский государственный деятель и дипломат, посол США в СССР

Кузен Виктор (1792–1867), французский философ

Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878–1968), русский художник

Кузьмин Г. А., художественный редактор

Кузэн — Кузен Виктор

Куинджи Архип Иванович (1842–1910), русский художник

Кулидж Калвин (1872–1933), 30-й президент США

Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), американский писатель

Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель

Куренко, певица

Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951), русский дирижер, композитор

Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927), русский художник

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), русский полководец

Кэмпбелл Кэтрин (1898–1996), член Правления Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха

Кэмпбелл Спенсер, сын Кэтрин Кэмпбелл

Кюри Мари — Склодовская-Кюри

Кюри Пьер (1859–1906), французский физик

Л

Лавуазье Антуан Лоран (1743–1794), французский химик

Лакшми Пандит Виджайя — Виджайя Лакшми Пандит

Лаптовой, врач, коллекционер

Ланини, художник

Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946), русский художник, график

Лао-цзы (кон. IV — нач. III в. до н. э.), древнекитайский философ

Лапрадель — Жоффр де Ла Прадель

Ластман Питер (1583–1633), голландский художник

Латри Михаил Пелонидович (1875–1935), русский художник

Лаурвик Нельсен, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке

Лебедева — Остроумова-Лебедева

Лебедева Сарра Дмитриевна (1892–1967), русский скульптор

Левитан Исаак Ильич (1860–1900), русский художник

Лейхтенбергский, коллекционер

Ленин Владимир Ильич (1870–1924), основатель Советского государства

Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский художник, скульптор, архитектор эпохи Возрождения

Лерер Магдалина, художница, секретарь АРКА

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт, писатель

Лесков Николай Семенович (1831–1895), русский писатель

Лефранк, владелец фирмы, поставлявшей живописные принадлежности

Ле Фюр Луи, профессор международного права Парижского университета, почетный член рериховского общества

Ли Тригва Хальвдан (1896–1968), Генеральный секретарь ООН в 1946–1953 гг.

Линден Катрин, секретарь Нью-Йоркского музея

Линкольн Авраам (1809–1868), 16-й президент США

Лиотэ, маршал Франции

Литвинов Максим Максимович (1876–1951), государственный и политический деятель, посол в США

Лихтман Зинаида Григорьевна — Фосдик Зинаида Григорьевна

Лихтман Морис (ум. 1948), музыкант, сотрудник культурных рериховских учреждений в США

Лихтман Эстер (литературный псевдоним Жан Дювернуа), член Правления Музея Н. К. Рериха, сестра Мориса Лихтмана

Лицинио, художник

Ллойд Джордж Давид (1863–1945), государственный деятель Великобритании

Лодж Оливер, ученый

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), русский ученый-энциклопедист

Лонг, доктор

Лонгир, коллекционер

Лорд, директор Американского археологического института

Лоренцо Великолепный — Медичи Лоренцо

Лосский Николай Онуфриевич (18 70-1965), русский философ

Лос-Туккер Марина Дмитриевна (ур. Потоцкая), двоюродная племянница Е. И. Рерих

Лукин Гаральд Феликсович (1904–1991), секретарь Рижского рериховского общества, врач

Лукин Феликс Денисович (1875–1934), председатель Рижского рериховского общества, врач

Лукин Юрий, харбинский журналист

Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1940), русский художник, искусствовед

Льюранс, композитор

Лю-тзе Жун, почетный член Китайского рериховского общества

Людмила — Богданова Людмила Михайловна

Люис — Луис Спенсер

Лядов Анатолий Константинович (1855–1914), русский композитор

М

Ма, китайский чиновник для особых поручений

Маарри Абу-ль-Ала (973-1057), арабский поэт

Магдалина — Лерер Магдалина

Магоффин Ральф, профессор Нью-Йоркского университета, директор Американского археологического института

Мадахил Антонис Гомес де Роша, почетный член Португальского рериховского общества

Май Карл Иванович (1824–1895), владелец и директор частной гимназии в Петербурге, в которой обучались Н. К. Рерих и его сыновья

Майн-Рид — Рид Томас Майн

Майский Иван Михайлович (1884–1975), дипломат, историк

Макаренко Николай Емельянович (1877–1937), историк искусства, археолог

Макартур Дуглас (1880–1964), американский генерал

Маккиавелли Никколо (1469–1527), итальянский политический мыслитель, историк, писатель

Маковский Владимир Евгеньевич (1846–1920), русский художник

Маковский Сергей Константинович (1878–1962), русский писатель

Мак-Фирсон — см. Макферсон

Макферсон Джеймс (1736–1796), шотландский писатель. Свои обработки кельтских легенд выдавал за подлинные песни барда Оссиана

Маллик Гурдиал (1896–1970), индийский деятель культуры

Малютин Сергей Васильевич (1859–1937), русский художник, график

Малявин Филипп Андреевич (1869–1946), русский художник

Ман, полковник

Мане Эдуард (1832–1883), французский художник

Мансон, почетный член Шведского рериховского общества

Мансур-эль Холлай — арабский мыслитель

Мантель А.Ф., биограф Рериха, коллекционер

Марджанов Константин Алексеевич (1872–1933), режиссер, театральный деятель

Марина — Лос-Туккер Марина Дмитриевна

Мария Михайловна — Грабарь Мария Михайловна

Маркова, член совета директоров Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке, историк, славист

Маркс Адольф Федорович (1838–1904), русский издатель

Мартен Милош, чешский художественный критик

Марто, французский путешественник

Маршалл Джордж Кэтлетт (1880–1950), генерал, государственный деятель США

Марэн Луи, французский министр

Масарик Томаш (1850–1937), президент Чехословакии

Масарик Ян, министр иностранных дел Чехословакии

Маслов Федор Афанасьевич (р. 1886), директор Академии художеств

Матисс Анри (1869–1954), французский художник

Матур Б. С., индийский деятель культуры

Матэ Василий Васильевич (1856–1917), русский гравер, педагог

Мачциале, художник

М.В. — Добужинский М. В.

Мегерен, голландский художник

Медичи Лоренцо (Великолепный) (1449–1492), поэт, правитель Флоренции

Мельников-Печерский Павел Иванович (1818–1883), русский писатель

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, создатель периодического закона химических элементов

Менон Кумар Падма Шивашанкар (1898–1982), индийский дипломат и общественный деятель

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), русский

писатель

Местрович Иван (1883–1962), почетный член Югославского рериховского общества, скульптор

Метальников Сергей Иванович, профессор Пастеровского института в Париже

Метерлинк Морис (1862–1949), бельгийский драматург

Мечников Илья Ильич (1845–1916), русский биолог и патолог

Микеланджело Буонарроти (1475–1564), итальянский живописец, скульптор, архитектор

Микешин Михаил Осипович (1835–1896), русский художник

Микула Селянинович, герой русской былины XII в.

Милле Жан Франсуа, французский художник XIX в.

Милликан Роберт Эндрус (1868–1953), американский физик

Милютин Борис Александрович (ум. 1886), русский публицист

Минаев Иван Павлович (1840–1890), русский востоковед, индолог

Минин Кузьма Минич (ум. 1616 г.), один из организаторов и руководителей народного ополчения 1611–1612 гг.

Минц Исаак Израилевич (1896–1991), русский историк

Митусов Степан Степанович (1878–1942), двоюродный брат Е. И. Рерих, музыкальный деятель

Митусова Злата Степановна (ум. 1942), двоюродная племянница Е. И. Рерих

Митусова Людмила Степановна (р. 1910), Татьяна Степановна (1913–1994), двоюродные племянницы Е. И. Рерих

Михаил Александрович (род. 1878), великий князь

Михайлович Дража (1893–1946), сербский генерал, глава профашистской организации

Миша — Дутко Михаил

Мишле Жюль (1798–1874), французский историк

Мо-дзе — Мо-цзы

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986), советский государственный и политический деятель

Мольер (1622–1673), французский драматург, актер, театральный деятель

Мольтке (Старший) Хельмут Карл (1800–1891), германский военный теоретик, генерал-фельдмаршал

Мономах — Владимир Мономах

Монтгомери Аламейнский Бернард Лоу (1887–1976), британский фельдмаршал

Морандо, художник

Море, французский ученый

Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905), русский писатель,

историк

Морис — Лихтман Морис

Мосли Освальд Эрнальд (1896–1980), лидер британских фашистов

Мослей — Мосли

Мо-цзы (479–400 до н. э.), древнекитайский философ, противник конфуцианства

Мстислав Мстиславич Удалой (ум. 1228), русский князь

Мунк Эдвард (1863–1944), норвежский живописец и график

Муромцев Илья Эммануилович (ум. 1952), сотрудник культурных учреждений Нью-Йоркского рериховского общества

Муромцева Галина Ильинична, дочь И. Э. и К. Н. Муромцевых

Муромцева Ксения Ильинична, дочь И. Э. и К. Н. Муромцевых

Муромцева Ксения Николаевна (ум. 1943), двоюродная сестра Е. И. Рерих

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), русский композитор

Муссолини Бенито (1883–1945), фашистский диктатор Италии

Муха Альфонс Мария (1860–1939), чешский художник

Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953), русский скульптор

Мэси, консул

Мякинин, коллекционер

Мясин Леонид Федорович (1896–1979), артист балета, балетмейстер

Н

Наг Калидас, индийский писатель, профессор

Нагчен-Римпоче — регент Тибета

Найду Сараджини (1879–1949), политический деятель, поэтесса

Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский император

Напс, антиквар

Нарбут Георгий Иванович (1886–1920), русский и украинский график

Народный Иван, журналист, художественный критик

Нарышкин, коллекционер

Настасья Микулична, героиня русских былин

Нахмал Магда, индийская художница

Неймайр Мельхиор (1845–1890), австрийский ученый

Нейшеллер, коллекционер

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78), русский поэт

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943), режиссер, театральный деятель, драматург

Нер ван дер, художник

Нерадовский Петр Иванович (1875–1963), русский художник, музейный деятель

Неру Джавахарлал (1889–1964), индийский политический и государственный деятель, первый премьер-министр республики Индия

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский художник

Нечаев-Мальцев, общественный деятель

Нижинский Вацлав Фомич (1890–1950), русский танцовщик, хореограф

Низами Гямджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141 — ок. 1209), иранский поэт и мыслитель

Никитин Афанасий Тверитянин (ум. 1472), русский путешественник

Никитин Иван Саввич (1824–1861), русский поэт

Никитинский Иосиф Илларионович, начальник Главного архивного управления СССР

Николай Константинович — Рерих Николай Константинович

Николай, великий князь

Новиков, сотрудник посольства СССР в США

Нострадамус Мишель Нотрдам (1503–1566), французский врач и астролог

Нотгафт, коллекционер

О

Овидий-Публий Овидий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.), римский поэт

Оков Юрий, журналист

Ольденбургская Евгения Максимилиановна (1845–1928), принцесса, попечительница Общины святой Евгении

О' Маллей, судья

Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961), востоковед

Ориген (ок. 185–253/254), христианский теолог, философ

Ориоло, художник

Орканья Андреа (1308–1368), итальянский художник

Орлей Барент ван (ок. 1492–1542), нидерландский художник

Оробиндо Гоше — Гхош Ауробиндо

Орси, художник

Ортолано, художник

Оссиан, легендарный воин и бард кельтов (шв.)

Островский Александр Николаевич (1823–1886), русский драматург

Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955), русская художница

П

Павел, апостол

Павлов Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог

Павлова Анна Павловна (1881–1931), русская балерина

Павловский Евгений Никанорович (1884–1965), русский зоолог

Парцифаль, герой одноименной поэмы Вольфрама фон Эшенбаха

Паскаль Блез (1623–1662), французский математик, физик, религиозный философ, писатель

Пашич Никола (1845–1926), государственный деятель Сербии

Пеглер, американский журналист

Пейронне, издатель, член Французского рериховского общества

Пеллио Поль (1878–1945), французский востоковед

Пересвет Александр (ум. 1380), монах, герой Куликовской битвы

Перетяткович Мариан Марьянович (1872–1916) — русский архитектор

Перикл (ок. 490–429 до н. э.), афинский полководец, вождь демократической группировки

Перонэ — Пейронне

Перуджино Пьетро (между 1445 и 1452–1523), итальянский художник

Петен Анри Филипп (1856–1951), французский маршал, глава коллаборационистского режима "Виши"

Петр I Великий (1672–1725), русский император

Петр Греческий, принц

Петр Николаевич, великий князь

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), русский художник

Печерский — Мельников-Печерский

Пикассо Пабло-Руис (1881–1973), французский художник

Пименов Юрий Иванович (1903–1977), русский художник

Пипин, ученый

Пирогов Николай Иванович (1810–1881), русский хирург

Писарева Елена Федоровна, русский теософ, биограф Е. П.

Блаватской

Питати, художник — 612

Пифагор (VI в. до н. э.), древнегреческий философ, религиозный и политический деятель, математик

Платон (427–347 до н. э.), древнегреческий философ

Платон, митрополит

Плаут, адвокат

Плетнев, коллекционер

Плотников, художник

П.М. — Дутко П. М.

Подозеров Иван Иванович (1835–1899), скульптор, профессор Академии Художеств

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578 — ок. 1642), русский военачальник и государственный деятель

Покровский Владимир Александрович (1871–1931), русский архитектор

Полифем, в древнегреческой мифологии кровожадный великан с одним глазом

Поповский Александр Данилович (1897–1982), русский писатель

Потемкин Владимир Петрович (1878–1946), советский государственный деятель

Потоцкая Марина — Лос-Туккер Марина Дмитриевна

Потоцкая Софья, двоюродная сестра Е. И. Рерих

Потоцкие, родственники Е. И. Рерих

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), русский путешественник и исследователь Центральной Азии

св. Прокопий Праведный

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), русский композитор

Пуанкаре Раймон (1860–1934), премьер-министр Франции

Пульцоне, художник

Пурвит Вильгельм Юрисович (1872–1945), латышский художник

Путятин Павел Арсеньевич (1837-ум. после 1915), археолог, коллекционер

Путятины, родственники Е. И. Рерих

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт, писатель

Пюви де Шаванн Пьер (1824–1898), французский художник

Р

Р. — Рерих Николай Константинович

Равал, индийский художник и художественный критик

Равель Морис (1875–1937), французский композитор

Радлов Василий Васильевич (1837–1918), русский ученый

Радославлевич Павел, профессор Нью-Йоркского университета, член Американского рериховского общества

Радхакришнан Сарвапалли (1888–1975), индийский философ

Райт Хагберг, директор Лондонской библиотеки

Рамакришна Гададхар Чаттерджи (1834–1886), индийский философ и общественный деятель

Раман Чандрасекхара Венката (1888–1970), индийский физик, лауреат Нобелевской премии

Рао Коданда, индийский деятель культуры, член Общества служителей Индии

Рапикаволи Кармело, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке

Распутин (наст. фамилия Новых) Григорий Ефимович (1872–1916) — приближенный императора Николая II и его жены Александры Федоровны

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), русский композитор, дирижер, пианист

Рая — Богданова Ираида Михайловна

Ределя, князь Косогов, легендарный богатырь (XI в.)

Рейн, профессор

Рейнер Мария Андреевна (Чайка), член Американского рериховского общества

Рейис Дютрейль де, путешественник

Рейтерн, коллекционер

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), русский философ, писатель

Ренан Жюль (1864–1910), французский писатель

Ренуар Огюст (1841–1919), французский художник

Ренц Алексей Евгеньевич, член Рижского рериховского общества

Ренц Роман, издатель в Дели, музыкант

Репин Илья Ефимович (1844–1930), русский художник

Рерих Борис Константинович (1885–1945), архитектор, брат Н. К. Рериха

Рерих Владимир Константинович (1882–1951), преподаватель, брат Н. К. Рериха

Рерих Девика Рани (1899–1994), индийская кинозвезда, жена С. Н. Рериха

Рерих Елена Ивановна (1879–1955), жена Н. К. Рериха, философ, писатель

Рерих Константин Федорович (1837–1900), адвокат, отец Н. К. Рериха

Рерих (ур. Коркунова-Калашни-кова) Мария Васильевна (1845–1927), мать Н. К. Рериха

Рерих Николай Константинович (1874–1947), русский художник, писатель, философ, историк, путешественник

Рерих Святослав Николаевич (1904–1993), художник, младший сын Н. К. Рериха

Рерих Татьяна Григорьевна (ум. 1953), архитектор, жена Б. К. Рериха

Рерих Федор Иванович, дед Н. К. Рериха

Рерих Юрий Николаевич (1902–1960), ученый, востоковед, старший сын Н. К. Рериха

Рескин Джон (1819–1900), теоретик искусства

Ригден-Джапо — "Красный всадник", в ламаистской мифологии — будущий Владыка Шамбалы

Рид Джон (1887–1920) — американский писатель и журналист

Рид Томас Майн (1818–1883), английский писатель

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), русский композитор

Рих. Яков. — Рудзитис Рихард Яковлевич

Робсон Поль (1898–1976) — американский певец и общественный деятель

Роден Огюст (1840–1917), французский скульптор

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), русский полководец

Роксана, жена султана Сулеймана Великолепного

Рокфеллер Дж. Д. старший (1839–1937), основатель американской финансовой группы

Роллан Ромен (1866–1944), французский писатель, музыковед, общественный деятель

Романов Константин Константинович (1858–1915), великий князь, президент Академии Наук

Рост Николай Федорович (1870–1960), русский художник, преподаватель Школы Поощрения Художеств

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), русский историк, археолог

Рубенс Питер Пауль (1577–1640), фламандский художник

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), русский

композитор, дирижер

Рублев Андрей (ок. 1360 — ок. 1430), русский иконописец

Рудзитис Рихард Яковлевич (1898–1960), латышский поэт, председатель Рижского рериховского общества

Рудра, профессор Аллахабадского университета

Рузвельт Теодор (1858–1919), 26-й президент США

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945), 32-й президент США

Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960), журналист, коллекционер

Рущиц Фердинанд Эдуардович (1870–1936), польский художник, педагог

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), русский поэт-декабрист

Рылов Аркадий Александрович (1870–1939), русский художник

Рябинин Константин Николаевич (1874–1953), врач Центрально-Азиатской экспедиции

С

Сааринен Эро (1910–1961), американский архитектор

Сабанеев, преподаватель Школы Общества Поощрения Художеств

Саверей Руланг (1576–1639), нидерландский художник

Савонарола Джироламо (1452–1498), итальянский монах, религиозный, политический реформатор

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830–1897), русский художник

Саксаганский Панас Карпович (1859–1940), украинский актер и режиссер

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), русский писатель

Самокиш Николай Семенович (1860–1944), русский художник

Сана — Муромцева Ксения Николаевна

Санин (Шенберг) Александр Акимович (1869–1955), русский актер и театральный деятель

Сарджент Джон Сингер (1856–1925), американский художник

Сарьян Мартирос Сергеевич (1880–1972), художник

Святогор, герой русских былин

Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна (ум. в 1942), княгиня, подруга М. К. Тенишевой

Святослав — Рерих Святослав Николаевич

С.Д. — Дев Санджива

Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич) (1887–1941), русский поэт

Сезанн Поль (1839–1906), французский художник

Селиванов, коллекционер, сотрудничал с Н. К. Рерихом в Обществе Поощрения Художеств

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), один из деятелей контрреволюции в Забайкалье

Сен Л.М., принципал Школы искусств в Лакнау

Сервантес Сааведра Мигель (1547–1616), испанский писатель

Сергий Радонежский (ок. 1315/19-1392), русский церковный и государственный деятель

Сергий (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944) патриарх всея Руси с 1943 г.

Сергий, митрополит

Серебрякова Зинаида Евгеньевна (1884–1967), русская художница

Серов Валентин Александрович (1865–1911), русский художник

Сеченов Иван Михайлович (1829–1905), русский физиолог

Сибелиус Ян (1865–1957), финский композитор

Сивананда, философ

Сикорский Стефан, деятель рериховских культурных учреждений в Нью-Йорке

Симонов Константин Михайлович (1915–1979), русский писатель и поэт

Синклер Эптон Билл (1878–1968), американский писатель

С.К.М. — Маковский Сергей Константинович

Склодовская-Кюри Мари (1867–1934), физик

Скрябин Александр Николаевич (1871/1872-1915), русский композитор, пианист, дирижер

Слепцов, коллекционер

СМ. — Шафран Софья Михайловна

С.М.Ш. — Шафран Софья Михайловна

Смирнов, антиквар

Собко Николай Петрович (1851–1906), русский искусствовед

Сократ (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ

Солари Пьетро Антонио (после 1450–1493), итальянский архитектор

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский философ

Соломон (ок. 960–935 до н. э.), царь объединенного израильско-иудейского государства

Сомервелл, профессор, коллекционер

Сомов Константин Андреевич (1869–1939), русский художник

Соня — Потоцкая Софья

Сорин, художник

Сормани Экберг, друг Брэгдона Клода

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968), социолог, политический деятель

Софокл (ок.495–406 до н. э.), древнегреческий поэт, драматург

Спенсер — Кэмпбелл Спенсер

Спицын Александр Андреевич (1858–1931), русский археолог

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), руководитель Советского государства

Сталь А. А., востоковед

Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938), русский режиссер, актер, театральный деятель

Станционi, художник

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906), русский художественный и музыкальный критик

Стебер Шарль, писатель

Стейн Аурел (1862–1943), английский археолог и востоковед

Стеллецкий, художник

Степа — Митусов Степан Степанович

Степанов, коллекционер

Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915), русский генерал

Стоилов, болгарский художник

Стоковский Леопольд (1882–1977), американский дирижер

Стоке Ф., член Американского рериховского общества

Сторк Уортон, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке, член рериховского общества

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), русский композитор

Стриндберг Август Юхан (1849–1912), шведский писатель

Строгановы, коллекционеры

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), русский журналист и издатель

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), русский полководец

Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946), русский художник

Сулейман Великолепный (1495–1566), турецкий султан

Суриков Василий Иванович (1848–1916), русский художник

Суриц Яков Захарович (1882 1952), советский дипломат

Сутро Флорентина (ум. 1940), американский меценат, деятель культуры, директор Школы этики

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), русский издатель

Т

Тагор Абаниндранат, индийский деятель культуры

Тагор Рабиндранат (1861–1941), индийский писатель и общественный деятель

Тампи К. П. П., индийский деятель культуры, секретарь рериховского общества, автор книг о Н. К. Рерихе

Тарле Евгений Викторович (1874–1955), русский историк

Татьяна Григорьевна — Рерих Татьяна Григорьевна

Твен Марк (1835–1910), американский писатель

Т.Г. — Рерих Татьяна Григорьевна

Тевяшов, коллекционер

Тенишева Мария Клавдиевна (1867–1928), меценатка, организатор Смоленской художественной школы и художественных мастерских в Талашкино

Тимур (Тамерлан) (1336–1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир

Тито Иосип Броз (1892–1980), деятель югославского и международного коммунистического движения, президент Югославии

Тихонов Николай Семенович (1896–1979), русский поэт и писатель

Тициан (ок. 1476/77 или 1489/90-1576), итальянский художник

Того Хэйхатиро (1847–1934), японский адмирал

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), русский писатель

Толстой Алексей Николаевич (1882–1945), русский писатель

Толстой Илья Львович, сын Толстого Л. Н.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель

Томас Нойз, токийский корреспондент газеты "News of the World"

Торнбулл Герберт, вице-президент Королевского общества Великобритании, физик

Траини, художник

Тренев, композитор

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), основатель Третьяковской галереи

Троилин, композитор

Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1867–1938), русский скульптор

Трумэн Гарри (1884–1972), 33-й президент США

Трюгве Ли — Ли Тригва

Туполев Андрей Николаевич (1888–1972), авиаконструктор

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель

Туше-Скалдинг Рихард Иванович де, барон

Тюльпинк Камилл (ум. 1946), президент Международного союза за Пакт Рериха

Тюнин, антиквар

Тютчев Федор Иванович (1803–1883), русский поэт

У

Уайльд Оскар (1854–1900), английский писатель

Угедей (1186–1241), монгольский великий хан

Уид Джозеф, президент Американо-Русской Культурной Ассоциации (АРКА)

Уистлер Джеймс (1834–1903), американский живописец

Уитней, коллекционер

Уоллес Генри Эгард (1888–1965), министр сельского хозяйства США в 30-е гг., вице-президент

Уотсон Дэвид Мередит Сире (1886–1973), английский палеонтолог

Успенский Петр Демьянович (1878–1949), философ

Уткин, художник

Уэллс Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель

Ф

Фабрициус Карел (1622–1654), голландский художник

Федор Иванович — Рерих Федор Иванович

Федоров Иван (ок. 1510–1583), основатель книгопечатания в России

Фельдман, художник

Фемида, в древнегреческой мифологии — богиня правосудия

Феофилактов Гурьян, русский художник

Фешин Николай Иванович (1881–1955), русский художник

Фидий (нач. V в. до н. э. — ок. 432–431), древнегреческий скульптор

Фильхнер Вильгельм (1877–1957), немецкий геофизик

Фиоравенти Аристотель (между 1415–1420 — ок. 1486), итальянский архитектор и инженер

Флавиан, Киевский митрополит

Фламмарион Камиль (1842–1925), французский астроном

Фогель, врач, член Американского рериховского общества

Фокин Михаил Михайлович (1880–1942), русский

балетмейстер, артист балета

Фомин Иван Александрович (1872–1936), русский архитектор

Фонтес Рауль де Сепулведа, писатель

Фосдик Дедлей (ум. 1957), музыкант, вице-президент Общества Агни Йоги в Нью-Йорке

Фосдик Джин, президент "Фламмы"

Фосдик Жанна, жена Джина Фосдика

Фосдик Зинаида Григорьевна (по первому мужу Лихтман) (1889–1983), директор Института Объединенных Искусств при Музее Н. К. Рериха в Нью-Йорке и вице-президент этого музея

Франкенталер, американский судья, решивший дело в пользу Хорша

Франклин — Рузвельт Ф. Д.

Франс Анатоль (1844–1924), французский писатель

Франсис — Грант Френсис

Франше д'Эспер, французский маршал

Св. Франциск Ассизский (1181–1226), основатель ордена францисканцев, монах

Фричи Гизелла Ингеборг (1899–1996), секретарь Правления общества Агни-Йоги в Нью-Йорке

Фролов Владимир Александрович (1874–1942), руководитель мозаичной мастерской при Академии Художеств

X

Х. — Хорш Луис

Халдар Асит Кумар (род. 1890), индийский художник

Халдэн, профессор

Халонен, финский художник

Ханенко Богдан Ильич, коллекционер

Харше Роберт (1879–1938), американский художник, искусствовед

Хейдок Альфред Петрович (1892–1990), писатель

Хелин Корины, издатель

Химона Николай Петрович (1865–1920), русский художник, педагог

Хладни Эрнст Флоренс Фридрих (1756–1827), немецкий физик

Ходлер Фердинанд (1853–1918), швейцарский живописец

Хольбейн Ханс Младший (1497 или 1498–1543), немецкий художник

Хорш Луис, член Правления Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке, ведающий финансовыми вопросами

Хорш Нетти, жена Луиса Хорша

Хусаин Рашид — Гусейн Рашид

Хэннах, английский политический деятель

Хюит Эдгар, доктор, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке

Ц

Цезарь Гай Юлий (102 или 100 — 44 до н. э.), римский диктатор, полководец

Ционглинский Иван (Ян) Францевич (1858–1912), русский художник

Цирков Борис (1902–1981), исследователь творчества Е. П. Блаватской

Циснерос Цезарь Диаз, профессор международного права

Цицерон Марк Тулий (106-43 до н. э.), римский политический деятель, оратор

Ч

Чайка — Рейнер Мария Андреевна

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), русский композитор

Чайтания Кришна, индийский деятель культуры

Чампел, лама

Чан-Кай-ши (1887–1975), китайский политический и государственный деятель

Чань-Чунь, даосский монах

Чаплин Чарльз Спенсер (1889–1977), американский актер, режиссер

Чаттерджи Сунити Кумар (1890–1977), индийский писатель, общественный деятель

Чаттопадия — Чаттонадхай Харидранат

Чаттонадхай Харидранат (р. 1898), индийский поэт

Черепнин Николай Николаевич (1873–1945), русский композитор, дирижер

Чернецовы Григорий Григорьевич (1802–1865), Николай Григорьевич (1805–1879), русские художники

Черный Данила, русский иконописец

Черчилль Сарра, дочь Уинстона Черчилля

Черчилль Уинстон Леонард (1874–1965), государственный и политический деятель Англии

Четвертинская — Святополк-Четвертинская

Чехов Антон Павлович (1860–1904), русский писатель

Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936), русский художник

Чжан-цзян, китайский путешественник (II в. до н. э.)

Чингис-хан (ок. 1155–1227), монгольский хан и полководец

Чионе Нардо ди, итальянский художник

Чирков, художник

Чистяков Павел Петрович (1832–1919), русский художник, педагог

Ш

Шабас, председатель художественного салона

Шагал Марк (1887–1985), русский художник и график

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), русская писательница

Шадр (Иванов) Иван Дмитриевич (1887–1941), русский скульптор

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), русский певец

Шампень Филипп (1602–1674), французский художник

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945), русский полководец

Шапошникова Мария Александровна, русская певица

Шауб-Кох Эмиль, член Швейцарского рериховского общества, профессор Академии художеств в Женеве

Шафран Софья Михайловна, мать З. Г. Фосдик, сотрудница Нью-Йоркского рериховского общества

Шв. — Шверник Николай Михайлович

Шверник Николай Михайлович (1888–1970), государственный и политический деятель

Шебуев, актер

Шебуев, журналист "Русского Слова"

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт, художник

Шекспир Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт

Шелом Аш Минский, писатель

Шибаев Владимир Анатольевич (1898–1975), секретарь Института Гималайских исследований

Шидловский, коллекционер

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805), немецкий поэт

Шипли Майнард, американский физик

Шиф Яков, банкир

Шишкин Иван Иванович (1832–1898), русский художник

Шк. — Шклявер Гаврила и Шклявер Георгий

Шклявер Гаврила Григорьевич, юрист

Шклявер Георгий Гаврилович (ум. 1970), юрист, профессор Парижского университета, секретарь общества Н. К. Рериха во Франции

Шмуц, фельдмаршал

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), русский писатель

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), русский композитор

Шоу Бернард (1856–1950), английский драматург

Шрак Эрл, директор Академии искусств рериховского общества

Шримати Пандит — Виджайя Лакшми Пандит

Штетиниус, министр в правительстве США

Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884), управляющий государственным банком, основатель Центрального училища технического рисования в Петербурге

Шуваловы, русский графский род, известный своими коллекциями художественных ценностей

Щ

Щавинский Василий Александрович (1868–1923), русский инженер, химик, реставратор картин, коллекционер

Щеголев, представитель ТАСС в Шанхае в 1946 г.

Щербатов Сергей Александрович (ум. 1962), художник, коллекционер

Щербатский — Щербатской Ф. И.

Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942), русский востоковед, индолог, тибетолог

Щербиновский Дмитрий Анфимович (1867–1926), русский художник

Щербов, художник, ученик Куинджи А. И.

Щукарев, преподаватель Академии Художеств

Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939), русский архитектор

Щусев Алексей Викторович (1873–1949), русский архитектор

Э

Эддингтон Артур Стэнли (1882–1944), английский астрофизик

Эйнштейн Альберт (1879–1955), физик-теоретик, создатель

теории относительности

Эль Греко Доменико (1541–1614), испанский живописец

Эмполи, художник

Энгр Жан Опост Доминик (1780–1867), французский художник

Энгельс Фридрих (1820–1895), один из основоположников коммунизма

Эпстейн — Эйнштейн

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), русский писатель, публицист, общественный деятель

Эрли, американский дипломат

Эрнст Сергей Ростиславович (1895–1980), русский искусствовед

Эрнст, адвокат Хоршей

Эттли Клемент Ричард (1883–1967), политический и государственный деятель Англии

Эшенбах Вольфрам, автор песни о Граале

Ю

Юон Константин Федорович (1875–1958), русский художник

Юпатов Валентин, художник

Юрий — Рерих Юрий Николаевич

Юсуповы, русский княжеский род. Известны своими коллекциями художественных ценностей.

Юша — Рерих Ю. Н.

Я

Якобсон Роман Осипович (1896–1982), литературовед, коллекционер

Яков I (1566–1625), король Англии и Шотландии

Яковлев Василий Николаевич (1893–1953), русский художник

Яременко Александр В., составитель альбома Н. К. Рериха, писатель

Яремич Степан Петрович (1869–1939), русский художник, историк искусства, коллекционер

Ярослав Мудрый (ок. 978-1054), великий князь киевский

Ярославна — Анна Ярославна

Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943), советский государственный и политический деятель

Указатель географических названий

А

Аджанта, населенный пункт в Западной Индии, близ которого расположен комплекс пещерных храмов и монастырей (II в. до н. э. — VII в. н. э.)

Алтай, горы

Альбукерк, г. в США

Альтамира, пещера в Испании с красочными настенными рисунками

Амритсар, г. в Индии

Англия — Великобритания

Антверпен, г. в Бельгии

Анурадхапура, г. в Шри Ланке

Арарат, гора на востоке Турции

Ардаган, г. в Турции

Ассам, штат в Индии

Атланта, г. в США

Ахмедабад, г. в Индии

Б

Бавария, историческая область Германии

Балканы, горы

Баратпур, княжество

Барода, княжество в Индии

Беас, река на северо-западе Индии

Белуха, горная вершина Алтая

Бенарес, г. в Индии

Бенгалия, штат в Индии

Белград — Белград

Бомбей, г. в Индии

Боробудур, буддистское святилище на о. Ява (VIII в.)

Бостон, г. в США

Брамапутра, р. в Индии

Бранденбург, г. в Германии

Брюгге, г. в Бельгии

Бутан, королевство в Гималаях

Буффало, г. в США

В

Вавилон, древний город в Месопотамии
Валаам, о-в в Ладожском озере
Вейссенбург, г. в Германии
Великая, р.
Верден, г. во Франции
Вильно — Вильнюс
Волга, р.
Волосово, г. в Ленинградской обл.
Вюрцбург, г. в Германии

Г

Гавайи, о-ва
Гайдерабад — Хайдерабад
Галапагосские о-ва
Гельсингфорс — Хельсинки
Гепанг, горная вершина
Гетеборг, г. в Швеции
Гималаи, горы
Гоа, территория португальской Индии
Голландия — Нидерланды
Гонолулу, г. на Гавайских островах
Горакпур, г. в Индии
Грасс, г. во Франции
Гренобль, г. во Франции
Гуджарат, штат в Индии

Д

Дакка, г. в Бангладеш
Дальний Восток
Дамаск, г. в Сирии
Данциг, г. в Польше
Дарджилинг, г. на северо-востоке Индии
Детройт, г. в США
Джайпур, г. в Индии
Днепр, р.
Догчу, р. в Тибете
Доминиканская республика
Дюнкерк, г. во Франции

З

Загорск (Сергиев Посад)
Заполье, пос. в Ленинградской обл.

И

Иматра, водопад
Инд, р.
Индиана, штат в США
Индора, княжество в Индии
Ипр, г. в Бельгии
Иртыш, р.

К

Кавказ, горы
Калимпонг, г. на северо-востоке Индии
Калинин — Тверь
Калифорния, штат в США
Калькутта, г. в Индии
Кам — Кхам
Кандахар, г. в Афганистане
Канди, г. в Шри Ланке
Канченджанга, горный массив в Гималаях
Карпаты, горы
Каре, г. в Турции
Кашмир, штат в Индии
Кветта, г. в Индии
Кенигсберг — Калининград
Кливленд, г. в США
Коимбра, г. в Португалии
Коннектикут, штат в США
Кочин, княжество в Индии
Краков, г. в Польше
Красноград, г. на Украине
Крым, п-ов
Кулу (Кулута), долина
Кунь-Лунь, горы
Кут-Эль-Амара, г. в Ираке
Куэн-Лун — Кунь-Лунь
Кхам, историческая область в юго-восточном Тибете

Л

Лагор — Лахор Ладакх, историческая область в Западных Гималаях
Ладожское оз.
Лакхнау, г. в Индии
Лахор, г. в Пакистане
Лахуль, историческая область в Западных Гималаях
Лемнос, о-в в Эгейском море
Леможа, пос. в Ленинградской обл.
Ленинград — Санкт-Петербург
Либерти, г. в США
Линц, г. в Австрии
Лион, г. во Франции
Лох-Несс, оз. в Шотландии
Луизиана, штат в США
Лхаса, столица Тибета
Лювен, г. во Франции
Люкноу — Лакхнау

М

М. — Москва
Мадисон, г. в США
Мадрас, г. в Индии
Мадура (Мадурай), г. в Южной Индии
Майсор, г. в Индии
Макалу, вершина в Гималаях
Малабар, историческая область в Южной Индии
Мальме, г. в Швеции
Мальта, о-в
Манали, поселок в долине Кулу
Манасаровар, оз.
Мандалай, г. в Бирме
Манди, г в предгорьях Западных Гималаев
Миами — Майами
Милан, г. в Италии
Мисур — Майсор
Миссури, штат в США
Мичиган, штат в США
Мойка, р.
Монблан, вершина в Альпах
Монреаль, г. в Канаде

Мета, р.

Н

Нагтар, район в северо-западной Индии
Нагпур, г. в Индии
Нагчу, г. в Тибете
Назик, г. в Индии
Неаполь, г. в Италии
Непал, королевство в Гималаях
Нерль, р.
Нислот, г. в Финляндии
Ницца, г. во Франции
Новая Зеландия
Нью-Джерси, штат в США
Нью-Мексика — Нью-Мексико Нью-Мексико, штат

О

Огайо, штат в США
Оксфорд, г. в Англии
Ордос, плато в Китае
Орисса, шпкгт в Индии

П

Павловск, г. в Ленинградской обл.
Палермо, г. в Италии
Памир, горная страна
Пенджаб, штат в Индии
Перуджия, г. в Италии
Пешавар, г. в Афганистане
Пиза, г. в Италии
Пирос, озеро на северо-западе России
Пиринеи, горы
Помпеи, г. в Италии
Потсдам, г. в Германии
Почаев, г. на Украине
Пуна, г. в Индии

Р

Реймс, г. во Франции
Родос, о-в
Росс, форт в США
Ротанг, горный хребет на северо-западе Индии

С

Саарема, о-в в Балтийском море
Сан-Антонио, г. в США
Сан-Луис, г. в Бразилии
Санта-Фе, г. в США
Сан-Франциско, г. в США
Сердоболь — Сортавала
Сиенна, г. в Италии
Сикким, штат в Индии
Симла, г. в Северной Индии
Синьцзян, провинция Китая
Сицилия, о-в в Средиземном море
Сортавала, г. в Карелии
Спитуг, монастырь в Ладаке
Суматра, о-в
Сунгари, р. в Китае
Суоми — Финляндия
США — Америка

Т

Таксила, древнее поселение (ок. VI в. до н. э. — VII в. н. э.) возле г. Равалшинди в Пакистане
Талашкино, имение М. К. Тенишевой, близ Смоленска
Тангла, хребет на Тибетском нагорье в Китае
Тенесси, штат в США
Тери-Гархвал, г. в Индии
Термез, г. в Таджикистане
Техас, штат в США
Траванкор, г. в Индии
Тривандрум, г. в Индии
Триполи, г. в Италии
Тулола, о-в на Ладожском озере
Турку, г. в Финляндии
Тяньцзинь, г. в Китае

У

Урга — Улан-Батор
Урумчи, г. в Китае — 578
Урянхай — Уренгой

Ф

Филадельфия, г. в США
Филиппины, о-ва
Фландрия, провинция Нидерландов
Флоренция, г. в Италии
Флорида, штат в США
Фонтенбло, г. во Франции
Фриско — Сан-Франциско

Х

Хайдерабад, г. в Индии
Хайфа, г. в Израиле
Хартворд — Хартфорд
Хартфорд, г. в США
Хиросима, г. в Японии
Хотан, г. на западе Китая
Хьюстон, г. в США

Ц

Цейлон — Шри Ланка
Чифу — Яньтай

Ш

Шанхай, г. в Китае
Шербург, г. во Франции
Шигадзе, г. в Тибете
Шри Ланка, о-в

Э

Эверест (Джомолунгма), высочайшая вершина мира

Элефанта, о-в в Индийском океане, где расположены пещерные храмы

Эллада — Греция

Эллора, населенный пункт в Западной Индии, близ которого высечены в скале буддийские, брахманские и джайнистские храмы (VI–XIII вв.)

Эльба, о-в в Тиренском море

Я

Ява, о-в

Яньтай, г. в Китае

Алфавитный указатель очерков

24 Марта (01.03.1944)
24 Марта 1942
In India
Quaerens quern devoret

A

"А вор так ни в чем и не виноват?"
А. А. Игнатьев. "Пятьдесят лет в строю"
А.П.Х. (02.04.1947)
А.П.Х. (18.09.1946)
Аввакум (А.П.Х.)
Америка (02.03.1943)
Америка (05.04.1943)
Америка (06.02.1942)
Америка (07.05.1943)
Америка (07.08.1942)
Америка (07.12.1941)
Америка (09.05.1942)
Америка (10.04.1942)
Америка (10.12.1942)
Америка (12.08.1943)
Америка (12.08.1943)
Америка (12.10.1942)
Америка (14.07.1943)
Америка (14.09.1942)
Америка (15.06.1942)
Америка (16.11.1942
Америка (22.07.1942)
Америка (24.06.1942)
Америка (24.06.1943)
Америка (24.07.1943)
Америка (24.08.1942)
Америка (25.09.1942)
Америка (26.08.1943)
Америка (27.04.1942)
Америка (27.05.1943)
Америка (28.02.1942)
Америка (29.11.1942)
Америка (30.09.1943

Америка (30.10.1942)
Америка (31.01.1943)
Америка (31.12.1942)
Антиклеветин
АРКА (01.06.1944)
АРКА (14.01.1943)
АРКА (14.03.1944)
АРКА (14.05.1946)
АРКА (14.09.1943)
АРКА (16.03.1943)
АРКА (18.02.1943)
АРКА (18.02.1944)
АРКА (24.04.1943)
АРКА (29.05.1942)
Армагеддон Культуры

Б

Бабенчиков
Битва
Битва
Благодушно
Богатство
Болезнь лжи
Борис
Борьба за Культуру
Булгаков (14.02.1947)
Булгаков (24.06.1946)
Булгакову
Бывальщина

В

В АРКА
В будущее
В Москву (09.01.1943)
В Москву (28.03.1947)
В Шанхай
Вазари
Вдаль
Великое добро
Великолепная работа

Верь — не верь
Вестники
Весточка
Взлеты
Вибрации
"Вивите фортес"
Во славу
Военная тропа
Возражения
Воины!
Вперед (01.02.1945)
Вперед (01.05.1946)
Вперед (01.05.1947)
Вперед (03.06.1942)
Вперед (15.10.1944)
Вперед (24.03.1945)
Выдумщики

Г

Ганди
Герои
Героический реализм
Геростраты
Гималаи
Грабарь (02.04.1947)
Грабарь (03.09.1945)
Грабарь (12.05.1947)
Грабарь (13.07.1947)
Грабарь (15.10.1946)
Грабарь (16.04.1946)
Грабарь (16.05.1947)
Грабарь (17.02.1947)
Грабарь (18.05.1945)
Грабарь (20.06.1946)
Грабарь (20.08.1946)
Грабарь (24.03.1947)
Грабарь (25.04.1944)
Грабарь (28.04.1947)
Грабарь (апрель 1946)
Грабарю (07.12.1946)
Грабарю (20.01.1947)
Грабарю (23.10.1946)

Грабарю (24.11.1945)
Грозное время
Грозные дни
Грустное

Д

Давно
Движение
Дела!
Диковины
Динозавры
Для будущего
Добрая мысль
Добрые вести
Дозор (01.02.1947)
Дозор (07.04.1944)
Дозор (20.10.1946)
Доплывем
Доплывем
Дорогая наша В. Л.
Дорогая наша сотрудница
Дорогой друг В. Ф.
Дорогой друг Валентин Федорович
Дорогой друг Игорь Эммануилович
Дорогой друг мой Игорь Эммануилович
Древности
Другу (17.12.1945)
Другу (20.12.1945)
Другу (22.10.1946)
Дружество
Дружно
Друзья Востока
Друзья!
Друзьям (18.10.1947)
Друзьям (23.12.1946)
Друзьям "Знамени Мира"
Дума
Душное лето

Е

Единение

Ж

Жарко
Жданные сроки
Ждать и надеяться
Ждем
Живем
Жизнь
Жуть

З

За Культуру
За Русь!
Заботно
"Забытый"
Зажигайте сердца
Знаки
Знаменосцы
Знамя Мира (04.01.1944)
Знамя Мира (24.09.1944)
Знамя Мира (24.10.1945)
Зов о Культуре

И

И так бывало
Из переписки
Из переписки
Из письма Зинаиды Г.
Из письма Зины
Из Шанхая
Индия
Истинность

К

К будущему (24.01.1942)

К будущему (25.01.1944)
Каменный век
Камни проклятые
Катакомбы
Конец войны
Корабль Культуры
Красота
Кредо
Круги
Крылья Победы
Культура (06.12.1943)
Культура (07.01.1944)
Культура (14.10.1943)
Культура (14.11.1943)
Культура (15.06.1944)
Культура (18.05.1944)
Культура (21.01.1944)
Культура (22.12.1943)
Культура (28.10.1943)
Культура (28.11.1943)
Культура
Культура! (26.08.1942)
Культура, где ты?

Л

Ладно ли?
Летопись
Лига Культуры
Лик Индии
Лонак
Любите Родину

М

М.М.Л.
Март
Мера искусства
Метеоры
Мир всему живущему
Мир движется
Мистицизм

Много примеров
Мозаика
Монгольская песня
Москва
Мясин

Н

На вышке
На дозоре
Напоминайте
Народная Академия
Народная Победа
Наше Знамя
Не болей!
Неблагодарность
Неисправимые
Непосланное
Несказуемое
"Не укради"
Новое
Новые друзья
Новый Год (01.01.1945)
Новый Год (01.01.1946)
Новый Год (15.12.1946)
"Новый Мир"

О

О будущем
Оборона Культуры
Обращение к Лиге Культуры
Общее благо
"Огонь — на меня!"
Огрубение
Оптимизм
Опять труд
Осколки
Особенное
Отвечаю
Очаги красоты

Памятка (03.12.1943)
Памятка (14.08.1946)
Памятка (24.02.1945)
Памятки
Памятный день
Пандитджи
Первое мая
Переживем
Переоценка
Переустройство мира
Печаль
Письмо
Плач
По дружбе
Победа радости
Победа
Повторения
Подвиг
Подделки
Поддельная Европа
Подивитесь
Поздно
Показания
Посевы (06.06.1943)
Посевы
Поспешим
Посылки
Почему?
Прага
Прекрасный путь
Преодолеваем
Преодолевайте
Преодоления
Призраки
Проблемы
Проверка
Продвижение
Пройдет
"Промыслы"
"Пуп земли"
Пути

Р

Радоваться вам!
Радоваться
Радостно
Радость народа
Радость
Репин
Респице финем!
Рим
Римский-Корсаков
Родные наши
Русский век
Русский музей
Русскому литовцу
Русскому народу
Русскому сердцу
Русь — Индия
Русь (04.07.1945)
Русь (16.12.1945)
Рущиц — Вроблевский
Рылов

С

Сад
Санта Фе
Сбережем
Светику
Свобода познания
Семья художества
Сергиева Лавра
Сердце
Сеятели
Сила народа
Сингапур
Сказано
Сказка
Сколько
Скорей!
Скоро
Слава!
Славный уход

"Славяне"
Сложно
Сложности
Служители Индии
Служители
Случаи
Смятение
Собиратели
Собрания
Сокровище
Сотрудники
Сотруднику
Сотрудница
Сотруднице (01.02.1947)
Сотруднице (02.09.1946)
Сотруднице (16.12.1946)
Сотруднице (19.04.1947)
Спеши
Спешим
Спешно (01.05.1945)
Спешно (01.08.1944)
Срывы
Старые письма
Странники
Странно
Странности
Страсти
Стройка
Судьба

Т

Тартюф
Твердим
Театр
Тернии пути
Терпите
Торнадо
Труд
Трудно (01.04.1947)
Трудно (15.07.1945)
Трудные дни (14.08.1942)
Трудные дни (15.01.1946)

Трудовой сезон

У

Украина
Упаси!
Утрясется

Ф

Финляндия
Флюгера

Х

Хвосты и когти
Холст
Хорошее
Хорошо ли?
Художники

Ц

Ценный памятник должен быть сохранен

Ч

Чайка
Час Культуры
Человечность
Четвертый год
Четверть века (07.02.1945)
Четверть века (07.03.1942)
Что ж такое?
Чутье

Ш

Шамбала

Шанхай (04.09.1946)
Шанхай (27.02.1947)
Шептуны
Шестая колонна
Шестой год

Э

"Эволюции"
Эфемериды

Ю

Югославия

Я

Языки
Ярость

notes

Примечания

1

Рерих Николай. Листы дневника. Т. III. М., МЦР, 1996, с. 225

2

Там же, с. 338

3

Там же, с. 210

4

Там же, с. 381

5

Там же, с. 217

6

Там же, с. 174

7

Там же, с. 375

8

Рерих Николай. Листы дневника, с. 14

9

Там же, с. 311

10

Там же, с. 51

11

Там же, с. 84

12

Там же, с. 310

13

Там же, с. 210

14

Там же, с. 293

15

Там же. с. 97

16

Часть индийского эпоса "Махабхарата", посвященная религиозно-философским проблемам.

17

Н. К. Рерих цитирует по памяти. У Тютчева:
"Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать.
В Россию можно только верить".

18

Деятели Рериховского движения США, объединившиеся вокруг журнала "Фламма".

19

В ведической мифологии — пастушки, возлюбленные бога Кришны.

20

Популярный индийский эпос, энциклопедия истории, знаний, обычаев и верований.

21

Зинаида Григорьевна Фосдик.

22

Доля, акция

Русского Красного Креста.

24

Непрочные объединения монголо-тибетских родов на северо-востоке Тибета.

Американо-Русская Культурная Ассоциация (АРКА).

Индо-Русская Культурная Ассоциация.

27

Милосердное, Истинное, Прекрасное (санскр.) — Доброе напутствие, благопожелание. Иногда им заканчивают письменные обращения или книги.

28

Сочинение Лао-Цзы, переводимое как "Указатель Пути".

29

Путь — символ Абсолюта, Бесконечности.

30

В древнеиндийском религиозном умозрении и исходящих из него философских учениях — высшая объективная реальность, безличное абсолютное духовное начало, из которого возникает мир со всем, что в нем находится; познается лишь высшей религиозной интуицией, лежащей в основе целостного опыта.

31

Состояние высшей собранности и гармонии, сосредоточение мысли на каком-нибудь объекте, которое достигается путем созерцания.

32

Дедлей Фосдик.

Елена Ивановна Рерих.

Брошюр, буклетов.

35

Театральные представления, изобилующие различными "преступлениями", ужасами.

36

В августе 1942 г. в Индии произошли выступления народных масс ("Августовская революция 1942 г."), вызванные арестом английскими властями руководителей партии "Индийский национальный конгресс".

37

Речь идет о плане расчленения Индии на два государства по религиозному признаку: Индийский союз — с населением, исповедующим индуизм, и Пакистан — с населением, исповедующим ислам.

38

Загадка.

39

Редфильд.

40

Очевидно, Сторка.

41

Хорша.

Держателей акций.

43

Рерих Борис Константинович.

44

Потрепанный военный лидер.

45

Героическое ископаемое.

46

Нью-Йорк, 22 сентября. В США растет преступность, отмечает ФБР. Глава ФБР Эдгар Гувер сообщил съезду начальников полиции следующее: "Преступность определенно растет. Подростковая преступность растет быстрее. И если только наша работа не улучшится, мы сможем ожидать новую эру законопослушания по всей стране после войны". Рейтер.

47

В Новгородской земле XIV–XV вв. члены вооруженных дружин, формировавшихся для захвата земель на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волге.

48

Представления, чаяния.

49

Собрание священных текстов буддистов.

"Мир Огненный".

51

Очерк. См. настоящий том, стр. р72 77.

52

Френсис Грант.

Святослав Николаевич Рерих.

54

"Небесная Страна", олицетворение грядущей эволюции, сокровенное место в Гималаях, где находится Община Держателей и Носителей Будущего Мира.

55

Священный сосуд, хранящийся в замке Монсальват, в который собрана кровь Иисуса из раны, нанесенной легионером. Символ чистой высокой цели.

56

Члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного около 1187 г. Упразднен в 1312 г.

57

Участники еретического движения южной Франции XII–XIII вв.

58

Одно из монгольских племен.

59

Перевод Н. Л. Некрасовой.

Борис Константинович Рерих.

61

Через тернии к звездам.

62

Помни о конце (не упускай из виду конца начатого дела).

63

Эпоха богини Кали, "черная эпоха"

Новая счастливая эра справедливости

65

Кампания слухов

Ось Рим-Берлин-Токио

67

В индуизме — воплощение бога Вишну в облике героев, совершающих подвиги на земле

68

Горные породы, состоящие из продуктов вулканического извержения

69

Верховный суд

70

Знание

71

Невежество

72

Один из видов мегалитических памятников; вертикально врытые землю длинные камни

73

Германская национальная эпическая поэма

Превосходная степень

И всякие другие

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

77

Фрагмент из одноименной книги А. А. Игнатьева. Т. 1–4. М., 1941–1944.

К высотам через все препятствия

Знатные люди

80

Пригород Мадраса, где расположено Теософское общество (наименование получено от названия реки, протекающей по его территории)

Список составлен Н. К. Рерихом. В этих периодических изданиях публиковались его очерки

82

В Индии: "Твенти сенчури", "Модерн ревью", "Сколар", "Хиндустан ревью", "Вижн", "Пис", "Мира", "Кальян", "Сакви", "Прабудха Бхарта", "Веданта Кесари", "Кумар", "Маха Бодхи", "Буддист", "Лидер", "Арт энд Калче", "Калче", "Дивайн лайф", "Янг Билдер", "Эдюкейшн ревью", "Малабар геральд", "Дон оф Индия", "Ол Индия Уикли", "Колледж мэгэзин", "Хиндустан", "Санкит", "Рошини", "Че-хословак", "Теософист", "Аутлук", "Вижва Бхарти", "Мисиндия", "Кочин Аргус", "Шри читра Югам", "Навадживан", "Фри Индия", "Пен-Френд", "Босат", "Янг Цейлон", "Индиан ревью", "Комрад", "Ист энд Уэст", "Холкар колледж тайм", "Дон", "Филд-Мадрас", "Скаут", "Нью-Аутлук", "Упасана", "Олд Колледж", "Калпака", "Ревью оф философи энд релиджн".

83

Накладная

Хорш Луис, Хорш Нетти, Лихтман Эстер

85

Доля, акция.

86

Посылка.

Рерих Н.К.

Напутствие Иоанна Кронштадтского.

Агни Йоги.

Самоотверженность (selflessness, англ.).

Эгоизм (selfishness, англ.).

Описки, опечатки (erratum,лат,).

93

Народный артист Советского Союза.

Злословие, клевета.

Ассоциированные члены.

Атлантическая хартия.

дюймов (1 дюйм равен 2,5 см)

"Вечный покров".

99

О времена! О нравы! (лат.)

100

Капля камень точит.

101

Акционеры

Земиндар — землевладелец, богатый человек.

103

Обращение к Дутко Валентине Леонидовне.

См. II том настоящего издания.

105

В официальных советских сообщениях Жданов Андрей Александрович (секретарь горкома и обкома Ленинграда в 1934–1944 гг.) упоминался как организатор защиты Ленинграда, проявивший себя при спасении памятников Культуры. Отсюда и мнение Н. К. Рериха о Жданове как о крупном культурном деятеле.

106

Адресовано Морису Лихтману

107

Хейдоку Альфреду Петровичу.

108

Обиталище демонов, ад кромешный.

109

Каноническое собрание текстов буддизма.

110

Русское достижение — единство в разнообразии.

111

Гусев А. В.

Организация Объединенных Наций.

113

Министерство иностранных дел.

114

Разменная монета древних греков. Греки клали ее в рот умерших как плату Харону за перевоз.

115

В древних религиях — символ производительной силы природы.

"Вопросы просвещения" ("Educational review").

117

Название смерча над сушей в Северной Америке.

118

Адресовано Дутко Валентине Леонидовне.

119

Общество популяризации языка и литературы хинди.

Николая Рериха.

121

Рериха.

"До свидания! Вы ужасны!"

123

Развлечение.

Целесообразность.

125

Ускоренный

126

Глупо.

127

"Не многое, но много" (лат.) — в немногих словах, но много по содержанию.

128

Камера ужасов.

129

Нахальны, вызывающи, высокомерны (фр.).

Очевидно, Кабалевский.

131

Сундучок, ящик.

А. Каррель. "Человек неизвестный". Париж, 1935.

133

По всей видимости, адресовано Дутко В. Л.

134

Девиз.

135

Альфреду Петровичу Хейдоку

136

Дорогой и любимый.

137

Лихтману Морису.

138

Сорт холста.

139

"На войне, как на войне".

140

Доносчики, клеветники, шантажисты.

141

Из Хьюстона (Техас).

Булгаков.

143

Совет безопасности.

Даосийском.

145

Дао — путь, абсолютный дух.

146

"Малая Колесница" — одна из двух разновидностей буддизма.

147

Дутко Валентине Леонидовне.

148

Важнейшее религиозно-философское сочинение индуизма, входит в "Махабхарату".

149

Ничему не удивляться.

150

Дутко Валентине Леонидовне.

151

Обратная тактика

152

Христиане, последователи несторианства. Течение возникло в Византии в V в. Основатель — Несторий, патриарх Константинопольский (428–431). Широко распространено в Азии.

153

Последователи религиозного дуалистического учения о борьбе добра и зла, света и тьмы, основанного в III в. Распространено в Персии, Средней Азии, Индии.

154

В немногих словах, но много по содержанию.

155

Издательский проспект

156

Такова жизнь (фр.).

157

Даосскому.

158

Женой художника Альфонса Мухи.

159

Бахвальство, фанфаронство (фр)

Рерих Т. Г.

"Открытие Индии" (В нашей стране книга была впервые издана в Москве в 1955 г.).

162

Морис Лихтман. (Иногда, по русскому обычаю, Н. К. Рерих называл его Морис Морисович).

163

"Книги имеют свою судьбу"

Texace.

165

Иеремиада — слезная, плачевная жалоба.

166

Подполковник.

167

Пропуск в подлиннике.

168

Доверенный

169

Членам шанхайской группы.

Фосдики Зинаида Григорьевна и Дедлей.

"Кто замышляет злое в своем сердце —
Пусть его сердце истлеет!
Кто протягивает к нему свою руку —
Пусть его руку отсекут!
Кто смотрит на него со злостью —
Пусть его глаз ослепнет!
Кто причинит вред мосту —
Пусть родится в Аду!"

172

Мегалитические сооружения, вертикально врытые в землю камни.

173

Заключительная часть Вед, основа всех ортодоксальных религиозных систем Индии.

174

Памятники древнеиндийской литературы, священные книги индуизма, содержат легенды и мифы.

175

Монах-ученый.

Доносчиков, клеветников, шантажистов.

177

"Анжелюс", или "Вечерний звон", — картина Ж. Ф. Милле, находившаяся в Лувре.

художественное

179

Разгадка, изобретение, выдумка, измышление

180

Отделение, филиал

181

Чиновник для особых поручений в Китае.

182

Кого бы поглотить.